

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
профессионального образования
«Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова»

На правах рукописи

Костякова Юлия Борисовна

**Формирование массово-информационных пространств
Хакасии и Горного Алтая в контексте реализации государственной
информационной политики (1922–1991 гг.)**

07.00.02 – Отечественная история

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Научный консультант – доктор исторических наук,
профессор Артамонова Надежда Яковлевна

Абакан–2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
Глава 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ, ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ.....	28
1.1. Теоретическое обоснование проблемы исследования.....	28
1.2. Степень изученности проблемы	53
1.3. Источниковая база исследования.....	94
Глава 2. СТАНОВЛЕНИЕ МАССОВО-ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРОСТРАНСТВ ХАКАСИИ И ГОРНОГО АЛТАЯ (1922 Г. – ИЮНЬ 1941 Г.).....	116
2.1. Предпосылки возникновения массово-информационного пространства.....	116
2.2. Создание региональной системы средств массовой информации в контексте реализации государственной информационной политики.....	141
2.3. Организация аудитории и авторского актива средств массовой информации Хакасии и Горного Алтая.....	171
2.4. Изменение содержания средств массовой информации в условиях усиления партийно-политического контроля.....	207
Глава 3. МАССОВО-ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПРОСТРАНСТВА ХАКАСИИ И ГОРНОГО АЛТАЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1941–1953 ГГ.).....	244
3.1. Особенности функционирования системы средств массовой информации	244
3.2. Взаимодействие средств массовой информации и аудитории в процессе формирования «образов» врага и героя.....	275
3.3. Изменение состава авторов публикаций в условиях войны и политических кампаний.....	302
3.4. Приемы и формы организации медиаинформации в публикациях средств массовой информации в период войны и «позднего сталинизма».....	335
Глава 4. МАССОВО-ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПРОСТРАНСТВА ХАКАСИИ И ГОРНОГО АЛТАЯ В ПЕРИОД ПРОМЫШЛЕННОГО ОСВОЕНИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ (1954–1991 ГГ.).....	372
4.1. Влияние политического и экономического факторов на развитие системы средств массовой информации.....	372
4.2. Изменение авторского состава средств массовой информации в условиях реформирования советского общества.....	404

4.3. Воздействие аудиторного фактора на содержание средств массовой информации.....	433
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	471
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	487
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	544

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Построение информационного общества в России актуализирует изучение адаптации средств массовой информации и личности к новым политическим и информационным условиям существования, в том числе в историческом аспекте. Историю России и, прежде всего, ее советский период можно рассматривать как историю развития коммуникативных связей и создания коммуникационных систем нового типа, позволявших распространять, пропагандировать и укреплять в сознании граждан коммунистические идеи и идеологические установки. Особый интерес в этом плане представляет опыт реализации в СССР государственной информационной политики. Последняя может трактоваться как «способность и возможность субъектов политики оказывать воздействие на сознание, психику людей, их поведение и деятельность в интересах государства и гражданского общества с помощью информации»¹. На государственном уровне она приобретает централизованный характер и реализуется, в том числе и с использованием СМИ, как составная часть внутренней и внешней политики, охватывая все сферы жизнедеятельности общества.

В советский период государственная информационная политика включала в себя не только управление и контроль за деятельностью средств массовой информации, но и формирование политических, экономических, технических и организационных условий их функционирования. Концептуальной основой такой политики выступало учение марксизма-ленинизма, нормативную базу составляли постановления ЦК ВКП(б)–КПСС, главным принципом такой политики являлся принцип политической целесообразности. При этом права граждан на полноценный доступ к информации не соблюдались, а государственные интересы в информационной сфере отождествлялись с интересами правящей партии. Однако несомненным достижением со-

---

¹ Попов В. Д. Государственная информационная политика: состояние и проблемы формирования // Массовые информационные процессы в современной России: очерки / отв. ред. А. В. Шевченко. М.: Изд-во РАГС, 2002. С. 20.

ветской информационной политики можно назвать формирование единого информационного пространства в результате централизованного создания разветвленной системы СМИ и включения в информационные процессы практически всех жителей страны.

Происходившие в советский период расширение системы средств массовой информации (за счет создания радиовещания, телевидения и новых типов периодических изданий), формирование многочисленной аудитории и журналистского корпуса, вовлечение в массово-информационную деятельность граждан, не обладавших журналистским опытом, способствовали усложнению структуры информационного пространства и вычленению в нем особого – массово-информационного – пространства (МИП). Возникновение и существование такого пространства являлось результатом специфической – массово-информационной деятельности людей по установлению и поддержанию взаимодействия и взаимовлияния средств массовой информации, аудитории, авторов публикаций и медиаинформации. В таком пространстве под влиянием информационного взаимодействия СМИ и других субъектов формировались мировоззрение и мировосприятие, массовое и историческое сознание советских граждан, их представления о действительности. Это обуславливает актуальность изучения различных аспектов деятельности советских СМИ в контексте реализации государственной информационной политики. Среди них наиболее важными является выявление особенностей их взаимодействия с властными структурами, аудиторией и внештатными авторами, основных тенденций изменений редакционной политики, методов и приемов организации и подачи медиаинформации, подходов к созданию содержания средств массовой информации.

Централизованное формирование массово-информационных пространств страны и отдельных регионов, как одно из направлений реализации политики советского государства в сфере СМИ, позволяло осуществлять массированное и эффективное воздействие на сознание, психику людей и их поведение в интересах власти. Поэтому **научная значимость** темы диссер-

тационного исследования обусловлена необходимостью создания целостного представления об особенностях взаимодействия и взаимовлияния СМИ, аудитории, авторов публикаций и медиаинформации в контексте государственной информационной политики в советский период. При этом особый интерес представляет формирование и трансляция средствами массовой информации идеологических, психологических, культурных и других «образов». Выявление механизмов создания и тиражирования СМИ таких «образов», как своеобразных психолингвистических «сгустков» общественно-значимой информации, и восприятия их аудиторией позволяет определить степень влияния СМИ, служивших проводником политических идей, на общество.

Формирование массово-информационных пространств Хакасии и Горного Алтая ранее не являлось предметом научного интереса. Не изучались в широкой исторической перспективе процессы становления, развития и взаимодействия элементов, составляющих эти пространства (СМИ, аудитория, авторы публикаций, медиаинформация). Так, средства массовой информации данных национальных территорий Южной Сибири не рассматривались как особый социальный институт, функционировавший в специфических временных, социальных, политических, экономических, национальных, исторических и географических условиях. Не исследовалась их роль в формировании лидеров общественного мнения, взаимоотношения с властью, цензурными органами и аудиторией. Предметом изучения ранее не становился процесс формирования журналистского корпуса и рабселькоровского движения в автономиях. Содержание СМИ не подвергалось системному анализу в соотнесенности с историческими событиями и явлениями. Следовательно, научная значимость исследования также обусловлена необходимостью заполнения этого «белого пятна» в истории Хакасии и Горного Алтая.

Объектом исследования выбрана информационная политика советского государства в сфере СМИ. Одними из наиболее важных направлений ее реализации являлись централизованное создание разветвленной системы подконтрольных партии средств массовой информации и активное вовлече-

ние в массово-информационную деятельность советских граждан. Особое внимание при этом уделялось формированию системы СМИ в регионах, в том числе национальных, где ранее отсутствовал опыт и возможности издательской деятельности. Это позволяло оказывать массированное воздействие на граждан, вне зависимости от их места жительства, национальности и языка, на котором воспринималась информация.

Предметом исследования является процесс и результаты взаимодействия и взаимовлияния средств массовой информации, аудитории, авторов публикаций СМИ и медиаинформации, имевшие место в 1922–1991 гг. в Хакасии и Горном Алтае. Для системного изучения предмета была разработана теоретическая модель исследования – массово-информационное пространство, существование которого обусловлено установлением и поддержанием коммуникативных связей между СМИ, аудиторией, авторами публикаций и медиаинформацией.

Цель диссертационной работы заключается в том, чтобы на основе теоретической модели массово-информационного пространства исследовать процесс и результаты взаимодействия и взаимовлияния средств массовой информации, аудитории, авторов публикаций и медиаинформации в Хакасии и Горном Алтае в контексте реализации советской информационной политики в сфере СМИ.

Указанная цель предусматривает решение следующих **задач**:

1) обосновать теоретическую модель исследования проблемы, опираясь на авторскую модель массово-информационного пространства и уточненные определения понятий «медиаистория», «государственная информационная политика в сфере СМИ» и «массово-информационная деятельность».

2) выявить основные этапы и направления, закономерности и противоречия формирования в отечественной историографии представлений о взаимодействии средств массовой информации, аудитории, авторов публикаций и медиаинформации, как элементов массово-информационного пространства;

3) определить предпосылки возникновения массово-информационных пространств в Хакасии и Горном Алтае в условиях реализации государственной национальной политики;

4) выделить основные этапы становления и развития системы средств массовой информации рассматриваемых национальных автономий, охарактеризовать их роль в формировании массово-информационных пространств, эволюцию их взаимоотношений с аудиторией, властью и цензурой в контексте государственной информационной политики в сфере СМИ;

5) проследить изменения состава аудитории, журналистского корпуса и авторского актива СМИ Хакасии и Горного Алтая, определить факторы и события, влиявшие на их взаимодействие с другими элементами массово-информационных пространств;

6) проанализировать динамику содержания средств массовой информации во взаимосвязи с политическими, экономическими, социально-культурными и другими процессами, происходившими в 1922–1991 гг. в стране, Хакасии и Горном Алтае;

7) раскрыть цель и механизмы формирования советской медиареальности, условия и методы создания и содержание составлявших ее «образов» явлений действительности;

8) выделить сходства и различия массово-информационных пространств рассматриваемых автономных областей в сроках, масштабе, характере, содержании и результатах их формирования.

Территориальные рамки исследования охватывают Хакасию² и Горный Алтай³. Выбор данных национально-территориальных образований был обусловлен следующими причинами. Во-первых, изучение формирования региональных массово-информационных пространств на примере тех территорий Сибири, коренные этносы которых до революции не имели традиций

---

² Хакасия: с 1923 г. – Хакасский уезд Енисейской губернии, с 1925 г. – Хакасский округ, с 1930 г. – Хакасская автономная область в составе Западно-Сибирского края, с 1934 г. – в составе Красноярского края, с 1991 г – Хакасская ССР, с 1992 – Республика Хакасия.

³ Горный Алтай: с 1922 г. – Ойротская автономная область, с 1925 г. – в составе Сибирского края, с 1930 г. – в составе Западно-Сибирского края, с 1937 г. – в составе Алтайского края с 1948 г. – Горно-Алтайская автономная область в составе Алтайского края, с 1991 г. – Горно-Алтайская ССР, с 1992 – Республика Алтай.

публичной письменной коммуникации и издательской деятельности, позволяет проследить предпосылки возникновения и становление МИП в соотнесенности с реализацией не только государственной информационной политики, но и национально-культурной политики советского государства.

Во-вторых, из четырех национальных районов Южной Сибири (Горная Шория, Тува, Горный Алтай и Хакасия) именно два последних обладали значительным сходством исторических, культурно-языковых и территориально-географических условий, в которых происходило формирование их массово-информационных пространств. Признавая этот факт, некоторые исследователи даже объединяют хакасов и алтайцев в группу алтае-саянских народов⁴. Однако обе территории имели и целый ряд отличий в историческом, политическом, экономическом, культурном развитии, которые определили специфику реализации здесь государственной национальной политики и информационной политики в сфере СМИ. В результате пространства исследуемых районов, бывших составной частью единого массово-информационного пространства страны, тем не менее, не являлись унифицированным единым целым, а обладали целым рядом отличительных особенностей.

В 20-30-е гг. XX в. в состав южносибирских национальных образований входила и Горная Шория, на территории которой в 1926 г. был образован Горно-Шорский национальный район Сибирского края, создана национальная газета «Кызыл Шор». Но в 1939 г. данное национально-административное образование было упразднено, а издание, выходившее на языке коренного этноса, ликвидировано. Практика публикации материалов на шорском языке в русскоязычной газете «Красная Шория» была прекращена в 1945 г. Вплоть до конца рассматриваемого периода собственная система СМИ на данной территории не была создана. Поэтому мы не рассматривали Горную Шорию в рамках данного исследования.

Включение еще одного южносибирского автономного образования – Тувы в территориальные рамки диссертационной работы нами было признано

---

⁴ См., напр.: Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. С. 207.

нецелесообразным, поскольку при выборе территорий определяющее значение имел их национально-государственный статус. На протяжении рассматриваемого периода Хакасия и Горный Алтай меняли свой статус, но при этом оставались частью РСФСР, тогда как Тува до 1944 г. была независимым государством, хоть и под протекторатом СССР. Поэтому, при схожести процессов, например, развития печати или местного радиовещания, политические условия, в которых они происходили, были различными. Кроме того, в Туве, как самостоятельном государстве, до 1944 г. русский язык не являлся государственным и языком межнационального общения, сфера его функционирования была узкой.

Хакасия и Горный Алтай являлись автономными областями в составе краев (Красноярского и Алтайского соответственно). Тува, получившая после вхождения в СССР в 1944 г. статус автономной области в составе РСФСР, а в 1961 г. – автономной республики, в состав края никогда не входила, обладала большей самостоятельностью, в том числе при решении вопросов, связанных с функционированием средств массовой информации. Поэтому многие особенности формирования ее массово-информационного пространства были обусловлены спецификой политического развития этого региона. В то же время, сравнение МИП Хакасии и Горного Алтая, имевших с 1930 по 1991 гг. одинаковый статус – автономных областей, позволило соблюсти принципы историзма, объективности и научности. Такой подход к определению территориальных рамок исследования дал возможность выявить особенности формирования и функционирования массово-информационных пространств, сложившиеся в условиях политического, экономического и культурного развития двух равноценных по своему национально-территориальному устройству автономий.

В работе наряду с официальными наименованиями изучаемых территорий (Хакасский национальный уезд, Хакасский округ, Хакасская автономная область, Ойротская (с 1948 г. – Горно-Алтайская) автономная область) ис-

пользованы их неофициальные названия, существовавшие в исследуемый период (Хакасия, Ойротия, Горный Алтай).

Хронологические рамки исследования охватывают период 1922–1991 гг. Выбор нижней границы обусловлен тем, что в первой половине 1920-х гг. в Хакасии и Горном Алтае началось формирование основных политических и культурных предпосылок для возникновения региональных массово-информационных пространств. Оформление в 1922–1923 гг. основных положений советской национальной политики и их реализация в рассматриваемых территориях способствовали стабилизации здесь социально-экономической и политической ситуации. В Хакасии и Горном Алтае закончилась активная вооруженная борьба против советской власти, произошло оформление их административного статуса: в 1922 г. была образована Ойротская автономная область, в 1923 г. – Хакасский национальный уезд. Это создало условия для развертывания культурного строительства, в рамках которого была разработана и стала внедряться в процесс массовой коммуникации национальная письменность (в Горном Алтае – с 1922 г., в Хакасии – с 1924 г.). В первой половине 1920-х гг. началось создание системы учреждений образования и культурно-просветительской работы, что способствовало популяризации и распространению прессы, формированию у населения устойчивой потребности в получении и распространении общественно-важной информации с использованием СМИ.

Верхней границей исследования избран 1991 г., когда произошло устранение КПСС с политической арены и ликвидация политической цензуры. С принятием 27 декабря 1991 г. Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» началось формирование законодательной базы, регламентирующей деятельность СМИ на территории России. Распад СССР привел к разрушению не только геополитического пространства бывшего Советского Союза, но и единого массово-информационного пространства, объединяющим фактором которого служила государственная информационная политика. Вышеперечисленные события, произошедшие в 1991 г., приве-

ли к коренным изменениям политических и экономических условий функционирования СМИ, характера их взаимоотношений с другими субъектами массово-информационной деятельности и в итоге – к серьезной трансформации общегосударственного и региональных массово-информационных пространств.

Кардинальные изменения, происходившие в политическом устройстве СССР, создали условия для повышения национально-государственного статуса Хакасии и Горного Алтая, которые в 1991 г. были выделены из состава краев и преобразованы в автономные республики. Это способствовало приобретению ими более широких прав и полномочий, что отразилось на функционировании местных СМИ и привело к активной трансформации и регионализации массово-информационных пространств рассматриваемых национальных территорий.

Формирование МИП как пространства, образованного в результате взаимодействия и взаимовлияния СМИ, аудитории, авторов публикаций и медиаинформации, ранее не являлось предметом научного интереса, поэтому не получило в полной мере рассмотрения в отечественной исторической науке. Выявление **степени изученности проблемы** потребовало системного анализа литературы и представления в историографическом обзоре широкого круга работ, в которых нашло отражение становление и развитие системы средств массовой информации, отдельные аспекты взаимодействия СМИ с аудиторией и авторами публикаций, особенности их содержания в различные исторические периоды.

В диссертации выделены советский и постсоветский этапы историографии истории СМИ. Анализ научных работ был проведен в соотнесенности с основными этапами и тенденциями развития исторической науки в стране в период с 1922 г. по настоящее время. Это позволило выявить изменения отношения к истории и функциям средств массовой информации, их роли в общественной жизни. Изучению были подвергнуты особенности методологических подходов к исследованию темы, характерные для советского и

постсоветского периодов историографии истории. Результаты данного анализа представлены в отдельном параграфе первой главы.

Методологическая основа исследования. В основу исследования была включена разработанная нами модель массово-информационного пространства (МИП), использование которой позволяет комплексно рассматривать не только становление, развитие и трансформацию системы средств массовой информации, но и взаимодействие СМИ с другими субъектами массово-информационной деятельности – аудиторией, авторами публикаций и медиаинформацией. В отдельном параграфе первой главы представлено обоснование данной модели, анализ основных подходов к определению государственной информационной политики в сфере СМИ и медиаистории, как направления научных исследований, позволяющего системно и комплексно изучать не только прошлое средств массовой информации, но и их взаимодействие с другими субъектами массово-информационной деятельности – аудиторией, авторами публикаций и медиаинформацией.

Достижению поставленной цели и решению проблемы, а также исследовательских задач научной работы способствовало следование основным диалектическим принципам – научности, объективности, историзма.

Реализация принципа научности предусматривала анализ совокупности и взаимосвязи всех фактов с учетом противоречий и особенностей социально-политической, экономической, культурной обстановки в стране и рассматриваемых национальных районах; критический анализ и верификацию привлекаемых исторических источников; использование научно проверенных знаний, соответствующих современному уровню развития науки.

Следование принципу объективности в изучении формирования массово-информационного пространства позволило избежать субъективизма в оценке данного процесса, проводить его анализ с использованием широкого круга источников, дистанцируясь от оценочных суждений, как авторов документов, так и исследователей, ранее изучавших рассматриваемую историче-

скую эпоху и ее периоды, аспекты функционирования отдельных элементов рассматриваемого пространства.

Использование принципа историзма предусматривало исследование причин, факторов и динамики развития исторических явлений, их взаимосвязи и взаимодействия с другими историческими явлениями и процессами. Соблюдение принципа историзма позволило охарактеризовать предмет изучения во всем его многообразии и противоречиях, изучить процессы, происходившие в нем, в развитии, с учетом исторической обстановки, выявить причинно-следственные связи и закономерности явлений и событий.

Применительно к теме исследования мы использовали сочетание формационного и цивилизационного подходов, синтез которых позволил устранить противоречия в понимании сущности и генезиса общества, в определении роли субъектов исторического процесса, в восприятии истории советского периода с позиций современной науки и методологии. Использование формационного подхода помогло учесть закономерности исторического развития страны, обращая при этом особое внимание на экономическую основу данного процесса. Применение цивилизационного подхода дало возможность объективно оценить роль человеческого фактора в формировании и функционировании массово-информационного пространства, нивелировать упрощенность в понимании процессов культурной и духовной жизни людей, составной частью которой являлись СМИ, учесть уникальность истории советского общества, национальную специфику рассматриваемых регионов и их массово-информационных пространств.

Использование системного подхода определило отношение к государственной информационной политике в сфере СМИ как к составной и неотъемлемой части политической жизни и истории страны. Системное рассмотрение массово-информационного пространства как объективно существующего феномена, позволило определить его как системную целостность, образуемую и функционирующую в процессе взаимодействия и взаимовлияния его структурных элементов, проанализировать его как сложно организованный

объект, имеющий многообразные связи с другими объектами (системами). Системный подход дал возможность определить взаимосвязь и взаимоотношения между элементами МИП Хакасии и Горного Алтая как специфическую систему, развивавшуюся в определенных социально-политических условиях и включавшую в себя комплексы мероприятий, приемов, методов, реализация которых позволяла устанавливать, укреплять и развивать эти связи. Системный подход был положен в основу обобщения и дифференциации используемых в исследовании источников, анализа и презентации исторического материала.

Междисциплинарный (межпредметный) подход к исследованию истории массово-информационного пространства обусловлен сложностью самого пространства как предмета изучения: технической и технологической спецификой взаимодействия и взаимовлияния его элементов, социоориентированностью, массовым и массивным характером воздействия данного пространства на сознание и поведение аудитории.

В нашем исследовании применялся инструментальный подход к изучению взаимодействия коммунистической партии и СМИ, для изучения средств массовой информации в целом как инструмента, который использовался в достижении обозначенных партией целей или выполнении определенных задач. Это позволило соблюсти объективность в оценке сущности и результатов этого процесса.

Институциональный подход в исследовании использовался при рассмотрении систем СМИ выбранных регионов как социальных институтов. Находясь под жестким контролем партии, они, тем не менее, реализовывали собственные функции и решали свои проблемы (кадровые, материально-технические, творческие), обладали специфической структурой (деление на творческих и технических сотрудников, тематическая специализация редакций и т. д.), регламентационной базой, типологией составляющих ее элементов (пресса, радио, телевидение). Институциональный подход также позволил изучать взаимодействие средств массовой информации Хакасии и Горно-

го Алтая с другими социальными институтами, происходившее в специфических условиях советского государства.

Функциональный подход применялся в изучении деятельности СМИ, как основного инструмента реализации государственной информационной политики, с позиций выполнения ими комплекса присущих им функций (в том числе в установлении и поддержании связи с аудиторией, авторами публикаций и медиаинформацией). Исследовалась динамика градации таких функций, выявлялись условия, факторы и события, влиявшие на усиление одних функций и ослабление других в различные исторические периоды.

Использование содержательного подхода при исследовании контента СМИ позволило рассмотреть медиаинформацию как средство проведения основных политических идей и установок, «образов» действительности в массы, проследить изменение содержания, жанрового разнообразия, оформления и создания публикаций в определенных историко-политических условиях. Это позволило определить общие тенденции освещения наиболее важных тем и подачи медиаинформации разной тематики, характерные для различных исторических периодов, и выявить взаимосвязь изменений контента СМИ и содержания государственной информационной политики.

Использование культурологического подхода определило акцентирование внимания на человеке, как носителе, субъекте, создателе культуры, главном действующем лице культурной деятельности. С позиций культурологического подхода взаимодействие элементов массово-информационных пространств исследуемых национальных районов можно трактовать как культурный процесс, один из аспектов реализации государственной национально-культурной политики, развития региональной, в том числе этнической культуры автохтонных этносов Хакасии и Горного Алтая.

Структурная сложность массово-информационного пространства и относительная новизна выбора его в качестве предмета исторического исследования обусловила необходимость формирования не только комплекса подходов к его изучению, но и комплекса общеисторических и междисциплинар-

ных методов для изучения как самого МИП, так и его структурных элементов.

Важную роль в исследовании играет метод моделирования, применение которого позволило сконструировать идеализированный объект – массово-информационное пространство. Его можно назвать теоретической моделью фрагмента действительности, созданного в результате взаимодействия и взаимовлияния СМИ, аудитории, авторов публикаций и медиаинформации.

При построении теоретической модели МИП был использован метод, обозначенный нами как метод пространственности, под которым мы понимаем придание объема предмету изучения, рассмотрение его в многомерном пространстве во взаимодействии или сопоставлении с различными его составляющими. Определение СМИ, аудитории, авторов публикаций и медиаинформации в качестве основных системных компонентов массово-информационного пространства, позволяет рассматривать любое явление, факт, результаты деятельности личности, коллектива, организации, социального института сквозь призму пересечения векторов взаимодействия этих элементов. Применение такого метода, по нашему мнению, устраняет линейность в исследовании СМИ, когда сам процесс и результаты их массово-информационной деятельности чаще всего изучаются в плоскости взаимодействия СМИ-аудитория или СМИ-власть. Включение в пространство еще двух «действующих лиц» – медиаинформации и человека – разрушает эту бинарность и придает объем изучаемому объекту, позволяет рассматривать его всесторонне, в разных плоскостях и аспектах. Использование метода пространственности при создании модели МИП способствует выявлению различных нюансов, особенностей и закономерностей его формирования и функционирования, которые не обнаруживаются при использовании других методов, традиционно применяемых в исторических исследованиях.

Из исторических научных методов важная роль в нашем исследовании отведена историко-генетическому методу. Его применение позволило выявить изменения массово-информационных пространств в процессе истори-

ческого развития, причинно-следственные связи и закономерности их формирования в Хакасии и Горном Алтае, степень влияния на этот процесс субъективных и объективных факторов, событий и явлений государственного и регионального масштаба, в том числе изменения содержания, направлений и основных методов реализации государственной информационной политики в сфере СМИ. Использование историко-сравнительного метода при изучении становления и развития МИП южносибирских автономий дало возможность выявить общее и особенное, характерное для данного процесса в той или иной территории, в тот или иной период истории.

Проблемно-хронологический метод был положен в основу структурирования диссертации, что позволило расчленить широкую тему (формирование массово-информационного пространства) на ряд узких проблем (организация системы СМИ, создание аудитории, изменение содержания или состава авторов публикаций), каждая из которых рассматривалась в хронологической последовательности.

Особое внимание было уделено формированию комплекса методов, используемых для анализа публикаций СМИ как исторического источника. Широкий временной охват исследуемых газетных материалов вызвал необходимость использования метода, который, по нашему мнению, можно назвать историко-концептным. Первая часть этого определения указывает на то, что предмет изучения (публикации СМИ) рассматривается в исторической перспективе, с учетом хронологии событий, их исторической и социальной значимости, в контексте причин, развития и последствий различных явлений, оказывавших влияние на его трансформацию. Это позволяет выделить общие закономерности данного процесса, его взаимосвязь с политическими, экономическими, культурными и другими процессами, происходившими в стране или регионах.

Разрабатывая методику историко-концептного анализа, мы взяли за основу собственно исторический метод, включая его разновидности – историко-сравнительный, ретроспективный, методы исторической периодизации и

диахронического анализа. Это позволило исследовать изменения стиля, форм и приемов освещения отдельных тем и тематических направлений в прессе в развитии и хронологической последовательности, с присущими им чертами и особенностями, характерными для различных исторических периодов, выявить особенности, общие закономерности и логику таких изменений.

Вторая часть в названии историко-концептного метода указывает на использование нетрадиционного специального исторического метода, который условно можно назвать лингвистическим. Такая оговорка вызвана тем, что концептный анализ в настоящее время используется не только в лингвистике, но и в других социально-гуманитарных науках, в частности, в истории, политологии, социологии, психологии и др. Исследование различных явлений через категорию концептов пока не получило широкого распространения в научной практике и применяется отдельными исследователями. Наиболее интересными в этом направлении представляются работы В. Г. Ледяева, который для изучения понятий, не имеющих четкого и общепринятого определения («власть», «политическая власть», «интеллигенция») предлагает использовать концептуальный анализ изучаемого понятия⁵. В. Г. Ледяев вместо термина «концепт» предпочитает использовать слово «понятие», но достаточно четко выделяет основные характеристики исследуемых понятий, что позволяет нам рассматривать его методику концептуального анализа как один из вариантов анализа концептного.

Мы придерживаемся точки зрения ряда ученых (В. М. Маслова, Г. Г. Слышкин, В. И. Карасик и др.), полагающих, что взаимосвязи представителей общества – это лингвокультурное явление, находящее свое отражение в языке. Следовательно, изучение трансформации содержания, способов репрезентации концепта в исторической перспективе позволяет проследить и изменения, происходящие не только в языке, языковой картине мира, но и культуре. А соотнесение этих изменений с конкретными историческими со-

---

⁵ Ледяев В. Г. Понятие интеллигенции: проблемы концептуализации // Интеллигенция и мир. 2001. №1. С.12-13; Он же: Политическая власть: концептуальный анализ // Управленческое консультирование. 2009. № 4. С. 27-45.

бытиями делает возможным выявление последствий влияния политических, экономических, культурных факторов в исторической проекции на язык и сознание его носителей.

Концепт является, скорее, смысловой единицей, функционирующей в языковом сознании, «индикатором исторических условий», в которых происходила актуализация его содержания, формировались понятийные, образные и ценностные характеристики⁶. Содержание и средства представления в прессе концептов в различные исторические периоды могут быть разными. Выявление этих трансформаций и их изучение в хронологической последовательности, анализ в контексте важнейших исторических событий и составляет суть историко-концептного анализа. Его использование позволяет, по нашему мнению, расширить методологию исторических исследований, активнее включать в источниковую базу материалы СМИ, выявлять ранее скрытые смыслы, содержащиеся в публикациях и, тем самым, более успешно восстанавливать картину прошлого, процесс и результаты взаимодействия всех элементов массово-информационного пространства в различные исторические периоды. В исследовании данный метод применялся для выявления особенностей содержания публикаций СМИ в периоды массовых политических кампаний, Великой Отечественной войны, других крупномасштабных явлений и событий общественно-политической жизни страны. Наиболее детально использование историко-концептного метода было продемонстрировано на примере формирования «образов» заграницы, героя и врага.

При формировании **источниковой базы исследования**, мы исходили из того, что процесс взаимодействия и взаимовлияния СМИ аудитории, авторов публикаций и медиаинформации как системная целостность, представленная в виде модели массово-информационного пространства, ранее не являлся предметом научного осмысления. Недостаточно изученной на уровне Хакасии и Горного Алтая остается и история основного элемента МИП – средств

---

⁶ Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепт, дискурс. Волгоград, 2002. 477 с.; Он же: Концепт как индикатор эпохи («очковтирательство») // Политическая лингвистика. 2009. № 30. С. 9-13.

массовой информации. Это вызвало необходимость масштабного привлечения разнообразных источников, в первую очередь архивных, большинство из которых вводится в научный оборот впервые. Для повышения эффективности использования массива неопубликованных источников потребовалась их систематизация по хронологии и степени верифицируемости. Результаты этой работы представлены в отдельном параграфе первой главы.

Научная новизна исследования заключается в обосновании возможности использования авторской теоретической модели массово-информационного пространства в системном и комплексном изучении взаимодействия средств массовой информации с другими субъектами массово-информационной деятельности в исторической перспективе. Научной новизной обладают авторские трактовки понятий «медиаистория», «тоталитарная медиареальность», «массово-информационное пространство», «массово-информационная деятельность», «государственная информационная политика в сфере СМИ», не имеющих в настоящее время общепринятых определений.

Научную новизну исследования составила предложенная в работе внутренняя периодизация советского и постсоветского этапов историографии рассматриваемой проблемы. Использование такой периодизации позволило детально проследить становление и приумножение исторического знания об особенностях взаимодействия и взаимовлияния СМИ, аудитории, власти, цензуры, авторского состава, медиаинформации; выявить факторы, влиявшие на темпы, масштабы, тематические направления исследовательской деятельности в области медиаистории.

Научной новизной обладают обоснование и практическое применение разработанных автором метода пространственности, использованного при создании теоретической модели массово-информационного пространства, и историко-концептного метода, примененного для выявления отраженных в публикациях СМИ «образов» явлений и событий действительности.

В научный оборот введен широкий круг исторических источников. Традиционная типология использованных в исследовании источников дополнена их авторской систематизацией, построенной на такой критерии, как степень их верифицируемости.

Новизна исследования заключается также в том, что впервые в отечественной историографии предметом научного интереса стало формирование региональных массово-информационных пространств, как одного из направлений реализации государственной информационной политики в сфере СМИ. Анализ этого процесса на примере двух национальных районов Южной Сибири – Хакасии и Горного Алтая был проведен системно, с учетом исторических, экономических, национальных, географических, культурных особенностей этих южносибирских автономий, а также в сравнении с аналогичным процессом, имевшим место в стране. Это дало представление о влиянии на этот процесс событий, происходивших в политической, социально-экономической и культурной жизни СССР, об особенностях взаимодействия и взаимовлияния средств массовой информации, аудитории, авторов публикаций СМИ и медиаинформации на разных этапах истории рассматриваемых автономий.

Научную новизну исследования составили выявленные автором предпосылки возникновения массово-информационного пространства национального региона с учетом особенностей реализации в Хакасии и Горном Алтае государственной национальной и информационной политики; уточнение датировки начала выхода первых газет в этих территориях; составление биографий общественных деятелей и журналистов, внесших заметный вклад в создание и развитие средств массовой информации этих национальных территорий; реконструкция технологии формирования тоталитарной медиареальности применительно к советскому периоду истории России.

Комплексное изучение проблемы исследования позволило воссоздать процесс и выявить результаты формирования массово-информационных про-

странств Хакасии и Горного Алтая в контексте реализации государственной информационной политики в сфере СМИ.

Положения, выносимые на защиту:

1. Основной предпосылкой возникновения массово-информационных пространств в Хакасии и Горном Алтае стало формирование в обществе устойчивой потребности в получении и распространении разнообразной, прежде всего, общественно-важной информации. Такая потребность обострилась в 1920-е гг. под влиянием изменений условий и образа жизни, вызванных усложнением структуры и функций производительных сил, государственно-политического устройства страны, воздействия политических, экономических, культурных и других факторов. Реализация государственной национальной политики в целях устранения «культурной отсталости» коренных народов, обеспечила создание непосредственных предпосылок возникновения массово-информационных пространств Хакасии и Горного Алтая: внедрение национальной письменности в процесс массовой коммуникации; повышение уровня грамотности и культурного развития не только автохтонного, но и русскоязычного населения; физическую доступность СМИ для потенциальной аудитории.

2. Возникновение в Хакасии и Горном Алтае массово-информационных пространств, как сложных коммуникационных систем, образуемых в результате взаимодействия и взаимовлияния СМИ, аудитории, авторов публикаций и медиаинформации, стало результатом проведения государственной информационной политики в сфере СМИ с учетом специфики национальных условий рассматриваемых территорий. Разработка такой политики и воплощение ее в жизнь были вызваны необходимостью разъяснения гражданам сущности новой власти, назначения и порядка проведения мероприятий в области экономики, культуры и образования, пропаганды новых политических идей, установок и стереотипов. Важным стимулом формирования МИП в национальных территориях послужила целенаправленная деятельность властей по вовлечению в массово-информационную деятельность представителей

широких слоев населения, прежде всего, коренного, проводившаяся в контексте реализации национально-культурной политики и усиления идеологического воздействия на граждан страны.

3. Эффективность взаимодействия и взаимовлияния элементов массово-информационных пространств (СМИ, аудитории, авторов публикаций и медиаинформации) в Хакасии и Горном Алтае зависела от степени решенности организационных и кадровых вопросов, состояния материально-технической базы местных СМИ, уровня профессиональной подготовки и творческого потенциала журналистов, их заинтересованности в активизации контактов с аудиторией и внештатным активом. Актуальность этих вопросов была особенно острой в период создания и расширения системы прессы (1920–1930-е гг.), массовых репрессий (1937–1939 гг.), Великой Отечественной войны и послевоенного десятилетия. Решение данных вопросов позволило увеличить охват аудитории, вовлечь в массово-информационную деятельность внештатных авторов, расширить территорию распространения СМИ, объем, географию и жанровую палитру предоставляемой потребителям медиаинформации, что, как следствие, привело к поступательному развитию региональных массово-информационных пространств.

4. Полнота и адекватность отображения действительности в материалах средств массовой информации Хакасии и Горного Алтая в советский период зависела от степени идейно-политического (партийного и цензурного) контроля, интенсивности обратной связи между аудиторией и СМИ, численности и социального состава авторов публикаций, стремления самих редакций к разнообразию тематики, географии и жанровой палитры публикаций.

5. Основу функционирования СМИ, которые являлись главным инструментом реализации советской информационной политики, составляли принципы партийности и идейности. Это обуславливало полное подчинение организационно-массовой и творческой деятельности средств массовой информации целевым установкам ВКП(б)–КПСС. Поэтому главной задачей СМИ являлось формирование, обеспечение информационного наполнения и транс-

ляция аудитории тоталитарной медиареальности. Благодаря этому обеспечивались: легитимизация власти и проводимых ею мероприятий; формирование сознания и поведения аудитории в соответствии с идеологическими установками; оценка событий, явлений и фактов, потребностей и устремлений граждан с позиций политической целесообразности.

6. Реализация государственной информационной политики в сфере СМИ определила основные сходства формирования массово-информационных пространств Хакасии и Горного Алтая в советский период. К ним мы можем отнести централизованный характер создания средств массовой информации, унифицированность моделей СМИ, прежде всего, периодических изданий и радиовещания, единые методы партийного руководства и цензурного контроля за их деятельностью, определение главенствующего положения изданий, радио- и телевидения на русском языке над национальными СМИ. Государственная информационная политика, ее содержание, направления и методы реализации определили основные сходства условий, характера и результатов взаимодействия и взаимовлияния СМИ с другими элементами массово-информационных пространств рассматриваемых территорий.

7. Основные различия процессов формирования массово-информационных пространств Хакасии и Горного Алтая были обусловлены специфическими условиями данных регионов (ландшафт, национальный и социальный состав населения, уровень развития территориально-производственного комплекса, интенсивность промышленного освоения территорий и т. д.). Эти различия сформировались в 1922–1991 гг. под влиянием политического и экономического факторов. При этом степень влияния данных факторов на протяжении рассматриваемого периода изменялась. Но уровень развития массово-информационных пространств Хакасии и Горного Алтая всегда в значительной степени зависел от уровня промышленного развития этих автономий.

Теоретическая значимость работы заключается в разработке модели массово-информационного пространства как теоретической модели комплексного исследования процессов взаимодействия СМИ, аудитории, авторов публикаций и медиаинформации. Данная модель позволяет системно изучать функционирование средств массовой информации в исторической перспективе, конкретизировать содержание их роли в реализации государственной информационной политики.

Практическая значимость диссертации заключается в том, что теоретические и методологические разработки, материалы и результаты исследования, данные и выводы, представленные автором, можно использовать при подготовке обобщающих трудов по истории Хакасии и Горного Алтая: их национально-государственного и культурного развития, взаимодействия их народов, формирования систем средств массовой информации. Представленные в диссертации материалы будут полезны при составлении лекционных курсов, методических и учебных пособий для студентов гуманитарных факультетов сибирских вузов, изучающих историю Сибири, Хакасии и Горного Алтая, а также историю культуры и средств массовой информации Сибири в целом и этих территорий в частности.

Апробация результатов исследования была проведена в форме докладов на международных и всероссийских конференциях (Казань, Абакан, Минусинск, Красноярск), методических и методологических семинарах аспирантов и докторантов кафедры истории России Института истории и права Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, публикаций в сборниках международных и всероссийских конференций (Москва, Санкт-Петербург, Иваново, Коломна, Казань, Благовещенск, Екатеринбург, Новокузнецк, Волгоград, Пенза, Липецк, Саратов, Чебоксары, Красноярск, Горно-Алтайск, Абакан и др.), а также зарубежных конференций в Караганде и Усть-Каменогорске (Казахстан) и Витебске (Беларусь).

Разработка проблемы исследования автором проводилась в составе научных коллективов, реализовывавших проекты «Проблемы идентификации

культурных инвариантов в анализе социальной действительности в контексте региональной культуры»⁷ и «Исторический опыт социокультурной модернизации Саяно-Алтая как фактор поступательного развития региона»⁸.

Основные положения диссертационной работы отражены в публикациях, общий объем которых составил 77,28 печатных листа: в трех авторских и двух коллективных монографиях, четырех учебно-методических пособиях, 81 статье, в том числе в 18 статьях, опубликованных в журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации.

Материалы исследования используются автором при чтении учебных курсов студентам направления обучения «Журналистика» в ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова». Результаты исследования легли в основу двух авторских курсов: «Формирование системы СМИ в контексте истории и культуры Хакасии» и «История Хакасии в гуманитарном медиакультурном пространстве».

Структура диссертации состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованных источников и цитируемой литературы, двух приложений.

---

⁷ Федеральная целевая программа «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России 2009-2013 гг.», шифр заявки «2009.-1.1-304-075-002», государственный контракт № 02.740.11.0374.

⁸ Государственное задание Министерства образования и науки Российской Федерации, проект № 12-01-05.

Глава 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ, ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ

1.1. Теоретическое обоснование проблемы исследования

Средства массовой информации представляют собой не только главный инструмент реализации государственной информационной политики, но и важное явление общественной жизни, один из значимых результатов общественной деятельности, средство мощного воздействия на общество. Этим можно объяснить сохранение интереса исследователей к их истории, особенно XX века, когда сформировалась система, включающая прессу, радиовещание и телевидение. Изменение представлений о роли и функциях, целях и задачах СМИ, а также критериев оценки их деятельности, включение в научный оборот зарубежных работ по истории, теории и практике средств массовой информации привело к существенному расширению позиций, с которых рассматривается их прошлое, особенности и результаты взаимодействия и взаимовлияния с другими субъектами массово-информационной деятельности. Это, а также общая тенденция к увеличению числа исследований различных аспектов функционирования СМИ в прошлом позволяет говорить о формировании такого направления научных исследований как медиаистория. Ее появление можно назвать ответной реакцией на запросы общества, вполне закономерным и объективным явлением, вызванным расширением в последние десятилетия проблематики исторических исследований и, как следствие – дифференциации исторической науки.

Однако понятие «медиаистория» пока не получило широкого распространения в научной среде. Не углубляясь в исследование его значений в публицистике⁹, отметим, что в научной литературе под медиаисторией понимается: а) история средств массовой информации; б) история медиа, как

---

⁹См. об этом подр.: Костякова Ю.Б. Медиаистория: от понимания к определению сути понятия // Общество. Среда. Развитие, 2012. № 3 (24). С. 118–122.

совокупности всех средств, способствующих донесению информации до потребителя и организации общения между людьми, социальными институтами и организациями на всех уровнях и во всех сферах. В первом случае медиаистория может рассматриваться как составная часть истории журналистики, во втором – истории массовых коммуникаций. Проведенный нами анализ иностранных научных Интернет-ресурсов показал, что в них медиаистория, помимо названных, рассматривается еще в двух значениях – история журналистики во всех ее проявлениях и архив печатной, аудио- и визуальной информации, совокупность которой может служить отражением особенностей той или иной эпохи, деятельности организаций, групп населения и т. д.

Авторы научных работ, использующие данное понятие, в большинстве случаев не представляют читателю его дефиницию. Анализ контекста научных работ, где присутствует исследуемое понятие, лишь отчасти позволяет судить о смысле, который исследователи в него вкладывают. Так, исходя из общего содержания научных работ, можно предположить, что под «медиаисторией» может подразумеваться, например, история медиа, как средств коммуникации, способных не только устанавливать связь между субъектами в настоящем, но и сохранять их прошлое¹⁰, как прошлое, нашедшее свое отражение в материалах СМИ¹¹. Общий анализ публикаций, в которых присутствует данное понятие, выявил явное тяготение авторов к его определению, как истории средств массовой информации¹². Но мы считаем спорным ограничение медиаистории изучением прошлого лишь СМИ. Многозначность понимания исследуемого понятия и относительная его новизна в российском научном лексиконе не позволила до настоящего времени выработать такую его дефиницию, которая точно отражала бы суть, содержание, особенности основного объекта медиаистории. Вместе с тем, перспективность использо-

---

¹⁰Шевцов К. П. Медиаархив как форма присутствия прошлого // Международный журнал исследований культуры. 2011. № 3. С. 29–33.

¹¹Соловьев В. Д. Метаморфозы современного взгляда на российскую медиаисторию: репутационные приобретения и потери // Меншиковские чтения. 2011. № 2. С. 136–141.

¹²Вартанова Е. Л. Медиаэкономика зарубежных стран: учебное пособие. М.: Аспект-Пресс, 2003. 335 с.; Козина Е. С. Журналист и время: портрет в интерьере эпохи. Краткий обзор российской политической журналистики постсоветского периода (1987–2010 гг.) [Электронный ресурс] // Медиаскоп. 2011. № 1. URL: mediascope.ru/taxonomy/term/305 (дата обращения: 20.07.2012) и др.

вания данного понятия в научном дискурсе обусловлена высокой «емкостью» составляющих его слов – «медиа» и «история».

Прежде всего, необходимо определиться с различиями терминов «медиа» и «масс-медиа». Под первым чаще всего подразумеваются средства массовой коммуникации (СМК), тогда как с помощью второго обозначаются средства массовой информации (СМИ). В научной литературе нередко встречается синонимичное использование этих понятий, притом, что исследователи достаточно четко разграничивают СМК и СМИ, представляя второе составной частью первого. Можно назвать множество причин такого «вольного» и нестрогого терминологического использования англоязычных дефиниций. Так, по мнению В. В. Савчука, термин «медиа», «вобрав в себя весь спектр значений – СМИ, массмедиа, средства связи и коммуникации, новые медиа, цифровые и экранные технологии», в итоге приобрел статус «термина с неопределенным содержанием»¹³. В научной литературе принято ссылаться на значение этого слова в английском языке, где оно обозначает, в том числе носитель информации, посредника, способ, средство. Однако проведенный нами сравнительный анализ англо-русских и английских словарей показал, что в них достаточно часто словом *media* обозначаются СМИ без соответствующего уточнения (*massmedia*). Следовательно, при определении основного, базового значения термина «медиа» необходимо опираться на изначальное его значение в латинском языке (*medium*) – середина, центр.

Media, являясь множественным числом от *medium*, приобретает дополнительный «объем», то есть способность объединить в себе сразу несколько значений. Медиа, выступая посредником в общении между людьми на групповом и общественном (массовом) уровне, определяются как средство коммуникации и распространения информации, носитель информации, как совокупность устройств (технических средств) для приобретения, записи, копирования, тиражирования, сохранения и передачи информации. Медиа или «средство коммуникации», – по классическому определению Г. М. Маклю-

¹³Савчук В. В. Российский домен медиафилософии // Политическая концептология. 2011. № 4. С. 67.

зна, – «есть сообщение», сущностью которого в свою очередь «является то изменение масштаба, скорости или формы, которое привносится им в человеческие дела»¹⁴. Сущность коммуникации в «электрическую эпоху» ученым трактуется как «движение информации»¹⁵. Следовательно, медиа, используя достижения науки и техники, общественной мысли, «продвигают» информацию в массы, способствуют организации процесса коммуникации и таким образом изменяют «человеческие дела», т. е. и само общество и его жизнь.

Многоаспектность понимания медиа отмечают и современные ученые, считая, что «это не просто средство для передачи информации, это целая среда, в которой производятся, эстетизируются и транслируются культурные коды»¹⁶. Следовательно, медиа непосредственно участвуют в создании и трансляции сообщений, то есть являются фактором, определяющим условия и образ жизни людей. Этот процесс имеет свою продолжительность во времени, т. е. историю, изучение которой позволяет проследить прошлое медиа как средства (посредника) и среды коммуникации.

СМИ, в качестве синонима которых в большинстве случаев в научном и публицистическом дискурсе используется словосочетание масс-медиа (massmedia), определяются как совокупность печатных периодических изданий, радио- и телерадиовещательных организаций, информационных агентств. Широкое понимание сущности, целей и задач средств массовой информации, осознание их роли в обществе и значимости вклада в развитие общественной жизни позволяет исследователям характеризовать их как, например, специализированные информационные технологии современной культуры, «которые транслируют знания в общество и об обществе; зафиксированы в материальных формах человеческой деятельности (аудио-, видеопродукция, электронные носители информации и так далее); передают социальный опыт и содержание культуры».¹⁷ На наш взгляд, в этом значении

---

¹⁴Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева; закл. ст. М. Вавилова. М., 2003. С. 10.

¹⁵ Там же, с. 101.

¹⁶ Кириллова Н. Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну. 2-е изд.; перераб. и доп. М., 2006. С. 22.

¹⁷ Чижма В. С. СМИ как подсистема культуры // Омский научный вестник. 2010. № 3 (88). С. 255.

масс-медиа отчасти оказываются схожи с медиа, но все же сохраняют свою отличительную функцию – содействие информационному обеспечению коммуникации, а не установлению и поддержанию коммуникационных контактов в целом. Следовательно, медиа и масс-медиа не могут рассматриваться как тождественные понятия, поскольку СМИ являются, скорее, частью коммуникационной системы, одним из средств коммуникации.

Различия между ними можно увидеть и в продолжительности истории того и другого. Возникновение первого – СМИ (прессы) связывают с изобретением печатного станка, который позволил массово тиражировать печатную, в том числе периодическую продукцию. Медиа имеют более древние исторические корни, поскольку первые средства вербальной и невербальной коммуникации появились на заре человечества. По мере необходимости расширения круга, масштабов общения, усложнения целей установления контактов люди изобретали и использовали средства, которые позволяли вывести коммуникацию на массовый уровень и в итоге – придать ей глобальный характер. Поэтому в качестве средства общения, передачи информации, на наш взгляд, можно рассматривать практически любой предмет, изобретение, явление, достижение человеческой мысли. Это в значительной степени затрудняет точное определение понятия «медиаистория».

Вторая часть рассматриваемого понятия также обладает многозначностью: история – это и процесс развития человечества, и наука, изучающая прошлое во всем его многообразии, и форма познания прошедшего, минувшего. История, в отличие от других конкретных общественно-гуманитарных наук, является, по выражению И. Д. Ковальченко, наукой комплексной, интегральной, имеющей дело со всеми общественными явлениями. Объектом познания исторической науки служит «вся совокупность явлений общественной жизни на протяжении всей истории общества»¹⁸. Следовательно, медиаистория, если рассматривать ее как научную дисциплину, изучающую проис-

---

¹⁸Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования / Отделение историко-философских наук. 2-е изд., доп. М., 2003. С. 55.

хождение (изобретение), развитие трансформацию всех средств коммуникации, логично вписывается в общеисторический научный контекст.

Однако при таком широком понимании объекта медиаистории возникают трудности в определении ее задач, поскольку в сферу рассматриваемой дисциплины помимо исследования истории СМИ нужно будет включать самые разнообразные средства, участвующие в процессе коммуникации. На наш взгляд, для начала нужно исключить из ведения этой научной дисциплины технические средства коммуникации (транспорт, связь и т. д.) и СМК (кино, книги, искусство), не играющие главенствующей роли в массовом общении, для которого характерно циркулирование с высокой скоростью огромных потоков информации в информационном пространстве. В качестве одного из аргументов в пользу сужения спектра изучаемых тем можно назвать и то, что в настоящее время активно развивается такая научная дисциплина, как медиаведение (медиалогия, в некоторых источниках – теория медиа), которая изучает гуманитарные аспекты развития медиа, характер, формы, результаты их воздействия на социум¹⁹, а также взаимосвязь медиа с обществом, их роль во всех сферах общественной жизни, использование средств коммуникации в этих областях. Поэтому вполне закономерным, на наш взгляд, станет развитие исторического направления в рамках медиаведения, которое позволит органично соединить теорию СМК с их историей.

Однако будет нерациональным ограничение медиаистории изучением прошлого СМИ, пусть даже и рассматривая их широко – не только как участника, но и средство, среду, стимул массово-информационных процессов, а также основной инструмент государственной информационной политики. Такая политика в целом или отдельные ее направления, связанные с организацией взаимодействия власти, СМИ и общества, также может выступать предметом медиаистории. Однако в данном случае возникает вопрос об определении государственной информационной политики, как неотъемлемой части внутренней политики любого государства. С начала 1990-х гг. в ре-

---

¹⁹Федоров А. В. Медиаобразование в педагогических вузах. Таганрог, 2003. С. 25.

зультате активной научной, публицистической и законотворческой деятельности было создано значительное количество трактовок данного понятия, что обусловлено, прежде всего, расширением информационной сферы жизни общества и необходимостью определения основных направлений деятельности государства в этой сфере.

Так, авторы «Концепции государственной информационной политики» определяют данную политику как «совокупность целей, отражающих национальные интересы России в информационной сфере, стратегических направлений их достижения (задач) и систему мер, их реализующих». Реализация этих целей, по мнению авторского коллектива, должна обеспечивать переход России к «построению демократического информационного общества и вхождению ее в мировое информационное сообщество» на основе создания единого информационно-телекоммуникационного пространства страны²⁰. Другие авторы (С. В. Коновченко, А. Г. Киселев, В. Д. Попов, С. Кара-Мурза, И. В. Юдин и др.) предлагают собственные определения не только самой ГИП, но и ее содержания, конкретных направлений, методов реализации²¹. Используя результаты проведенного А. А. Стрельцовым²² анализа существующих дефиниций ГИП, можно, как мы считаем, условно разделить их на две группы: в определениях, включенных в первую группу, на первый план выходят интересы государства в информационной сфере, во второй – во главу угла ставятся информационные интересы общества. Указанный автор предлагает и собственную дефиницию государственной информационной политики²³, которую также условно можно включить в третью группу определений, представляющих собой результат философского осмысления и теоретического обоснования данной политики.

---

²⁰ Концепция государственной информационной политики [Электронный ресурс]: Проект / Коллектив авторов. М.: ИСА РАН, 1998. URL: http://www.gpntb.ru/win/ntb/ntb2000/6/f06_01.html (дата доступа 12.09.2015).

²¹ См., напр.: Коновченко С. В., Киселев А. Г. Информационная политика в России. М., РАГС, 2004. 528 с.; Попов В. Д. Указ. соч.; Кара-Мурза С. Государственная информационная политика [Электронный ресурс]. URL: <http://centero.ru/chair/gosudarstvennaya-informatsionnaya-politika> (дата доступа 12.09.2015); Юдин И. В. Государственная информационная политика в Российской Федерации: механизмы реализации в современных условиях: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2009. 25 с.

²² Стрельцов А. А. Государственная информационная политика: основы теории [Электронный ресурс]. М.: МЦНМО. 2009. С. 11–17. URL: <http://www.iisi.msu.ru/publications/article26/> (дата доступа 12.09.2015).

²³ Стрельцов А. А. Указ соч. С.26.

Смысловая «разбросанность» и отсутствие общепринятых определений государственной информационной политики затрудняет конкретизацию предмета медиаистории. Второй причиной этого является неразработанность универсальной дефиниции ГИП, которую можно было бы использовать при рассмотрении данной политики в исторической перспективе, в частности, на фактическом материале советского периода. Следует отметить, что в научной литературе ГИП часто рассматривается лишь в одной плоскости – как взаимодействие власти и СМИ, что свидетельствует о сохранении сформированных в советский период политических традиций. Однако информационное воздействие на общество в советском государстве проводилось с использованием различных форм и средств коммуникации. Таким образом, сферой реализации ГИП можно назвать массовую, а не только медийную коммуникацию, а объектом такой политики – совокупность инструментов массовой коммуникации.

Развивая эту мысль, мы определили государственную информационную политику в сфере СМИ как одно из направлений ГИП в целом. Опираясь на определения вышеупомянутых авторов и применительно к специфике исторических исследований, предлагаем такую политику рассматривать как *деятельность власти по разработке комплекса мероприятий, основанных на общегосударственных (политических) идеях (идеологии) и направленных на информационное обеспечение с помощью средств массовой информации проведения внутренней и внешней политики, реализации государственных планов и задач, формирования массового сознания граждан и создания единого информационно пространства*. ГИП в сфере СМИ включает в себя также целенаправленную и централизованную деятельность по организации, контролю и обеспечению функционирования системы средств массовой информации в масштабах всей страны, созданию, оснащению и модернизации материально-технической базы средств массовой информации. Результатом реализации государственной информационной политики в сфере СМИ явля-

ется, в том числе формирование или трансформация массово-информационного пространства.

Безусловно, СМИ помогают устанавливать связи между властью и обществом, сохранять или разрушать существующую политическую систему. Следовательно, контроль над средствами массовой информации позволяет власти сохранять свое главенствующее положение и стабильность в обществе. В полной мере такая закономерность проявилась в советский период истории России. В этой связи важным является определение степени влияния средств массовой информации на общество в целом и аудиторию, как составную его часть. Здесь базовой мы считаем концепцию «ограниченного воздействия СМИ», основы которой заложил Д. Клаппер²⁴. Признавая значимость СМИ, исследователь, тем не менее, отрицал всесильность и неограниченность их влияния на общество. В своих «обобщениях относительно медиавоздействия» ученый указывал, что массовая коммуникация «обычно не является необходимой и достаточной причиной воздействия на аудиторию, функционируя скорее между опосредующими факторами и влияниями и через них». Под воздействием таких факторов массовая коммуникация превращается во второстепенную, а СМИ скорее усиливают, чем изменяют уже имеющиеся у людей установки²⁵.

При отсутствии подлинной свободы слова и в условиях полной подконтрольности советские СМИ сами не создавали установки, но транслировали их аудитории. Установки формулировались представителями главного учредителя – ВКП(б)-КПСС, облакались в форму публичных речей, партийных документов, директив, а также доводились до сведения редакций на различного рода официальных мероприятиях. Однако средства массовой информации играли важную роль в пропаганде таких установок, поскольку имели возможность, пусть и ограниченную, выбирать формы и средства их донесения до аудитории. Справедливость утверждения ученого о том, что воздейст-

---

²⁴ Joseph T. Klapper. The effects of mass communication. Glencoe, Ill.: Free Press, 1960. 302 p.

²⁵ Цит. по: Брайант Д., Томпсон, С. Основы воздействия СМИ. М., 2004. С. 7

вие СМИ на аудиторию оказывается прямым, когда «опосредующие факторы не действуют», мы можем проследить на примере функционирования средств массовой информации конца 1980-х гг., когда контроль коммунистической партии и цензуры был ослаблен. В результате СМИ получили и реализовали возможность самостоятельно формулировать новые установки и свободно выбирать средства и формы их трансляции аудитории. Это, как мы считаем, являлось и причиной и следствием разрушения советской информационной политики в сфере СМИ.

Отметим, что антропоцентричность истории, и медиаистории в том числе обусловлена тем, что в центре ее всегда находятся люди, которые создают и фиксируют свое прошлое, сохраняя, таким образом, память о нем. На протяжении всей своей истории СМИ порождали новые явления в общественной жизни, активно участвовали в формировании общественного мнения и исторического сознания, традиций и ценностей, стереотипов мышления и установок поведения. Средства массовой информации аккумулировали в многочисленных публикациях опыт и знания, накопленные поколениями, народами, человечеством в целом, фиксировали историю жизни и деятельности, как отдельных личностей, так и многочисленных групп людей. Но и люди также активно участвовали в создании и функционировании СМИ. Пропущенную «сквозь себя» действительность, дополненную собственными мыслями, идеями, оформленную благодаря творческим талантам в форму публикаций, они представляли другим, вызывая ответную реакцию со стороны аудитории. Получается, что без человека не было бы СМИ, а без СМИ не было бы современного человека.

Поэтому, обозначая в качестве предмета медиаистории государственную информационную политику в сфере СМИ, необходимо «очеловечивать» процесс и результаты их функционирования. На наш взгляд, *медиаисторию можно и нужно рассматривать, прежде всего, как историю, изучающую человеческую деятельность, связанную с аккумуляцией, распространением и восприятием массовой информации, которая происходила в массово-*

информационном пространстве. Именно в этом пространстве возможно объединить в качестве равноценных действующих сил процесса создания и тиражирования общественно-значимой информации СМИ, аудиторию и отдельных ее представителей, участвующих в массово-информационной деятельности, и публикации как результат и отражение такой деятельности, как форму организации массовой информации. Объединение этих элементов в единое пространство и изучение его в различные исторические периоды позволяет не только сформировать новые знания о прошлом средств массовой информации, но и расширить теоретико-методологическую базу исторических исследований.

Отметим, что понятие «массово-информационное пространство» используется в научной литературе, но в подавляющем большинстве работ авторы не поясняют его содержание, отождествляют массово-информационное с собственно информационным пространством или дают весьма размытые определения. Это не позволяет сформировать представление о структуре данного пространства, проследить процесс его формирования, выделить этапы становления и развития, выработать критерии оценки состояния. Следовательно, существует необходимость не только уточнения данной дефиниции, но и выявления преимуществ использования модели массово-информационного пространства в сравнении с моделями других пространств при изучении в исторической перспективе процесса взаимодействия и взаимовлияния СМИ, аудитории, авторов публикаций и медиаинформации.

При выработке теоретической модели МИП мы опирались на основные идеи пространственного обозначения сферы функционирования языков, информации, культуры, этносов и т. д., которые присутствуют в современном научном знании. Такое обозначение сферы, в основном, условно и характеризует некое «место» прохождения какого-либо процесса, существования явления, проживания народа, проявлений его ментальности, языковой, материальной культуры. Подобное разграничение бывает необходимым, когда нуж-

но исследовать предмет изучения локально – на конкретных примерах или субъектах, в рамках определенной территории, временного промежутка.

По нашему мнению, понятие «пространство», в сравнении с близкими по смыслу понятиями «комплекс» и «система», обладает большими возможностями, поскольку его использование позволяет рассматривать предмет изучения объемно и всесторонне. Этим можно объяснить его популярность в современной отечественной исследовательской практике²⁶. Пространство, в частности, определяют как форму созерцания, восприятия представления вещей, «основной фактор высшего эмпирического опыта», а также как «способ существования объективного мира, непрерывно связанный со временем»²⁷. Но наиболее распространенным в справочной литературе является философское толкование понятия: «Пространство – одна из форм (наряду со временем) существования бесконечно развивающейся материи, характеризующаяся протяженностью и объемом»²⁸. Пространство обладает собственными атрибутами, среди которых наиболее значимыми являются протяженность, единство прерывного и непрерывного, системность.

В отличие от территории, пространство не имеет конкретных координат своего местоположения, а также границ, обозначенных физически, осязаемо, хотя в ряде случаев ассоциируется с территорией определенного региона или государства. Оно интуитивно понимается как пространство действий или деятельности, место хранения или нахождения рассматриваемых объектов, сущность некоторой системы. На наш взгляд, наиболее лаконичную и точную трактовку этого понятия дает «Словарь русского языка» С. И. Ожегова, определяя пространство как «место, где что-нибудь вмещается»²⁹. Таким содержанием пространства могут быть люди, проявления их жизни, средства

²⁶ См. об этом подр.: Зинков Е. Г. Культурное пространство российской духовности: дис. ... д-ра философ. наук. Ростов-на-Дону, 2006. С. 7–6.

²⁷ Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Институт философии РАН, Нац. общ.-научн. фонд; Научно-ред. совет: В. С. Степин и [др.]. Т. 3. М., 2001. С. 370.

²⁸ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка; Российский фонд культуры. М., 1993. С. 642.

²⁹ Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 53000 слов / под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. 24 изд., испр. М., 2007. С. 808.

(вербальные и невербальные) и сам процесс общения, результаты интеллектуальной и физической деятельности (исторические артефакты, культурные инварианты, произведения искусства, жилища) и т. д. В отличие от нематериального пространства, которое не воспринимается с помощью органов чувств, а часто описывается на уровне метафор, находящиеся в нем живые существа, материальные предметы или привязанные к физическому воплощению явления могут быть подвергнуты изучению, описанию, анализу.

Для исследования пространства может быть выбран, например, социальный аспект. Тогда внимание исследователя будет обращено на исторически сформировавшиеся отношения людей к природе и друг к другу. Отметим, что социальное пространство в советский период обозначалось как «социально освоенная часть природного пространства как среды обитания людей»³⁰. В настоящее время в социологии данное понятие не имеет общепринятой трактовки и рассматривается учеными достаточно широко и с разных позиций, в русле теорий, разработанных Э. Дюркгеймом, Г. Зиммелем, П. Бурдьё. Так, например, А. В. Соколов определяет его как интуитивно ощущаемую людьми систему социальных отношений между ними.³¹ Н. Л. Виноградова считает, что «социальное пространство определено творческой энергией индивидов, находящихся во взаимодействии»³². Такой коммуникативный аспект, на наш взгляд, позволяет рассматривать данное пространство не просто как территорию, место обитания, бытия людей, но и как пространство их коммуникативной деятельности, в ходе которой происходит обмен информацией. Но средства массовой информации в этом обмене не играют определяющей роли, поэтому рассмотрение их взаимодействия с аудиторией, авторами публикаций и медиаинформацией в контексте широкого социального пространства не позволяет сосредоточить внимание на конкретных аспектах этого процесса.

---

³⁰ Краткий словарь по социологии / под общ. ред. Д. М. Гришиани, Н. И. Лапина; сост. Э. М. Коржева, Н. Ф. Наумова. М., 1989. С. 259.

³¹ Соколов А. В. Общая теория социальной коммуникации. СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2002. С. 42.

³² Виноградова Н. Л. Социальное пространство как пространство диалогического взаимодействия // Вестник ПомГУ. Серия Гуманитарные и социальные науки. 2006. № 2. С. 37.

Целью коммуникации может быть, в том числе аккумуляция, трансляция и консервация культурной информации. Данные процессы являются проявлением деятельности человека, в результате которой создается культурное (социокультурное) пространство. Подтверждение данной мысли мы находим, в частности, в работе В. Я. Мауля, где социокультурное пространство было использовано как средство исторического познания русского бунта на примере восстания Е. Пугачева. Исследователь отметил, что субъектом такого пространства является человек, «способный одухотворять себя и окружающий мир, сообщать ему искусственный облик, вносить в него культурную значимость»³³.

Еще одна, на наш взгляд, успешная попытка включения категории «социокультурное пространство» в историческое исследование была предпринята В. В. Шевцовым, который представил становление и развитие газеты «Томские губернские ведомости» как неотъемлемую составляющую социокультурной жизни Сибири³⁴. Такой подход позволил автору обратить особое внимание на роль неофициального раздела губернского издания и оценить его значение для информирования, культурного просвещения и социальной адаптации местного населения.

Одной из главных особенностей социокультурного пространства, на наш взгляд, является то, что в нем возможно сосуществование отдельных объектов и целых пластов культуры как бы «вне времени», когда созданное или существовавшее века и тысячелетия назад оказывается современным, актуальным, востребованным для нынешних поколений. Но это возможно лишь при наличии надежных средств фиксации (консервации) культурной информации, благодаря которым новые поколения могут знакомиться с достижениями своих предков. СМИ в этом процессе играют важную роль, но выступают, скорее, как средство трансляции культурной информации, под воздействием которой формируются знания людей, их мировоззрение, историче-

---

³³Мауль В. Я. Социокультурное пространство русского бунта (по материалам Пугачевского восстания): автореф. дис... д-ра ист. наук. Томск, 2005. С. 16–17.

³⁴Шевцов В. В. «Томские губернские ведомости» (1857–1917 гг.) в социокультурном и информационном пространстве Сибири. Томск: ТГУ, 2012. 414 с.

ское сознание. Поэтому изучение взаимодействия СМИ с другими субъектами массово-информационной деятельности в контексте социокультурного пространства заставило бы рассматривать данный процесс, прежде всего, как обмен культурной информацией, что сместило бы акценты исследования с истории в область культурологии.

Значимость культуры и информации как результатов человеческой деятельности обуславливает достаточно широкое распространение в научной среде понятия «культурно-информационное пространство». В зависимости от угла зрения исследователями оно трактуется как «историческая реальность, формирующаяся веками в процессе взаимодействия народов, объединенных в единое многонациональное государство»³⁵, как «особое измерение не только процесса созидательной деятельности общества, но и его результата, своеобразии которого определяется одновременным воздействием объективных и субъективных факторов»³⁶. Использование близкого по значению понятия «информационно-культурное пространство» позволяет в первую очередь брать во внимание не состояние собственно культуры, а функционирование в обществе информации, ее тематику, характер, степень массовости, функционирование средств информирования. По мнению К. Ф. Завершинского, такое пространство «предстает и как распределение объективированных ресурсов и социальных институтов (образование, наука, искусство, религия), и в виде взаимосвязанной целостности субъективных структур – схем мышления и поведения социальных агентов»³⁷.

Исследователи, разрабатывая структуру культурно-информационного и информационно-культурного пространств, кроме СМИ включают сюда учреждения образования и культуры, библиотеки, описывая или даже особо выделяя их роль в сохранении, распространении и пропаганде культурной информации. Кроме них составляющей таких пространств предлагается счи-

---

³⁵Неретин О. П. Культурно-информационное пространство многонациональной России и его развитие: проблемы, перспективы: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2006. С. 4.

³⁶Олейников С. В. Культурно-информационное пространство: категории и дефиниции // Вестник СПбГУ. 2009. Сер. 9. Вып. 3. С. 427.

³⁷Завершинский К. Ф. Когнитивные основания политической культуры: опыт методологической рефлексии // Полис. 2002. № 3. С. 25.

тать и деятельность субъектов культурной коммуникации, их поведение, реакции при восприятии или трансляции сведений культурного характера и т. д., схемы понимания информации в соответствии с интеллектуальными, ментальными, национальными, культурными и другими установками. Но такое широкое рассмотрение культурно-информационного и информационно-культурного пространств не дает возможность сосредоточить внимание на одной из их составляющих без учета других, использовать концепции данных пространств для разработки модели, позволяющей предметно изучать взаимодействие и взаимовлияние СМИ, аудитории, авторов публикаций и медиаинформации в исторической перспективе.

В последние годы в научной литературе популярным стало использование понятия медиапространство, которое ассоциируют, например, с неким виртуальным пространством, для которого характерны манипуляция общественным сознанием, сериально-рекламная информационная фоновая культура, стереотипизация социальных реакций³⁸. Чаще всего авторы ограничиваются лаконичным обозначением медиапространства как пространства функционирования СМИ и лишь некоторые пытаются сформулировать собственные определения дефиниции³⁹. В научной литературе можно встретить представление медиапространства как результата взаимодействия акторов, производящих, передающих и потребляющих массовую информацию⁴⁰ или как современный синоним «информационного пространства»⁴¹.

Понятие «информационное пространство» (ИП) стало использоваться в России с начала 1990-х гг. в научных работах, посвященных проблемам фор-

³⁸Юдин И. В. Информационное пространство и трансляция культурных ценностей в современной России // Власть. 2009. № 6. С. 49.

³⁹ См., напр.: Тузиков А. Р. Масс-медиа: идеология видимая и невидимая // Полис. 2002. № 5. С. 123–134; Бешукова Ф. Б. Медиадискурс современного культурного пространства // Вестник Адыгейского государственного университета. 2008. С. 104–109; Кулибаба С. И. Медиапространство и трансляция духовных ценностей // Медиакультура новой России. Материалы Международной науч. конф. Том II / под ред. Н. Б. Кирилловой [и др.]. Екатеринбург-М., 2007. С. 125–134; Зубанова Л. П. Современное медиапространство: подходы к исследованию и принципы интерпретации // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2008. № 2 (14). С. 6–17; Юдина Е. Н. Развитие медиапространства современной России (на примере телевидения): автореф. дис. ... д-ра соц. наук. М., 2008. 50 с. и др.

⁴⁰ См., напр.: Бузин В. Н. Роль социологии управления в системе массовых коммуникаций // Вестник Российского Государственного университета им. И. Канта. 2010. Вып. 6. С. 129.

⁴¹Дзялошинский И. М. Медиапространство России: экологический аспект // Вопросы теории и практики журналистики. 2013. № 1. С. 66–67.

мирования в стране информационного общества⁴², развитию информационных технологий и компьютеризации общества. Серьезное изучение и понятия, и обозначаемого им явления провел И. М. Дзялошинский, который дал глубокий анализ определения информационного пространства в рамках социальных отношений, его структуры, функционирования и перспектив развития⁴³. Продолжая свои исследования информационного пространства, он также констатировал, что данное понятие сохраняет популярность у авторов научных работ, многие из которых пытаются сформулировать собственное видение и понимание такого пространства с точки зрения геополитики, ноосферы, информационного взаимодействия или социальных отношений⁴⁴.

На наш взгляд, существующие определения информационного пространства можно разделить на две основные группы:

– технологические, где ИП рассматривается как совокупность баз данных, технологий их сопровождения и использования; система телекоммуникаций, обеспечивающая информационное взаимодействие социальных институтов, организаций и граждан, групп и отдельных членов общества;

– философские, где ИП представляется как «мир имён и названий», сопряженный к физическому; совокупность результатов познавательной, коммуникативной, семантической деятельности человека.

Общим недостатком существующих определений информационного пространства можно назвать то, что они формулируются применительно к современным реалиям, без учета исторических условий и предпосылок его формирования. Исключением можно назвать статью М. В. Катковой, которая, определяя такое пространство как сферу отношения людей и их общностей по поводу информации, выделила стадии формирования ИП и его особенности в дописьменную эпоху, проанализировала его изменения, произо-

---

⁴²См., напр.: Мелюхин И. С. Информационное общество: истоки, проблемы, тенденции развития. М., 1999. 208 с.

⁴³Дзялошинский И. Информационное пространство России: политическая метафора или научное понятие // Право знать: история, теория, практика. 2001. № 7–8, 9–10.

⁴⁴Дзялошинский И. М. Медиапространство России: экологический аспект // Вопросы теории и практики журналистики. 2013. № 1. С. 64–79.

шедшие в связи с развитием практики фиксации знаков на материальном носителе, с появлением и использованием документа⁴⁵.

В исторических исследованиях понятие «информационное пространство» нередко используется в техническом аспекте – для обозначения информационной инфраструктуры страны и отдельных регионов. Основы такого подхода были заложены А. А. Глущенко, который исследовал становление российской системы радиосвязи в начале XX в.⁴⁶. Данная традиция была продолжена и другими авторами, изучавшими влияние средств электросвязи (телеграфа, телефона, радио) и почтовых сообщений на общее экономическое, социально-культурное развитие регионов⁴⁷. Другой подход к трактовке информационного пространства демонстрирует, в частности, Н. Б. Симонова. Используя рассматриваемое понятие применительно к изучению истории сибирской прессы второй половины XIX в., она обозначила им «всю совокупность периодических изданий, распространявшихся на территории Сибири, которые были доступны сибирскому читателю» и другим акторам, участвовавшим в информировании населения (государственные структуры и учреждения, социальные институты, частные лица и т. д.)⁴⁸. Такой подход, на наш взгляд, обеспечил системность в изучении формирования информационного пространства, в данном случае, как системы печатных СМИ, позволил исследователю выделить не только условия становления в Сибири прессы, но и закономерности развития, характерные для изданий различных типов, определить особенности субъектов информационного процесса.

Однако следует констатировать, что в исторических исследованиях понятие «информационное пространство» не получило широкого распространения. Главной причиной этого, на наш взгляд, служит отсутствие четких и общепринятых дефиниций, что затрудняет не только его использование, но и

---

⁴⁵ Каткова М. В. Понятие «информационное пространство» в современной социальной философии // Известия Саратовского университета. 2008. Т. 8. Сер. Философия. Психология. Педагогика. Вып. 2. С. 22–26.

⁴⁶ Глущенко А. А. Деятельность государственных органов и общественных объединений по формированию информационного пространства России (1900-1917 гг.): автореф. дис... д-ра ист. наук. СПб., 2002. 40 с.

⁴⁷ См., напр.: Шапошников Г. Н. Развитие электросвязи и формирование формационной среды на Урале во второй половине XIX в. – конце 20-х гг. XX в.: автореф. дис... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2007. 34 с.

⁴⁸ Симонова Н. Б. Информационное пространство Сибири второй половины XIX века: особенности формирования // Вестник НГУ. 2012. Серия История, филология. Т. 11, вып. 11: Журналистика. С. 12.

определение отправной точки возникновения (формирования) такого пространства, конкретизацию его структуры, выявление особенностей взаимодействия составляющих его элементов. Спорными также остаются вопросы о возможности отождествления информационного пространства с системой СМИ или их выделении в качестве главной составляющей информационного пространства, о признании базовым элементом данного пространства информации как таковой.

Несмотря на различия во взглядах вышеназванных авторов и используемой ими терминологии, их объединяет признание важности той роли, которую СМИ играют во всех сферах жизнедеятельности людей, в том числе культурной. Следовательно, можно говорить и о существовании такой разновидности информационного пространства как медиакультурное пространство, в котором средства массовой информации, взаимодействуя с аудиторией и авторами публикаций, консервируют, транслируют информацию или сведения, восприятие которых влияет на формирование культурного сознания граждан, на процесс и результаты культурной самоидентификации представителей массовой аудитории⁴⁹.

В связи с этим интересной нам представляется идея Д. В. Чайковского о том, что информационное пространство, в которое человек «погружен» с момента рождения, постоянно расширяется, выходя за пределы семьи, детского сада, школы, улицы, поскольку изменяются условия потребления человеком информации, увеличиваются его контакты с внешним миром и возможности получения сведений. При этом пространство, создаваемое СМИ, очень быстро начинает доминировать над всеми остальными видами информационных пространств⁵⁰.

Именно в таком пространстве, обозначенном нами как **«массово-информационное»**, происходит взаимодействие и взаимовлияние СМИ, как

---

⁴⁹Подр. об этом: Костякова Ю. Б. Исторические условия формирования медиакультурного пространства Хакасии // Развитие языков и культур коренных народов Сибири в условиях изменяющейся России: материалы III Международной науч.-практ. конф., 23-25 сент. 2010 г., г. Абакан / отв. ред. Т. Г. Боргоякова. Абакан: Изд-во ГОУ ВПО «ХГУ им. Н.Ф. Катанова», 2010. С.64–69.

⁵⁰ Чайковский Д. В. Методологические аспекты формирования информационного пространства (на примере студенческой аудитории) // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 336. С. 52.

особого социального института и совокупности средств трансляции (каналов) массово-ориентированной информации, и авторов публикаций (журналисты, внештатные авторы). В этот процесс в качестве активных и пассивных со-участников вовлечено множество потребителей информационной продукции СМИ, то есть аудитория. Исходным материалом, продуктом и средством, стимулирующим эту деятельность, является медиаинформация.

Историческими условиями возникновения такого пространства, на наш взгляд, является не только возникновение прессы, увеличение общего количества средств массовой информации и усложнение их системы, но и изменение политических, экономических, культурных условий существования человека, в которых значительно повышается его потребность в общественно-значимой массовой информации и, как следствие, интенсивность взаимодействия с СМИ. Это и служит основной предпосылкой возникновения массово-информационного пространства.

При создании теоретической модели массово-информационного пространства мы использовали метод, обозначенный нами как метод пространственности, то есть придание рассматриваемому объекту объема за счет выделения «опорных точек», субъектов (элементов), системное взаимодействие которых способствует возникновению такого пространства. Мы предлагаем рассматривать *массово-информационное пространство как пространство, образованное совокупностью четырех взаимосвязанных и взаимодействующих элементов: СМИ, аудитории, медиаинформации и авторов публикаций*. Последние являются одновременно и создателями и потребителями контента, что позволяет их считать и составной частью аудитории. Средства массовой информации (пресса, радио, телевидение, информационные агентства, Интернет-СМИ), представляют собой составные части элемента МИП, объединенного на основе специфики деятельности (трансляция массовой информации), общности цели и функций, общего объекта воздействия (аудитория), за счет чего возможно в значительной степени нивелировать технологические и другие различия СМИ.

Каждый элемент рассматриваемого нами пространства обладает своими признаками (количественными, качественными, типологическими и др.), собственной историей и определенной самоценностью. Доминантой средств массовой информации в сравнении с остальными источниками, трансляторами и ретрансляторами сведений является массовый характер их деятельности, в которую вовлечены как журналисты, так и массовая аудитория, представители которой на всех исторических этапах существования массово-информационного пространства выступают в роли не только потребителей, но и источников информации, а также авторов публикаций. Поэтому центральной фигурой МИП является человек как непосредственный участник массово-информационной деятельности. Следовательно, МИП можно определить как пространство, находясь в котором каждый человек в процессе взаимодействия со СМИ имеет возможность оперативно получать и транслировать информацию о событиях и явлениях действительности, пополнять багаж знаний, способствующих его социализации и ориентации в окружающем мире, повышать собственный культурный и интеллектуальный уровень независимо от места проживания, социального статуса, профессиональной и национальной принадлежности. При этом мы делаем акцент именно на возможности человека получать медиаинформацию и участвовать в информационной деятельности СМИ, так как в противном случае он оказывается «выключенным» из информационной сферы. Поэтому одной из предпосылок возникновения МИП является создание для большей части населения страны или региона таких условий, в которых практически каждый житель территории имел бы доступ к медиаинформации.

Под медиаинформацией (массовой информацией) чаще всего подразумевают «предназначенные для неограниченного круга лиц печатные, аудио-, аудиовизуальные и иные сообщения и материалы»⁵¹. Ряд авторов предпринимает попытки сформулировать собственное ее определение, например, как

---

⁵¹ Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации» от 27 декабря 1991 г. // Российская газета, 1992. 8 февраля. С. 1.

информации, циркулирующей «в том слое общественного сознания, которое определено как массовое сознание»⁵². А. А. Грабельников предлагает в качестве базовых характеристик рассматривать ее общественную значимость и общедоступность (физическую и семантическую), позволяющие массовой информации «играть роль интегратора между различными слоями и группами населения»⁵³. Добавим, что массовая информация, являясь средством формирования общественного мнения и массового сознания, в то же время отражает их состояние. Возможность соучастия в ее создании представителей общества, в том числе не обладающих специальными профессиональными (журналистскими) знаниями и практическим опытом, обеспечивает отражение в ней всех сторон жизнедеятельности общества, широкого спектра мнений, позиций, суждений, представлений людей. Следовательно, массовую информацию можно обозначить как один из наиболее важных результатов жизнедеятельности социума и отражения им действительности, культурный феномен, создаваемый и востребованный обществом.

В данном исследовании термин «медиаинформация» используется нами для обозначения той части массовой информации, которая аккумулируется и транслируется непосредственно СМИ, обладает такими признаками, как оперативность, актуальность, общественная значимость и находит свое воплощение в виде публикаций, оформленных в соответствии с критериями журналистских жанров. Такое уточнение позволяет исключить из медиаинформации документальные и художественные фильмы, концерты, объявления, кроссворды и прочие информационные продукты, транслируемые СМИ, но не обладающие общественной значимостью содержащихся в них сведений.

В процессе воспроизводства медиаинформации участвуют многочисленные представители общества (журналисты и внештатные авторы, лидеры общественного мнения и проч.), которых можно обозначить как субъекты массово-информационной деятельности. Под такой деятельностью традици-

---

⁵²Ивашенко Г. В., Науменко Т. В. Массовая информация [Электронный ресурс] // CREDO NEW, 2000. № 3. URL: <http://credonew.ru/content/view/181/52/> (Дата обращения 13.11.2013).

⁵³Грабельников А. А. Массовая информация в России: от первой газеты до информационного общества. М.: Изд-во РУДН, 2001. С. 7.

онно понимается совокупность последовательных процессов: отражение реальной действительности в сознании журналистов, создание творческими сотрудниками редакций текстов и трансляция аудитории с использованием специальных каналов (СМИ), восприятие аудиторией самих материалов и содержащейся в них информации. При этом аудитории отводится роль пассивного потребителя МИ, объекта воздействия журналистов и СМИ. Авторы и пользователи медиаконтента, их мотивация на создание, распространение и потребление такой информации зачастую остаются вне зоны внимания ученых или изучаются односторонне.

В рамках данного исследования, предметом которого является взаимодействие и взаимовлияние СМИ, аудитории, авторов публикаций и медиаинформации, мы предлагаем массово-информационную деятельность рассматривать как *восприятие авторами публикаций действительности в целом и отдельных ее проявлений, отражение результатов такого восприятия в материалах СМИ, трансляция текстов аудитории с использованием каналов массовой информации, восприятие аудиторией таких представлений о действительности и реагирование на них*. Отметим, что восприятие действительности авторами публикаций и освоение материалов СМИ аудиторией происходит на основе культуры, характерной для общества в целом в конкретный исторический период, и зависит от уровня культурного развития данных субъектов массово-информационной деятельности, влияния политического, экономического и других факторов. Реакцией аудитории на транслируемые через СМИ «образы» и установки может быть отторжение предлагаемого авторами публикаций видения действительности и отдельных ее фрагментов, принятие пропагандируемых взглядов, мнений и позиций, изменение под их влиянием поведения и картины мира людей.

Массово-информационное пространство можно охарактеризовать как одну из форм существования материальных объектов, в данном случае – СМИ, аудитории, авторов публикаций и медиаинформации, как составную часть исторического пространства, которое понимается как совокупность

экономических, природно-географических, общественно-культурных и политических процессов, протекающих на определенной территории. Массово-информационное пространство и время объединяет движение информации или массово-информационный обмен, который происходит между элементами МИП в пространственно-временном континууме.

Массово-информационное пространство не является некой застывшей субстанцией: оно формируется в результате целенаправленной деятельности представителей общества, в частности, реализации государственной информационной политики в сфере СМИ, трансформируется под влиянием, в том числе человеческого фактора. Будучи саморазвивающейся системой, оно обладает динамичностью, способностью изменять свой масштаб, объем, структуру. В отличие от исторического пространства или пространства как абстрактной категории, возникновение МИП, его расширение/сужение или трансформация тесно взаимоувязаны с конкретными историческими событиями и явлениями действительности. Это позволяет проследить процесс формирования такого пространства на определенном отрезке исторического времени, с учетом размерности протекания данного процесса, последовательности основных этапов его становления и развития, необратимости этой последовательности.

При изучении формирования массово-информационного пространства в исторической перспективе, по нашему мнению, на первый план должны выходить не только процесс создания и функционирования системы СМИ, и даже не деяния органов власти, групп или отдельных людей, а люди, совершающие эти деяния, что помогает выявлять пресловутый «человеческий фактор» исторических событий и явлений. В этом случае исследование формирования МИП будет действительно историческим, поскольку история есть наука, изучающая в хронологическом развитии человеческую деятельность во всей ее конкретности и многообразии.

Таким образом, анализ ключевых понятий исследования «медиа» и «история» позволил сформулировать определение медиаистории как направле-

ния исторических исследований. Ее предметом может выступать реализация государственной информационной политики в сфере СМИ. Под ней мы предлагаем понимать деятельность власти, направленную на информационное обеспечение с помощью средств массовой информации реализации внутренней и внешней политики, государственных планов и задач, формирование массового сознания граждан и создание единого информационно-пространства, организацию, контроль и обеспечение функционирования системы СМИ, а также ее материально-технической базы. С позиций антропоцентрического подхода к определению предмета медиаистории и применительно к данному исследованию, таковым является человеческая деятельность, связанная с аккумуляцией, распространением и восприятием массовой информации, происходящая в массово-информационном пространстве. Данное пространство предложено рассматривать как пространство, образуемое в результате взаимодействия и взаимовлияния средств массовой информации, аудитории, авторов публикаций и медиаинформации.

Методика исследования процесса формирования массово-информационного пространства в исторической перспективе предполагает:

- 1) системный и комплексный анализ исторических, политических, экономических, культурных и других условий развития системы средств массовой информации и массовой аудитории; 2) определение состава авторов СМИ (журналистов, внештатных корреспондентов) и мотивации их со-участия в массово-информационной деятельности в различные исторические периоды; 3) выявление факторов, влиявших на содержание медиаинформации, процесс ее создания авторами, тиражирования СМИ, восприятия аудиторией и в целом на весь процесс взаимодействия и взаимовлияния всех элементов МИП.

Полученные в ходе такого исследования сведения способствуют расширению знания, в том числе о жизни людей в прошлом, о причинах и последствиях сложных и неоднозначно трактуемых событий истории страны и рассматриваемых национальных территорий.

1.2. Степень изученности проблемы

Формирование массово-информационных пространств страны и конкретных регионов, в том числе Хакасии и Горного Алтая, ранее не являлось предметом исторического исследования. Поэтому основной нашей задачей стало выявление степени изученности различных аспектов взаимодействия и взаимовлияния средств массовой информации, аудитории, авторов публикаций и медиаинформации, как элементов такого пространства.

В основу анализа историографии был положен целостный подход, позволивший рассмотреть литературу по теме как целостное знание о взаимовлиянии вышеназванных элементов массово-информационного пространства. Использование такого подхода дало возможность изучить процесс приращения этого знания в соотнесенности с условиями и основными этапами формирования исторической науки, ее методологическими концепциями и традициями, состоянием источниковой базы, использовавшимися методами и приемами источниковедческой критики.

Развитие историографии обозначенной темы можно условно разделить на два основных этапа – советский и постсоветский. Использование проблемно-хронологического метода позволило выявить их внутреннюю периодизацию: 1920-е – середина 1930-х гг., вторая половина 1930-х гг. – середина 1950-х гг.; вторая половина 1950-х гг. – первая половина 1960-х гг.; середина 1960-х гг. – конец 1980-х гг.; 1990-е гг.; 2000-е гг. по настоящее время. Такая периодизация, на наш взгляд, отражает изменение концепций изучения истории СМИ и их взаимоотношений с другими участниками массово-информационного процесса на разных этапах развития советской и постсоветской историографии.

Особенностью советского этапа являлся партийно-классовый подход к историографии и единая методология, сформированная на основе марксистско-ленинского учения. В таких условиях в 1920-е гг. и до середины 1930-х гг. происходило становление советской историографии медиаистории. Практика празднования Дня большевистской печати, начатая в 1922 г., в определенной

мере послужила стимулом к созданию ряда работ, авторы которых, в том числе известные публицисты Л. Н. Клейнборт и С. Б. Урицкий, обозначили основные вехи развития советской печати, обобщили фактический материал о прошлом некоторых изданий, дали оценку опыта и результатов их деятельности⁵⁴. Характерной чертой данного периода явилось отсутствие научных трудов, обобщавших опыт советских СМИ в исторической перспективе. В качестве примера можно привести работы Я. Шафира и М. Абросимова⁵⁵, в которых деятельность прессы в целом и отдельных изданий рассматривалась преимущественно на фактическом материале, собранном в течение нескольких лет. Целью, которую ставили перед собой эти и другие авторы, служила пропаганда положительного опыта печатных средств массовой информации, поэтому больше уделялось внимания методике работы СМИ, а не их истории.

В первой половине 1920-х гг. в русле дискуссии, начавшейся в преддверии и после I Всесоюзного совещания рабселькоров (1923 г.), развернулось обсуждение вопросов о роли и функциях внештатных авторов, организации корреспондентского актива печати, насущных вопросов рабселькоровского движения. Такие брошюры и книги⁵⁶ освещали недавнее прошлое СМИ, содержали примеры деятельности редакций и советы начинающим корреспондентам, изучение которых позволяет составить представление об условиях труда газетных работников, о требованиях, которые предъявлялись к содержанию материалов прессы, и косвенно – о том, каким образом устанавливался и поддерживался контакт редакций с внештатными авторами и аудиторией.

Отметим, что первые попытки изучения аудитории прессы на основе анкетирования и наблюдений предпринимались в начале-середине 1920-х гг. Наиболее существенный вклад в изучение данной темы внес Я. М. Шафир, который в течение почти десятилетия проводил исследования социального состава

---

⁵⁴ Клейнборт Л. Очерки рабочей журналистики (1873-1923 гг.). М.-Петроград, 1924. 168 с.; Урицкий С. Б. Наши итоги. Тринадцать лет красной печати. М.-Л., 1925. 83 с.

⁵⁵ Шафир Я. Газета и деревня. М., 1923. 147 с.; Абросимов М. Деревенские стенные газеты. Л., 1925. 77 с.

⁵⁶ См., напр.: Крестьянский корреспондент. Его роль и работа / Д. Бедный, И. Гаврилов и др. М.-Л., 1925. 191 с.; Бурак Ю. Я. Селькоры и революционная законность. Л., 1926. 23 с.

и психологии читателей газет. В своих работах⁵⁷ он охарактеризовал методы социологического изучения аудитории прессы и выделил основные направления такой работы, обращая особое внимание на доступность для читателя языка газеты и использование опыта дореволюционной прессы при установлении контакта между редакцией и читателем.

Главной составляющей государственной информационной политики в сфере СМИ являлось взаимоотношения партии и прессы. До конца 1920-х гг. обсуждение этой темы происходило в условиях усиления партийно-государственного контроля за деятельностью периодической печати. Методологической основой для большинства авторов исследований служили речи и статьи И. В. Сталина, Н. И. Бухарина и других лидеров партии, в которых, с опорой на труды В. И. Ленина, определялись роль и место СМИ в агитационно-пропагандистской деятельности ВКП(б). Можно утверждать, что данные работы своей совокупностью отражали процесс и содержание советской информационной политики в сфере СМИ, обращая особое внимание на ее идеологическое «наполнение» и обоснование. В русле реализации этой политики уже в начале 1920-х гг. активно внедрялась установка на «переписывание истории» прессы и устранение из нее любых фактов, свидетельствовавших о трудностях, которые испытывали советские издания, в том числе в установлении связи с аудиторией. Такой вывод позволяет сделать анализ публикаций таких идеологов печати, как И. В. Вардин и С. Ингулов⁵⁸. К началу 1930-х гг. взаимоотношения прессы и власти стали рассматриваться только с позиций подчиненного положения СМИ по отношению к партии, что нашло свое отражение в логике построения работ и их лексике. Печать обозначалась как инструмент, с помощью которого партия решала актуальные политические, организационные и другие задачи.

---

⁵⁷ Шафир Я. М. Изучение типического читателя // Книгоноша, 1924. № 46. С. 2-3; Он же: «Рабочая газета» и ее читатель. Итоги одной анкеты. М., 1926. 243 с.; Он же: Очерки психологии читателя. М.-Л., 1927. 88 с.; Он же: Познай своего читателя // Красная печать, 1929. № 36. С. 23-26.

⁵⁸ Вардин И. В. Советская печать: Сб. статей. М., 1924. 152 с.; Ингулов С. Партия и печать. М., 1928. 351 с.; Ингулов С. Культурная революция и печать. М., 1928. 80 с.

Достижением историографии 1920-х гг. – первой половины 1930-х гг. можно считать то, что в многочисленных статьях, брошюрах и книгах исследователями был зафиксирован большой объем фактического материала. Но работа по его систематизации велась слабо, что можно объяснить, в том числе тем, что в 1920-е гг. господствовало отрицание преемственности традиций между советскими и дореволюционными печатными СМИ, объявленными буржуазными и, следовательно, антинародными. В условиях НЭПа, когда возрождались негосударственные газеты и легальные издания небольшевистских партий, использовавшие опыт российской прессы начала XX в., такая позиция, на наш взгляд, была политически оправдана.

Исключением из правил служит статья «Газеты» в «Сибирской советской энциклопедии»⁵⁹, которая дает представление о прессе Сибири и Дальнего Востока с дореволюционного периода до первой половины 1920-х гг. В статье содержится ценная информация о трансформации системы сибирской печати в XIX–XX вв., называются объективные причины кризиса прессы, описываются приемы «приближения печати к населению», сообщаются выходные данные газет. Приведенная в конце статьи библиография позволяет сделать вывод об отсутствии обобщающих трудов по истории периодической печати с момента окончания Гражданской войны и до конца 1920-х гг., а также оценить масштаб работы, проделанной авторами данного раздела по сбору, обобщению и систематизации фактического материала. В указанной статье есть упоминание о газетах Хакасии и Горного Алтая. Однако в разделах, посвященных отдельным национальным изданиям изучаемых территорий, искажены их названия, неверно указаны годы начала выпуска⁶⁰.

Важными событиями, оказавшими влияние на формирование историографии в рассматриваемый период, стали XII съезд РКП(б) и IV совещание ЦК партии с ответственными работниками национальных республик и областей, прошедшие в 1923 г. На этих мероприятиях произошло окончательное

---

⁵⁹ Газеты // Сибирская советская энциклопедия. Т. 1. А–Ж. Новосибирск, 1929. С. 591–620.

⁶⁰ Сибирская советская энциклопедия. Т. 2. З–К. Новосибирск, 1931. С. 655.

оформление советской национальной политики, разработаны основные направления ее реализации. В этой связи созданию прессы в национальных регионах придавалось, в большей степени, политическое значение, а ее появление расценивалось как одно из свидетельств ликвидации «культурной отсталости» населения и достижение культурной революции. Такая позиция нашла свое отражение в литературе, в частности, в обобщающих работах по проблемам национального строительства и культуры⁶¹.

Отметим, что в литературе 1920-х гг. – первой половине 1930-х гг. история прессы Хакасии и Ойротии не нашла отражения. В сборниках, посвященных юбилеям Ойротской автономной области, авторы, описывая этапы и достижения реализации национальной политики, сообщали о наличии местной печати, но ограничивались упоминанием о количестве издававшихся газет⁶² или увеличении их тиражей⁶³. Исключением является статья Н. Чевалкова и Л. Эдокова, в которой был представлен краткий обзор состояния алтайских газет и обозначены перспективы их развития, дана оценка финансового и кадрового обеспечения редакций⁶⁴. Пресса Хакасии, возникшая позже, в первой половине 1930-х гг. переживала трудный этап становления, что нашло отражение в одной из первых обобщающих статей по данной теме, написанной общественным и культурным деятелем И. Киштеевым⁶⁵.

Главным событием, определившим особенности следующего периода развития советской историографии истории СМИ (вторая половина 1930-х гг. – середина 1950-х гг.) стало издание в 1938 г. учебника «История ВКП(б). Краткий курс», в котором была изложена официальная трактовка прошлого России. Известный польский исследователь М. Гловинский точно, на наш взгляд, определил, что в нем «история предстает как триумф правильного над

---

⁶¹ См., напр.: Трайнин И. П. СССР и национальная проблема (по национальным республикам и областям Советского Союза). М., 1924. 242 с.; Мансуров Г. За культурное строительство национальностей. М., 1927. 42 с.

⁶² Куют Ф. 10 лет советской Ойротии. Новосибирск, 1932. 56 с.

⁶³ Экономическо-статистический справочник Ойротской автономной области. Ойрот-Тура, 1934. 68 с.

⁶⁴ Чевалков Н., Эдоков Л. Национальная печать к десятилетию Ойротии // Десять лет советской Ойротии. Политико-экономический сборник / под ред. Г. Чучкалова. Улала, 1932. С. 97–99.

⁶⁵ Киштеев И. Культурный и хозяйственный рост Хакасии и развитие национальной печати // Районная и политотдельская печать, 1935. № 31.

неправильным, ясных и единственно возможных принципов над непонятными, несуразными, чуждыми и враждебными»⁶⁶. Отметим, что успешному внедрению «Краткого курса» в систему образования и политического просвещения способствовала однозначность трактовок событий и явлений, максимальное упрощение языка, четкая внутренняя логика, понятная на интуитивном уровне идея (приход к власти большевиков как победа добра над злом) вкупе с мощной политической поддержкой в виде специальных постановлений⁶⁷.

Выход «Истории ВКП(б)» привел к изменениям в методологии исторической науки. Изложенная в «Кратком курсе» концепция истории не подлежала каким-либо интерпретациям, любое утверждение или вывод, зафиксированные в этом учебнике, должны были восприниматься как истина в последней инстанции. Невозможность выйти за рамки установленных канонов привела к прекращению исследований по некоторым направлениям, в том числе и по истории советских СМИ. Издававшиеся книги и брошюры носили преимущественно директивный или справочный характер⁶⁸. Для послевоенного периода было характерно пробуждение интереса к дореволюционным изданиям, личностям известных журналистов XIX в. Но прошлое прессы советского периода по-прежнему не исследовалось с научных позиций, поскольку исторические схемы, заложенные в «Кратком курсе», не оставляли возможностей для научного поиска в этом направлении.

Активное и массовое развитие радиовещания в СССР началось с середины 1920-х гг. Однако научные работы, обобщавшие и анализировавшие деятельность этого СМИ в исторической перспективе, не издавались вплоть до окончания Великой Отечественной войны. Становление радио в стране было сложным процессом, масштабы и темпы его развития в раз-

⁶⁶ Гловиньский М. Не пускать прошлого на самотек: «Краткий курс ВКП(б)» как мифическое сказание / пер. с польск. К. Душенко // Новое литературное обозрение, 1996. № 22. С. 147.

⁶⁷ См., напр.: О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)»: Постановление ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1938 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 7. Ч. III. М., 1954. С. 316–332.

⁶⁸ См., напр.: Омельченко К. Большеви́стская печать (Ко Дню печати). М., 1939. 104 с.; Ярославский Е. Тридцать лет большеви́стской «Правды». М., 1942. 64 с.; Большеви́стская печать: сб. мат-в. Ч. 2 (ноябрь 1917 года – 1945 год) / сост. Б. Яковлев. М., 1945. 399 с.

личных регионах существенно различались. Это, на наш взгляд, не позволяло проводить комплексное исследование данного процесса. Поэтому авторы обращали внимание на проблемы радиофикации, использование радио в проведении культурной революции и проч.⁶⁹.

Пробуждение интереса к прошлому советского радиовещания в послевоенный период было связано с признанием мобилизационной и консолидирующей роли этого СМИ во время войны. Однако сохранение ограничений на выбор тем исторических исследований делало невозможным привлечение широкой источниковой базы и изучение различных аспектов деятельности радиовещания в исторической перспективе. В результате внимание ученых было обращено к начальному этапу истории радио. Анализ литературы⁷⁰ позволил констатировать, что изучение прошлого радиовещания велось исключительно в русле общей концепции партийно-советских СМИ и пропаганды, в которой приоритет отдавался периодической печати. В результате формирование радиосистемы в СССР рассматривалось как составляющая истории советской печати или лишь с технической точки зрения.

Важной тенденцией, сформировавшейся в этот период в отечественной историографии, стало четкое разграничение гражданской и партийной исторической науки. Последняя, изучавшая прошлое ВКП(б), превратилась в ведущую отрасль исторического знания и заняла привилегированное положение, обособившись от остальных направлений исторических исследований⁷¹. Это проявилось, в частности, в том, что созданная в 1946 г. Академия общественных наук при ЦК ВКП(б) выступала своеобразным центром исследований практики и истории средств массовой информации. Итогом ее работы стали защищенные в 1951–1955 г. диссертации, в том числе А. К. Белкова и Н. И. Пахомова⁷². Несмотря на то, что данные авторы рассматривали функ-

---

⁶⁹ См., напр.: Кокорин М. А. СССР у микрофона (проблемы радиофикации СССР). М., 1934. 83 с.; Шигер А. Советское радио на службе культурной революции социалистической стройки: очерки. М., 1932. 61 с.

⁷⁰ См., напр.: Пятьдесят лет радио / под ред. Б.Н. Можжевелова. М.-Л., 1945. 92 с.; Казаков Г. А. Наша страна – родина радио. М., 1952. 112 с. и др.

⁷¹ Советская историография / под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. М., 1996. С. 261–262.

⁷² Белков А.К. Красная печать в период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства СССР (1921-1925 гг.): дис... канд. ист. наук. – М., 1951. 156 с.; Пахомов Н.И. Роль печати в борьбе комму-

ционирование печати в разные периоды (первая половина 1920-х гг. и послевоенный период), общим для них можно назвать идеологическую детерминированность в оценках деятельности прессы, ее взаимоотношений с властью и в целом реализации различных направлений государственной политики в сфере СМИ. Отметим, что эти работы заложили основу схем изучения истории СМИ, сохранявшихся на протяжении всего советского периода.

Средства массовой информации Хакасии и Ойротии со второй половины 1930-х гг. и до середины 1950-х гг. не являлись предметом научного анализа. Отдельные факты из прошлого их прессы обнаруживаются в сборниках, подготовленных отделами агитации и пропаганды Ойротского обкома и Алтайского крайкома партии, в юбилейном сборнике, выпущенном к 15-летию Хакасской автономной области⁷³. Оценивая достижения указанных территорий, авторы этих изданий использовали сведения из истории местной печати, в основном, для иллюстрации тезисов о неуклонном расцвете автономий, улучшении качества жизни и удовлетворении культурных потребностей их населения, в том числе и коренного. Такая позиция соответствовала общей для советской пропаганды и исторической науки данного периода установке, согласно которой наличие в национальном регионе системы прессы и радиовещания должно было служить одним из доказательств успешности реализации национальной политики, признаком преодоления «культурной отсталости» ранее бесписьменных народов.

Начало следующего периода развития историографии истории СМИ (вторая половина 1950-х гг. – середина 1960-х гг.) связано с изменениями, происходившими в общественно-политической жизни СССР. Развенчание «культы личности» Сталина на XX съезде КПСС привело к некоторой либерализации исторической науки. Отказ от догм и схем «Краткого курса» в оценке отечественной истории позволил разрабатывать новые темы изучения

нистической партии Советского Союза за подъем идеологической работы в послевоенный период: автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1954. 19 с.

⁷³ Батасов А., Раппопорт Г. Социалистическая Ойротия. Барнаул, 1939. 38 с.; Сборник лекций к 25-летию Ойротской автономной области. Ойрот-Тура, 1947. 82 с.; Афанасьев Ф. Пятнадцать лет Хакасской автономной области. Абакан, 1945. 47 с.

прошлого, в том числе и СМИ. Исследователи вновь обратились к начальному этапу формирования системы советской прессы, функционированию периодической печати в годы Великой Отечественной войны. Характерными в этом плане можно назвать работы А. И. Еремина, А. Т. Клебанова и М. М. Меримкиной⁷⁴, в которых деятельность всех советских СМИ, направленная на пробуждение трудовой активности рабочих, рассматривалась на примере газеты «Правда». Такую ограниченность, на наш взгляд, можно объяснить не только конъюнктурными интересами авторов, но и относительной доступностью сведений о прошлом этого центрального издания.

Общим для многих работ, созданных в этот период, являлась их клишированность, отсутствие критического анализа событий и приводимых фактов, иллюстративный характер использования исторических источников, некоторая пафосность стиля, тенденциозность выводов. Однако сам факт их появления свидетельствовал о начале поступательного развития историографии истории исследуемой темы. Одним из ее достижений стало начало изучения прошлого региональной печати, в том числе и сибирской. Особо отметим ценность историографического очерка Б. Ц. Дондокова⁷⁵, в котором были представлены не только объемный фактический материал о прессе Бурятии, но и методология изучения истории периодических изданий.

Несмотря на сохранение в целом марксистско-ленинской методологии, в рассматриваемое десятилетие методологический арсенал и схемы исторических исследований 1930-х гг. подверглись некоторой ревизии. Своеобразным «сигналом» к этому послужил доклад Б. Н. Пономарева на Всесоюзном совещании историков (Москва, 18-21 декабря 1962 г.) с резкой критикой «культы личности». Оценивая его последствия, докладчик отметил распростране-

⁷⁴ Еремин А. И. Роль газеты «Правда» в борьбе Коммунистической партии за мобилизацию рабочего класса на отпор врагу в первый период Великой Отечественной войны (июнь 1941 г. – ноябрь 1942 г.): автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1956. 16 с.; Клебанов А. Т. Роль газеты «Правда» в борьбе Коммунистической партии за организацию героического труда рабочего класса в Великой Отечественной войне (период 1944-1945 гг.): автореф. дис... канд. ист. наук. Л., 1962. 16 с.; Меримкина М. М. «Правда» в борьбе за мобилизацию рабочих промышленности на самоотверженный труд в первый период Великой Отечественной войны. автореф. дис... канд. ист. наук. Киев, 1962. 24 с.

⁷⁵ Дондоков Б. Ц. Возникновение и развитие партийно-советской печати в Бурятии (1918-1937 гг.). Улан-Удэ, 1960. 135 с.

ние догматизма и начетничества в исследованиях, сильное ограничение теоретико-познавательной роли истории как науки, прекращение разработки источниковедения, свертывание научных дискуссий⁷⁶. Однако, наряду с призывами к преодолению последствий «культы личности» в исторической науке, в докладе содержались заявления о незыблемости принципа ее партийности, что предполагало сохранение идеологической цензуры и самоцензуры историков, следование «духу марксизма-ленинизма», сохранение цитатничества при смещении акцента на труды В. И. Ленина и т. д. Это, на наш взгляд, привело к созданию новых идеологических схем изучения прошлого СМИ, получивших воплощение в работах А. Л. Мишуриса, И. В. Кузнецова и в сборниках статей, вышедших под их редакторством⁷⁷. Несмотря на тенденциозность названных авторов, несомненным достоинством их произведений можно считать наличие четко изложенной концепции прошлого прессы, использование значительной источниковой базы и широкий хронологический охват. Благодаря этому, как мы считаем, созданные А. Л. Мишурисом и И. В. Кузнецовым работы с незначительными изменениями переиздавались вплоть до 1980-х гг. и служили основой для многих исследований прошлого СМИ.

Положительными явлениями в историографии периода «оттепели» можно назвать расширение методологической базы исследований, разработку нового направления – истории радиовещания. Некоторая либерализация научной мысли дала возможность ввести в оборот новые, в том числе архивные источники, развернуть дискуссию о роли радио в истории страны, в проведении культурной политики. Значительный вклад в изучение данной темы внес автор первой в СССР диссертации по истории радиовещания П. С. Гуревич⁷⁸, который проанализировал и систематизировал введенные им в научный обо-

⁷⁶ Пономарев Б. Н. Задачи исторической науки и подготовка научно-педагогических кадров в области истории // Вестник Академии наук СССР. 1963. № 2. С. 10–11.

⁷⁷ Мишурис А. Л. Партийно-советская печать в период борьбы за строительство социализма: сб. статей. М., 1964. 147 с.; Он же: История партийно-советской печати. М., 1968. 99 с.; Он же: Советская печать в первые годы развернутого строительства коммунизма. М., 1968. 64 с.; Печать и строительство коммунизма: сб. статей / под ред. А. Л. Мишуриса. М., 1969. 275 с.; Мишурис А. Л. Кузнецов И. В. История партийно-советской печати. М., 1964. 99 с.; Кузнецов И. В. Советская журналистика первых послевоенных пятилеток (1946–1958 гг.). М., 1984. 305 с.

⁷⁸ Гуревич П. С. Роль радиовещания в культурной революции в СССР (1917–1941 гг.): автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1965. 21 с.

рот архивные источники⁷⁹, заложил основы научной историографии истории радио. Исследователь, обладая опытом работы на радио, при поддержке своего научного руководителя – профессионального тележурналиста и ученого Н. П. Карцова, смог отойти от формализма, присущего многим научным работам данного периода. Он выявил тесную взаимосвязь радиовещания не только с пропагандой, но и с образованием и художественным просвещением, определил его роль в культурной и духовной жизни людей. Научной новизной его работ стало введение в научный оборот таких исторических источников, как письма радиослушателей и результаты социологического опроса.

Ценность исследований П. С. Гуревича, созданных в 1960-е гг., заключается в том, что становление и развитие радио рассматривалось им в контексте не истории КПСС, а истории страны и, в частности, культурной революции, что позволило автору отойти от канонизированной схемы, утвердившейся в работах о прошлом периодической печати. Однако практика такого широкого и объективного изучения истории радиовещания не получила дальнейшего продолжения. После защиты диссертации своего аспиранта Н. П. Карцов был вынужден уйти с кафедры и оставить научную работу из-за конфликта с партийным комитетом. Подготовленный Н. П. Карцовым и П. С. Гуревичем двухтомный сборник, включавший важнейшие документы по истории советского радиовещания, пояснительные статьи, комментарии и указатели, так и не был опубликован⁸⁰. Но объемный и ценный фактический материал, собранный исследователем, лег в основу монографий, изданных им в 1970-е гг.

В период «оттепели» произошли изменения в государственной информационной политике в сфере СМИ. В частности, это проявилось в признании значения телевидения как мощного средства воздействия на сознание граждан. Это стало одной из причин того, что в первой половине 1960-х гг. стали предприниматься попытки обобщить факты истории и современного состоя-

⁷⁹ Гуревич П. С. Характеристика архивных источников истории советского радиовещания (1917-1941) // Вестник Московского университета. Филология, журналистика, 1965. № 3. С. 46-54; Он же: Роль радиовещания в культурной революции в СССР (1917-1963). Даты и факты. М., 1965. 152 с.

⁸⁰ Гуревич П. С. Личное письмо к Ю. Б. Костяковой / gurevich@rambler.ru (дата сообщения 15.12.2013).

ния телевидения. Но на данном этапе издания носили преимущественно библиографический или справочный характер. Особое место среди них занимает работа М. С. Глейзера⁸¹, в которой на основе обобщения обширного фактического материала впервые была представлена полная хронология развития аудиовизуальных СМИ, дополненная примерами, взятыми им из архивных источников, мемуарной литературы, периодической печати и текстов радиопередач того времени, интересными сведениями и краткими комментариями. Практика выпуска подобных сборников «дат и фактов», служивших своеобразной энциклопедией по истории электронных СМИ, данным автором была продолжена вплоть до 1989 г. Это способствовало расширению фактографической базы истории аудиовизуальных средств массовой информации и их взаимоотношений с аудиторией.

В период «оттепели» оживилась исследовательская и публикаторская деятельность ученых в Хакасии и Горном Алтае, что было связано с активизацией работы научно-исследовательских институтов языка, литературы и истории, расширением тематики их «Ученых записок». Пробудившийся в послевоенный период интерес к прошлому бывших «национальных окраин» способствовал развитию региональных исторических исследований, разработке новых тем и направлений научной работы. Одним из них стало изучение реализации ленинской национальной политики и культурного роста коренных этносов Сибири. В статьях, посвященных культурному развитию Хакасии и Горного Алтая, нередко использовались факты из прошлого местных СМИ. При этом точность фактов являлась второстепенным вопросом, что приводило к ошибкам в датировке начала выпуска некоторых периодических изданий автономий⁸².

Вместе с тем, в трудах о культурном строительстве в Сибири роль печати в образовании и просвещении коренных этносов рассматривалась более объективно. Так, например, П. Н. Иванов в своей статье, посвященной разви-

⁸¹ Глейзер М. С. Радио и телевидение в СССР. 1917-1963. (Даты и факты). М., 1965. 198 с.

⁸² Хронологический указатель важнейших событий в Советской Хакасии за 1917–1957 гг. / сост. К. Г. Копкоев // Записки ХакНИИЯЛИ. Вып. VI. Абакан: Хакасское книж. изд-во, 1958. С. 188–189; Боргояков М. И. Язык печати и радио // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Вып. XI. Абакан, 1965. С.154.

тию культуры нерусских народов Сибири, обратил внимание на процесс становления сибирской национальной печати в первой половине 1920-х гг. Среди других изданий была упомянута и одна из первых газет Горного Алтая «Кызыл Ойрот»⁸³. В статье Ф. М. Тимофеевой⁸⁴ впервые нашли отражение факты из истории горно-алтайского радиовещания, сообщались интересные сведения о трудностях в организации вещания на алтайском языке. Однако авторы не ставили перед собой цель проанализировать сообщаемые сведения, ограничившись описанием фактов, что снижает ценность данных работ для нашего исследования.

Развенчание «культы личности» И. В. Сталина усилило интерес исследователей к «ленинскому наследию», в том числе в области государственной национальной политики. Это стимулировало расширение тематического спектра в изучении истории национальных автономии, что нашло свое отражение в ряде обобщающих трудов. Достижением историографии рассматриваемого десятилетия стало то, что в этих работах приводились не только факты из истории СМИ рассматриваемых автономий, но и освещались некоторые аспекты взаимодействия прессы и радио с другими элементами массово-информационных пространств.

Так, например, в разделе краеведческого справочника «Горно-Алтайская автономная область», посвященном культурному строительству в автономии, имеются сведения о периодической печати, радио- и телевидении, о творчестве местных журналистов⁸⁵. В «Очерках истории Хакасии советского периода» дана краткая справка о становлении и развитии местных газет и селькорского движения, основной тематике СМИ в 1930-е и 1960-е гг.⁸⁶. Историографическую ценность вышеназванных работ для нашего исследования снижает то, что сведения о прошлом печати и радио в этих изданиях не подвергались анализу, не прослеживалась динамика их развития, влияние на

⁸³ Иванов П. Н. Развитие культуры нерусских народов Сибири (1020–1925 гг.) // Культурное строительство в Сибири в 1917–1960 гг. Новосибирск, 1962. С. 101.

⁸⁴ Тимофеева Ф. М. Из истории социалистической культурной революции в Горном Алтае // Культурное строительство в Сибири в 1917–1960 гг. Новосибирск, 1962. С. 183.

⁸⁵ Горно-Алтайская автономная область (краткий краеведческий справочник). Горно-Алтайск, 1963. С. 73–74.

⁸⁶ Очерки истории Хакасии советского периода. Абакан, 1963. С. 331–333.

этот процесс политического, культурного и других факторов. Но, вместе с тем, появление таких работ способствовало введению в научный оборот нового фактического материала и обозначало пробуждение внимания ученых к прошлому СМИ Хакасии и Горного Алтая.

Следующий период формирования историографии рассматриваемой темы охватывает почти два с половиной десятилетия: с середины 1960-х гг. и до конца 1980-х гг. Его итоги невозможно оценить однозначно, поскольку наряду с достижениями, способствовавшими дальнейшему развитию и углублению исследований прошлого СМИ, в этот период оформились тенденции, сдерживавшие этот процесс. С 1960-х гг. в исторической науке проявилось стремление ученых к расширению источниковой базы, использование критического подхода к достижениям советской историографии, повышение интереса к методологическим поискам, отход от цитатничества и возврат к научным принципам работы с источниками. Вместе с тем, сохранение незыблемости принципа партийности науки являлось сдерживающим фактором при выборе тематики, приводило к тенденциозности в определении актуальности и ракурсов исследований, к необходимости следовать идеологическим схемам изучения истории.

Анализ литературы показал, что определение тематики исследований прошлого СМИ, их взаимодействия с аудиторией, формирования авторского состава или изменений содержания медиаинформации напрямую зависело от тех или иных вопросов, стоявших на повестке дня в партийно-государственной, в том числе информационной политике. Общей для данного периода историографической тенденцией было изучение медиаистории в социологическом аспекте, когда в прошлом старались найти ответы на вопросы настоящего и информацию для построения прогнозов на будущее. Поэтому для многих работ характерным было заметное смещение акцентов исследований из научно-исторической в практическую плоскость. В результате изучение прошлого СМИ подменялось определением эффективности работы с ними коммунистической партии.

Усиление в стране патриотического воспитания привело к увеличению числа работ, посвященных функционированию СМИ в годы Великой Отечественной войны. Историографической значимостью обладают сборники документов, воспоминаний и научных статей о деятельности прессы и радиовещания в военные годы⁸⁷. Их ценность для нашего исследования заключается в том, что совокупность представленных в них материалов дает более полное представление о реализации государственной информационной политики в сфере СМИ в военный период, а субъективность авторов мемуаров компенсируется разнообразием точек зрения, с которых они рассматривали те или иные аспекты данной темы. В то же время общим недостатком многих диссертационных исследований⁸⁸, посвященных функционированию прессы в период войны, являлся описательный характер, акцентирование внимания на «партийном» аспекте государственной информационной политики: на роли партийных органов в организации деятельности печати, оценке заслуг СМИ как помощника КПСС в решении актуальных проблем военного времени. Достоинством таких работ является их региональный характер и введение в научный оборот материалов местных архивов.

Односторонностью освещения темы страдает ряд исследований реализации государственной информационной политики в сфере СМИ в 1920–1930-е гг. Так, например, в работах В. И. Тимонина, Р. П. Овсепяна и М. А. Мехтиева⁸⁹ на первый план выдвигалось использование периодической печати в политических кампаниях против идеологических врагов ВКП(б), что неизбежно приводило к тенденциозности оценок исторических условий, в которых

⁸⁷ Радио в дни войны / ред.-сост. М. С. Глейзер, Н. М. Потапов / Предисл. П. И. Батова. 2-е изд., доп. и перераб. М., 1982. 303 с.; Летописцы Победы. Печать времен Великой Отечественной войны. М., 1984. 245 с.

⁸⁸ Напр.: Дашинский С. Н. Печать Советского Заполярья – боевой помощник партии в годы Великой Отечественной войны (1941–1944 гг.): автореф. дис... канд. ист. наук. Л., 1979. 20 с.; Копцев А. Н. Печать – боевой помощник партии в мобилизации трудящихся на борьбу с фашизмом (1941–1945 гг.) (на материалах Карелии, Архангельской и Вологодской областей): дис... канд. ист. наук. Л., 1984. 230 с.; Перепелкина А. Н. Печать как средство воспитания политической и трудовой активности трудящихся Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1984. 24 с.; Семакин С. И. Военная печать – боевое оружие Коммунистической партии в укреплении дружбы народов СССР на фронтах Великой Отечественной войны. 1941–1945.: автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1988. 24 с.

⁸⁹ Тимонин В. И. Партийная печать против троцкистско-зиновьевского блока (1926–1927 гг.): автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1971. 28 с.; Овсепян Р. П., Мехтиев М. А. Место большевистской печати в идейном разгроме буржуазного национализма. М., 1987. 88 с

функционировали СМИ. В то же время, изучение таких произведений помогает понять требования, предъявлявшиеся учредителем к прессе во второй половине 1920-х – 1930-е гг., и критерии оценки эффективности ее работы. Из трудов, содержащих результаты разностороннего изучения прессы этого сложного периода, можно выделить исследование Е. А. Корнилова⁹⁰, представившего серьезный анализ типологических и содержательных особенностей, условий формирования и функционирования изданий Дона и Северного Кавказа в 1920-е гг.

Еще одним недостатком работ, выполненных с середины 1960-х до конца 1980-х гг., является формальный подход к изучению прошлого СМИ, признаком которого можно считать абстрактность формулировки темы и, как следствие, объекта и предмета, отсутствие четких ссылок на эмпирическую базу исследования, максимальное (иногда до 2-3 лет) сужение хронологических рамок⁹¹. Такие особенности были, в основном, характерны для диссертаций, защищенных по специальности 07.00.01 – История КПСС в Академии общественных наук при ЦК партии. Подобный подход, по нашему мнению, приводил к дискредитации и обесцениванию диссертационных работ по истории СМИ и, в то же время, к смещению центра медиаисторических исследований в область филологии. Примером могут служить работы Г. В. Жиркова⁹². Их ценность заключается в том, что данный автор в результате серьезного историко-филологического анализа центральных крестьянских газет, выходивших в 1918–1929 гг., смог выделить их типологические черты, особенности содержания, приемы работы с аудиторией. Изучение основных положений его работ позволило нам лучше понять особенности функциониро-

⁹⁰ Корнилов Е. А. Советская печать Дона и Северного Кавказа: 1917–1925 гг.: историческая типология / отв. ред. В. Н. Боянович. Ростов н/Д., 1984. 176 с.

⁹¹ См., напр.: Усупов С. Печать и воспитание масс на революционных и трудовых традициях Коммунистической партии и советского народа: автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1970. 25 с.; Толмачев Г. И. Ленинские принципы критики и самокритики в печати и их роль в формировании нового человека (1966-1971 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1972. 20 с.; Павлихин И. А. Печать и развитие социальной активности производственного коллектива: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985. 22 с.

⁹² Жирков Г. В. Становление типа уездной советской крестьянской газеты // Проблемы журналистики. Вып. 7. Л., 1976. С. 37-51; Он же: Советская крестьянская печать – один из типов социалистической прессы. Л., 1984. 179 с.; Он же: Становление и развитие советской крестьянской печати как одного из типов социалистической прессы. 1917-1927 гг.: Историко-типологический аспект: дис... д-ра филолог. наук. Л., 1987. 416 с.

вания и содержания первых газет Хакасии и Горного Алтая, ориентировавшихся в первую очередь на сельское население автономий.

Положительной тенденцией историографии середины 1960-х – конца 1980-х гг. является создание историографического комплекса по истории прессы советского периода. Его основой стали труды, авторы которых рассматривали развитие СМИ в контексте журналистики, а не литературного процесса⁹³. Появились исследования, допуская отход от бытовавших ранее жестких схем изучения прессы как инструмента идеологической борьбы партии и оценки ее деятельности с позиций политической целесообразности. Достоинством таких исследований, в частности, совместной работы И. В. Кузнецова и Е. М. Фингерита⁹⁴, можно считать привлечение источников различных видов и глубокий анализ содержания периодических изданий, что позволило авторам отойти от типологической унификации газет, показать их разнообразие и, таким образом, заложить новую историографическую традицию.

Особенностью данного периода развития историографии стало формирование медиаисторических школ в провинции (Ростов-на-Дону, Воронеж, Свердловск, Иркутск), связанное с именами таких историков, как Г. В. Антюхин⁹⁵, А. И. Станько⁹⁶, Л. С. Любимов и др. Их работы расширили возможности исследований прошлого региональных СМИ, их взаимодействия с другими элементами массово-информационных пространств, способствовали дальнейшей разработке методологических основ изучения реализации государственной информационной политики в сфере СМИ с учетом местных, в том числе национальных особенностей.

⁹³ Очерки истории русской советской журналистики. Т. 1. 1917-1932. / отв. ред. А. Г. Дементьев. М., 1966. 508 с.; Т. 2. 1933-1945. М., 1968. 500 с.

⁹⁴ Кузнецов И. В., Фингерит Е. М. Газетный мир Советского Союза. 1917-1970 гг. М., 1972. 310 с.

⁹⁵ Антюхин Г. В. Очерки истории партийно-советской печати Воронежской области, 1917–1945. Воронеж, 1976. 238 с.

⁹⁶ Из истории журналистики Дона / Н. М. Гордеева, А. И. Станько, Н. Д. Чичикина, Е. А. Корнилов; отв. ред. В. С. Панченко. Ростов н/Д., 1977. 249 с.; Станько А. И. У истоков изучения русской провинциальной журналистики // Местная и национальная печать: вопросы истории, методологии / отв. ред. Г. Э. Кучерова. Ростов н/Д., 1983. С. 38-56

В данный период активно стала изучаться история национальных средств массовой информации. Попытки исследования прошлого печати союзных республик предпринимались с 1950-х гг. Однако обобщение накопленного материала и теоретическое осмысление особенностей становления национальных газет началось в 1970-е гг. Это привело к частичному разрушению унификаторской модели советских СМИ, выделению специфических признаков этнических изданий, расширению сферы применения типологического подхода в медиаисторических исследованиях. Теоретико-методологическая база, изложенная в сборниках «Многонациональная советская журналистика»⁹⁷, стала основой для исследований истории печати автономных образований. Отметим заслуги одного из авторов этих сборников – Р. П. Овсепяна⁹⁸, внесшего значимый вклад в разработку концепции многонациональной прессы. Теоретический и фактический материал, накопленный им в советский период, ученый в полной мере реализовал при создании учебников по истории журналистики новейшего периода, неотъемлемой частью которых являются разделы, подробно освещающие прошлое печати народов России.

С середины 1960-х до конца 1980-х гг. продолжилось изучение проблем взаимодействия СМИ и аудитории, основы которого были заложены в 1920-е гг. Одной из первых работ, посвященных данной теме, стала статья Н. П. Зайцева, который обратился к опыту 1920-х гг.⁹⁹. Но в дальнейшем заимствование опыта западной социологии СМИ привело к потере исследовательского интереса к российским социологическим разработкам начального периода существования советской прессы. Исследование данной темы в исторической

⁹⁷ Многонациональная советская журналистика / ред. колл. Б. Д. Дацюк и др. М., 1972. 371 с.; Многонациональная советская журналистика / ред. Я. Н. Засурский и др. М., 1975. 372 с.

⁹⁸ Овсепян Р.П. Советская многонациональная печать. М., 1968 56 с.; Он же: Многонациональная печать большевиков: (1900–1917 гг.). М., 1972. 232 с.; Он же: Формирование и развитие многонациональной большевистской печати (1900–1917 гг.): автореф. дис... д-ра ист. наук. М., 1974. 37 с.; Он же: История новейшей отечественной журналистики (февраль 1917 – начало 90-х годов). М., 1999. 304 с.; Он же: Отечественная журналистика была и остается многонациональной // Вестник московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2006. № 4. С. 50-64.

⁹⁹ Зайцев Н. П. Из опыта социологических исследований печати в первые годы Советской власти (1918–1923) // Журналист, пресса, читатель. Л., 1969. С. 40–51.

перспективе сдерживала, на наш взгляд, неразработанность методологии и источниковой базы изучения аудитории как «отсутствующего объекта».

Активное развитие в стране рабселькорского движения, как одного из направлений кампании по расширению общественных начал во всех сферах жизнедеятельности общества, возродило интерес к его прошлому. Отметим, что в 1950–1970-е гг. использовался только один аспект изучения деятельности рабочих и сельских корреспондентов, как проводников идеологии, что в полной мере нашло отражение в работах В. Н. Алферова¹⁰⁰, монографии Г. А. Кожевникова¹⁰¹, ряде диссертационных исследований¹⁰². Но в 1970-е гг., в связи с трансформацией рабселькорства в общественное движение, в исторических исследованиях оно стало рассматриваться как проявление инициативы и творчества внештатных авторов СМИ, без акцентирования внимания на их социально-классовой принадлежности. Такой позиции придерживались С. Г. Корконосенко¹⁰³ и А. П. Роскошный¹⁰⁴, которые, анализируя формы работы редакций со своим активом, личности внештатных авторов и использование их материалов в газете, историю самого движения рассмотрели в общих чертах. Например, 1936–1960 гг. ими характеризовались как период преодоления «возникших трудностей» и подготовки «предпосылок для нового количественного и качественного роста общественных начал». Факторами, сдерживавшими его развитие в течение четверти века, назывались «проявление культа личности» и «нехватка материальных средств» у редакций¹⁰⁵. Но появление таких работ свидетельствовало о расширении спектра подходов к

¹⁰⁰ Алферов В. Н. Возникновение и развитие рабселькорского движения в СССР: автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1968. 22 с.; Он же: Возникновение и развитие рабселькорского движения в СССР. М., 1970. 304 с.

¹⁰¹ Кожевников Г. А. Партия – организатор рабселькорского движения в СССР (1917–1937). Саратов, 1965. 120 с.

¹⁰² См., напр.: Трошков В. Я. Возникновение массового рабселькорского движения и его роль в борьбе за социалистические преобразования в СССР (1921–1932 гг.): автореф. дис... канд. наук. М., 1965. 24 с.

¹⁰³ Корконосенко С. Г. Рабселькорские выступления как основное содержание газетной полосы (по районной печати Ленинградской области) // Вестник Ленинградского университета. Серия История языка, литературы, 1977. Вып. 3. № 14. С. 72-78; Он же: Рабселькорское движение как проявление демократизма социалистического общества (по материалам газет Ленинградской области 1971-1975 гг.): автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1979. 16 с.; Он же: Личность рабселькора в зеркале газетных публикаций // Журналист. Пресса. Аудитория, 1982. Вып. 2. С. 40-54.

¹⁰⁴ Роскошный А. П. Общественные начала в печати. Киев, 1983. 159 с.

¹⁰⁵ Роскошный А. П. Общественные начала в печати в условиях развитого социализма: автореф. дис... д-ра ист. наук. М., 1984. С. 19.

изучению деятельности внештатных авторов СМИ и о стремлении к научному осмыслению опыта взаимодействия редакций со своим активом.

С середины 1960-х до конца 1980-х гг. ведущую роль в системе средств массовой информации и пропаганды СССР стали играть аудиовизуальные СМИ. Это привело к переориентации с исследований прошлого печати к разработке методологии истории радиовещания и телевидения. Ю. А. Летунов предложил периодизацию развития радио в СССР, сформулировал определение документальной радиожурналистики и дал описание методов ее изучения¹⁰⁶. Будучи профессиональным журналистом и ученым, он осознавал необходимость не только практического, но и теоретического изучения проблем радиовещания. Его вкладом в формирование источниковой базы исследований истории радио стали сборники документов и воспоминаний¹⁰⁷.

Но традиции, заложенные П. С. Гуревичем и Ю. А. Летуновым, оказались невостребованными исследователями, изучавшими прошлое радиовещания в контексте истории КПСС. Для работ партийных историков, в частности, С. М. Лагутина, А. И. Мельникова, А. И. Воробьева, А. И. Григорьева¹⁰⁸ было характерно сужение хронологических рамок, исследование радио как средства идеологической работы, изучение опыта радиокомитетов с целью его дальнейшего обобщения и внедрения в практику. Это обусловило специфику формирования источниковой базы, в которую в первую очередь включалось текущее делопроизводство партийных органов, материалы партийной печати по вопросам руководства КПСС радиовещанием. Вместо научного анализа собранных фактов авторы занимались обсуждением результатов исследования на встречах с партийным активом и журналистами, а

¹⁰⁶ Летунов Ю. А. О развитии документальной радиожурналистики. М., 1966. 140 с.; Он же: Документальные жанры советского радиовещания (исторический опыт и современность): автореф.... канд. ист. наук. М., 1967. 16 с.

¹⁰⁷ Летунов Ю. А. Великий говорящий. М., 1966. 96 с.; Он же: Время. Люди. Микрофон. М., 1974. 279 с.

¹⁰⁸ Лагутин С. М. Радио и телевидение – важнейшие средства идеологической работы КПСС в период семилетки: (на материалах автономных республик Северного Кавказа): автореф.... канд. ист. наук. Махачкала, 1966. 23 с.; Мельников А. И. Создание и развитие массового радиовещания – важного средства идеологической работы КПСС (1924-1928 гг.): автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1966. 16 с.; Воробьев А. И. Роль советского радиовещания в мобилизации трудящихся на выполнение первой пятилетки (1928-1932 гг.): автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1968. 24 с.; Григорьев А. И. Советское радиовещание и идейно-политическое воспитание трудящихся (1961-1965 гг.): автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1968. 19 с.

справедливость выводов подтверждали ссылками на постановления ЦК КПСС и труды классиков марксизма-ленинизма¹⁰⁹. Тем не менее, данные работы, несмотря на свою «неисторичность», имеют определенную ценность для нашего исследования, поскольку дают четкое представление о роли, месте и функциях радио и других СМИ в целом в реализации государственной политики в рассматриваемый период.

Однако монополизм партийных историков на исследования прошлого радиовещания и использование ими узкофункционального подхода к его изучению привели к тому, что разработка на уровне диссертаций данного исторического направления практически прекратилась. Исключением стала работа В. Н. Ружникова¹¹⁰, в которой рассматривался преимущественно технический аспект организации радиовещания, в том числе создание радиотелеграфа и других средств радиосвязи.

Научная литература по истории радио в данный период пополнилась монографиями. Так, например, В. Б. Дубровин¹¹¹, В. Н. Ружников¹¹² и авторы коллективного труда «Очерки истории советского радиовещания и телевидения»¹¹³ на обширном архивном и мемуарном материале подробно рассмотрели становление советской радиосистемы с 1917 г. до начала Великой Отечественной войны, выделили наиболее значимые события и достижения советского радио в этот период. Интерес представляет совместная работа П. С. Гуревича и В. Н. Ружникова¹¹⁴, в которой была предложена авторская методика изложения и исследования истории советского радио. Такая методика позволяла комплексно анализировать процесс становления и развития различных видов и направлений вещания, но также и творческой, организационно-массовой деятельности Всесоюзного и местных радиокомитетов, материаль-

¹⁰⁹ См., напр.: Григорьев А. И. Указ. соч. С. 6-7.

¹¹⁰ Ружников В. Н. Становление советской радиожурналистики. Начальный период. 1917-1924 гг.: автореф. дис... канд. филолог. наук. М., 1981. 24 с.

¹¹¹ Дубровин В. Б. К истории советского радиовещания: уч. пособ. Л., 1972. 75 с.

¹¹² Ружников В. Н. Так начиналось: Историко-теоретический очерк советского радиовещания. 1917–1928. М., 1987. 208 с.

¹¹³ Очерки истории советского радиовещания и телевидения. Ч. 1. 1917–1941 / А. И. Воробьев, Г. А. Казаков, А. И. Мельников. М., 1972. 247 с.

¹¹⁴ Гуревич П. С., Ружников В. Е. Советское радиовещание. Страницы истории. М., 1976. 382 с.

но-технической базы системы общесоюзного радио. Периодизация, предложенная П. С. Гуревичем и В. Н. Ружниковым, не потеряла своей научной актуальности и применяется авторами работ по истории отечественного – общесоюзного и регионального радиовещания. Авторы монографии использовали преимущественно факты истории и примеры деятельности Центрального и радио союзных республик, однако представленный материал можно использовать в процессе изучения прошлого системы радиовещания национальных территорий Южной Сибири. Недостатками данного исследования является, на наш взгляд, то, что авторы игнорировали языковую специфику вещания в национальных регионах, не осветили события некоторых периодов, что было обусловлено историческими и идеологическими условиями, в которых создавалась монография.

Отметим, что благодаря вышеназванным работам, созданным с середины 1960-х до конца 1980-х гг., историография радио активно развивалась, в то время как изучение телевидения находилось в стадии становления. Исследователи проявляли большой интерес к данному СМИ, но акцентировали свое внимание на его технической, творческой и содержательной составляющей. Указав на эту особенность работ 1960-х гг., А. Я. Юровский справедливо заметил, что «авторы рассматривали советское телевидение лишь как конкретную данность – таким, каким оно представало перед ними на одном, определенном этапе»¹¹⁵. Такая «сиюминутность» исследований, на наш взгляд, была вызвана не только необходимостью пропаганды практического опыта телевидения, но и неразработанностью источниковой базы, в которой нередко основное место занимали газетные публикации и мемуары. В работах, выполненных партийными историками¹¹⁶, не предпринимались попытки научного осмысления процесса становления и развития телевидения в стра-

---

¹¹⁵ Юровский А. Я. Советская телевизионная журналистика. Проблемы становления и развития: автореф. дис... д-ра филолог. наук. М., 1973. С. 2.

¹¹⁶ См., напр.: Андреев И. С. Общественно-политическое телевидение как средство идейно-воспитательной работы КПСС в годы восьмой пятилетки. (На материалах Центрального телевидения СССР): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1972. 21 с.

не, а хронологические рамки исследования ограничивались текущей пятилеткой.

Одним из первых историков телевидения можно назвать А. Я. Юровского. Используя, помимо обязательного диалектического, системный, структурный и сравнительно-исторический методы, ученый выявил функциональные и генетические связи телевидения с печатью и радио, а также особенности его становления в 1930–1960-е гг. Материалы и результаты исследования воплотились в диссертации, статьях и монографиях А. Я. Юровского¹¹⁷, а также работах, подготовленных им в соавторстве¹¹⁸, и послужили методологической основой для изучения истории, в том числе регионального телевидения.

Первое исследование становления и развития телевидения в Западной Сибири провела Э. В. Василевская¹¹⁹. Ценность ее работ умаляет фактическое ограничение территориальных рамок Западно-Сибирского региона Новосибирском, Омском и Томском. Однако значение для историографии телевидения имеет предложенная автором периодизация формирования сибирской системы телевидения, использование данных социологического опроса сельской аудитории, анализ изменений жанровой и тематической палитры передач местных телестудий на протяжении почти полутора десятка лет. В целом, работы Э. В. Василевской дают представление об основных этапах создания в регионе массового телевидения и особенностях развития этого вида СМИ в Сибири в 1970-е гг.

С середины 1960-х до конца 1980-х гг. значительно пополнилась историография культуры Сибири, в контексте которой рассматривалось становление и развитие средств массовой информации. Весомый вклад в изучение культурного строительства в сибирском регионе внес В. Л. Соскин, который

---

¹¹⁷ Юровский А. Я. Первые шаги. К истории возникновения телевидения в Советском Союзе // Проблемы телевидения и радио, 1971. Вып. 2. С. 95–108; Он же: Телевидение поиски и решения. Очерки истории и теории советской журналистики. 2-е изд. М., 1983. 215 с.

¹¹⁸ Ружников В. Н., Козловский В. Н., Юровский А. Я. Очерк по истории радиовещания и телевидения // Телевидение и радиовещание СССР. М., 1979. С. 9–44.

¹¹⁹ Василевская Э. В. Развитие телевидения в Западной Сибири и его идеологическое воздействие на массовую аудиторию: автореф. дис. . канд. ист. наук. Новосибирск, 1973. 24 с.; Она же: Очерки истории развития телевидения в Западной Сибири. Новосибирск, 1978. 77 с.

в своих работах заложил основу системного изучения истории печати Сибири советского периода. Так, например, в своей диссертации¹²⁰ он впервые в научной литературе не просто представил обзор, но и провел тщательный анализ состояния сибирских периодических изданий в годы НЭПа, подробно проанализировал причины и последствия «кризиса печати» и, что очень важно, дал характеристику многих видных журналистов и редакторов газет того периода.

Изучением сибирской печати занимался Л. И. Боженко. В своей совместной с В. С. Познанским статье¹²¹ он обобщил фактический материал о деятельности партийно-советских газет в 1920–1925 гг. Ценность работы снижает то, что в ней встречается ряд неточностей и даже ошибок в указании названий изданий и сроков их выхода. Так, например, газета «Пахарь» никогда не издавалась в Минусинском уезде. Недостатками работы являются, на наш взгляд, преувеличение влияния прессы на население в исследуемый период и роли партийных органов в организации рабселькоровского движения, необъективность оценок, когда действенность выступлений изданий подтверждалась выдержками из постановлений местных организаций ВКП(б), превалирование публицистического пафоса над научным анализом проблемы функционирования печати. В одном из разделов своей монографии¹²² Л. И. Боженко вновь обратился к указанной теме и проследил основные направления деятельности периодических изданий региона и зарождение массового рабселькоровского движения в восстановительный период (1921–1925 гг.). Однако фрагментарность приводимых автором сведений и примеров работы отдельных газет не позволяет увидеть полную картину и получить представление об условиях, в которых формировалась система прессы Сибири.

Анализ научных публикаций дает основание утверждать, что большинство авторов, обращавшихся к истории печати Сибири, рассматривали ее в

---

¹²⁰ Соскин В. Л. Культурное строительство Сибири (1917-1923 гг.): автореф. дис...д-ра ист. наук. Новосибирск, 1968. 41 с.

¹²¹ Боженко Л. И., Познанский В. С. Периодическая партийно-советская печать в Сибири в 1921–1925 гг. // Сибирь в период строительства социализма и перехода к коммунизму. Вып. 2. Новосибирск, 1965. С. 74–96.

¹²² Боженко Л. И. Культурно-просветительная работа в Сибири в восстановительный период (1921–1925 гг.). Томск, 1967. С. 125–151.

контексте реализации национально-культурной политики в первое десятилетие советской власти. Исключением, пожалуй, является статья Л. И. Панченко¹²³, который осветил деятельность печатных СМИ в почти неизученные советскими медиаисториками 1946–1950 гг. Но взаимодействие редакций с авторским активом данный автор ограничил определением участия прессы в повышении трудовой активности масс, что снижает ценность его работы.

Значимый вклад в изучение истории СМИ внес известный исследователь культурного строительства в национальных регионах Сибири П. Н. Иванов¹²⁴, который представил свое определение национальной печати и проанализировал опыт ее создания в регионе, выделил специфические особенности прессы и проследил ее становление, опираясь на данные количественного характера. Заслугой П. Н. Иванова следует считать и стремление обобщить разрозненные факты, в том числе о газетах Хакасии и Горного Алтая, представить их в контексте реализации национально-культурной политики в Сибири.

Прошлое сибирского радиовещания и телевидения (за исключением указанных работ Э. В. Василевской) предметно не изучалось. В IV и V томах «Истории Сибири»¹²⁵ сообщались даты начала вещания в отдельных регионах, приводилась динамика расширения сети радиоточек, увеличения количества телевизоров у населения. Развитие прессы в данных работах было представлено фрагментарно: перечислялись названия газет и даты их создания, указывались цифры роста тиража, которые должны были свидетельствовать о повышении популярности периодической печати у населения. Разрозненность сообщенных сведений и отсутствие их анализа позволяют рассматривать данный труд в значительной степени как справочное издание.

¹²³ Панченко Л. И. Периодическая печать и ее роль в развертывании социалистического соревнования в Сибири в послевоенной пятилетке // Из истории социалистического строительства в Сибири / ред. Л. И. Боженко. Томск, 1984. С. 138–145.

¹²⁴ Иванов П. Н. Развитие культуры нерусских народов Сибири (1920–1925 гг.) // Сибирь в период строительства социализма и перехода к коммунизму. Вып. 1. Новосибирск, 1962. С. 83–103; Он же: Создание периодической печати в национальных районах Сибири // Из истории партийных организаций Сибири. Вып. 46. Новосибирск, 1970. С. 56–63.

¹²⁵ История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 4. Сибирь в период строительства социализма. Л., 1968. 504 с; Т. 5. Сибирь в период завершения строительства социализма и перехода к коммунизму. Л., 1969. 452 с.

Такой же подход был характерен для изданных в рассматриваемый период трудов в жанре «очерков». Так, например, в «Очерках истории Хакасской областной организации КПСС»¹²⁶ сведения о создании газет, начале радио- и телевидения, проведении радиофикации использовались преимущественно для подтверждения тезисов о повышении эффективности идеологической работы с использованием СМИ и результативности партийного руководства ими. Это можно объяснить не только спецификой историко-партийной темы, но и общей для советского времени тенденцией, когда средства массовой информации рассматривались, прежде всего, как инструмент пропаганды и агитации. Такой подход значительно сужал проблематику изучения их деятельности и оставлял без внимания вопросы взаимодействия с аудиторией, процесс организации содержания, решение кадровых вопросов и т. д.

Авторы, приводя факты из прошлого местных СМИ, нередко окрашивали их в идеологические тона. Так, например, в «Очерках по истории Горно-Алтайской автономной области» рост рядов селькоров объяснялся повышением политической активности трудящихся¹²⁷. В то же время специфика данного сборника, выполненного в рамках гражданской, а не партийной истории, позволила авторам акцентировать внимание на популярности газет на алтайском языке в годы Великой Отечественной войны, объяснить причины, по которым оказалась невозможной сплошная радиофикация области¹²⁸.

Слабая изученность истории средств массовой информации Горного Алтая объясняется, на наш взгляд, отсутствием созданных в советский период трудов, обобщавших опыт культурного строительства в автономии. В Хакасии, где данная тема изучалась исследователями, становление и развитие средств массовой информации было описано, хотя и в общих чертах. Заслуга в этом принадлежит В. А. Асочакову, который в некоторых своих работах исследовал прошлое периодической печати Хакасии с учетом национальной

---

¹²⁶ Очерки истории Хакасской областной организации КПСС / сост. П. Н. Мешалкин, С. П. Ултургашев. Красноярск, 1987. 359 с.

¹²⁷ Очерки по истории Горно-Алтайской автономной области / под ред. Л. П. Потапова. Горно-Алтайск, 1973. С. 334.

¹²⁸ Там же, с. 391, 524–525.

специфики региона, а также активно использовал материалы прессы как исторический источник. Впервые становление системы печатных СМИ автономии В. А. Асочаков обобщил в реферате, подготовленном для поступления в аспирантуру Историко-архивного института¹²⁹. Собранный материал он использовал при подготовке диссертации и ряда научных публикаций, в которых также встречаются эпизоды по истории прессы Хакасии. Так, в статье «Культурно-просветительная работа в Хакасии (1924–1929)» ученый сделал основной акцент на роли изб-читален в приобщении населения к грамоте, а также к чтению газет, дал оценку заслуг минусинской газеты «Власть труда» в формировании национальной прессы, выделил основные направления деятельности первого издания на хакасском языке «Хызыл аал»¹³⁰. В. А. Асочаков впервые в историографии истории Хакасии обратил особое внимание на активное участие минусинских изданий («Товарищ», «Известия») в политико-просветительной работе в Хакасии, привел факты сотрудничества с газетами корреспондентов из национального района¹³¹, проследил распространение среди коренного населения газет на родном языке – «Хызыл аал» и «Комсомол Хакасии»¹³².

В монографии «Культурное строительство в Хакасии» В. А. Асочаковым был намечен процесс становления прессы в автономной области. Достоинством книги является то, что исследователь не только описал условия, в которых создавалось первое национальное издание «Хызыл аал», но и выделил основные направления его культурно-просветительной деятельности, назвал газеты, издававшиеся в Хакасии начиная с 1930 г., с указанием их статуса и места выпуска, обратил внимание на развитие рабселькоровского движения. Важно то, что В. А. Асочаков смог отойти от традиционной оценки функ-

¹²⁹ Асочаков В. А. К истории развития печати в Хакасии. Абакан, 1953 // Рукописный фонд Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Ф. 310.

¹³⁰ Асочаков В. А. Культурно-просветительская работа в Хакасии (1924–1929) // Ученые записки. Вып. XII. Абакан, 1966. С. 119–132.

¹³¹ Асочаков В. А. Начальный этап культурного строительства в Хакасии (конец 1917–1920 гг.) // Ученые записки. Вып. XIII. Сер. историческая, № 1. Абакан, 1969. С. 86–102.

¹³² Асочаков В. А. Национально-государственное строительство и развитие культуры Хакасии // Торжество ленинской национальной политики. Материалы науч. конф., посвященной 50-летию образования СССР. Абакан, 1973. С. 210.

ционирования СМИ с позиций политической целесообразности и оценил вклад прессы в развитие культуры национального региона: ее участие в ликвидации неграмотности, развитии литературы и искусства, пропаганде лучших достижений русской и мировой художественной культуры. Добротность монографии заключается и в том, что автор впервые представил краткое описание процесса становления системы радиовещания в области, темпов и масштабов радиофикации населенных пунктов¹³³. Ценность работы снижает то, что становление системы СМИ Хакасии ученый представил кратко и рассмотрел в рамках проведения политико-просветительской работы, не дал анализ политических и экономических условий возникновения прессы и формирования журналистского корпуса. Тем не менее, работы В. А. Асочакова являются наиболее значимым достижением в изучении формирования отдельных элементов массово-информационного пространства Хакасии в советский период. Особую ценность для нашего исследования его работы имеют в связи с тем, что становление средств массовой информации и их вклад в развитие культуры ученым было описано в контексте реализации государственной национальной политики.

Начавшаяся в стране перестройка открыла возможности для расширения тематики исторических исследований, обогащения источниковой базы, методологических поисков. Однако анализ литературы по истории СМИ показал, что в научных работах, вышедших в 1985–1990 гг. такие возможности авторами практически не были использованы. Ведущая роль в изучении данной темы по-прежнему принадлежала партийным историкам, в работах которых сохранялись созданные в предшествующие десятилетия схемы изучения медиаистории. Декларируемая гласность актуализировала исследование современного состояния СМИ, анализ нового отечественного и англо-американского опыта их функционирования и, как следствие, перенос центра тяжести дискуссий из научной в публицистическую сферу.

---

¹³³ Асочаков В. А. Культурное строительство в Хакасии (1917–1937 гг.). Абакан, 1983. С. 66–67, 124–125, 129–134, 126–127.

Исключением из череды подобных работ можно назвать совместный труд А. Л. Посадкова и Л. А. Гильди¹³⁴. Авторы, будучи специалистами каждый в своей теме (история сибирского книгоиздательства или периодических изданий), смогли органично соединить имевшиеся знания, накопленные источники и опыт научной работы. Это позволило создать первое и единственное на сегодняшний момент комплексное исследование развития печатного дела в Сибири с конца 1919 г. по 1921 г., охватывающее широкий спектр тем: от выявления специфики деятельности сотрудников прессы и развития библиотек до определения методов работы с читателем и распространения печатной продукции. Данная монография представляет ценность с точки зрения подробного анализа основных направлений советской информационной политики в сфере СМИ: условий формирования советской прессы в Сибири, зарождения большевистской цензуры в отношении печати и оценки СМИ как культурного явления.

Кардинальные изменения, произошедшие в 1990-е гг. в политической, экономической и социально-культурной сферах, привели к серьезной трансформации научной деятельности и обусловили особенности постсоветского этапа историографии истории СМИ. Под влиянием экономического фактора произошло падение престижа научной, в том числе научно-исторической деятельности, что привело к заметному уменьшению числа исследований. Среди характеристик, присущих историографии 1990-х гг., отметим, прежде всего, высокую степень политизации отечественной науки при декларируемом плюрализме воззрений историков. Это выразилось, в том числе в формировании различных позиций в оценке достижений советской историографии и даже рассмотрении ее как особого «научно-политического феномена», гармонично вписавшегося «в систему тоталитарного государства» и приспособленного «к обслуживанию его идейно-политических потребностей»¹³⁵. Это привело, на наш взгляд, к принижению роли историографических исследе-

---

¹³⁴ Посадков А. Л., Гильди Л. А. Печать и книжное дело в Сибири в условиях «военного коммунизма». Конiec 1919–1921 г. Новосибирск, 1987. 195 с.

¹³⁵ Советская историография / под. общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. М., 1996. С. 37.

дований, к непониманию некоторыми молодыми исследователями сути историографии, что нашло свое отражение в ряде работ, посвященных прошлому средств массовой информации¹³⁶.

Анализ диссертаций, выполненных в 1990-е гг., показал, что исследователи предпринимали попытки переосмыслить содержание и методы реализации государственной информационной политики. Авторы предлагали новые трактовки прошлого советских СМИ, дополняли исследования, созданные ранее на материалах центральных изданий, обобщением опыта местной печати, анализировали развитие прессы в дореволюционный и советский период как единый процесс преемственности опыта и традиций. Наиболее полное исследование трансформации системы российской прессы в годы революции и Гражданской войны дано в работах Л. А. Молчанова¹³⁷. Ценность исследования заключается в разработанной автором методологии изучения периодической печати, что позволило ему комплексно рассмотреть не только типологические особенности изданий, но и специфику их распространения, информационного и кадрового обеспечения, содержания и цензурирования.

В 1990-е гг. наиболее заметной стала трансформация теоретических представлений о роли средств массовой информации в общественной жизни, их взаимодействии с другими элементами массово-информационного пространства. Наметился интерес исследователей к содержанию СМИ, поскольку комплексный анализ газетных публикаций позволял расширить представления, в том числе о некоторых недостаточно изученных периодах советской истории, о состоянии общества на определенных этапах становления советского государства, о роли СМИ в общественной и культурной жизни¹³⁸. Приобретением историографии данного десятилетия можно считать разработку такого направления, как создание механизмов политического контроля в

---

¹³⁶См., напр.: Ефремова С. С. Новейшая история региональной прессы Черноземья (1985–1998 гг.): автореф. дис... канд. ист. наук. Воронеж, 1999. 23 с.

¹³⁷ Молчанов Л. А. Газеты России в годы революции и гражданской войны (окт. 1917–1920 гг.): опыт комплексного исследования: автореф. дис... д-ра ист. наук. М., 1998. 45 с.; Он же: Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны (окт. 1917 – 1920 гг.). М., 2002. 272 с.

¹³⁸ Очерет Е. Ю. Художественная периодика первого советского десятилетия: история, организация и роль в общественной и культурной жизни страны: автореф. дис... канд. ист. наук: М., 1995. 26 с.

СССР. Наибольший вклад в научное исследование данной темы внесли А. В. Блюм¹³⁹, Т. М. Горяева¹⁴⁰, В. С. Измозик¹⁴¹, в работах которых нашла отражение и тема цензурного контроля за деятельностью СМИ. Совокупность трудов, раскрывающих процесс формирования и функционирования цензурного аппарата в СССР, заложила основу исследований проблемы взаимоотношений власти и СМИ в советский период в контексте реализации государственной информационной политики.

В 1990-е гг. историография проблемы пополнилась и работами зарубежных авторов. Благодаря открытости российских архивов, иностранные исследователи получили доступ к массиву исторических документов. Это способствовало появлению ряда трудов, содержащих различные позиции и мнения о сущности и причинах массовых политических репрессий, взаимоотношении власти и общества в СССР и т. д.¹⁴². В таких исследованиях история СМИ предметно не изучалась, но отмечались особенности их участия в общественно-политических процессах, приемы и результаты использования властью средств массовой информации в качестве инструмента реализации

¹³⁹ Блюм А. В. За кулисами «Министерства правды»: тайная история советской цензуры. 1917–1929. СПб., 1994. 320 с.; Он же: Закат Главлита. Как разрушалась система советской цензуры: документальная хроника 1985–1991 гг. // Книга: Исследования и материалы. Сб. 71. М., 1995. С. 168–187; Он же: Как было разрушено «Министерство правды»: советская цензура эпохи гласности и перестройки (1985–1991) // Звезда. 1996. № 6. С. 212–221; Он же: Советская цензура в эпоху тотального террора, 1929–1953. СПб., 2000. 312 с.; Он же: Как это делалось в Ленинграде: цензура в годы оттепели, застоя и перестройки, 1953–1991. СПб., 2005. 292 с.; Цензура в Советском Союзе 1917–1991: документы / Рурский университет (Бохум, ФРГ), Институт русской и советской культуры им. Ю. М. Лотмана, Федеральное агентство / сост. А. В. Блюм. М., 2004. 575 с.

¹⁴⁰ Горяева Т. М. Радиовещание и цензура // На подступах к спецхрану: Труды межрегиональной науч.-практ. конф. «Свобода научной информации и охраны государственной тайны: прошлое, настоящее, будущее», 24–26 сент. 1991 г. СПб, 1995. С. 18–96; Исключить всякие упоминания... Очерки истории советской цензуры / сост. Т. М. Горяева. Минск-М., 1995. 334 с. (Культура и цензура); История советской политической цензуры: документы и комментарии / отв. сост. Т. М. Горяева. М., 1997. 672 с.; Горяева Т. М. Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг. 2-е изд., испр. М., 2009. 407 с.

¹⁴¹ Измозик В. С. Политический контроль в Советской России. 1918–1928 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1995. 39 с.; Он же: Глаза и уши режима: Государственный политический контроль за населением Советской России в 1918–1928 гг. СПб., 1995. 164 с.; Он же: Политический контроль в Советской России 1918–1928 годы // Вопросы истории. 1997. № 7. С. 32–53; Измозик В. С., Павлов Б. В. Руководство РКП(б) и организация советской цензуры // Цензура в России: история и современность: сб. науч. трудов. Вып. 1. СПб., 2001. С. 102–111.

¹⁴² Brooks J. Pravda and the Language of Power in Soviet Russia. Media and Revolution. Lexington, 1992. 246 p.; Fitzpatrick S. The Cultural Front: Power and Culture in Revolutionary Russia. Ithaca, 1992. 264 p.; Она же: Everyday Stalinism. Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s Oxford, 1999. 288 p.; Lenoe M. Agitation, Propaganda, and the «Stalinization» of the Soviet Press, 1922–1930. Pittsburgh, 1998. 109 p. Rieber R. The Psychology of War and Peace: The Image of the Enemy. N. Y., 1991. 284 p.; Soviet Press, 1922–1930. Pittsburgh, 1998. 109 p.

государственной информационной политики. Своей совокупностью эти работы расширили спектр представлений и мнений о прошлом советских СМИ.

Одним из первых попытку глубокого и всестороннего осмысления процесса становления партийно-советской печати и механизмов государственного регулирования ее деятельности предпринял И. В. Турицын¹⁴³. Его позиция, изложенная в монографиях и диссертации, в определенной мере разрушила сформировавшуюся в советской историографии традицию изучения отношений между партией и СМИ, как одностороннего процесса. Исследователь не только оценил участие прессы во внутрипартийных дискуссиях, но и проследил эволюцию форм контроля за деятельностью печати, проанализировал отношение руководства страны к альтернативным изданиям в период НЭПа.

В целом 1990-е гг. можно охарактеризовать как период переосмысления прошлого и расширения источниковой базы исследований. Однако в 1990-е гг. не было создано работ, в которых нашла бы отражение история СМИ Хакасии и Горного Алтая. Отметим, что исследователи, изучавшие прошлое автономий, более активно, чем прежде, стали использовать материалы прессы как исторический источник, но саму местную прессу не выбирали в качестве предмета изучения.

К 2000-ым гг. в научном сообществе в целом сформировалось понимание необходимости разработки теоретической и методологической основ и выделения базовых направлений исследования государственной информационной политики в сфере СМИ. Наиболее четко данную позицию сформулировал Д. Л. Стровский, который предложил использовать для постижения внутренних связей между любыми событиями и явлениями определенные алгоритмы, среди которых наиболее значимыми назвал влияние на журналистский процесс культурных и политических традиций общества; положение личности в системе общественных отношений; жанровое своеобразие

---

¹⁴³ Турицын И. В. Советская власть и российская пресса: проблема взаимоотношений и взаимовлияний (1921–1929 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998. 32 с.; Он же: Власть и пресса в советской России: проблема взаимоотношений и взаимовлияния в 20-е годы. М., 1998. 250 с.; Он же: Кадровая политика РКП(б) и периодическая печать (1921–1925 гг.). Армавир, 1998. 140 с.

СМИ¹⁴⁴. По сути, данные алгоритмы обозначают основные направления современных исследований средств массовой информации, в том числе и в исторической перспективе.

Пытаясь найти в прошлом ответы на актуальные вопросы современности, исследователи, в частности, О. Л. Митволь, В. Э. Руга, А. Н. Лихтин, В. М. Азаренко, А. П. Расторгуев¹⁴⁵, углубленно изучали взаимоотношения СМИ с властью. Актуальной темой остается функционирование средств массовой информации в условиях цензуры. Ее наиболее полно исследовали Г. В. Жирков, Т. М. Горяева, Н. А. Володина, С. А. Дианов¹⁴⁶. И. А. Фатеева и С. Ю. Смирнова¹⁴⁷ внесли значимый вклад в исследование формирования системы подготовки журналистских кадров. Г. В. Кидяева¹⁴⁸, В. А. Скребнев¹⁴⁹, А. А. Слезин¹⁵⁰ предприняли попытку переосмыслить сущность рабселькорского движения. Неизменным остается научный интерес к материалам СМИ как историческому источнику. Л. Е. Корнева и Н. А. Миронова доказали, что публикации прессы, являясь результатом творческой деятельности множества людей, представляют широкий спектр мнений, суждений о действительности в целом и отдельных явлениях, богатейший архив фактологиче-

¹⁴⁴ Стровский Д. Л. Алгоритмы исследования истории журналистики // 300 лет российской журналистики: материалы науч.-практ. конф. / под ред. Г. В. Жиркова. СПб., 2003. С. 51–53.

¹⁴⁵ Митволь О. Л. Власть и пресса в СССР и Российской Федерации (1985–1999 гг.): дис... канд. ист. наук. М., 2002. 191 с.; Руга В. Э. Формирование системы партийно-государственного управления средствами массовой информации Советской России в 1920–1930-е гг.: дис... д-ра ист. наук. М., 2003. 461 с.; Лихтин А. Н. История газет российской провинции в процессе взаимоотношений с органами государственной власти (на материалах Оренбургского края XIX – XXI веков): дис... канд. ист. наук. Оренбург, 2005. 295 с.; Азаренко, В. М. Большевицкая печать как инструмент внутрипартийной борьбы (1920–1928 гг.): дис... канд. ист. наук. М., 2008. 210 с.; Расторгуев А. П. Власть и СМИ в Свердловской области в период 1985–1991 гг. (проблемы взаимоотношений): автореф. дис... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2010. 27 с.

¹⁴⁶ Жирков Г. В. История цензуры в России XIX–XX вв. М., 2001. 367 с.; Горяева Т. М. Радио России. Политический контроль советского радиовещания в 1920–1930-х годах. Документированная история. М., 2000. 175 с.; Володина Н. А. Становление и развитие советской системы политического контроля в 1917–1953 гг. (на примере Среднего Поволжья): автореф. дис... д-ра ист. наук. М., 2010. 52 с.; Дианов С. А. Развитие местных органов ГЛАВЛИТа на Урале в 1922–1938 гг.: структура, функции, кадры: автореф. дис... д-ра ист. наук. Ижевск, 2011. 43 с.

¹⁴⁷ Фатеева И. А. Журналистское образование в России: теория, история, современность: автореф. дис... д-ра филолог. наук. Екатеринбург, 2008. 43 с.; Смирнова С. Ю. Становление и развитие профессиональной подготовки журналистских кадров в Республике Марий Эл (история и современность): автореф. дис... канд. ист. наук. Казань, 2008. 29 с.

¹⁴⁸ Кидяева Г. В. Развитие корреспондентской сети в сельской местности Алтая во второй половине 1920-х гг. // Актуальные вопросы истории Сибири. V научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина: Сб. науч. трудов / под ред. В. А. Скубневского и Ю. М. Гончарова. Барнаул, 2005. С. 170–171

¹⁴⁹ Скребнев В. А. Становление местной партийно-советской печати и рабселькорского движения в Тамбовской губернии: 1917–1928 гг.: дис... канд. ист. наук. Тамбов, 2006. 255 с.

¹⁵⁰ Слезин А. А. Рабселькоры и советское государство 1920-х годов: особенности взаимозащиты // Право и политика. 2008. №10. С. 2529–2537.

ской, аналитической и индивидуально-личностной информации, анализ которой дает представление о настроениях, взглядах и мотивации поступков, уровне знаний и «картине мира» людей, живших в определенную эпоху¹⁵¹.

Особенностью современной историографии рассматриваемой темы, на наш взгляд, является стремление ученых сформулировать такую обобщающую идею, которая позволила бы объединить прошлое СМИ дореволюционного, советского, постсоветского периодов и рассматривать его как единый процесс преемственности опыта и традиций. В этой связи необходимо обратить внимание на одну из первых попыток сопоставления содержания, методов реализации и результатов проведения государственной информационной политики в СССР и Российской Федерации, предпринятую О. Л. Митводем. Однако, как мы считаем, автор не смог выйти на необходимый уровень обобщения фактического материала, дать четкого определения такой политики, в результате чего его внимание оказалось сосредоточено лишь на одном ее аспекте – на взаимоотношении власти и СМИ¹⁵².

Гораздо больший, на наш взгляд, интерес представляет разработанная Ф. Т. Кузбековым¹⁵³ концепция исторической взаимосвязи и взаимовлияния деятельности прессы и культурных процессов, в том числе этнической направленности, в контексте которой СМИ рассматриваются как участники формирования культурного наследия этноса и культурного пространства страны или региона. Логическое развитие эта идея получила в исследованиях П. Ф. Потапова, Р. Л. Исхакова, Х. А. Гайнуллиной¹⁵⁴ и др. Недостатком данной концепции, на наш взгляд, является ограниченность ее применения, по-

¹⁵¹ Корнева Л. Е. Общественно-политическая и культурная жизнь Западной Сибири в 1953–1964 гг. и ее отражение в периодической печати: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2006. 188 с.; Миронова Н. А. Образ «старой» художественной интеллигенции в советской печати «славного» десятилетия (1917–1927 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2006. 271 с.

¹⁵² Митволь О. Л. Формирование и реализация информационной политики в СССР и Российской Федерации: 1917–1999 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Москва, 2004. 304 с.

¹⁵³ Кузбеков Ф. Т. Становление средств массовой информации Башкортостана и развитие этнической культуры башкир XIX в. – 1930-е гг.: автореф. дис. ... д-ра филолог. наук. СПб., 2001. 71 с.

¹⁵⁴ Потапов П. Ф. Печать республик Поволжья и этнокультурные процессы в переходном обществе (80–90-е гг. XX в.): автореф. дис. ... д-ра филолог. наук. Казань, 2004. 304 с.; Исхаков Р. Л. Эволюция тюркской печати в XX в.: от этничности к постэтнической идентификации (филологический анализ): автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Екатеринбург, 2009. 24 с.; Гайнуллин Х. А. Влияние периодической печати ТАССР на формирование и развитие историко-культурного менталитета населения в 20–80-е гг. XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2009. 202 с.

скольку в качестве предмета изучения могут выступать СМИ только крупных этносов, обладающих богатыми традициями письменной культуры и, в том числе дореволюционным опытом выпуска периодических изданий.

Большей универсальностью, на наш взгляд, обладает концепция Д. Л. Стровского¹⁵⁵, позволяющая проследить становление СМИ в пространстве политической культуры, в процессе формирования и трансформации отечественных политических традиций. основополагающей идеей концепции является убеждение исследователя в том, что положение и содержание журналистики в советский период напрямую зависело от политических традиций и политической культуры, доминировавших в обществе. Снижает ценность работы то, что автор использовал в ней как тождественные понятия «журналистика» и «СМИ», что создало сложности в понимании того, как именно политические традиции находят воплощение в журналистике как творческой деятельности, направленной на создание и распространение массовой информации, и в функционировании СМИ как социального института.

Другим направлением теоретических поисков, призванных установить объединяющее начало для комплексного изучения разных по своим видовым признакам СМИ (прессы, радио, телевидения), стало исследование их прошлого в контексте более общих теорий – массовой информации или массовой коммуникации. Наиболее удачной, на наш взгляд, является концепция А. А. Грабельникова¹⁵⁶, который рассматривает историю СМИ как составную часть процесса функционирования массовой информации (МИ). Ученый включает в число субъектов информационных процессов помимо СМИ и аудиторию, которая не только использует СМИ как источник информации, но и активно участвует в процессе производства МИ. В данной теоретической модели средства массовой информации выступают как канал трансляции МИ, а их история – как процесс технического, организационного и творческого со-

¹⁵⁵ Стровский Д. Л. Отечественные политические традиции в журналистике советского периода. Екатеринбург, 2001. 246 с.; Он же: Отечественные политические традиции в журналистике советского периода (1917–1985 гг.): автореф. дис... д-ра полит. наук. Екатеринбург, 2002. 43 с.

¹⁵⁶ Грабельников А. А. Массовая информация в России: от первой газеты до информационного общества: дис... д-ра ист. наук. М., 2001. 349 с.; Он же: Массовая информация в России: от первой газеты до информационного общества: монография. М., 2001. 330 с.

вершенствования механизмов передачи информации массам и управления ими посредством информации. В этом ракурсе данная концепция может использоваться для исследования государственной информационной политики. Достоинство вышеназванных работ заключается также в том, что А. А. Грабельников, прослеживая данный процесс на протяжении трех веков (с момента появления первой газеты в России до начала 2000-х гг.), аргументирует необходимость использования традиционной для дореволюционной историографии периодизации, построение которой тесно связано с правлением того или иного главы страны.

Но большинство исследований прошлого СМИ, выполненных с 2000 г., не имеет столь высокой теоретической значимости и обобщающего характера. Исключение представляют работы О. Д. Якимова¹⁵⁷, в которых автор проследил процесс возникновения и развития периодической печати в национальных территориях Сибири и Дальнего Востока с момента зарождения (в том числе в дореволюционный период) и до начала XXI века. В своей монографии О. Д. Якимов дал объективную оценку причинам слабой изученности истории этнических СМИ сибирско-дальневосточного региона, выявил общие для национальной прессы особенности, определил влияние субъективного (человеческого) фактора на сроки и темпы развития СМИ, их содержание и структуру. Но, на наш взгляд, широкий географический и временной охват темы не позволил О. Д. Якимову выявить специфические условия формирования прессы в отдельных национальных территориях, в том числе в Хакасии и Горном Алтае, а также избежать фактических ошибок. Вместе с тем, монография обладает большой научной ценностью для нашего исследования, поскольку позволяет, вслед за О. Д. Якимовым, проследить основные этапы развития периодических изданий рассматриваемых автономий в сопоставлении с другими сибирскими национальными регионами, выявить об-

---

¹⁵⁷ Якимов О. Д. Формирование системы многонациональной печати автономных государственных образований и ее развитие в условиях обновления Советской Федерации (На материалах печати Сибири и Дальнего Востока. 1917–1990 гг.): автореф. дис... д-ра ист. наук. М., 1990. 54 с.; Он же: Печать национальных регионов Сибири и Дальнего Востока: От возникновения до наших дней. Новосибирск, 2000. 192 с.

щие закономерности реализации государственной информационной политики в сфере СМИ с учетом проводимой национальной политики.

Логическим продолжением исследования данной темы стали работы Е. А. Съёмщикова¹⁵⁸, посвященные формированию системы национальной печати в Западной Сибири в 1920-е гг. Ценность результатов исследования в значительной степени снижает то, что автор объединил в одну группу и прессу национальных меньшинств, проживавших на территории Сибири (эстонцы, литовцы, немцы), и издания коренных этносов региона. Такой подход, по нашему мнению, не учитывает социальный статус представителей диаспор и автохтонных народов, степень сформированности у них традиций письменной культуры и наличие прессы в дореволюционный период. Помимо вышеназванных исследований, историография истории СМИ Сибири с 2000 г. пополнилась значительным количеством работ, большинство из которых посвящено истории периодической печати.

В последнее десятилетие стала заметной активность ученых в изучении процессов становления и развития радио- и телевидения в сибирском регионе. Результатом этого стала, в том числе коллективная монография «Телевидение Сибири»¹⁵⁹, где представлен краткий исторический очерк становления местного телевидения в наиболее крупных территориях Западной и Восточной Сибири. Несмотря на то, что прошлое телевидения Хакасии не получило освещения в данной работе, ценным для нашего исследования является нарисованная авторами общая картина развития сибирского телевидения, которая позволяет получить представление об условиях, в которых происходило его формирование.

Комплексное изучение социально-культурного развития Горного Алтая стимулировало научный интерес к прошлому местных СМИ и привело к созданию целого ряда статей, посвященных истории горно-алтайской прессы,

---

¹⁵⁸ Съёмщиков Е. А. Газета «Кызыл Солун Табыш» – начало периодической печати в Алтае // Горный Алтай: история, современность, перспективы, 2003. С. 18–21; Он же: Национальная периодическая печать Западной Сибири 20-х годов: автореф. дис... канд. ист. наук. Кемерово, 2005. 28 с.

¹⁵⁹ Телевидение Сибири / А. Е. Ярославцева, В. С. Байдина, Э. В. Блинова, О. А. Ерёмченко, Ю. М. Ершов, О. Е. Макеева, Е. В. Халина; под ред. А. Е. Ярославцевой. Изд. 2-е, доп. и испр. Томск: Изд-во НТЛ. 2011. 208 с.

выполненных Т. В. Захаровой, О. Ю. Черемновой, Т. С. Пустогачевой¹⁶⁰. Свой вклад в исследование областного радиовещания внесла С. Я. Мамаева¹⁶¹. Достоинствами работ, подготовленных этими авторами, можно назвать введение в научный оборот новых источников, попытки проследить трансформацию СМИ и их содержания на разных этапах истории автономии. Однако общим недостатком данных публикаций является обращение авторов преимущественно к одним и тем же источникам и сосредоточенность только на функционировании средств массовой информации. Сам процесс становления СМИ описывается схематично, без учета специфики реализации государственной информационной политики в национальных регионах. Также не исследуются причинно-следственные связи между событиями и явлениями общесоюзного и сибирского масштаба и появлением газет или началом радиовещания. Без внимания остается взаимодействие СМИ с аудиторией и авторами публикаций, анализ содержания средств массовой информации подменяется перечислением рубрик и пересказом содержания публикаций (передач). Однако появление данных статей свидетельствует о пробуждении интереса к истории местных СМИ и формирует основу для дальнейшего и более углубленного изучения этой темы.

История средств массовой информации Хакасии в виде отдельных фактов нашла отражение в ряде исследований, из которых выделим «Очерки истории Хакасии»¹⁶². Ценность этой коллективной монографии для нашей работы заключается в том, что в ней становление и развитие прессы и радио-

¹⁶⁰ Захарова Т. В. К вопросу о развитии периодической печати в Горном Алтае в первые десятилетия Советской власти // Мир Евразии. 2010. № 2(9). С. 53–55; Черемнова О. Ю. Образование и деятельность областной газеты «Алтайдын Чолмоны» в 1922–1965 гг. // Мир Евразии. 2009. № 2. С. 64–66; Она же: Состояние печати в Горном Алтае в 40–70-е гг. XX в. // Исторический вестник. 2010. Вып. 4. С. 112–115; Она же: Развитие периодической печати в Горном Алтае в 1922–1941 гг. // Вестник ТГУ. 2011. № 1 (13). С. 57–59; Она же: Анализ содержания периодической печати Горного Алтая в 20–30-е гг. XX века (на примере газеты «Ойротский край») // Исторический вестник. 2011. Вып. 5. С. 92–95; Пустогачева Т. С., Черемнова О. Ю. История развития печати Горного Алтая в 1920–1950-е гг. // Исторический вестник. 2009. Вып. 3. С. 112–116.

¹⁶¹ Мамаева С. Я. Художественное радиовещание в Горном Алтае в 50–60-е гг. 20 века // Горный Алтай. Исторический сборник. 2007. Вып. 11. С. 86–89; К вопросу о тематике программ горно-алтайского радио в 50–60-е гг. XX в. // Этносоциальные проблемы регионов Сибири. Горно-Алтайск, 2008. С. 73–79; Становление и развитие регулярного радиовещания в Горном Алтае (20–60 гг. XX в) // Мир Евразии. 2009. № 3 (6). С. 49–52.

¹⁶² Очерки истории Хакасии (с древнейших времен до современности) / гл. ред. В. Я. Бутанаев; науч. ред. В. И. Молодин. Абакан, 2008. 672 с.

вещания рассматриваются в контексте этнической культуры, выделено значение СМИ для коренного населения автономии в переломные периоды истории (культурная революция, Великая Отечественная война и т. д.). Использование данного труда позволило дополнить представления о политических и культурных условиях, в которых происходило формирование сознания аудитории, как элемента массово-информационного пространства Хакасии.

Научный интерес представляет также публикация Н. А. Данькиной¹⁶³, в которой на основе анализа содержания областной газеты «Советская Хакасия» за 1937 г. была предпринята попытка реконструировать не только хронологию событий начала массовых репрессий, но и атмосферу, созданную газетными заметками, разоблачавшими «врагов народа» и призывавшими к их уничтожению. На наш взгляд, ценность данной статьи заключается в том, что автор для достижения поставленной цели применила фронтальный анализ областного издания, что позволило выявить и внетекстовый смысл публикаций, создаваемый за счет оформления газетных полос. Более полно и последовательно прошлое периодической печати и радиовещания освещалось в наших статьях, монографиях и диссертационной работе.

Таким образом, анализ литературы по теме исследования подтвердил выдвинутый нами тезис о том, что ранее формирование массово-информационного пространства не являлось предметом изучения. В научном плане история СМИ, как основного элемента данного пространства, стала исследоваться с 1950-х гг. и до настоящего времени остается предметом неослабевающего научного интереса.

Особенностями изучения прошлого средств массовой информации в советский период являлось то, что оно происходило в контексте развития историографии истории страны и коммунистической партии, под влиянием политического фактора и в русле марксистско-ленинской концепции печати. С 1920-х гг. и до конца 1980-х гг. данная тема рассматривалась преимущест-

---

¹⁶³ Данькина Н. А. Средства массовой информации в годы политических репрессий (по материалам газеты «Советская Хакасия» 1937 г.) // Политические репрессии в Хакасии и других регионах Сибири (1920–1950-е гг.): материалы межрегиональной науч.-практ. конф. Абакан, 2001. С. 80–85.

венно в аспекте выявления эффективности руководства КПСС средствами массовой информации и участия СМИ в реализации партийных мероприятий, политических кампаний и программ. Становление гражданской истории СМИ, в отличие от партийной, шло более медленными темпами. Разработка новых направлений, а также методологии изучения средств массовой информации, их взаимодействия с аудиторией и авторами, формирования содержания велась в рамках не только исторических, но и филолого-журналистских исследований. Спецификой историографии прошлого средств массовой информации рассматриваемых автономий в советские годы можно назвать то, что степень ее разработанности зависела от степени изученности культурных процессов, имевших место в данных национальных территориях.

Особенностями постсоветского этапа историографии истории СМИ (1990-е гг. по настоящее время) стала заметная регионализация медиаистории, которая привела к количественному росту научных работ, но в то же время выявила схематизм в определении и раскрытии тематики исследований. Распространенным (на уровне диссертаций) является изучение прошлого системы СМИ (отдельных ее элементов), взаимодействия с аудиторией и авторами, процесса формирования медиасодержания в узких территориальных (на уровне области, края, республики) и хронологических (два-три десятилетия) рамках. Исследователи зачастую ограничиваются восстановлением хронологии событий, связанных с возникновением и развитием региональных периодических изданий, радиовещания или телевидения, описанием деятельности местных журналистов и анализом публикаций (телерадиопередач). При этом не учитываются особенности реализации государственной национальной политики в данных регионах, не прослеживается связь становления и развития СМИ и государственной информационной политики. Основным недостатком подобных работ является то, что авторы, сознательно «втискивая» себя в такие рамки, не могут провести полноценный сравнительно-исторический анализ и выделить специфические особенности деятельности

местных СМИ, которые сформировались в условиях, характерных именно для данного региона или исторического периода.

Анализ историографии по теме исследования позволил сделать вывод о том, что в настоящее время ощущается потребность в современных концепциях изучения прошлого СМИ, которые учитывали бы особенности реализации государственной национальной и информационной политики в стране и конкретных регионах. Это позволит преодолеть сохранившийся с советского времени схематизм в рассмотрении данной темы, обеспечить комплексное изучение организации и результатов взаимодействия СМИ с аудиторией, авторами публикаций, медиаинформацией. Предложенная нами модель массово-информационного пространства может способствовать удовлетворению этой потребности. Использование теоретической модели МИП дает возможность: 1) выявить комплексность и определить цель деятельности власти по созданию и стимулированию взаимодействия всех элементов массово-информационного пространства Хакасии и Горного Алтая в контексте реализации государственной информационной политики в сфере СМИ; 2) отойти от восприятия медиаистории как изучения прошлого средств массовой информации и проанализировать взаимосвязь изменений системы СМИ, структуры и качественных характеристик аудитории и авторов публикаций, содержания и особенностей представления медиаинформации ее потребителям с учетом влияния на этот процесс различных факторов, в том числе национального.

1.3. Источниковая база исследования

Структурная сложность массово-информационного пространства, многоаспектность взаимодействия и взаимовлияния составляющих его элементов обусловили привлечение широкой источниковой базы и необходимость ее систематизации. В круг источников были включены опубликованные и архивные, в том числе впервые вводимые в научный оборот документы.

Источниковая база исследования представлена следующими видами источников.

1. Законодательные акты (Конституции СССР, Законы СССР и Российской Федерации), позволяющие определить структуру взаимоотношений центра и регионов, понять степень подчинения и характер взаимодействия краев и автономных областей, особенности реализации национальной и информационной политики в сфере СМИ. В данную группу также включены совместные постановления Совета народных комиссаров СССР и ВКП(б), а в дальнейшем – ЦК КПСС и Совета Министров СССР. В советский период они являлись важнейшими директивными документами, определявшими развитие страны и отдельных регионов, в том числе изменения в сфере промышленности и сельского хозяйства, культуры и образования, средств связи, что прямо или косвенно отражалось на деятельности СМИ¹⁶⁴. Особенностью документов данного вида является устойчивость структуры и наличие необходимых атрибутивов, облегчающих их анализ и верификацию, а также доступность, поскольку большинство из них опубликовано в различных сборниках.

Значение законодательных источников для нашего исследования обусловлено тем, что принятие таких законов или совместных постановлений свидетельствовало о возникновении ситуации, формировании политических или экономических предпосылок, изучение которых позволяет оценить зна-

---

¹⁶⁴ Источниковедение. История. Теория. Метод. Источники российской истории / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М.: РГГУ, 2004. С. 528.

чимость и влияние подобных документов на содержание и реализацию государственной информационной политики в сфере СМИ, на взаимодействие элементов массово-информационных пространств.

2. Документы ВКП(б)–КПСС. Решения съездов, конференций, пленумов, определявшие генеральную линию партийно-государственной политики, в том числе информационной и национальной, обладают невысокой фактической ценностью для нашего исследования, поскольку они в большинстве случаев содержат идеологические схемы, отражавшие не жизненные реалии, а политизированные мифы. Наиболее заметно это, например, при сравнении материалов дискуссии по национальному вопросу, развернувшейся в центральных и местных СМИ в преддверии пленума ЦК КПСС (19-20 сентября 1989 г.), и материалов пленума, в которых реальное состояние межнациональных отношений в стране не получило отражения. Однако такие документы обладают научной ценностью, поскольку в большинстве из них содержатся разделы, посвященные деятельности средств массовой информации. Большинство этих источников опубликовано в сборниках¹⁶⁵, что облегчает доступ к ним и верификацию.

Определяющее значение в реализации государственной информационной политики в сфере СМИ играли постановления ЦК ВКП(б)–КПСС, регламентировавшие, в частности, деятельность и содержание средств массовой информации, их взаимодействие с аудиторией и авторским активом. Принятие очередного постановления служило своего рода «запускающим механизмом» изменений, происходивших в структуре, содержании и реализации государственной информационной политики. Поэтому такие постановления ЦК нами рассматривались в комплексе с аналогичными распоряжениями местных комитетов партии и отчетной документацией редакций СМИ по выполнению указаний и директив.

---

¹⁶⁵ См., напр.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1985. Т. 7 (1938-1945 гг.). 574 с.; Т. 8 (1946-1955 гг.). 542 с.; КПСС о средствах массовой информации и пропаганды. М., 1979. 590 с.

Большими информационными возможностями обладают тексты публичных выступлений лидеров ВКП(б)–КПСС. В речах высших руководителей партии можно обнаружить идеологические установки, облеченные в форму отдельных лексем, словосочетаний, синтаксических конструкций. Сопоставительный анализ текстов выступлений и газетных публикаций дает возможность судить о том, как быстро подобные установки входили в лексикон и как долго сохранялись в публичном дискурсе и тоталитарной медиареальности.

Научный интерес представляют речи и доклады региональных партийных руководителей, опубликованные в прессе и в виде брошюр, сохранившиеся в стенографических отчетах. Ценность таких источников для нашего исследования определяется содержанием в них общих идеологических установок, адаптированных к местным, в том числе национальным условиям Хакасии и Горного Алтая. Анализ подобных установок в различные исторические периоды помогает понять, например, принципы построения межнациональных отношений в рассматриваемых территориях и условия, в которых происходила межэтническая коммуникация, в том числе в массово-информационном пространстве.

3. Делопроизводственные источники представляют собой комплексы взаимосвязанных и в значительной степени унифицированных документов. Их форма определяется целевым назначением документа (план, отчет, докладная записка, письмо, приказ и т. д.) и характеристиками адресата (конкретная персона, выше- или нижестоящая организация и проч.). Делопроизводство каждой организации обладает особенностями, обусловленными спецификой ее деятельности, сферой функционирования, властными полномочиями. Поэтому для полноценного исследования такого вида источников мы условно разделили их на документацию партийных¹⁶⁶ и комсомольских¹⁶⁷ ор-

---

¹⁶⁶ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 5. Аппарат ЦК КПСС; Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 17. Аппарат ЦК КПСС; Государственное бюджетное учреждение Новосибирской области «Государственный архив Новосибирской области» (ГБУНО «ГАНО»). Ф. 2. Сибирский краевой комитет ВКП(б); Ф. 3. Западно-Сибирский крайком ВКП(б); Краевое государственное бюджетное учреждение «Государственный архив Красноярского края» (КГБУ «ГАКК»). Ф. 26.

ганизаций, исполнительных органов власти¹⁶⁸, ведомственное делопроизводство¹⁶⁹. По содержанию и целевому назначению выделены следующие группы.

Организационно-распорядительная документация определяла порядок, основные направления и условия деятельности СМИ в соответствии с полномочиями той ли иной организации. В эту группу нами были включены решения, резолюции, приказы, распоряжения партийных органов различного уровня. Изучение документов, в которых нашло отражение решение организационных, кадровых, технических и других вопросов, связанных с функционированием СМИ, позволило составить представление о взаимоотношениях местных партийных комитетов и редакций, о динамике роста творческих кадров, методах формирования журналистского корпуса и управления им. Хронологический и историко-генетический анализ постановлений, справок и ходатайств Хакасского и Горно-Алтайского обкомов, Красноярского и Алтайского крайкомов, справок и решений Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС дал возможность выявить причинно-следственные связи в процессе развития массово-информационных пространств рассматриваемых автономий.

В 1953–1957 гг. радиовещание было подчинено Министерству культуры СССР, а местные отделы радиоинформации переданы в ведении управлений культуры. Поэтому при изучении документации Хакасского областного

Красноярский краевой комитет КПСС; Национальный архив Республики Хакасия (НАРХ). Ф. 14. Хакасский уездный комитет РКП(б); Ф. 1, Хакасский окружком ВКП(б); Ф. 2. Хакасский обком КПСС; Комитет по делам архивов Республики Алтай (КДА РА). Ф. 1166. Горно-Алтайский уездный комитет РКП(б); Ф. 1, Горно-Алтайский обком КПСС.

¹⁶⁷ НАРХ. Ф. 36. Хакасский уездный комитет РЛКСМ; Ф. 37. Хакасский обком ВЛКСМ.

¹⁶⁸ ГБУНО «ГАНУ». Ф. 47. Исполком Западно-Сибирского краевого совета; НАРХ. Ф. 15. Хакасский окружной исполком; Ф. 39. Исполком областного совета народных депутатов Хакасской автономной области; КДА РА. Ф. 33. Исполнительный комитет Горно-Алтайского облсовета народных депутатов; Муниципальное казенное учреждение г. Минусинска «Архив г. Минусинска». Ф. 25.

¹⁶⁹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 9425. Главное управление по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР; Ф. 6903. Государственный комитет СССР по телевидению и радиовещанию; НА РХ. Ф. 555. Областное управление культуры; Ф. 579. Областное управление связи; Ф. 699. Редакция газеты «Хакасия»; Ф. 770. Редакция газеты «Хабар»; Ф. 735. Партийная организация Хакасского областного комитета по телевидению и радиовещанию; КДА РА. Ф. 69. Редакция газеты «Звезда Алтай»; Ф. 631. Редакция газеты «Алтайдын Чолмоны»; Ф. 364. Объединенная редакция газет «Звезда Алтай» и «Алтайдын Чолмоны»; Ф. 373. Редакция газеты «За коммунизм»; Ф. 297. Редакция газеты «Знамя коммунизма»; Ф. 565. Редакция газеты «Новый путь»; Ф. 578. Редакция газеты «Мал учун»; Ф. 209. Редакция газеты «Знамя труда»; Ф. 312. Горно-Алтайский областной Комитет по телевидению и радиовещанию.

управления культуры за этот период был обнаружен ряд интересных документов о регламентации деятельности областного радио, в частности, указания по организации литературно-художественных и детских передач.

Особой ценностью обладают книги приказов областных радиокомитетов Хакасии и Горного Алтая, содержащие ценную информацию о деятельности этих организаций.

В привлекаемый круг источников были включены *стенограммы и протоколы мероприятий*. Анализ стенограмм партийных мероприятий (конференций, собраний партийного актива, совещаний, встреч с интеллигенцией и проч.) включал поиск информации в таких документах в трех основных направлениях: выявление высказываний участников мероприятия о деятельности СМИ; выступлений самих журналистов, содержавших критику и самокритику, предложения, замечания, факты; отношения аудитории к сообщаемой информации или персоне выступающего, выраженное через вопросы и реплики с мест.

Важным источником являются стенограммы региональных и зональных совещаний редакторов периодических изданий, слетов и съездов рабочих и сельских корреспондентов. Адресация выступлений профессиональной аудитории служила определяющим фактором при выборе лексики, формулировке основных мыслей, отборе примеров, иллюстрирующих излагаемые факты. Поэтому изучение текстов выступлений позволяет судить о реальных проблемах, которые испытывали редакции, об особенностях работы редакторов, о степени профессиональной подготовки руководителей, рядовых сотрудников и внештатных авторов. Общим недостатком, снижающим ценность стенограмм как исторического источника, являются ошибки в написании фамилий и названий, при указании цифр, пропуски в тексте, нередко – небрежное оформление таких документов, в результате чего возникают затруднения в определении авторства тех или иных фрагментов выступлений.

Наиболее полное представление об основных этапах развития массово-информационных пространств автономий и событиях в их истории дает изу-

чение протоколов бюро обкомов ВКП(б)–КПСС Хакасии и Горного Алтая. Данные документы являются своеобразным источниковым комплексом, поскольку содержат тексты решений и постановлений, обзоры содержания и анализ деятельности СМИ, оценочные суждения членов бюро, разнообразную дополнительную информацию (планы, отчеты, справки), включенные в приложения. Анализ таких комплексов документов позволяет реконструировать условия и выявить причины принятия решений, определить фактический материал, на который опирались разработчики постановлений, оценить степень достоверности и возможности использования в исследовании полученных исторических фактов.

Анализ протоколов бюро и пленумов Хакасского уездного и областного комитетов комсомола, содержащих значительный объем фактического материала, позволил выявить факты, имеющие ценность для нашего исследования. Так, например, удалось дать оценку заслугам комсомола в организации радиовещания, в распространении в 1920–1930-е гг. периодических изданий, приобщении детей и молодежи к чтению газет и в целом – в формировании аудитории СМИ.

Особую группу делопроизводственной документации представляет *переписка*, изучение которой дает возможность установить характер общения между руководством партийных организаций различного уровня, перечень основных вопросов, по которым возникала письменнo-телеграфная дискуссия, суть просьб и характер их изложения в подобных документах. Интерес представляют коллективные и индивидуальные письма граждан в обкомы партии, содержащие жалобы и предложения по работе СМИ, замечания по поводу отдельных публикаций, теле- и радиопередач, просьбы об изменении времени вещания местного радио и телевидения. Такие источники содержат информацию о вкусовых предпочтениях и информационных потребностях представителей аудитории, реакции читателей, слушателей и зрителей на общения СМИ. Они являются косвенным свидетельством отношения пред-

ставителей аудитории к действенности местных и всесоюзных газет, их представлений о решении насущных проблем с использованием авторитета СМИ.

Уникальной можно назвать сохранившуюся в фонде газеты «Звезда Алтая» коллекцию писем селькоров за 1931–1933 гг., изучение которых дало возможность проанализировать причины обращений их авторов в редакцию, тематику, стиль посланий, приемы правки и степень вмешательства журналистов в аутентичные тексты. Также историографической ценностью обладают обзоры редакционной почты, в которых в сконцентрированном виде представлены основные темы читательских писем, анализ мотивов и географии таких обращений.

Контрольную делопроизводственную документацию составляют справки, докладные записки, объяснительные. Мотивом включения таких документов в данную группу послужило то, что их составление и представление в партийные органы являлось одним из аспектов реализации контролирующей функции КПСС. Анализ такой документации позволил выявить основные направления, результаты и особенности реализации в Хакасии и Горном Алтае национальной и информационной политики: темпы и масштабы ликвидации неграмотности, школьного строительства, создания системы культ- и политпросвета, организации местной прессы и ее материально-технической базы, а также определить факторы, сдерживавшие эти процессы.

Такие источники обладают высокой информативной ценностью, поскольку дают достаточно полное представление о различных сторонах функционирования средств массовой информации, их взаимодействии с аудиторией и внештатными авторами, позволяют выявить методы реализации информационной политики в сфере СМИ. Они также помогают восстановить хронологию и детали событий, происходивших с ними или непосредственно касавшихся их, определить динамику развития средств массовой информации, качественных и количественных изменений журналистского корпуса, а также выяснить судьбы некоторых его представителей.

В эту же группу нами были включены обзоры печати и рецензии, подготовленные партийными работниками и журналистами. Их анализ позволяет судить о требованиях, которые предъявлялись учредителем к работе и содержанию средств массовой информации. Характер анализа контента и работы СМИ, принцип подбора фактов и примеров, содержание выводов чаще всего определялись целевой установкой рецензента и особенностями исторических условий, в которых создавался подобный документ. На верификацию этих источников влияют трудности с датировкой и установлением авторства ряда таких документов, что не всегда позволяет определить степень компетентности и мотивации рецензента, условия создания таких источников.

Отметим, что деятельность национальных изданий и вещания на национальном языке контролировалась менее жестко, в сравнении с русскоязычными СМИ. Трудности с их мониторингом были вызваны отчасти и недостатком квалифицированных рецензентов, понимавших специфику национальной прессы, теле- и радиовещания и в должной мере владевших языком коренных этносов автономий. В результате в партийных архивах преобладают рецензии на содержание и обзоры деятельности русскоязычных средств массовой информации, а различные аспекты работы национальных СМИ отражены фрагментарно.

В группу *плановой документации* были включены планы ВЦИК, Совета Министров СССР, краевых и областных исполкомов, содержащие ценную информацию об организации в Хакасии и Горном Алтае системы образования и просвещения, радиофикации, организации подписки на прессу, о предпосылках и аспектах формирования массово-информационных пространств.

В эту же группу были включены календарные и тематические планы редакций, утверждение которых входило в прерогативу бюро обкомов партии. Такие планы представляют собой весьма объемные, специфические по своей структуре и содержанию документы, анализ и верификация которых часто вызывает затруднение. Однако скрупулезный сравнительно-сопоставительный анализ этих документов в хронологической последова-

тельности помогает выделить темы, освещению которых в те или иные периоды уделялось особое внимание, определить общее содержание СМИ, особенности тематики, жанров и авторства публикаций, выявить регулярность выхода газетных рубрик, радио- и тележурналов, отметить появление новых тенденций в организации деятельности СМИ, изменения в редакционной структуре и т. д. Эти сведения позволяют восполнить некоторые информационные лакуны, возникшие из-за фрагментарности части данных, содержащихся в других источниках.

В *отчетную документацию* вошли годовые и отчеты различных организаций Хакасии и Горного Алтая по выполнению постановлений партийных органов, по отдельным направлениям деятельности СМИ. Их информационный потенциал как источников невысок, поскольку они часто носили формально-бюрократический характер, содержали общие фразы, недостоверную информацию, что выявляется при сопоставлении их с другими источниками.

Так, в частности, годовые отчеты редакций СМИ, отчеты о выполнении ими постановлений партийных органов, проведении массовых политических кампаний и т. д. создавались редакторами газет и председателями радиокomiteев, носили преимущественно не аналитический, а информирующий характер, содержали элементы самокритики, но в целом должны были свидетельствовать об успешном выполнении творческих планов или поставленных партией задач. Следует отметить, что научная ценность сведений, содержащихся в таких отчетах, не слишком высока, поскольку многие из подобных документов содержали, в основном, перечисление плановых публикаций (передач) и мероприятий. Поэтому, несмотря на большое количество приводимых фактов, достоверность сообщаемых сведений, объективность трактовок достижений и недостатков часто вызывает сомнение и требует тщательной проверки с привлечением других источников.

Ценную информацию содержат справки и отчеты Научно-технического отдела Госкомитета СССР по телевидению и радиовещанию (Гостелерадио). В этих источниках содержится ценная информация по истории развития ра-

дио и телевидения в СССР, по изучению состава и предпочтений аудитории, результаты анализа писем и комплексных анкетных опросов радиослушателей и телезрителей, предложения по изменению информационной и редакционной структуры радиокомитетов. Несмотря на то, что в этих документах мы не обнаружили сведения о СМИ рассматриваемых автономий, их анализ позволил сформировать общее представление о содержании вещания, особенностях работы, достижениях и недостатках местных телерадиокомитетов, их участии в реализации государственной информационной политики в сфере СМИ.

Годовые отчеты Красноярского и Алтайского краевых управлений по делам литературы и искусства (крайЛИТО) содержат ценную информацию не только о деятельности цензурных органов, но и об их взаимоотношениях со СМИ, о принципах цензурирования, системе подбора и подготовки кадров цензоров и т. д. Анализ содержания отчетов и цензурных вычерков в хронологической последовательности позволил выявить изменения Перечня сведений, запрещенных к публикации в средствах массовой информации и, как следствие, изменения цензурной политики, как неотъемлемой составляющей государственной информационной политики в сфере СМИ. Достоверность таких источников подтверждается наличием необходимых атрибутивов на сопроводительных и отчетных документах (даты, подписи), ссылками цензоров на соответствующие статьи регламентирующих документов, сводными ведомостями вычерков, а также актами проверки фактов, сообщенных в отчетах.

В группу *учетной документации* были включены списки газет и работников редакций автономий, сведения по личному составу, таблицы, ведомости, характеристики. Анализ этих источников позволил проследить динамику кадров редакций, выявить основные требования к сотрудникам СМИ и критерии оценки их деятельности, реконструировать биографии ряда журналистов.

4. Статистические материалы. Среди источников данного вида большую ценность представляют данные о темпах и масштабах ликвидации неграмотности и культурного строительства в рассматриваемых территориях, охвате населения образовательной и культурно-просветительской работой, позволившие дополнить представления о формировании аудитории СМИ. Часть таких документов опубликована в специализированных статистических сборниках по социально-экономическому и культурному развитию СССР, Хакасии и Горного Алтая¹⁷⁰. Значительный объем статистических сведений о радиофикации, динамике развития стенной печати и рабсельковского движения в автономных областях, работе СМИ с письмами читателей зафиксирован в форме справок и докладных записок, подготовленных партийными работниками, сотрудниками редакций, руководителями министерств и ведомств.

Отметим, что верификация таких документов затруднена, поскольку в статистические справки часто включались недостоверные данные, имело место завышение численных показателей на всех этапах сбора информации. Анализ статистических источников, установление достоверности информации, содержащейся в них, сложен также потому, что из-за отсутствия аналогичных документов за разные периоды цифровые данные в ряде случаев оказываются несопоставимыми и не поддаются проверке. Поэтому значительная часть неопубликованной статистики использовалась нами в качестве дополнения к источникам, поддающимся верификации.

Наибольшей достоверностью обладают материалы плановой комиссии Хакасского облисполкома¹⁷¹, иллюстрирующие основные этапы, темпы и масштабы социально-экономического и культурного развития Хакасии. Комплексный анализ документации данного фонда дал возможность сопоставить плановые и отчетные показатели развития основных отраслей народного хозяйства, выявить причины невыполнения контрольных цифр по радиофика-

---

¹⁷⁰ Предварительные итоги переписи населения 1926 г. по Ойратской автономной области. Улала, 1927. 71 с.; Десять лет Советской Ойротии. Политико-экономический сборник / под ред. Г. Чучкалова. Улала, 1932. 106 с.; Экономическо-статистический справочник Ойротской автономной области. Ойрот-Тура, 1934. 68 с.

¹⁷¹ НА РХ. Ф. 46.

ции и развитию типографских мощностей, зависимость процесса формирования массово-информационного пространства от уровня промышленного развития региона. Исследование таких источников также позволило судить о факторах, обусловивших необходимость и возможности активного радиостроительства и развития телевизионной сети в Хакасии.

5. Источники личного происхождения. Анализ таких источников, в число которых были включены автобиографии, рукописи статей и сценариев телепередач, черновики текстов речей, воспоминания, записные книжки, позволил выявить новые факты, неочевидные связи событий и явлений, не нашедшие своего отражения в других источниках. Изучение данных документов помогло оценить прошлое через восприятие современников, восстановить ход некоторых событий, объяснить мотивацию поступков действующих лиц, создать портретные характеристики сотрудников СМИ, выявить важные детали деятельности средств массовой информации, особенности организации информационного обмена в массово-информационном пространстве в различные периоды времени.

Поиск таких источников осуществлялся в опубликованных (художественно-публицистическая литература, газетные и журнальные статьи, сборники воспоминаний, писем и личных документов) и неопубликованных материалах (устная история, личные архивы и архивные фонды журналистов Хакасии и Горного Алтая). Богатый фактический материал личного происхождения содержат специальные сборники, юбилейные выпуски газет, радио- и телепередачи. Однако при их подготовке основной массив воспоминаний ветеранов-журналистов и их личные архивы оказываются востребованными в незначительной степени. Это обусловило наше внимание к устной истории и необходимость самостоятельного сбора и записи воспоминаний очевидцев изучаемой эпохи, что дало возможность руководить беседой, уточнять детали, факты, фамилии.

Основным недостатком мемуаров как источника, на который обращают внимание многие исследователи, является субъективизм авторов в изложе-

нии и оценках различных событий, поскольку большинство из них опирается на собственную память, а не на документы. Отсюда частая путаница в фамилиях, датах, названиях и прочие ошибки, которые не всегда можно проверить по другим источникам. Поэтому при использовании воспоминаний акцент нами делался на эмоциях респондента, его ощущениях по поводу тех или иных событий, личных реакциях на деятельность средств массовой информации в целом и публикацию отдельных материалов в частности.

6. Материалы периодической печати, которые являются источником разнообразной информации: событийной, ориентационной, концептуальной, научной, индивидуально-личностной и собственно журналистской. В отличие от радио или телевидения, пресса отличается долговечностью носителя информации (бумаги) и доступностью. Типографский способ тиражирования изданий, гарантирующий идентичность всех экземпляров одного номера, позволяет рассматривать материалы прессы как аутентичное свидетельство эпохи и облегчает процедуру внешней критики источника.

Сравнительно-сопоставительный анализ содержания разных по типу печатных СМИ (например, русскоязычного и издания на национальном языке, областных и районных газет) за один и тот же период дал возможность определить общие для них тенденции развития, выделить особенности контента каждого из изданий, характерные для него как для представителя того или иного типа прессы, или уникальные, присущие только данному средству массовой информации. Критериями проведения такого анализа послужили, в частности, соотношение оригинальных и перепечатываемых материалов, степень и характер иллюстративности сообщаемых сведений, компоновка на полосе/в номере публикаций и их распределение по темам, тематический и географический охват, степень и характер участия в создании выпусков штатных авторов и т. д.

Фронтальный анализ содержания периодических изданий (изучение всех сохранившихся номеров издания за исследуемый период) позволил не только обнаружить значительное количество материалов, прямо или косвенно ка-

сающихся различных аспектов реализации государственной политики в сфере СМИ, но и реконструировать процесс и результаты взаимодействия элементов массово-информационного пространства, частично воссоздать настроения общества в отдельные исторические периоды и определить степень влияния на них средств массовой информации. Фронтальный анализ, на наш взгляд, дает больше возможностей, в сравнении с контент-анализом, при определении тем, наиболее популярных в прессе в те или иные периоды истории, особенностей использования приемов и способов их освещения, трактовки фактов, объяснения явлений, формирования «образов» действительности, применения методов информирования и манипулирования, открытого и скрытого воздействия на общественное сознание.

При изучении материалов СМИ как исторического источника особый акцент делался на определении исторического контекста, условий и причин формирования содержания в целом и создания отдельных материалов, влияние на этот процесс различных факторов, в первую очередь политического, экономического и человеческого, а также цензуры. Также оценивалась значимость данных публикаций для аудитории, их роли в формировании медиа-реальности, общественного мнения и массового сознания. Особый интерес в этом плане представляют опубликованные в газетах письма читателей, содержащие эмоциональные реакции, критические замечания, пожелания и т. д.

В соответствии с темой и территориальными рамками исследования особое внимание в работе было уделено анализу публикаций областных изданий изучаемых территорий: газет «Советская Хакасия», «Хызыл аал» («Ленин Чолы»), «Комсомол Хакасии», «Красная Ойротия» («Звезда Алтая»), «Кызыл Ойрот» («Алтайдын Чолмоны»), «Ойротский комсомолец». Также в данный массив были включены публикации, обнаруженные в отдельных комплектах и номерах районных и городских газет, в единичных экземплярах стенных изданий, сохранившихся в архивах и музеях. Особенности статуса автономных областей – их административно-территориальное и юридическое подчинение краям – определило привлечение в исследование публикаций краевых

изданий «Советская Сибирь» (Новосибирск), «Красноярский рабочий» (Красноярск) и «Алтайская правда» (Барнаул). Для расширения представлений о событиях и явлениях, имевших место в стране, но отразившихся на жизни населения национальных районов и деятельности местных СМИ, нами также изучались публикации центральных газет «Правда», «Крестьянская газета», «Советская культура» и др.

Безусловно, каждый источник, включенный в источниковую базу данного исследования, обладает своими особенностями, определяющими качество содержащейся в нем информации, подлинность сведений, достоверность фактов. Но анализ значительного количества однотипных письменных источников позволил провести их систематизацию на основании такого критерия оценки, как степень верифицируемости информации. По этому признаку можно выделить три основные группы.

В *первую* мы включили источники, содержащие сведения, большую часть которых возможно верифицировать за счет использования информации, полученной из других источников. Основу документов первой группы составляют доклады партийных руководителей и тексты выступлений редакторов, в которых упоминаются факты из истории местных СМИ. Достаточно достоверными свидетельствами можно считать отдельные виды делопроизводительной документации: списки сотрудников редакций и редакторов газет, гонорарные ведомости, личные дела журналистов, приказы, распоряжения, инструкции, а также отчеты ЛИТО.

В эту же группу с определенными оговорками включены обзоры печати и рецензии на материалы СМИ. Несмотря на субъективизм оценок, ценность таких документов заключается в том, что авторы при их создании опирались на опубликованные материалы или тексты вышедших в эфир программ. В условиях плохой сохранности подшивок районных и городских газет, особенно за 1930-е гг., и отсутствия полноценного комплекта сценариев радио- и телепередач, обзоры и рецензии позволяют восстановить некоторые пробелы в изучении творческой составляющей деятельности региональных СМИ.

Во *вторую группу* входят источники, содержащие сведения, верифицируемые частично. К ним, в частности, можно отнести аналитические справки о деятельности средств массовой информации, подготовленные представителями редакций, цензурных и партийных органов. Основные трудности возникают при определении степени достоверности не сообщаемых в них фактов, а оценочных суждений авторов и сделанных ими выводов.

В эту же группу мы включили отчеты редакций о выполнении постановлений ЦК ВКП(б), крайкомов и обкомов партии, статистические справки о количестве стенгазет (радиоузлов), численности рабселькоров, объеме корреспонденции, получаемой редакциями и т. д. Анализ содержания таких документов в сопоставлении с обзорами печати, рецензиями, подготовленными журналистами вышестоящих (краевых, областных) СМИ, докладных записок партийных работников, инспектировавших местные периодические издания, свидетельствует о наличии фактов «приукрашивания» результатов деятельности редакций за счет включения в отчеты недостоверных сведений.

К данной группе относятся немногочисленные сценарии радио- и телепередач, сохранившиеся в ведомственных и государственных архивах. У большинства таких документов отсутствует микрофонная папка, то есть обложка, на которой указывались выходные данные программы: название, автор, хронометраж, время начала и окончания вещания, подписи автора, диктора и выпускающего, визы руководителя редакции и цензора. Поэтому определить вышла ли эта передача в эфир или была по каким-то причинам снята с эфира можно лишь по косвенным признакам.

Частично верифицируемыми являются тематические и календарные планы редакций областных газет и радиокомитета. В таких документах указывалась тематика, название материала, его жанр, фамилии выступающих, а также отделы редакции газеты (на радио и телевидении – редакции), ответственные за подготовку публикаций. Проверить выполнение таких планов можно лишь частично – за счет сопоставления с текстами газет за тот же пе-

риод, анализа обзоров печати и программ местного радио и телевидения, опубликованных в прессе.

Ко второй группе можно отнести характеристики отдельных изданий, редакторов, журналистов и наиболее активных рабселькоров. Большинство таких документов предназначалось для рекомендации к участию в статусном мероприятии, для награждения или назначения на ответственный пост. Поэтому такие характеристики содержали только положительные и нередко приукрашенные оценки деятельности претендента, но, вместе с тем, и точные факты биографии человека или истории газеты. Необъективными, но содержащими ценную информацию можно назвать справки о политической благонадежности сотрудников СМИ за 1938–1939 гг. Сообщаемые факты сознательно подвергались негативной трактовке, дополнялись слухами, сплетнями, домыслами. Но часть из таких сведений можно проверить по личным делам журналистов, Книгам памяти жертв политических репрессий, книгам приказов, по воспоминаниям очевидцев событий предвоенной поры.

Третью группу составляют источники, содержащие сведения, большую часть из которых верифицировать практически невозможно, главным образом из-за того, что информация носит личный характер, известна узкому кругу людей или только автору документа. В первую очередь это относится к мемуарам, отличительной чертой которых является ярко выраженный субъективизм в отношении описываемых событий, оценок личностей и поступков людей.

Отметим, что разработанная нами систематизация письменных источников по степени их верифицируемости носит условный характер и в данном исследовании призвана помочь при определении научной ценности и степени адекватности отображения ими исторической действительности, содействовать повышению их информационной отдачи.

Источниковую базу исследования мы также систематизировали по хронологическому признаку, что дало возможность выявить особенности использования тех или иных источников при изучении различных историче-

ских периодов. Так, например, при воссоздании процесса формирования массово-информационных пространств в национальных автономиях в 1920-е – 1930-е гг. использовалась преимущественно статистическая и делопроизводственная, в первую очередь отчетная документация, сохранившаяся в государственных и ведомственных архивах, а также публикации прессы.

Во время Великой Отечественной войны деятельность СМИ местными партийными организациями рассматривалась редко, поэтому в архивах отложилось относительно небольшое количество документов, касающихся функционирования средств массовой информации, настроений аудитории и мотивации внештатных авторов СМИ. Поэтому военный период существования массово-информационных пространств пришлось восстанавливать преимущественно по газетным публикациям и воспоминаниям журналистов.

Период истории МИП с середины 1940-х и до конца 1950-х гг. с трудом поддается реконструкции из-за скудной источниковой базы. В условиях ужесточения идеологического диктата в духовной сфере содержание СМИ оказалось в значительной степени унифицировано, а их деятельность жестко регламентировалась в соответствии с постановлениями ЦК ВКП(б)–КПСС. В результате анализ публикаций не позволяет составить представление о специфике работы редакций, в воспоминаниях журналистов данный период отражен слабо, архивные документы затрагивают только некоторые аспекты функционирования местных СМИ (выполнение постановлений партии, освещение партийной жизни и т. д.) и их взаимодействия с аудиторией.

Значительное увеличение корпуса источников по рассматриваемой теме произошло с конца 1950-х гг., когда на содержание СМИ Хакасии и Горного Алтая стала оказывать влияние политическая «оттепель». Ослабление идеологического диктата позволило средствам массовой информации существенно расширить не только тематику публикаций, но и сферу деятельности. Участие редакций в организации и проведении ряда масштабных мероприятий культурного характера, восстановление тесной связи с творческой интеллигенцией, освещение хода промышленного освоения Сибири, акцентиро-

ванное внимание к социальным проблемам населения заметно повысили авторитет и статус СМИ как социального института и средства информации. Это, в свою очередь, привело к активизации взаимодействия элементов массово-информационного пространства, увеличению интереса аудитории к СМИ, привлечению к массово-информационной деятельности большого количества внештатных авторов. В результате, свидетельства о деятельности местных средств массовой информации нашли отражение в значительном количестве нормативных и исполнительных документов, в воспоминаниях журналистов, литераторов и рядовых граждан, в материалах прессы.

Еще одной причиной расширения источниковой базы в данный период явилось создание в Хакасии в 1959 г. телевидения. С 1960-х гг. в областном Комитете по телевидению и радиовещанию началось системное формирование архива фото-, кино/видео- и аудиоматериалов, часть которого, благодаря переводу на цифровые носители, сохранилась до настоящего времени и была использована нами в качестве вспомогательных исторических источников.

Для периода «перестройки» (1985–1991 гг.) были характерны изменения во взаимоотношениях между СМИ и властью, что нашло свое выражение в сокращении объема отчетной документации, предоставляемой редакциями в комитеты партии. Поэтому в корпусе источников данного периода архивные документы всех видов занимают незначительную долю, а преобладают газетные публикации, воспоминания журналистов и других очевидцев событий, позволяющие выявить особенности функционирования исследуемых массово-информационных пространств в последние годы существования советской власти.

Таким образом, проведенный анализ различных аспектов изучаемой проблемы выявил ряд теоретических, историографических и источниковедческих лакун.

Был сделан вывод о том, что выделение нового научного направления – медиаистории – дает возможность расширить рамки традиционного изучения истории средств массовой информации и комплексно исследовать деятель-

ность людей по аккумуляции, распространению и восприятию массовой информации, которая происходила в сфере функционирования СМИ.

Одним из направлений человеческой деятельности, связанной с созданием и трансляцией массовой информации, является государственная информационная политика в сфере СМИ. Такая целенаправленная деятельность с использованием средств массовой информации как главного инструмента, осуществляемая представителями власти, обеспечивает информационное сопровождение реализации внутренней и внешней политики, содействует решению государственных задач, формированию сознания и управлению поведением граждан. Эффективность реализации данной политики обеспечивается комплексом финансируемых государством мероприятий, направленных на создание, кадровое и техническое оснащение СМИ, контроль за их деятельностью, содержанием и взаимодействием с аудиторией.

Изучение различных видов пространств, в которых функционируют средства массовой информации, позволило выделить и охарактеризовать массово-информационное пространство, образуемое в результате взаимодействия и взаимовлияния СМИ, аудитории, авторов публикаций и медиаинформации. Теоретическая модель МИП обладает большей, по сравнению со всеми рассмотренными пространствами, универсальностью применительно к историческим исследованиям, поскольку дает возможность системно и комплексно исследовать создание средств массовой информации, формирование аудитории и авторского состава, установление между ними коммуникационных связей, трансформацию под влиянием внешних и внутренних факторов содержания медиаинформации и особенностей ее воздействия на население в различные исторические периоды.

Использование в рамках медиаистории теоретической модели массово-информационного пространства позволяет изучать историю средств массовой информации как процесс их взаимодействия с другими элементами МИП – аудиторией, журналистами и внештатными авторами публикаций, медиаинформацией, как с полноправными участниками массово-информационной

деятельности. Изучение становления и развития массово-информационного пространства способствует существенному расширению знания не только об истории СМИ, но и о жизни людей в прошлом, о причинах и последствиях сложных и неоднозначно трактуемых событий истории страны.

Исследование научной литературы по теме диссертации позволило сделать вывод об отсутствии работ, объектом изучения которых была бы история массово-информационного пространства, а также обобщающих исследований прошлого СМИ Хакасии и Горного Алтая. Сравнительно-сопоставительный анализ диссертаций, монографий, статей, затрагивающих те или иные аспекты выбранной темы, показал, что в современных исследованиях сохраняются сформировавшиеся в советский период оценки деятельности СМИ и подходы к изучению их прошлого и содержания. Устаревшие схемы исследования истории средств массовой информации часто заменяются новыми, что не способствует всестороннему изучению данной темы. Попытки создания новых концепций исследования прошлого СМИ, их функционирования в социуме, влияния на сознание людей и общественные процессы носят единичный характер.

Было выявлено, что в настоящее время имеет место тенденция к созданию работ, содержащих сравнение развития систем СМИ двух и более территорий или анализ их функционирования в разные периоды истории России. Это позволяет расширить представления о том, как именно, в каких условиях и почему сформировались традиции взаимодействия и взаимовлияния местных и общероссийских средств массовой информации с аудиторией, авторами публикаций и медиаинформацией. Также особенностью медиаисторических исследований постсоветского периода стало стремление ученых к созданию теорий (концепций), использование которых позволило бы изучать прошлое СМИ комплексно, как составную часть культурных, политических или информационных процессов.

Изучение широкого круга источников позволило сделать вывод о репрезентативности сформированной источниковой базы исследования. Наиболее

полное отражение различные аспекты формирования массово-информационного пространства, становления, развития и функционирования составляющих его элементов нашли в письменных источниках, прежде всего, в делопроизводственной документации органов ВКП(б)–КПСС и других организаций. Основная часть этих документов оказалась сосредоточенной в центральных и региональных, государственных, ведомственных и личных архивах и впервые вводится в научный оборот. Проведенная систематизация делопроизводственных и других источников по степени верифицируемости документов и хронологии их создания облегчила их источниковедческую критику и способствовала реконструкции процесса формирования массово-информационных пространств изучаемых национальных регионов.

Глава 2. СТАНОВЛЕНИЕ МАССОВО-ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРОСТРАНСТВ ХАКАСИИ И ГОРНОГО АЛТАЯ (1922 Г. – ИЮНЬ 1941 Г.)

2.1. Предпосылки возникновения массово-информационного пространства

Возникновение массово-информационного пространства представляет собой длительный и сложный процесс, подверженный влиянию различных факторов. Для его формирования требуются не только наличие в стране/регионе средств массовой информации, аудитории и авторского состава СМИ, традиции создания публикаций, как материальной формы реализации медиаинформации, но и определенные условия, в которых взаимодействие и взаимовлияние этих элементов становится эффективным, а обмен общественно-значимой массовой информацией – результативным. Наиболее значимыми предпосылками, обеспечивающими такие условия, можно назвать наличие письменности и расширение возможностей ее использования в массовой коммуникации; повышение уровня грамотности и культурного развития населения; физическая доступность средств массовой информации для потенциальной аудитории; заинтересованность властей в вовлечении в массово-информационную деятельность представителей различных социальных, национальных и профессиональных групп населения; формирование у потенциальной аудитории устойчивой потребности в получении и распространении общественно-важной информации. Данные предпосылки формировались в Хакасии и Горном Алтае не стихийно, а в прямой зависимости от содержания, основных направлений и методов реализации государственной национальной политики в дореволюционной и советской России.

Для возникновения МИП одними из наиболее важных условий можно считать создание/наличие письменности, как средства фиксации и передачи информации, и наличие у населения традиций ее использования в процессе

коммуникации. Данная предпосылка имеет особое значение, когда речь идет об организации национальной по языку прессы в регионах с преобладанием коренного (нерусского) населения. Поэтому при исследовании возникновения массово-информационных пространств Хакасии и Горного Алтая пристальное внимание было обращено на изучение процесса создания письменности в данных национальных территориях.

Изменение в XIX в. политических и экономических интересов царской империи в Сибири выдвинуло на первый план решение вопроса о переводе автохтонных сибирских народов на оседлый образ жизни, а одной из основных составляющих национальной политики стала идея об их «слиянии» с русским населением¹⁷². Реализация этой идеи осуществлялась не только в административной и аграрной, но и культурной, в том числе образовательной сферах. В ее контексте открытие школ, работа по созданию алтайской и хакасской письменности преследовали практическую цель – распространение христианства и смену национальной идентичности представителей коренных этносов.

В Ойротии работы по созданию алтайской письменности велись с 30-х гг. XIX в. усилиями миссионеров Алтайской духовной миссии, в первую очередь ее основателя архимандрита Макария (Глухарева). Разработанный ими на основе кириллицы алфавит вплоть до Октябрьской революции использовался для создания литературы преимущественно религиозного содержания, и букварей. Однако создание и внедрение в обиход такой письменности, по нашему мнению, имело узко практическую цель – распространение христианства, в том числе подготовку кадров миссионеров из числа инородческого населения. При этом не ставилась задача общего просвещения и образования представителей коренного этноса. Следовательно, при всей прогрессивности факта создания алтайской письменности сфера ее функционирования в дореволюционный период была ограничена, а традиции ее использования формировались в контексте распространения православия. В це-

---

¹⁷²Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. С. 214.

лом, такая ситуация была характерна для национальной политики дореволюционного периода, поскольку, по точному замечанию А. Миллера, «для имперской власти приоритетом является не насаждение культурной и языковой гомогенности населения окраин, а то, насколько та или иная версия этнической идентичности совместима с лояльностью династии и империи»¹⁷³.

Национальная политика советского государства, основные положения которой были сформированы в 1922–1923 гг., строилась на иных принципах. Анализируя их, Т. Мартин отмечал, что отличительной чертой этой политики «была систематическая поддержка внешних форм существования наций – территории, культуры, языка и элит», при этом внешние формы национальных меньшинств поддерживались в «гораздо большей степени, чем национального большинства»¹⁷⁴. Реализация советской национальной политики предусматривала предоставление коренным народам автономии в различных формах; развитие национальных культур и языков вплоть до придания последним статуса государственных на территории национального образования; формирование новой национальной элиты и коренизацию кадров.

Горный Алтай стал ярким примером эффективности реализации этой политики. Благодаря активности инициативной группы и удачному стечению политических обстоятельств автономная область была здесь создана в 1922 г., что стимулировало работу по выработке национальной письменности и внедрению ее в массовую коммуникацию. В 1922 г. дореволюционная алтайская грамматика с незначительными изменениями была принята в качестве основы национальной письменности. Так, в частности, в алфавит были добавлены буквы «ф», «х» и «ц», для более точной, по нашему мнению, транскрипции русских слов, активно использовавшихся в официальной риторике и текстах, предназначенных для перевода. Наличие официально утвержденной письменности позволило выпустить 15 ноября 1922 г. первый номер газеты

---

¹⁷³ Миллер А. Империя Романовых и национализм. М., 2006. С. 80.

¹⁷⁴ Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР (1923-1939). М., 2011. С. 33, 28, 25.

на алтайском языке, представлявший собой перевод русскоязычного издания «Ойротский край».

М. И. Исаев считал, что разработанный миссионерами алфавит не смог стать основой литературного языка из-за сплошной неграмотности населения, поэтому оформление национальной письменности произошло только к концу 1920-х гг. на основе латинского алфавита¹⁷⁵. Данное утверждение является спорным, поскольку латинизация письменности сибирских народов в конце 1920-х гг., по мнению ряда исследователей¹⁷⁶, послужила сдерживающим фактором в развитии образования, привела к рецидивам безграмотности, дополнительным трудностям в переобучении, как носителей языка, так и учительских кадров, к значительным финансовым тратам, частичному прекращению издательской деятельности на национальных языках. Поэтому оформление алтайской письменности произошло, согласимся в этом с Т. М. Тошакковой, в конце 1930-х гг., после перевода ее на кириллицу и утверждения Министерством просвещения РСФСР первой орфографии ойротского литературного языка¹⁷⁷.

Факторами, которые сдерживали развитие традиций использования письменности в процессе массовой коммуникации, мы считаем языковые и культурные различия между основными этническими группами, проживавшими в Горном Алтае. Дореволюционные исследователи среди коренного населения региона выделяли, например, следующие обособленные группы, отличавшиеся друг от друга по языку, одежде, обычаям: алтайцы (алтай-кижи), теленгиты (чуйцы), черневые татары (туба-кижи), кумандинцы, кузнецкие телеуты, шорцы¹⁷⁸. В дальнейшем в научной литературе утвердилось деление населения Горного Алтая на алтайцев (алтай-улус), кумандинцев,

¹⁷⁵ Исаев М. И. Языковое строительство в СССР (вопросы создания письменностей народов СССР). М., 1979. С. 121.

¹⁷⁶ См., напр.: Инкижекова А. И. К истории развития хакасской письменности // Записки. Вып. 2. Абакан, 1951. С. 129–130.

¹⁷⁷ Тошакова Т. М. Орфография ойротского литературного языка / под ред. Н. А. Баскакова. Ойрот-Тура, 1947. С. 3.

¹⁷⁸ Горный Алтай и его население. Т. 1. Кочевники Бийского уезда. Вып. I-й / сост. С. П. Шевцов. Барнаул, 1900. С. 39–40.

телеутов, чалканцев (челканцев), тубаларов, теленгитов¹⁷⁹. Иногда в этот перечень включали также шорцев и телесов¹⁸⁰.

Исторически алтайская письменность формировалась на основе наречия телеутов, поскольку миссионеры контактировали, прежде всего, с представителями данного племени и привлекали их к переводческой деятельности. Авторы первой грамматики алтайского языка объясняли, что под алтайским языком подразумевают «совокупность наречий телеутского и калмыцкого». Они также признавали недостаточность внимания к наречиям северных (черневых) алтайцев (шорцев, кумандинцев, тубаларов, челканцев), но утверждали, что «синтаксическое устройство и внутренняя логика языка» во всех наречиях является схожей, что обусловит понимание переводов всеми группами коренного населения¹⁸¹.

Однако в 1922 г. традиции, заложенные миссионерами, подверглись реформированию. За основу письменного языка был взят собственно алтайский диалект, на котором говорило и который понимало большинство населения Горного Алтая¹⁸². Совершенствование алфавита и формирование орфографии происходили до конца 1930-х – начала 1940-х гг. на языковедческих конференциях и в процессе работы терминологической комиссии. Подобная деятельность, на наш взгляд, способствовала выработке литературного языка и формированию устойчивых традиций его использования в массовой коммуникации носителями различных наречий.

В Хакасии первые попытки разработки национальной письменности также имели место до революции. Первую предприняли православные миссионеры, создав алфавит для перевода религиозной литературы на хакасский язык. Но, ввиду отсутствия такого мобилизующего центра, каким в Ойротии являлась Алтайская духовная миссия, результатом этой работы стало издание

¹⁷⁹ См., напр.: Екеев Н. В. Горный Алтай во второй половине XVIII – начале XX столетий: этнические и этнокультурные процессы // Алтай-Россия: через века в будущее: материалы Всероссийской науч.-практ. конф., посвященной 290-летию вхождения алтайского народа в состав Российского гос-ва (16-19 мая 2006 г.). Т. II. Горно-Алтайск, 2006. С. 100.

¹⁸⁰ Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев / отв. ред. С. В. Киселев. М.-Л., 1953. С. 5–7.

¹⁸¹ Грамматика алтайского языка (составлена членами алтайской миссии). Казань, 1869. С. II, VI.

¹⁸² Баскаков Н. А. Алтайский язык. Введение в изучение алтайского языка и его диалектов. М., 1958. С. 13–14.

только двух книг. В 1868 г. академик В. В. Радлов предложил свой вариант использования русского алфавита для фонетической фиксации произведений устного народного творчества на различных диалектах хакасского языка. Но реализация такой практики преследовала сугубо научные цели¹⁸³.

А. Н. Гладышевский указывает также и на другие опыты создания в Хакасии национальной письменности. Такую попытку, в частности, предпринял священник Матурской церкви И. Штыгашев, подготовив букварь на шорском диалекте. Его работу продолжил священник Усть-Есинского прихода Н. Катанов, переведя букварь с шорского на сагайский диалект. Однако более приемлемым и учитывавшим фонетические особенности основных наречий хакасского языка оказался алфавит «Тодар мичиги», разработанный этнографом С. Д. Майнагашевым. После его трагической гибели в 1920 г. работу в этом направлении продолжил учитель, юрист и общественный деятель М. И. Райков¹⁸⁴.

В начале 1922 г. усилиями инициативной группы, в состав которой вошли представители русской и хакасской интеллигенции, был разработан национальный алфавит, одобренный летом того же года делегатами конференций работников культурно-просветительских учреждений Хакасии. Однако окончательное решение вопроса о введении в практику данного алфавита было принято только в ноябре 1924 г. По мнению А. Л. Артеменко, такая задержка была следствием борьбы между сторонниками и противниками латинизации алфавитов нерусских народностей¹⁸⁵. К. М. Патачаков связывал активизацию деятельности по доработке и принятию национальной письменности с преобразованием Хакасии в уезд¹⁸⁶. Данная позиция представляется нам более аргументированной, поскольку повышение статуса национального

¹⁸³ Инкижекова А. И. К истории развития хакасской письменности // Записки. Вып. 2. Абакан, 1951. С. 122, 125.

¹⁸⁴ Гладышевский А. Н. Из истории создания хакасской письменности // Республика Хакасия как субъект Российской Федерации: опыт, проблемы, перспективы: материалы III республиканской науч.-практ конф., посвященной 10-летию Республики Хакасия (Абакан, 29-30 июня 2001 г.). Абакан, 2001. С. 166–167.

¹⁸⁵ Артеменко А. Л. Начало создания хакасской письменности // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Вып. XII. Абакан, 1966. С. 144.

¹⁸⁶ Патачаков К. М. К истории создания хакасской письменности // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Вып. XII. Абакан, 1966. С. 149.

района и формирование органов управления предусматривало и повышение статуса национального языка, который, согласно решениям XII съезда РКП(б), планировалось использовать в официальном делопроизводстве.

Однако в Хакасии, как и в Горном Алтае, существовали трудности с внедрением новой письменности в массовую коммуникацию. Коренное население здесь также было представлено несколькими этническими группами, среди которых наиболее многочисленными являлись сайгацы, качинцы, кызыльцы. Отметим, что при составлении миссионерского алфавита и «Тодар мичиги» С. Д. Майнагашева в основу было положено наречие сагайцев. При создании алфавита в 1924 г., как сообщалось участникам II уездного съезда работников просвещения, комиссией в качестве опорного был выбран качинский диалект¹⁸⁷. Это определило содержание и дальнейшее развитие хакасского литературного языка, но также и причины трудностей с его использованием в национальных средствах массовой информации.

Важной предпосылкой возникновения массово-информационного пространства служит достижение населением национального региона такого уровня культурного развития и грамотности, который позволял бы и не только механически читать, но и понимать содержание прочитанного. Именно это условие является основным при формировании аудитории и последующего выделения из ее среды авторов публикаций, ориентированных на сотрудничество со средствами массовой информации, активное участие в создании материалов для СМИ и распространении медиаинформации. Главную роль в культурном образовании и просвещении граждан играли школы и учреждения культпросвета.

Различия в сроках создания национальной письменности обусловили отличия в развитии системы школьного образования в рассматриваемых территориях. В Горном Алтае школьная система стала формироваться до революции, в основном, стараниями Алтайской духовной миссии. Так, к началу 1917

---

¹⁸⁷ НА РХ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 48. Л. 21в.

г. здесь работали 37 школ: 35 церковноприходских и 2 министерские¹⁸⁸. В таких учебных заведениях обучались преимущественно дети инородцев, обращенных в православие. На территории Хакасии в 1916/1917 учебном году работали 50 школ, из которых инородческими числилось 13 церковноприходских и 7 министерских. Но из-за отсутствия разработанной национальной письменности обучение в них велось на русском языке, несмотря на то, что многие ученики-хакасы данным языком не владели¹⁸⁹.

Новая власть, установившаяся после Октябрьской революции, взяла курс на создание системы народного образования, главными принципами которой должны были стать бесплатность обучения, светский характер, массовый охват населения, приобщение к грамоте и знаниям представителей, прежде всего, беднейших слоев населения. Концепция советской национальной политики обуславливала особое внимание к организации обучения на национальных языках. В период Гражданской войны школьная система в Хакасии и Горном Алтае не расширялась. Отчасти, это было вызвано мобилизацией учительства в колчаковскую или Красную армию, сложностями с финансированием учебных заведений, нестабильностью политической ситуации в регионе. После восстановления советской власти в Хакасии и Горном Алтае вопросы школьного строительства вновь были признаны наиболее важными в повестке дня создаваемых органов местного самоуправления.

Однако в первой половине 1920-х гг. состояние системы образования в Сибири было бедственным. Перераспределение бюджетных средств, главным образом на преодоление продовольственного кризиса и восстановление разрушенной экономики, привело к сокращению государственного финансирования школ. В условиях новой экономической политики обязанности по содержанию учебных заведений перекладывались на промышленные предприятия, кооперативные организации или население.

---

¹⁸⁸ ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 32. Л. 124.

¹⁸⁹ Мохов А. Н. Дореволюционные школы в Хакасии // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Вып. XIII. Сер. историческая. № 1. Абакан, 1969. С. 77.

Но особенности развития системы образования в Хакасии и Горном Алтае в начале 1920-х гг. определялись не только сложностями с финансированием, но и специфическими условиями, в которых происходил этот процесс. Создание школ существенно затрудняла сложная политическая обстановка, прежде всего, бандитизм, являвшийся отчасти следствием Гражданской войны. В. И. Шишкин в качестве причины подобного явления указывает также замену продразверстки продналогом, платить который «пришлось всем категориям крестьянства, в том числе беднякам национальных районов, что вызвало его недовольство и обусловило включение в вооруженную борьбу против коммунистов»¹⁹⁰. В Горном Алтае активная вооруженная борьба за укрепление советской власти была закончена в 1923 г. после уничтожения основных лидеров повстанческого движения, прежде всего, А. П. Кайгородова, и наиболее крупных бандитских группировок¹⁹¹. В Хакасии бандитизм оказался более живучим, что обуславливалось не только географическими, национальными и природно-климатическими факторами, но и отсутствием у представителей коренного населения понимания о советском и партийном строительстве, а также злоупотреблениями властью со стороны отдельных советских работников¹⁹².

Сложная политическая ситуация в начале 1920-х гг. была вызвана не только бандитизмом, но и неопределенностью статуса национальных районов. До революции Горный Алтай являлся частью Бийского уезда Томской губернии. После восстановления советской власти в 1919 г. были ликвидированы не только органы власти, существовавшие во времена колчаковщины (Горная Дума), но и созданный Каракорум-Алтайский округ как самостоятельная административная единица, а его территория вновь включена в со-

---

¹⁹⁰ Шишкин В. И. Вооруженное сопротивление сибирского крестьянства коммунистическому режиму в начале 1920-х годов // История сталинизма: крестьянство и власть: материалы Международной науч. конф.: Екатеринбург, 29 сентября – 2 октября 2010 г. М., 2011. С. 134.

¹⁹¹ Иванова Н. Ю. Гражданская война на территории Горного Алтая в 1921-1922 гг.: основные тенденции и события // Алтай-Россия: через века в будущее: материалы Всероссийской науч.-практ. конф., посвященной 290-летию вхождения алтайского народа в состав Российского гос-ва (16–19 мая 2006 г.). Т. II. Горно-Алтайск, 2006. С. 156–157.

¹⁹² Мамышева Е. П. Хакасия: от степных дум – к автономии (1822-1930 гг.) / под ред. В. Н. Тугужековой. Абакан, 2008. С. 75.

став Бийского уезда¹⁹³. Отсутствие у горноалтайских районных ревкомов реальных полномочий не позволяло осуществлять мероприятия по культурному, в том числе школьному строительству. В результате в 1920 г. «школы бездействовали за недостатком учебников, отопления и освещения и из-за голодовки учителей, не получавших жалования за многие месяцы»¹⁹⁴. Образование 1 июня 1922 г. Ойротской автономной области создало политические предпосылки для стабилизации социально-экономического положения Горного Алтая и относительной нормализации работы учебных заведений. В 1923 г. в автономии работало 70 школ, в том числе 19 национальных. К 1932 г. количество учебных заведений увеличилось до 190, из них 77 считались алтайскими¹⁹⁵.

Вопрос о придании Хакасии статуса национального образования активно обсуждался с 1917 г. Из-за неопределенности административного положения данной территории, входившей в состав Минусинского уезда Енисейской губернии, существовали серьезные трудности с созданием органов управления, финансированием и решением различных вопросов, в том числе культурного строительства. С требованиями создания национального уезда выступала хакасская интеллигенция, участники беспартийных инородческих конференций, которые проходили в начале 1920-х гг. Однако некоторые представители власти в Енисейской губернии и Сибирском крае считали, что с выделением Хакасии в самостоятельную национально-административную единицу нужно повременить «ввиду отсталости инородческого населения в экономической и культурном отношении»¹⁹⁶. Вместе с тем, создание автономной области в соседней Ойротии, где экономический и культурный уровень жизни населения был не выше, чем в Хакасии, а вопросы подготовки кадров советского типа являлись не менее острыми, вызывало немало вопросов у хакасов и расценивалось ими как ущемление права малочисленного народа на само-

¹⁹³ Мемет Л. П. Ойротия. Очерк национально-освободительного движения и гражданской войны на Горном Алтае. Горно-Алтайск, 1994. С. 99.

¹⁹⁴ Там же, с. 13.

¹⁹⁵ Хабаров П. 10 лет Советской Ойротии // Десять лет Советской Ойротии: политико-экономический сборник / под ред. Г. Чучкалова. Улала, 1932. С. 10, 11.

¹⁹⁶ Д. Итоги 4-й инородческой беспартийной конференции // Власть труда, 1923. 17 июня. С. 2.

определение¹⁹⁷. Это, в свою очередь, способствовало участию в повстанческом движении представителей коренного этноса Хакасии. «Вооруженное сопротивление начала 1920-х годов, – считает В. И. Шишкин, – оказало влияние и на национальную политику РКП(б)» и содействовало решению вопроса об организации в Ойротии, Хакасии и Якутии национальных автономных образований¹⁹⁸.

14 ноября 1923 г. был создан Хакасский уезд, объединивший ряд волостей с преобладанием хакасского населения, которые ранее входили в состав Ачинского, Кузнецкого и Минусинского уездов. В 1925 г. статус национальной территории был повышен до округа, что также расширило возможности для дальнейшего развития школьной системы. Количество учебных заведений стало постепенно увеличиваться, и в 1923–1924 гг. их насчитывалась 51, в том числе 31 в хакасских селениях¹⁹⁹.

Развитие системы образования и просвещения в национальных территориях непосредственно было связано с реализацией еще одного из направлений советской национальной политики – с подготовкой элиты, то есть с формированием кадрового потенциала для проведения коренизации управленческого аппарата. Поэтому финансирование системы просвещения в национальных территориях было выше, чем в регионах, не имевших национального статуса. Так, исходя из общей суммы централизованно выделенных на эти цели средств, в 1928 г. на каждого жителя Ойротии расходовалось в среднем 5 руб. 70 коп., в Хакасии – 5 руб. 50 коп., притом, что в среднем по Сибири этот показатель составлял 3 руб. 60 коп.²⁰⁰.

Однако проблема организации национальных школ – общая для рассматриваемых территорий – продолжала оставаться острой. Мероприятия по созданию таких учебных заведений не давали значительного эффекта, поскольку учителей, способных вести обучение на родном языке, обладавших

¹⁹⁷ Крин. Об инородческих конференциях (Беседа с делегатом) // Власть труда, 1923. 15 июня. С. 2.

¹⁹⁸ Шишкин В. И. Вооруженное сопротивление сибирского крестьянства коммунистическому режиму в начале 1920-х годов // История сталинизма: крестьянство и власть: материалы Международной науч. конф.: Екатеринбург, 29 сентября – 2 октября 2010 г. М., 2011. С. 141.

¹⁹⁹ НА РХ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 48. Л. 1.

²⁰⁰ ГБУНО «ГАНУ». Ф. 47. Оп. 1. Д. 740. Л. 32.

достаточным образовательным уровнем, методическим мастерством и навыками учебно-воспитательной работы, было немного²⁰¹. В Хакасии ситуация осложнялась из-за неразработанности хакасской письменности и отсутствия книг на «материнском языке». Только в 1927 г., после поступления из Москвы первых хакасских учебников, в национальном округе удалось наладить обучение на родном языке силами учителей-хакасов, которых на тот момент насчитывалось всего 16 человек²⁰². Нехватка кадров привела к тому, что в 1928 г. из 121 школы, имевшейся в Хакасском округе, только в 17 преподавание велось на родном языке.

Особенности вовлечение в образовательный процесс детей и взрослых в Горном Алтае были обусловлены экономическим фактором, спецификой ландшафта и историческими условиями заселения края в прошлом²⁰³. Сдерживающими факторами являлись сохранение значительной частью коренного населения кочевого и полукочевого образа жизни и преобладание мелких населенных пунктов. Распыленность коренного населения, проживавшего небольшими селениями, создавало трудности в организации алтайских школ. В результате в Ойротии в 1928 г. преобладали школы, организованные в крупных селах, контингент которых составляли русские учащиеся²⁰⁴. Кроме того, в таких учебных заведениях учеников было в два раза меньше, чем в русских²⁰⁵, что увеличивало затраты на организацию учебного процесса. Сложности с организацией школ возникали также из-за отсутствия помещений, поскольку в большинстве национальных сел кроме «избушки-землянки» других помещений не имелось²⁰⁶. Школьное строительство сдерживала «неосознанность» жителей глухих улусов, не понимавших «важности обучения грамоте». Для преодоления подобных тенденций уездный отдел народного образования предлагал всем работникам ячеек РКП(б) использовать для

---

²⁰¹ Очерки социально-демографического и культурного развития Хакасско-Минусинского края (XVIII-XX вв.) / Н. Я. Артамонова, В. Н. Асочакова, Н. А. Баранцева [и др.]; отв. ред. Н. Я. Артамонова. Абакан, 2012. С. 158.

²⁰² Хакасские новости // Власть труда. 1927. 4 сентября. С. 6.

²⁰³ Предварительные итоги переписи населения 1926 г. по Ойратской автономной области. Улала, 1927. С. 12.

²⁰⁴ ГБУНО «ГАНУ». Ф. 47. Оп. 1. Д. 740. Л. 32а.

²⁰⁵ КДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 489. Л. 61.

²⁰⁶ Там же, л. 62.

разъяснительной работы любые массовые мероприятия – сходы, митинги, спектакли и т. д.²⁰⁷.

Вышеперечисленные причины тормозили также и развертывание широкой сети пунктов ликвидации безграмотности взрослых. Первые ликбезы в Хакасии были открыты в конце 1920 – начале 1921 гг. в нескольких национальных улусах на базе общеобразовательных школ²⁰⁸. В дальнейшем курсы ликбеза создавались при избах-читальнях, передвижных «хызыл иб» («красных юртах»), клубах, школах, библиотеках и сельсоветах. К работе по обучению и просвещению взрослых привлекались члены общества «Долой неграмотность», комсомольцы, местная интеллигенция и даже школьники. Однако в первой половине 1920-х гг. «уровень грамотности населения возрос незначительно, а во многих местах остался без изменения»²⁰⁹. Причиной этого являлось то, что обучение в ликпунктах велось на русском языке и в основном русскими учителями, не знавшими хакасского языка, путем механического усвоения, что приводило к высокому проценту рецидива неграмотности²¹⁰.

Анализ источников показал, что во второй половине 1920-х гг., благодаря расширению школьной сети и введению новых и более эффективных форм ликвидации неграмотности (культпоходы, культэстафеты и др.), развитию общественных начал и подготовке новых кадров ликвидаторов, в Хакасии и Ойротии количество грамотных значительно увеличилось, как среди коренного, так и русскоязычно населения, что, на наш взгляд, создало предпосылки для формирования аудитории прессы. Повышению культурного уровня будущих читателей способствовало и то, что в ликбезах обучение шло в тесной «увязке» с производственной деятельностью и политическим воспитанием. Так, например, перед школой ставилась задача стать «культурным очагом», способствующим не только развитию подрастающего поколе-

²⁰⁷ КДА РА. Ф. 1166. Оп. 1. Д. 121. Л. 6.

²⁰⁸ Асочаков В. А. Начальный этап культурного строительства в Хакасии (конец 1917–1920 гг.) // Ученые записки. Вып. XIII. Сер. историческая, № 1. Абакан, 1969. С. 99.

²⁰⁹ Асочаков В. А. Культурное строительство в Хакасии (1917–1937 гг.). Абакан, 1983. С. 35.

²¹⁰ Там же, с. 39.

ния, но и «рассадничеству» коммунистических идей и научных знаний среди взрослого населения деревни²¹¹. Соединение ликбеза и политпросвещения должно было не только помогать рабочим и крестьянам пополнять багаж знаний, но и повышать их трудовую и политическую активность²¹².

Отметим, что основной задачей школ и ликбезов в 1920-е гг. считалось все же обучение и предоставление базовых знаний, необходимых для социализации в новых социально-экономических и политических условиях. Главной функцией политико-просветительских учреждений являлось политическое воспитание граждан. Но основная нагрузка возлагалась на организации культпросвета, которые должны были не только внедрять в массы идеологические установки, вести борьбу с «пережитками прошлого», то есть с проявлениями «дореволюционной», в том числе традиционной национальной культуры, но и пропагандировать новые формы массовой коммуникации – чтение газет и радиослушание. Этим обуславливалась их включенность в реализацию национально-культурной и информационной политики советского государства.

В Хакасии «очаги культуры» (за исключением школ) в дореволюционный период отсутствовали не только в местах компактного проживания коренного населения, но и в русских селах и рабочих поселках. Корреспонденты сибирских газет, описывая условия жизни рабочих в южно-енисейской тайге, сообщали, что «на приисках нет ни одной школы, ни одной библиотеки, нет никаких развлечений, место этих развлечений занимает пьянство и азартная игра»²¹³. Но одной из форм культурной деятельности в крупных селах, в том числе и национальных, являлись спектакли, устраиваемые местной интеллигенцией. Театральные постановки приурочивали к крупным церковным праздникам (Рождество, Масленица, Петров день), а весь сбор от них шел в пользу сельской школы²¹⁴. Первые учреждения культуры в Горном Алтае появились в 1917–1918 гг.: усилиями Горной Думы была организована

²¹¹ НА РХ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 48. Л. 21г.

²¹² Асочаков В. А. Культурное строительство в Хакасии (1917–1937 гг.). Абакан, 1983. С. 91.

²¹³ К положению рабочих в Сибири // Минусинский край. 1914. 20 июля. С. 3.

²¹⁴ Наши корреспонденты. С. Аскызское // Минусинский край. 1914. 20 июля. С. 4.

библиотека «по всем отраслям знаний» и приобретены экспонаты частной коллекции, заложившие основу будущего краеведческого музея²¹⁵.

В период Гражданской войны культурно-воспитательная работа среди населения Сибири проводилась преимущественно средствами агитации и пропаганды. По утверждению В. Л. Соскина, в 1918–1919 гг. в Сибири имело место два вида культурной политики, построенных на разной идеологической основе: большевистский и антибольшевистский. Особенностью агитационно-пропагандистской работы большевиков была согласованность и организованный характер, а действенность определялась сочетанием культурной политики, направляемой из Центра, и низовой инициативы²¹⁶. Данный принцип, по нашему мнению, был сохранен и в дальнейшем, что позволило пробуждать инициативу на местах и направлять ее в нужное русло, используя для решения насущных задач культурной революции. Но при этом проводилась активная централизация и бюрократизация управления общественной жизни, усиление ее политической составляющей.

В начале 1920-х гг. самой распространенной формой культурно-просветительной работой на селе были кружки. Анализ архивных документов и содержания газет соседнего с Хакасией г. Минусинска подтверждает справедливость утверждения В. А. Асочакова о том, что в Хакасии первые кружки появились в первой половине 1920-х гг. и более активно действовали там, где преобладало русское население. В национальных населенных пунктах они стали возникать во второй половине того же десятилетия²¹⁷. Информация о таких самодеятельных кружках чаще всего появлялась в газетах, в частности, в минусинском издании «Власть труда», а не в официальных справках и отчетах. Это свидетельствует о том, что их создание в большей степени было проявлением личной инициативы людей, объединенных общими интересами. Наиболее ярким примером могут служить кружки «друзей

²¹⁵ Мемет Л. П. Указ. соч. С. 99.

²¹⁶ Соскин В. Л. Советская культурная политика Сибири (1917-1920-е годы). Очерк социальной истории. Новосибирск, 2007. С. 30–31.

²¹⁷ Асочаков В. А. Начальный этап культурного строительства в Хакасии (конец 1917–1920 гг.) // Ученые записки. Вып. XIII. Сер. историческая, № 1. Абакан, 1969. С. 100.

газеты» или сельских корреспондентов. Создание такого объединения часто являлось способом защиты от нападков со стороны односельчан и их мести за критику и разоблачения, использовалось для поднятия авторитета селькоров, для обмена знаниями и опытом корреспондирования, а также для выпуска собственной рукописной стенгазеты. Возникновение кружков селькоров можно назвать одним из значимых результатов деятельности учебных и культурно-просветительских учреждений по пропаганде прессы. Также формирование корреспондентских объединений свидетельствовало о том, что в национальной территории создавались предпосылки для формирования еще одного элемента массово-информационного пространства – авторского состава местных СМИ.

Главным культурным центром на селе в 1920-е – 1930-е гг. являлись избы-читальни, при которых работали пункты ликвидации неграмотности, консультационные и справочные бюро, школы распространения сельскохозяйственных знаний. На их базе создавались разнообразные кружки, а также происходило объединение уже существующих кружков под эгидой избы-читальни. Такие учреждения создавались централизованно, а их работа организовывалась в соответствии с решениями съездов ВКП(б), распоряжениями и циркулярами. Деятельность изб-читален контролировалась через систему отчетной документации, в которой главным показателем эффективности работы считался численный охват населения и количество проведенных мероприятий.

С учетом специфических местных условий в рассматриваемых территориях организовывались передвижные (кочующие) избы-читальни, которые именовались «красными юртами». В Хакасии первая «хызыл иб» была создана в 1926 г., Горном Алтае – в 1924 г. В состав такой «юрты» обычно входили ликвидатор неграмотности, фельдшер-акушер, женорганизатор. Здесь проводили беседы и обучали неграмотных, делали выставки, вели культурную пропаганду среди представительниц коренного населения: «врачевали, принимали рожениц, лечили трахому, наводили чистоту: мыли посуду, учили

стирать белье с мылом на досках..., собирали вечера молодежи, изучали новые песни о Советской власти, чатханисты былины и новые песни слагали»²¹⁸.

В Ойротии использовались и более гибкие формы работы с населением, учитывавшие специфику образа жизни населения и ландшафта района. Так, например, для проведения агитационно-разъяснительной и культурно-просветительской работы рекомендовалось «использовать скопления в аймаках женщин, шьющих шубы, стригущих овец, катающих корчмы, проводя с ними беседы и читки из газеты «Ойротский край»»²¹⁹. В отдаленных и труднодоступных селениях культурную работу проводили кочующие агитаторы, в задачи которых входило проведение бесед, консультаций и громких чтот газет²²⁰.

Центральной составляющей стационарных и кочующих учреждений культуры являлась библиотека, в которой значимое место занимала (должна была занимать) периодическая печать. Пресса использовалась как источник разнообразной событийной и специальной информации, но также и как авторитет, к которому апеллировали при проведении собраний и митингов, организации устной агитации и пропаганды. Избы-читальни были обязаны устраивать громкие читки газет, организовывать подписку на них, через кружковую работу привлекать к сотрудничеству с ними внештатных авторов. Таким образом, благодаря деятельности изб-читален в пространство массовой коммуникации Хакасии и Горного Алтая активно включалась пресса.

Постоянно действующие и передвижные избы-читальни от кружков и кочующих агитаторов отличались комплексностью проведения культурно-просветительской работы, многопрофильностью и ориентацией на все возрастные группы населения. Но общей чертой в работе и тех и других являлось преобладание устной коммуникации. Это было вызвано не только массовой неграмотностью и малограмотностью адресатов информации вне зависимо-

²¹⁸ Цит. по: Очерки истории Хакасской организации ВЛКСМ. 1918–1991: науч. сб. Абакан, 1998. С. 34.

²¹⁹ Захарова Т. В. Изменение традиционного образа жизни женщин-алтаек в условиях социальных преобразований 1920-х гг. // Исторический вестник: сб. науч. трудов. № 5. Горно-Алтайск, 2011. С. 33.

²²⁰ КДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 460. Л. 55.

сти от их национальности, но и особенностями менталитета хакасов и алтайцев, сформированного в традициях обмена общественно-значимыми сведениями в устной форме.

В научно-популярной литературе и прессе имеются описания процесса передачи представителями коренного населения Южной Сибири новостей («табыш» – алт., «хабар» – хак.)²²¹. Анализ таких свидетельств очевидцев позволяет сделать вывод о том, что важным в этом процессе являлся личный контакт адресанта и адресатов. Он позволял последним не только услышать сообщение, но и сделать вывод об искренности респондента, задать ему дополнительные вопросы, определить степень доверия к нему и, следовательно, к сообщаемым им сведениям. Поэтому, например, при громкой читке прессы, являвшейся в условиях массовой неграмотности населения основной формой представления медиаинформации аудитории, основная нагрузка ложилась на чтеца. Результативность воздействия на слушателей зависела от его владения двумя языками, умения быстро переводить, доступно пересказывать полученную информацию и комментировать (пояснять) ее, а также от его личного авторитета. Доверие к чтецу определяло и степень доверия к ретранслируемым им сведениям, получаемым из газеты. Этим можно объяснить тот факт, что для проведения громких читок прессы старались привлекать не просто грамотных, но и людей, обладавших на селе авторитетом – учителей и советских работников, выступавших в роли не только ретрансляторов медиаинформации, но и лидеров общественного мнения.

Отметим, что проведение избами-читальнями пропаганды информации и специальных знаний, получаемых из периодической печати, организация подписки на прессу и ее распространения, громких читок газет, а в 1930-е гг. и коллективного радиослушания, обеспечивали формирование еще одной важной предпосылки возникновения массово-информационного пространства – возможности физического доступа потенциальных потребителей медиа-

²²¹ См., напр.: Гордиенко П. Ойротия. Новосибирск, 1931. 145 с.; Коймбальский М. Великая надежда // Власть труда. 1923. 4 апреля. С. 2.

информации к СМИ. Однако главным условием, необходимым для возникновения МИП, является появление устойчивой потребности в распространении и получении общественно-важной информации не у отдельных граждан, а у значительной части населения территории. При наличии такой, можно сказать, массовой потребности, ощущаемой интуитивно, подспудно или вырабатываемой в результате активного воздействия извне, взаимодействие СМИ с другими участниками массово-информационной деятельности – аудиторией и внештатными авторами будет продуктивным.

Замечено, что потребность в получении информации повышается в периоды коренных изменений в общественной жизни, которые несут с собой, в первую очередь войны и революции. В трудах по дореволюционной истории Хакасии и Горного Алтая, созданных в традициях советской историографии, утверждается, что первая русская революция 1905–1907 гг. оказала важное влияние на формирование классового сознания не только русского, но и инородческого населения рассматриваемых территорий. Однако приводимые в доказательство факты, например, о проведении в 1905–1906 гг. съездов и сходов, о создании «Союза сибирских инородцев» и других объединений не свидетельствуют о массовом вовлечении в политическую деятельность представителей русского крестьянства и коренного населения. Делегатами от народа на таких мероприятиях выступала немногочисленная интеллигенция, баи, крупные землевладельцы и предприниматели, старосты и представители местной власти²²². Это позволяет сделать вывод о том, что основная масса жителей национальных территорий к политическим событиям, центр которых находился в европейской части страны, оставалась безучастной, получая информацию о происходящем за пределами своих населенных пунктов по традиционным каналам: через общение с соплеменниками и русскими, во время посещения городов – Минусинска, Ачинска, Бийска. Письменные источники информации (газеты, листовки, прокламации) из-за низкой грамот-

---

²²² См., напр.: История Хакасии с древнейших времен до 1917 г. / отв. ред. Л. Р. Кызласов. М., 1993. С. 455–460.

ности населения не могли оказывать заметного влияния на информационное поведение²²³ основной массы жителей национальных районов.

В Горном Алтае на процесс коммуникации влиял также религиозный фактор. Так, например, Л. П. Мемет, описывая бурханистское восстание алтайцев в 1904 г., связывал его с поражением России в русско-японской войне. Ученый отмечал, что «действительные события и сообщения с дальневосточного фронта доходили до алтайцев в искаженно-преувеличенном виде», Япония ассоциировалась с Ойрот-ханом, который по преданиям должен был прийти с востока и освободить коренное население от гнета²²⁴. Исследователь также упоминал об «агитаторах», которые по-своему трактовали Манифест от 17 октября 1905 г. Их деятельность отчасти способствовала активизации различных форм сопротивления царскому режиму: например, отказы от уплаты податей, возвращение новокрещенных «в старую веру» или переход их в бурханизм²²⁵. Но официальное участие в общественно-политической жизни представителей коренного населения было затруднено не только из-за отсутствия опыта подобной деятельности. Так, на состоявшемся 20 января 1906 г. в Ябогане съезде алтайцев не удалось найти «ни одного человека, достаточно хорошо говорящего по-русски», которого можно было бы выдвинуть депутатом Государственной Думы²²⁶.

На наш взгляд, наиболее мощным стимулом к формированию острой потребности в общественно-важной информации у населения Хакасии и Ойротии послужила Первая мировая война, а именно начавшаяся с середины 1916 г. мобилизация представителей инородческого населения Сибири «для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии»²²⁷. Это привело к «брожению и недовольству», появлению

---

²²³ Под информационным поведением в данном случае понимается «совокупность усилий, действий человека для получения и усвоения, использования и создания нового знания, его передачи и распространения в обществе» (См. Дрешер, Ю.Н. Атланова Т. А. Изучение информационных потребностей и информационного поведения специалистов в структуре деятельности по обеспечению комфортной информационной среды // Научные и технические библиотеки. 2005. №11. С. 14).

²²⁴ Мемет Л. П. Указ. соч. С. 35.

²²⁵ Там же, с. 36-37.

²²⁶ Там же, с. 38.

²²⁷ См., напр.: ГАТО. Ф. 3. Оп. 73. Д. 15. Л. 18.

нию «большой тревоги и беспокойства», вызванным не только самим фактом мобилизации, но и тем, что ранее новобранцы и их сородичи не имели «никакого представления как о работах в тылу армии, к которым их призывают, как вообще и об остальном внешнем мире»²²⁸. Информационный вакуум создавал благоприятную среду для распространения всевозможных слухов, а также деятельности политических и религиозных агитаторов.

Февральская и Октябрьская революции, гражданская война стали мощным катализатором активизации процессов массовой коммуникации. Сложность событий и неоднозначность их оценки потребовали большего, чем прежде, объема разнообразной информации, которая позволяла бы не только понять суть происходящего, но и определить свою позицию и линию поведения в создавшейся ситуации. Обострившиеся информационные потребности населения Хакасии и Горного Алтая активно использовали представители различных политических партий, объединений и движений, в том числе национальных. Наиболее популярными формами массовой коммуникации в данный период являлись листовки, воззвания, приказы, обращения, письма, которые распространяли органы советской и временной власти, подразделения колчаковской, Красной и крестьянской армий, партизанские отряды всех мастей, а также отдельные лидеры, обладавшие известностью и авторитетом среди населения. Данные документы, по нашему мнению, предназначались в большей степени не для индивидуального, а, скорее, для публичного чтения и дальнейшего устного пересказа. Они использовались при проведении разъяснительной, агитационно-массовой и идеолого-воспитательной работы, а также для намеренного запугивания и дезинформации граждан, создания у них искаженных представлений о действительности и дальнейшего управления их поведением.

Особенностью коммуникационных процессов в Хакасии в до- и постреволюционный период являлось участие в них значительного числа ссыльных, находившихся на поселении, как на территории национального района, так и

---

²²⁸ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 6928. Л. 147.

в Минусинске и окрестных селах (в т. ч. с. Шушенское, где отбывал ссылку В. И. Ленин). К 1917 г. в уездном центре – г. Минусинске было хорошо развито издательское дело, выходили местные газеты, в число которых после Февральской революции органично вписались издания большевиков («Товарищ», «Известия»), эсеров («Знамя труда») и народных социалистов («Свобода и труд»). Данные газеты имели ограниченное хождение на территории Хакасии, что было обусловлено относительно небольшим количеством людей, способных не только читать, но и понимать содержание прессы. Однако материалы изданий активно использовались в устной агитации: ссылка на первоисточник, как мы считаем, повышала степень достоверности распространяемых сведений и доверия к ним аудитории.

Активности массовой коммуникации в Хакасии способствовало и развитие промышленности, представленной Абаканским железоделательным, двумя медеплавильными, солеваренными заводами, золотыми рудниками и приисками, угольными шахтами. Сосредоточение в рабочих поселках людей, занятых коллективным трудом, усиливало коммуникационные процессы и увеличивало объем циркулировавшей информации. Источниками сведений о внешнем мире выступали не только соотечественники, например, вернувшиеся с фронта земляки, но и иностранные военнопленные, которых на горнорудных предприятиях трудилось более тысячи²²⁹. В данные процессы вовлекались и представители коренного населения, которые были вынуждены уходить на шахты и прииски в поисках работы. Это в свою очередь повышало роль русского языка в информационном обмене, что стало особенно заметным после создания местной русскоязычной прессы.

В Горном Алтае к началу 1917 г. промышленность была представлена золотыми приисками, сосредоточенными преимущественно в северо-восточной части района. Разработка других полезных ископаемых, в частности, асбеста, была экономически невыгодной из-за отсутствия путей сообщения. Использование запасов угля, мрамора, известняка носило кустарный ха-

---

²²⁹ История Хакасии... С. 482.

ракетер²³⁰. Развитие частного предпринимательства в сфере промышленности, как объясняет Т. С. Пустогачева, сдерживало то, что лесные богатства территории находились в ведении Кабинета Его Величества. Это не позволяло использовать их в качестве древесного топлива²³¹. Поскольку крупных рабочих поселков, как в Хакасии, здесь не было, следовательно, отсутствовали и условия для постоянной, в том числе межэтнической коммуникации. Несмотря на то, что большая часть политических ссыльных Алтайского края находилась на поселении в Бийском уезде, в научной литературе не обнаружены факты, которые свидетельствовали бы о заметном влиянии их на коренное население. Также неизученным остается вопрос о возможности воздействия на жителей Горного Алтая печатной пропаганды, прежде всего, периодических изданий, выходивших в 1909 и 1917–1922 гг. в Бийске. Отсутствие развитых транспортных коммуникаций (за исключением Чуйского тракта) затрудняло сношение с внешним миром, приводило к определенной информационной и культурной замкнутости местного населения, прежде всего, коренного.

Однако в 1920–1930-е гг. различия в культурном развитии жителей Хакасии и Горного Алтая были заметно нивелированы за счет масштабной организации системы культпросвета. Ее создание в национальных районах, стимулированное решениями XIII съезда ВКП(б), было вызвано необходимостью усиления партийного влияния на сельское население, составлявшее в стране и в Сибири подавляющее большинство, и проведения масштабных реформ на селе. Увеличение числа центров культуры в сельской местности рассматриваемых территорий способствовало расширению охвата населения культурной работой и приобщению его не только к новым знаниям, но и новым формам потребления и трансляции сведений.

Организация большевиками своей информационной политики через массовое культурное просвещение граждан преследовала в первую очередь

²³⁰ Мукаева Л. Н. Горнопромышленное освоение Горного Алтая в конце XIX – начале XX в // Вестник Томск. гос. ун-та. 2009. № 324. С. 195.

²³¹ Пустогачева Т. С. Хозяйственное развитие Горного Алтая во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник. Томск. гос. ун-та. 2008. №308. С. 100.

прагматическую цель, отражавшую специфику советской культурной и национальной политики. Наиболее точно эту цель обозначил В. Л. Соскин: «Просветить массы в такой мере, чтобы в итоге создать армию элементарно образованных тружеников, способных и готовых без разного рода «умственных вихляний» осуществлять цели власти, провозгласившей построение социалистического государства»²³². Организация такого просвещения, включавшего в себя образование (через школы и ликбезы) и воспитание (через учреждения культ- и политпросвета) граждан всех возрастов, создавала возможности для устойчивых процессов массовой коммуникации, стимулировала участие в них людей, обеспечивала доступ к средствам массовой информации, в значительной степени способствовала формированию как отдельных элементов массово-информационного пространства (аудитория и авторы публикаций), так и данного пространства в целом.

Таким образом, изучение широкого круга источников позволило сделать вывод о том, что наиболее сильное влияние на формирование предпосылок возникновения массово-информационных пространств Хакасии и Горного Алтая в дореволюционный период и в 1920–1930-е гг. оказывали политический, национальный и культурный факторы. Заинтересованность советской власти не только в пропаганде своих политических целей и задач, но и в формировании новой личности человека социалистического общества определила специфику государственной информационной политики в сфере культуры и средств массовой информации. Это обусловило государственную поддержку различных форм культурно-просветительской работы и распространение практики их применения с учетом национального фактора.

Политическая и идеологическая составляющие культурного просвещения определяли характер формирования информационных потребностей граждан, способы их реализации и ограничения. Главная роль в проведении государственной информационной политики и удовлетворении информационных запросов граждан отводилась СМИ. Поэтому в работе образователь-

---

²³² Соскин В. Л. Советская массовая культура: у истоков (1917–1927 гг.). Новосибирск, 2001. С. 24.

ных и учреждений культурного и политического просвещения важное место занимала популяризация средств массовой информации как источника информации, доведение до сведения населения сведений, публикуемых в них, с помощью таких форм, как пересказ газетных публикаций, коллективные чтения прессы и коллективное радиослушание. Благодаря этому удавалось успешно совмещать традиции устного обмена информацией и публичной, в том числе письменной коммуникации.

Мы отмечаем сходство внешних факторов (войны, революции, идеологическое и вооруженное противостояние), под воздействием которых у населения рассматриваемых национальных территорий происходило формирование устойчивой и массовой потребности в распространении и получении общественно-значимых сведений, а также тех средств, с использованием которых эти потребности удовлетворялись в дореволюционный период и в первые годы существования советской власти. Особенности данного процесса были обусловлены местными условиями, среди которых в первую очередь можно назвать образ жизни большинства инородческого населения, состояние путей сообщения и каналов коммуникации, уровень развития промышленности, образования, системы учреждений культпросвета. Эти условия также определили различия в сроках и масштабах формирования предпосылок возникновения массово-информационных пространств в Хакасии и Горном Алтае.

2.2. Создание региональной системы средств массовой информации в контексте реализации государственной информационной политики

Создание системы средств массовой информации в предвоенные десятилетия являлось результатом, но одновременно и мощным стимулом проведения революционных изменений во всех сферах общественной жизни. В контексте информационной политики, проводившейся правящей партией, когда возникновение и существование прессы жестко регламентировалось и подчинялось идеологическим установкам, организации изданий на языке коренных народов придавалось, прежде всего, не культурное, а политическое значение. С одной стороны, их создание являлось показателем действенности национальной политики советского государства, с другой – должно было способствовать распространению политически-ориентированной информации и пропаганде коммунистической идеологии среди носителей языка.

В Хакасии и Горном Алтае до начала 1920-х гг. отсутствовали даже зачатки издательского дела и традиции организации периодических изданий, что заставляет уделять особое внимание изучению становления в рассматриваемых территориях систем прессы, выявлению особенностей их функционирования, обусловленных влиянием местных условий. Важным при этом является определение основных направлений советской государственной информационной политики в целом.

Советская система СМИ представляла собой явление, уникальность которого была обусловлена спецификой государственного строя и господствующей идеологии, сформированной на идеях марксизма-ленинизма. Советские СМИ не являлись объектом произвольного вмешательства со стороны государства, а действовали в пределах заранее установленных и согласованных рамок, выполняли функции социализации, неформального общественного контроля и мобилизации общества для реализации социально-экономических целей²³³. Они развивались в условиях официально существ-

---

²³³ Сиберт Ф., Шрам У., Петерсон Т. Четыре теории прессы. М., 1998. С. 52.

вующей цензуры, находились в государственной собственности, контролировались и управлялись единственной существующей в стране партией, принимали непосредственное участие в пропаганде коммунистических идеалов, установок восприятия и отражения действительности и т. д. К перечисленным признакам, определившим специфику советских средств массовой информации, добавим также централизованный характер организации системы СМИ, что позволяло власти контролировать и направлять в нужное русло информационные потоки.

Особенностью процесса создания средств массовой информации в советский период можно назвать системный характер выстраивания иерархии периодических изданий, оформление их в систему, формирование которой было обусловлено общественными потребностями в информации, запросами читательской аудитории и т. д.²³⁴. В СССР такая система создавалась в рамках реализации государственной информационной политики в сфере СМИ, при организационной и финансовой поддержке и под контролем коммунистической партии, и выстраивалась по подобию вертикали властных структур, по принципу подчинения нижестоящих изданий (районных, многотиражных) вышестоящим (областным, краевым, всесоюзным). На вершине этой иерархии находилась центральная газета «Правда».

Известный исследователь истории сибирской печати О. Д. Якимов выделил следующую закономерность возникновения прессы в национальных регионах: в силу объективных причин первыми здесь появлялись газеты либо на русском языке, либо практически одновременно – на русском и языке коренного народа, либо на языке, «выполнявшем функции языка межнационального общения в регионах, где русский язык еще не получил широкого распространения»²³⁵. Данная закономерность просматривается на примере возникновения горно-алтайских периодических изданий. Особенностью создания прессы Хакасии является то, что первой появилась на свет именно на-

---

²³⁴ См., напр.: Западов А. В., Соколова Е. П. Тип издания как научная проблема и практическое понятие // Вестник Моск. ун-та. Сер. 11: Журналистика. 1976. № 2. С. 59.

²³⁵ Якимов О. Д. Указ. соч. С. 17.

циональная по языку газета «Хызыл аал» («Красная деревня»), а русскоязычная «Советская Хакасия» начала издаваться лишь спустя три года.

В архивных источниках, справочной и научной литературе указываются различные даты выхода первых номеров газет Хакасии и Горного Алтая. Это отчасти является показателем не только того, насколько сложным был процесс их организации, но и свидетельством недостаточной изученности прошлого региональных СМИ. Исследователями также неоднозначно трактуются приводимые сведения и факты, касающиеся появления прессы в данных национальных территориях. Поскольку создание прессы имеет определяющее значение в возникновении массово-информационного пространства, необходимым является прояснение вопроса о датировке начала издания первых газет Хакасии и Горного Алтая, характеристика условий, в которых они осуществляли свою деятельность, прослеживание темпов расширения типологии газет, определение функций и места прессы в региональной системе СМИ.

В настоящее время можно установить точную дату появления на свет только одной газеты – «Ойротский край»²³⁶. В архивах и библиотеках сохранились экземпляры первого номера, содержащего полные выходные данные, присущие газете (название, нумерацию, дату выхода, место издания, фамилию редактора, тираж). Это позволяет с полной уверенностью говорить о том, что газета стала выходить с 7 ноября 1922 г. Данный факт подтверждается рядом документов, свидетельствующих о проведении в 1922 г. подготовительной работы к ее выпуску: о создании редколлегии²³⁷, назначении корреспондентов²³⁸. В 1922–1923 гг. в силу экономических и технических причин газета выходила нерегулярно, нумерацию вела с начала текущего года. Лишь с 16 июля 1924 г. в колонтитуле стала указываться двойная нумерация (годовой порядковый номер выпуска / номер выпуска с начала издания), а также традиционная для того времени надпись «год издания такой-то».

---

²³⁶ Областная газета на русском языке: с 1922 г. – «Ойротский край», с 1931 г. – «Красная Ойротия», с 1948 г. по настоящее время – «Звезда Алтая».

²³⁷ КДА РА. Ф.1. Оп. 1. Д. 5. Л. 158.

²³⁸ Там же. Д. 30. Л. 20.

Отметим, что изучению прошлого местных газет в 1920–1950-е гг. не уделялось внимания, поскольку в контексте утилитарного отношения к СМИ, присущего данному периоду, пресса рассматривалась как средство агитации и пропаганды, использовавшееся для целенаправленного донесения политически ориентированной информации до широких масс трудящихся. Создание газет в автономиях расценивалось как показатель успешной реализации национальной политики, в результате которой коренные народы получили письменность, литературу, искусство и периодическую печать. При этом значение имел сам факт создания газет, но не точная дата их выпуска.

В начале 1960-х гг. на волне возрождения интереса к региональной истории и признания важной роли СМИ в национально-культурном строительстве были предприняты попытки установления точной даты начала издания областной прессы. Так, в 1963 г. С. Я. Пахаев на основе анализа архивных документов Томского университета предположил, что первые номера русскоязычной и алтайской газет вышли 15 июля 1923 г.²³⁹. Неверная датировка, на наш взгляд, была вызвана тем, что исследователь опирался на косвенные источники, не проводя их сопоставление с другими документами, хранившимися в недоступном для него областном партийном архиве. Действительно, в одном из писем, адресованных в 1923 г. местным партийным организациям, Ойротский обком РКП(б) сообщал о намерении «с середины июля сего года» выпускать газету «Ойротский край»²⁴⁰. Но в данном случае, как мы считаем, речь шла о возобновлении выпуска, приостановленного из-за технических трудностей и отсутствия финансирования.

Указание неверной даты (1923 или 1924 гг.) в других документах, в частности, анкетах по печати, справках и докладах можно объяснить также небрежным отношением к делопроизводству. Л. П. Мемет, проводивший в начале 1930-х гг. первое комплексное исследование прошлого Ойротии, отмечал, что документы областного истпарта (отдела истории областной партий-

---

²³⁹ КДА РА. Ф. 1. Оп. 4. Д. 440. Л. 45.

²⁴⁰ Там же. Оп. 1. Д. 33. Л. 20.

ной организации) «валялись на чердаке обкома в полнейшем беспорядке»²⁴¹. Вследствие этого авторы справок и анкет по печати, на наш взгляд, часто были вынуждены опираться на собственную память или указывать приблизительные цифры, что вносило дополнительную путаницу в определение даты начала выпуска газет.

Допущенная ошибка была исправлена только в июле 1968 г. после проведения более тщательного анализа документов партийного архива и материалов областного краеведческого музея. На основании полученных данных бюро Горно-Алтайского обкома КПСС приняло решение «считать началом издания первых номеров областных газет «Звезда Алтая» и «Алтайдын Чолмоны»²⁴² 7 ноября 1922 г.»²⁴³. Данное решение внесло ясность в определение даты выпуска русскоязычной газеты, но затруднило датировку начала выхода национальной газеты.

Первый номер издания на алтайском языке под названием «Кызыл Солун табыш» («Красные известия»), вышедший 15 ноября 1922 г., представлял собой перевод на национальный язык содержания первого выпуска «Ойротского края». Косвенным доказательством того, что опыт издания таких переводных газет-листочков получил свое продолжение, может служить заметка, размещенная в «шапке» № 5 «Ойротского края» от 7 декабря 1922 г., в которой сообщалось, что «к настоящему номеру прилагается №2 газеты на алтайском языке «Кызыл Солун табыш»».

Несмотря на вышеприведенные факты, в 1960-е гг. датой рождения национального издания решено было считать 7 ноября 1922 г., основываясь на том, что содержание первых выпусков обеих газет было идентичным²⁴⁴. Данной позиции придерживается и О. Ю. Черемнова²⁴⁵, ссылаясь на процитированный выше источник, но при этом игнорируя другие документы, находящиеся в том же архивном деле. Согласно им, в 1978 г. Всесоюзной книжной

²⁴¹ Мемет Л. П. Ойротия... С. 3.

²⁴² Областная газета на алтайском языке: с 1925 г. – «Кызыл Ойрот», с 1948 г. – «Алтайдын Чолмоны».

²⁴³ КДА РА. Ф. 1. Оп. 4. Д. 416. Л. 43.

²⁴⁴ Там же. Ф. 631. Оп. 1. Д. 46. Л. 2.

²⁴⁵ Черемнова О. Ю. Анализ содержания периодической печати Горного Алтая в 20-30-е гг. XX века (на примере газеты «Ойротский край») // Исторический вестник: сб. науч. трудов. Горно-Алтайск, 2011. С. 92.

палатой на основании проведенной проверки было установлено, что началом выпуска национального издания необходимо считать 15 ноября 1922 г. В связи с этим, редактору «Алтайдын Чолмоны» С. Тюхтеневу было рекомендовано указывать на первой полосе именно эту дату²⁴⁶.

Формально «Кызыл Солун табыш» нельзя считать газетой, а, скорее, приложением к основному изданию, поскольку два ее номера, вышедших в 1922 г., содержали не оригинальную информацию, а лишь переводы текстов русскоязычной газеты на алтайский язык. Новое издание «Ойроттан јери» («Ойротский край») стало выходить с 11 сентября 1923 г. небольшим тиражом (200 экз.) и крайне нерегулярно. Его выпуск постоянно приостанавливался, а в 1924 г. был прекращен совсем, «с одной стороны из-за отсутствия средств и подписчиков, с другой из-за отсутствия соответствующих сотрудников и корреспондентов»²⁴⁷. Следовательно, ему не была присуща периодичность, которая является основополагающим признаком при определении статуса печатного издания как газеты. Аргументом в пользу такого вывода служит то, что в официальных справках о состоянии печати в Горном Алтае вплоть до 1925 г. указывалась только одна русскоязычная газета «Ойротский край», а сведения об алтайском издании сообщались лишь в примечаниях²⁴⁸.

С 13 февраля 1925 г. началось издание новой газеты «Кызыл Ойрот» («Красная Ойротия»), существование которой оказалось более стабильным. Е. А. Съемщиков считает «Ойроттан јери» и «Кызыл Ойрот» одной и той же газетой, претерпевшей изменения внешнего вида и названия²⁴⁹. Мы же придерживаемся иного мнения. Безусловно, «Кызыл Ойрот» использовала опыт предшествующих изданий на алтайском языке, но ее нумерация являлась самостоятельной и не учитывала их выпуски. Это позволяет считать 15 декабря 1922 г. днем рождения национальной журналистики Горного Алтая, тогда как датой выпуска первой (полноценной) алтайской газеты, ныне существ-

²⁴⁶ КДА РА. Ф. 631. Оп. 1. Д. 46. Л. 1.

²⁴⁷ ГБУНО «ГАНУ». Ф. 2. Оп. 1. Д. 2363. Л. 4.

²⁴⁸ См., напр.: ГБУНО «ГАНУ». Ф. 2. Оп. 1. Д. 327. Л. 43, 158; Д. 2363. Л. 10а, 22.

²⁴⁹ Съемщиков Е. А. «Кызыл Солун табыш» – начало алтайской национальной периодической печати // Горный Алтай: история, современность, перспективы: материалы региональной научн. конф., Горно-Алтайск, 15–17 октября 2003 г. Горно-Алтайск, 2003. С. 145.

вующей под названием «Алтайдын Чолмоны» («Звезда Алтая») необходимо признать 13 февраля 1925 г.

В Хакасии становление первых изданий происходило в не менее сложных условиях, но имело свои особенности. Отчасти это было связано с тем, что в 1920-е гг. здесь не было типографии и возможностей издавать печатную продукцию. Ее население информацией на русском языке обеспечивала газета «Власть труда», выходившая в г. Минусинске. Первое национальное издание «Хызыл аал» («Красная деревня») ²⁵⁰ в виде приложения к «Власти труда» стало выпускаться по решению II Хакасской окружной партийной конференции, принятому 11 мая 1927 г. До этого руководство округа неоднократно поднимало вопрос о создании собственной прессы. Но, из-за отсутствия «достаточной суммы средств и сил», решено было осуществить этот проект на базе газеты соседнего округа, которая получила статус «Минусинско-Хакасской газеты», то есть объединенного печатного органа двух округов ²⁵¹.

Вопрос о датировке выхода первого номера «Хызыл аал» остается спорным. Сообщение о начале ее выпуска было опубликовано во «Власти труда» 19 мая 1927 г. Однако на предположительно первом номере национального издания, сохранившемся в Государственной публичной библиотеке им. В. И. Ленина, отсутствует датировка и нумерация, не указаны тираж и адрес типографии ²⁵², т. е. выходные данные, присущие любой газете, но не обязательные для приложения. Официально днем рождения газеты считается 1 июня 1927 г., хотя в различных документах, исторических справках и мемуарах иногда указывается и другая дата – 19 мая того же года. Предполагается, что в этот день было выпущено приложение под названием «Хызыл аал» к основному номеру «Власти труда», содержащее переведенное на хакасский язык сообщение о начале издания новой газеты и призывы к жителям Хака-

²⁵⁰ Областная газета на хакасском языке: с 1927 г. – «Хызыл аал», с 1959 г. – «Ленин чолы», с 1991 г. – «Хакас чирі», с 2008 г. – «Хабар».

²⁵¹ Тыньянов М. Крестьяне и рабочие Хакасии! // Власть труда. 1927. 19 мая. С. 1.

²⁵² Асочаков В. А. К истории развития печати в Хакасии. Абакан, 1953. С. 12 // Рукописный фонд Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Ф. 310.

сии сотрудничать с ней и выписывать ее²⁵³. В качестве подтверждения приводится ссылка на предположительно первый номер «Хызыл аал», фотокопия которого сохранилась в ф. 809 Национального архива Республики Хакасия. Однако на этом экземпляре отсутствует номер выпуска и дата, а фраза в одной из заметок о том, что по договоренности с редакцией «Власти труда» «с 1-го же июня с. г. ... при газете будет выпускаться вкладыш на хакасском языке «Красный Улус»»²⁵⁴ не может трактоваться однозначно.

Ф. Бытотов в своем письме в обком партии в декабре 1958 г. утверждал, что первый вкладыш к «Власти труда» на хакасском языке вышел 19 мая 1927 г. и содержал оригинальные материалы, написанные на хакасском языке, в частности, председателем Окружного исполкома Арыштаевым, Торосовым, Самриным. Опираясь на данный факт, автор письма настаивал, что «днем выхода первой хакасской советской газеты следует считать 19 мая 1927 г.»²⁵⁵. Один из первых исследователей истории прессы Хакасии В. А. Асочаков по данному вопросу высказывался более осторожно и считал, что в мае 1927 г. был решен вопрос о статусе газеты «Власть труда», которая стала органом Минусинского и Хакасского окружкомов партии и окрисполкомов. Но издание вкладыша на хакасском языке началось с июня²⁵⁶. Мы поддерживаем данную позицию, прежде всего, потому, что первый выпуск приложения нельзя рассматривать как газету: в нем отсутствовали выходные данные, присущие периодическому изданию, а содержание являлось переводом официальных текстов, опубликованных в основном номере «Власти труда». Следовательно, его можно расценивать как анонс новой газеты, издание которой началось уже в июне.

Сложным является вопрос о статусе «Хызыл аал» в 1927–1930 гг. Анализ архивных документов позволил сделать вывод, что издание до 1930 г. являлась приложением, весь тираж которого распространялся на территории

²⁵³ См., напр.: НА РХ, историческая справка фонда № 770.

²⁵⁴ Арыштаев. Всем отделениям окрисполкома, окружным организациям и учреждениям, всем райисполкомам и сельсоветам Хакасского округа // Хызыл аал. 1927. С. 1 // НА РХ. Ф. 809.

²⁵⁵ НА РХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2405. Л. 75-77.

²⁵⁶ Асочаков В. А. Культурное строительство в Хакасии (1917–1937 гг.). Абакан, 1983. С. 66.

национального округа. Отдельной подписки на него не проводилось: желающие получать национальную газету должны были выписывать «Власть труда» с этим приложением. Вплоть до 1930 г. «Хызыл аал» не включалась в списки периодической печати Западно-Сибирского края, ее финансирование и снабжение бумагой шло через редакцию минусинского издания²⁵⁷. Назначенный ответственным за выпуск приложения И. И. Коков стал газетным работником (т. е. штатным журналистом) при Хакасском окружкоме только в 1928 г. Он также заведовал хакасским отделением «Власти труда», т. е. формально являлся и сотрудником ее редакции, а статус редактора «Хызыл аал» получил лишь в 1930 г. В этом же году Хакасия была преобразована в автономную область, что привело к изменению правового и финансового положения национального издания. Несмотря на то, что до 1932 г. «Хызыл аал» продолжала печататься в типографии г. Минусинска, в 1930 г. она приобрела все признаки самостоятельного периодического издания: оформительские атрибуты, оригинальное содержание, собственный штат, прямое финансирование (дотирование выпуска). Добавим, что до настоящего времени национальная газета продолжает нумерацию, начатую в июне 1927 г., что позволяет признать существующую ныне «Хабар» («Известия») первой газетой Хакасии.

Отсутствие сохранившихся первых номеров «Советской Хакасии»²⁵⁸ не позволяет установить точную дату начала выпуска этого областного издания. Руководство Хакасского округа неоднократно поднимало вопрос о создании собственной русскоязычной газеты. Телеграфная переписка чиновников краевого отдела печати и первого секретаря Хакасского окружкома партии Рязанова, сохранившаяся в Государственном архиве Новосибирской области, дает представление о том, с каким трудом решался вопрос о создании местной прессы на русском языке. После настоятельных и обоснованных просьб в апреле 1930 г. выпуск местной газеты на русском языке был разрешен в «но-

---

²⁵⁷ См., напр.: ГБУНО «ГАНУ». Ф. 2. Оп. 1. Д. 4343. Л. 24.

²⁵⁸ Областная газета Хакасии на русском языке: с 1930 г. – «Советская Хакасия», с 1992 г. – «Хакасия».

вом бюджетном году» (т. е. в 1931 г.) и «при условии изыскания средств на месте»²⁵⁹. Рязанов убедительно просил разрешить издание в 1930 г., и «дать редактором» Галочкина, бывшего в то время заместителем редактора газеты «Власть труда»²⁶⁰. В июне в Новосибирск им была отправлена новая телеграмма: «Решительно настаиваем на разрешении издавать газету сейчас... Бумагой обеспечивает минусинская газета»²⁶¹. В октябре руководитель окружкома ВКП(б) сообщал краевому партийному руководству о том, что «русскую газету под названием «Советская Хакасия» мы с 20-го октября начинаем выпускать, хотя не имеем ни одного редакционного работника»²⁶².

В ряде документов начала 1930-х гг. сообщалось, что русскоязычная газета стала издаваться в октябре²⁶³. В других источниках, содержащих факты из истории прессы Хакасии, указывается более точная дата начала выпуска – 22 октября²⁶⁴, т. е. через два дня после принятия Постановления ВЦИК о преобразовании Хакасии в автономную область. Официально днем рождения «Советской Хакасии» считается 3 ноября. Анализ архивных документов не позволил выявить неопровержимые доказательства того, что русскоязычная газета стала выходить в ту или иную из указанных дат. Самый ранний из сохранившихся номеров (№ 17) был выпущен 19 декабря. Наши подсчеты на основе указанной в издании периодичности выхода показали, что более вероятной датой первого выпуска можно считать 3 ноября. Но с учетом трудностей, которые газета испытывала с кадрами, финансированием и обеспечением бумагой, установленная периодичность (2 раза в пятидневку) могла нарушаться, что не позволяет точно рассчитать дату выхода первого выпуска.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы. Заинтересованность властей Хакасии в создании русскоязычной газеты была высокой, и подготовка к ее выпуску проводилась еще до того, как было по-

²⁵⁹ ГБУНО «ГАНУ». Ф. 3. Оп. 3. Д. 273. Л. 91.

²⁶⁰ Там же. Л. 94.

²⁶¹ Там же. Л. 98.

²⁶² Там же. Д. 274. Л. 59.

²⁶³ См., напр.: Там же. Ф. 3. Оп. 4. Д. 366. Л. 316.

²⁶⁴ Асочаков В. А. К истории развития печати в Хакасии... С. 15; Костин М. Из истории печати Хакасии // Советская Хакасия. 1958. 5 мая. С. 3.

лучено разрешение на ее издание. Поэтому первый (сигнальный) номер издания действительно мог выйти 22 октября 1930 г. в ознаменование важного события – получения Хакасией статуса автономной области. А с 3 ноября был налажен уже регулярный выпуск данной газеты.

Особенности возникновения прессы в рассматриваемых национальных районах были обусловлены рядом причин, в частности, различиями в сроках создания национальной письменности, материально-технической и издательской базы. По решению Алтайского губернского комитета РКП(б) от 19 июня 1921 г. из Барнаула в с. Улала (ныне – г. Горно-Алтайск) была переведена типография с имевшимся у нее алтайским шрифтом²⁶⁵. На основании этого решения 8 октября 1921 г. Сибирское бюро ЦК РКП(б) признало необходимым издание газеты на алтайском языке²⁶⁶. Наличие собственной полиграфической базы в Ойротии позволило с 1922 г. наладить выпуск прессы, политической, художественной и учебной литературы. Создание типографии было вызвано, на наш взгляд, финансовыми причинами. Ближайшим городом, в котором имелась своя полиграфическая база, был Бийск, находившийся от с. Улала на расстоянии 110 км. Печатать там газеты и книги для Горного Алтая было бы экономически невыгодно.

В Хакасии издательское дело развивалось по иному сценарию, поскольку г. Минусинск, с которым ее связывали прочные культурно-экономические связи, находился в 20 километрах от административного центра Хакасии – с. Усть-Абаканского. В городе имелись значительные типографские мощности, созданные в конце XIX – начале XX вв.²⁶⁷ В издававшейся здесь до революции прессе освещались отдельные события и явления, имевшие место в Хакасии, а сами газеты в небольшом количестве, но распространялись на ее территории. Созданное 24 апреля 1922 г. минусинское уездное издание «Власть труда» продолжило эти традиции, вербуя подписчиков и внештат-

²⁶⁵ Алтай в период восстановления народного хозяйства (1921-1925 гг.): ист. очерк. Барнаул, 1961. С. 62–63.

²⁶⁶ ГБУНО «ГАНО». Ф. 1. Оп. 1. Д. 1194. Л. 5.

²⁶⁷ Об этом подр.: Костякова Ю. Б. Первопечатник г. Минусинска В.В. Федоров // Мартъяновские краеведческие чтения. Вып V. 300 лет в составе России: сб. материалов Международной науч.-практ. конф., посвященной 300-летию вхождения территории Юга Сибири в состав России. Минусинск, 12-14 дек. 2007 г. Красноярск, 2008. С. 236-239.

ных корреспондентов среди населения Хакасии. В 1924 г. для системного освещения жизни национального округа в газете были организованы специальные рубрики «По Хакасии» и «По Хакасскому краю», в которых публиковались новости, заметки, проблемные и дискуссионные статьи на темы, интересовавшие жителей соседней территории. Такое активное освещение жизни Хакасии прессой Минусинска и кажущаяся продуктивной практика печатания хакасской газеты в типографии соседнего округа воспринималась краевыми властями как норма. При этом не учитывались географические и климатические условия, при которых 20 верст и две полноводные реки (Енисей и Абакан), разделявших два окружных центра, становились непреодолимыми, например, при ледоставе, ледоходе или из-за пьяного паромщика.

«Власть труда» увеличивала свой тираж и доходность за счет русскоязычных жителей Хакасии и тех, кто с 1927 г. стал выписывать ее ради национального приложения. При этом в развитие хакасской газеты средства не вкладывались. Выделенные в 1928 г. Сибирским крайкомом 10 тысяч рублей на открытие отделения «Власти труда» при Хакасском окружкоме (т. е. на расширение редакции хакасского приложения) были потрачены редакцией на покрытие собственных расходов и нужды типографии²⁶⁸. Из-за отсутствия своей полиграфической базы Хакасия не имела возможности готовить кадры типографских работников. «Хызыл аал» набирали русские наборщики, не знавшие хакасского языка, механически копируя рукописные тексты. В результате национальное издание было трудночитаемым из-за многочисленных опечаток и типографских ошибок, что существенно затрудняло привлечение аудитории и формирование авторского актива газеты.

Потребность в собственной типографии стала особенно острой в 1931 г., когда в Хакасии, как и в других сибирских регионах, началось создание многотиражной и районной печати. Кроме того, отсутствие типографии сдерживало выполнение Постановления ЦК ВКП(б) «Об издательской работе», согласно которому выпуск литературы на национальных языках передавался в

---

²⁶⁸ ГБУНО «ГАНУ». Ф. 2. Оп. 1. Д. 3333. Л. 239.

ведение местных издательств²⁶⁹. Редакторы газет и областного издательства в своем письме в Сибирский крайком партии сложившееся положение характеризовали, как «нелепое с точки зрения элементарных требований газетного дела», поскольку газеты поступали к читателю лишь «на четвертый день после сдачи материала в производство»²⁷⁰. Журналисты справедливо полагали, что дополнительные технические сложности, вызванные выпуском изданий в соседнем районе, усугубляли имевшиеся трудности, снижали оперативность и авторитет прессы и, как следствие, сдерживали процесс формирования аудитории и привлечения новых авторов.

Для решения проблемы редакторы областных СМИ предлагали воспользоваться помощью центрального издания. В 1930 г. самая массовая на тот момент всесоюзная «Крестьянская газета» организовала «Комитет содействия печатных газет в социалистическом секторе села», который собирался открыть 25 «крестьянских» изданий в районах сплошной коллективизации. Благодаря активному содействию Представительства Хакасии при Президиуме ВЦИК, созданному в ноябре 1930 г. в Москве, настойчивости его руководителей П. И. Гедымин-Тюдешевой и А. И. Кузугашева, всесоюзное издание запланировало открыть в Хакасии свое отделение и снабдить его типографским станком и квалифицированными работниками для выпуска на хакасском языке вкладыша к основному выпуску. Препятствием для этого являлось отсутствие помещения для будущей типографии и «собственное нерадение» местных властей при рассмотрении данного вопроса. Редакторы просили передать Хакасии оборудование и работников минусинской типографии № 6, где печатались все хакасские периодические издания и брошюры, и срочно организовать курсы для подготовки наборщиков-хакасов. Они также просили принять волевое решение о временном изъятии ведомственных помещений и строящегося жилья для размещения станков и расселения

---

²⁶⁹ Об издательской работе: Постановление ЦК ВКП(б) от 15 августа 1931 г. // КПСС о средствах массовой информации и пропаганды. М., 1979. С. 383–391.

²⁷⁰ ГБУНО «ГАНУ». Ф. 3. Оп. 4. Д. 366. Л. 57.

переезжающих в Абакан специалистов²⁷¹. Эту просьбу поддержал Хакасский обком партии и в виде решения бюро направил в крайком. Благодаря настойчивости журналистов и представителей издательства, авторитету и ресурсам «Крестьянской газеты», собственная типография в Абакане была построена в кратчайшие по тем временам сроки и сдана в эксплуатацию в 1932 г.

Учитывая приведенные выше факты, логично предположить, что к началу 1930-х гг. алтайская журналистика находилась на более высоком уровне развития, чем журналистика Хакасии, что должно было отразиться на качестве и темпах развития местной печати. Однако сравнительный анализ состояния и содержания прессы двух территорий показал, что данные различия несущественны и заметны лишь при сопоставлении русскоязычных изданий за 1931–1933 гг. Такой парадокс можно объяснить следующим образом. Начало издания алтайской прессы происходило в сложный период существования всей российской печати. С введением НЭПа газеты, в том числе партийно-советские, стали платными, что привело к резкому сокращению данного вида прессы в стране. Первые номера «Ойротского края» и «Кызыл Солунтабыш» издавались за счет средств учредителей и распространялись бесплатно, чтобы познакомить жителей области с газетами и в дальнейшем организовать подписку на эти издания.

Однако ликвидация в 1922 г. Центропечати и перевод газет на хозрасчет вызвал ряд труднорешаемых вопросов, в том числе о системе и методах распространения прессы, источниках покрытия убытков, связанных с ее изданием²⁷². Это привело к значительному сокращению местной печати. Так, например, к концу 1923 г. прекратило свое существование 80 губернских и уездных изданий, то есть 14% от общего количества выпускавшихся в тот период региональных изданий²⁷³. Все обязанности по организации подписки и экспедированию печати читателям были возложены на редакции, что увеличило их убыточность. Анализ архивных документов и содержания газет

---

²⁷¹ Там же. Л. 58–60.

²⁷² См., напр.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 49. Л. 223.

²⁷³ Там же. Д. 875. Л. 10.

показал, что дефицит бюджета ойротских изданий покрывался из разных источников: из средств учредителей – обкома и облисполкома, разовой помощи со стороны кооперативных и других организаций, доходов от публикации объявлений и издательской деятельности типографии, а также субсидий центральных и краевых властей на поддержание крестьянской и национальной печати. Так, например, выделенные Москвой в начале 1923 г. в счет «добавочного ассигнования кредитов для государственной сети газет» 16 тыс. руб.²⁷⁴ позволили, как мы считаем, в августе того же года возобновить приостановленный в конце 1922 г. выпуск «Ойротского края».

Анализ архивных документов показал, что острота проблемы с финансированием областных газет в течение 1920-х гг. – в первой половине 1930-х гг. не снижалась. Положение удалось частично стабилизировать за счет создания в 1924 г. издательского кооперативного общества «Ойрот-печать», позже преобразованного в издательско-типографское объединение и включавшего две газеты, типографию и книжный магазин. Это позволило перераспределить получаемые доходы на решение насущных проблем²⁷⁵. Тем не менее, в 1926 г. при ежемесячном доходе от подписки и объявлений в 380 руб. «Ойротский край» имел убыток в 400 руб., который редакция объясняла тем, что число подписчиков мало, а содержание аппарата редакции обходится очень дорого²⁷⁶. Однако дефицит возникал также из-за того, что значительная часть (до трети выпуска) тиража местных изданий оказывалась невостребованной. Редакциями регулярно предпринимались попытки «завербовать» дополнительных подписчиков и таким образом увеличить свою доходность. Но рост распространения тиражей шел медленно из-за ограниченности потенциальной аудитории и невысокого интереса читателей к местной прессе, вызванного, на наш взгляд, низким качеством ее содержания и полиграфии.

Областная типография в 1920–1930-е гг. испытывала хронический недостаток шрифтов, которые приобретались в основном, со складов утильсы-

---

²⁷⁴ Там же. Д. 870. Л. 8.

²⁷⁵ ГБУНО «ГАНУ». Ф. 2. Оп. 1. Д. 3369. Л. 713.

²⁷⁶ А. С. Как существует наша газета // Ойротский край. 1926. 1 мая. С. 2.

рья новосибирских, барнаульских и бийских типографий. Изношенность печатных машин достигала 85%, техника постоянно требовала капитального ремонта. Мощности местной электростанции хватало для работы только одной машины, остальные функционировали при помощи ручного привода. В 1931 г. при типографии была организована собственная электростанция мощностью в 12 лошадиных сил, которая могла обеспечить энергией все печатные машины. Но отсутствие финансовых средств и комплектующих частей не позволило ее запустить²⁷⁷. К 1940 г. мощность типографии оставалась невысокой и позволяла издавать в год не более 120 печатных листов. Этого хватало для выпуска газет, но основной объем литературы приходилось печатать в Новосибирске²⁷⁸. Устаревшая техника и изношенные шрифты не позволяли улучшать качество периодических изданий, поэтому их техническое оформление в довоенный период оставалось на уровне конца 1920-х гг.

Пресса Хакасии создавалась в более поздние сроки, ее становление не сдерживал бумажный «голод» и другие трудности, мешавшие развитию алтайской периодики в первой половине 1920-х гг. Возможности использования материально-технической и кадровой базы минусинского издания облегчали формирование первых газет национальной территории. Выпуск хакасской газеты «Хызыл аал» как приложения к основному номеру русскоязычной «Власти труда» требовал меньших финансовых затрат и гарантировал стабильный выход. Кроме того, при организации подписки на национальное издание использовались авторитет и система распространения, созданные минусинской газетой. «Власть труда», стремясь увеличить свой тираж и доходность, в 1920-е гг. вела активную работу по привлечению читателей и авторов из соседней национальной территории, прежде всего, из рабочих поселков и крупных сел. Сформированная ею аудитория и корреспондентский актив частично перешли к «Советской Хакасии», что существенно облегчило становление областной русскоязычной газеты в начале 1930-х гг.

---

²⁷⁷ ГБУНО «ГАНУ». Ф. 3. Оп. 4. Д. 366. Л. 50.

²⁷⁸ Копытов Н. Ф. Издательское дело в Горном Алтае. Горно-Алтайск, 2003. С. 38.

Сравнительный анализ периодических изданий автономий позволил сделать вывод о том, что к середине 1930-х гг. уровень их содержания и оформления был примерно одинаков. На наш взгляд, это было вызвано не только быстрым качественным ростом прессы Хакасии, обусловленным более благоприятными условиями для развития, но и искусственным сдерживанием творческого роста СМИ Ойротии, происходившим в контексте политики унификации местной печати. В ее проведении использовались различные средства стимуляции повышения уровня изданий и сдерживания их творческого развития, главным из которых был партийный контроль, осуществляемый через систему отчетов, планов, обзоров, цензурирования и т. д. Одним из главных направлений такого контроля, на наш взгляд, служило обеспечение подконтрольного положения СМИ по отношению к органам партии.

Так, например, первые стенгазеты в Ойротии и Хакасии, возникшие в 1924–1925 гг., являлись результатом личной инициативы комсомольцев, селькоров, избачей и других активистов. Основной причиной количественного роста стенгазет в 1920-е гг. мы считаем проведение кампании по ликвидации неграмотности. Выпуск самодеятельной газеты становился своеобразным итогом (экзаменом) прохождения обучения в пунктах ликбеза и должен был «пробудить от спячки всех заснувших», дать возможность «окунуться в новую жизнь», помочь «стать сознательными гражданами», развить «уменье критически разбираться в явлениях»²⁷⁹.

Однако в 1926–1927 гг. произошло значительное ужесточение партийного контроля за деятельностью всех изданий, в том числе и самодеятельных. Отделы агитации и пропаганды обкомов налаживали учет стенгазет, чтобы устранить «обезличенное» идеологическое руководство ими, как одним «из важнейших средств партийного воспитания и массовой работы»²⁸⁰. Контроль под видом «руководства» проводился как на общем (через редакции печатных газет), так и на низовом уровне (со стороны партячеек). Стенные газеты

---

²⁷⁹ Газета «Жизнь и работа нашей школы». Выпускалась в 1926 г. при школе-передвижке в пос. Абаза (Хакасия). НА РХ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 119. Л. 1–48.

²⁸⁰ КДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 373. Л. 14.

должны были получать «визу» на выпуск представителя местной партийной организации. Редколлегиям давались прямые указания по организации деятельности: «Вся работа кружка рабкоров должна быть построена на помощи партии и советской власти в проводимых ими мероприятиях»²⁸¹. Таким образом, стенгазеты из самодеятельных изданий все больше превращались в орган, подотчетный ВКП(б). Эта подконтрольность проявилась и в том, что во второй половине 1920-х гг. данные по стенгазетам стали включаться в отчеты о деятельности партийных органов. В обязанности последних входило идеологическое воспитание членов редколлегии и стенкоров, курирование выпуска газеты, контроль за ее содержанием и количественный учет. Но в данных по стенгазетам, которые указывались в документах 1930-х гг., имелись большие расхождения. Так, по отчетам всех территорий Ойротии получалось, что на 25 мая 1934 г. в автономной области выходила 401 стенная газета²⁸², тогда как чуть ранее в отчете редактора газеты «Сталинский путь» (Шебалинский аймак) сообщалось о 189 существующих здесь стенных изданиях²⁸³. Следовательно, подсчет стенгазет велся формально, без учета регулярности их выхода, на основании непроверенных, косвенных сведений. Однако организация подконтрольности стенгазет и партийного руководства ими позволила условно включить этот прежде самодеятельный вид прессы в систему региональных СМИ.

В 1930 г. в связи с ликвидацией округов и созданием на их базе районов повсеместно стали создаваться районные издания, которые должны были стать новым типом газет, имевшим «ярко выраженный производственный характер (в соответствии с экономикой данного района)»²⁸⁴. В январе 1931 г. в специальном постановлении ЦК были четко прописаны структура и направленность таких изданий, необходимые меры и мероприятия по их созданию, порядок действий местных властей по решению кадровых, финансовых

---

²⁸¹ В. С. К рабкортам города // Власть труда. 1927. 8 декабря. С. 4.

²⁸² Подсчитано нами по: КДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 764. Л. 51.

²⁸³ Там же. Д. 661. Л. 1.

²⁸⁴ О реорганизации сети газет в связи с ликвидацией округов: Постановление ЦК ВКП(б) от 11 августа 1930 г. // КПСС о СМИ. М., 1979. С. 146–147.

и технических вопросов²⁸⁵. Выполняя эти постановления Хакасский и Ойротский обкомы ВКП(б) в июле 1931 г. запланировали создание газет во всех районах (аймаках), колхозах и совхозах²⁸⁶.

До этого в автономиях существовали отдельные низовые издания, создание которых происходило по инициативе местных властей и являлось закономерным продолжением развития региональной прессы. Так, в 1930 г. в Онгудайском аймаке (Ойротия) стала выходить газета «Дьяны дол» («Новый путь») на алтайском языке. Однако проблемы с ее финансированием решались крайне сложно. Газета не имела дотаций из местного бюджета, поэтому в 1931 г. работникам редакции и аймачной типографии не выплачивалась зарплата, дальнейшее существование районного издания находилось под вопросом²⁸⁷. В том же году в рабочем поселке Черногорские копи (Хакасия) возникла стенгазета «Горняк»²⁸⁸. Через год она была переименована в «Удар», увеличила свою периодичность и тираж, но по-прежнему печаталась на пишущей машинке²⁸⁹. С помощью поселковых и областных властей удалось наладить ее выпуск на ротаторе и значительно увеличить тираж. В августе Западно-Сибирский крайком партии официально утвердил статус этой многотиражной газеты, ее тираж, периодичность и редактора²⁹⁰. Позже издание было переименовано в «Шахтер», но сохранило нумерацию, начатую «Горняком». Первая попытка издания районной газеты в Хакасии была предпринята летом 1930 г. в Аскизском районе, когда «Власть труда» передала в распоряжение райкома партии два своих типографских станка, бумагу и работника²⁹¹.

Проведение кампании по сплошной коллективизации сельского хозяйства и уничтожению кулачества как класса потребовало усиления агитационной и разъяснительной работы среди сельского населения, в том числе с ис-

²⁸⁵ О сельской районной и низовой печати: Постановление ЦК ВКП(б) от 18 января 1931 г. // КПСС о СМПП. М., 1979. С. 150–152.

²⁸⁶ НА РХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 43. Л. 59; КДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 607. Л. 70.

²⁸⁷ ГБУНО «ГАНО». Ф. 3. Оп. 4. Д. 366. Л. 49, 52.

²⁸⁸ НА РХ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 9.

²⁸⁹ «Удар» перешел на многотиражку // Советская Хакасия. 1931. 26 апреля. С. 3.

²⁹⁰ НА РХ. Ф. 12. Оп. 9. Д. 8. Л. 63.

²⁹¹ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 326. Л. 4–4а.

пользованием ресурсов печати. Это, по нашему мнению, и вызвало форсирование темпов создания низовой прессы, зачастую, без учета местных условий. Например, Западно-Сибирский крайком ВКП(б) в распоряжении от 14 июля 1931 г. настоятельно рекомендовал выпускать многотиражки как полноценные издания – объемом в 2-4 полосы, два раза в пятидневку и тиражом не менее тысячи экземпляров²⁹². Однако в условиях Хакасии и Ойротии большинство таких газет было возможно издавать только на гектографах (стеклографах) и тиражом 20-100 экземпляров. Тем не менее, подобная кампания по форсированному расширению системы местных СМИ была результативна, в основном, за счет комплексности проводимых мероприятий. Для выпуска газет в далеких от областного центра районах централизованно выделялись стеклографы. Районные и областные власти обязали изыскать на месте средства для организации изданий. Работников райкомов заставили провести массовое выдвижение на газетную работу местных рабселькоров, а областные издания – организовать шефство над новыми изданиями.

Несмотря на использование административного ресурса и мощный диктат со стороны центральных и краевых властей, организация районных газет в автономиях шла с большими трудностями из-за отсутствия полиграфической базы, шрифтов, бумаги, общего финансирования, а также из-за необходимости согласовывать весь организационный процесс и отдельные его этапы на районном, областном, краевом и центральном партийном уровне. Так, например, решение о создании газеты в с. Таштып (Хакасия), принятое в январе 1934 г., удалось воплотить в жизнь только через год.

Как показал анализ сохранившихся номеров, организованные в этот период в колхозах/совхозах и на МТС многотиражные газеты по внешнему виду, верстке, тематике и качеству публикуемых материалов походили на стенгазеты. Но они печатались на множительной технике (стеклографах) и имели тираж несколько десятков экземпляров, постоянное название, сквозную нумерацию и официально созданную редакцию, то есть те признаки, которые

---

²⁹² ГБУНО «ГАНУ». Ф. 3. Оп. 4. Д. 368. Л. 125–126.

позволяют их отнести к периодическим изданиям. Главным недостатком многотиражных газет являлось крайне низкое качество оформления и содержания, за что они постоянно подвергались критике на районном и областном уровнях, а вину и ответственность за исправление положения возлагали на парткомы. Однако данную ситуацию, на наш взгляд, невозможно было исправить, поскольку большинство таких газет создавались формально, руководить ими назначались люди без профессионального опыта, часто без желания заниматься столь ответственным делом. Но эти издания также внесли заметный вклад в формирование массово-информационных пространств Хакасии и Горного Алтая. Являясь в советской системе прессы связующим звеном между стенной и районно-городской печатью, совхозно-колхозные газеты формировали аудиторию и авторский актив на низовом уровне, среди самого многочисленного – сельского населения.

После завершения сплошной коллективизации актуальность усиленной пропаганды на селе снизилась. Поэтому в стране по указанию Отдела печати ЦК ВКП(б) была поэтапно проведена кампания по ликвидации «слабых, плохо работающих» совхозно-колхозных газет, материальные и кадровые ресурсы которых передавались районным изданиям. В 1936 г. в Хакасии осталось всего шесть таких газет²⁹³. Но в январе 1937 г. Красноярский крайком ВКП(б) распорядился о прекращении их издания и передаче полиграфического оборудования, печатных машинок, шрифтов, бумаги, краски и сотрудников газетам тех районов, в которых они выпускались²⁹⁴. В Ойротии также происходило «поглощение» многотиражек, в котором участвовали и областные издания²⁹⁵. Сельская аудитория была переориентирована на чтение районной прессы, а сформированный авторский актив – на продолжение сотрудничества со стенной, районной и областной печатью. В результате, несмотря на уменьшение количества газет, массово-информационное пространство не со-

---

²⁹³ НА РХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 403. Л. 6.

²⁹⁴ Там же. Д. 490. Л. 15–16.

²⁹⁵ КДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 864. Л. 58–59.

кратилось, сохранилось взаимодействие между всеми его элементами на низовом (районном) уровне.

К середине 1930-х гг. в обеих автономных областях была создана система прессы, снабжавшая читателей информацией на областном, районном и низовом уровне (многотиражные и стенные издания). В Ойротии ее основу составили четыре областные и семь аймачных газет, в Хакасии – три областные, одна городская и семь районных изданий. Отметим, что, несмотря на централизованный характер формирования данной системы в условиях реализации государственной информационной политики, дальнейшее существование отдельных изданий зависело не только от политической воли руководства страны или области, но и от местных условий. Наиболее заметно данная закономерность проявилась в отношении детско-молодежной прессы.

Решения о создании комсомольских изданий и утверждение их редколлегий в Хакасии и Ойротии были приняты в 1931 г.²⁹⁶. В Горном Алтае, несмотря на финансовые и кадровые проблемы, выпуск новой газеты был налажен относительно быстро, и в том же году вышло 20 номеров. Почти одновременно с «Ойротским комсомольцем» стала издаваться и детская газета «Белен бол» («Будь готов»), что позволило более четко разграничить целевую аудиторию. В соседней автономной области из-за отсутствия областной типографии организовать выпуск «Комсомола Хакасии» удалось только в апреле 1932 г. В отличие от других областных изданий детская и комсомольские газеты автономий были двуязычными, при этом выпуски на русском и национальном языке дублировали содержание друг друга.

Молодежная печать и в Хакасии, и в Ойротии, испытывала схожие проблемы, вызванные, в частности, сменой редакторов, неустойчивостью штата, большой загруженностью журналистов, поскольку многие сотрудники комсомольских изданий из-за общей нехватки в автономии журналистских кадров параллельно работали в редакциях других областных газет. Общей для рассматриваемых изданий была проблема неполной реализации тиража и

---

²⁹⁶ НА РХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 44. Л. 23; КДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 607. Л. 95, 125.

большие трудности с организацией подписки. Из-за этого детская и комсомольские газеты остро нуждались в финансовой помощи, а размеры дотаций на их выпуск были выше, чем у остальных областных изданий. Так, например, в 1934 г. «Красной Ойротии» и «Кызыл Ойрот» требовались субсидии в размере 58% и 59% от суммы расходов на их издание, тогда как «Ойротскому комсомольцу» и «Белен бол» было необходимо дотирование 88% и 91% их расходов²⁹⁷. Содержание убыточных газет, прежде всего, региональных, можно объяснить политическими мотивами и особенностями реализации государственной информационной политики в сфере СМИ. Советская пресса, вне зависимости от ее реальной популярности у потенциальной аудитории, должна была, согласно ленинским принципам большевистской печати, выполнять в первую очередь роль политинформатора, политического агитатора и пропагандиста. В то же время, определение размера финансовых потоков, направляемых на поддержку печати, являлось мощным средством партийного регулирования ее деятельности.

В мае 1935 г. Отдел печати Красноярского крайкома ВКП(б) резко сократил ассигнования на содержание прессы Хакасии, выделив 100 тыс. рублей вместо требуемых 217 тыс. В результате было принято решение ликвидировать газету «Комсомол Хакасии» ради сохранения выпуска политотдельских и расширения сети районных изданий²⁹⁸. Комсомольская газета, правда, только на хакасском языке, используя дотации из резерва областного культпропа, продолжала выходить еще почти год, но в мае 1936 г. прекратила свое существование. Обосновывая решение о ее закрытии и слиянии с «Хызыл аал», бюро крайкома партии констатировало, что «не находит возможным издание в настоящее время двух национальных газет в Хакасии ввиду недостатка квалифицированных кадров»²⁹⁹. Такая формулировка причины закрытия, на наш взгляд, свидетельствует о формальном подходе к решению вопроса о развитии национальной прессы, который не учитывал интересов и

---

²⁹⁷ Подсчитано нами по: КДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 764. Л. 57.

²⁹⁸ НА РХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 330. Л. 69.

²⁹⁹ КГБУ «ГАКК». Ф. П-26. Оп. 1. Д. 309. Л. 53.

потребностей коренного населения. Тезис о том, что комсомол Хакасии «только выиграет» от слияния двух национальных газет, не выдерживает критики, поскольку после такого объединения оставшейся хакасской газете не увеличили ни тираж, ни периодичность. Чтобы нейтрализовать критику в свой адрес, бюро крайкома партии в этом же решении от 15 мая 1936 г. указало, что «выпуск же самостоятельной национальной хакасской комсомольской газеты будет возможен только при наличии необходимых национальных газетных кадров». Ссылаясь на это указание, Хакасский обком ВЛКСМ в феврале 1938 г. попытался возобновить выпуск молодежного издания и просил крайком комсомола «дать для редакции ответсекретаря и помочь в укомплектовании редакции проверенными людьми»³⁰⁰. Но в условиях массовых репрессий решить кадровую проблему оказалось невозможным.

В 1936 г. комсомольская и детская пресса в Ойротии также оказалась под угрозой закрытия. Западно-Сибирский крайком комсомола посчитал «нецелесообразным» издание этих газет на русском языке, несмотря на то, что около 60% молодежи в области составляли русские (русскоязычные) граждане³⁰¹. Ойротский обком партии выступил против такого решения. В результате детское издание «Белен бол» было закрыто, но «Ойротский комсомолец» до 1940 г. продолжал выходить на двух языках.

Произошедшее во второй половине 1930-х гг. сокращение системы прессы Хакасии и Горного Алтая отчасти компенсировалось активным развитием радиовещания. Появление местного радио в рассматриваемых областях не только привело к формированию системы СМИ как совокупности различных видов средств массовой информации, но и к расширению массово-информационного пространства, поскольку благодаря радиовещанию в данное пространство оказались вовлечены и новая аудитория, и новые авторы. В силу языковой специфики и рассредоточенности населения по большой тер-

---

³⁰⁰ НА РХ. Ф. 12. Оп. 7. Д. 3. Л. 9.

³⁰¹ КДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 914. Л. 42.

ритории оно позволяло жителям автономий оперативно получать информацию вне зависимости от их уровня грамотности.

Центральное (Московское) радио в Хакасии и Ойротии начали слушать в 1927 г. Первые радиоприемники из-за их высокой стоимости (600 рублей) сельчане покупали, собирая деньги всем селом³⁰². Действующий громкоговоритель, который чаще всего устанавливали в избе-читальне или на улице, служил лучшим доказательством полезности такого приобретения³⁰³. В пропаганде технической новинки участвовали члены кружков радиолюбителей, убеждавшие односельчан собирать средства на радиоаппаратуру³⁰⁴. Благодаря радиолюбителям-энтузиастам в дальнейшем удалось наладить не только ретрансляцию программ Московского радио, но и осуществить выпуск собственных передач.

Первые радиоузлы в Хакасии были созданы в районах, где функционировали крупные предприятия или рудники, имелась местная энергобаза. Передачи Московского и новосибирского радио в Абакане стали принимать и транслировать лишь в 1930 г., после создания городского радиоузла³⁰⁵. В течение года радиоузлы были организованы в двух райцентрах, но из-за отсутствия электропитания, постоянных поломок кустарно сделанной аппаратуры передачи они транслировали редко, общее число радиоточек в автономной области оставалось незначительным – всего 245³⁰⁶. В Горном Алтае радиовещание развивалось медленней: в 1928 г. здесь функционировало несколько радиоустановок, но к началу 1930-х гг. количество радиоточек, имевшихся в области, не превышало нескольких десятков³⁰⁷. Радиоузел в столице автономной области начал работать в 1930 г., на его устройство по распоряжению обкома партии было выделено 300 рублей³⁰⁸. Первая проб-

³⁰² К. Бейцы получили радиоаппарат // Власть труда. 1927. 23 марта. С. 3.

³⁰³ Петровский Н. Даешь радио (с. Шебалино) // Ойротский край. 1927. 9 марта. С. 2.

³⁰⁴ С-в. Радио в нашей деревне // Власть труда. 1927. 3 марта. С. 3.

³⁰⁵ Захаров М. 30 лет городу Абакану. 1960. С. 10 // Из личного архива А.Н. Гладышевского.

³⁰⁶ НА РХ. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 5. Л. 27.

³⁰⁷ Медведев И. Ф. Из истории города Горно-Алтайска // Социокультурное взаимодействие алтайского и русского народов в истории Государства Российского: труды Всероссийской науч.-практ. конф. (Бийск, 27–30 сент. 2006) /отв. ред. О. М. Потапчук. Бийск, 2006. С. 183.

³⁰⁸ КДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 517. Л. 75.

ная передача в Горном Алтае вышла в эфир весной 1934 г.³⁰⁹. В Хакасии местное городское вещание началось в феврале 1932 г.³¹⁰, а к началу 1933 г. свои передачи в эфир стали передавать два из шести радиоузлов – в с. Таштып и пос. Сарала³¹¹. Основными причинами, которые сдерживали развитие низового вещания, являлись трудности с помещениями, кадрами, техническим снабжением. В области отсутствовала необходимая радиоаппаратура и мощная приемо-передающая радиостанция для обеспечения регулярной трансляции в эфир и по проводам передач Центрального и местного вещания.

Можно констатировать, что в начале 1930-х гг. местное радиовещание в рассматриваемых автономиях проходило стадию становления. Радиофикацию сдерживало отсутствие централизованного руководства, четкого плана, регулярного финансирования. Радиоузлы в городах и районах в большинстве случаев не вели собственное вещание, программы из Новосибирска и Москвы принимали от случая к случаю. Подобная стихийность в развитии была характерна для местного радиовещания и в других регионах страны³¹². На дальнейшее развитие регионального радио оказали влияние установление государственной монополии на радиовещание, произошедшее после ликвидации акционерного общества «Радиопередача» в 1928 г., разработка общесоюзных программ централизованной радиофикации и создание в 1933 г. Всесоюзного комитета по радиофикации и радиовещанию (ВРК) при Совете Народных Комиссаров СССР. Основными задачами Комитета являлись: организация, планирование и оперативное руководство всем вещанием в стране, создание системы подготовки кадров, производства радиоаппаратуры и радиофикации³¹³. На региональном уровне аналогичную работу должны были проводить местные радиокомитеты, созданные в Ойротии в 1934 г., а в Хакасии – 1 марта 1935 г.³¹⁴. Их формирование ознаменовало начало следующего

³⁰⁹ Говорит Ойрот-Тура! Говорит Горно-Алтайск! Горно-Алтайск, 2004. С. 7.

³¹⁰ Маслов М. В эфире – Абакан // Советская Хакасия. 1980. 7 мая. С. 2.

³¹¹ Дэсс. Радиообслуживание на высокую ступень // Советская Хакасия. 1933. 20 февраля. С. 2.

³¹² Дубровин В. В. К истории советского радиовещания. Л., 1972. С. 50.

³¹³ Там же. С. 51.

³¹⁴ Книга приказов ХакОблРК, пр. №1 от 1 марта 1935 г.

этапа становления региональной радиосистемы – ее организационное и техническое оформление.

На темпы и масштабы становления местного радиовещания влиял экономический фактор, прежде всего, наличие крупных населенных пунктов и промышленных центров, радиофикация которых требовала меньше средств, чем организация радиоузлов и радиоточек в малонаселенных деревнях, удаленных друг от друга на значительные расстояния. Концентрация населения позволяла добиваться действенности и эффективности радио, как средства информации, агитации и пропаганды, организации масс. Поэтому в Хакасии и Горном Алтае радиовещание раньше всего было организовано в административных центрах и рабочих поселках. Темпы радиофикации были повышены в 1930-е гг., когда в рассматриваемых территориях стали создаваться колхозы и совхозы.

Развитие местного радиовещания в значительной степени зависело от состояния энергобазы, необходимой для работы приемо-передающей радиоаппаратуры. Первая ГЭС мощность в 500 кВт. в Горном Алтае была сооружена в 1934 г. в п. Чемал, а в областном центре электростанция дала первый ток в 1938 г.³¹⁵. Поэтому для функционирования областной радиостанции использовались аккумуляторы, а позже – специально сооруженная энергобаза. Первая ГЭС в Хакасии была введена в строй в 1925 г. в с. Аскиз, а в 1936 г. построена Саралинская ГЭС, которая на тот момент являлась самой мощной в восточной части страны (2500 кВт)³¹⁶. Это позволило организовать регулярное местное вещание в рабочем поселке Сарала на несколько лет раньше, чем в столице области. В 1933 г. в г. Абакане была введена в эксплуатацию первая тепловая электростанция мощностью 110 кВт. Но лишь в 1938 г. удалось увеличить ее мощность³¹⁷, чтобы запустить радиостанцию, которая была построена в 1935 г., но в течение трех лет простаивала из-за отсутствия электропитания необходимой мощности. Поэтому областной радиокomiteeт, про-

³¹⁵ Летов А.В. История социального развития Горного Алтая (1945-1953 гг.): дис... канд. ист. наук. Абакан, 2004. С. 120.

³¹⁶ Федоровский Г. Электричество Саралы // Хакасия. 2006. 14 июля. С. 13.

³¹⁷ Там же. С. 8.

водивший до этого вещание через Абаканский городской радиоузел, с 9 сентября 1938 г. начал транслировать свои передачи через мощную радиостанцию и значительно расширил территорию вещания³¹⁸.

В соответствии с установками ВРК местный радиокомитет отвечал за организацию не только вещания на территории своего региона, но и работу студий радиовещания в городах и районах автономии. Нормальное функционирование системы низового вещания позволяло расширять охват жителей радиослушанием. Но для этого необходимо было создавать радиоузлы в райцентрах и крупных населенных пунктах, увеличивать количество радиоточек, то есть делать радио более доступным для населения. Проведение радиофикационных работ в значительной степени зависело от активности руководства радиокомитетов. Так, председатель Хакасского ОблРК М. П. Дербенев только в 1938 г. представил в Хакасский обком партии более десятка докладных записок, планов, обращений, отчетов. В этих документах он настаивал на организации низового вещания, обращал внимание руководства области на техническое состояние радиоузлов, их обеспеченность квалифицированными кадрами. В результате бюро обкома партии утвердило предложенную председателем радиокомитета программу радиостроительства, контролировала и оказывало содействие в решении вопросов радиофикации области, отдавая соответствующие распоряжения областной Конторе связи, райкомам и горкомам. Активность и заинтересованность М. П. Дербенева способствовали тому, что массовое радиовещание в Хакасии в первом квартале 1938 г. было организовано в г. Черногорске, поселках Сарала, Коммунар, Лесозавод, Шира, селах Аскиз и Таштып³¹⁹, что позволило привлечь многочисленных радиослушателей, добиться эффективности распространения медиаинформации и заинтересовать сотрудничеством новых авторов.

В Ойротии низовое радиовещание было организовано только в 1939 г., чему способствовала серьезная подготовительная работа: была укреплена ма-

---

³¹⁸ НА РХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 607. Л. 39.

³¹⁹ НА РХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 607. Л. 29.

териально-техническая база старых радиоузлов, построены новые, организовано линейное (проводное) хозяйство³²⁰. В результате радиоузлы в районах Онгудай, Турочак, Улаган, Кош-Агач стали транслировать и собственные передачи. Однако сложный ландшафт области не позволил охватить радиослушанием жителей труднодоступных горных районов и вовлечь их в массово-информационную деятельность.

Можно констатировать, что в 1920–1930-е гг. наиболее активно в Хакасии и Ойротии развивалась периодическая печать. Анализ источников позволил сделать вывод о том, что газеты в автономиях создавались без учета имевшихся материальных и технических возможностей, уровня грамотности и информационных потребностей потенциальной аудитории, практически при полном отсутствии квалифицированных редакционных и типографских работников. В результате популярность и востребованность местной прессы у аудитории была невысокой, что вызывало трудности с организацией подписки и служило основной причиной убыточности изданий. Выделение дотаций на их содержание являлось мощным рычагом партийного управления деятельностью СМИ.

В первой половине 1930-х гг. системы прессы автономий значительно расширились за счет районных и многотиражных газет, а также молодежных областных изданий. Во второй половине предвоенного десятилетия произошло существенное сокращение этих систем, вызванное, как показало исследование, политическими причинами: усилением идеологического диктата во всех сферах общественной жизни, партийного и цензурного контроля за СМИ. Закрытие газет происходило и в связи с уменьшением объема централизованного финансирования местных изданий.

Основным стимулом формирования системы прессы, обеспечивавшей читателей Хакасии и Горного Алтая информацией на двух языках, на областном, районном и низовом уровне, служили административные реформы и политические кампании 1930-х гг. Проведенное исследование позволило

---

³²⁰ КДА РА. Ф. 1. Оп.1. Д.1057. Л. 63, 141.

сделать вывод о том, что, ликвидация многотиражной прессы и попытки сокращения других газет в исследуемых автономиях, предпринятые в середине 1930-х гг., являлись логическим следствием политических кампаний, проходивших в стране. Для того чтобы достичь единодушной и массовой поддержки проходивших, в том числе репрессивных мероприятий, проводилось сужение информационных потоков и ужесточение их цензурирования. Это позволяло снабжать граждан только идеологически-выверенными сведениями, содержащими лишь одно мнение о событиях, фактах и явлениях, более эффективно воздействовать на сознание людей и манипулировать их поведением.

Радио, появившееся в автономиях в период активного и масштабного культурного строительства, расширило систему СМИ и способствовало активизации взаимодействия средств массовой информации, аудитории, авторов публикаций и медиаинформации. Проведенные областными радиокомитетами радиофикационные мероприятия позволили обеспечить радиослушанием население городов и крупных сел автономий. Организация регулярного областного и низового вещания содействовала формированию у жителей национальных территорий устойчивой потребности не только в обмене социально-значимой, но и в получении оперативной медиаинформации.

К концу 1930-х гг. в автономиях была сформирована устойчивая система СМИ, объединенных на основе централизованного партийного руководства, подчинения общим принципам, среди которых основную роль играл принцип партийности. Эти особенности советских средств массовой информации определяли характер взаимодействия СМИ с другими элементами массово-информационного пространства – аудиторией, авторами публикаций, медиаинформацией и, как следствие, определили особенности МИП Хакасии и Горного Алтая.

2.3. Организация аудитории и авторского актива средств массовой информации Хакасии и Горного Алтая

Одной из важных особенностей советской национальной политики являлась «систематическая поддержка внешних форм существования наций – территории, культуры, языка и элит» национальных меньшинств, которая осуществлялась в «гораздо большей степени, чем национального большинства»³²¹. В этих условиях возникновение в Хакасии и Горном Алтае прессы и, особенно на языках коренных этносов, можно расценивать и как создание одного из символических признаков национальной идентичности (наряду с фольклором, театром, поэзией и проч.). Следовательно, организация газет обуславливалась необходимостью национального самовыражения коренного этноса и, прежде всего, его элиты. Это объясняет приложение руководством автономий больших усилий в решении организационных вопросов, связанных с созданием и продвижением в массы первых газет. Не менее важной и сложно решаемой задачей являлось приобщение к чтению прессы населения Хакасии и Горного Алтая, то есть обеспечение регулярного информационно-пропагандистского воздействия, прежде всего, на целевую аудиторию – рабочих и крестьян.

Формирование аудитории, установление коммуникационных связей между ней и СМИ выступает основным условием возникновения массово-информационного пространства. Под *аудиторией* средств массовой информации мы понимаем *неопределенно большую и относительно устойчивую группу людей, объединенных общей потребностью в получении общественно-значимой информации, выступающую адресатом и потребителем продукции средств массовой информации, имеющую доступ к СМИ и возможности ознакомления с их содержанием*. От численности читателей (слушателей, зрителей), уровня их образования, социальной активности и заинтересован-

---

³²¹ Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР (1923–1939). М., 2011. С. 25.

ности в коммуникации зависит не только эффективность деятельности средств массовой информации, их авторитет в обществе, но и формирование другого элемента массово-информационного пространства – авторов публикаций СМИ. Журналисты и внештатные авторы, являясь частью аудитории, выступают выразителями ее интересов, запросов, мнений, но, в то же время, оказывают на нее воздействие через свои публикации. Поэтому, на наш взгляд, на начальном этапе становления массово-информационного пространства формирование аудитории и авторского состава СМИ необходимо рассматривать как единый процесс.

Анализируя особенности создания аудитории СМИ в 1920–1930-е гг., необходимо разграничивать: 1) аудиторию потенциальную, в состав которой входило практически все население страны или конкретного региона, имевшее доступ к прессе или возможность слушать радиопередачи; 2) аудиторию целевую, на которую ориентировалось то или иное СМИ в зависимости от территории его распространения (область, район, город), языка или профессиональной направленности; 3) аудиторию реальную, которая в действительности являлась потребителем медиаинформации, например, читателями конкретного издания или совокупности газет, распространяемых на конкретной территории. Если первые две категории определяются в результате анализа выходных данных и содержания СМИ, то численность реальной аудитории СМИ Хакасии и Горного Алтая, ее социальный, возрастной, гендерный, профессиональный, национальный состав определить сложно, поскольку такие исследования в рассматриваемый период не проводились. Тем не менее, анализ широкого круга источников дал возможность определить основные факторы, влиявшие на формирование потенциальной и реальной аудитории.

Большую роль в этом процессе играл культурный фактор, поскольку приобщение населения к чтению газет напрямую зависело от темпов, масштабов и результативности кампании по ликвидации неграмотности. В официальных документах, статистических справках и научной литературе присутствуют значительные расхождения в определении числа грамотных,

имевшихся в рассматриваемых национальных регионах. Так, например, С. П. Ултургашев утверждал, что к 1928 г. количество грамотных в Хакасии достигло 38% от общего числа населения округа³²². По данным отдела национальностей при Западно-Сибирском крайисполкоме на 1931 г. в Горном Алтае считались грамотными 59,5% населения, в Хакасии – 40%³²³. П. Хабаров в юбилейном для Ойротской автономии 1932 г. рапортовал о том, что «область прочно встала на путь сплошной грамотности» и имеет 70% грамотных³²⁴. Отметим, что при проведении в 1920–1930-е гг. кампании по массовой ликвидации неграмотности (на русском и национальном языках) грамотным нередко считался тот, кто мог написать свою фамилию. Поэтому высокий процент обученных грамоте, который указывался в официальных документах и сообщался в газетных материалах, можно учитывать лишь с большими оговорками. Это затрудняет определение количества людей, которые в действительности были способны читать газеты и понимать их содержание.

Более полное представление об уровне грамотности и качестве обучения представителей потенциальной аудитории позволяют составить свидетельства очевидцев. Так, в ноябре 1926 г. секретарь газеты «Кызыл Ойрот» А. П. Аргоков был командирован в районы автономной области для того, чтобы завербовать новых подписчиков и тем самым исправить катастрофическое положение национального издания, тираж которого на тот период составлял всего 112 экземпляров. Обследовав наиболее крупные населенные пункты пяти аймаков, представитель редакции выявил 240 грамотных алтайцев, не владевших русским языком, большинство из которых получили образование в ликпунктах. Эти люди, констатировал А. П. Аргоков, «едва лишь справляются с букварем, техника чтения у них еще не выработана, поэтому они не имеют возможности читать газету». Часть из них уже являлась подписчиками

---

³²² Ултургашев С. П. Из истории формирования советской интеллигенции в Хакасии // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Вып. IX. Абакан, 1963. С. 129.

³²³ ГБУНО «ГАНУ». Ф. 47. Оп. 1. Д. 1466. Л. 21.

³²⁴ Хабаров П. 10 лет Советской Ойротии // Десять лет Советской Ойротии: политико-экономический сборник / под ред. Г. Чучкалова. Улала, 1932. С. 11.

«Кызыл Ойрот», но остальные не могли ее выписывать «за неимением средств» и просили высылать им газету бесплатно³²⁵.

Цитируемый документ можно назвать первой и, по сути, единственной попыткой объективного изучения состояния местной аудитории прессы в рассматриваемый период. Несмотря на то, что в отчете превалирует цифровой материал и обобщенное описание содержания бесед с потенциальными читателями, автор документа попытался проанализировать причины медленного формирования реальной аудитории национальной прессы. Он, в частности, выявил, что алтайцы, знающие русский язык и живущие в смешанных селениях, предпочитали выписывать русскоязычную газету «Ойротский край», которая давала им «больше материала для чтения», чем национальная. Русские крестьяне чаще всего выбирали всесоюзную «Крестьянскую газету», подписная цена которой была значительно ниже, чем у областного издания, а содержание «ближе к жизненным вопросам крестьянства». Служащие также игнорировали местную печать, поскольку для них стоимость подписки на нее была выше, чем для крестьян. Закончившие ликбез не имели интереса к газете и практики ее чтения. Многие алтайцы, в том числе и условно грамотные, интересовались национальным изданием, но не имели средств для ее выписки³²⁶. Следовательно, на трудности в привлечении аудитории областной прессы влияли не только уровень грамотности населения, но и отсутствие привычки к чтению газет, потребности в получении медиаинформации, высокая цена и низкое качество содержания местных изданий, недостаток средств на их подписку, плохая работа почты, из-за чего пресса доставлялась с задержкой в две недели и более.

А. П. Аргоков считал, что практика назначения уполномоченных по подписке и деятельность командированных на места редакционных работников не позволит увеличить тираж газеты. Научить читать прессу и привить интерес к ней возможно лишь при организации ее бесплатной рассылки потенци-

---

³²⁵ КДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 373. Л. 20, 21а.

³²⁶ Там же. Л. 22.

альным читателям. Поскольку учредители областных изданий – обком и обл-исполком не имели средств для этого, автор доклада предлагал «разослать воззвания к русскому населению» Ойротии о сборе добровольных пожертвований на организацию подписки и дальнейшего бесплатного распространения национальной газеты среди бедняков-алтайцев³²⁷. Анализ архивных документов показал, что данное предложение реализовано не было, как мы считаем, из-за недостатка у крестьян свободных средств и наличия проблем, существовавших во взаимоотношениях русского и алтайского населения.

Более продуктивным решением данной проблемы оказалась практика организации громких чтоток газет. В середине 1920-х гг. внештатные авторы «Ойротского края» отмечали, что пресса в аймаках «зачитывается до дыр», но процесс самостоятельного чтения проходит сложно, «не без рассуждения и толкований», каждая заметка подвергается обсуждению³²⁸. Партийным организациям рекомендовалось использовать эти особенности потребления медиаинформации «в целях политико-просветительных». Для этого из числа сельской интеллигенции при участии местных органов ВКП(б) предлагалось выделять «газетных чтецов», способных не просто читать, но и идеологически-правильно разьяснять содержание текста³²⁹. К концу 1920-х гг. такая практика стала широко использоваться избами-читальнями.

Эффективность громких чтоток прессы, по нашему мнению, заключалась в том, что они содействовали расширению реальной аудитории за счет включения в нее неграмотных и малограмотных. Но, в то же время, подобная практика лишала их возможности самостоятельного отбора материалов и приучала к пассивному потреблению медиаинформации, что тормозило пробуждение интереса к выписке своего экземпляра газеты. Поэтому местные издания, в том числе и «Ойротский край», продолжали испытывать трудности с привлечением читателей: тираж областного издания оставался низким и в 1927 г. составлял 920 экз. Для вербовки читателей редакция практиковала

---

³²⁷ Там же. Л. 23.

³²⁸ Проезжий. На фронте печати. «Кызыл Ойрот» в Улагане // Ойротский край. 1925. 6 мая. С. 3.

³²⁹ Шипов Я. Организуйте кружки газетный чтецов // Ойротский край. 1925. 6 мая. С. 3.

соревнования между уполномоченными по подписке, плакаты-призывы и обращения, регулярную публикацию сведений о подписной цене, сообщения об аймаках, где было завербовано большее количество читателей. Достижением считалось, если в районе удавалось привлечь не менее 100 подписчиков³³⁰.

Главной причиной сложившейся ситуации, на наш взгляд, являлось то, что для расширения аудитории редакции газет в 1920-е гг. использовали методы пассивного воздействия на население. Публикация призывов и обращений, адресованных в большей степени местным органам власти, не давала ожидаемого результата. Активная пропаганда прессы проводилась лишь отдельными работниками волостных и аймачных исполкомов, комсомольцами и избачами, способными и желавшими нести эту дополнительную нагрузку. Большой успех имела практика финансового стимулирования организаторов подписки. Эти мероприятия приводили к росту числа выписывавших газету, но для увеличения количества читателей были малоэффективны.

Для примера, минусинская газета «Власть труда», обслуживавшая и население Хакасии, во второй половине 1920-х гг. использовала широкий набор методов активной работы с аудиторией: конкурсы на лучшего подписчика и корреспондента, коллективные и индивидуальные «вызовы» на подписку, публикацию «красных досок» с фамилиями наиболее активных распространителей газеты и «черных досок» с указанием тех, кто на призыв включиться в подписную кампанию не ответил. Издание регулярно печатало мнения о газете, получаемые в ходе анкетирования читателей, опросов селькоров и личных встреч журналистов с корреспондентским активом. Это давало редакции представления о социальном и гендерном составе активной части аудитории, ее информационных запросах и интересах. Мнение читателей учитывалось при определении периодичности выхода, размера подписной платы, создании новых рубрик, выборе подходов к освещению различных тем и т. д. Результатом такой комплексной работы являлось стабильный рост числа подписчиков и внештатных авторов, в том числе и из Хакасии. Это позволяло не толь-

---

³³⁰ На каждый аймак не меньше сотни // Ойротский край 1927. 26 февраля. С. 3.

ко увеличивать тираж, но и делать газету интереснее, привлекая тем самым новых читателей.

Отметим, что выбор тех или иных методов и форм работы с аудиторией зависел не только от местных (национальных, географических, административных) условий, но и от качественного состава редакции СМИ. У «Власти труда» в описываемый период уже был сформирован костяк журналистов, тогда как издания Ойротии и «Хызыл аал» испытывали острую нужду в профессиональных кадрах: редакционной работой часто занимался только один человек, совмещавший другие ответственные должности. Организация активных мероприятий по привлечению читателей также требовала дополнительного финансирования для переписки с авторами, проведения конкурсов, читательских конференций и других мероприятий. В условиях высокой убыточности и жесткого дефицита бюджета изданий Горного Алтая и газеты «Хызыл аал», изыскать такие ресурсы было невозможно.

Финансовое благополучие областных радиокомитетов также зависело от числа слушателей, поскольку за пользование радиоточками и приемниками взималась абонентская плата, часть которой в 1930-е гг. шла в бюджет радиоорганизаций. Основная нагрузка по привлечению слушателей возлагалась на уполномоченных по низовому вещанию, которые выполняли функции сборщиков такой платы. Журналисты для расширения аудитории использовали встречи с населением во время командировок или концертов радиоансамблей. Как вспоминает А. К. Килижекова-Кокова, творческие работники Хакасского областного радиокомитета приглашали в свою «радиоизбушку» студентов находившегося рядом педагогического училища, рассказывали им о том, что такое радио. Жители деревень иногда «ловили» передачи областного радио, но не имели представления о том, откуда они транслировались. Привлечение в качестве добровольных помощников и пропагандистов местного радио студентов позволяло работникам радиокомитета узнавать о том, в каких населен-

ных пунктах Хакасии могут регулярно слушать или просто слышать передачи, транслировавшиеся из Абакана³³¹.

Важную роль в формировании аудитории СМИ в 1920-е гг. играл экономический фактор. Хакасия развивалась быстрее, чем Горный Алтай, чему в немалой степени способствовало строительство железных дорог и расширение производства. Восстановление и рост золотодобывающей, угольной, лесозаготовительной и деревообрабатывающей промышленности вызывал миграционный прирост населения, разрастание уже существующих и создание новых рабочих поселков³³². Это обеспечивало увеличение в первую очередь русскоязычной аудитории, облегчало вербовку подписчиков для «Советской Хакасии», способствовало увеличению ее доходности. Вплоть до 1935 г. тираж у данной газеты был в 1,5-2 раза выше, чем у «Красной Ойротии» (см. Приложение 1).

Большое влияние на расширение реальной аудитории местной прессы оказывал и политический фактор, под которым мы понимаем *совокупность процессов, политических институтов, условий, обстоятельств, явлений и событий, которая воздействовала на все сферы деятельности СМИ*. Интерес к средствам массовой информации у людей возникал благодаря появлению устойчивой потребности в получении общественно-важной информации, необходимой для социальной ориентации, адаптации в новых социально-экономических и политических условиях, понимания происходящих событий и выработки представлений о действительности. В дореволюционный период данная потребность формировалась преимущественно самой прессой. Такой вывод нам позволил сделать выборочный анализ изданий, выходивших до революции в сибирском регионе. Для выявления методов привлечения читателей были изучены комплекты газет «Телеграф и Почта», «Минусинский листок», «Минусинский край», «Минусинский вестник» (г. Минусинск).

---

³³¹ Из личной беседы автора с А.К. Килижековой-Коковой, 1920 г. р., записанной 15 января 2006 г. в г. Абакане.

³³² Очерки социально-демографического и культурного развития Хакаско-Минусинского края (XVIII–XX вв.) / Н. Я. Артамонова, В. Н. Асочакова, Н. А. Баранцева [и др.]; отв. ред. Н. Я. Артамонова. Абакан, 2012. С. 96–95.

синск) и журнала «Сибирская деревня» (г. Красноярск), выборочные номера «Сибирской газеты», «Сибирской жизни», «Сибирского вестника» (г. Томск).

Частные издания, существовавшие на средства, получаемые от подписки и публикации рекламы, заботились о приобретении и сохранении своей аудитории. На первом этапе читателя старались заинтересовать содержанием самого издания. Для этого газеты стремились расширять географию сообщений («Иностранная хроника», «По Сибири») и жанровую палитру материалов за счет фельетонов, репортажей и хроники. Они предлагали актуальные авторские комментарии происходящих в стране или регионе событий, знакомили с произведениями местных и российских поэтов и писателей и проч. Для привлечения читателей также использовались разделы, традиционно пользовавшиеся популярностью: объявления, полезные советы, рубрики «Судебная хроника», «Местная хроника» и «Происшествия». Журналы (на примере «Сибирской деревни»), ориентируясь на узко дифференцированную аудиторию, предоставляли ей информацию по ограниченному спектру тем, но при этом использовали различные формы подачи сведений. Газеты освещали более широкий круг тем, делая особый акцент на оперативности информации, выделяя ее специальными рубриками «Телеграммы» или «Сегодня». Материалы внештатных авторов размещались в разделах «Корреспонденции», «Письма в редакцию» («Нам пишут») и «Почтовый ящик».

Широкий выбор информации и оперативность ее предоставления способствовали укреплению интереса к изданию, выработке привычки его чтения, осознанного стремления к тому, чтобы узнавать о событиях и явлениях из прессы. Такая практика оказалась востребованной и в условиях НЭПа, когда местные газеты были переведены на самофинансирование. Так, например, «Власть труда» в первой половине 1920-х гг. на своих страницах сохранила многие рубрики, присущие частным минусинским изданиям, выходившим до 1919 г. Однако, в дальнейшем, в связи с изменением не только экономической, но и информационной политики в СССР, прежняя система привлечения читателей только силами редакций оказалась неэффективной.

Первая причина, на наш взгляд, заключается в том, что созданные в 1920-е гг. газеты представляли собой прессу нового – советского типа, целевой аудиторией которой выступали рабочие и крестьяне. В Хакасии и Ойротии отсутствовали города и крупные промышленные центры, поэтому редакции были вынуждены ориентироваться на инертных в социальном плане и малообразованных сельчан. Проверки на местах показывали, что им было трудно понимать газетные тексты, написанные на недоступном для крестьянина языке, в которых речь шла «о явлениях и понятиях, далеких от его повседневного опыта». «Крестьянин, – констатировали проверявшие, – человек трудовой и ему приходится напрягаться при чтении, он с трудом думает»³³³. В условиях массовой неграмотности населения национальных районов и, прежде всего, коренного, вербовка читателей представлялась делом сложным, формирование аудитории силами лишь редакций происходило медленно, что нарушало принципы массовости и народности советской печати.

Вторую причину мы видим в том, что новая пресса, следуя принципам идейности и партийности, должна была выполнять задачи, поставленные перед ней главным учредителем – ВКП(б) и ее подразделениями на местах. Так, например, газета «Власть труда» свои главные задачи обозначала так: «помочь крестьянскому населению разобраться во всех вопросах внутренней и международной жизни, касающихся его интересов, и помочь партии провести в жизнь стоящие перед ней задачи»³³⁴. И если выполнение первой задачи допускало информирование читателей, то реализация второй предполагала, прежде всего, пропаганду, то есть «навязывание» аудитории материалов, содержащих идеологические установки и посвященных деятельности органов ВКП(б). Усиление идеологической составляющей содержания местной прессы, которое стало заметным к концу 1920-х гг., привело к постепенному вытеснению с газетных полос многих рубрик («Происшествия», «Почтовый ящик», «Крестьянский адвокат» и др.), привлекавших читателей, и замене их

³³³ Шипов Я. Организуйте кружки газетных чтений // Ойротский край. 1925. 6 мая. С. 3.

³³⁴ ГБУНО «ГАНУ». Ф. 2. Оп. 1. Д. 1033. Л. 32.

разделом «Партийная жизнь», передовыми статьями, публикацией отчетов о мероприятиях ВКП(б) и партийных документов, многие из которых являлись перепечатками. В результате пресса все меньше удовлетворяла информационные запросы и интересы аудитории, сокращала объем действительно полезной и востребованной читателями информации.

Третьей причиной можно назвать то, что в 1920-е гг. советская по типу пресса в условиях усиления партийного и цензурного контроля все дальше отходила от традиций персональной журналистики, характерных для дореволюционной российской печати. Личность журналиста была нивелирована, вместо анализа событий и явлений от него требовалась констатация фактов, создание пропагандистских или критических материалов «с учетом текущего момента», то есть политических установок партии. Его роль в обществе была снижена и сведена до функций литературного работника, в обязанности которого входила редакция писем и подготовка их к печати. Собственные журналистские материалы публиковались чаще всего без подписи, что являлось свидетельством деперсонализации творческих работников газеты.

Менялся также стиль работы с аудиторией: вместо адресации призывов и материалов к конкретным читателям и группам целевой аудитории (крестьяне, рабочие, женщины, комсомольцы) редакции все чаще практиковали обращение к обезличенной массе читателей, носившее преимущественно директивный характер. Деперсонализация читателей и журналистов, внешняя и содержательная унификация изданий разрушали прежние традиции установления и поддержания контакта между прессой и ее аудиторией, редакцией и читателем, приводили к снижению интереса к ней. Поэтому с конца 1920-х гг. при организации распространения печати чаще стал использоваться административный ресурс. Так, например, в декабре 1929 г. Хакасский окружной исполком констатировал значительное падение тиража «Хызыл аал» – до 200 экз. Газета, по мнению ее соиздателя, не оправдывала себя ни с экономической, ни с политической точки зрения, не освещала «всю хозяйственно-политическую жизнь округа», что ставило под вопрос ее дальнейшее существо-

ование. В качестве мер по улучшению ее распространения предлагалось «спустить директиву в сельсоветы и провести лозунг – ни одного советского работника-хакаса без газеты «Хызыл аал»», обязать подписаться на нее каждый национальный сельсовет, избу-читальню, школы и отделы райисполкомов³³⁵. Органы ВКП(б) принимали более активное участие в организации подписки: проводили мониторинг подписной статистики, определяли «контрольные цифры» распространения тиража на предприятиях, в учреждениях, в местных комсомольских и партийных организациях, принимали меры к тем, кто подобную разрядку на газеты не выполнял. Наиболее ярко это проявилось в работе молодежных изданий рассматриваемых автономий.

Анализ сохранившихся номеров «Комсомола Хакасии» и подшивок «Ойротского комсомольца» за 1932–1940 гг. показал, что основными проблемами обеих газет была слабая связь с читателями и отсутствие постоянного авторского актива. Вместо разнообразных по жанрам и стилю материалов, написанных живым языком, их страницы заполняли статьи директивного характера. Стилистический анализ материалов внештатных авторов показал, что оригинальные тексты подвергались серьезной правке и превращались в казенные по своему стилю заметки, авторы которых «диктовали» кому и что нужно сделать для исправления положения. Большую часть публикаций составляли официальные документы, рапорты, отчеты, в которых не отражалась реальная жизнь молодежи, слабо освещалась деятельность школ, комсомольских и пионерских организаций.

Рубрикация и основная тематика материалов, по нашему мнению, определялись в большей степени политическими мотивами. Информационные запросы и потребности молодежи не удовлетворялись, что и служило причиной низкого интереса читателей к таким изданиям. Неумение привлечь и заинтересовать аудиторию подменялось диктатом и призывами «добиться коренного перелома», «принять решительные меры», не допускать «никакой пощады

---

³³⁵ НА РХ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 37. Л. 17.

оппортунистической недооценке к делу распространения печати»³³⁶. При этом подписка на неинтересную газету трактовалась как норма, а отказ от нее – как серьезное отклонение от нормы, граничащее с оппортунизмом, т. е. отступлением (отказом) от принципов марксизма-ленинизма.

В организации распространения детского и комсомольских изданий широко использовались принуждение к подписке всех членов ВЛКСМ и определение «контрольных цифр» для местных комсомольских ячеек. Но если при реализации русскоязычных выпусков данных газет такая мера давала определенный эффект, то значительная часть тиража национальных выпусков оставалась невостребованной. Принудительное распространение приводило к тому, что в Хакасии из подписанных в обязательном порядке, но не читаемых из-за незнания национального языка газет делопроизводители райкомов делали конверты или использовали их для хозяйственных нужд³³⁷. Такие примеры показывают, что использование административного ресурса приводило к численному увеличению подписчиков, но не способствовало формированию реальной аудитории и ее потребностей в получении медиаинформации, живого интереса к местным газетам, как источникам информации.

Заметим, что интерес к СМИ определяется в первую очередь их содержанием. При этом основными критериями служат тематическое и жанровое разнообразие материалов, их аудиторная направленность, широта географического охвата событий и явлений, доступность языка и стиля изложения информации. Поэтому в советский период партийными организациями при рассмотрении вопросов о деятельности СМИ постоянно обращалось внимание на эти составляющие их содержания, обеспечивавшие привлечение аудитории. Ответственность за соблюдение данных критериев, выполнение рекомендаций и прямых указаний органов ВКП(б) целиком и полностью ложилась на творческих сотрудников редакций.

---

³³⁶ Кокорин М. Ни одного комсомольца области без газеты «О. К.» // Ойротский комсомолец. 1932. 18 сентября. С. 2.

³³⁷ Анжиганов. Полностью выполнить тираж «Комсомол Хакасии» на нац. языке // Комсомол Хакасии. 1933. 14 февраля. С. 4.

Анализ архивных документов, мемуаров и содержания газет Ойротии позволил сделать вывод о том, что к моменту появления первых периодических изданий в автономии не было собственных журналистских кадров. Редактированием и выпуском прессы занимались ответственные партийные работники, в том числе секретарь обкома ВКП(б) П. Я. Гордиенко. Его материалы, опубликованные в «Ойротском крае» и подписанные псевдонимом «П. Г.», отличали художественный слог, ясность мысли, четкость формулировки идеи, интересное композиционное построение. Наиболее ярко публицистический талант П. Я. Гордиенко проявился в его воспоминаниях, созданных в форме путевых очерков и опубликованных в 1931 г. под общим названием «Ойротия». Это был творческий и неординарный человек. Но, учитывая высокую степень его загруженности на партийно-административной работе и отсутствие у него профессионального журналистского опыта, мы сделали вывод о том, что его участие в массово-информационной деятельности носило эпизодический характер и не могло заметно влиять на воспитание кадров творческих работников СМИ Ойротии.

Первым профессиональным журналистом Хакасии можно назвать Г. И. Итыгина. Сотрудничать с прессой он начал еще до революции, публикуя свои заметки, стихи, басни в изданиях г. Красноярска, в частности, в журнале «Сибирская деревня». В 1916–1917 гг. он выпускал журнал «Сибирская школа», в 1921 г. был назначен председателем Хакасской секции Енисейского губОНО. Г. И. Итыгин активно сотрудничал с «Красноярским рабочим» и другими сибирскими изданиями, пропагандируя достижения образовательной и культурно-просветительской работы в Хакасии³³⁸. Представление об особенностях стиля и характере этого журналиста дает одна из подготовленных им листовок-обращений. Автор, обращаясь к жителям Хакасии коренной национальности, призывал их участвовать в создании школы, в которой преподавание велось бы на «материнском языке», а также в деле устранения

---

³³⁸ См. об этом подр.: Костякова Ю. Б. Г.И. Итыгин – педагог, политик, журналист (К 135-летию со дня рождения) // Реализация этнопедагогических идей в образовательном пространстве России: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. (14–16 мая 2008 г.). В 2 ч. Ч. 1. / под науч. ред. К. И. Султанбаевой, М. Я. Добря. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2008. С.150–152.

«народной темноты и культурной отсталости, которые ведут наш, некогда великий народ – к рабству и вымиранию»³³⁹.

В январе 1924 г. Г. И. Итыгин был назначен председателем ревкома в Хакасский национальный уезд и сразу же наладил тесное сотрудничество с минусинской газетой «Власть труда». Результатом этого стал не только ряд подготовленных им материалов, но и организация регулярных рубрик «По Хакасии» и «По Хакасскому краю», привлечение к корреспондированию представителей интеллигенции, в том числе и национальной. Г. И. Итыгин приложил много усилий для создания газеты «Хызыл аал». Занимая должность председателя совета по просвещению национальных меньшинств Сибирского краевого отдела народного образования, он вплоть до своей смерти в декабре 1928 г. не прекращал сотрудничать с прессой, публиковался в журнале «Просвещение Сибири», писал статьи о развитии образования в Хакасии, Горном Алтае и других сибирских национальных территориях. Но газетных работников, равных по уровню образования и профессиональной подготовки Г. И. Итыгину, в Хакасии было крайне мало. Учитель и юрист М. И. Райков, сотрудничавший с прессой еще до революции, был чрезмерно перегружен административной работой. Другой талантливый журналист И. В. Барашков-Эпчелей (Энчелей) по политическим мотивам был вынужден уехать из Хакасии и продолжил литературную деятельность в Москве³⁴⁰.

Журналистский корпус автономий формировался в сложных политико-экономических условиях, поэтому об этих людях, условиях и особенностях деятельности сохранилось крайне мало свидетельств. О творческой стороне работы первых журналистов также судить очень сложно, поскольку публикации, подготовленные штатными сотрудниками редакций, по традиции того времени часто публиковались без подписи авторов.

Особенности государственной информационной политики в сфере СМИ в значительной степени определяли порядок формирования руководящего

---

³³⁹ МКУ «Архив г. Минусинска». Ф. 25. Оп. 1. Д. 163. Л. 126.

³⁴⁰ РГАЛИ. Ф. 1125. Оп. 2. Д. 868. Л. 1–40; Махно Ю. Рядом с Катановым // Хакасия. 2012. 12 мая. С. 4.

состава редакций. Например, в 1922 г. ЦК РКП(б) в целях усиления партийного влияния на прессу рекомендовал назначать редакторами газет «достаточно компетентных и авторитетных членов партийных комитетов», а также вводить в состав редакций «выдержанных партийных товарищей», освободив их от всех других общественных и административных обязанностей³⁴¹. На местах, где выбор таких кандидатур был ограничен, направление на работу в редакцию часто имело форму партийного поручения, выполняемого одновременно со своими основными обязанностями. Например, заведующий об-лОНО А. Сыркашев редактировал также «Кызыл Ойрот» и «Ойротский комсомолец» на русском и алтайском языках³⁴². Такая нагрузка сказывалась на отношении редакторов из числа партийно-советских чиновников к руководству СМИ. В первые годы существования газет смена редакторов «Ойротского края» происходила как минимум два раза в год. Относительная стабильность наступила в 1926 г. после назначения на этот пост Т. Ф. Домрачеве-ва. В 1929 г. издание возглавил профессиональный журналист И. Г. Зобачев, имевший восемь лет газетного стажа и опыт руководства газетами в Барнауле, Новосибирске, Минусинске, Бийске и Верхнеудинске³⁴³. Подняв «Ойротский край» «на должную высоту», он был переведен на другое место работы.

Более сложной являлась ситуация с подбором кандидатуры редактора национального издания, поэтому ответственным за его выпуск нередко по совместительству назначали редактора «Ойротского края». Данную ситуацию очевидцы называли «комедией», поскольку такой выпускающий, совершенно не владея алтайским языком, готовил газету, но «что в ней писалось – аллаху известно»³⁴⁴. В 1931 г. журналистский корпус Ойротии состоял из трех редакторов газет и пяти литературных работников. Последние имели низкую общую и политическую подготовку, не обладали опытом журналист-

³⁴¹ О периодической печати: Циркуляр ЦК РКП(б) от 20 февраля 1922 г. // КПСС о средствах массовой информации и пропаганды. М., 1979. С. 67–68.

³⁴² КДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 914. Л. 1.

³⁴³ ГБУНО «ГАНО». Ф. 2. Оп. 1. Д. 4004. Л. 113.

³⁴⁴ ГБУНО «ГАНО». Ф. 2. Оп. 1. Д. 3369. Л. 710.

ской работы и нуждались в получении профессионального образования³⁴⁵. При формировании штата СМИ широко использовалось «выдвиженчество» из числа селькоров, что позволяло формально решать кадровый вопрос, но не приводило к улучшению работы редакций.

При создании «Советской Хакасии» использовался другой прием, когда на укрепление штата присылали сотрудников из других изданий. Так, например, из Томска в редакцию была переведена Е. И. Степанова, имевшая четыре года газетного стажа. «Власть труда» откомандировала одного из самых активных рабселькоров Б. А. Ковалевского, выпускающего А. Снеткова и заместителя редактора Н. Н. Лебедева. Последний возглавил новое издание, наладил работу редакции, но до своего перевода в Новосибирск успел заложить только основу областной газеты. С конца 1930 г. редактором стал И. И. Кавкун, который возглавлял «Советскую Хакасию» вплоть до весны 1937 г.

Преобразование Хакасии в автономную область позволило расширить штат «Хызыл аал» до четырех человек, а в 1932 г – до шести. Но люди, которые пришли в газету, журналистского опыта не имели. Помимо трудностей, непосредственно связанных с профессиональной деятельностью, на них возлагались обязанности по организации рабселькоровского движения, пропаганде новотюркского (латинизированного) хакасского алфавита, разработке новой терминологии, участию в политических кампаниях, в выборной агитации и т. д. Подобная ситуация с перегрузкой журналистов общественными поручениями в 1930-е гг. была характерна и для других СМИ, что существенно сдерживало профессиональный рост новых газетных работников, налаживание обратной связи с аудиторией и подготовку внештатных корреспондентов. Физическая перегрузка сотрудников сказывалась на качестве оформления и содержании газет, страницы которых заполнялись преимущественно официальными материалами и изобиловали опечатками и ошибками.

Например, в первые годы своего существования «Советская Хакасия» часто подвергалась критике со стороны Хакасского обкома ВКП(б) за не-

---

³⁴⁵ Там же. Ф. 3. Оп. 4. Д. 366. Л. 33.

брежное оформление и безграмотность текстов. Заместитель редактора А. К. Чепсаров оправдывался тем, что «в газете собственно редакторской журналистской работой занимаются только два человека», поскольку редактор И. И. Кавкун, будучи партийным функционером, вычиткой материалов не занимался. Обком посчитал целесообразным освободить А. Чепсарова и Е. Степанову от всех дополнительных партийных нагрузок³⁴⁶. В результате журналисты смогли сосредоточиться непосредственно на работе в газете, поэтому в 1932–1933 гг. произошла заметная активизация работы с внештатными авторами, увеличился объем местной информации, расширилась география публикаций, был организован выпуск тематических полос, ориентированных на целевую аудиторию (крестьяне, рабочие, комсомольцы и т. д.). Благодаря этому удалось привлечь к газете интерес широкой аудитории.

Однако пресса и, впоследствии, радиовещание рассматриваемых территорий на протяжении 1920–1930-х гг. испытывали постоянный кадровый «голод», который обострился с началом создания в автономиях районной и многотиражной прессы. В отчете о проведенном в 1934 г. обследовании редакций местных изданий Хакасии была нарисована картина их поистине плачевного положения. Так, например, редакция газеты «Большевицкий путь» (Богградский район) состояла из одного редактора, который «сам организовывал материал для газеты, писал, редактировал, печатал на пишущей машинке и выпускал». Газета печаталась в типографии соседнего Краснотуранского района, находившейся в 54 км от с. Боград, поэтому выходила от случая к случаю, и за весь 1934 г. вышло только четыре номера³⁴⁷. В этом же году Ойротский обком ВКП(б) охарактеризовал положение с журналистскими кадрами как «катастрофическое» и просил Западно-Сибирский крайком партии прислать группу газетных работников для укрепления штатов областных и местных газет³⁴⁸.

---

³⁴⁶ НА РХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 196. Л. 152.

³⁴⁷ НА РХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 299. Л. 54.

³⁴⁸ КДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 711. Л. 2.

Недостаток квалифицированных кадров, способных заниматься журналистской работой, был вызван, на наш взгляд, несколькими причинами. Первая и основная заключалась в критериях отбора газетных сотрудников. Поскольку печать являлась партийным органом и оружием идеологической работы, в ней могли работать только кадры, доказавшие свою преданность новой власти. Поэтому при формировании штатов отбирались люди зачастую без опыта газетной работы и даже без достаточного образования, но прошедшие необходимую политическую подготовку в армии или в партийно-административных органах.

Вторую причину мы видим в использовании практики назначения руководителями СМИ ответственных партийных работников. Редактор-назначенец относился к своим обязанностям формально и больше занимался выполнением партийных поручений. Например, Г. Н. Кучендаев, будучи в 1935–1936 гг. председателем Хакасского областного радиокомитета, по основному месту работы занимал должность ответственного секретаря Хакасского облисполкома. Проведенное нами исследование документации ХакасОблРК показало, что он не вмешивался в деятельность радиокомитета, выполнял свои обязанности номинально, не проводил организационную или творческую работу и даже не подписывал приказы. Решением технических, кадровых, организационных вопросов занимался А. Я. Балакчин – заместитель председателя ОблРК по технической части.

В районах на начальном этапе существования местных газет редакторами также нередко назначали секретарей партийных комитетов, которые не могли, а часто и не хотели заниматься организационной и кадровой работой в газете. Кроме того, не имея практического журналистского опыта, они не могли учить новых работников ни технологии выпуска газеты, ни азам профессии. Поэтому от такой практики постепенно отказались. Но в 1937–1938 гг., когда практически все редакторы «первой волны» были репрессированы, во главу коллективов СМИ вновь стали ставить партийных функционеров. Работу одной из них – Саражаковой, ставшей по распоряжению обкома партии редак-

тором национального издания «Хызыл аал», коллеги в 1939 г. описывали так: «Она по совместительству является секретарем партячейки и проводит там весь день. Что мы делаем – это совершенно не ее дело, она даже не заходит, не спрашивает, что за номер, как его готовят»³⁴⁹. Практика назначения сотрудников на ответственные должности позволяла ВКП(б) устанавливать непосредственный контроль над своими печатными органами и в какой-то мере содействовала повышению не творческого, а, скорее, идейного уровня редакций. Командирование номенклатурных работников «на укрепление» штатов газет нередко рассматривалось как понижение по служебной лестнице или наказание за допущенные дисциплинарные проступки, что сказывалось на отношении «прикомандированных» к работе в СМИ и на атмосфере в трудовом коллективе.

Решением кадрового вопроса могло стать приглашение опытных журналистов из других регионов. Но подобные случаи были крайне редкими, потому что таким работникам не могли обеспечить даже минимальные условия для проживания. Дефицит жилья в Абакане и Улале приводил к тому, что даже штатные сотрудники газет нередко снимали «угол», жили в подсобных помещениях редакций или в ведомственном жилье, рискуя в любой момент оказаться со всей семьей на улице. Это заставляло многих искать работу в СМИ других регионов, где жилищный вопрос был не таким острым. Отсутствие нормальных бытовых условий являлось одной из причин того, что практически все редакции испытывали острую нужду в опытных работниках.

Третьей причиной нехватки журналистов можно назвать то, что в автономиях не были обеспечены условия для их профессиональной учебы и творческого роста. Система подготовки газетных кадров в Сибири стала создаваться в начале 1930-х гг., когда в Западно-Сибирском Коммунистическом университете (Новосибирск) впервые были проведены шестимесячные курсы редакторов районных газет, а на следующий год подобные трехмесячные курсы сделали постоянными. В университете открыли газетное отделение с

---

³⁴⁹ КГБУ «ГАКК». Ф. П-26. Оп. 1. Д. 526. Л. 119.

двухгодичным сроком обучения, хотя почти год оно «не было укомплектовано специальными работниками»³⁵⁰. Краткосрочные курсы проводились и в других сибирских городах. Сотрудников редакций отправляли на учебу в Редакционно-издательский техникум, на годовые курсы марксизма-ленинизма в г. Новосибирск. Руководители районных и городских газет повышали квалификацию на двухмесячных курсах редакторов в Барнауле, а главы областных изданий обучались в Высшей школе пропагандистов при ЦК ВКП(б).

Но ввиду высокой загруженности местных журналистов их чаще всего отправляли только на краткосрочные газетные курсы, которые давали лишь небольшой объем теоретических знаний, не подкрепленных практикой. Для более серьезной подготовки требовалось длительное обучение с отрывом от производства. Однако места, выделяемые национальным территориям в Коммунистическом институте журналистики (Ленинград), не использовались «по причине отсутствия соответствующей кандидатуры» и невозможности отпустить кого-либо из аппарата редакции³⁵¹. Кроме того, для поступления в школу газетных работников трудно было подобрать кандидатуры из числа коренного населения, которые являлись бы членами партии и имели даже незаконченное среднее образование³⁵². К этому необходимо добавить слабое знание русского языка даже у литературных сотрудников национальных изданий и переводчиков ОГИЗа, что выявляется в результате анализа рукописных документов (писем, автобиографий, заявлений), подготовленных ими. Поэтому основной формой обучения для многих журналистов служили совещания редакторов в обкоме ВКП(б) и посылка в районы руководителей газет для проведения совещаний с редакторами стенных изданий.

В 1930-е гг. штатными работниками редакций газет часто становились бывшие учителя, крестьяне, рабочие. Формально являясь литературными сотрудниками, эти люди были вынуждены на практике и в короткие сроки осваивать азы журналистской деятельности. Однако масштабным такое выдви-

---

³⁵⁰ ГБУНО «ГАНУ». Ф. 3. Оп. 4. Д. 369. Л. 107–113.

³⁵¹ НА РХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 227. Л. 54.

³⁵² КДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 991. Л. 7.

жение на газетную работу не было и, несмотря на растущую численность рабселькоров, штаты областных и районных изданий постоянно были не укомплектованы. Так, в начале 1937 г. в Хакасии выходило 10 областных, районных и многотиражных изданий и 168 стенгазет, с которыми активно сотрудничали (согласно отчетам редакций) 2036 внештатных авторов (подсчитано нами – Ю. Б.). При этом в областной и районной прессе вместо 58 сотрудников трудилось только 33, т. е. нехватка составляла 42 % от общего количества штатных единиц. Причем, вакантными практически во всех редакциях были должности заведующих отделами, заместителей редакторов и литературных работников. Руководство автономии регулярно обращалось в краевой отдел печати с просьбами прислать журналистов, поскольку «внутри области людей, которые бы могли занять эти должности, нет»³⁵³. В Горном Алтае во всех районных изданиях требовались заместители редакторов. Из-за отсутствия кандидатур на должность редакторов из 11 газет области две выходили с большими перерывами, а еще две не выпускались совсем³⁵⁴.

Формирование штатов областных радиокомитетов происходило примерно так же, как и в газетах: председателя комитета и редактора политического вещания назначал и снимал с должностей обком партии, уполномоченных по радиовещанию на местах – горкомы и райкомы ВКП(б), редакторов детского вещания курировал обком комсомола. Подбор и расстановка остальных работников осуществлялись председателем ОблРК, который руководствовался личными представлениями о журналистике и профессиональных качествах, которые требовались радиожурналисту. Требования «политической благонадежности» заставляли подбирать в штат людей с «рабоче-крестьянским» социальным происхождением, преимущественно молодых, поскольку они в силу своего возраста не могли скомпрометировать себя, например, участием в белогвардейской армии. В большинстве случаев люди в радиокомитеты набирались практически «с улицы». Анализ книг

---

³⁵³ НА РХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 523. Л. 11–12.

³⁵⁴ КДА РА. Ф.1. Оп. 1. Д. 991. Л. 1.

приказов ОблРК показал, что в 1935–1936 гг. половина из числа принятых на работу были уволены «по собственному желанию» и с формулировкой «не справился с обязанностями». Образовательный уровень новых сотрудников был невысок, поэтому в Хакасском ОблРК в мае 1936 г. пришлось организовать курсы, на которых артистов-хакасов обучали общеобразовательным предметам и нотной грамоте.

Трудности с обеспечением областных радиокомитетов квалифицированными кадрами объясняются тем, что в стране была неразвита система подготовки радиожурналистов. Уполномоченных по низовому вещанию и дикторов начали отправлять на курсы лишь со второй половины 1937 г. Однако остальных сотрудников вплоть до середины 1950-х гг. обучали азам профессии по принципу «делай, как я» на рабочем месте в радиокомитетах. Опытные (по возрасту и профессиональному стажу) работники составляли явное меньшинство, что сказывалось на качестве передач. Ситуация с подбором кадров для национального вещания была более сложной. Так, в Горном Алтае из-за отсутствия подходящих кандидатур первые программы на алтайском языке вышли в эфир только в конце 1934 г., когда редакцию возглавил П. В. Кучияк – писатель-самоучка, а в тот период уже известный алтайский литератор, произведения которого в 1920–1930-е гг. печатали местные и центральные издания³⁵⁵. Он не только организовал национальное вещание, но и эффективно использовал его в культурном просвещении представителей коренного этноса Ойротии. П. В. Кучияк оказал активное содействие в организации при ОблРК радиоансамбля, проведении радиовечеров, во время которых слушателей знакомили с произведениями начинающих национальных писателей. Ему принадлежит инициатива по установлению творческих связей между радиокомитетами Хакасии и Горного Алтая, о чем можно судить по его письму-обращению о сотрудничестве, посланному в Хакасский обком ВКП(б) в 1935 г.³⁵⁶.

³⁵⁵ Баскаков Н. А. К истории изучения алтайского языка // Ученые записки ГА НИИЯЛИ. Вып.2. Горно-Алтайск, 1958. С. 36.

³⁵⁶ НА РХ. Ф.2. Оп.1. Д.367. Л.63-63а.

Еще одной причиной постоянной нехватки кадров СМИ можно считать увольнение сотрудников по политическим мотивам, которые продолжались вплоть до 1941 г. Подозрения и прямые обвинения журналистов в «неправильном классовом происхождении», в различного рода «уклонах», «контрреволюционной» и «буржуазно-националистической» деятельности, «пособничестве врагам народа» особенно активно озвучивались в период массовых политических репрессий. В 1937 г. Хакасское Управление НКВД разработало список мероприятий по выполнению «контрольных цифр» арестов. Среди прочего предусматривалось взятие под стражу работников редакций всех газет области, радиокомитета и издательства³⁵⁷. Реализация этого плана привела к тому, что к концу 1937 г. руководители всех СМИ и многие журналисты были уволены с работы и арестованы.

Репрессии существенно изменили кадровый состав редакций СМИ и привели к новому «кадровому голоду»: авторы докладных записок и отчетов постоянно ссылались на большие трудности с комплектацией штатов редакций. Так, в мае 1938 г. председатель ХакОблРК М. П. Дербенев сообщал в обком партии, что из 27 штатных единиц «имеется всего 20», нет основных творческих сотрудников – редакторов политического вещания, агитации и пропаганды, «Последних известий»³⁵⁸. Изучение архивных документов и, в первую очередь, списков сотрудников СМИ, позволило сделать вывод о том, что в 1937–1939 гг. состав всех редакций Хакасии и Ойротии обновился практически полностью, а смена редакторов происходила неоднократно. Например, в онгудайской районной газете «Кызыл Мергендучи» (Ойротия) в конце апреля – начале мая 1937 г. был заменен редактор и приняты на работу новые сотрудники практически на все ответственные редакционные должности (ответственный секретарь, зам. редактора, бухгалтер и др.)³⁵⁹. Из 16 сотрудников «Советской Хакасии» 15 были приняты на работу в 1937–1938 гг. (подсчитано нами – Ю. К.). Некоторые журналисты были направлены «на

³⁵⁷ Абдин Н. С. Политические репрессии в Хакасии // Политические репрессии в Хакасии и других регионах Сибири (1920–1950-е гг.): материалы межрегиональной науч.-практ. конф. Абакан, 2001. С. 15.

³⁵⁸ НА РХ. Ф. 2 Оп. 1. Д. 607. Л. 63.

³⁵⁹ КДА РА. Ф. 373. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-4.

укрепление» местных изданий, но большинство фамилий тех, кто трудился ранее в прессе, больше не встречались в списках работников СМИ. Часть из них была репрессирована, другие сменили профессию и место работы или покинули пределы своих областей. Заметно изменился возрастной и образовательный уровень работников редакций. Средний возраст журналистов-новичков в Хакасии (по справкам за 1940 г.) составлял 20-22 года. Высшее образование в лучшем случае было только у редактора, у большинства сотрудников лишь 5-7 классов. Профессиональных журналистов в обновленных редакциях были единицы, остальные в графе «основная специальность» писали «учитель», «бухгалтер», «библиотекарь», «веттехник», «мастер мех-завода» и т. д.

Для сохранения работоспособности областных СМИ, наиболее пострадавших во время репрессий, их штаты укреплялись за счет сотрудников районных газет, на областном радио – за счет перевода уполномоченных низового радиовещания в редакцию радиокомитета. Но в результате подобной практики решения кадровых вопросов и продолжавшихся репрессий, в ходе которых пострадали и журналисты районно-городской прессы, выпуск газет и радиовещание в ряде районов на некоторое время были полностью прекращены. Например, в Горном Алтае из-за отсутствия работников не выходили районные издания в Эликмонарском, Улаганском и Чойском аймаках³⁶⁰. Кадровую проблему пытались решить за счет привлечения в штаты газет и радиокомитетов наиболее активных рабселькоров. Но эта практика не дала положительного результата, поскольку направленные в редакции по «партийному поручению» не имели соответствующего опыта и знаний, а часто и желания заниматься газетной работой.

Серьезной причиной дефицита кадров в СМИ, на наш взгляд, являлось и преувеличение значения рабселькоровского движения. Внештатные корреспонденты, количество которых значительно превышало число штатных журналистов редакций, составляли основную часть авторского актива прессы.

---

³⁶⁰ КДА РА. Ф.1. Оп. 1. Д. 1040. Л. 7.

Рабселькоры расценивались как кадровый резерв редакций газет, из которого можно и нужно выдвигать на журналистские должности наиболее активных и политически благонадежных людей. В 1930 г. из Москвы на места была даже спущена разрядка – заменить 25% литературных работников на выдвинутых из числа рабселькоров-ударников, организовав для них практическое, политическое и теоретическое обучение непосредственно в редакциях³⁶¹. Но в автономиях, где система прессы находилась в стадии становления, заменять рабселькорами было просто некого.

Редакции заставляли вести активную работу с внештатными авторами, увеличивать их ряды, учить, наставлять, проводить для них курсы и совещания, нацеливать на активное сотрудничество с газетами. Они также были обязаны вести учет таких корреспондентов, регулярно отчитываться о динамике роста их рядов, социально-классовом составе и благонадежности, о количестве присланных и опубликованных писем, проценте подтверждения сообщенных фактов и мерах, принятых по «сигналам с мест». Наиболее активной такая отчетная деятельность была в 1920-е – первой половине 1930-х гг. Цифровой материал использовался в пропагандистских целях, например, для доказательства массовой поддержки гражданами власти, для подтверждения реализации принципов массовости и народности советских СМИ.

Темпы развития рабселькорского движения в национальных регионах напрямую зависели от сроков возникновения местных газет, их типографских (тираж, периодичность, объем) и языковых особенностей. Так, в 1923 г. редакция «Ойротского края» в своей анкете указывала: «рабкоров нет, крестьянских корреспондентов 15, военкор один»³⁶². У национального издания «Кызыл Ойрот» в 1925 г. было только семь постоянных корреспондентов³⁶³. В 1927 г. русскоязычное издание сообщало уже о 132 внештатных авторах, в том числе о шестнадцати женщинах-корреспондентах³⁶⁴. В справке о состоянии рабселькорского движения в Сибирском крае на 1 января 1930 г. отме-

³⁶¹ ГБУНО «ГАНУ». Ф. 3. Оп. 3. Д. 268. Л. 1-7.

³⁶² КДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 117. Л. 11.

³⁶³ Там же. Д. 288. Л. 27.

³⁶⁴ ГБУНО «ГАНУ». Ф. 2. Оп. 1. Д. 1667. Л. 122.

чалось, что оно «в Сибири крепнет, растет», но «идет впереди своих руководителей – газет» и протекает стихийно. Следствием этой «стихийности» считался высокий процент авторов-служащих (до трети и более) и незначительное число колхозников, батраков, бедняков³⁶⁵. Эта тенденция была заметна и в работе «Ойротского края»: рабкоров издание не имело из-за неразвитости местной промышленности, 80 авторов были «крестьянами от сохи», а 52 являлись представителями сельской интеллигенции.

В разные периоды времени перед рабселькорами ставились различные задачи. В 1920-е гг. статус и цели внештатных авторов определялись следующим образом: «Они – разведчики советской общественности, разведывают о недочетах и недостатках, слабых местах общей работы по укреплению нашего хозяйства, и через советскую печать постоянно доводят до всеобщего сведения об этом, и тем обращают внимание соответствующих органов, учреждений, лиц на то, с чем надо бороться»³⁶⁶. Критическая и даже критиканская деятельность рабселькоров поощрялась, от трети до половины полученных писем редакции отправляли на расследование, периодически сообщая читателям о принятых мерах и наказании виновных. Таким образом, сотрудничество с газетой позволяло проявить себя наиболее активной части аудитории, желавшей публично высказать свое недовольство «беспорядками» и «нарушителями». Но, как констатировали редакторы газет, только треть из единожды написавших в редакцию («случайных» корреспондентов) начинала сотрудничать регулярно.

Сам факт публикации в газете и особенно сообщение о принятых мерах выделяло человека из среды односельчан, но существенно осложняло его жизнь. А. Гребнева вспоминала, что после ее участия в I окружном слете рабселькоров Хакасии ее дом подвергся нападению «кулацких элементов», а она сама – угрозам и даже уголовному преследованию по подозрению в покушении на убийство. Гонения вынудили девушку уйти из дома. Но компен-

---

³⁶⁵ Там же. Д. 4334. Л. 1-2.

³⁶⁶ Там же. Д. 319. Л. 148.

сацией за лишения стало принятие ее в штат газеты, дальнейшая учеба и работа учителем³⁶⁷. Таким образом, рабселькорство помогло ей сделать карьеру и получить две престижные профессии.

Социально активные рабселькоры брались на заметку и нередко получали «путевку в жизнь»: направлялись на руководящие должности, на учебу в совпартшколу и вузы. Часть рабселькоров отправляли на курсы газетных работников и впоследствии включали в штаты СМИ. Особенно заметным такое выдвижение на газетную работу стало в конце 1930-х гг., когда в результате массовых политических чисток ряды профессиональных журналистов существенно поредели. Так, в 1938 г. редактор «Ойротского края» сообщал о результатах «выдвиженческой» кампании: «Елдошев Калаш был самым активным селькором, он имел неразрывную связь с областной и районной газетами, выдвинут на зам. председателя Онгудайского аймакисполкома. Бабинов П. – избач, Момонашев Василий – избач в Эликмонарском аймаке, Чекурашев – секретарь районной газеты»³⁶⁸.

Сотрудничество с газетами, на наш взгляд, являлось дополнительным, а не основным фактором при принятии решения о назначении таких людей на новые должности или отправке их на учебу. Демонстрация в СМИ непримиримого отношения к социально вредным и опасным недостаткам, умения разоблачать «врагов народа» или пропагандировать передовой опыт давали таким людям дополнительный «бонус» и, как следствие, возможность получить образование и перейти в категорию работников умственного труда. Недостатком подобного явления можно назвать то, что на примере таких рабселькоров формировался устойчивый стереотипный образ нового интеллигента, где главным считалось его беднячко-батрацкое происхождение, интеллектуальное воспитание подменялось политическим самообразованием, а гуманизм – преданностью делу партии. Примитивные и политически ангажированные материалы таких авторов становились образцами для подражания и

---

³⁶⁷ Гребнева А. Первая девушка-селькор // Советская Хакасия. 1948. 5 мая. С. 2.

³⁶⁸ КДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1040. Л. 7.

определяли «лицо» любого издания. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. сельских корреспондентов ориентировали, прежде всего, на показ позитивных изменений в деревне, пропаганду передового опыта сельчан. Для рабкоров основной темой должно было стать стахановское движение. От внештатных авторов требовались «примеры», описываемые по принципу «что вижу – то пишу». Такое намеренное сужение тематики, упрощение форм подачи информации до заметок в несколько строк не создавало возможностей для интеллектуального роста рабселькоров.

Политические репрессии, которые в Хакасии и Ойротии начались с 1934 г. в связи с делом «Союза сибирских тюрок» и приобрели особый размах в 1937–1939 гг., исключили из состава рабселькоров, в первую очередь творческую и управленческую интеллигенцию, а также наиболее социально активных авторов. Так, например, в Ойротии НКВД в пяти аймаках арестовало 67 бывших селькоров³⁶⁹ (от 9 до 16 в каждом аймаке – подсчитано нами – Ю. К.). Если учесть, что районное издание в лучшем случае имело до 200 внештатных авторов, из которых лишь четверть являлась постоянными корреспондентами, то такие аресты и элементарный страх за свою жизнь привели к значительному сокращению количества людей, сотрудничавших с местной прессой.

Сопоставление отчетов СМИ по работе с рабселькорами с содержанием газет показал, что большую часть из тех, кого «записывали» в рабселькоры составляли партийные работники, руководители различного ранга, учителя, агрономы и другие специалисты. Материалы, поступавшие от них, представляли собой, например, отчеты о партсобраниях, советы по выращиванию сельхозкультур, анализ причин второгодничества школьников и т. д.

Во вторую по величине группу авторов можно объединить тех, кто «сигнализировал» о разного рода нарушениях и преступлениях, а также разоблачал «врагов народа». Такие корреспонденты ограничивались сообщением фактов и описанием своих подозрений. Вербовка журналистов из данной

³⁶⁹ Посчитано нами по: КДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1040. Л. 6.

группы внештатных авторов, на наш взгляд, была малопродуктивной, поскольку большинство из них обладало крайне низким уровнем образования и своей целью считало очищение общества от «врагов», которое нередко принимало формы доносов и сведения личных счетов.

Третью группу составляли рабселькоры, которые не только периодически писали в газету о событиях на своем предприятии или в колхозе, но и поддерживали личную связь с редакцией, получая советы, инструкции, указания по выбору актуальной темы и ее освещению. Именно они составляли так называемый авторский актив редакции и могли при определенных обстоятельствах перейти на работу в СМИ. Однако успех такой смены профессиональной деятельности, на наш взгляд, зависел не столько от активности редакции по вербовке новых сотрудников, а от личных качеств и собственного желания корреспондента. Немаловажную роль также играло наличие/отсутствие у кандидата образования и творческих способностей.

Определяя социальный статус авторов публикаций СМИ, их место в обществе, степень взаимодействия с аудиторией и влияния на нее, необходимо, на наш взгляд, рассматривать данный вопрос через призму теории лидеров общественного мнения (ЛОМ)³⁷⁰. Исследователи, в частности П. Лазарсфельд, Б. Берельсон, Х. Годэ, указывают место этих лидеров в так называемой двухуровневой (двухступенчатой) модели коммуникации, определяя их роль как посредников в процессе передачи сообщений. Согласно этой теории, идеи часто передаются от средств массовой информации к лидерам общественного мнения, то есть наиболее активным членам общества, а от них – к менее активным слоям населения³⁷¹. В модели массово-информационного пространства функциями таких лидеров, помимо ретрансляции информации, полученной из СМИ, является также выражение в средствах массовой информации мнений и позиций общества по различным вопросам общественно-

---

³⁷⁰ См. об этом. подр.: Костякова Ю. Б. Вклад советской интеллигенции в формирование лидеров общественного мнения в 1930-е гг. (на примере Хакасии) // Интеллигенция и мир. 2011. № 3. С. 117–134.

³⁷¹ См., напр.: Грачев М. Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. М., 2004. С. 81.

политической жизни. Следовательно, авторы публикаций могут рассматриваться и как лидеры общественного мнения.

С учетом исторической и политической специфики изучаемого периода и национальных особенностей региона, в качестве таких лидеров мы рассматриваем людей, которые в силу возраста, социального положения, личных качеств, интеллектуального и образовательного уровня, или благодаря служебным и политическим полномочиям обладали авторитетом в обществе или конкретной социальной группе, а также возможностями эффективно воздействовать на своих сограждан (земляков, соплеменников). В Хакасии и Горном Алтае в дореволюционный период и в первое десятилетие советской власти ими, на наш взгляд, являлись преимущественно неформальные лидеры – старейшины, священнослужители (шаманы), баи (кулаки), представители интеллигенции (учителя, чиновники, общественные деятели). Отметим, что каждый из них воспринимался не как представитель какой-либо классовой, социальной или возрастной группы, а был четко персонифицирован, обладал собственной репутацией, происхождением, «родовыми признаками» (принадлежность к определенной семье, роду, фамилии, этнической группе, жителям населенного пункта). Но большая часть из них по своему классовому происхождению или убеждениям не устраивала новую власть. Поэтому для борьбы с политически опасными «неформалами» использовались различные методы: последовательное ущемление в правах, устранение из органов власти и различных организаций, активная критика и контрагитация, раскулачивание, идеологическая и трудовая «перековка».

Одновременно шло выдвижение лидеров общественного мнения новой формации, которыми становились передовики производства, работники партийно-советского аппарата, руководители промышленных предприятий и новая советская интеллигенция, в том числе журналисты. В отличие от неформальных лидеров, которые нередко преследовали личные цели (поднятие собственного авторитета, получение материальной выгоды) и действовали в зависимости от личных убеждений, взглядов, установок, уровня знаний и

возможностей, формальные лидеры имели единые и четкие установки, цель (пропаганда нового строя и идей коммунистической партии) и отработанную методику ведения агитационной работы. Источниками исходной идеологической информации для них были: партийные документы; директивные статьи и в целом материалы СМИ; установки, даваемые на собраниях, митингах, профессиональных и политических курсах. Необходимо отметить также системность и жесткое руководство, как процессом подготовки таких лидеров, так и их деятельностью.

Анализируя журналистов, как представителей профессионального сообщества, в качестве лидеров общественного мнения, мы имеем в виду именно профессиональных литературных работников редакций газет и радиовещания. Трудность в оценке их лидерской роли в обществе заключается в том, что штат даже областных газет рассматриваемых автономий состоял из одного или нескольких творческих работников, в задачу которых входила работа по организации, обработке, редактированию писем и заметок внештатных корреспондентов, подготовке так называемых «авторских» материалов партийных и хозяйственных работников. Ввиду нехватки в редакциях квалифицированных кадров и их высокой загруженности, на собственное творчество у журналистов часто не хватало времени и сил. Например, редактор областного издания «Крестьянская газета на посту Хакасии» Б. А. Ковалевский в своем письме в Красноярский крайком и Хакасский обком партии в 1931 г. сообщал: «Сам собираю материалы, сам пишу и сам редактирую. Вся работа выполняется на дому. Нет денег ни копейки. Не на что даже послать письмо тому или иному рабселькору»³⁷². Во второй половине 1930-х гг. ситуация стабилизировалась: увеличилось число журналистов, повысился их профессиональный и творческий уровень за счет приобретения опыта в процессе работы и на курсах газетных работников в Барнауле, Красноярске, Москве, а также благодаря систематическому рецензированию статей местных газет сотрудниками краевых изданий. В автономиях удалось сформировать отряд

---

³⁷² НА РХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 84. Л. 8.

рабселькоров, которые под руководством журналистов готовили информационные заметки и даже фельетоны.

Журналисты в обязательном порядке участвовали в агитационных и избирательных кампаниях, особенно активно проходивших с 1936 г. в связи с обсуждением проекта Конституции СССР, выходом «Краткого курса истории ВКП(б)», выборами депутатов РСФСР и др. Но в данном случае мы можем говорить лишь о трансляции информации, а не о создании журналистами нового информационного продукта и воздействии на общественность с использованием личного авторитета. Поэтому творческие сотрудники СМИ являлись, скорее, коллективными лидерами общественного мнения, чье влияние было обусловлено профессиональной принадлежностью, близостью к власти, работой в средствах массовой информации или форматом проводимого мероприятия (агитконцерт, собрание, политинформация и т. д.).

Журналист рассматривался, прежде всего, как идеологический работник, способный вести агитационно-пропагандистскую работу. При этом его личное мнение не должно было присутствовать в выступлениях и материалах. Также можно утверждать, что в отличие от писателя или поэта журналист не являлся популярной личностью, его имя аудитория хорошо знала в том случае, если он одновременно являлся и известным литератором. Однако такое явление было характерно в большей степени для газет и радиовещания на национальных языках, в состав редакций которых входили писатели и поэты. Это позволяет утверждать, что журналисты являлись неперсонифицированными лидерами общественного мнения. Они оказывали заметное, регулярное и многоаспектное воздействие на аудиторию через собственные и так называемые «авторские» статьи (отредактированные заметки рабселькоров или подготовленные журналистами материалы на основе беседы и за подписью источника информации), а также в целом через подбор материалов номера, формирование заголовочного комплекса, организацию рабселькоровского движения и проч.

Журналисты могли быть лидерами мнений, но в рамках только своего профессионального сообщества, в которое можно включить и внештатных

корреспондентов. На совещаниях, курсах рабселькоров, при личном или заочном (через письма) общении штатный сотрудник редакции мог передавать не только свои знания и опыт, но и собственные трактовки партийных документов и идеологических установок с точки зрения того, как, в какой форме и с использованием каких методов можно их реализовывать в СМИ. Но это было возможно, если сам журналист обладал достаточными знаниями и профессиональным опытом. В ходе массовых репрессий состав редакций сменился практически на 90 процентов (подсчитано нами – Ю. К.). В результате в средства массовой информации пришли вчерашние рабселькоры или совершенно случайные и далекие от журналистики люди. Это привело не только к резкому снижению интеллектуального и уровня грамотности авторов, но и к падению престижа профессии, что временно устранило журналистов из состава лидеров общественного мнения, сохранив за ними функции массовых агитаторов, пропагандистов и организаторов.

Включение в категорию лидеров общественного мнения рабселькоров нам видится спорным. Мнение о том, что писать в газету, а, следовательно, и выпускать ее может каждый, активно внедрялось в общественное сознание, как и установка на то, что газета должна состоять из материалов рабселькоров, которые «лучше знают жизнь», чем профессиональные литературные работники. Однако для внештатных авторов журналистика не являлась основной деятельностью, что сказывалось на качестве их публикаций, не способствовало приобретению профессионального опыта и навыков воздействия на аудиторию. Рабселькоры могли выступать лидерами общественного мнения, но в качестве представителей своей основной профессии (партийный работник, писатель, учитель, передовик труда). Но в процессе взаимодействия и взаимовлияния между другими элементами массово-информационного пространства, прежде всего, между аудиторией и СМИ, они играли важную роль.

Можно констатировать, что формирование аудитории и авторского актива Хакасии и Ойротии в 1920–1930-е гг. происходило под влиянием политического, экономического, культурного и человеческого факторов. Расши-

рение потенциальной аудитории, состоявшей из людей, способных читать, не означало, что каждый из обученных грамоте становился читателем газеты, то есть включался в реальную аудиторию. Для этого требовалось наличие возможности выписывать/читать прессу, устойчивый интерес к медиаинформации, а также потребность в получении сведений из СМИ. Исследование показало, что к снижению интереса аудитории и внештатных авторов к областной и районной прессе приводили: политизация содержания газет, изменение стиля и тона их общения с аудиторией, характера предоставляемой информации, низкий уровень грамотности изданий, наличие большого количества опечаток и ошибок, высокая подписная цена.

Необходимость расширения охвата населения политико-просветительским и агитационным воздействием, снижения убыточности заставляла редакции газет Хакасии и Горного Алтая привлекать новых читателей, в том числе с использованием административного ресурса. Принуждение к подписке способствовало формальному увеличению аудитории, но не приводило к формированию у ее представителей потребности и заинтересованности в получении общественно-важной информации из СМИ. Организация громких читок газет помогала расширять аудиторию за счет неграмотных и малограмотных, но приучала их к пассивному потреблению медиаинформации.

Анализ широкого массива источников позволил сделать вывод, что к концу 1930-е гг. в Хакасии и Горном Алтае был сформирован журналистский корпус, принимавший активное участие в развитии местных средств массовой информации и установлении взаимосвязи с аудиторией. Штаты редакций формировались, в основном, из числа партийных работников, деятелей культуры и образования, наиболее активных рабселькоров. Обучение новых сотрудников чаще всего происходило в редакциях и на краткосрочных курсах. Более серьезная профессиональная подготовка с отрывом от работы была зачастую невозможна из-за постоянной нехватки кадров, высокой степени за-

груженности работников СМИ, а также из-за недостаточно высокого уровня их образования и культуры.

Изучение документов и материалов средств массовой информации показало, что рабселькоровское движение, активно развивавшееся в автономных областях, лишь отчасти могло служить кадровым резервом для редакций. Перед внештатными авторами ставились узкие задачи (информирование о положении на местах, вскрытие недостатков, разоблачение врагов, пропаганда передового опыта, иллюстрация всенародной поддержки решений партии). Это ограничивало их творческое развитие и приводило к утилитарному использованию их социального и творческого потенциала.

Анализ широкого круга источников показал, что поводом к сотрудничеству с редакцией чаще всего являлось желание авторов повысить свой социальный статус, продемонстрировать активную жизненную позицию. Такие рабселькоры брались на заметку, направлялись на руководящие должности, учебу в совпартшколы и вузы, курсы газетных работников, становились лидерами общественного мнения. Поэтому «выдвиженчество» можно считать одним из направлений информационной политики, обеспечивавшим массовый охват населения информационно-идеологическим воздействием на всех уровнях. В Хакасии и Горном Алтае оно имело и национальный аспект, поскольку демонстрировало действенность национальной политики и обеспечивало формирование элиты коренных этносов автономии.

2.4. Изменение содержания средств массовой информации в условиях усиления партийно-политического контроля

Наиболее сильное влияние на содержание прессы и радиовещания в исследуемый период оказывал политический фактор, который являлся основной движущей силой и причиной изменения подходов и методов отображения действительности в публикациях. Под влиянием данного фактора происходило изменение мировоззрения и мировосприятия представителей общества, что также находило отражение в материалах.

В научной литературе, посвященной первому десятилетию советской власти, особое внимание обращается на такое направление реализации государственной информационной политики, как масштабное и повсеместное создание периодической печати нового типа. Газеты, ориентированные на рабочих и крестьян, как целевую аудиторию, являлись средством коммуникации между новой властью и большинством (в перспективе) граждан страны. Это позволило новому политическому режиму «в условиях жесткого обострения социальных противоречий в обществе» развернуть «широкомасштабную агитационно-пропагандистскую работу в целях привлечения на свою сторону населения России»³⁷³. Анализ публикаций газет позволяет проиллюстрировать тезис о серьезных социальных противоречиях. Изучение материалов прессы рассматриваемых национальных территорий в хронологической последовательности дает также представление о формах и методах агитации и пропаганды, которые использовались в тот период для привлечения населения на сторону советской власти, для внедрения в сознание граждан новых идеологических установок и норм поведения и представлений о мире.

Главной функцией, которую выполнял «Ойротский край» в 1923–1924 гг., было информирование своих читателей о том, что происходило в стране и за границей, а также о мероприятиях, проводившихся органами власти. Для

---

³⁷³ Молчанов Л. А. Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны (окт. 1917 – 1920 гг.). М., 2002. С. 14.

этого были созданы постоянные рубрики, разграничивавшие информацию по географическому признаку: «По белу свету» (международные сообщения), «По области», «По Улале», «По селам и деревням» и др. Газета являлась своеобразным центром, в котором аккумулировалась информация с мест, своей совокупностью позволявшая получить представление о происходящем в области. При формировании авторского актива издание ориентировалось, в первую очередь, на комсомольцев, обладавших наиболее высокой социальной мобильностью. На фоне сухих отчетов, таблиц и призывов-лозунгов их материалы выделялись за счет языка, стиля, тематики и категоричности суждений. Такие публикации, на наш взгляд, наиболее адекватно отражали противоречия, существовавшие в деревне. Но при этом социально-классовое расслоение среди сельчан, то есть прямое противопоставление зажиточной и бедняцкой части населения в заметках комсомольцев отсутствовало. Это позволяет сделать вывод о том, что конфликты чаще всего носили личный характер и возникали между теми, кто старался сохранить привычный уклад жизни и теми, кто стремился его кардинально изменить.

Агитация в издании присутствовала, но проводилась несистемно, на уровне фактов и примеров позитивных изменений на селе или критики отдельных недостатков и персон. Например, борьба с религией в газете велась методами дискредитации не ее самой, а ее представителей. В стихах и прозе описывались анекдотичные ситуации с участием служителей культа, примеры их жадности, лицемерия и других отрицательных личных качеств. Среди партийно-советских работников области были блестящие пропагандисты – П. Гордиенко, Иванов-Менжит и другие. Но их талант в прессе не был задействован в полной мере. Для проведения серьезной агитационной работы, на наш взгляд, требовалось сначала сформировать у граждан общие представления о сущности советской власти, деятельности партии, персонифицировать лидеров страны, а также врагов, угрожающих новой власти. То есть необходимо было расширить кругозор и уже на базе имеющихся знаний и доступных для понимания терминов вести системную политическую пропаганду.

Подавляющее большинство представителей целевой аудитории газеты, если судить по письмам в редакцию, волновали простые вопросы: как рассчитать налоги, бороться с болезнями скота, получить ссуду и т. д. Авторы охотно писали о борьбе с самогоноварением, пьянстве руководителей кооперативов, открытии школы и проч. Но попытки вовлечь их в дискуссию по таким важным вопросам, как, например, принятие нового кодекса о браке и семье, о выборе основного наречия для выработки единого алтайского языка и др., не увенчались успехом. Более продуктивной формой повышения активности являлись «вызовы», в частности, на сбор средств на постройку воздушного флота. Выделяя деньги на эти цели, сообщая об этом через газету и вызывая других, участники чувствовали свою сопричастность к общему делу, вовлекались сами и вовлекали других в массово-информационную деятельность.

В конце 1924 г., выполняя Постановление ЦК РКП(б) «О крестьянской печати»³⁷⁴, «Ойротский край» приобрел черты издания, четко ориентированного на сельское население. Такая типологизация, на наш взгляд, была вызвана и финансовым интересом, поскольку дотации на поддержку крестьянской печати были выше. В газете появились тематические полосы «Деревенская жизнь» и «Советы агронома», которые позволили более рационально использовать газетную площадь за счет тематического объединения материалов разных жанров. Новые рубрики «Профсоюзная жизнь», «Крестьянский адвокат», «Из груды писем», «Наша кооперация» являлись отражением информационных запросов аудитории и содержали сведения по наиболее актуальным вопросам сельской жизни. Отметим, что сравнительный анализ «Ойротского края», минусинской «Власти труда» и всесоюзной «Крестьянской газеты» показал, что названия рубрик, их оформление, иллюстрации, заголовки и даже приемы верстки у газет совпадали. Следовательно, местные редакции использовали в качестве образца одно и то же издание – «Крестьян-

---

³⁷⁴ О крестьянской периодической печати: Постановление Оргбюро ЦК РКП(б) от 16 февраля 1925 г. // КПСС о СМИП. М., 1979. С. 112.

скую газету», являвшуюся на тот период самой массовой в стране и популярной среди сельского населения. Различия просматриваются на уровне содержания самих материалов, размещенных под типовыми рубриками, и оформления, поскольку некоторые рубричные рисунки в горноалтайской прессе имели национальный колорит. Кроме того, в «Ойротском крае» отсутствовал раздел «Рабочая жизнь», так как промышленных предприятий в области не было. Рубрика «Партийная жизнь» не встречалась на страницах газеты, публикации о деятельности органов РКП(б) появлялись редко, чаще всего имели форму отчетов или директивных материалов.

Отметим, что период с декабря 1924 г. до середины 1926 г. можно назвать наиболее ярким в истории областного издания. В нем появились новые жанры (фельетоны, путевые очерки), большое количество рисунков и карикатур, регулярно стала выходить «Литературная страничка» со стихами и рассказами местных авторов. Благодаря таланту Л. Таушканова и других самодельных литераторов, в зарисовках с натуры нашла отражение повседневная жизнь села и портреты людей той эпохи. Такие рассказы, на наш взгляд, можно считать свидетельствами очевидцев о том, как менялось сознание сельчан, и как эти изменения находили отражение в их поведении и лексике. Стихи в большинстве своем являлись эмоциональной реакцией на события и явления, а рассказы – достаточно точным срезом местной жизни.

Заметим, что редакция не просто ориентировалась на свою целевую аудиторию, но и поддерживала тесную обратную связь с ней, что позволяло адресовать информацию конкретным группам читателей и вызывать у них ответную реакцию. Результатом этого было заметное повышение тиража газеты (с 920 до 1200 экз.). Журналист А. Сатонин вел специальную рубрику, в которой разъяснял вопросы, связанные с корреспондированием в редакцию. Благодаря этому значительно увеличился поток писем, расширилась география публикаций за счет заметок из отдаленных национальных сел. Не менее половины выпуска занимала местная информация, значительную часть которой составляли письма. Характерным недостатком селькоровских заметок

являлось «мелкотемье». Вместо разоблачений преступлений и халатности ответственных работников корреспонденты обращали внимание на их личные качества (хамство, лень) или неправильное поведение в быту (пьянство, избивание домочадцев). Указывая на недостатки, авторы большинства писем «ругательского характера» не размышляли о том, как устранить «ненормальности». Многие, по замечанию редакции, не приводили положительные примеры работы своих организаций, не обменивались опытом, увлекались общими размышлениями, присылали отчеты о собраниях и копии протоколов³⁷⁵. Для установления причинно-следственной связи между результатом деятельности отдельных лиц или организаций (убыточность кооператива, гибель скота, растрата) и причиной внештатным авторам, на наш взгляд, не хватало экономических и юридических знаний, а также журналистского опыта. Поэтому основной своей задачей корреспонденты считали сообщить о подозрениях или негативных фактах, предоставив прокуратуре разбираться в справедливости обвинений. Эта особенность «сигналов» селькоров была в полной мере использована с середины 1930-х гг., когда в стране развернулась кампания по поиску «врагов».

Ряд исследователей, оценивая информационную политику ВКП(б) в середине 1920-х гг., связывает некоторое ослабление партийного диктата в отношении прессы с бурным развитием в годы НЭПа негосударственной, в том числе оппозиционной печати³⁷⁶. Некоторые ученые не выделяют данный этап развития советской журналистики, проецируя ее характерные «тоталитарные» особенности, проявившиеся в конце 1920-х гг., на всё десятилетие³⁷⁷. Нам представляется более аргументированной позиция Г. В. Жиркова. Выявляя причины изменений, происходивших в типологии и содержании местной печати, он связывает этот процесс с новым курсом работы партии в деревне,

³⁷⁵ Что писать в «Страничку» // Ойротский край. 1926. 9 января. С. 2.

³⁷⁶ Турицын И. В. Советская власть и российская пресса: проблема взаимоотношений и взаимовлияний (1921–1929 гг.): автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1998. С. 21; Гафнер В. А. Партийно-советская печать как инструмент политической борьбы в советском обществе 1920-х гг.: автореф. дис... канд. ист. наук. М., 2000. С. 12.

³⁷⁷ См., напр.: Тобольцева Н. М. Журналистика первого десятилетия советской власти как инструмент тоталитарной индокринации // Неизвестные страницы отечественной журналистики. М., 2006. С. 135–136.

основные положения которого были изложены на совещании по работе в деревне при ЦК РКП(б) (21-24 ноября 1924 г.). Они включали: 1) необходимость «оживления работы Советов» и вовлечения крестьян «в дело управления страной» (И. В. Сталин); 2) переориентацию партийной работы на селе «на потребности крестьян, на то, чем в данную минуту живет, чем болеет деревня», поскольку только «правильный подход к крестьянству» поможет партии усилить влияние на них (Н. Крупская)³⁷⁸.

Действительно, особенностью содержания «Ойротского края» в середине 1920-х гг. было акцентированное внимание к работе Советов и формам участия в них представителей общественности, в том числе женщин, к развитию кооперации и трудовой инициативы сельчан. Главным стимулом возрождения российской экономики на основе НЭПа должны были стать предприимчивость крестьян и их заинтересованность в результатах своего труда³⁷⁹. Поэтому в газете вместо распространенных ранее призывов изыскать средства на постройку школ, содержание изб-читален, подписку на прессу и другие насущные цели стала активно внедряться мысль о возможности улучшения условий жизни за счет коллективного труда, участия в деятельности товариществ и кооперативных обществ, о проявлении собственной социальной активности, приобщении к знаниям. В этих условиях работа по пропаганде в прессе кооперативного движения, новых форм хозяйствования, знаний и норм поведения, идеологических установок становилась эффективной, поскольку базировалась на интересе и доверии аудитории к изданию.

Однако с середины 1926 г. в содержании газеты произошли серьезные изменения. Среди положительных назовем расширение географии внутрисоюзной информации за счет включения материалов СибРОСТА и усиление борьбы за действенность критических газетных публикаций, для работы с которыми была создана специальная комиссия³⁸⁰. Отрицательными тенден-

³⁷⁸ Жирков Г. В. Советская крестьянская печать – один из типов социалистической прессы. Л., 1984. С.67-68.

³⁷⁹ Голотик С. И., Евсеева Е. Н., Карпенко С. В. Советская Россия (СССР) в 1920-е гг.: НЭП, власть большевиков и общество // История России, XX век / отв. ред С. В. Карпенко; РГГУ. Историко-архивный институт. 3-е изд., испр. и доп. М., 2004. С. 175.

³⁸⁰ Как борется «Ойротский край» // Ойротский край. 1927. 19 февраля. С. 4.

циями являлись: значительное увеличение количества перепечаток и, как следствие, сокращение объема местной информации; ликвидация тематических полос и многих рубрик, ориентированных на целевую аудиторию; практически полный отказ от иллюстраций; сужение спектра использовавшихся жанров; расширение материалов директивно-отчетного типа.

Отчасти это можно объяснить сменой редактора, техническими и кадровыми трудностями. Но главными, на наш взгляд, были политические причины. В 1926 г. в результате выборов в местные Советы вошло большое количество беспартийных крестьян, при этом доля коммунистов в этих органах власти значительно уменьшилась. Также произошло формирование «троцкистско-зиновьевского блока», деятельность которого представляла серьезную опасность для И. В. Сталина и его окружения³⁸¹. Указанные причины вызвали усиление партийного влияния на все стороны деятельности СМИ, «переход к детальному и всеобъемлющему контролю на различных уровнях информационного, кадрового, материального и др. обеспечения»³⁸². Это привело к унификации прессы, которая, вне зависимости от декларируемой аудиторной направленности, должна была соответствовать единому идейному стандарту. В условиях укрепления тоталитарного режима единственным типобразующим фактором становился издатель – «правлящая власть, применяющая насильственные идеологические методы завоевания умов». Развивая эту мысль, Н. М. Тобольцева указывает, что аудитория в данном случае рассматривалась лишь в качестве объекта пропагандистского воздействия, который не влиял на характер информации, необходимой для издания того или иного типа³⁸³.

Справедливость данного вывода подтверждается при анализе содержания «Ойротского края» и документации, посвященной его деятельности. Так, в 1928 г. редакция, подтверждая принадлежность к типу массовой крестьянской газеты, в своем отчете сообщала, что международная и внутрисоюзная информация в издании занимала 16%, «руководящие» материалы, в том числе о

³⁸¹ Голотик С. И., Евсеева Е. Н., Карпенко С. В. Указ. соч. С. 187.

³⁸² Гафнер В. А. Указ. соч. С. 15.

³⁸³ Тобольцева Н. М. Указ. соч. С. 135.

партийной жизни – 21%, статьи специалистов по сельскому и лесному хозяйству – 8%. Почти четверть от общего количества материалов составляли селькоровские заметки, еще 8% газетной площади – «вопросы и ответы» и результаты расследования «сигналов»³⁸⁴. То есть, согласно отчету, треть содержания газеты составляли результаты непосредственного взаимодействия редакции и читателей, что должно было свидетельствовать об эффективности работы издания со своей аудиторией, о массовой поддержке трудящимися самой газеты и пропагандируемых в ней идей. Однако искажение приводимых в документе фактов (отрицание массовой работы редакции в прошлом, намеренное занижение тиража за предыдущие годы и проч.), а также техническая сложность подсчета и тематической дифференциации материалов позволяет усомниться в точности приведенного соотношения публикаций и, прежде всего, объема писем внештатных авторов. Тем более что в конце 1929 г. редакция подверглась жесткой критике за то, что не смогла организовать авторский актив, не предприняла «каких-либо серьезных мер к изучению своего читателя» и не приблизилась к «широким слоям деревни»³⁸⁵.

Сопоставление «Ойротского края» и «Власти труда» за 1927–1929 гг. показало, что минусинское издание вплоть до конца 1920-х гг. продолжало использовать активные формы работы с аудиторией и авторами, публиковало значительный объем заметок внештатных корреспондентов, распределяя их по тематическим рубрикам и полосам. Следовательно, на изменения «Ойротского края» помимо политического влиял и человеческий фактор (постоянная ротация штата газеты, недостаточный профессиональный уровень журналистов, специфика аудитории и т. д.). А темпы внедрения унифицированного типа партийно-советского издания в разных территориях были различными и зависели, в том числе от местных факторов.

Национальные газеты Хакасии и Горного Алтая проходили во второй половине 1920-х гг. этап становления. Большую часть площади «Кызыл Ой-

---

³⁸⁴ КДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 489. Л. 72.

³⁸⁵ ГБУНО «ГАНУ». Ф. 2. Оп. 1. Д. 4343. Л. 118.

рот» в первое время составляли переводы сообщений о событиях в стране и за рубежом, а также местных статей официального характера, написанных русскими авторами. Однако постоянной рубрикой сразу же стала «Аймактарда» («По аймакам»), в которой публиковались письма внештатных авторов. В регулярно выходившей рубрике «Почтонын кайырчагы» («Почтовый ящик») помещались ответы и рекомендации авторам. В самом начале существования «Кызыл Ойрот» проявилась одна из черт, которая, на наш взгляд, является специфической и присущей именно национальной прессе – особое внимание к стихотворным произведениям. Активность авторов-поэтов (М. Эдокова, А. Толтокова, Ч. Чунижекова, Ч. Строева, П. Кучияка и др.) и заинтересованность редакции в подобных материалах можно объяснить, на наш взгляд, особенностями культуры и менталитета коренных народов Саяно-Алтая, для которых основной, хоть и специфической формой отражения действительности, служил фольклор. Стихи содержали эмоциональное отношение авторов к описываемым событиям, что помогало читателям лучше усваивать транслируемую СМИ информацию, опираясь на традиции музыкально-поэтической культуры. Кроме того, стихотворные произведения, опубликованные в газете, нередко становились народными песнями, воспевающими, в том числе и саму национальную газету³⁸⁶.

Несмотря на технические трудности, издания старались использовать национальный колорит: рубричные заставки, картины быта коренного населения, что вызывало дополнительный интерес аудитории, в том числе неграмотных. Действенность использования такого приема на коренных жителей описывал очевидец, путешествовавший по хакасским улусам в 1920-е гг. Обнаружив в одном из выпусков «Власти труда» нарисованного хакаса, жители аала долго разглядывали картинку, бурно обсуждали, восхищались, потом разобрали все номера и попросили написать и о них в газету³⁸⁷.

³⁸⁶ См., напр.: Толток-Алтаяк. «Кызыл Ойротко» кожей // Кызыл Ойрот. 1926. 25 сентября. С. 2.

³⁸⁷ Б. По глухим Хакасским улусам // Власть труда. 1924. 10 октября. С. 2.

Характерной чертой содержания обеих национальных газет в 1920-е гг. являлся большой объем переводных материалов. Содержавшаяся в них лексика не всегда была понятна читателям, что затрудняло приобщение к чтению новой аудитории. Обращения редакций к учреждениям и организациям писать в газету статьи «применительно к быту и интересам алтайцев» (хакасов) чаще всего оставались без ответа. Поэтому много времени тратилось на переделку представленных материалов, поскольку «писанное для русской газеты в редких случаях можно и годно для переноса» в национальную газету. Большинство селькоров обладали низким уровнем «литературной грамоты», что заставляло серьезно редактировать их заметки³⁸⁸. Трудности «Хызыл аал» во многом объяснялись отсутствием в округе собственной русскоязычной газеты, которая могла бы служить источником местного материала. Выпуском издания занимался только один человек, которому, помимо сбора и обработки материала, было необходимо постоянно курсировать между административным центром округа, где располагалась редакция, и Минусинском, в котором находилась типография. При подобной нагрузке редактор не имел возможности активно работать с селькорами и был вынужден заполнять издание преимущественно переводами.

Свертывание НЭПа, интенсификация проведения индустриализации и коллективизации стали основой для начавшегося в 1929 г. форсированного «наступления социализма по всему фронту». Это не только вызвало необходимость расширения системы местной прессы, которая бы максимальное охватывала жителей национальных территорий, но и привело к заметным изменениям в содержании изданий, в работе с аудиторией и авторским активом. Разгром группы Н. И. Бухарина дал возможность И. В. Сталину ввести фактический запрет на инакомыслие. В борьбе за единоличную власть он использовал и культуру, главное предназначение которой он видел в утверждении «в общественном сознании культовых, религиоподобных представлений о се-

---

³⁸⁸ КДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 489. Л. 49-51.

бе»³⁸⁹. Перед СМИ были поставлены задачи по формированию «культы личности». Усиление идеологической работы в стране, вызванное крутым поворотом стратегической линии партии, потребовало создания мощного и разветвленного цензурного аппарата, в задачи которого входил контроль за информационными потоками, в том числе и на местном уровне. Кроме того, реализация грандиозных планов экономического развития СССР сделала необходимой организацию массового охвата населения агитационной и пропагандистской работой. Главная роль в этой деятельности была отведена СМИ.

Сравнительный анализ «Красной Ойротии» и «Советской Хакасии» показал, что в самом начале 1930-х гг. качество их оформления различалось. Это было вызвано техническими причинами, поскольку областная русскоязычная газета Горного Алтая уже имела солидный опыт и собственную типографию, а аналогичное издание Хакасии только приступало к созданию собственного «лица» и печаталось за пределами автономной области. Поэтому в 1930–1931 г. оно представляло собой две или четыре неиллюстрированные полосы, заполненные в хаотичном порядке преимущественно директивными материалами. Содержание «Красной Ойротии» было более разнообразным. Так, например, оба издания боролись за коренизацию партийного и советского аппарата и агитировали за внедрение в делопроизводство национального языка. Но «Красная Ойротия» вносила более существенную лепту в проведение данной кампании. Например, она организовала регулярную рубрику «Изучай алтайский язык» для заочного обучения читателей особенностям лексики, грамматики и принципам конструирования предложений.

Необходимость всемерной мобилизации населения на «решение первоочередных народно-хозяйственных задач» и проведение политических кампаний определяла жанровые и тематические особенности содержания прессы. Со страниц газет были убраны рубрики с сообщениями о событиях в Сибири, стране и мире, а информирование читателей было заменено агитацией.

---

³⁸⁹ Янборисов М. Х. Партийно-государственная политика в области культуры (1917-1937 гг.): автореф. дис... д-ра ист. наук. М., 1993. С. 34.

В условиях такого максимально сокращения сведений о жизни за пределами области аудитория подвергалась массированному пропагандистскому воздействию, основной задачей которого было направить энергию масс в заданное властью русло. Для публикаций были характерны лозунговость, директивный стиль, категоричность оценок, агрессивность призывов, использование однотипных заголовков. Заголовочный комплекс и сами публикации создавались с использованием стандартного и ограниченного набора лексических средств, который, на наш взгляд, больше воздействовал на эмоциональное, а не рациональное восприятие медиаинформации. Но его необдуманное применение иногда не позволяло даже понять смысл написанного. Газета «Правда» в обзоре материалов «Красной Ойротии» такую форму подачи фактов назвала «крикливой» и декларативной. Центральный орган ВКП(б) также отметил нелогичность критики, чрезмерное увлечение «сигналами», абстрактное обозначение врагов (бюрократы, оппортунисты, кулаки), констатацию «позорного отставания» преимущественно по сводкам³⁹⁰. Признавая справедливость замечаний, редакция «Красной Ойротии» обязалась исправить допущенные ошибки, приступить «к организации боевой большевистской агитации»³⁹¹. Критика привела к некоторому улучшению газеты: снизилась агрессивность стиля, появились заметки о передовиках, иллюстрированные портретами героев. Но в целом содержание осталось прежним.

К 1932–1933 г. сформировался единый стиль оформления и содержания «Советской Хакасии», «Красной Ойротии», «Хызыл аал» и «Кызыл Ойрот». Его отличал лаконизм информационных заметок, обилие официальных документов и перепечаток, отсутствие аналитики и художественно-публицистических жанров. Многие материалы, подготовленные специалистами, отличались шаблонностью стиля и формы: советы врача (агронома, ветеринара), отчет партийного или советского работника. В передовых статьях, программных документах партии обозначалась цель и установки на ее

³⁹⁰ Кампания, не доведенная до конца // Правда. 1931. 26 ноября. С. 2.

³⁹¹ Наш ответ «Правде». Ошибки будут исправлены // Красная Ойротия. 1931. 9 декабря. С. 2.

реализацию. В отчетах, сводках и докладах сообщалось о выполнении поставленных задач. Заметки с мест по большей части имели форму рапортов и обязательств или содержали «разоблачения» преступных действий руководителей организаций, приведших к «самотеку», «обезличке», «оппортунистическому» отставанию, невыполнению плана. Газеты регулярно сообщали о результатах расследования таких материалов и принятых мерах. Заметки внештатных авторов строились по одной схеме: краткое описание ситуации с 1-2 примерами, «политическая» оценка действий виновных и указания кому и что нужно сделать для устранения проблемы. Сравнение опубликованных материалов с оригиналами писем 1931–1933 гг., сохранившихся в архиве газеты «Звезда Алтая»³⁹², позволило констатировать, что исходный вариант материалов начинающих авторов подвергался существенной переделке. Более опытные рабселькоры самостоятельно использовали подобную схему.

Примером для газет Хакасии и Ойротии, как и для других местных изданий страны, в 1930-е гг. служила «Правда». По ее образу и подобию создавалась верстка номеров, определялась рубрикация, заголовочный комплекс, основные тематические направления, характер, тон, приемы освещения событий и явлений. Особенностью заголовков того времени было широкое использование популярной политической терминологии. Сравнение местной и центральной прессы позволило сделать вывод о том, что областные и районные издания автономий часто брали готовые образцы из «Правды», центральных и краевых газет, заменяя только фамилии, названия населенных пунктов или хозяйств. Основной причиной широкого распространения практики калькирования мы считаем необходимость «постановки важнейших политических вопросов», т. е. немедленного реагирования на самые последние тенденции массовой работы. В этом случае новые заголовки были не веянием моды, а четко обозначали, что газета быстро откликнулась на политические изменения, идет в авангарде очередной кампании и выполняет свою роль массового пропагандиста, агитатора и организатора.

---

³⁹² КДА РА. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1, 2.

Из «Правды» перепечатывались передовые статьи (с обязательной ссылкой на первоисточник) и материалы партийного характера (часто без ссылки). Остальной объем союзной и международной информации, важных партийных документов и иллюстраций поступал по каналам ТАСС. Такой способ централизованного информационного снабжения гарантировал проведение единой информационной политики в центре и на местах и, следовательно, отсутствие расхождений в поступающих к аудитории сведениях. Контроль за соответствием таких текстов исходным, а также за содержанием местных материалов осуществляли цензурные органы. Каждый номер визировался штампом: «Выпуск в свет разрешается. Полномоченный облита такой-то». Цензоры несли персональную ответственность за «непредупрежденные» ошибки, поэтому большинство опечаток, которые могли быть расценены как политические, выявлялись еще до выпуска газеты в свет.

В первые годы своего существования каждая из рассматриваемых газет изобиловала всевозможными стилистическими, орфографическими, типографскими ошибками, что затрудняло чтение и понимание материалов, снижало внимание аудитории к газете и, следовательно, эффективность политической пропаганды. Поэтому обкомы ВКП(б) уделяли серьезное внимание данному вопросу, что нашло отражение в ряде партийных документов³⁹³. Их анализ позволил сделать вывод о том, что на безграмотность газет влияли, в основном, низкий уровень образования и недостаточная квалификация редакционных и типографских работников, нехватка кадров журналистов, их высокая загруженность основной работой и общественными поручениями.

По методам борьбы с различного рода ошибками в прессе можно судить о последовательном ужесточении политического контроля за содержанием СМИ. До середины в 1930-х гг. за технические опечатки, допущенные по вине редакции или типографии, издания подвергались критике, но виновные несли, в основном, административную ответственность. Так, в марте 1936 г. в

---

³⁹³ См., напр.: О работе с печатью в Ойротской области. КДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 991. Л. 1-11; Аналитическая справка «О печати». КДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1040. Л. 11; О газете «Саралинский горняк». НА РХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 299. Л. 33-39; Аналитическая справка о печати. НА РХ. Ф. 2. Оп. 1. д. 523. Л. 3-7 и др.

газете «Шахтер» (Хакасия) была допущена грубая ошибка, искажающая смысл материала, что повлекло за собой изъятие всего тиража. На виновного корректора было наложено материальное взыскание в виде компенсации расходов за конфискованный номер³⁹⁴. Но ситуация кардинально изменилась во время суда над участниками «троцкистско-зиновьевского блока», когда стал активно пропагандироваться тезис о том, что основная часть их сторонников осталась не выявленной. В сентябре 1936 г. в «Правде» была опубликована статья «Еще раз о враге в газетах», содержащая указание рассматривать любую опечатку как диверсию «врагов», которые пробрались в редакции и типографии и под покровительством «безграмотных и невежественных редакторов» совершают «чудовищные выпады против партии»³⁹⁵.

Самыми серьезными «идеологическими искажениями» считались, прежде всего, типографские ошибки в наборе фамилий вождей. Когда в одном из номеров «Хызыл аал» по вине типографии в фамилию И. В. Сталина попала лишняя буква (Старлин), директору типографии объявили выговор, корректора сняли с работы и исключили из комсомола. Редактора газеты С. А. Киштеева, учитывая, что «в своей должности он находится недавно и не имеет опыта в редакторском деле», перевели в замы, а выпускающего газеты Спирина отстранили от работы, его дело передали на расследование³⁹⁶. Еще один вид «идеологических искажений» представляли ошибки, которые возникали в результате редактирования и сокращения авторских текстов. Так, в публикации газеты «Советская Хакасия», рассказывавшей о том, с каким негодованием черногорские шахтеры клеймят «контрреволюционеров из троцкистско-зиновьевского блока», в результате, по-видимому, небрежной редакторской правки было напечатано: «Убить гадов! Жизнь наших вождей – это наша жизнь. Мы должны раздавить этих гадов!»³⁹⁷.

«Политические искажения» нередко появлялись и в директивных статьях, но, в основном, по техническим причинам, когда при пересылке материа-

³⁹⁴ НА РХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 403. Л. 35.

³⁹⁵ Еще раз о врагах в газетах // Правда. 1936. 2 сентября. С. 1.

³⁹⁶ НА РХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 403. Л. 79.

³⁹⁷ Климов Н. Жизнь наших вождей – наша жизнь // Советская Хакасия. 1936. 27 августа. С. 1.

лов ТАСС по телеграфу допускались ошибки и пропуски. Статьи часто перепечатывались в газетах в таком виде без сверки с оригинальным текстом. Так, в Кош-Агаче (Ойротия) недавно назначенный «почти неграмотный» редактор Екинеков, перепечатывая в районной газете «Дяны дол» доклад И. В. Сталина, допустил ряд пропусков, исказивших смысл важного политического документа. В результате обком партии временно прекратил выход газеты³⁹⁸. Ошибки иногда возникала в результате невнимательности типографии и выпускающего. Так, в онгудайской газете (Ойротия) вместо «Палата Совета национальностей» было напечатано «палата совет националистов»³⁹⁹.

Тяжелые последствия влекло за собой допущение «грубейших политических ошибок». Так, в ноябре 1936 г. в рудничной газете «Коммунар» (Хакасия) было выявлено «неверное освещение хода политического процесса над контрреволюционным троцкистско-зиновьевским блоком». Временно исполняющей обязанности редактора Кошелевой сначала объявили строгий выговор с занесением в учетную карточку, потом уволили и поставили вопрос о ее членстве в партии⁴⁰⁰. Обком ВКП(б) принял решение «выпуск газеты на руднике Коммунар до подбора редактора прекратить»⁴⁰¹. Подобные жесткие меры к тем, кто допускал «искажения», приводили, как мы считаем, к намеренному уменьшению редакциями количества местных материалов и увеличению числа перепечаток из центральной прессы, что позволяло свести к минимуму риск ошибок, особенно «политических». Это в свою очередь, приводило к сокращению объема, тематической и жанровой унификации местной информации, поступавшей к аудитории.

Сужению каналов информирования читателей и радиослушателей способствовала и цензура. Цензурные организации в своей деятельности руководствовались соответствующими инструкциями, в которых прописывались не только права и обязанности руководителей органов ЛИТО, но и порядок действий в случае различного рода нарушений в печати. Так, например, ру-

³⁹⁸ КДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 991. Л. 8-9.

³⁹⁹ Там же. Д. 1040. Л. 11.

⁴⁰⁰ КГБУ «ГАКК». Ф. 26. Оп. 1. Д. 306. Л. 54.

⁴⁰¹ НА РХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 411. Л. 37.

ководитель районного цензурного подразделения имел право снимать материал с печати, если в нем содержались сведения, включенные в «Перечень вопросов, составляющих государственную тайну». Но если в районной или газете политотдела МТС ему попадалось то, что могло быть расценено как политическая ошибка или искажение, то цензор мог только «немедленно обратить внимание редактора газеты или политотдела» на такое нарушение и сигнализировать об этом в ОблЛИТО. Кроме охраны гостайн, цензор осуществлял также «военный и политико-идеологический контроль»⁴⁰².

Т. М. Горяева рассматривает политическую цензуру как «систему действий и мероприятий, направленных на обеспечение и обслуживание интересов власти». При этом она отмечает ее внеинституциональность, которая «определяет наполнение этого понятия и его границы», более широкие, чем собственно понятие цензуры, имеющее «определенные и традиционно очерченные функции, задачи и государственные органы их реализации»⁴⁰³. Это породило явление, получившее в научной литературе название «всецензура». Она выражалась, в частности, в том, что помимо органов ЛИТО цензурирование СМИ осуществляли и другие организации и их представители.

Формой цензуры, на наш взгляд, являлось рассмотрение работы редакций на заседаниях бюро партийных организаций. Такая практика служила для осуществления партийного руководства печатью и на деле представляла собой заслушивание отчета редактора, обзора газеты за несколько месяцев, составленного одним из секретарей обкома/райкома или редактором вышестоящего издания, и принятие резолюции. Сравнение таких обзоров показало, что газеты Хакасии и Горного Алтая критиковались за одни и те же недостатки. Изданиям указывали на слабую работу с внештатными авторами, в результате чего газетные страницы заполнялись перепечатками и официальными документами, что заметно снижало интерес читателей к газете. Частыми были обвинения в недостатке контроля за действенность газетных публи-

---

⁴⁰² Там же. Д. 367. Л. 18а.

⁴⁰³ Горяева Т. М. Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг. 2-е изд., испр. М., 2009. С. 154.

каций, в невнимании к письмам и жалобам читателей, отсутствии реакции на «сигналы» с мест. Но чаще всего редакции критиковали за невыполнение очередного партийного постановления, слабую включенность в политическую или сельскохозяйственную кампанию, отсутствие материалов о партийной жизни, недостаточно активную пропаганду социалистического соревнования и передовиков производства, «беззубую» критику и т. д.

Формой цензурирования являлись обзоры прессы, которые регулярно публиковали издания, подвергая критике газеты, находившиеся ниже их по иерархической лестнице. Областные газеты обозревали районные, те в свою очередь – многотиражные и стенные. Областные издания регулярно подвергались критике со стороны краевых газет – «Советская Сибирь» (Новосибирск), «Красноярский рабочий» (Красноярск), «Алтайская правда» (Барнаул). Главным рецензентом являлась «Правда», предметом критики которой могла стать любая газета, на чьем примере вскрывались типичные недостатки и проводилась политическая учеба журналистов.

Изначально проведение обзоров прессы предполагает профессиональный разбор материалов. Они служат своеобразной рецензией с рекомендациями, призванными помочь менее опытным коллегам. Но в рассматриваемый период задачей таких обзоров являлось выявление ошибок, в первую очередь политических, которые допускали местные журналисты. Так, 7 октября 1933 г. «Советская Сибирь» опубликовала критический обзор газеты «Шахтер» (Хакасия). В вину редактору вменили то, что он не увидел причинно-следственной связи между массовыми хищениями на подсобном хозяйстве Черногорского рудника и крайне скудным рационом питания рабочих того же предприятия. В результате Б. А. Ковалевского обвинили в «клевете на решения партии о перестройке рабочего снабжения», в потере бдительности и в «политической близорукости». Горком партии критику признал справедливой, а «политическую ошибку» редактора – «неумышленным

антипартийным выступлением в печати», произошедшим в результате не критического отношения к редактируемому материалу⁴⁰⁴.

Содержание городской, районных и многотиражных газет было гораздо беднее, чем у областных, поскольку его основу составляли перепечатки из центральных и областных газет и информация ТАСС. Местные публикации были представлены письмами трудящихся и заметками специалистов сельского хозяйства, занимавшими около четверти площади, отводившейся под местную информацию. Остальное место заполнялось рапортами, резолюциями митингов, обязательствами, сводками, ведомственными статьями, которые односторонне и скупо отражали действительность. Отметим, что особенностью районной прессы являлось то, что вплоть до конца 1930-х гг. многие материалы подписывались псевдонимами. Анализ рецензий и критических обзоров показал, что такая практика применялась не для того, чтобы оградить авторов от преследований за критику, как в 1920-е гг., а для маскировки авторства публикаций, подготовленных сотрудниками редакций, что позволяло создавать видимость продуктивной работы редакции со своим активом. Такие факты неоднократно выявлялись в ходе проверок⁴⁰⁵.

Главными проблемами районной прессы, обуславливавшими ее невысокую популярность у аудитории, являлись: «беззубость» критики, многочисленные ошибки и «вычурность» стиля. Так, например, в обзоре материалов «Саралинского горняка» (Хакасия) за первую половину 1934 г., рецензент процитировал следующий «шедевр» канцелярского стиля: «При мобилизации коммунистов на выполнение программы должно быть положено в основу глубокое изучение XVII съезда и претворение в жизнь, а не отделяться формальной зубрежкой»⁴⁰⁶. Местной прессе приходилось решать очень сложную задачу: как разнообразить свое содержание и при этом не допускать «политических извращений». Некоторые издания пытались сделать это нестандартно. Так, в марте 1934 г. редакция «Саралинского горняка» объявила

---

⁴⁰⁴ Об обзоре газеты «Сов. Сибирь» на газету «Шахтер» // Шахтер. 1933. 23 октября. С. 1.

⁴⁰⁵ См., напр.: КДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 661. Л. 12.

⁴⁰⁶ НА РХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 299. Л. 36.

о созыве в районе «слета лодырей, симулянтов и пьяниц» и в течение двух месяцев публиковала списки «делегатов» с описанием их деяний: опоздание на работу, хулиганство, отлынивание от посещения курсов ликбеза и т. д. Интересная, на наш взгляд, акция была прекращена по распоряжению обкома партии, а инициатива редактора И. А. Гравера расценена как «грубейшее политическое извращение» и «образец политического недомыслия»⁴⁰⁷.

На содержание радио Хакасии и Горного Алтая влияло то, что вещание велось в прямом эфире. При создании передач сотрудники областных радиокомитетов брали за образец Московское и краевое радио, а также использовали материалы прессы. Поэтому тексты передач нередко дублировали газетные публикации по тематике и стилю. Чтение текстов перемежалось с музыкальными номерами, исполнявшимися вживую штатными музыкантами радиокомитетов, или проигрыванием песен с грампластинок. Введение с 1 февраля 1937 г. единой сетки вещания уменьшило время, отводимое для местных программ. А обязательное использование материалов, рассылавшихся по каналам ТАСС и ВРК, способствовало тому, что объем оригинальных передач значительно сократился. Унификация содержания радиоэфира, на наш взгляд, была вызвана ужесточением контроля за распространением медиainформации в связи с событиями во внешнеполитической сфере.

Цензура на радио была установлена практически сразу же после начала массового вещания в стране. Она предполагала организацию «строгого надзора за микрофоном для предупреждения случаев злоупотреблений и неосторожности», а также ознакомление радиоработников с цензурными требованиями⁴⁰⁸. Во второй половине 1930-х гг. контроль за содержанием программ был существенно ужесточен. Так, весной 1936 г. заместитель председателя Хакасского ОблРК А. Я. Балакчин поставил в известность сотрудников, что «все тексты, идущие к микрофону, должны визироваться у меня, а в мое отсутствие в ОблЛИТО»⁴⁰⁹. Однако проверка, проведенная Всесоюзным радио-

⁴⁰⁷ Там же, л. 34–35, 39.

⁴⁰⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 805. Л. 149.

⁴⁰⁹ Книга приказов ХакОблРК, пр. № 43 от 16.04.36.

комитетом, показала, что на местах его распоряжения и директивы ЦК партии часто нарушались. Поэтому 26 октября 1936 г. председатель ВРК Мальцев заявил о «недопустимости передач по тексту, незавизированному политконтролем»⁴¹⁰. С ноября, согласно принятому постановлению бюро Хакасского обкома ВКП(б), «передача материалов в эфир запрещалась» без визы зав. ЛИТО И. Тогдина, на которого легла «вся ответственность за просмотр текстов ежедневных передач по радио»⁴¹¹. Контроль за содержанием передач был усилен в период массовых репрессий 1937–1939 гг.

Однако в этот период появились новые формы работы радиокомитетов автономий. Поскольку творчество большинства репрессированных местных литераторов и композиторов было запрещено как «идеологически вредное», возник острый дефицит, в первую очередь, музыкальных и песенных произведений. По свидетельству журналиста-ветерана Хакасского радиокомитета А. К. Килижековой-Коковой, попытки перевода на хакасский язык песен советских композиторов оказались неудачным⁴¹². Поэтому в 1938 г. Хакасский и Ойротский радиокомитеты организовали экспедиции в районы для пополнения репертуара своих ансамблей. Собранные фольклорные произведения (песни, частушки, тахпахи, мелодии) были обработаны, тексты некоторых песен переведены с одного языка на другой, утверждены в ЛИТО и после этого допущены к исполнению в радиоэфире и со сцены. Благодаря такой работе, например, Хакасского радиокомитета в течение 1938 г. удалось пополнить репертуар радиоансамбля двадцати одним новым произведением⁴¹³.

Но радио в СССР являлось в первую очередь идеологическим орудием, которое использовалось для «политического и культурного воспитания масс, мобилизации творческой энергии народа на осуществление программы коммунистического строительства»⁴¹⁴. Поэтому практически все материалы, выходившие в эфир, должны были иметь идеолого-пропагандистский характер.

⁴¹⁰ КГБУ «ГАКК». Ф. 1498. Оп. 4. Д. 1. Л. 30.

⁴¹¹ Книга приказов ХакоблРК, пр. № 71 от 13.11.36.

⁴¹² Из личной беседы автора с Килижековой-Коковой А. К., 1920 г. р., сотрудником Хакасского областного радиокомитета с 1938 по 1951 гг., записанной 15 января 2006 г. в г. Абакане.

⁴¹³ Книга приказов ХакоблРК, пр. №39 от 31.03.38; пр. №50 от 3.05.38; пр. №105 от 17.08.39.

⁴¹⁴ Богданов Н. Г., Вяземский Б. А. Справочник журналиста. Л., 1971. С. 169.

Идеологическую нагрузку несли не только информационные выпуски «Последних известий», передачи отделов промышленности и сельского хозяйства, но также литературно-музыкальные, молодежные и даже детские программы. Отметим, что в довоенные годы именно радио являлось главным популяризатором достижений музыкальной культуры, использование которых создавало неповторимый звуковой фон, сопровождавший жизнь советских граждан с утра и до вечера. Ежедневная трансляция бравурных песен, маршей и подобных музыкальных произведений позволяла заражать слушателей особым эмоциональным состоянием. Такой прием эффективного пропагандистского воздействия специалисты называют «эмоциональным резонансом»⁴¹⁵. Грамотно и системно организованная культурная пропаганда была способна не только разнообразить содержание эфира, существенно расширять аудиторию, привлекать новых авторов, но и воспитывать слушателей: давать им культурно-ориентированные знания, прививать художественный вкус, внимание и уважение к произведениям национального творчества.

Однако материалы СМИ 1930-х гг., будучи социокультурным феноменом, возникшим под влиянием не только технического, экономического, но, прежде всего, политического фактора, своей совокупностью формировали у аудитории искаженные представления о действительности, то есть своеобразную медиареальность. Ее конструирование в условиях тоталитаризма, на наш взгляд, приобретало особое значение, поскольку позволяло легитимизировать власть и проводимые ею мероприятия, контролировать настроения и поведение граждан, эффективно и в короткие сроки проводить массовые кампании, решать и другие партийно-государственные задачи.

В отличие от картины или модели мира, под которыми в первом случае подразумевается детализированная система представлений человека о мире, а во втором – своеобразный набор сведений о действительности, медиареальность представляет, в этом мы согласимся с И. В. Чельшевой, искусст-

---

⁴¹⁵ См.: Сороченко В. Энциклопедия методов пропаганды [Электронный ресурс]. URL: <http://psyfactor.org/propaganda.htm> (дата обращения: 20.12.2002).

венно конструируемый культурный мир. Ее главным свойством является наличие «возможности визуализировать мысли, состояния, образы, придавать им парадоксальный характер, сжимать время, пространство, изменять смысловое содержание визуальных образов»⁴¹⁶. Такая реальность, сконструированная в интересах власти целенаправленно, на базе главенствующей во всех сферах моноидеологии, может, на наш взгляд, называться **тоталитарной медиареальностью**, поскольку, в отсутствие альтернативных (неподконтрольных партии) СМИ она является единственной и насильственным образом внедряется в сознание людей. Технология формирования такой медиареальности, по нашему мнению, разрабатывалась в 1920-е гг., но к началу 1930-х гг. в стране были созданы экономическая, культурная и политическая основы ее реализации. Последняя заключалась в монополизации ВКП(б) каналов распространения медиаинформации и создании разветвленного цензурного аппарата. Это позволяло контролировать деятельность и содержание СМИ в соответствии с генеральной линией государственной информационной политики. Одновременно максимально сужались и перекрывались каналы получения альтернативных сведений, что превращало советскую прессу и радио в единственные доступные каналы оперативной массовой информации.

В период «культы личности» контролю подвергался также процесс потребления аудиторией материалов СМИ, для чего активно внедрялись в практику такие формы, как коллективное радиослушание и громкие читки газет, нередко объединяемые с собраниями, политинформациями и митингами. Подобные формы были особенно распространены в периоды, когда требовалось резкое повышение мобилизационной активности масс для решения насущных политических задач. Главной особенностью 1930-х гг. являлось, на наш взгляд, то, что основной массив сообщений шел сверху (от власти через СМИ к аудитории), а обратный поток (от аудитории к СМИ и власти) жестко контролировался и регламентировался. В этих условиях удавалось

---

⁴¹⁶ Чельшева И. В. Медиареальность как новый тип социокультурного пространства // Инновации в образовании. 2011. № 11. С. 95–96.

добиваться эффективности реализации технологии создания медиареальности. Под технологией мы в данном случае понимаем совокупность методов, приемов и операций, использование которых позволяет добиваться указанной цели. Такая технология реализовывается поэтапно и может быть, на наш взгляд, представлена в виде следующей схемы: установка – реализация – подтверждение – поддержка – закрепление – контроль.

Поскольку в создании тоталитарной медиареальности главной являлась идеологическая основа ее смыслового и знакового содержания, то на первом этапе использовались установки, то есть основные идеи, содержащиеся в трудах классиков марксизма-ленинизма, программных документах ВКП(б), резолюциях партийных мероприятий, выступлениях И. В. Сталина. На следующем этапе этим установкам придавалась форма передовых статей, текстов выступлений высших руководителей страны, в которых многократно повторялась идея, например, в виде прямых цитат или устойчивых словосочетаний («сплошная коллективизация», «враги народа», «война малой кровью» и т. д.). Такие разъясняющие материалы публиковались в центральных газетах и перепечатывались в местной прессе, зачитывались по радио, что позволяло донести основную идею практически до каждого жителя страны.

Далее в региональных СМИ появлялись публикации, в которых истинность установки (идеи) подтверждалась местными примерами или авторитетом выступавших в ее поддержку лидеров общественного мнения (партийные работники, передовики производства, орденосцы, деятели культуры и искусства). На следующем этапе организовывалась массовая поддержка идеи за счет публикации значительного количества индивидуальных и коллективных писем, резолюций митингов и собраний, что должно было свидетельствовать о единодушной и повсеместной поддержке идеи, служить подтверждением ее истинности. Полученная из СМИ информация закреплялась на политзанятиях, проводившихся в школах, вузах, трудовых коллективах. На этом этапе установка (идея) также получала свое художественное воплоще-

ние в музыкальных, художественных, литературных произведениях (песнях, фильмах, плакатах), приобретала образность и становилась частью культуры.

Последним в формировании медиареальности был этап контроля. В ходе проверок на политическую зрелость выявлялась не только степень усвоения идеи, но и то, насколько искренне человек верил в реальность созданной СМИ виртуальной действительности. Людей, способных к рефлексии, обладавших критическим восприятием получаемой информации, физически устраняли из активной общественной жизни, лишали возможности высказывать свое мнение, наказывали за инакомыслие по обвинению в «подрывной» вражеской деятельности. Чаще всего это делали публично, в том числе в СМИ, что позволяло поддерживать атмосферу страха, находясь в которой граждане охотнее верили в предлагаемые идеалы и перспективы светлого будущего.

Медиареальность 1930-х гг. базировалась на тезисе И. В. Сталина о том, что по мере продвижения к социализму классовая борьба будет обостряться. Поэтому основным лейтмотивом содержания любого СМИ был поиск и разоблачение «врагов». Источником постоянной угрозы, заставлявший поддерживать высокую мобилизационную активность в СССР являлся, в том числе «заграничный» мир, представленный капиталистическими странами. Международная информация была обязательной составляющей содержания любой советской газеты, за исключением стенгазет. Под воздействием совокупности таких сведений в предвоенное десятилетие у читателя последовательно формировался «образ» заграничной – пугающий, мрачный и нарисованный исключительно черными красками. Региональная пресса транслировала (перепечатывала) сведения о жизни за рубежом на местном уровне и, таким образом, доносила ее практически до каждого советского гражданина. Особое значение в такой деятельности приобретала национальная печать, поскольку представители коренного этноса в силу незнания или слабого владения русским языком могли приобретать сведения о жизни за пределами своей области только из «своих» СМИ. Международные обзоры на радио в 1930-х гг. представляли собой дикторское чтение материалов из газеты «Правда».

Поэтому мы сосредоточили внимание на областных и районных газетах Хакасии и Ойротии, в которых сведения о событиях за рубежом представлялись с использованием различных форм и приемов.

В начале 1930-х гг. международная информация на страницах областных изданий появлялась нерегулярно. Так, например, одна из рубрик в «Советской Хакасии» называлась «Из телеграфа», а в «Кызыл Ойрот» – «Телеграммалар», что отражало, скорее, способ получения таких сведений, чем их содержание. Часто международная информация помещалась на полосе без выделения или под рубрикой «Обо всем». К середине 1930-х гг. основной темой международного раздела в областной прессе стали войны в Индокитае и Испании. Последней уделялось больше внимания, в том числе и в виде постоянной рубрики «На фронтах в Испании». События в остальном мире были представлены подборкой кратких сообщений под рубрикой «За Советским рубежом». О заграничной жизни читатель мог судить только по сообщениям о массовых забастовках рабочих, деятельности коммунистических партий и профсоюзов, карикатурами на зарубежных политиков и выступлениям зарубежных и советских политиков по вопросам международного положения.

В 1937 г. международная информация приобрела новую трактовку в связи с активизацией «шпиономании». Основное направление ей задал доклад И. В. Сталина на Пленуме ЦК ВКП(б) в 1937 г., в котором утверждалось, что все зарубежные страны «засылают друг к другу в тыл шпионов, вредителей, диверсантов, а иногда и убийц», но в СССР они перебрасывают «шпионов, лазутчиков, вредителей в 2-3 раза больше, чем друг к другу». Питательной средой для вербовки иностранными разведками агентов в СССР служат «недобитые троцкисты», «полные ненависти к советскому строю»⁴¹⁷. Тема была продолжена в публикациях, подготовленных В. М. Молотовым и другими партийными деятелями.

В политическую работу с массами было включено изучение методик выявления иностранных шпионов на местах. «Советская Хакасия» сообщала,

⁴¹⁷ Политически воспитать кадры, ликвидировать беспечность // Правда. 1937. 29 марта. С. 1.

например, что колхозники с небывалым воодушевлением знакомились с методами работы иностранных разведок. На громких читках, беседах и собраниях под руководством агитаторов сельчане изучали статьи о «коварных приемах вербовочной работы» и «о подрывной работе» фашистских шпионов⁴¹⁸. Аналогичные задачи были поставлены и перед радиовещанием, но круг «агентов» был расширен за счет включения в него, помимо японо-немецких диверсантов, также троцкистов-бухаринцев и буржуазных националистов⁴¹⁹. Полученные знания и новая лексика активно использовались в период массовых разоблачений «врагов народа», которые в Хакасии и Ойротии начались немного позже, чем в целом по стране – во второй половине 1937 г. Потенциальных и выявленных врагов часто называли «фашистскими наймитами», «изменниками родины», «подлыми предателями» и т. д. Шпионский «след» был найден и в деятельности руководителей Хакасии и Горного Алтая, которым приписывалось участие в контрреволюционном заговоре.

Международные обзоры 1937–1938 гг. также содержали лексику, использовавшуюся во время кампании по выявлению внутренних «врагов народа»: «троцкист», «оголтелая шайка фашистских бандитов» и проч. В этот же период, как мы считаем, окончательно оформилась система освещения важных политических событий за рубежом, которые затрагивали интересы СССР. Вслед за сообщением о событии, по страницам центральных и местных газет прокатывалась «волна» публикаций с резолюциями многочисленных митингов, участники которых осуждали зарубежных преступников и обещали встать на защиту своей родины. На следующий день в региональной прессе появлялись резолюции местных митингов, объявлявших «единодушное проклятие провокаторам фашистской черни». Подобные схемы использовались при освещении событий на о. Хасан и Халхин-Голе, а также во время советско-финской войны. Такая системная и массивная пропаганда, на наш взгляд, создавала впечатление не только о единодушной, но и повсе-

⁴¹⁸ Колхозники знакомятся с методами работы иностранных разведок // Советская Хакасия. 1937. 11 августа. С. 3.

⁴¹⁹ КДА РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 940. Л. 115.

местной массовой поддержке действий правительства. А участие в привычных и формальных, по сути, митингах формировало сопричастность к общему делу, ощущение единства с могучей силой, способной дать отпор врагу.

В 1938 г. иностранная информация в областных газетах была объединена под общей рубрикой «За рубежом», а наиболее распространенным жанром стал международный обзор, максимально обобщавший имеющиеся факты и выделявший идеологически-важные. Начавшаяся Вторая мировая война привела к расширению географии таких обзоров и увеличению их объема. Например, в районных изданиях, имевших лишь половинный формат областной газеты, под международную информацию, особенно в период войны с белофиннами и советско-японских столкновений, нередко отводили целую полосу. Ее дополняли местными откликами трудящихся с угрозами в адрес врага и клятвами ответить на «наглые провокации» иностранной военщины «еще более ударным трудом» и новыми трудовыми обязательствами.

Районная пресса обращала большое внимание не только на информирование своей аудитории, но и на разъяснительную работу. В газетах печатались справки, например, о том «Что собой представляла панская Польша», об истории конфликта в Манчжурии. С 1940 г. стали популярными «Словари в помощь читателю», в которых давались пояснения политических терминов, сведения о зарубежных странах и городах. Районная пресса, вынужденная экономить газетную площадь, основной упор делала на подборки зарубежных телеграмм, но формы подачи иностранной информации выбирала сама. Например, в Хакасии «Таштыпский колхозник» часто публиковал карикатуры и рисунки о событиях за границей. «Сталинское знамя» и «Большевистский путь» не использовали иллюстраций, что, возможно, было связано с ограниченными техническими возможностями районных типографий.

Информирование читателей коренной национальности о жизни за рубежом затрудняло наличие у хакасского и алтайского народов различных наречий, что тормозило разработку общепринятой терминологии. Перевод национальной письменности в 1929 г. с кириллицы на латиницу, а в 1938 г. – на

кириллицу создал для сотрудников газет большие трудности при переводе статей, особенно политического содержания, поскольку нужно было вырабатывать новую транскрипцию слов, уже введенных или вводимых в оборот.

В «Кызыл Ойрот» до середины 1930-х гг. международная информация появлялась нерегулярно, в виде отдельных материалов, а также их подборок под рубрикой «Radionьн ekelgen tabьstarь». В «Хызыл аал» основной темой международных разделов являлись враждебные взаимоотношения Японии и Китая, деятельность японского военачальника Чан Кайши и других участников японо-китайской войны. Такое внимание газеты к событиям в азиатской части континента, сохранявшееся на протяжении 1930-х гг., мы считаем одной из особенностей данного издания. К 1940 г. раздел получил свою постоянную прописку на четвертой полосе и собственную рубрику – «Граница озаринда» («За границей»). Ее содержание было унифицировано и совпадало с аналогичным разделом «Советской Хакасии».

Можно констатировать, что круг источников информации о жизни за рубежом, которыми свободно мог пользоваться в 1930-е гг. советский гражданин, был весьма ограничен, поскольку главным поставщиком материалов международной тематики было ТАСС, получившее в 1934 г. по специальному постановлению ЦК ВКП(б) исключительные права на распространение в СССР иностранной информации. Но описания в газетах жизни зарубежных трудящихся были далеки от подлинных, поскольку исходная информация, реальные факты подвергались тщательной идеологической «правке» и корректировались в соответствии политическими установками руководства ВКП(б). Центральную линию в этих установках определял И. В. Сталин, который неоднократно публично заявлял, что именно империализм грозит войной, а СССР неизменно придерживается политики мира. На основе подобных установок, на наш взгляд, формировались два основных мифа советской пропаганды, в полной мере нашедших свое воплощение в обзорах международной жизни и других материалах СМИ о событиях за рубежом.

Первый представлял собой миф об исключительной враждебности зарубежных государств для единственного в мире социалистического государства. Читателю внушалась мысль о том, что трудящиеся капиталистических стран выступают с массовыми акциями протеста, борются за свои права и поддерживают социалистические идеи. Но союз банкиров и политиков с помощью армии и полиции жестоко подавляет эти выступления и держит под контролем рабочих. Последние находятся в крайне стесненных правовых и экономических условиях, голодают, гибнут, попадают в тюрьмы и потому не могут взять власть в свои руки. Но в случае войны с СССР они непременно выступят против такой агрессии и поддержат советских братьев-рабочих, что приведет к поражению империалистических держав. Этот миф базировался на идее классового единства трудящихся и культивировался с помощью регулярных подборок сообщений о протестном движении за рубежом.

Второй миф гласил, что внешняя угроза будет пресечена или отражена в кратчайшие сроки благодаря военной мощи Красной армии, сплоченности и готовности советского народа дать отпор любому врагу. При создании второго мифа активно эксплуатировалась идеологема коллективизма, читателя убеждали, что только в единстве с массой он сможет преодолеть собственную незащищенность и уязвимость перед любой, в том числе заграничной опасностью. Взамен гражданин должен был подчинить свои личные интересы или даже отказаться от них в угоду государственных.

Оба мифа объединял «образ» врага, который активно культивировался политической пропагандой. Н. Б. Арнаут, исследуя предпосылки формирования и механизмы использования такого «образа» в политических кампаниях 1934–1938 гг., сделал вывод о том, что «к середине 1930-х гг. в СССР в целом сложился мобилизационный режим, основным вектором развития которого стало превращение страны в единый военно-трудовой лагерь («осажденная крепость»)). При этом сконструированный в годы Большого террора «образ» врага, преимущественно внутреннего («враг народа») стимулировал ожидания повсеместной и повседневной опасности и угрозы, а также служил

средством достижения «монолитного единства общества («борьбы против» как средства конфликтной консолидации)»⁴²⁰.

Под влиянием большого количества материалов о разного рода протестных мероприятиях (забастовки, митинги, демонстрации) и кровопролитных военных действиях у читателя создавалось впечатление, что зарубежье представляет из себя агрессивно-военизированное общество, противостоять которому возможно только при условии всесторонней милитаризации СССР. Поэтому в прессе велась массивная пропаганда различных военных знаний, подготовки к службе в Красной армии для «обороны рубежей своего Отечества» от внешнего, но неперсонифицируемого врага. Одновременно шел поиск врагов внутренних, в котором активное участие принимали внештатные авторы. Тон кампании по разоблачению врагов задавали центральные издания – «Правда», журнал «Большевик». Но, как считает С. А. Кропачев, «нагнетание массового психоза, истерии, народного негодования, атмосферы всеобщей «бдительности»» перекладывалось на местные газеты. Такое перераспределение обязанностей позволяло проводить самую репрессивную кампанию и ее информационно-пропагандистское сопровождение «даже в самых отдаленных городах и селах» и, в то же время «оставляло за центральной властью право спросить за «перегибы» с местных партийных организаций и их боевых органов в случае изменения политического курса»⁴²¹.

Анализ содержания областных русскоязычных газет показал, что до середины 1930-х гг. с «сигналами» о «врагах» обращались достаточно осторожно. Материалы, сообщавшие о классово-чуждом происхождении человека или его вредительской деятельности публиковались только после обстоятельной проверки, поскольку нередко обвинения носили клеветнический характер, использовались для сведения личных счетов, о чем можно судить по сообщениям редакций о судьбе неопубликованных заметок. Однако в 1937–1938 гг., когда репрессии достигли пика, разоблачения стали публиковаться

⁴²⁰ Арнаутов Н. Б. Образ «врага народа» в системе советской социальной мобилизации: идеолого-пропагандистский аспект (декабрь 1934 г. – ноябрь 1938 г.): автореф... канд. ист наук. Томск, 2010. С. 18.

⁴²¹ Кропачев С. А. Советская пропаганда 1937–1938 годов о масштабах массовых политических репрессий // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Серия 1. 2011. № 2. С. 78.

без какой бы то ни было проверки, поскольку журналисты боялись обвинений в классовой близорукости или в пособничестве классовым врагам.

В начале 1938 г. на страницах газет появились немногочисленные опровержения, реабилитировавшие граждан, в отношении которых опубликованные обвинения не подтвердились. Однако в марте, в связи с проходившим процессом над «бандитами из правотроцкистского блока» поток писем с поддержкой расстрельного приговора и разоблачением местных «троцкистов» усилился. Интересно, что в резолюции митингов и собраний включались и обязательства, которые принимали на себя собравшиеся «в ответ на контрреволюционную деятельность злейших врагов нашей родины». Например, родители учеников Таштыпской начальной школы № 2 (Хакасия) обещали «еще больше вести борьбу» за высокую успеваемость, политическое воспитание детей, «всеми силами помогать учителям искоренять второгодничество в школах»⁴²². Таким образом, в сознание советских граждан внедрялось представление о жизни в социалистическом государстве, как о непрекращающейся борьбе против внешних и внутренних врагов и за выполнение всевозможных обязательств, планов и резолюций.

С. Девис, анализируя, в том числе, публичный дискурс периода Большого террора, обратила внимание на явное рассогласование в восприятии гражданами самого понятия «враг народа». Если власть использовала подобную «вражескую» терминологию для организации своей поддержки массами, то сами массы использовали «язык вражды», чтобы выразить свое недовольство неравенством, которое существовало между простыми людьми и теми, кто стоял у власти. При этом в число «врагов» простые граждане включали не только официально назначенных противников режима, но и всех, кто находился у власти и вызывал у них недоверие⁴²³.

Отметим, что клишированные «отклики», «сигналы», разоблачения и резолюции собраний, опубликованные в прессе, не могут свидетельствовать об

⁴²² Шишкина А., Кузанов, Кочетков. Раздавить кровожадных наймитов // Таштыпский колхозник. 1938. 17 марта. С. 1.

⁴²³ Davies S. Popular Opinion in Stalin's Russia. Terror, Propaganda, and Dissent, 1934–1941. Cambridge: university phess, 1997. P. 126.

общих настроениях аудитории. Однако их обилие позволяет говорить о том, что во второй половине 1930-х гг., в том числе и под воздействием СМИ, в стране и исследуемых регионах сформировалась атмосфера страха, боязнь высказывать свое мнение, а в составе аудитории увеличился удельный вес так называемых «тоталитарных личностей». Под ними мы, вслед за М. В. Егуневой, подразумеваем тех, у кого превалирует конформистская установка сознания, ограниченность заданным бытием, способных воспринимать мир лишь фотографически и утративших связь со своим внутренним миром⁴²⁴.

На сознание представителей аудитории оказывало влияние противоречие между официальной информацией, транслируемой СМИ, и сведениями, получаемыми самостоятельно (наблюдения) и по неофициальным каналам (слухи). Это, как считает Ж. А. Рожнёва, «вырабатывало у людей своеобразное отношение к официальной информации, в котором причудливо соединялись слепое доверие и критическое восприятие»⁴²⁵. В условиях информационной замкнутости советского общества, обусловленной государственной монополией на информацию и каналы ее распространения, чтение газет и радиослушание являлись одним из наиболее доступных способов получения социально-значимых сведений. Поэтому такой «причудливый дуализм» восприятия медиаинформации и через них – действительности являлся одним из отличительных признаков аудитории СМИ тоталитарного государства.

Косвенными источниками об отношении граждан к СМИ служат материалы внештатных авторов, которые в советский период рассматривались как аккумулированное мнение трудящихся, показатель политической активности масс. Однако при анализе публикаций СМИ как исторического источника возникают сложности, связанные со спецификой языка сталинской эпохи, для которого, как отмечает О. Д. Минаева, был характерен минимальный набор политических штампов, политизированность нейтральной лексики, «ограниченность лексических средств, при помощи которых описывалась

⁴²⁴ Егунева М. В. Онтологические аспекты тоталитарной личности (опыт философского анализа): автореф. дис... канд. философ. наук. Оренбург, 2010. С. 6.

⁴²⁵ Рожнёва Ж. А. К вопросу об особенностях информационных процессов в советском обществе // Открытое и дистанционное образование. 2003. № 1(9). С. 49–50.

картина той жизни». Поэтому, резюмирует исследователь, «подлинные мысли людей той эпохи представляют определенную загадку»⁴²⁶.

Можно констатировать, что наиболее объективно СМИ отражали события и явления жизни общества в первой половине 1920-х гг. Газеты Горного Алтая, ориентируясь на крестьянство как целевую аудиторию, делали основной акцент на освещении жизни села. Наряду с восхвалением успехов кооперации и культурного строительства, на страницах местной прессы находили отражение противоречия между сторонниками старого и нового быта. В заметках селькоров присутствовало личное мнение, что позволяет говорить о наличии элементов дискуссионности в периодической печати и возможности сосуществования на ее страницах различных мнений.

Во второй половине 1920-х гг., в связи с усилением внутривнутрипартийной борьбы, разгромом троцкистско-зиновьевского блока и укреплением «культы личности» И. В. Сталина, произошло ужесточение партийно-государственного контроля во всех сферах общественной жизни и, в том числе за деятельностью СМИ, была создана система многоуровневой цензуры. Следствием этого стала унификация местной прессы, увеличение количества перепечаток, изменение рубрикации, отбор для публикации писем с позиций их соответствия политическим установкам. В результате местная жизнь в газетах автономий с конца 1920-х гг. стала освещаться однообразно, с использованием скудного набора жанров и лексико-семантических средств.

Такие изменения были связаны и с реализацией крупномасштабных проектов в сельском хозяйстве (коллективизация) и в промышленности (индустриализация), что потребовало усиления агитационно-пропагандистской функции СМИ и привело к изменению статуса аудитории, которой отводилась роль объекта идеологического воздействия. Редакционная политика прессы и радиовещания формировалась в рамках государственной информационной политики и установок, диктовавшихся партийно-государственными

---

⁴²⁶ Минаева О. Д. Публикации архивных документов советского времени. Что читать историку журналистики? // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2005. С. 41.

лидерами страны. В этих условиях, под влиянием массированного идеологического воздействия, осуществлявшегося через СМИ, происходила трансформация мировоззрения и мировосприятия граждан, что нашло свое отражение в публикациях прессы и радиовещания. Наиболее заметными такие изменения стали в период массовых репрессий 1937–1939 гг.

Таким образом, в Хакасии и Горном Алтае в первой половине 1930-х гг. в целом были созданы условия, необходимые для полноценного взаимодействия и взаимовлияния СМИ, аудитории, авторов публикаций и медиаинформации. Национальная письменность стала широко использоваться в массовой коммуникации (пресса, литература, школы, театр), что расширило сферу ее применения и способствовало выработке лексики, понимаемой читателями, в том числе представителями различных групп коренных этносов. Уровень грамотности и культурного развития жителей рассматриваемых автономий, в первую очередь сельских, повысился. Это привело к увеличению потенциальной аудитории печатных СМИ.

Активное вовлечение населения в общественную жизнь, в том числе с помощью школ, ликбезов, учреждений культурного и политического просвещения, способствовало формированию у граждан устойчивой потребности в получении и распространении общественно-значимой информации, интереса к СМИ как источнику необходимых для социализации сведений. Следовательно, можно говорить о том, что в первой половине 1930-х гг. в рассматриваемых территориях возникли массово-информационные пространства. Их различия, обусловленные расхождениями в сроках формирования в Хакасии и Горном Алтае национальной государственности, письменности и появления первых периодических изданий, в уровне развития промышленности и путей сообщений, были нивелированы в результате централизованного создания низовой печати, идеологической и содержательной унификации прессы, использования административного ресурса в организации подписки, увеличении аудитории и активизации рабселькоровского движения.

Исследование показало, что партийный диктат и контроль за деятельностью СМИ сдерживали творческое развитие местной, в том числе национальной журналистики, приводили к сужению круга тем и ракурсов их освещения, к превалированию политической медиаинформации, сведений о жизни в стране и за границей над местными новостями. Но, в то же время, финансовая и организационная помощь со стороны партийных органов, статус газет как партийного печатного органа позволяли прессе развиваться: увеличивать тираж, подбирать и готовить кадры, повышать действенность своих выступлений и эффективность критики, привлекать новых читателей и корреспондентов. В результате СМИ формировали (при поддержке и помощи других организаций) аудиторию, вовлекали в массово-информационную деятельность новых авторов, расширяли географию и тематику медиаинформации, то есть способствовали формированию массово-информационных пространств в исследуемых регионах.

Анализ широкого круга источников позволил сделать вывод о том, что в 1920–1930-е гг. полноценное развитие данных пространств сдерживало, в частности, то, что творческие сотрудники СМИ, от которых во многом зависела активность и эффективность взаимодействия и взаимовлияния всех элементов МИП, в большинстве своем не обладали профессиональным опытом и высоким уровнем грамотности. Это существенно затрудняло работу редакций с аудиторией и внештатными авторами. СМИ Хакасии и Горного Алтая на протяжении данного периода испытывали острую потребность в квалифицированных творческих работниках. Распространенными способами решения кадровой проблемы являлись практика совмещения должностей, приглашение журналистов из-за пределов автономных областей и выдвижение наиболее активных рабселькоров на работу в редакции. Вместе с тем, профессиональное обучение, как наиболее эффективная форма повышения квалификации, использовалась недостаточно. Командирование журналистов на курсы и в вузы затрудняли нехватка кандидатур, обладавших достаточным образовательным уровнем, и высокая степень загруженности творческих работников

редакций. Активность другой и более многочисленной группы авторов публикаций – рабселькоров – зависела от личных качеств и мотивации этих людей на сотрудничество со СМИ, понимания ими функций, целей и задач внештатных корреспондентов, но также и от возможностей редакций устанавливать и поддерживать контакт с такими авторами.

Исследование показало, что средства массовой информации служили доступным источником разнообразных, но подвергнутых соответствующей идеологической трактовке сведений о жизни в стране и за рубежом. Особенности содержания местных СМИ в 1920-е гг. – первую половину 1941 г. определялись влиянием политического фактора. Изменения, произошедшие в государственной информационной политике в условиях обострения внешне- и внутривнутриполитической борьбы, привели к максимальному сужению каналов трансляции информации, отсутствию в СМИ альтернативных суждений о событиях и явлениях в стране и мире. Итогом этого стало создание тоталитарной медиареальности, основу которой составляли политические установки высшего руководства партии и мифологизированные стереотипные представления о действительности, прежде всего, «образы» внешнего и внутреннего врага и заграницы. Массовое тиражирование СМИ унифицированных взглядов, мнений, проявлений всенародной поддержки политики партии и правительства, вовлечение в процесс создания подобных материалов значительного количества внештатных авторов способствовали закреплению у аудитории стереотипов поведения и восприятия реальности.

Сделан вывод о том, что становление массово-информационных пространств в рассматриваемых территориях во второй половине 1930-х гг. являлось одним из направлений государственной информационной политики, а их двуязычие обеспечивалось реализацией национальной политики советского государства.

Глава 3. МАССОВО-ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПРОСТРАНСТВА ХАКАСИИ И ГОРНОГО АЛТАЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1941–1953 ГГ.)

3.1. Особенности функционирования системы средств массовой информации

Во время Великой Отечественной войны и в послевоенный период на взаимодействие и взаимовлияние элементов массово-информационных пространств оказывали сильное воздействие внешние факторы, но также и изменения, произошедшие в системе средств массовой информации. Поэтому при изучении заявленной темы важным является исследование процесса трансформации государственной информационной политики, структуры и функционирования СМИ в военный и период «позднего сталинизма».

Отметим, что сформированные в военные годы у советских граждан под влиянием СМИ отношение к жизни и смерти, врагам и героям, идеалы, ценности и сценарии поведения, во многом сохранились и в послевоенный период. Количественные и качественные изменения, произошедшие в системе СМИ в период войны, также сказывались на их деятельности в течение всего послевоенного десятилетия. Это позволяет логически объединить два периода – военный и послевоенный – и рассматривать их как единое целое. Аргументом в пользу такого объединения может служить и то, что с конца 1930-х и до начала 1950-х гг. форма существования советского общества была относительно неизменной и сохраняла признаки, сформировавшиеся к концу 1930-х гг. М. В. Астахов предложил эту форму советского общества назвать «военизировано-бюрократической», поскольку ее основными признаками являлось «доминирование мобилизационных методов и методов непосредственного насилия (репрессий) в решении социальных проблем и управлении общественной жизнью». Одним из специфических признаков такой формы

служили особенности языка агитации и пропаганды⁴²⁷, которые, на наш взгляд, достаточно ярко проявились в средствах массовой информации рассматриваемого периода. Но заметим, что в изучаемых национальных территориях, в отличие от европейской части страны, формирование и трансформация «военизировано-бюрократической» формы советского общества происходили несколько позднее. Это позволяет обозначить хронологические рамки ее существования 1941–1953 гг.

Накануне войны в Хакасии и Горном Алтае были сформированы системы СМИ, которые включали областные, районные (аймачные), многотиражные издания и радиокомитеты, проводившие вещание на русском и национальном языках. Различия данных систем были обусловлены местными условиями, в основном, количеством районов и уровнем развития промышленности. Так, например, в Хакасии имела городская газета «Шахтер», выходящая в городе угольщиков – Черногорске, и рудничная «Коммунар» на Коммунаровском руднике. Тиражи районных изданий, издававшихся в промышленно развитых районах Хакасии (Саралинский и Ширинский), в полтора раза превышали тиражи газет, выпускавшихся в административных образованиях, где сельское хозяйство являлось основным видом деятельности населения (См. Приложение 2). Объем местного радиовещания в обеих автономиях составлял 1,5 часа в день, но количество передач на национальном и русском языках было разным, поскольку процентное соотношение различалось. Данный фактор также определял особенности районной (аймачной) прессы Горного Алтая, которая в большинстве своем была двуязычной.

Начавшаяся война привела к необходимости проведения массовой агитационно-пропагандистской работы, в том числе и с использованием ресурсов СМИ. Учитывая опыт 1930-х гг., когда в период коллективизации в рассматриваемых автономных областях началось развертывание сети районных и многотиражных изданий, можно было бы предположить, что в середине 1941 г. в стране также начнется расширение существующей системы

---

⁴²⁷ Астахов М. В. Стадия и форма развития... С. 150.

СМИ. Однако уже в августе 1941 г. по указанию ЦК ВКП(б) и Красноярского крайкома партии объем газет Хакасии, в первую очередь районных и городской, был уменьшен с четырех до двух полос. Их издателям – райкомам и Черногорскому горкому партии предложили провести сокращение штатов редакций и производственных расходов по выпуску изданий, а сэкономленные средства перечислить в партийный бюджет. Вдвое был сокращен объем национального издания «Хызыл аал», а его штат уменьшен на 5 человек⁴²⁸. Обкому партии удалось изыскать дополнительные ресурсы для обеспечения газеты бумагой, поскольку вплоть до весны 1942 г. «Хызыл аал» периодически выходила на четырех страницах. Довоенный объем сохранил только аскизский двуязычный «Ударник». Это исключение было мотивировано тем, что «перевод на две полосы не представляет возможности издания газеты на двух языках – русском и хакасском»⁴²⁹. Областную русскоязычную «Советскую Хакасию» сокращения затронули в незначительной степени, в то время как остальные издания уменьшили число своих выпусков с 8-10 до 4 в месяц и даже до одного раза в 10 дней. В Ойротии секвестирование местной прессы происходило по аналогичному сценарию: уменьшался ее объем и периодичность, но тираж оставался на довоенном уровне.

Отметим, что в первые военные месяцы в Хакасии и Горном Алтае происходило и заметное сокращение системы массового радиовещания. Например, по распоряжению Всесоюзного радиокомитета №15/94 от 28 августа 1941 г. Хакасский радиокомитет должен был сократить расходы на содержание низового вещания и штаты на 50%, уменьшив почти вдвое количество радиоузлов. На содержании было разрешено оставить четыре из семи радиостудий⁴³⁰. В Горном Алтае в 1941 г. статус радиокомитета понизили до редакции информации, подчиненной отделу культуры при облисполкоме. Время местного вещания было уменьшено, закрыты музыкальная, литературно-художественная, молодежная и детская редакции. В эфире звучали лишь пе-

⁴²⁸ НА РХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 797. Л. 150-151.

⁴²⁹ Там же. Л. 199.

⁴³⁰ НАРХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 820. Л. 21.

редачи общественно-политического вещания⁴³¹. В области фактически сохранялось прежнее число радиоузлов, но из-за отсутствия элементов питания не работала большая часть из них. На 1 января 1942 г. собственное вещание велось в шести из десяти радиоузлов. Через два месяца остался только один радиоузел, выдававший в эфир свои передачи, остальные транслировали программы областной радиостанции или не работали совсем⁴³².

Проведение такой кампании в отношении СМИ могло иметь политические причины. В нестабильной и сложной ситуации первых месяцев войны уменьшение объема сведений, поступающих аудитории, позволяло усилить идеологический контроль над информационными потоками. Однако подобные действия, предпринятые в политических целях, привели бы к заполнению «вакуума» информацией из альтернативных источников – слухами, свидетельствами очевидцев, а также суждениями неформальных лидеров общественного мнения. К тому же созданная в предвоенное десятилетие система цензуры позволяла организовать эффективный и многоуровневый контроль за транслируемой СМИ информацией. Следовательно, такое массовое сокращение объема и периодичности средств массовой информации обуславливалось в первую очередь экономическими причинами. Согласно «Мобилизационному народнохозяйственному плану», утвержденному Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК 30 июня 1941 г., максимальный объем людских и продовольственных ресурсов, а также денежных средств было необходимо направить на военно-промышленное строительство⁴³³. Учитывая размер дотаций, выделявшихся на покрытие убытков местной прессы, данное решение являлось логичным в условиях войны и позволяло не только сэкономить материальные и финансовые ресурсы, но и предусмотреть нехватку кадров, которая неизбежно возникнет после проведения массовой мобилизации.

В дальнейшем подобные акции происходили неоднократно. Так, согласно Постановления ЦК ВКП(б) от 5 апреля 1942 г. были уменьшены объемы и

---

⁴³¹ Говорит Ойрот-Тура! Говорит Горно-Алтайск! Горно-Алтайск, 2004. С. 10–11.

⁴³² КДА РА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 149. Л. 12, 18.

⁴³³ Великая Отечественная война // Большая историческая энциклопедия / Новиков С.В. и др. М., 2003. С. 146.

тиражи всех региональных газет, а руководству республик, краев, областей рекомендовано представить на утверждение в ЦК свои предложения о сокращении местных изданий⁴³⁴. Экономические трудности, которые испытывала страна к этому времени, усугубились техническими и кадровыми: сужением полиграфической базы, острой нехваткой квалифицированных типографских и журналистских работников, газетной бумаги, типографской краски. Расширение фронтовой печати потребовало перераспределения средств, в результате чего был закрыт ряд общесоюзных ведомственных, молодежных и других изданий, уменьшен формат и тираж местных газет⁴³⁵.

В Хакасии областные издания стали выходить на двух полосах, их тираж, а также тираж половины районных газет «с целью экономии бумаги» был уменьшен⁴³⁶. Пресса Горного Алтая подверглась более значительному сокращению: «Красная Ойротия» и «Кызыл Ойрот» были переведены на еженедельный выпуск, их тираж и штаты урезаны вдвое⁴³⁷. Отметим, что такая кампания в отношении региональных изданий проводилась централизованно, но размеры сокращений определялись обкомами партии исходя из местных условий (имевшихся запасов бумаги, кадрового потенциала и др.). Поэтому вместо предложенных ЦК ВКП(б) 15% тираж местной прессы в большинстве случаев был уменьшен на 20-40% и даже наполовину (См. Приложение 2). Чтобы сохранить хотя бы часть полнофункциональных газет, руководство Горного Алтая приняло решение прекратить выпуск шести из девяти аймачных изданий, а их ресурсы передать оставшимся⁴³⁸.

В марте 1943 г. по указаниям ЦК и крайкомов партии было проведено еще одно сокращение периодических изданий, в результате которого тираж некоторых газет Хакасии уменьшился почти на треть. Наиболее сильно это сказалось на существовании национальной прессы, поскольку единственное двуязычное районное издание «в связи с сокращением периодичности и с це-

⁴³⁴ КДА РА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 145. Л. 20.

⁴³⁵ Очерки истории идеологической деятельности КПСС, 1938-1961 гг. / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; редколл: Н. И. Макаров и др. М., 1986. С. 319.

⁴³⁶ НА РХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 862. Л. 341.

⁴³⁷ КДА РА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 145. Л. 10, 18.

⁴³⁸ Там же. Д. 108. Л. 88.

лью увеличения площади газеты» было решено перевести на русский язык⁴³⁹. В итоге в автономной области осталась только одна газета, выходившая на языке коренного этноса Хакасии. О. Д. Якимов указывает, что в Сибири и на Дальнем Востоке во время войны происходила усиленная дифференциация прессы по национальному признаку. Стремление усилить пропагандистское воздействие «в условиях военного времени на многонациональную аудиторию с целью ее сплочения» обусловили расширение в ряде регионов сети районных газет на языках коренных национальностей⁴⁴⁰. В Хакасии происходил обратный процесс, который был вызван, на наш взгляд, тем, что руководство автономной области не учитывало потребности представителей титульного этноса в получении информации на родном языке и явно переоценивало значение и степень влияния русскоязычной прессы на хакасов.

Авторы «Очерков истории Хакасии» отмечают факт повышения роли русского языка во время войны и объясняют его усилившейся потребностью представителей коренного населения узнавать о положении дел на фронтах «со страниц газет и радиосводок, которые были единственными источниками информации»⁴⁴¹. В начале войны с введением режима экономии были ликвидированы выпуски на хакасском языке, которые существовали в некоторых районных газетах. По своему содержанию они дублировали русскоязычные и часто содержали не оригинальные, а переводные материалы, но, тем не менее, обеспечивали функционирование хакасского языка в сфере СМИ. Но с 1943 г. для более чем сорока тысяч представителей титульного этноса, проживавших в автономии, на родном языке выходили только ежедневные выпуски новостей на областном радио, территория вещания которого во время войны была существенно сокращена, и одно периодическое издание тиражом 1800 экземпляров. Это привело к острому недостатку информации у коренного населения и вынуждало хакасов усиленно изучать русский язык.

Руководство Ойротии, где удельный вес коренного населения был выше,

⁴³⁹ НА РХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 940. Л. 98-99.

⁴⁴⁰ Якимов О. Д. Указ. соч. С. 115.

⁴⁴¹ Очерки истории Хакасии (с древнейших времен до современности) / гл. ред. В. Я. Бутанаев; науч. ред. В. И. Молодин. Абакан, 2008. С. 527.

а уровень владения им русским языком ниже, чем в Хакасии, вынуждено было считаться с такими особенностями региона. Поэтому оставшиеся после сокращения три аймачных издания выходили на двух языках. Но, оценивая эффективность их двуязычия, необходимо учитывать, что страница такой газеты формата А4 чаще всего заполнялась 4-5 статьями актуальной тематики (партийная жизнь, итоги сельхозработ, критика отстающих колхозов). Национальная полоса полностью дублировала содержание полосы русскоязычной, при этом качество перевода было низким, на что указывали не только авторы обзоров районной прессы, но и цензоры. Так, например, в июле 1943 г. начальник областного ЛИТО Кондратьева и политредактор алтайского языка Гончарова в ходе выборочной проверки аймачных газет выявили, что в переводе одного из номеров «Ойротского охотника» допущено «большое количество грамматических ошибок, что затрудняет понимание напечатанного материала». К письму прилагался выпуск издания, вторая страница которого (на алтайском языке) была полностью испрещена исправлениями⁴⁴². Частота подобных замечаний заставила Ойротский обком ВКП(б) в мае 1944 г. ввести в штаты аймачных газет должность переводчика.

Практика дублирования, использовавшаяся при подготовке национального выпуска районной газеты, определяла полную зависимость качества его содержания от исходного текста, подготовленного на русском языке. В довоенный период и в годы войны районные издания подвергались регулярной критике за невысокую информационную и фактологическую насыщенность материалов, казенный стиль, низкий уровень грамотности, непродуманное композиционное построение материалов. В обзорах отмечались случаи, когда статья на 86% заполнялась призывами к работе «дружной и самоотверженной» и только 14% ее объема отводилось под примеры из жизни района⁴⁴³. Редактору было необходимо уместить на полосе с альбомный лист набор материалов требуемой тематики, в первую очередь партийной. Это также приводило к тому,

---

⁴⁴² КДА РА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 215. Л. 38-40.

⁴⁴³ Там же. Д. 145. Л. 6.

что указанные выше недостатки представляли в газете в сконцентрированном виде, а в выпуске на алтайском языке усугублялись из-за некачественного перевода. В результате обеспечение медиainформацией представителей коренного этноса Горного Алтая во время войны существенно ухудшилось.

О масштабах и влиянии кампаний по экономии ресурсов на информационное снабжение аудитории позволяют судить следующие данные. Сокращение газет в стране привело к ужесточению лимитов на прессу, выделявшуюся регионам. Так, например, в Ойротии на один аймак приходилось в среднем по 15 экз. «Правды», 2-5 экз. «Труда», 10-15 экз. «Известий», 100 экз. краевой «Алтайской правды», от 100 до 300 экз. «Красной Ойротии». Лимит на «Кызыл Ойрот» зависел от количества представителей коренного населения в районе⁴⁴⁴. Это затруднило физический доступ читателей к прессе и привело к уменьшению аудитории центральных и местных периодических изданий. До войны годовой тираж всех газет Горного Алтая составлял 2323651 экз., в 1943 г. было выпущено только 705600 экз.⁴⁴⁵. То есть в середине войны читателям области поступало на 60% меньше экземпляров местных газет, чем в мирное время (подсчитано нами – Ю. К.). С учетом того, что периодичность, формат и количество полос изданий были уменьшены вдвое, то можно говорить о том, что аудитория прессы Хакасии и Ойротии в военные годы получала лишь 10-15% от прежнего объема сведений (подсчитано нами – Ю. К.).

Сокращение тиражей газет в СССР во время войны констатировала даже официальная статистика, согласно которой в 1945 г. в сравнении с 1940 г. разовый тираж газет уменьшился с 38 до 23 млн. экз., то есть на 40% (подсчитано нами – Ю. К.), а журналов – с 245 до 73 млн. экз., то есть на 70% (подсчитано нами – Ю. К.)⁴⁴⁶. В районах Сибири тираж газет не увеличивался до 1944 г.⁴⁴⁷. Но в Хакасии и Горном Алтае восстановление местной прессы затянулось до 1950-х гг. Эти процессы существенно сказались на функционировании региональных систем СМИ и их взаимодействии с участниками мас-

⁴⁴⁴ Там же. Л. 36-37.

⁴⁴⁵ КДА РА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 215. Л. 1.

⁴⁴⁶ Страна Советов за 50 лет: сб. статистич. материалов. М., 1967. С. 290.

⁴⁴⁷ Щербинин М. Ф. Культура Сибири в годы Великой Отечественной войны. Иркутск, 1996. С. 33.

сово-информационной деятельности. Перебои в снабжении бумагой затрудняли регулярный выпуск газет, они поступали подписчикам с большим опозданием, что значительно снижало их значимость как источника информации. Многие жители не имели регулярного доступа к прессе, в том числе из-за отсутствия наличных средств на подписку. В то же время война обострила потребность граждан в получении общественно-значимой информации, которую пресса не могла удовлетворить. В этих условиях ведущую роль в информировании аудитории стало играть радиовещание. Можно сказать, что именно во время войны были по достоинству оценены его высокая оперативность, доступность для восприятия даже неграмотных, возможность воздействовать на аудиторию на эмоциональном, а не только рациональном уровне.

Проведенная в довоенный период установка радиоточек, радиоприемников и уличных громкоговорителей практически во всех крупных населенных пунктах автономий способствовала быстрому формированию у населения устойчивой привычки радиослушания и получения наиболее оперативной информации именно из этого СМИ. Поэтому о начале войны многие жители Хакасии и Горного Алтая узнали именно по радио, которое на протяжении военных лет стало прочно ассоциироваться с голосом самого известного диктора СССР. Это нашло отражение во многих воспоминаниях: «Это уже был обед, когда мы узнали. Радио оповестило. Левитан сказал, что началась война»⁴⁴⁸. Но если в городах и крупных населенных пунктах передачи Всесоюзного и местного радио звучали постоянно, то в сельской местности вещание было нерегулярным и часто прекращалось. Большая часть радиотрансляционных узлов автономий использовало для работы собственные энергобазы, каждая из которых потребляла ежемесячно до 1,5 тонн горючего⁴⁴⁹. Острая нехватка горючего, обусловленная потребностями фронта, привела к закрытию радиоузлов. Некоторые из них прекратили работу из-за отсутствия за-

---

⁴⁴⁸ Из личной беседы автора с В. Г. Грищевой, ветераном Великой Отечественной войны, записанной 17 апреля 2005 г. в г. Абакане.

⁴⁴⁹ НА РХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 884. Л. 18.

пасных частей к аппаратуре и кадров⁴⁵⁰, поскольку опытные радиоуполномоченные, в большинстве своем мужчины, ушли на фронт.

Очевидцы вспоминают, что во время войны в столице Ойротии радио включали трижды в день – утром, днем и вечером, когда передавали последние известия, а в промежутках иногда транслировали выступления местного сказителя Улагашева⁴⁵¹. В 1942 г. в Горно-Алтайске на грани остановки оказалась радиостанция РВ-83, поскольку необходимых для электродвигателя запасов горючего хватило бы на 2-3 дня работы⁴⁵². Проблемы местного радиовещания обострились, так как семь из десяти аймачных радиоузлов приостановили свою работу из-за отсутствия комплектов питания и электроэнергии. Оставшиеся узлы транслировали только сводки Совинформбюро. В итоге, как считал председатель ОблРК Б. Н. Попов, почти 70% местных радиопередач буквально «растворялось в воздухе», поскольку численность радиоаудитории, и в первую очередь «слушателей-алтайцев»⁴⁵³, значительно сократилась.

Несмотря на возросшую потребность людей в получении оперативной информации, дополнительная радиофикация населенных пунктов была невозможной, так как «торговая сеть плохо снабжала репродукторами». Поэтому в Хакасии для обеспечения радиослушанием строителей стратегически важного объекта – Уйбатского оросительного канала, была задействована вся имевшаяся техника. Но даже после этого оставалась крайняя необходимость в 100 репродукторах, а общая потребность в них области составляла 5 тысяч⁴⁵⁴. Для решения данной проблемы руководство области шло, подчас, на крайние меры. Так, в августе 1944 г. Хакасский обком партии распорядился изъять у жителей Абакана и Черногорска 60 репродукторов с последующей компенсацией их стоимости владельцам. Полученные таким образом громко-

⁴⁵⁰ Лукинский Ф. А. Культурно-просветительная работа в Сибири и на Дальнем Востоке накануне и в годы Великой Отечественной войны (1937-1945 гг.) / Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1968. С. 371.

⁴⁵¹ Митюшев В. Записки обыкновенного человека [Электронный ресурс]. С. 143. URL: <http://www.mybio.ru/zapiski/text/chapter28/page1.html> (дата обращения: 15.02.2012).

⁴⁵² КДА РА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 149. Л. 1.

⁴⁵³ Там же.

⁴⁵⁴ ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 4. Д. 20. Л. 44.

говорители предполагалось «установить в колхозах области, не имеющих репродукторов»⁴⁵⁵.

Сокращение радиосети происходило по разным причинам. Одной из них можно назвать реквизицию радиоприемников у населения. В условиях военного времени требовались кардинальные меры по ужесточению цензуры и устранению возможности получения гражданами какой-либо информации кроме сообщавшейся Всесоюзным радио⁴⁵⁶. Часть радиоприемников после получения соответствующего разрешения органов НКВД была возвращена владельцам, прежде всего, организациям. Например, в Горном Алтае из 246 изъятых приемников выдали обратно 49⁴⁵⁷. Это было сделано, в основном, для оборудования мест коллективного радиослушания.

Ф. А. Лукинский утверждал, что коллективное прослушивание радиопередач, как особая форма культурно-просветительной работы, в Сибири получило распространение именно в годы Великой Отечественной войны, что было обусловлено специфическими условиями военного времени⁴⁵⁸. Анализ архивных документов позволил сделать вывод о том, что такая форма в Хакасии и Горном Алтае практиковалась и ранее. Но в годы войны она стала использоваться гораздо шире в связи с сокращением количества радиоточек и радиоприемников, а также из-за значительного повышения потребности аудитории в информации. Коллективные читки газет носили, зачастую, формальный характер и не позволяли слушателям полноценно усваивать информацию. В этих условиях двуязычное радио в автономиях являлось действенным оружием пропаганды и агитации, а благодаря музыкальным передачам – и любимым для многих жителей средством массовой информации.

Для проведения политической работы с массами и удовлетворения повышенного в военных условиях интереса граждан к оперативным сообщениям о положении в стране создавались пункты коллективного радиослушания

---

⁴⁵⁵ НА РХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1030. Л. 318.

⁴⁵⁶ Шерель А. А. Аудиокультура XX века. История, эстетические закономерности, особенности влияния на аудиторию: очерки. М., 2004. С. 73.

⁴⁵⁷ КДА РА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 149. Л. 18.

⁴⁵⁸ Лукинский Ф. А. Указ. соч. С. 370.

в клубах и частных квартирах, в колхозных конторах и сельсоветах, в избах-читальнях. Уже 16 июля 1941 г. председатель Хакасского областного радиокomiteта М. П. Дербенев докладывал в обком партии, что «коллективным слушанием было охвачено около 35 тыс. человек»⁴⁵⁹. Мы считаем, что эта цифра может быть выше за счет неформального группового радиослушания, когда, например, вокруг уличного громкоговорителя во время передачи сводок Совинформбюро стихийно собиралась толпа, или соседи приходили на квартиру, в которой была установлена индивидуальная радиоточка.

На наш взгляд, восприятие сведений в группе позволяло аккумулировать эмоции и направлять их в идеологически правильное русло: заслушивание новостей нередко предварялось небольшим собранием трудового коллектива, где подводились итоги, делались объявления, распоряжения и т. д. По окончании передачи обсуждение информации заменялось выступлением формального лидера общественного мнения (руководителя организации или ее подразделения, председателя профкома, представителя партийного органа и т. д.). Итогом становилось принятие резолюции, решения, а иногда и проведение митинга. Но главной причиной широкого распространения и популярности коллективного слушания радиопрограмм как формы получения оперативных сведений в военные годы мы считаем общее сокращение источников информации при резко возросших информационных потребностях граждан. Журналисты и внештатные корреспонденты местных СМИ нередко использовали такие мероприятия для сбора информации или в целом как информационный повод для создания заметки. Так, например, после выступления по Всесоюзному радио И. В. Сталина 3 июля 1941 г. ХакОблРК выдал в эфир 65 материалов о проходивших во всех районах митингах, выступлениях граждан, решениях трудовых коллективов, а также «патриотические письма отдельных товарищей»⁴⁶⁰.

---

⁴⁵⁹ НА РХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 820. Л. 18.

⁴⁶⁰ Там же. Л. 19.

В условиях войны любая информация, распространяемая СМИ, приобретала особое значение. Поэтому граждане болезненно реагировали и жаловались на плохое качество вещания: «Шум, треск, ни одного членораздельного слова. Передачи начинаются с опозданием, бывает, что внезапно обрываются и т. д. Мы не слышим приказов товарища Сталина, не слышим салютов в честь победителей, так как передачи вообще нет»⁴⁶¹. Руководство областных радиокomiteтов объясняло плохое качество вещание запущенностью линейного хозяйства, отсутствием ремонта радиосети, «безобразной» работой городской электростанции, из-за чего радиоточки молчали месяцами, срывалась трансляция даже сводок Совинформбюро⁴⁶². Отчасти плохое качество трансляции было вызвано объективными причинами. В связи с тем, что крупные радиостанции были эвакуированы из Москвы, для трансляции передач Центрального радио стала использоваться междугородная телефонная сеть. Сигнал принимался радиостанциями в восточной части СССР, которые вели вещание на всю страну⁴⁶³. В Хакасии и Горном Алтае «Последние известия» и местные передачи транслировали и по проводам внутрирайонной телефонной сети. Но такой способ вещания не отличался хорошим качеством и не мог полностью компенсировать сокращение низового вещания.

Существенное уменьшение объемов информации, циркулировавшей в массово-информационных пространствах национальных территорий, затруднение доступа к СМИ представителей аудитории при значительно возросшей у них потребности в получении общественно-важных сведений, пытались компенсировать за счет расширения устной агитации⁴⁶⁴. Массовая мобилизация привела к сокращению числа опытных пропагандистов. Поэтому в состав районных агитбригад нередко включали вожатых, учащихся школ, которые проводили лекции, беседы, громкие читки газет, сводок Совинформбюро, писем фронтовиков, выпускали «боевые листки» и стенгазеты⁴⁶⁵.

⁴⁶¹ Степанова, Самарина, Тимофеева. Почему молчит радио в Бюрграде? // Советская Хакасия, 1944. 12 мая. С. 2.

⁴⁶² Дербенев М. Пора улучшить работу абаканского радиоузла // Советская Хакасия, 1944. 5 июля. С. 2.

⁴⁶³ Пересыпкин И. Т. Воспоминания наркома // Радио в дни войны. М., 1982. С. 138.

⁴⁶⁴ КГУ «ГА АК». Ф. 1. Оп. 18. Д. 302. Л. 56.

⁴⁶⁵ См., напр.: КДА РА. Ф. 190. Оп. 5. Д. 1. Л. 60.

Еще одним способом обеспечения доступа к прессе должна была стать организация газетных витрин. Но, как свидетельствуют архивные документы, такие витрины, созданные в Хакасии и Горном Алтае в 1941 г., очень быстро были заброшены, не снабжались свежими номерами прессы. Отсутствие замков приводило к краже дефицитной прессы. Отпускаемые специально для витрин экземпляры «использовались не по назначению и в большинстве случаев оседали в кабинетах предприятий, учреждений, конторах колхозов»⁴⁶⁶.

Отчасти недостаток печатной прессы и медиаинформации восполнялся за счет стенных газет, которые в автономиях к началу войны выходили практически во всех организациях, учреждениях, колхозах, на предприятиях и в школах. В каждом районе насчитывалось до сотни стенгазет, имевших свое постоянное название, редколлегию и корреспондентский актив. Во время войны этот ресурс был задействован на полную мощность для организации общественного мнения, агитации «за активную помощь фронту», а также для настроя людей «на преодоление трудностей, вызванных войной»⁴⁶⁷. Номера стенгазет, выходивших в Хакасии в военные годы, не сохранились. Но два экземпляра таких изданий имеются в экспозиции Горно-Алтайского республиканского краеведческого музея им. А. В. Анохина. Поскольку подобные газеты в силу технических условий и способов их производства, а также единого идеологического руководства в большинстве своем были унифицированы, то по отдельным номерам можно в общих чертах судить о внешнем виде и содержании стенгазет, выходивших в регионах в военное время.

Стенная газета формата А4 выпускалась в одном экземпляре, который вывешивали на специальном стенде или в людном месте. Текст в ней писался от руки или печатался на машинке. «Шапка» содержала название, часто иллюстрированное, иногда – лозунг, призыв, цитату из выступления И. В. Сталина. Основу содержания такой газеты составляли материалы местных авторов, выполненные в «малых» журналистских жанрах (заметка, реплика, от-

⁴⁶⁶ Там же. Ф. 337. Оп. 1. Д. 48. Л. 23; НА РХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 944. Л. 127.

⁴⁶⁷ Дианов А. Смотр стенных газет в Абакане // Советская Хакасия, 1941 27 ноября. С. 2.

клик), по возможности – рисунки и карикатуры. Корреспонденты сообщали о достижениях, починах, передовом опыте, критиковали нерадивых работников, отстающие коллективы и недостатки, высказывали свое мнение в поддержку проводимых в стране (области, районе) кампаний. В стенгазетах иногда помещались (в сокращенном виде) наиболее важные статьи, опубликованные в СМИ, и выдержки из сообщений Совинформбюро. Периодичность таких изданий составляла от одного номера в неделю до нескольких номеров в год и зависела, в основном, от активности и заинтересованности редколлегии в выпуске стенгазеты, от проводимых политических и сельхозкампаний. Во время войны стенгазетам придавалось политическое значение: за регулярностью их выхода следили райкомы партии, редакции местных газет, руководители организаций и предприятий, колхозов и школ. В случаях, когда издание газеты было невозможно, выпускались более оперативные «молнии» и «боевые листки», посвященные одной, но наиболее важной новости дня: рекорд стахановца, значительное перевыполнение плана, успех советских войск и т. д.

Причины «небоевитости» стенгазет и неактивности отдельных редакций часто объяснялись отсутствием должного внимания к ним и их работе партийных и комсомольских организаций⁴⁶⁸. Но, на наш взгляд, многое в работе редакции зависело от инициативы редколлегии и корреспондентского актива. Подтверждением этого могут служить факты, когда авторы стенных изданий, не ограничиваясь призывами, на деле показывали примеры патриотического поведения. Например, рабкоры газеты «Связист» (Хакасское областное отделение связи) помогли организовать воскресник, средства от которого, по предложению работников коллектива, были сданы в фонд обороны страны⁴⁶⁹. Члены редакции стенгазеты «За ударную работу», пытаясь выяснить причины невыполнения норм при уборке урожая, сами починили косилку и перевыполнили план, описали свой опыт в газете и таким образом стимулировали

⁴⁶⁸ Федосеев Б., Ачитаев П. «За ударную работу». Колхозная стенгазета в военное время // Советская Хакасия, 1942. 5 февраля. С. 2.

⁴⁶⁹ Дианов А. Смотр стенных газет в Абакане // Советская Хакасия, 1941. 27 ноября. С. 2.

других работников следовать их примеру⁴⁷⁰. Главной задачей стенных газет было разъяснение значения Великой Отечественной войны, а также разоблачение паникеров, болтунов, трусов и всех тех, кто «мешает делу защиты родины, делу победы над врагом»⁴⁷¹. Но редакционным работникам, большинство которых составляли женщины, заменившие демобилизованных мужчин, для эффективного решения таких задач не хватало уровня образования, профессиональной подготовки, публицистического таланта, авторитета. Поэтому стенгазеты не могли в полной мере заменить областные и районные газеты.

Коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны, произошедший в 1943 г., вызвал изменение основных установок государственной информационной политики, усиление культурно-политического воспитания населения. Районным и городским газетам в этой работе традиционно отводилась главная роль, поскольку они могли донести информацию практически до каждого гражданина. Однако очередное и масштабное сокращение местной прессы весной 1943 г. сузило их возможности ведения информационной и агитационно-пропагандистской работы, что усложнило ситуацию в стране со снабжением граждан оперативной медиаинформацией. Это могло вызвать информационный «голод» и ослабить идеологическое влияние партии на массы, недопустимое в условиях войны. Поэтому ЦК ВКП(б) принял решение, согласно которому предполагалось восстановление местной радиосети не только в бывших зонах боевых действий, но и по всей стране. Реализовать этот план в короткие сроки было невозможно, в первую очередь из-за объемов таких работ, отсутствия необходимого количества аппаратуры и оборудования, квалифицированных технических кадров. Поэтому решено было продолжить политическую работу, проводимую местной печатью, используя средства низового вещания.

Согласно Постановления ЦК партии «О районном местном радиовещании», партийные органы на местах должны были, используя радио и теле-

---

⁴⁷⁰ Федосеев Б., Ачитаев П. «За ударную работу». Колхозная стенгазета в военное время // Советская Хакасия, 1942. 5 февраля. С. 2.

⁴⁷¹ Роль стенных газет в военное время // Советская Хакасия, 1941. 18 июля. С. 1.

фонные провода, обеспечить «передачу в сельсоветы и колхозы каждого очередного номера районной газеты», дополняя его политическими новостями, сводками Совинформбюро и материалами из жизни района⁴⁷². Это постановление подкреплялось решениями не только ВРК, но и СНК СССР. Так, 15 июля 1943 г. Совет Народных Комиссаров СССР принял решение об утверждении типовых штатов, которые могли иметь районные и фабрично-заводские редакции, а спустя несколько дней Всесоюзный радиокomitee издал ведомственную инструкцию «О вновь организуемых редакциях радиовещания»⁴⁷³. Циркуляры регламентировали восстановление прежней сети радиоузлов и развитие всей сети низового вещания. На основании этих документов исполкомы областных советов и обкомы партии Хакасии и Горного Алтая приняли решения организовать редакции местного вещания в районных центрах и на предприятиях. Руководить такими редакциями должны были редакторы районных газет, а контролировать – вторые секретари райкомов ВКП(б)⁴⁷⁴.

Данная мера, по нашему мнению, была вынужденной и позволяла лишь отчасти решить проблему недостатка медиаинформации. Мероприятия по восстановлению низового вещания, проводимые в масштабах страны, не учитывали особенности местных условий, в частности, состояние технической и кадровой базы. Вся материальная и организационная ответственность за их реализацию перекладывалась на региональные власти. Поэтому претворение постановления в жизнь на местах имело характер политической кампании, что и сказалось на результатах. Так, на межобластном совещании председателей радиокomitee Сибири, состоявшемся 25-27 августа 1943 г. в Новосибирске, руководитель Хакасского ОблРК М. П. Дербенев отчитывался, что после получения постановления ЦК «дергали людей по телефону», и поэтому удалось достаточно быстро восстановить вещание в тех районах, где оно было ликвидировано в начале войны. Однако через некоторое время «райкомы

---

⁴⁷² О районном местном радиовещании: Постановление ЦК ВКП(б) от 3 июня 1943 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: [9-е изд., исп. и доп.]. М., 1985. Т. 7. С. 418-419.

⁴⁷³ Копии: НА РХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 942. Л. 146.

⁴⁷⁴ Там же. Л. 79.

начали не беспокоиться», поэтому организованное наспех радиовещание прекратилось. Причинами этого послужило отсутствие технического обеспечения со стороны районных контор связи и приспособленных помещений. В большинстве райцентров отсутствовали специально оборудованные студии, поэтому, например, в Таштыпе радиостудию заняли под квартиру⁴⁷⁵, а передачи Бейского радиоузла велись «из временно оборудованного рабочего кабинета второго секретаря райкома ВКП(б)»⁴⁷⁶. Результаты проверки, выявившей данные факты, заставили обком партии более тщательно проработать организационные и технические вопросы, что позволило наладить регулярные радиопередачи на местах утром и вечером. Кардинальное решение проблемы председатель областного радиокомитета видел в том, чтобы не просто организовать процесс передачи в эфир новостей, но и восстановить радиоредакции в тех райцентрах, где они существовали до войны⁴⁷⁷.

Реализация указанного постановления в Горном Алтае была связана с более значительными трудностями. С мая 1942 г. в шести аймаках из девяти местные издания прекратили свое существование. Поэтому в этих районах не представлялось возможным обеспечить передачу содержания районных газет по радио. Кроме того, в четырех районах население было лишено не только местной газеты, но и радиовещания, поскольку радиоузлы не работали, а эфирные точки (радиоприемники) в колхозах и совхозах отсутствовали. Острая нехватка кадров не позволяла выделить кандидатуры на должность радиоуполномоченных⁴⁷⁸.

Но организационные и технические проблемы были решены, и в январе 1944 г. в Хакасии начали регулярное вещание уже 7 радиоузлов, по сравнению с 1941 г. количество радиоточек увеличилось в 1,5 раза и достигло 9097⁴⁷⁹. Проведение аналогичных мероприятий в Горном Алтае позволило к началу 1944 г. полностью восстановить работу 11 радиоузлов и увеличить

---

⁴⁷⁵ ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 4. Д. 20. Л. 42-43.

⁴⁷⁶ НА РХ. Ф. 2.. Оп. 1. Д. 974. Л. 29.

⁴⁷⁷ ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 4. Д. 20. Л. 44.

⁴⁷⁸ Там же. Л. 6-8.

⁴⁷⁹ НА РХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 980. Л. 1-4.

количество радиоточек до 4085⁴⁸⁰. Однако сложная ситуация с обеспечением нормального функционирования радиоузлов в районах сохранялась до конца войны. Организацией вещания занимались корреспонденты районных изданий. Эти дополнительные обязанности были возложены на них в связи с тем, что из-за уменьшения формата и периодичности местных газет объем основной работы у них сократился. Такая практика себя не оправдала – в радиоузлах, где вещанием занимались журналисты газет, было зафиксировано более всего срывов передач и проявлений «безответственности со стороны уполномоченных»⁴⁸¹. Нормализации вещания мешала частая ротация радиоуполномоченных, вызванная, в том числе их частыми «перебросками» с одной работы на другую. Только после окончания войны появилась возможность из числа фронтовиков сформировать работоспособный коллектив уполномоченных низового радио.

К концу войны система средств массовой информации рассматриваемых автономий в целом сохранила свою структуру и представляла собой комплекс периодических изданий (областные, районные, стенные газеты) и радиовещательных организаций (областные радиокомитеты и студии низового вещания). В Горном Алтае было восстановлено издание трех ранее закрытых районных газет. В Хакасии начался выпуск нового издания во вновь образованном Усть-Абаканском районе, постепенно расширялась сеть радиоточек, что позволило увеличить охват жителей радиослушанием.

Однако ущерб, нанесенный войной техническому хозяйству и кадровому потенциалу СМИ, серьезно отразился на их содержании и взаимоотношениях с другими субъектами массово-информационного пространства: аудиторией, штатными и внештатными авторами. Проведенные в автономиях в конце 1945 г. – 1946 г. проверки газет выявили в их работе серьезные недостатки не только идеологического, но и организационно-технического характера. Сильная изношенность печатных машин и нехватка шрифтов в районных ти-

---

⁴⁸⁰ КДА РА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 275. Л. 25-26.

⁴⁸¹ НА РХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1156. Л. 23.

пографиях сказывалась на качестве оформления местной прессы: фотографии и рисунки на полосах выглядели черными пятнами, а тексты нередко получались практически нечитаемыми. Согласно Постановлению ЦК ВКП(б) «О снабжении районных газет полиграфическим оборудованием и шрифтами» в 1947–1950 гг. предполагалось модернизировать оборудование местных типографий и обновить их шрифты⁴⁸². Но, как показал анализ архивных документов, типографская техника в районах Хакасии и Горного Алтая подлежала замене лишь в случае полного выхода из строя, что могло повлечь за собой прекращение выпуска газеты. Устаревшие и изношенные, но работающие станки не заменялись, поэтому качество печати и оформления районных изданий до середины 1950-х гг. оставалось низким.

Произошедшее во время войны закрытие ряда газет и значительное уменьшение периодичности и объема оставшейся прессы привело к потере интереса к ней как читателей, так и внештатных авторов. Следствием этого, как отмечали проверяющие, являлся «отрыв» некоторых редакций от жизни своих районов. В результате статьи изобиловали общими фразами, призывами и цитатами партийных документов, но не содержали факты и примеры, иллюстрирующие утверждения авторов⁴⁸³. Падение читательского интереса приводило к уменьшению подписки и повышению убыточности газет. Министр связи СССР Н. Псурцев, отмечая трудности с распространением прессы, возникшие во второй половине 1940-х гг., указал на одну из объективных причин данного явления: «формат большинства городских и районных газет мал, а цена по сравнению с центральными и областными газетами высока». Поэтому население, получившее в послевоенные годы возможность выбора, предпочитало за ту же стоимость выписывать центральные и областные (краевые) издания – более оперативные, информативные и качественные⁴⁸⁴.

Приведенные факты позволяют говорить о том, что в течение войны и во второй половине 1940-х гг. происходило постепенное сокращение массово-

---

⁴⁸² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 525. Л. 51.

⁴⁸³ КДА РА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 486. Л. 18-44.

⁴⁸⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 17. Л. 108.

информационных пространств Хакасии и Горного Алтая, в основном, из-за уменьшения охвата местными СМИ аудитории и снижения степени вовлечения в коммуникационный процесс ее представителей. Добиться расширения МИП предполагалось, прежде всего, за счет восстановления довоенного объема, периодичности, тиража прессы и дальнейшего увеличения этих показателей. Постановление ЦК ВКП(б) «Об улучшении качества и увеличении объема республиканских, краевых и областных газет», принятое в июне 1945 г., затронуло лишь крупные регионы и промышленно развитые области, но послужило поводом для многочисленных ходатайств, адресованных в Центральный комитет партии. Так, в декабре 1945 г. Алтайский крайком ВКП(б) обратился в ЦК просьбой об увеличении периодичности и тиража областных газет⁴⁸⁵, но получил отказ. Также были отклонены прошения о возобновлении выпуска закрытых в 1942 г. районных газет в Элекмонарском и Турочакском аймаках⁴⁸⁶.

Анализ обращений, поступивших в послевоенное десятилетие в Управление (с 1948 г. – Отдел) агитации и пропаганды ЦК ВКП(б), показал, что большинство из них содержали просьбы о восстановлении довоенного уровня местных изданий. В первые послевоенные годы такие прошения в большинстве случаев отклонялись, «учитывая затруднения в снабжении газетной бумагой», а с 1948 г. удовлетворялась только четверть из них. При этом важную роль играла аргументация просьбы, подкрепление ее фактами и примерами, доказывающими необходимость положительного решения вопроса. Учитывался также национальный фактор и объем требуемых изменений. Так, обращение Хакасского обкома об увеличении тиража русскоязычной газеты «Советская Хакасия» с 7650 до 20000 экз. в 1948 г. было удовлетворено лишь наполовину, но тираж национального издания «Хызыл аал» поднят с 1500 до 5000 экз.⁴⁸⁷. В следующем году Отдел агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) поддержал просьбу Горно-Алтайского областного комитета партии, разре-

---

⁴⁸⁵ КДА РА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 486. Л. 1.

⁴⁸⁶ КДА РА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 486. Л. 4; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 525. Л. 44-45.

⁴⁸⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 604. Л. 94; Оп. 132. Д. 17. Л. 154.

шив увеличить периодичность «Кызыл Ойрот» до пяти раз в неделю, а дотацию на ее издание – более чем на треть. Руководство области ссылалось на необходимость удовлетворения информационных запросов коренных жителей, большинство из которых не знало русского языка и, следовательно, не имело возможности читать русскоязычную центральную и местную прессу. Изменения должны были повысить оперативность сообщений национального издания и укрепить его связь с селькорами, корреспонденции которых в редакции «сотнями ожидали выхода и теряли свою актуальность»⁴⁸⁸.

Стремление местных властей к улучшению условий существования местных изданий были вызваны в первую очередь необходимостью усиления влияния прессы на население. Это позволяло оптимизировать проведение массовых политических и сельскохозяйственных кампаний, а также всей агитационно-пропагандистской работы, которой в послевоенный период уделялось большое внимание. Но настоятельные просьбы об увеличении тиража областной и особенно районной прессы нередко не учитывали реальную потребность в ней аудитории, наличие интереса к получению общественно-значимой информации именно из данного вида СМИ.

В июле 1949 г. Министерство связи СССР в своем письме в Отдел агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) сетовало на нераспространение тиражей многих газет, особенно национальных. Причину этого руководство ведомства видело в том, что издания выпускались в объемах, превышавших потребность, но местные отделы агитации и пропаганды партийных комитетов тиражи не уменьшали. «Превращение газет в макулатуру, – считали представители Министерства, – наносит политический и хозяйственный ущерб», поскольку приводит к непроизводительным расходам, дискредитации советских изданий в результате продажи их на обертку и т. д.⁴⁸⁹.

Анализ архивных документов показал, что после увеличения тиражей значительная часть выпусков областных и низовых изданий в автономии ос-

⁴⁸⁸ Там же. Оп. 132. Д. 128. Л. 26-29.

⁴⁸⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 128. Л. 43.

тавалась не востребовавшейся. Особенно острой данная проблема стала в начале 1950-х гг. Основным способом распространения прессы традиционно являлась подписка, что позволяло контролировать процесс распределения периодической печати среди населения. Проведенная Горно-Алтайским обкомом проверка показала, что на 1 апреля 1951 г. четверть тиража «Звезды Алтая» и почти половина тиража «Алтайдын Чолмоны» не были освоены. Виновными в данной ситуации посчитали работников «Союзпечати» и районных комитетов партии, которые, как отмечалось в документе, «пустили дело распространения печати на самотек»⁴⁹⁰. Такие выводы можно назвать справедливыми, поскольку партийные, советские и хозяйственные работники на местах сами не выписывали газету и не предпринимали мер к ее распространению. Описывая такие факты, зав. отделом редакции «Алтай Чолмоны» Тошпоков констатировал: «Животноводы не читают газет, и большинство неграмотны. В колхозных конторах газеты лежат, по чабанам не разносятся, политико-массовой работы среди животноводов не ведется»⁴⁹¹. Чтобы переломить ситуацию, редакция национального издания отправила журналистов в районы. Но даже после такого активного воздействия на потенциальную аудиторию из 3000 экземпляров газеты стало расходиться не более 1700⁴⁹². В Хакасии местные издания также испытывали трудности с распространением, но ситуация здесь была лучше: план по подписке на 1953 г. по «Советской Хакасии» был освоен на 83%, а «Хызыл аал» – на 76,5%. В то же время центральные газеты и журналы пользовались у читателей стабильным спросом⁴⁹³. Следовательно, причина заключалась не в падении интереса аудитории к прессе как источнику информации, а в качестве этой информации.

В послевоенное десятилетие контроль за деятельностью периодической печати был усилен, как на центральном, так и на местном уровнях. Обкомы партии автономий неоднократно проводили обследование областных и районных газет, обращая особое внимание на их содержание. Однако анализ

⁴⁹⁰ КДА РА. Ф. 1. Оп. 2а. Д. 6. Л. 87-88.

⁴⁹¹ Там же. Д. 64. Л. 13.

⁴⁹² Там же. Л. 10.

⁴⁹³ НА РХ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 36. Л. 49-50.

докладных, обзоров и справок о деятельности прессы Хакасии и Горного Алтая позволил сделать вывод, что главной целью таких проверок было выявление недостатков в работе изданий. Вскрытие, критика и последующий контроль за исправлением недочетов представлял собой определенную схему, по которой осуществлялось партийное руководство средствами массовой информации, как одно из направлений государственной информационной политики в сфере СМИ. Сопоставление таких материалов показало высокую степень сходства формулировок и описания недостатков, типичность обвинений, например: «слабо освещает партийную жизнь», «бессистемно представляет материалы», «не ведет решительной борьбы», «имеет малочисленный селькоровский актив», «допускает грубые политические ошибки» и т. д.

В редких случаях партийные органы отмечали объективные причины, которые мешали газетам полноценно функционировать. Например, общей проблемой редакций являлась бытовая неустроенность: их коллективы ютились в крохотных непригодных помещениях, где невозможно было разместить сотрудников, мебель и технику. Горно-Алтайский обком (с подачи самих редакций) выявил, что слабый интерес аудитории к областной прессе вызван отсутствием в ней свежей внутрисоюзной и международной информации. Наладить регулярный прием сообщений ТАСС журналисты не могли из-за того, что в вечернее время типография и редакция не обеспечивались электроэнергией⁴⁹⁴. Вмешательство партийных органов помогло решить эту проблему, и на страницах «Звезды Алтая» и «Алтай Чолмоны» вновь появились сведения о жизни в стране и мире, что расширило спектр информации, предоставлявшейся аудитории.

Причиной недостатков «Хызыл аал» в 1950 г. были названы, в том числе ее малый формат (А3) и двухполосный выпуск, сохранившиеся с военного времени. Из-за этого газета не могла помещать требуемое количество пропагандистских материалов, а также международные новости и заметки внештатных авторов. В результате принятых мер ее объем и формат были уве-

---

⁴⁹⁴ КДА РА. Ф. 1. Оп. 2а. Д. 6. Л. 88.

личены, что позволило газете значительно улучшить качество своего содержания, например, выпускать «Литературную страницу», в которой публиковались начинающие писатели-хакасы, произведения которых сразу же вызвали интерес у аудитории. Кроме того, удалось повысить уровень оформления издания, поскольку появилась возможность регулярно помещать фотографии и рисунки, оживлявшие внешний вид газеты и привлекавшие читателей⁴⁹⁵.

Отметим, что вплоть до начала 1950-х гг. в стране и в рассматриваемых автономиях продолжался процесс восстановления прессы. В Горном Алтае система печатных СМИ достигла довоенного уровня развития к 1951 г. Вновь стала выходить районная газета в Элекмонарском аймаке, была создана новая в пос. Майма, восстановлены объем и периодичность местных изданий, а их тиражи значительно увеличены. Заметно изменилось соотношение национальной и русскоязычной прессы: ряд газет, выходивших ранее только на алтайском языке, были реформированы в двуязычные, что объяснялось изменениями в национальном и профессиональном составе населения. Так, например, в связи с развитием горнорудной промышленности и численным увеличением погранотряда в Кош-Агачском районе возникла необходимость учитывать интересы и информационные запросы рабочих и военнослужащих. Поэтому обком партии принял решение создать русскоязычную версию алтайской газеты «Дьяны Дьол» – «Новый путь»⁴⁹⁶.

В Хакасии также происходило постепенное восстановление и расширение системы прессы. Список районных газет пополнили «Большевик Алтай» (Алтайский район), «Победа» (Усть-Абаканский район). В 1940 г. в состав автономной области был включен Шарыповский район, созданный в результате административного объединения пограничных территорий Хакасии и Красноярского края. Из-за начавшейся войны решение об открытии здесь собственного издания «Сталинский путь» было отложено, поэтому первые номера газеты под названием «Звезда» вышли только в 1944 г. Но в 1947 г., в

---

⁴⁹⁵ НА РХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1719. Л. 10, 12.

⁴⁹⁶ КДА РА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 952. Л. 72-73.

связи с выделением района из состава Хакасии и включением его в состав края, из системы прессы автономии была эта газета была исключена.

Типология местной прессы расширялась за счет литературных изданий. В 1940–1946 гг. в Хакасии выпускались литературно–художественные сборники произведений местных писателей на национальном языке под общим названием «Хакасский альманах». В 1948 г. обкомом партии было решено издавать двуязычный альманах «Огни Хакасии», который, в условиях активного развития русскоязычной литературы в автономии мог более полно удовлетворять читательские интересы. Однако с 1952 г. стала выпускаться его версия только на хакасском языке «Хакасия оттары». В Горном Алтае в конце 1948 г. было создано литературное объединение и начал издаваться литературно-художественный альманах «В горах Алтая»⁴⁹⁷.

На состояние систем СМИ и их возможности привлекать аудиторию и новых авторов во многом влияло реформирование системы массового радиовещания. В послевоенные годы она постепенно расширялась за счет новых радиоузлов и радиоточек, которые создавались в совхозах, колхозах и на предприятиях. Но в 1948 г. произошло ее реформирование. В мае редакцию местного вещания в с. Турочак (Горный Алтай) закрыли «в связи с малочисленностью обслуживаемого контингента». Высвободившиеся ресурсы были направлены на открытие редакции городского вещания в г. Горно-Алтайске⁴⁹⁸, которую в 1953 г. упразднили, ее работников уволили⁴⁹⁹. В 1948 г. в Хакасии были закрыты все редакции местного вещания, кроме Черногорского городского узла.

Формальным предлогом для массового сокращения низового вещания в автономиях и по всей стране служило утверждение о том, что низовые радиоредакции, якобы, дублировали работу и содержание районных газет. Это, по словам М. Глейзера, вызывало «ненужный параллелизм» в деятельности местной прессы и радио, приводило к нерациональному использованию

⁴⁹⁷ Горно-Алтайская областная организация КПСС. 1920-1982 годы: хроника. Горно-Алтайск, 1983. С. 65.

⁴⁹⁸ Книга приказов Горно-Алтайского ОблПК, пр. №19 от 12.05.48.

⁴⁹⁹ Там же, пр. № 66 от 31.08.53.

творческих кадров и бюджетных средств⁵⁰⁰. Заметим, что за год до этих событий в Хакасии была проведена проверка местных студий. Техническое состояние студий низового вещания в целом было оценено как удовлетворительное, кадровые проблемы представлялись решаемыми. Следовательно, ликвидацию студий нельзя признать обоснованной. Примечательно, что данный факт практически не получил своей оценки в советской исторической литературе. Лишь в конце 1990-х гг. Р. П. Овсепян в своей книге отметил, что реорганизация низового вещания в стране «не дала желаемых результатов» и привела «к упадку» районного радиовещания. Спустя несколько лет «без особых директив сверху редакции районного радиовещания были восстановлены»⁵⁰¹. Добавим, что в Хакасии часть ранее закрытых в районах радиоузлов возобновили работу в 1949 г. Необходимость быстрого восстановления системы низового радиовещания в рассматриваемых национальных территориях, на наш взгляд, была в значительной степени обусловлена тем, что здесь шла активная подготовка к проведению массовой радиофикации колхозов и совхозов.

Реализация «Плана восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг.» предполагала значительное расширение радиоприемной сети на территории всей страны – почти на три четверти в сравнении с довоенной. Планировалось, что радиофикация будет проводиться в основном без привлечения финансирования из госбюджета, а за счет средств местных советов, колхозов, шефствующих организаций и трудового энтузиазма сельчан⁵⁰². Подобный подход к решению проблемы был вполне традиционным в рамках политики в отношении села, которую проводило руководство страны, рассматривая сельское хозяйство как источник необходимых для развития промышленности средств.

Согласно Постановлению «О мерах по улучшению радиофикации СССР», принятому Советом Министров СССР в конце 1949 г., предусматри-

⁵⁰⁰ Глейзер М. Радио и телевидение в СССР. 1917-1963 (даты и факты). М., 1965. С. 108.

⁵⁰¹ Овсепян Р. П. История новейшей отечественной журналистики: февраль 1917 – начало XXI в / под ред. Я. Н. Засурского. 3-е изд., доп. М., 1999. С. 166.

⁵⁰² Гуревич П. С., Ружников В. Н. Советское радиовещание. Страницы истории. М., 1976. С. 213.

валось проведение ряда мероприятий, которые должны были способствовать обеспечению радиослушанием сельского населения⁵⁰³. Краевые и областные исполкомы и комитеты ВКП(б) для выполнения этого распоряжения приняли совместные постановления. Так, Генеральный план по радиофикации Хакасии от 20 мая 1950 г. предусматривал установку 20000 радиоточек, радиофикацию 80 колхозов и полное решение проблемы с обеспечением жителей автономии радиослушанием в течение 5 лет⁵⁰⁴. Однако в мае 1952 г. пленум Хакасского обкома ВКП(б) констатировал, что эта программа изначально была неосуществима, поскольку при ее составлении не учитывались реальные возможности области, ее специфические особенности. Хакасский облисполком, комментируя «План доходов и развития радиофикации на 1953 г. по Хакасскому областному управлению связи», высказался более категорично, назвав запланированное увеличение количества радиоприемников ежегодно на две тысячи «нереальным для области», поскольку торговая сеть столько радиоприемников никогда не завозила⁵⁰⁵. В 1950 г. в Хакасии было радиофицировано только 3 колхоза вместо запланированных 11, в 1951 г. 5 вместо 21, в 1952 г. 3 вместо плановых 32⁵⁰⁶. Учитывая масштабы невыполнения программы, сложившаяся ситуация может, на наш взгляд, охарактеризована как катастрофическая.

Трудности, которые возникли при проведении кампании по сплошной радиофикации села в Хакасии и Горном Алтае можно объяснить недостаточно развитой энергосистемой, слабой материально-технической базой и небольшой мощностью имевшихся радиоузлов и радиостанций. Чрезмерный оптимизм областного руководства также являлся одной из причин нереализованности разработанных планов, поскольку при определении объема работ отсутствовала реальная оценка имевшихся в областях технических и людских ресурсов.

---

⁵⁰³ О мерах по улучшению радиофикации СССР: Постановление Совета Министров СССР от 21 ноября 1949 г. // Изложение: Глейзер, М. С. Радио и телевидение в СССР... С. 110.

⁵⁰⁴ НА РХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1914. Л. 204-208.

⁵⁰⁵ Там же. Д. 576. Оп. 1. Д. 36. Л. 43.

⁵⁰⁶ Там же. Д. 1914. Л. 205.

Отметим, что в послевоенный период проявились особенности массово-информационных пространств Хакасии и Горного Алтая, обусловленные в первую очередь различиями в темпах и масштабах промышленного освоения рассматриваемых территорий. Великая Отечественная война послужила мощным катализатором развития промышленности в сибирском регионе. Но в автономных областях в целом сохранялся промышленный комплекс, созданный в довоенный период. Увеличение объемов добываемого сырья (золота, угля, леса, меди, вольфрама) было вызвано повышенными потребностями оборонных предприятий и нуждами Действующей армии⁵⁰⁷. В период восстановления народного хозяйства основное внимание уделялось освоению новых территорий для строительства производственных комплексов. Более удобное географическое положение Хакасии, наличие железных и автомобильных дорог, ресурсодобывающих и кооперативных предприятий, близкое соседство с крупными индустриальными центрами (Кузбасс, Красноярск)⁵⁰⁸ определили ее преимущества перед Горным Алтаем и послужили весомыми аргументами для постройки здесь новых промышленных предприятий и модернизации имевшихся. Приоритет был отдан развитию добывающей отрасли народного хозяйства (угольной, горнорудной, лесной и деревообрабатывающей). Но к 1953 г. здесь были созданы также предприятия химической и легкой промышленности, развернуто производство стройматериалов.

Строительство в послевоенный период в Хакасии железных дорог и промышленного комплекса, в частности, Сорского молибденового комбината, привело к возрождению в автономии многотиражной прессы, главной особенностью которой являлась ориентация на узкую целевую аудиторию: работников отдельного предприятия, людей, занимавшихся определенным видом профессиональной деятельности. Многотиражные издания промышленных предприятий, на наш взгляд, отличались от аналогичных газет, издававшихся в 1930-е гг. в колхозах, широкой производственной тематикой, более

---

⁵⁰⁷ Бобровник В. Л. О формировании структуры промышленности в Хакасии // Торжество ленинской национальной политики. Абакан, 1973. С. 100.

⁵⁰⁸ Тугужекова В. Н. Из истории развития промышленности Хакасии в 1945-1955 г. // Россия и Хакасия: 290 лет совместного развития: сб. материалов республиканской науч. конф. Абакан, 1998. С. 153.

высоким качеством полиграфического исполнения, регулярностью выхода, стабильностью существования редакций, профессионально-ведомственной направленностью. Одна из первых многотиражек – «Строитель» стала издаваться в Абакане в управлении железнодорожного строительства в 1953 г.⁵⁰⁹.

Можно констатировать, что изменения, произошедшие во время войны в структуре системы СМИ изучаемых автономий, были вызваны влиянием экономического фактора и, прежде всего, необходимостью перераспределения финансовых, материальных и трудовых ресурсов между тылом и фронтом. Неоднократное и значительное по своим масштабам сокращение тиража, объема и периодичности газет, закрытие радиоузлов, уменьшение времени вещания областных радиокомитетов не позволяло полноценно удовлетворять возросшие в условиях войны информационные потребности аудитории. Уменьшение формата и изменение других издательских характеристик областных национальных изданий, закрытие ряда районных газет в Горном Алтае и ликвидация двуязычия низовой прессы в Хакасии лишили большинство коренных жителей региона возможности получать общественно-значимую информацию на родном языке. Усиление устной пропаганды, организация коллективных чтений прессы и радиослушания, развитие стенгазет лишь отчасти компенсировали снижение роли местной прессы, как инициатора взаимодействия и взаимовлияния СМИ, аудитории, авторов публикаций и медиаинформации.

Низкая оперативность и ухудшение качества газет, уменьшение их формата и периодичности, затруднение доступа к ним из-за значительного сокращения тиража привели к падению интереса аудитории и внештатных авторов к печатным СМИ. Данная тенденция сохранилась и в послевоенное десятилетие, поскольку местная пресса, особенно районная, не могла конкурировать по многим показателям и, прежде всего, по цене, с центральными и краевыми газетами. Ряд мероприятий, проведенных обкомами партии, содействовал восстановлению довоенного уровня системы СМИ, улучшению условий

---

⁵⁰⁹ НА РХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1718. Л. 28.

работы редакций. Это привело к повышению качества оформления областных газет, расширению тематики их материалов и постепенному пробуждению интереса аудитории. Возрождение же низовой печати происходило с большими трудностями, вызванными сильной изношенностью типографской техники и шрифтов, низким уровнем подготовки работников редакции.

Анализ документов показал, что реформирование системы местного радиовещания в послевоенный период привело к ее сокращению и последующему восстановлению в связи с подготовкой к проведению кампании по массовой радиофикации сельской местности. Радиофикационные планы, намеченные руководством Хакасии и Горного Алтая, были реализованы лишь частично, поскольку не учитывали специфику местных условий и базировались в большей степени на использовании принудительно-бесплатного труда сельского населения. В результате значительная часть сельчан автономий по-прежнему не имела возможности получать общественно-значимую информацию по радио. Усиление идеологической работы в стране обусловило необходимость сплошной радиофикации, особенно сельской местности. Радиовещание, которое, в сравнении с периодической печатью, способно оказывать более эффективное воздействие на аудиторию, в послевоенные годы все активнее использовалось как средство политического воспитания масс. Поэтому расширение охвата населения радиослушанием, а также борьба за качество содержания радиопередач рассматривались, прежде всего, не как культурно-просветительская, а политическая задача.

Развернувшееся в Хакасии промышленное строительство привело к расширению системы средств массовой информации. Это стимулировало изменения во взаимодействии СМИ автономии, аудитории, авторов публикаций и медиаинформации, и, как следствие, формирование основных отличий массово-информационных пространств рассматриваемых территорий.

3.2. Взаимодействие средств массовой информации и аудитории в процессе формирования «образов» врага и героя

В рассматриваемый период и, особенно в военные годы, содержание и формы осуществления государственной информационной политики претерпели существенные изменения, что отразилось и на взаимодействии средств массовой информации и аудитории. Однако особенности влияние СМИ Хакасии и Горного Алтая на сознание и поведение граждан в 1941–1953 гг. были обусловлены также и изменениями в социальном, гендерном, возрастном, профессиональном составе читателей и радиослушателей. Так, например, с началом войны мобилизация устранила с производства и из семей мужчин. В результате из-за лишения кормильцев и под воздействием активной пропаганды многие женщины были вынуждены изменить свой социальный и профессиональный статус. Домохозяйки, никогда ранее не работавшие, осваивали различные виды трудовой деятельности и профессии навалотбойщика (шахтерская специальность), тракториста, чабана, лесоруба и т. д. Так, в частности, за первое полугодие войны на предприятия треста «Хакасуголь» пришло более 700 новых работниц, треста «Хакаслес» – 233 и треста «Хакас-золото» – 1142 женщин⁵¹⁰. В Горном Алтае число мужчин, занятых в сельском хозяйстве, к 1942 г. сократилось на три четверти, в следующем году женщины составляли уже 84% среди всех колхозников старше 16 лет, поэтому основной груз сельскохозяйственных работ лег на их плечи⁵¹¹.

Повышение роли женщин в общественной и трудовой жизни, увеличение их удельного веса среди аудитории заставляло редакции СМИ учитывать такие изменения и корректировать методы воздействия, в частности, за счет повышения эмоциональности сообщаемой информации. Перед редакциями газет и радио Хакасии и Горного Алтая ставилась задача формировать представления о трудовом героизме, как о жертвенности, способности и желании

⁵¹⁰ НА РХ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 40. Л. 2.

⁵¹¹ Кольцов И. А. Сельскохозяйственное развитие Ойротской автономной области в годы Великой Отечественной войны // Горный Алтай в годы Великой Отечественной войны: сб. материалов респ. науч.-историч. конф. Горно-Алтайск, 2010. С. 13.

отдать все ради победы. Поэтому на страницах газет и в радиоэфире преобладали заметки о женщинах – передовиках производства, призывы собирать теплые вещи или средства в фонд обороны страны, сообщения о новых трудовых починах и инициативах.

Изменение образа жизни, стиля поведения, значительное увеличение физической нагрузки, расставание с близкими людьми или их потеря вызывали у жителей тыла психологический стресс. Сильные эмоциональные потрясения переживало также эвакуированное население, которое стало прибывать в автономные области с конца лета 1941 г. В Горном Алтае нашли временное пристанище почти восемь тысяч жителей Москвы, Ленинграда, Поволжья и других территорий⁵¹². В Хакасию к концу ноября 1941 г. в эвакуацию прибыло 12397 человек⁵¹³. Потеря дома, привычной среды обитания, работы, бытовая неустроенность, существенное ухудшение питания вынуждали этих людей не только приспосабливаться к иным условиям жизни, осваивать незнакомое пространство, но и налаживать новые коммуникативные связи.

Наиболее полное, хотя и субъективное представление о подлинных настроениях и условиях жизни в тылу дают воспоминания очевидцев, опубликованные в постсоветский период. Их анализ позволил выделить следующие факторы, оказывавшие негативное влияние на общее физическое и психологическое состояние людей: отмена отпусков; увеличение продолжительности работы за счет добровольно-принудительных сверхурочных и субботников; сокращение доходов и, как следствие, снижение уровня потребления товаров и услуг; оскудение рациона питания; повышение ответственности за результаты труда, а также за жизнь и здоровье оставшихся на попечении стариков и детей; беспокойство за родных, находившихся на фронте. На психологическое состояние населения оказывали влияние неизвестность и растерянность, возникшие из-за не оправдавшихся надежд на скорый конец войны, сообще-

---

⁵¹² Машегова Н. В. Некоторые итоги исследований эвакуации гражданского населения, детских, лечебных, высших учебных и научных учреждений в Ойротскую автономную область в 1941-1942 годах Горный Алтай в годы Великой Отечественной войны: сб. мат-в респ. науч.-историч. конф. Горно-Алтайск, 2010. С. 77.

⁵¹³ Очерки истории Хакасской областной организации КПСС / сост. П. Н. Мешалкин, С. П. Ултургашев. Красноярск, 1987. С. 153.

ний об отступлении Красной армии, катастрофического недостатка достоверной информации. Под воздействием этих факторов у жителей Хакасии и Горного Алтая происходила трансформация идеологических и психологических стереотипов восприятия или «образов» действительности, созданных официальной пропагандой в довоенный период. Наибольшим изменениям, на наш взгляд, подверглись «образы» врага и героя.

Формирование «образа» врага, как отмечает Е. С. Сенявская, происходит в ситуации реальной опасности, «под влиянием государственных идеологий, непосредственного пропагандистского воздействия на население и армию»⁵¹⁴. Добавим, что в военный период его создание происходило на двух уровнях – агитационно-пропагандистском и личностном. Из выделенных Д. А. Денисовым 12 признаков, характеризующих «образ» врага⁵¹⁵, в годы войны пропагандой активно распространялись через СМИ следующие: наличие оппозиции «мы–они» и акцентирование отличий между сообществами «мы» и «они»; угроза, которая исходит от врага; его символическая принадлежность злу; возложение вины на неприятеля за негативные аспекты прошлого/настоящего; ложность идеологии, верований, целей врага; негативные эмоции (страх, ненависть, гнев), которые вызывают действия неприятеля и само его существование. Но в публикациях отсутствовало указание на еще один его признак – силы (могущества, потенциала) врага, поскольку это могло привести к снижению боеспособности армии и оптимизма жителей тыла.

Особенностью пропаганды на начальном этапе Великой Отечественной войны, как считает Е. И. Головченко, «являлось доминирование пропагандистских стереотипов в восприятии противника, использование пропагандистских штампов предвоенного периода»⁵¹⁶. Отметим, что представления о Германии, ее политических лидерах и армии, о фашизме в целом активно формировались прессой еще в предвоенный период, в основном, с использовани-

⁵¹⁴ Сенявская Е. С. Человек на войне: историко-психологические очерки. М., 1997. С. 37.

⁵¹⁵ Денисов Д. А. Идентификация образа врага в политической коммуникации // Вестник РГГУ. Серия «Политология. Социально-коммуникативные науки». 2009. № 1. С. 121.

⁵¹⁶ Головченко Е. И. Пропагандистское воздействие на советское население в начале Великой Отечественной войны // Преподавание истории в школе. 2009. №7. С. 36.

ем материалов ТАСС. С началом войны место мифических врагов заняли вполне реальные, «образ» которых вписался в уже существовавшую идеологическую систему. Но в результате такой замены, по нашему мнению, на новых врагов распространился стереотип о быстром поражении любого противника, сформировавшийся в результате побед Красной армии на о. Хасан и р. Халхин-Гол, замалчивания реальных потерь в советско-финской войне, а также в ходе проведенной в 1937–1939 гг. быстрой, массовой и «эффективной» ликвидации «врагов народа». Местные СМИ поддерживали мнение о непродолжительности войны, публикуя материалы, утверждавшие, что «фашизм свирепая, но непрочная власть», «фашистские вояки... страшно боятся русского штыка, боятся встретиться лицом к лицу с нашими бойцами»⁵¹⁷. Данный фактор, на наш взгляд, нельзя сбрасывать со счетов, выделяя причины «ура-патриотических» настроений населения в начале войны.

Восприятие начавшейся военной кампании в регионах, далеких от линии фронта, отличалось, во-первых, устойчивостью довоенных пропагандистских стереотипов, во-вторых, продолжительностью сохранения «шапкозакидательских» настроений, что подтверждается в ходе анализа патриотических писем и заметок, опубликованных областными и районными изданиями автономий в июне-августе 1941 г. Однако материалы прессы не отражали психологическое состояние многих граждан, которое исследователи определяют как «шоковое». Его возникновение «было связано даже не столько с фактом «внезапного нападения», сколько с известиями об отступлении Красной Армии»⁵¹⁸. Такие сообщения шли вразрез с довоенными сценариями войны «на чужой территории», заставляли задумываться о скрываемых официальной пропагандой масштабах угрозы, о силе реального врага. Общество, в сознании которого превалировали стереотипные представления о предстоящей войне как кратковременной, победа в которой будет одержана «малой кровью», оказалось не готово к такому сценарию военных действий.

⁵¹⁷ Мы победим // Советская Хакасия. 1941. 28 октября. С. 2.

⁵¹⁸ Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 1999. С. 20.

В первые месяцы войны в условиях острого дефицита объективной и достоверной информации единственным источником информации являлись сводки Совинформбюро и материалы СМИ, которые не удовлетворяли информационные запросы общества, поскольку не давали ответов на самые актуальные вопросы. Информационный «вакуум» заполнялся разнообразными, порой самыми фантастическими домыслами и слухами. Позже информационную картину стали дополнять рассказы эвакуированных из блокадного Ленинграда, приехавших на побывку домой военнослужащих, раненых бойцов, проходивших лечение в эвакогоспиталях (в Хакасии). Важную роль играли письма солдат, причем, не только тех, кто был призван из автономных областей, но и представителей других регионов, вступавших в заочную переписку с жителями Хакасии и Горного Алтая. Информация, получаемая по таким межличностным, неофициальным каналам, нередко шла вразрез с той, которую публиковали СМИ. Это, безусловно, вызывало сложности в восприятии реального врага и его «образа», навязываемого пропагандой. В этих условиях происходила психологическая перестройка и консолидация общества, что находило отражение на страницах местной прессы. К октябрю 1941 г. стали заметными изменения в сознании людей, в их отношении к войне и врагам, произошедшие, в том числе под влиянием пропаганды.

Основное воздействие на население автономных областей, не имевшее в большинстве своем прямого контакта с агрессором, осуществлялось через каналы СМИ. Распространение пропагандистских «образов» происходило в визуальной и вербальной сферах. При этом пресса и радио, в зависимости от своей специфики, использовали различные способы воздействия на сознание аудитории. Так, например, самыми сильными средствами радиовещания являлись музыка (концерты, музыкально-драматические композиции, фоновое сопровождение речевых передач) и живая речь (интонация, сила, тембр голоса). Они воздействовали, прежде всего, на эмоциональное состояние слушателей. Пресса обладала более широким арсеналом визуальных и вербальных средств, информируя и убеждая читателей посредством изобразительных

(плакаты, рисунки, карикатуры, фотографии) и лексико-семантических средств (собственно тексты газетных материалов). Наибольшей эффективностью воздействия обладали вербальные средства.

В первые месяцы войны одной из основных задач СМИ было проведение работы среди трудящихся по воспитанию в них «презрения и жгучей ненависти к озверевшим фашистским бандам», а также «преданности и любви к родине и партии». Для этого в местной прессе использовались фотографии ТАСС, иллюстрировавшие зверства фашистов, и особенно плакаты, представлявшие собой перепечатки наиболее известных работ В. Б. Корецкого, И. М. Тоидзе, творческого трио Кукрыниксы. В областных изданиях Хакасии такая наглядная агитация дополнялась оригинальными рисунками Б. Соколова – известного московского художника, оказавшегося в Абакане в эвакуации, местных художников Р. Руйга и Н. Чебодаева. Благодаря таким иллюстрациям «образ» врага визуализировался, принимал узнаваемые стереотипизированные черты, запоминался читателем газеты. Но наибольшее воздействие на аудиторию, по нашему мнению, оказывало не изображение, а надпись, сопровождавшая его – призыв, лозунг: «Убей!», «Освободи!», «Кровь за кровь и смерть за смерть!», «Что ты сделал для Родины?», «Чем ты помог фронту?» и проч., которые разъясняли или усиливали смысл картины, побуждали к действию.

Наиболее эффективно с задачей воспитания ненависти к врагу и формирования его «образа» справлялись, на наш взгляд, текстовые газетные материалы. Во многих посланиях, адресованных на фронт, присутствовали призывы к воинам Красной армии физически уничтожать врага. Анализ таких публикаций показал, что адресанты представляли противника обобщенно, на основе пропагандистских стереотипов или личных воспоминаний, сформировавшихся в период Первой мировой войны. Для них враг был бесформенной, не персонифицируемой массой, которую необходимо было уничтожить всеми средствами, поскольку она продвигалась вглубь территории Родины и угрожала мирному населению.

Это ощущение реальной опасности у людей формировали, прежде всего, материалы, содержавшие детальные описания злодеяний фашистов, ставших известными после освобождения временно оккупированных территорий: «Так по всему пути фашистских разбойников тянется гарь и дым, валяются трупы замученных женщин, детей, стариков»⁵¹⁹. Количество подобных материалов значительно увеличилось с зимы 1942 г. после освобождения Подмосковья и ряда соседних областей. После прочтения подобных статей в большинстве случаев у представителей аудитории оставалось чувство жалости к жертвам, которое активно эксплуатировалось пропагандой для пробуждения ненависти к убийцам. В таких публикациях часто присутствовали клятвы и обещания авторов или описываемых ими героев «отомстить врагу».

Свою лепту в формирование у населения «образа» врага, как жестокой, бесчеловечной и опасной силы, вносили и солдатские письма. В большинстве своем такие послания, опубликованные в газетах или зачитанные по радио, содержали личные сведения, сообщения о ранениях, количестве убитых «фрицев», клятвы, обещания «громить врага», призывы к землякам «крепче поддерживать фронт своим трудом»: «Я проливаю кровь на фронте, всеми силами борюсь с фашистами. На полях войны безжалостно убиваю фашистов. Мы, красноармейцы, верим, совсем скоро Гитлера не станет. Мы его разобьем»⁵²⁰. Личные переживания, искренние чувства встречались в таких публикациях редко, в основном, при описании увиденных последствий фашистской оккупации: «Мы видели трупы замученных фашистским зверьем наших братьев и сестер, мы видели трупы женщины и ее пятилетнего сына, убитых немцами при отступлении. И над этими трупами мы поклялись отомстить поганым фрицам за все их злодеяния»⁵²¹. Эффект воздействия подобных материалов усиливался за счет указания на то, что автор – земляк, житель такого-то населенного пункта или работник такого-то предприятия. Это

⁵¹⁹ Некрасов И. Письмо с фронта колхозникам и колхозницам // Красная Ойротия. 1941. 15 октября. С. 3.

⁵²⁰ Ыырчыны аях чох унадынъар // Хызыл аал. 1941. 15 августа. С. 2.

⁵²¹ За победу! // Советская Хакасия. 1942. 27 ноября. С. 2.

вызывало у читателей особое доверие к сообщаемой информации и способствовало формированию «образа» врага на личностном уровне.

Несмотря на реализм описываемых картин, в письмах солдат также присутствовал не реальный враг, а его «образ» – эмоционально окрашенный, но схематичный и обобщенный («фрицы», «немец-гад», «озверелые насильники», «фашистская гадина»). Персонификация врага происходила в сознании жителей тыла, в том числе за счет его национальной идентификации. Отечественная война не трактовалась как межнациональный конфликт, но во многих публикациях, в частности в речах лидеров государства, упоминался ее этнический аспект. Анализ содержания «Советской Хакасии» и «Красной Ойротии» показал, что в первые месяцы войны в газетных публикациях агрессоров именовали преимущественно по политическому признаку («фашистская банда», «фашистские собаки», «гитлеровские бандиты», «оголтелые фашистские заправилы», «озверелые фашистские орды») или по названию страны («германские солдаты» «фашистско-германские войска»). Но позже все чаще стала упоминаться их национальная принадлежность («немецкие оккупанты», «немецкие варвары», «немецкие изверги»). Такая ситуация, по нашему мнению, обусловлена тем, что в первые месяцы войны оставалась иллюзия и пропагандировалось мнение, что военные действия против Советского Союза не будут поддержаны немецкими трудящимися. Это подтверждалось и рядом публикаций в областной прессе, перепечатанных из центральных газет или полученных по каналам ТАСС, в которых описывались протестные выступления немецких и рабочих оккупированных территорий, трудности с материальным снабжением в Германии, недоверие немецких трудящихся к речам Геббельса и т. д. Подобные ожидания не оправдались, поэтому, как мы считаем, ограничения в упоминании национальной принадлежности агрессоров в публикациях исчезли.

К 1944 г. частотность употребления в газете слов «фашист» и «немец» была примерно равной. Но в материалах, авторами которых были солдаты Действующей армии или непосредственные очевидцы фашистских злодея-

ний, преобладало указание именно на национальность врага. Так, например, в выступлении Я. Шевелева – руководителя делегации Калининской области, посетившей Хакасию в 1944 г., подробно описывались зверства фашистов – массовые казни мирного населения, убийства, пытки, факты геноцида против евреев, разрушение и разорение некогда цветущего края. В тексте превалировала экспрессивная лексика, особо эмоциональными эпитетами «награждался» враг: «оголтелые полчища», «немецко-фашистские варвары», «фашистские звери», «немецкие изверги» и др.⁵²².

Помимо СМИ на представления жителей тыловых территорий об агрессоре оказывали влияние рассказы фронтовиков. Ветеран Великой Отечественной войны П. Л. Казанцев вспоминал, что по возвращении домой после тяжелого ранения ему было трудно отвечать на вопросы земляков, которые интересовались: «страшно ли было на фронте, какие они – фашисты, почему они жестоко, бесчеловечно обращаются с советскими людьми, почему они уничтожают все на своем пути, когда закончится война?...»⁵²³. Рассказы участников войны были более эмоциональными, чем газетные материалы. На личном уровне и при непосредственном контакте с собеседниками они оказывали более сильное воздействие на слушателей, в том числе за счет мастерства и авторитета рассказчика (фронтовик, ветеран, орденосец). Но из-за отсутствия подтверждения со стороны официальной пропаганды многих сообщаемых очевидцем фактов такие рассказы нередко расценивались как личные и субъективные представления конкретных комбатантов о войне и враге, что вызывало недоверие у аудитории к источнику и транслируемым им сведениям. Отчасти этому способствовали и сами СМИ: в условиях ужесточившейся цензуры и расширения «Перечня сведений, запрещенных к упоминанию в открытой печати», пресса была существенно ограничена в цитировании подобных рассказов. Например, «Красная Ойротия», сообщая о встрече фронтовика Г. Симона с воспитанниками Дома пионеров, ограничилась

⁵²² Шевелев Я. Крепить дружбу народов // Советская Хакасия. 1944. 21 января. С. 3.

⁵²³ Из воспоминаний Павла Лукича Казанцева, участника Великой Отечественной войны, известного педагога, основателя нескольких учебных заведений Горного Алтая // Была война...: сб. архивных документов 1941-1945 гг. Горно-Алтайск, 2010. С. 367.

описанием того, как 70 ребят «с интересом слушали рассказ о том, как гвардейцы-сибиряки сражаются на фронтах Отечественной войны»⁵²⁴.

Некоторые военные воспоминания, после литературной и цензурной обработки, публиковались в местных газетах, благодаря чему аудитория получала представление о реальном враге. В основном, такие рассказы перепечатывались из фронтовых газет. Однако «Хызыл аал» предпочитала использовать информацию «из первых рук», публикуя стихотворные и прозаические произведения фронтовиков-хакасов И. Котюшева, И. Костякова, И. Капчигашева, которые содержали реалистичные описания войны, врагов, героизма советских солдат, картин разрушений и смерти. Так, например, из писем, фельетонов, стихов и заметок И. М. Костякова, опубликованных в «Хызыл аал» в 1943–1944 гг., читатели узнавали интересные детали фронтового быта и сражений, чувства и переживания солдат, что помогало им лучше понимать те сложные условия, в которых сражались, проявляли храбрость, мужество и отвагу земляки. Интерес представляет серия рассказов И. М. Костякова под рубрикой «Фронтной блок-ноттань» («Фронтные блокноты»), в которых убийство врага нередко описывалось как рядовой военный эпизод: «Немец был уже немолодой, он что-то пробурчал и бросил автомат, повалился, как стройное дерево на снег... Мы взяли его за ноги и потащили»⁵²⁵. Такая документально-художественная достоверность, на наш взгляд, вызывала сильные эмоции у читателей и формировала на личностном уровне представления о физическом уничтожении противника, как осознанной необходимости.

Для убеждения аудитории в необходимости убийства врагов СМИ использовали прием, весьма распространенный в военное время – явное или скрытое указание на ненормальность противника. Например, лейтенант Б. Милютин, описывая психическую атаку, очень ярко представил «портрет» атаковавших врагов: «Немцы были уже совсем близко. Они двигались во весь рост – вопили, рычали, размахивали автоматами. Уже видны были пере-

⁵²⁴ Встреча с гвардейцем // Красная Ойротия. 1944. 29 июля. С. 4.

⁵²⁵ Костяков И. Фронтной блок-ноттань // Хызыл аал. 1943. 15 августа. С. 2.

кошенные злобой их омерзительные красные рожи»⁵²⁶. Зверства фашистов – чудовищные по своим масштабам и непонятные с точки зрения здравого смысла, часто объяснялись безумием вражеских солдат и их высшего руководства. Это находило отражение не только в письмах, но и в устном народном творчестве. «Советская Хакасия» для пропаганды такой идеи использовала анекдоты, частушки, хакасские тахпахи, оригинальные расшифровки слов: «Бред – идеи Гитлера о мировой господстве»⁵²⁷. В условиях войны подобный народный юмор, в котором враг подвергался унижению и презрительному высмеиванию, служил своеобразной отдушиной, средством снятия стресса, уменьшения страха перед агрессором.

В отличие от «образа» врага стереотипные представления о герое претерпели существенные изменения, как во время войны, так и в послевоенный период. Концепт «герой» включает разнообразные обозначения и трактовки подобного персонажа, которые затрудняют идентификацию подобных людей. С разной степенью мифологизации данный субъект может быть обозначен как «доблестный витязь, храбрый воин, богатырь, чудо-воин»⁵²⁸, человек, «выдающийся своей храбростью, доблестью, самоотверженно совершающий подвиги»⁵²⁹. Также героем может быть назван и тот, кто воплощает в себе характерные черты эпохи, среды или привлекает внимание, вызывает восхищение, желание подражать⁵³⁰. В контексте изучаемой темы мы предлагаем рассматривать героя как действующее лицо (соучастника) события, современника эпохи, на долю которого выпало преодоление трудностей, значительных по своей тяжести и продолжительности испытаний, сложных препятствий в достижении общей для всех цели – победы своей страны в войне.

В зависимости от характера, условий военных действий, количества вовлеченных в них людей различными могут быть критерии оценки героизма в целом и героических поступков, в частности, выделения из общей массы тех,

⁵²⁶ Милютин Б. Атака // Красная Ойротия. 1943. 7 ноября. С. 4.

⁵²⁷ Наш словарь // Советская Хакасия. 1941. 23 ноября. С. 4.

⁵²⁸ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1-4. М., 1981. Т. 1. С. 349.

⁵²⁹ Ожегов, С. И. Словарь русского языка: Ок. 53000 слов / под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. 24 изд., испр. М., 2007. С. 128.

⁵³⁰ Там же.

кто официально и/или благодаря всенародному признанию оказывается причисленным к героям. В период войны, в условиях массового героизма, проявления отваги, решительности и самопожертвования большим количеством людей, планка определения статуса героя была достаточно высока. В общесоюзном масштабе основная роль в выявлении, отборе кандидатур и представлении их аудитории принадлежала партийно-политической пропаганде. Такая деятельность осуществлялась централизованно, в результате чего имена отдельных персонажей (З. Космодемьянская, В. Талалихин, Н. Гастелло, А. Матросов) в кратчайшие сроки становились известными всей стране.

На региональном уровне процесс героизации земляков происходил в пространстве информации, поступающей с фронта в местную прессу и на радио по личным и официальным каналам, и под воздействием стереотипов, формировавшихся центральными СМИ. Подобные образцы в обобщенном виде представляют собой «мифологему» героя, т. е. устойчивую, хранящуюся в социальной памяти архетипическую форму, «в которую как бы «отливается» деятельность каждого нового исторического героя, что и позволяет ему соответствовать общепринятому героическому статусу»⁵³¹. На наш взгляд, «мифологема» может рассматриваться как собирательный «образ» идеального героя, формируемый в сознании человека или общества под воздействием пропаганды, обусловленный подсознательным желанием людей иметь образец для подражания или чувствовать защищенность в период кризиса.

В 1930-е гг. «создание» героев происходило в контексте реализации государственной информационной политики, поэтому имело масштабный характер и было нацелено на выработку в массовом сознании определенных образцов (стереотипов) поведения, отношения к существующему строю, политическим лидерам и в первую очередь И. В. Сталину, к трудовой деятельности и к жизни в целом. Ш. Фицпатрик, исследовав советскую повседневность 1930-х гг., выделила три «родовых» типа героев, являвшихся таковыми

---

⁵³¹ Туркина В. Г. Мифологема героя и массовое сознание: автореф. дис... канд. философ. наук. Саратов, 2001. С. 18.

в общественном сознании: летчики, полярники и пограничники. Люди, жившие в предвоенное десятилетие, называли героями партийных и военных лидеров (Сталин, Ворошилов, Буденный), полководцев гражданской войны (Чапаев, Щорс), летчиков (Чкалов), полярников (норвежский исследователь Севера Ф. Нансен), ученых (К. Циолковский), стахановцев, спортсменов⁵³². Критерием оценки «героизма», на наш взгляд, в первую очередь служила степень полезности совершенного человеком или группой людей поступка для государства – его политического имиджа, экономики, обороны. На региональном уровне такие образцы использовались для создания местных героев из числа стахановцев, участников военных сражений – орденосцев.

В первые месяцы войны применялись, в основном, методы, средства и сценарии «создания» героев, разработанные еще в предвоенный период. Для этого в местной прессе широко практиковалась перепечатка из центральных газет статей о подвигах отдельных личностей. Из материалов ТАСС формировались тематические полосы и рубрики «Боевые эпизоды», «Великая Отечественная война», в которых описывались примеры героического поведения на фронте военнослужащих, в основном, без указания их фамилий и места действия (Н-ская часть, отряд лейтенанта К.). С августа в областных газетах стали публиковаться заметки о первых Героях Советского Союза и орденосцах, что позволило аудитории персонифицировать образцы для подражания и получить представление о сущности подвига в новых военных реалиях.

В местных материалах, в частности, письмах на фронт и с фронта, опубликованных в областной прессе в течение июня-сентября 1941 г., превалировали представления авторов о подвиге, в первую очередь, как о жертвенности. Уходившие на фронт клялись «бороться смело и беспощадно до последней капли крови», «не щадя жизни драться с фашизмом» и даже «не задумываясь отдать жизнь за дело полной победы коммунизма»⁵³³. Подобные выра-

⁵³² Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / пер. с англ. Л. Ю. Пантина. 2-е изд. М., 2008. С. 91.

⁵³³ Коваленко А. И. Убедительно прошу // Советская Хакасия. 1941. 24 июня. С. 3; Отдадим жизнь за Сталина // Советская Хакасия, 1941. 24 июня. С. 3; Отстоим независимость своей родины // Советская Хакасия. 1941. 24 июня. С. 3.

жения присутствовали и в письмах на фронт, когда, например, мать просила сына «если нужно будет, то и жизнь свою отдать за наше правое дело»⁵³⁴. Клишированность и частотность повторов таких клятв и призывов позволяют сделать вывод о том, что использование подобных выражений было, скорее, неким ритуалом, а не проявлением искреннего стремления «не задумываясь» пожертвовать жизнью. Подлинные чувства нашли свое отражение в немногочисленных посланиях с фронта, лишенных «ура-патриотической» риторики: «Глупо погибать не собирается из нас никто, да и вообще настроение такое, что жить, да жить только»⁵³⁵.

Отсутствие в первые месяцы войны объективной и достоверной информации о реальном положении на фронтах и масштабах военной опасности способствовало тому, что представления о подвиге у жителей тыла и добровольцев, отправлявшихся на войну, оставались в значительной мере мифологизированными. Пропагандировавшаяся в СМИ идея о «слабости» врага не давала ощущения критичности ситуации, в которой требовалось бы проявление отваги, решительности, доблести – качеств, которые отличают героя от простого человека, выделяют его из общей массы земляков. Поэтому формирование героев шло, в основном, «сверху»: в качестве таковых выступали Герои Советского Союза. Газетные тексты, в которых воспевались их подвиги, изобиловали высокопарными выражениями и рисовали, скорее, мифологизированные портреты таких людей. Качествами героя обязательно являлись: простое по социальному статусу и не отмеченное какими-либо знаками происхождение, скромность, беззаветная преданность делу партии. Но в конце 1941 – начале 1942 гг. подобные хвалебные материалы исчезли с газетных полос. Причиной этого, как мы считаем, являлось не только усложнение ситуации на фронтах, но и изменение организации, проведения и содержания информационной политики политического руководства страны, в том числе трансформация механизмов создания «образа» героя.

⁵³⁴ Полежаева У. В. Мой сын – летчик // Советская Хакасия. 1941. 17 августа. С. 3.

⁵³⁵ Борис. Наша победа предreshена заранее // Советская Хакасия. 1941. 31 июля. С. 2.

Согласимся с мнением В. Г. Туркиной, что особую роль в формировании «мифологем» всегда играли «ритуалы почитания» героев, которые представляли собой «особые механизмы программирования поведения человека массового общества при его столкновении с могуществом конкретного авторитетного лица»⁵³⁶. В военных условиях прежние формы почитания отличившихся сограждан оказались неприемлемыми. Главной причиной служило физическое отсутствие героя, что не позволяло чествовать его лично: включать в состав президиумов на торжественных мероприятиях, организовывать встречи с трудовыми коллективами, митинги в его честь. Из довоенного арсенала использовались только коллективные письма жителей или трудовых коллективов, адресованные герою-земляку, публикации о нем и его подвиге в газете. Последние являлись наиболее эффективными, поскольку авторы не просто информировали аудиторию о воинских доблестях согражданина, но и, используя авторитет СМИ, убеждали в значимости его поступка.

Для формирования представлений о героизме нередко использовалось проведение параллели между историческими фактами, удачными для России военными кампаниями. Популярными мотивами были сравнения Великой Отечественной войны со сражением на Чудском озере, в котором тевтонские (немецкие) рыцари потерпели поражение, или с Отечественной войной 1812 г. Особенностью таких материалов в местной прессе можно считать то, что подобные примеры, относившиеся к истории русского народа (битва на Чудском озере), проецировались на весь многонациональный советский народ.

Специфической чертой военно-патриотических заметок в прессе Хакасии можно считать использование для героизации современных персонажей примеров из хакасского эпоса, где главный герой – мифический богатырь Ханза-пиг сражается с иноземными захватчиками⁵³⁷. Популярность этого образа в годы войны была настолько велика, что «Советская Хакасия» опубли-

⁵³⁶ Туркина В. Г. Указ. соч. С. 10.

⁵³⁷ См. напр.: Асочакова Е. В. Наказ советской патриотки // Советская Хакасия. 1941. 18 июля. С. 3.

ковала краткую историко-фольклорную справку об этом персонаже произведений устного творчества хакасского народа⁵³⁸.

Несмотря на то, что войны из Хакасии и Горного Алтая сражались на фронте с первых месяцев войны, сообщения об их героических поступках стали публиковаться в местной прессе лишь с 1942 г. В категорию героев все чаще стали включать конкретных людей и, активнее всего, земляков, родственников, бывших коллег по работе. Такой перелом в сознании, поведении и представлениях жителей тыла о действительности произошел под воздействием следующих факторов.

Во-первых, в 1942 г. на фронт отправилось несколько соединений, состоявших преимущественно из жителей южносибирских автономий. Многие призванные из Горного Алтая вошли в состав 73-й отдельной сибирской кавалерийской дивизии⁵³⁹ и 232-й Сумской стрелковой дивизии, сформированных в Алтайском крае в 1941 г.⁵⁴⁰. Из Хакасии на поля сражений отправились 309-я стрелковая (Пирятинская) дивизия, 799-й автотранспортный батальон, 38-й отдельный лыжный батальон и другие подразделения⁵⁴¹. Появление среди военнослужащих-земляков орденосцев, в том числе Героев Советского Союза, подтверждало мысль о том, что героем на войне может стать любой – независимо от происхождения, места жительства, профессионального статуса, национальности.

Во-вторых, подробные описания зверств фашистов, обнаруженных в ходе освобождения временно оккупированных неприятелем территорий, сделали понятной, осязаемой и действительно страшной опасностью, которую нес агрессор всему советскому народу, в том числе и жителям далекого тыла. Это формировало представления о солдате, как о защитнике, освободителе, спасителе, что способствовало активной героизации, как самих военнослужащих, так и их поступков.

⁵³⁸ Ханза-Пиг // Советская Хакасия. 1944. 18 июня. С. 3.

⁵³⁹ Календарь памятных дат Республики Алтай, 2010 год. Горно-Алтайск, 2009. С. 60.

⁵⁴⁰ Бардина А. О. Танкист Иван Ташкенов // Горный Алтай в годы Великой Отечественной войны: сб. материалов республиканской науч.-историч. конф. Горно-Алтайск, 2010. С. 135.

⁵⁴¹ Очерки истории Хакасской областной организации КПСС / сост. П. Н. Мешалкин, С. П. Ултургашев. Красноярск, 1987. С. 145–146.

В третьих, после крупных побед, одержанных Красной армией в начале 1942 г., произошли заметные изменения в государственной информационной политике: вместо чествования героев всесоюзного уровня или воспевания подвига армии и народа внимание региональных средств массовой информации все чаще стало обращаться на героические поступки отдельных личностей. В специальном письме ЦК ВКП(б) изданиям рекомендовалось «рассказывать читателям о подвигах своих земляков, сражающихся на фронтах, печатать письма бойцов и командиров Красной армии с фронта своим родным и родных на фронт»⁵⁴².

Однако такой поворот, на наш взгляд, произошел не только на идеологическом, но и на психологическом уровне, поскольку важными стали считаться деяния не только массы, но и поступки каждого отдельного человека: «цена человеческой личности поднялась именно тогда, когда были потеряны целые армии, а жизнь солдата, казалось, уже вообще ничего не стоила». Объясняя этот «психологический парадокс», Е. Ю. Зубкова считает, что «война предоставила редкий шанс материализации гражданского чувства народа, которое десятилетиями культивировалось как принцип служения режиму, и было привязано к весьма абстрактным, либо далеким от практической жизни понятиям»⁵⁴³. Защита Отечества была конкретной и всем понятной целью, достижение которой способствовало сплочению людей, но, в то же время, осознанию человеком своей собственной роли в этом процессе, своего реального и возможного вклада в общее дело.

Еще одним результатом такого психологического поворота стало восприятие службы в армии, участия в военных действиях не только как выполнения гражданского долга, но и как подвига, на который способен каждый. На наш взгляд, именно это привело к тому, что с середины 1942 г. показ героизма отдельных людей стал массовым и регулярным в СМИ. Основными источниками информации о воюющих земляках для областных и районных

---

⁵⁴² КДА РА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 145. Л. 16.

⁵⁴³ Зубкова Е. Ю. Указ. соч. С. 21-22.

изданий служили официальные письма командиров воинских подразделений, заметки военных корреспондентов, присылаемые из фронтовых газет, и письма военнослужащих, адресованные как в редакцию, так и родным, с описанием собственных подвигов или героических поступков однополчан.

Письма командиров стали регулярно публиковаться в газетах Хакасии с весны 1942 г., в «Красной Ойротии» и «Кызыл Ойрот» – с лета того же года. Эти письма являлись специфическими по своему содержанию материалами. В них, в основном, содержались благодарности родителям, членам трудового коллектива, руководителям курсов всеобуча «за воспитание смелого бойца», сообщения о его воинских доблестях (уничтожил столько-то единиц техники или вражеских солдат), о награждении солдата орденом или медалью или представлении к награде, вынесении ему благодарности от командования. Такое письмо служило особой формой похвалы отличившегося военнослужащего. Но своей совокупностью подобные послания выполняли задачи по укреплению связи фронта и тыла, содействию патриотической работе с населением, формированию у солдат и офицеров Действующей армии мотивации для ответственного и доблестного выполнения долга. Несмотря на то, что в письме солдат напрямую не назывался героем, сам факт получения на родине такого официального послания от командования являлся подтверждением его героического статуса и поводом для газетного материала.

Заметки военных корреспондентов, присланные в местные редакции, можно условно разделить на две группы: перепечатки из фронтовой прессы и оригинальные тексты, подготовленные специально для местных изданий. Авторами первых зачастую являлись сотрудники армейских газет, главной задачей которых служил «показ людей фронта, хорошо владеющих военной техникой и тактикой ведения боя, их инициативы, военной сметки и храбрости в борьбе с врагом, их ненависти к противнику, стойкости, самоотверженности и дисциплины в выполнении приказов командования»⁵⁴⁴. Военкоры

---

⁵⁴⁴ Волковский Н. Л. История информационных войн. В 2 ч. Ч. 2. СПб., 2003. С. 375.

были обязаны отправлять заметки о наиболее отличившихся военнослужащих по месту их жительства – родственникам, коллегам, в редакции СМИ.

Наиболее ярким примером эффективности такой практики может служить статья специального корреспондента «Красной звезды», известного писателя К. Симонова «Единоборство»⁵⁴⁵. Рассказывая о подвиге лейтенанта И. Шуклина, призванного из Ойротии, автор точно подметил черты характера, особенности поведения своих героев, умело использовал информацию, полученную в ходе беседы с участниками боя и представителями командования. В итоге читатели получили возможность стать свидетелями поединка, в котором несколько артиллеристов с одной пушкой смогли уничтожить 14 танков и 3 машины с пехотой противника. В очерке нет излишнего патриотического пафоса, нет воспевания героизма поступка двадцатилетнего командира орудия. Но в этой простоте отчетливо проступает мысль о том, что героем может стать каждый, даже тот, кто вовсе не стремится совершить подвиг, а просто хорошо делает свою военную работу.

Авторами заметок, опубликованных во фронтовых газетах и перепечатанных в местной прессе, выступали военнослужащие, рассказывавшие о своих личных героях – сослуживцах, командирах. Для подобных материалов было характерно выделение таких черт характера и особенностей поведения персонажа, которые являлись важными в боевых условиях: для установления нужного психологического климата, сохранения жизней бойцов и т. д. Так, например, автор заметки о бывшем учителе истории из Ойротии лейтенанте А. Д. Рождественском отмечал, что своего командира подчиненные любят за храбрость и жизнерадостный характер, за заботу о нуждах и запросах бойцов. Особо автор выделил то, что лейтенант, свободно владея русским, татарским и туркменским языками, общался с солдатами на их родном языке⁵⁴⁶.

Авторство оригинальных материалов (включая фотографии) чаще всего принадлежало бывшим сотрудникам и рабселькорам местных газет, которые,

⁵⁴⁵ Симонов К. Единоборство // Красная Ойротия. 1942. 13 августа. С. 2.

⁵⁴⁶ Сайтов Х. Лейтенант Рождественский // Кызыл Ойрот. 1943. 11 июля. С. 4.

попав на фронт, не прерывали связь с местными изданиями. Так, в частности, благодаря военному фотокорреспонденту И. Венюкову с осени 1942 г. областная пресса Хакасии регулярно стала публиковать портреты воинов-земляков с краткими авторскими подписями, сообщавшими об их героических поступках (спасла десятки жизней раненых, уничтожил до взвода гитлеровцев и т. д.). Такая визуализация имела огромное значение, поскольку фотография не просто дополняла сообщение, но и сама содержала важную информацию о внешности героя, его настроении, вооружении, наградах, специфике военной профессии, позволяла узнать человека, растиражировать и сохранить его изображение. Анализ писем на фронт и с фронта показал, что газетная заметка с фотографией являлась гораздо более ценным признанием заслуг военнослужащего, чем неиллюстрированный текстовый материал: она вызывала активный интерес читателей, стимулировала к написанию, в том числе и через газету, письма «живому», пусть и незнакомому человеку.

Материалы военнослужащих – внештатных сотрудников местных газет, в которых описывались героические поступки земляков, отличались особым вниманием к деталям описания подвига, точностью в указании населенного пункта, предприятия или колхоза, откуда был призван или где трудился до войны боец, частым упоминанием о малой родине («верный сын Ойротии», «воспитанник Хакасии»). Автор нередко описывал собственные чувства, испытываемые к родине, землякам, проецируя их на своих однополчан – уроженцев автономной области. Отдельную группу изучаемых публикаций составляют письма с фронта, в которых содержались примеры героизма.

Анализ писем и журналистских материалов, опубликованных в областных изданиях Хакасии и Горного Алтая, показал, что явный дисбаланс содержания СМИ в сторону описания фронтовых подвигов, особенно в 1942–1943 гг., отодвигал на второй план заслуги тружеников тыла. Их самопожертвование считалось менее значимым по сравнению с деяниями военнослужащих, которые, жертвуя собой, защищали жизни своих близких, всех советских людей. В заметках и очерках о героизме сельчан подвигом счита-

лось спасение с риском для жизни колхозного имущества или выдающиеся трудовые достижения. За редким исключением фамилии передовиков упоминались в публикациях однократно, поскольку их пример использовался, скорее, для иллюстрации единого стремления тыла отдать «все для фронта, все для победы». Героями тыла Хакасии, получившими признание в годы войны, можно назвать Е. Дребенцову и К. Е. Царькову. Первая, используя собственный метод вязания снопов, вместе со своей бригадой перевыполняла нормативы более чем в сто раз. Ее пример и опыт широко пропагандировались по всей стране, героический статус колхозницы был подтвержден государственной наградой и публикациями в «Правде». К. Е. Царькова также была удостоена всесоюзного признания за высокие урожаи сахарной свеклы. «Правда» в ноябре 1942 г. напечатала фотоснимок ударницы, после чего в ее адрес поступило более 400 писем. Часть из них опубликовала газета «Советская Хакасия», подтвердив, таким образом, героический статус колхозницы.

Но главными героями военного периода считались фронтовики. Их почитание приобрело массовый характер в августе-сентябре 1945 г., когда на родину стали возвращаться участники войны. Однако к концу 1946 г. произошло резкое снижение объема материалов, посвященных героическим поступкам земляков, практически перестало упоминаться и слово «фронтовик». На бытовом уровне гражданам это объяснялось двумя причинами: нежеланием лишней раз напоминать людям о тяготах и лишениях военного времени и необходимостью сосредоточить внимание и усилия на восстановлении разрушенного хозяйства. Добавим, что с этого времени и вплоть до конца 1950-х гг. в местной прессе практически отсутствовали публикации, содержавшие личные воспоминания ветеранов. Акцент в статьях, посвященных войне и победе, делался на заслуги, прежде всего, генералиссимуса И. В. Сталина.

Специфика государственной информационной политики, проводившейся в послевоенное десятилетие, была в первую очередь обусловлена трансформацией советского общества и сознания многих граждан. Помимо изменений в демографической структуре, такое «общество, вышедшее из Войны»

отличалось от довоенного и социальным составом населения. Отмечая эту особенность, Е. Ю. Зубкова утверждает, что его «облик» определяли не традиционные категории населения (горожане и сельчане, пенсионеры, рабочие, школьники и проч.), а «социумы, рожденные военным временем», то есть фронтовики⁵⁴⁷. Продолжая данную мысль, заметим, что влияние такой категории граждан, как ветераны, было больше заметно на психологическом, а не на социальном уровне. Авторитет фронтовиков был, на наш взгляд, обусловлен двумя обстоятельствами: малочисленностью вернувшихся с войны (в сравнении с количеством призванных на фронт) и проецированием на каждого из них того «образа» героя, который был сформирован в военные годы.

Люди, прошедшие войну на фронте, выделялись тем, что обладали иным мировосприятием и представлениями о жизни и смерти, о долге и совести, что нашло отражение в произведениях «окопной прозы» писателей-фронтовиков. Нестандартность мышления, являвшаяся одним из условий выживания на войне, заставляла таких людей критически относиться к действительности. Важным фактором, определившим их скептицизм и критический настрой к реалиям советской жизни, стало знакомство с жизнью за рубежом. Резкий контраст между пропагандистским «образом» заграницы, который настойчиво внедрялся в сознание советских граждан в довоенный период, и реальностью произвел сильное впечатление на многих фронтовиков. Проводимые ими сравнения, как правило, оказывались не в пользу страны Советов. «Данное обстоятельство хорошо понимали власти, рассматривая их как основу, где могли формироваться протестные процессы»⁵⁴⁸.

Е. Ф. Семенов, выясняя эффективность пропагандистского воздействия на население в послевоенный период, указывает на то, что манипулирование общественным сознанием имеет свои пределы, определяемые «спецификой менталитета различных социально-профессиональных групп общества и столкновением идеологических догм с реальной действительностью».

⁵⁴⁷ Зубкова Е. Ю. Указ. соч. С. 27-28.

⁵⁴⁸ Пыжиков А. В. Политические преобразования в СССР (50–60-е годы). М., 1999. С. 54

стью»⁵⁴⁹. Обе рассматриваемые автономии являлись сельскохозяйственными регионами. После войны ситуация в сельской местности оставалась критической, эксплуатация села усиливалась, а сельхозналог повышался дважды. Проведенные реформы в сфере торговли и денежного обращения, переориентация промышленности на производство товаров народного потребления не улучшили жизнь сельчан. Существовавшие здесь проблемы замалчивались средствами массовой информации, что также могло служить причиной отторжения сельчанами тезисов официальной пропаганды и повышения авторитета фронтовиков, как неформальных лидеров общественного мнения.

Совокупность данных факторов вкупе с ожиданием возможного вооруженного конфликта со странами Запада вызвала необходимость усиления идеологического контроля, в том числе и в сфере СМИ, и стала причиной политических кампаний по борьбе «с низкопоклонством перед Западом» и космополитизмом. Подтверждение данной мысли мы находим в работе А. В. Фатеева, считающего главной целью данных кампаний решение ряда политических, экономических и социальных проблем, обострившихся в послевоенное десятилетие. Историк рассматривает борьбу с космополитизмом в контексте общей политики по формированию «образов» внешнего и внутреннего врага. В итоге, как отмечает автор, «дезинформированных, отчужденных друг от друга при помощи образа внутреннего врага граждан пропагандисты запугивали образом внешнего врага и тем самым добивались сплочения народа вокруг образа И. В. Сталина, правительства и ЦК ВКП(б)»⁵⁵⁰.

Однако эти политические кампании не получили всенародной поддержки в СМИ Хакасии и Горного Алтая, как это было, например, в период массовых репрессий 1937–1939 гг. Одна из причин заключается, на наш взгляд, в отсутствие четкого определения термина «космополитизм» и признаков, характерных для нового внутреннего врага. А. В. Фатеев, определяя содержание собирательного «образа», включил в него такие проявления космополи-

⁵⁴⁹ Семенов Е. Ф. Политическая пропаганда в прессе: некоторые аспекты теории и истории (1946-1964) // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: история, филология. 2009. Т. 8. № 1. С. 88.

⁵⁵⁰ Фатеев А. В. Образ врага в советской пропаганде 1945-1954 гг.: автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1998. С. 14.

тизма, как «буржуазность, барство, национализм, двурушничество, клеветничество и т. п.»⁵⁵¹. Участники закрытых собраний в Хакасии, на которых критике и обвинениям подвергались работники искусства, науки, литературы, по-разному трактовали космополитизм: как «явление буржуазной идеологии»; деятельность «горе-театрального критика»; происки врагов, протягивавших «свои щупальца в области литературы и искусства» или пропагандировавших «идею о «бесцветных» народах, о народах по природе своей космополитических». Высказывалась и сентенция, что «снобизм – это аристократизм, а аристократизм – есть космополитизм». Докладчики активно использовали лексику периода массовых репрессий, говоря о «презренных врагах народа», которые «огульно охаивают» советский строй, «пролезают» в различные учебные, научные и творческие организации, «протаскивают» буржуазные идеи и теории, «скрываются под маской» и т. д. «Космополиты-диверсанты» именовались «ничтожной кучкой отщепенцев», чей «яд тлетворного космополитизма» может проникать в «участки культуры»⁵⁵².

Кампания по поиску и разоблачению новых врагов в Хакасии и Горном Алтае не имела того размаха, который она приобрела в крупных городах. Причиной этого было отсутствие четких идеологических установок и признаков, которые можно было бы использовать на местном уровне для поиска сторонников западной идеологии. Вторая причина заключается в том, что борьба с космополитизмом велась преимущественно против интеллигенции, которая в национальных автономиях была малочисленной. Однако политические кампании послевоенного десятилетия привели к новому витку гонений на национальную культуру и ее носителей.

Переоценке, прежде всего, в отрицательную сторону, стали подвергаться те героические «образы», которые активно использовались в военный период. Например, эпическое сказание о хакасском народном герое Ханза-пиге, отрывки из которого ранее публиковались в газетах на русском и хакасском

⁵⁵¹ Фатеев А. В. Указ. соч. С. 10.

⁵⁵² НА РХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1514. Л. 1-52.

языках, в 1947 г. было признано «буржуазно-националистическим». Его популяризация в печати подверглась осуждению журналом «Сибирские огни» и на конференции литературоведов и критиков, созванной Союзом советских писателей⁵⁵³. Причиной послужило «обнаружение» сходства между Ханзапигом и «разбойничьим князем Иренаком»⁵⁵⁴. Современные исследователи признают князя Иренака (Еренака), который в XVII в. почти 20 лет с оружием в руках отстаивал национальную независимость Хакасии, «незаурядным политическим деятелем, смелым и талантливым военачальником», деятельность которого «в целом была направлена не на противостояние с Россией и джунгаро-монгольскими ханствами, а на утверждение равноправия и союзнических отношений» Хакасии с другими участниками военно-политических процессов⁵⁵⁵. Однако во второй половине 1940-х гг. на волне кампании по пересмотру взглядов на национально-освободительную борьбу нерусских народов в дореволюционной России, реакционными были объявлены национальные эпосы, воспевавшие сопротивление царскому режиму. От ученых Хакасии также потребовали «развенчания националистического произведения» о Ханзапиге⁵⁵⁶, его резкой критики и разъяснения аудитории, что оно создавалось по «заказу» классово чуждых баев и их приспешников.

Трансформации подвергся и сам «образ» героя, сформированный в годы войны. Промышленное строительство и мероприятия по возрождению сельского хозяйства в Хакасии и Горном Алтае определили тематику основной массы публикаций прессы и сместили акценты героизации с военнослужащих на строителей, животноводов, рабочих. Восстановительный период породил своих героев – настоящих и искусственно создаваемых пропагандой, которые быстро вытеснили со страниц газет участников войны. Особенностью «образа» героев послевоенного десятилетия была типизация характеристик их внешности, поступков (подвигов), устремлений и отношения к рабо-

⁵⁵³ Гуревич А. Фольклор Хакасии // Советская Хакасия. 1948. 7 февраля. С. 3.

⁵⁵⁴ Мартынов Н. За научную разработку истории Хакасии и ее народа // Советская Хакасия. 1951. 31 января. С. 3.

⁵⁵⁵ Очерки истории Хакасии... С. 249.

⁵⁵⁶ НА РХ. Ф. 2.. Оп. 1.. Д. 1401. Л. 5а.

те. Главным критерием героизации вновь стала выступать результативность труда, жертвование жизнью, здоровьем, материальным и личным благополучием на благо Родины.

Таким образом, взаимодействие СМИ Хакасии и Горного Алтая с аудиторией во время Великой Отечественной войны шло в условиях трансформации социального, гендерного и половозрастного состава населения автономий. На усвоение «образов» врага и героя, формировавшихся в сознании граждан под влиянием официальной пропаганды и информации, полученной из неофициальных источников, влияли сильные эмоциональные переживания и психологический стресс, вызванные изменениями условий и места жительства, профессиональной деятельности, массовой мобилизацией и смертью близких. Наиболее эффективное воздействие на формирование представлений о враге и герое, как главных персонажей действительности, оказывала местная пресса, обладавшая большим, по сравнению с радиовещанием, набором средств влияния на аудиторию и таким важным качеством, как долговременность фиксации информации. Это позволяло в пропагандистской деятельности активно использовать перепечатки из фронтовых газет, письма и рассказы военнослужащих и жителей тыла, журналистские материалы военных и местных корреспондентов.

Исследование показало, что мифологизации «образов» врага и героя во время войны содействовали не только официальная пропаганда, но и острый недостаток достоверной информации. Изменение информационной политики, начавшееся после побед Красной армии в 1942 г., расширило возможности прессы в использовании писем солдат и устных рассказов вернувшихся с фронта. Под влиянием, в том числе и материалов СМИ, в сознании и исторической памяти аудитории закрепились национальная идентификация врага – его отождествление с Германией и немецким народом.

Можно констатировать, что во время войны, в условиях массового героизма военнослужащих и тружеников тыла произошла существенная корректировка сценариев, по которым формировался «образ» героя в довоенный

период. Отправка на фронт воинских подразделений, сформированных из жителей рассматриваемых автономий, усилила процессы выделения героев местного уровня – земляков, коллег по работе, родственников. Героизации таких людей и их поступков через прессу способствовали письма командиров воинских подразделений, самих военнослужащих, материалы фронтовых корреспондентов. Широкое информирование СМИ о результатах зверств фашистов способствовало закреплению «образа» солдата как героя, защитника и спасителя. Участие советских военнослужащих в освобождении территории не только собственной страны, но и европейских государств, позволяло считать их людьми «бывалыми», обладающими уникальным опытом и знаниями. Подобные представления сохранились и после войны, что обусловило высокий социальный статус фронтовиков и их авторитет как неформальных лидеров общественного мнения.

В восстановительный период политическим руководством страны были предприняты меры для нейтрализации протестных настроений, их реальных и потенциальных инициаторов. С этой целью была усилена пропаганда «культы личности» И. В. Сталина, ужесточен цензурный контроль за СМИ, организованы политические кампании по борьбе «с низкопоклонством перед Западом» и космополитизмом. Итогом этих действий стало нивелирование массового героизма советских граждан в военное время, усиление гонений на интеллигенцию, возврат к довоенным идеологическим сценариям формирования «образов» врага и героя. В результате доверие аудитории к СМИ, возросшее во второй половине войны благодаря активному использованию редакциями писем читателей, было снижено, взаимоотношение этих субъектов массово-информационного пространства приобрело формальный и в значительной степени односторонний характер.

3.3. Изменение состава авторов публикаций в условиях войны и политических кампаний

Изменения гендерного и профессионального состава населения Хакасии и Горного Алтая, произошедшие в годы войны, привели к заметной трансформации журналистского корпуса и авторского состава СМИ автономий. Штатные и внештатные сотрудники редакций (рабочие и сельские корреспонденты) играли важную роль не только в организации взаимодействия всех элементов массово-информационного пространства. Если СМИ являлись средством реализации государственной информационной политики, то журналисты выступали как проводники этой политики непосредственно в массы. От их активности, таланта, творческих способностей, уровня образования и профессиональной подготовки во многом зависели качество содержания, репутация и популярность СМИ, восприятие медиainформации аудиторией и, как следствие, эффективность усвоения ею политических установок и идеологизированных «образов» действительности.

В советское время журналист (литературный сотрудник) рассматривался, прежде всего, как идеологический работник, способный не только ретранслировать получаемую информацию, но и вести активную пропагандистскую, общественную деятельность среди широкой аудитории. Основными задачами творческих сотрудников были политическая агитация и пропаганда, организация различных починов, соревнований, общественных и массовых движений, а также работа с рабселькорами, прежде всего – инициация подготовки и редактирование их заметок.

В источниках, содержащих факты и сведения о деятельности СМИ в изучаемый период, можно найти ссылки на постановления партийных и советских органов, где одним из пунктов значилось требование «обеспечить подбор политически и литературно грамотных работников для газеты»⁵⁵⁷.

---

⁵⁵⁷ См., напр.: О районных газетах: Постановление ЦК ВКП(б) от 13 июля 1940 г. // КПСС о средствах массовой информации и пропаганды. М., 1979. С. 175.

Значительное количество решений и постановлений Хакасского и Ойротского обкомов ВКП(б) довоенного периода содержит указание на то, что партийные органы контролировали национальный и социальный состав редакций, решали вопросы подбора и расстановки кадров, организации их профессиональной подготовки. В отчетную документацию обязательно включались данные об образовании, партийности, социальном происхождении журналистов. Но в военные годы отслеживание деятельности местных СМИ отошло на второй план, уступив решению более насущных и актуальных в условиях военного времени вопросов. В послевоенный период основное внимание было сосредоточено на восстановлении системы СМИ и повышении идейного уровня их содержания. Поэтому круг источников, содержащих сведения о динамике кадров редакций, условиях работы журналистов в 1941–1953 гг. оказался существенно суженным.

Фронтальное изучение периодических изданий, анализ архивных документов, книг приказов редакций и мемуаров позволили выделить основные тенденции трансформации кадрового состава СМИ в годы Великой Отечественной войны. Наиболее заметным и масштабным являлось изменение его гендерной составляющей. До войны профессия журналиста была преимущественно мужской, женщины в редакциях занимали вспомогательные должности (машинистка, ответственный или технический секретарь, на радио – диктор), либо возглавляли отделы социальной направленности (детско-молодежный, литературно-художественный, культуры и т. д.). Массовые репрессии 1937–1939 гг. значительно повлияли на состав редакций, но существовавшая ранее традиция сохранялась. Так, например, в 1938 г. в штатном расписании редакции «Советской Хакасии» из 18 сотрудников было только три женщины – технический секретарь, бухгалтер и машинистка. В ширинской районной газете «Знамя Советов» трудились шесть мужчин и одна женщина – технический секретарь⁵⁵⁸. Аналогичная ситуация наблюдалась и в

---

⁵⁵⁸ НА РХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 605. Л. 3-4.

Горном Алтае: в 1940 г. в штате многих районных изданий, состоявших из трех человек, должности ответственных секретарей занимали женщины.

Однако уже в этот период наметилась тенденция к изменению гендерного состава журналистского корпуса. В ходе кадровых перестановок, связанных с продолжавшимися до 1939 г. репрессиями, серьезно пострадал именно мужской журналистский коллектив. Кадровая лакуна заполнялась, в том числе за счет женщин, которые были более лояльными, исполнительными, зависимыми в материальном и моральном плане, поскольку острее ощущали ответственность за детей и свои семьи, страх потерять престижную и неплохо оплачиваемую интеллектуальную, а не физическую работу и т. д. Репрессии дали своеобразный толчок к выдвижению женщин на ответственные посты. Так в 1940 г. две из 11 редакций областных, районных и городских газет Хакасии возглавляли женщины: «Советской Хакасией» руководила К. М. Громова, «Коммунаром» (Саралинский район) – Красавина⁵⁵⁹.

Во время войны на изменения в составе редакций влияли два основных фактора: сокращение штатов в ходе проводимой кампании экономии и мобилизация мужчин в Действующую армию. Кадровые сокращения были обусловлены, в том числе уменьшением периодичности, объема и формата газет. Одновременно с этим шел призыв в армию, в результате чего в редакциях многие должности оказывались вакантными, а обязанности ушедших на фронт перераспределялись между оставшимися сотрудниками. В итоге к 1942 г. основная нагрузка по подготовке и выпуску газет и радиопередач легла на плечи женщин. Так, в газете «Красная Ойротия» из 11 творческих сотрудников было 5, а из 16 технических работников – 12 женщин⁵⁶⁰. Это в целом отражает тенденции, характерные для военного времени: например, к концу первого военного года треть всех квалифицированных работников-

---

⁵⁵⁹ Там же. Д. 774. Л. 71.

⁵⁶⁰ КДА РА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 215. Л. 3.

мужчин Ойротии были призваны в армию, в результате чего основу трудового ресурса составили женщины и подростки⁵⁶¹.

В предвоенные годы образовательный и интеллектуальный уровень жителей автономий значительно повысился. Например, в Хакасии в 1940 г. среди студентов-первокурсников Абаканского учительского института девушки составляли 75%⁵⁶². В военные годы данная тенденция сохранилась: из 386 студентов, закончивших в 1941–1943 гг. Московский государственный педагогический институт им. К. Либкнехта, эвакуированный в Горно-Алтайск в начале войны, подавляющее большинство составляли женщины⁵⁶³. Во время войны данный кадровый резерв использовался для пополнения рядов внештатных корреспондентов СМИ и сотрудников редакций.

Наиболее показательной в этом плане может служить судьба одного из старейших журналистов Хакасии Е. А. Абдиной. Она начала сотрудничать с национальным изданием «Хызыл аал» еще во время учебы в Абаканском педагогическом училище. После ее направления на работу в сельскую школу связь с газетой прервалась. Зимой 1942 г. в деревню приехал редактор «Хызыл аал» С. К. Добров. После лекции о положении на фронтах, в стране и в области, ответов на вопросы сельчан он обратился к Е. А. Абдиной с просьбой написать несколько заметок в газету. Подготовленные ею короткие сообщения о жизни сел Ширинского района были опубликованы в национальном издании. А в июне 1943 г. на ее имя пришло приглашение на работу в редакцию. С. К. Добров приложил немало сил, чтобы молодую учительницу отпустили в Абакан: в условиях острого дефицита педагогических кадров этот вопрос пришлось решать на уровне областного комитета партии⁵⁶⁴.

Авторы мемуаров свидетельствуют, что работа в редакциях во время войны была крайне сложной физически и морально: на сотрудников возлага-

⁵⁶¹ Анкудинова Т. В., Попов А. В. Условия жизни и быта городского и сельского населения Ойротской автономной области в годы Великой Отечественной войны // Исторический вестник: сб. науч. трудов. Горно-Алтайск, 2011. С. 3.

⁵⁶² Папина О. В. Роль женщин в социальном и культурном развитии Хакасии 1923-1941 гг.: автореф. дис... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2008. С. 14.

⁵⁶³ Очерки истории Горно-Алтайской автономной области... С. 390.

⁵⁶⁴ Из личной беседы автора с Е. А. Абдиной, корреспондентом газеты «Хызыл аал» с 1943 г., записанной 21 января 2002 г. в г. Абакане.

лась особая ответственность за каждое слово, сказанное в эфире или на газетной полосе. Ужесточение цензурных ограничений сужало круг тем, которые было разрешено освещать. Понимание особой роли СМИ и высокой степени их влияния на сознание, поведение и настроения граждан заставляло журналистов использовать оригинальные формы работы с читателями и радиослушателями, новые приемы освещения традиционных тем, искать факты, повышавшие оптимизм, внушавшие надежду на будущее. Кроме профессиональных, журналисты выполняли и дополнительные обязанности. Так, например, сотрудники редакций не только со страниц своих изданий, но и лично агитировали за участие в государственных заботах, трудовых починах, в сборах средств в помощь фронту или на строительство военной техники: «Мы, газетчики зачастую ходили по домам и уговаривали отдавать теплые вещи бойцам. Те, кто не умел вязать, давали шерсть, а другие пряли и вязали. Кто не мог дать теплые вещи для фронта, посылали табак, кисеты, носовые платочки, печенье»⁵⁶⁵.

Как показал анализ документов, одним из главных вопросов, которые приходилось решать редакторам газет в годы войны, был кадровый. Большой объем основной работы, общественная нагрузка, отмена отпусков, работа без выходных приводили к текучке кадров, особенно среди недавно принятых на работу сотрудников. В результате ряд должностей оказывался вакантным, что увеличивало нагрузку на оставшихся. Об увеличении объема должностных обязанностей можно судить даже по таким данным: в предвоенный период в штате Хакасского ОблРК числилось 46 человек (включая уполномоченных низового вещания), с началом войны осталось только 19 сотрудников⁵⁶⁶, то есть 43% от прежнего состава (подсчитано нами – Ю. К.). Этим людям приходилось выполнять не только свою, но и нагрузку ушедших на фронт коллег. Заметим, что работники постоянно отвлекались на сельско-

---

⁵⁶⁵ Абдина Е. А. Газета «Хызыл аал» в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Хакасия в годы Великой Отечественной войны: боевой и трудовой подвиг. Абакан, 1995. С. 116.

⁵⁶⁶ НА РХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 980. Л. 1-4.

хозяйственные и строительные работы, поэтому нагрузка у оставшихся была действительно большой.

Массовый призыв в армию лишил редакции наиболее опытных журналистов. В течение 1941–1942 гг. на фронт из редакций было призвано большинство сотрудников-мужчин. О масштабах мобилизации и ее последствий свидетельствует следующий факт: в Хакасском областном радиокомитете из 19 сотрудников в течение 1941–1943 гг. в армию было призвано 12⁵⁶⁷. Из-за частой смены кадров снижалось качество передач, требовалось много времени и сил для подготовки новых сотрудников. Ситуация осложнялась еще и тем, что часть принятых на вакантные места «была выдвинута на редакторскую работу совершенно не имея опыта». Это тоже служило причиной текучки кадров. Так, например, за два с половиной военных года только в радиоредакции «Последних известий» сменилось девять работников⁵⁶⁸.

На наш взгляд, трудности в решении кадрового вопроса были вызваны тем, что в военный период изменились не только принципы отбора кадров в редакции СМИ, но и формы обучения новых сотрудников. И. А. Фатеева выделяет три основные исторически сложившиеся формы профессиональной подготовки творческих работников средств массовой информации: 1) ученичество на рабочем месте, то есть обучение журналистским умениям в действующих редакциях путем передачи их в процессе выполнения трудовых функций от опытного журналиста к начинающему; 2) курсовая форма, которая в качестве основной использовалась в течение первых двух десятилетий XX века; 3) формальное журналистское образование, которое в качестве основной формы используется с 20-х годов XX века и по сегодняшний день⁵⁶⁹.

В процессе подготовки журналистских кадров Хакасии и Горного Алтая ученичество на рабочем месте служило начальным этапом, на котором выявлялись способности и желание работника заниматься этой профессиональной деятельностью. Далее сотрудника отправляли на курсы газетных работников

⁵⁶⁷ Подсчитано нами по книгам приказов Хакасского областного радиокомитета.

⁵⁶⁸ НА РХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 980. Л. 2.

⁵⁶⁹ Фатеева И. А. Журналистское образование в России: теория, история, современная практика: автореф. дис... д-ра филолог. наук. Екатеринбург, 2008. С. 29.

(радиоуполномоченных) в Красноярск, Барнаул и другие крупные города сибирского региона. Высшее журналистское образование было доступно лишь единицам, в основном, из-за удаленности таких вузов от автономий и недостаточного уровня образования претендентов. Поэтому в довоенный период в Хакасии и Ойротии для подготовки журналистских кадров использовалась преимущественно смешанная форма – ученичество с последующим обучением на специализированных курсах. Во время войны, несмотря на трудности с подбором и подготовкой кадров, такие курсы не проводились, и обучение шло на рабочем месте.

В довоенные годы кадровым ресурсом местных СМИ являлись рабселькоры. Распространенной была практика приглашения на работу в редакцию наиболее активных из внештатных авторов. Это, в частности, позволяло принимать на службу людей с репутацией и некоторым опытом, а значит минимизировать временные затраты на их профессиональное обучение и адаптацию к новым условиям. С началом массовой мобилизации этот ресурс сократился до минимума. Изучение содержания областных газет в сопоставлении с архивными документами позволило выявить только один пример подобного карьерного роста. Внештатный автор из Аскизского района Л. Черкашина начала публиковаться в «Советской Хакасии» с осени 1941 г., а в 1942 г. была принята в штат редакции и смогла достаточно быстро освоить такие сложные жанры, как репортаж, портретная зарисовка и очерк. Уже в октябре 1942 г. областное издание опубликовало ее рассказ «Антонида с Большого озера» и другие очерки. Также исследование газетных материалов позволило выявить следующую закономерность, характерную для военных лет: наиболее активные внештатные корреспонденты, по сути, выполняли функции собственных корреспондентов, но при этом в штат редакций не включались.

Однако основная нагрузка по подготовке и выпуску газет ложилась на плечи журналистов, которым в крайне сложных бытовых условиях приходилось «вести неослабную борьбу с беспечностью, с мирными настроениями, вредными в условиях военного времени, пропагандировать военные знания,

повседневню освещать партийно-политическую работу»⁵⁷⁰. В Абакане и Улале, на протяжении 1930-х гг. значительная часть населения продолжала ютиться в бараках и землянках⁵⁷¹. Жилищный кризис обострился во время войны, в связи не только со значительным притоком эвакуированных, но и отсутствием ремонтных и работ по благоустройству имевшихся помещений⁵⁷². Редакции газет и радиокомитеты размещались в непригодных помещениях, что создавало определенные трудности, но с другой стороны способствовало сплочению журналистских коллективов. Например, сотрудники редакций «Советской Хакасии» и «Хызыл аал», находившиеся в одном помещении, постоянно общались, обменивались новостями, ездили вместе в командировки. В результате новички имели возможность учиться, перенимать опыт и получать консультации журналистов со стажем⁵⁷³.

Насущной проблемой, особенно в холодное время, являлось отопление. В 1942 г. председатель ХакОблРК М. П. Дербенев в своей докладной записке объяснял срывы радиопередач плохим отоплением радиостудии, температура в которой не поднималась выше пяти-семи градусов тепла. Дикторы нередко вынуждены были работать и при нулевой температуре⁵⁷⁴. Из-за холода в помещениях многие сотрудники простывали, что особенно пагубно сказывалось на работе дикторов радио. Как вспоминала А. К. Килижекова-Кокова, в зимний период во время эфира на микрофоне вырастали сосульки от дыхания. Их приходилось сбивать во время паузы и читать текст в эфире дальше»⁵⁷⁵. Можно сказать, что выпуск каждого номера газеты в военное время являлся своеобразным подвигом, участие в котором принимали и журналисты и технический персонал. Наборщица Абаканской типографии Е. Шевелева вспоминала: «От прикосновения к холодному металлу стыли пальцы. И

⁵⁷⁰ Боевые задачи большевистской печати // Советская Хакасия. 1941. 30 октября. С. 1.

⁵⁷¹ Захарова Т. В. Уровень и условия жизни населения Горного Алтая в 1930-е годы // Исторический вестник: сб. науч. трудов. Горно-Алтайск, 2007. С. 25.

⁵⁷² Анкудинова Т. В., Попов А. В. Указ. соч. С. 4-5..

⁵⁷³ Из личной беседы автора с Е. А. Абдиной, корреспондентом газеты «Хызыл аал» с 1943 г., записанной 21 января 2002 г. в г. Абакане.

⁵⁷⁴ НА РХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 884. Л. 14.

⁵⁷⁵ Из личной беседы автора с Килижековой-Коковой А. К., 1920 г. р., сотрудником Хакасского областного радиокомитета с 1938 по 1951 гг., записанной 15 января 2006 г. в г. Абакане.

мы плакали от боли... Но терпели... Потому что шла священная война – и это обязывало нас, комсомольцев, работать на Победу. Вспоминали и Бога, который терпел и нам велел»⁵⁷⁶. Газеты набирались вручную, а постоянные перебои с электричеством приводили к тому, что набор шел при свете керосиновой лампы. Чтобы сдать материалы и номер в целом журналисты вычитывали полосы и помогали с набором, поэтому нередко ночевали на рабочем месте. Гранки набора приходилось править при свете коптилки, вычитанные полосы нередко сдавались в печать только под утро⁵⁷⁷.

Бумажный «голод», обострившийся в конце войны, также отразился на работе журналистов. В 1944 г. председатель Ойротского радиокомитета Г. Н. Палкин информировал обком партии, что работа ОблРК «находится под угрозой прекращения». Отсутствие бумаги привело к тому, что микрофонные материалы печатались «на клочках старой бумаги через абсолютно негодную ленту». Поэтому дикторы с трудом разбирали такие тексты. Это приводило к искажениям содержания передач и даже срывам эфира⁵⁷⁸.

В сложные годы войны повышалась значимость руководителя СМИ, который должен был технически организовать работу редакции, морально сплачивать коллектив, решать разнообразные творческие, технические и материально-бытовые проблемы. Кроме того, он выступал своего рода «генератором идей», реализация которых позволяла бы удовлетворять информационные потребности читателей, добиваться оперативности и эффективности издания, отражать в газете различные стороны действительности. Полноценно выполнять свои обязанности редакторам мешали многочисленные партийные поручения, отнимавшие много времени. Так, например, руководитель Ойротского радиокомитета Б. Н. Попов в 1943 г. в течение года шесть месяцев находился в командировках, два месяца болел и лишь «четыре месяца урывками был председателем»⁵⁷⁹. Имея образование в 7 классов, он успешно руководил радиокомитетом с октября 1941 г. по июнь 1944 г. Его управлен-

⁵⁷⁶ Шевелева Е. Цена газеты лет военных // Хакасия. 2008. 23 февраля. С. 6.

⁵⁷⁷ Чаптыков М. Всегда о времени ведя рассказ // Хакасия. 2005. 1 ноября. С. 3.

⁵⁷⁸ КДА РА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 275. Л. 31.

⁵⁷⁹ ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 4. Д. 20. Л. 6.

ческий опыт и результаты деятельности на этом посту были оценены и в последствии, поэтому в сентябре 1948 г. Б. Н. Попова снова назначили председателем ОблРК. В этой должности он проработал до декабря 1950 г.

В отличие от Б. Н. Попова, редактор «Советской Хакасии» К. М. Громова обладала не только опытом руководящей работы, но и талантом журналиста. Она возглавила областное русскоязычное издание в октябре 1939 г., но до этого с конца 1920-х гг. работала в газетах Красноярска, Саратова, Иваново, Сталинграда. После того, как в 1938 г. ее муж – собственный корреспондент газеты «Правда» был репрессирован, К. М. Громова вернулась в Сибирь⁵⁸⁰ и была приглашена в Хакасию. На посту редактора она проявила себя весьма энергичным человеком, талантливым журналистом, успешным редактором, смогла организовать работу редакции, привлечь авторов, создать новые рубрики, тематические страницы. Эта практика была продолжена и во время войны.

О журналистском мастерстве К. М. Громовой судить сложно, поскольку мы располагаем только двумя произведениями, подписанными ею. Безусловно, большая нагрузка по организации работы газеты и редактированию материалов оставляла мало времени для создания собственных публикаций. В обязанности редактора входила подготовка официальных материалов, в частности, передовых статей, которые не подписывались автором. К тому же К. М. Громова при публикации собственных заметок могла пользоваться псевдонимом, о чем свидетельствует анализ содержания «Советской Хакасии» за 1940–1943 гг., который позволил выявить наиболее вероятный псевдоним редактора – Е. Гошина. При выборе псевдонимов журналисты чаще всего используют буквы или буквосочетания, имеющиеся в их реальных именах и фамилиях (Громова – Гошина). Эта фамилия периодически появлялась в газете, но отсутствовала в штатном расписании. География материалов охватывала разные районы Хакасии, а также город Абакан, что было нехарактерно

---

⁵⁸⁰ Воспоминания Г. П. Тарасенко о матери – К. М. Громовой (Тарасенко), записанные по просьбе автора // "Felix P. Tarassenko" ftara@mfu.tsu.ru (Дата сообщения 24.12.2011).

для внештатных авторов. Под этим псевдонимом в 1942 г. был опубликован отчет о сессии Абаканского горсовета. Написание подобного материала, содержавшего критику работы городских властей, не доверили бы внештатному корреспонденту, но поручили бы редактору газеты, присутствовавшему на столь ответственном мероприятии по долгу службы.

В первые месяцы войны, когда люди больше всего нуждались в морально-психологической поддержке, К. М. Громова использовала нестандартный прием для поднятия духа читателей. В довоенный период в прессе была популярной так называемая «статья-мечта», в которой автор описывал свое видение будущего через 5-10 лет. Такой прогноз не строился на реальных данных, далеко не всегда учитывал законы развития общества и экономики, а представлял собой именно мечту о дальнейшем процветании и благополучии страны (региона). Продолжив эту традицию, 7 ноября 1941 г. коллектив редакции «Советской Хакасии» «попытался представить себе, как будет выглядеть обычный номер нашей газеты в день победы над гитлеровской Германией». На четвертой полосе были размещены уменьшенные копии четырех страниц областного издания с традиционным колонтитулом, рубрикацией и версткой. В «шапке» отсутствовала дата, но подборка материалов создавала ощущение правдоподобности и сиюминутности освещаемых событий. Интересно, что заголовки и частично содержание заметок совпали с тем, что было опубликовано «Советской Хакасии», но уже в 1945 г.: парад победы в Москве действительно состоялся, советская армия освободила Европу от гитлеровского ига, генерал де Голль вернулся во Францию с триумфом, в Хакасии повсеместно чествовали героев войны. Для придания достоверности, в макете присутствовали даже объявления, правда, шуточного содержания: «Кинофабрике нужен человек типично дегенеративного вида на роль Гитлера в готовящейся картине «Конец бандита»». Однако такая творческая инициатива, по воспоминаниям сына К. М. Громовой – Ф. П. Тарасенко, была осуждена партийными органами, поскольку «люди в глубинке приняли это за правду,

устроили грандиозные гулянки». В результате редактор получила строгий выговор по партийной линии⁵⁸¹.

К. М. Громова обобщила и литературно обработала десятки очерков, заметок, портретных зарисовок и других материалов, посвященных жителям области, воевавшим на фронтах Великой Отечественной войны. Итогом такой работы стала книга «Комсомольцы и молодежь Хакасии в боях за Родину», опубликованная в 1943 г., которую можно назвать самым ярким коллективным портретом участников военных событий⁵⁸². В 1943 г. К. М. Громова была отозвана в Красноярск и назначена редактором «Красноярского рабочего», но продолжала сотрудничать с «Советской Хакасией». 6 октября 1943 г. в областном издании был опубликован ее отчет о поездке на Карельский фронт в составе делегации трудящихся Красноярского края. Необходимо отметить, что материал не был традиционной перепечаткой из «Красноярского рабочего», а готовился специально для областного издания Хакасии.

Еще один редактор военных лет, чью судьбу удалось восстановить на основе архивных и личных источников – С. К. Добров. Свою профессиональную журналистскую карьеру он начал в должности переводчика национальной газеты «Хызыл аал», потом – ответственного за выпуск областного издания «Комсомол Хакасии». После закрытия молодежной газеты в 1936 г. Красноярский крайком ВЛКСМ направил его на учебу в Ленинград в Коммунистический институт журналистики им. В. В. Воровского⁵⁸³. Можно утверждать, что отправка на учебу за пределы Хакасии спасла ему жизнь, позволив избежать репрессий. В 1938 г., вернувшись на родину, С. К. Добров оказался единственным в автономной области журналистом с профессиональным образованием. В 1939 г. по решению обкома ВКП(б) он был назначен редактором «Хызыл аал». Благодаря ему к началу войны национальное издание приобрело собственное «лицо», репутацию, устойчивую аудиторию. О работе в военные годы С. К. Добров вспоминает скупно: «В тяжелейших ус-

⁵⁸¹ Воспоминания Г. П. Тарасенко о матери – К. М. Громовой (Тарасенко), записанные по просьбе автора // "Felix P. Tarassenko" ftara@mfu.tsu.ru (Дата сообщения 24.12.2011).

⁵⁸² Комсомольцы и молодежь Хакасии в боях за родину. Абакан, 1943. 27 с.

⁵⁸³ НА РХ. Ф. 658. Оп. 1. Д. 46. Л. 1-2.

ловиях военного времени нам, журналистам, приходилось трудиться целыми сутками, не выходя из редакции и типографии»⁵⁸⁴.

В 1943 г., после перевода К. М. Громовой в Красноярск, С. К. Доброва назначили редактором «Советской Хакасии», но вскоре вызвали в Москву для учебы на шестимесячных курсах газетных работников, организованных ЦК ВКП(б). Война привела к большим потерям среди журналистского корпуса. Центральный орган партии – газета «Правда» остро нуждалась в журналистах, поэтому из обучавшихся на курсах были отобраны шесть лучших выпускников для дальнейшей работы корреспондентами в главной газете страны. В числе них оказался и С. К. Добров. Архивные документы свидетельствуют о том, что руководство Хакасии категорически не хотело отпускать журналиста и почти на год задержало его отъезд, подчинившись только прямым указаниям из Москвы. На родину Семен Константинович вернулся в 1951 г. и снова возглавил «Хызыл аал».

О редакторах ойротских областных изданий сохранилось крайне мало сведений. До 1942 г. «Красную Ойротию» возглавлял В. Г. Лексин, его сменил профессиональный журналист, имевший опыт руководства газетой «Сибирский комсомолец» А. К. Шашкин. С середины 1943 г. и до конца войны изданием руководил А. Л. Комаринский. В военные годы штаты обеих областных газет были, по сути, объединены, поскольку оба издания, дублировавшие содержание друг друга, готовились одними и теми же людьми. Поэтому номера «Кызыл Ойрот» подписывали Е. Л. Новицкая, А. Рожкова и другие сотрудники, числившиеся в штате «Красной Ойротии».

Сравнение «Красной Ойротии» и «Кызыл Ойрот» за 1939–1945 гг. показало, что в предвоенный период в обеих газетах публиковались журналисты Е. Сакышев, П. Патлин, Н. Угренинов, собкор по Усть-Коксинскому аймаку Н. Кулаков, собкор по Шебалинскому аймаку О. Мятковский. Вплоть до начала 1942 г. издания часто печатали заметки активных селькоров А. Серебренникова, М. Стрекалова, З. Глазкиной, С. Суртаева, М. Иванова, Г. Авто-

---

⁵⁸⁴ Там же. Л. 2.

манова и других. Но в дальнейшем эти фамилии не встречаются на газетных полосах. Причинами этого, скорее всего, послужили массовый призыв на фронт и сокращение штатов местной прессы.

Интересной является судьба одного из сотрудников «Красной Ойротии» – С. А. Астры (Гречухи). В штате газеты он числился корректором на русском языке⁵⁸⁵, но в 1941–1942 гг. выполнял функции корреспондента, поскольку уже имел опыт сотрудничества с прессой в 1920–1930-е гг. на Кубани⁵⁸⁶. Опубликованные им заметки оригинальны по стилю, написаны живым языком и отражают творческий подход автора к описанию событий и фактов. Будучи профессиональным художником, С. А. Астра рисовал агитокна⁵⁸⁷, но больший интерес представляют выполненные им портреты героев труда, опубликованные в праздничном номере областного издания 14 июня 1942 г. Работы С. А. Астры экспонировались в Новосибирске на выставке «Художники Сибири в дни Великой Отечественной войны»⁵⁸⁸. В 1942 г. он добровольцем отправился на фронт, получил тяжелое ранение в правую руку, однако смог научиться рисовать левой рукой. В феврале 1945 г. на областной выставке С. А. Астра представил свои работы: портреты, акварельные этюды, картины военной тематики, а также оригинальные иллюстрации алтайского героического эпоса «Темир Санаа» и «Кара Маас»⁵⁸⁹. В 1943 и 1945 гг. С. А. Астра некоторое время возглавлял областной радиокомитет, в послевоенные годы работал в областном издательстве, корреспондентом ТАСС⁵⁹⁰.

В годы войны существенно изменился состав не только журналистского корпуса, но и рабселькоров. В довоенный период газеты активно формирова-

⁵⁸⁵ КДА РА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 215. Л. 12.

⁵⁸⁶ КДА РА. Ф. 223. Оп. 1 «Л». Д. 19. Л. 7.

⁵⁸⁷ Агитокна – одна из форм наглядной агитации. Представляли собой нарисованные гуашью плакаты, содержащие рисунки или карикатуры агитационного содержания, часто сопровождавшиеся лозунгами, призывами, цитатами. Выставлялись во время войны на специальных стендах в людных местах (почта, центральная площадь города, рынок и т. д.). При наличии возможности такие плакаты тиражировали типографским или рукописным способом и распространяли по другим населенным пунктам региона.

⁵⁸⁸ Художники Сибири в дни Великой Отечественной войны [Электронный ресурс]: Масловка – городок художников. Сайт художников Верхней Масловки и НП «Национальное художественное наследие «ИЗ-ФОНД». URL: <http://www.maslovka.org/modules.php?name=Content&pa=showpage&pid=1170&page=31> (дата обращения: 12.01.2014).

⁵⁸⁹ Сергеев А. Творческий отчет художников Ойротии // Красная Ойротия. 1945. 2 февраля. С. 2.

⁵⁹⁰ КДА РА. Ф. 223. Оп. 1 «Л». Д. 19. Л. 7; Ф. 1. Оп. 2. Д. 372. Л. 4.

ли свой авторский актив, с представителями которого велась индивидуальная работа, в основном, через письма с разъяснениями и советами, указаниями на наиболее актуальные темы и проч. Также регулярно проводились районные, городские и областные совещания рабселькоров, встречи членов редакций со своим активом. Но с началом войны потребовались новые походы к организации сотрудничества с внештатными авторами, и, прежде всего, иные методы привлечения к корреспондированию людей, ранее не писавших в газету.

Анализ газет «Красная Ойротия», «Советская Хакасия» и «Хызыл аал» за 1941–1945 гг. в сопоставлении с архивными документами позволил выявить характерные особенности авторского состава и работы редакций с рабселькорами. Наиболее продуктивно с внештатными корреспондентами сотрудничало областное русскоязычное издание Хакасии. С началом массовой мобилизации его редакция обратилась к женам и родным своих активных рабселькоров, призванных на фронт, с просьбой «продолжать осведомлять редакцию о положении дел в колхозах, совхозах, на предприятии»⁵⁹¹. Многие из 60 адресатов откликнулись на этот призыв, поэтому газета смогла сохранить широкую географию своих сообщений. Другим направлением работы редакции было привлечение к сотрудничеству военнослужащих, которых просили стать собкорами газеты. Благодаря этому в военные годы в газету «писали летчики, артиллеристы, моряки, пехотинцы, танкисты и журналисты фронтовых газет. Они писали о боевых операциях и земляках»⁵⁹².

Бывшие рабселькоры и журналисты, призванные на фронт, также старались поддерживать связь со своими изданиями. Так, например, М Шеин, публиковавший до войны свои заметки в «Советской Хакасии», прислал в октябре 1941 г. в редакцию очерк «На позициях», сопроводив его коротким письмом: «Писал в окопе. Правда, он не такой уж художественный, но правдивый. С приветом, Мих. Шеин»⁵⁹³. Благодаря бывшему корреспонденту «Хызыл аал» Н. И. Саражакову читатели национального издания узнавали от

⁵⁹¹ НА РХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 821. Л. 34.

⁵⁹² Громова-Тарасенко К. В глубоком тылу... // Советская Хакасия. 1971. 22 июня. С. 2.

⁵⁹³ Шеин М. На позициях // Советская Хакасия. 1941. 26 октября. С. 2.

очевидца событий о битве под Сталинградом, о героизме земляков. Бывший редактор «Последних известий» областного радиокomiteта Я. П. Есавочкин, призванный в армию в августе 1941 г., через газету передавал привет своим коллегам-журналистам и сообщал, что «в боях с немецкими захватчиками» он был дважды ранен и награжден орденом Красной звезды⁵⁹⁴.

Наиболее активным военным корреспондентом можно назвать И. М. Костякова. Свою журналистскую карьеру он начал в газете «Ударник» (Аскизский район), сотрудничал с областным радиокomiteтом, в январе 1940 г. был принят в ОблРК редактором узлового вещания по Аскизскому району⁵⁹⁵. Накануне войны его пригласили в штат газеты «Хызыл аал» зав. экономическим отделом. Но в 1941 г. И. М. Костяков ушел добровольцем на фронт⁵⁹⁶. После ранения в 1943 г. он стал присылать в областное национальное издание свои стихи, очерки, рассказы. Написанные на основе реальных фактов и личных переживаний автора, эти материалы обладали той достоверностью и правдивостью, которые отличают журналистские материалы от литературных и привлекают интерес читателей.

Среди представителей интеллигенции, эвакуированных во время войны в Хакасию и Ойротию из европейской части страны, были ученые, художники, артисты театра, учителя. В «Красной Ойротии» трудились Б. П. Кочетов, М. Н. Калистратова, П. И. Кирсей, А. В. Воройская, Н. М. Розенблат⁵⁹⁷. Особо отметим московскую журналистку Н. П. Бобневу, которая вплоть до начала эвакуации в 1944 г. являлась собкором газеты, объездила почти всю область, собирая материал для своих заметок и статей.

В Хакасии внештатные авторы из числа эвакуированных более активно публиковались в газетах, выступали по областному радио. Так, например, «Советская Хакасия» регулярно помещала карикатуры и плакаты известного московского художника Б. Н. Соколова, стихи, басни, переводы хакасских

⁵⁹⁴ Есавочкин Я. П. Клятву сдержу // Советская Хакасия .1943. 13 июля. С. 3.

⁵⁹⁵ Книга приказов ХакОблРК, пр. № 3 от 9.01.1940.

⁵⁹⁶ Сысолятин Г. Ф. Сочинения. В 2-х томах. Том. II. Абакан, 2001. С. 207.

⁵⁹⁷ Машегова Н. В. Некоторые итоги исследований эвакуации гражданского населения, детских, лечебных, высших учебных и научных учреждений в Ойротскую автономную область в 1941-1942 годах Горный Алтай в годы Великой Отечественной войны: сб. мат-в респ. науч.-историч. конф. Горно-Алтайск, 2010. С. 80.

тахпахов поэта А. Фейгельмана, фольклорный материал, собранный во время экспедиций по Хакасии и авторские статьи кандидата филологических наук Л. С. Шептаева, заметки о студентах и преподавателях Абаканского пединститута другого ленинградского педагога А. Рожанского, обзоры стихов начинающих поэтов Хакасии, подготовленные художественным руководителем областного драмтеатра Н. Зингеровским. С областным радиокомитетом активно сотрудничал ленинградский композитор А. А. Кенель, который вел радиоконцерты для воинов, проходивших лечение в госпиталях области, писал музыку «на тексты поэтов и бойцов Красноярского края», сам аккомпанировал в эфире исполнителям музыкальных произведений⁵⁹⁸. Существенные различия в количестве внештатных авторов – представителей эвакуированного населения у изданий Хакасии и Ойротии могли быть обусловлены личной активностью и интересом этих людей к работе в СМИ. Но главным условием являлась, на наш взгляд, заинтересованность самой редакции в подобных корреспондентах, для которых создавались условия, побуждавшие к творческой деятельности. Так, например, «Советская Хакасия» поддержала инициативу Б. Соколова и А. Фейгельмана о создании «Окон сатиры», которые на протяжении 1941–1943 гг. были одной из самых популярных рубрик в газете.

В январе 1944 г. в штат «Советской Хакасии» была принята будущая известная ленинградская писательница В. Бабич⁵⁹⁹, опубликовавшая в течение года 54 материала (подсчитано нами – Ю. Б.), выполненных преимущественно в таких сложных жанрах, как репортаж, фельетон, очерк, рецензия, зарисовка, рассказ. Она обладала высоким уровнем грамотности, прекрасным слогом, оригинальностью в подаче темы. На фоне коротких и сухих по стилю заметок о передовиках труда, урожаях, трудовых починах и войне, ее материалы резко отличались от публикаций постоянных корреспондентов областного издания, в основном, отсутствием шаблонности в выборе тем и их ос-

---

⁵⁹⁸ Шлык В. Ф., Шлык Л. К. Судьба и загадка Русского театра в Хакасии: Записки. Абакан, 2002. С. 73.

⁵⁹⁹ См. о ней подр.: Бахтин В. С., Лурье А. Н. Писатели Ленинграда: библиографический справочник (1934-1981). Л., 1982. С. 23.

вещения. Ее фельетоны способствовали возрождению в «Советской Хакасии» этого почти забытого с начала войны жанра.

Различия между авторами публикаций СМИ Хакасии и Горного Алтая просматриваются в их умении творчески использовать методы активизации аудитории, вовлечения ее в массово-информационную деятельность. Например, в довоенный период и, особенно в годы войны популярной была переписка между военнослужащими и трудовыми (учебными) коллективами, в которой журналисты часто играли роль не только посредников, но и инициаторов контакта. В «Красной Ойротии» такая переписка была представлена односторонне, поскольку публиковались преимущественно письма бойцов Красной Армии к своим бывшим коллегам с призывами перевыполнять план, трудиться по-ударному, поддерживать фронт. Ответные послания из тыла газета также печатала, но в меньшем количестве. Исключением является номер за 6 декабря 1942 г., в котором было помещено письмо военкома части Ф. Николаева к колхозникам сельхозартели «Ойрот Дьол» Усть-Канского района, где он рассказал о подвиге их земляка А. Ф. Аманчина, и ответ на это письмо трудового коллектива.

В газетах Хакасии такая форма привлечения читателей и авторов использовалась более продуктивно. Так, журналисты газеты «Большевикский путь» (Богградский район) инициировали переписку с фронтовиками, которые призвали колхозников «отлично подготовиться к зимовке скота. Работники ферм ответили конкретными обязательствами, которые были помещены в газете»⁶⁰⁰. Сотрудники черногорского «Шахтера» совместно с журналистами фронтовой газеты «Защитник родины» организовали соревнование между бывшим шахтером И. Летуновским, ставшим на фронте известным снайпером-орденоносцем, и его бывшими коллегами по работе. Боец через газету вызвал своих земляков на соревнование: «Я обещаю истребить 200 фашистов. Вас, дорогие друзья, прошу перевыполнить план... «Будем соревноваться!» – заявили шахтеры. И с этого дня газета показывала, как выполня-

⁶⁰⁰ Неотложная задача газет // Советская Хакасия. 1944. 15 ноября. С. 3.

ются социалистические обязательства». Всего снайпер уничтожил 348 фашистов. «Узнав об этом, земляки взяли на себя новые обязательства»⁶⁰¹.

Одним из наиболее ярких примеров роли журналистов в укреплении связи фронта и тыла может служить организация переписки между военнослужащими Карельского фронта и трудящимися Хакасии. В конце июня 1943 г. командир одной из воинских частей Шаповалов написал в «Советскую Хакасию» заметку о судьбе 13-ти гвардейцев-минеров Карельского фронта, которые потеряли свои семьи и дома. В августе областное издание и фронтовая газета «В бой за родину» опубликовала ответное письмо 500 колхозников сельхозартели «Путь к социализму» Аскизского района, которые сообщили, что заочно приняли в колхоз 13 гвардейцев и по окончании войны предоставят им жилье, работу, помогут обстроиться на новом месте. В ответ на это предложение в редакцию областного издания пришли письма от самих минеров, а также от руководства Карело-Финской ССР, на территории которой воевала часть: «Эту идею приема в колхоз бойцов, потерявших родных, будем систематически пропагандировать, и, думаю, что найдется немало людей, которые после войны с радостью поедут в Хакасию»⁶⁰². Вплоть до конца 1943 г. продолжалась такая переписка, колхозники и гвардейцы морально поддерживали друг друга, отчитывались о трудовых и боевых достижениях.

Еще одно отличие в работе журналистов автономий заметно при сравнении форм их сотрудничества с фронтовыми газетами. «Кызыл Ойрот» и «Красная Ойротия» публиковали заметки о фронтовиках-земляках, присылаемые родственниками, самими солдатами или корреспондентами военных изданий, однако тесной связи с армейскими газетами не поддерживали, поэтому такие материалы приходили в редакцию чаще всего «самотеком». Сотрудники «Советской Хакасии» установили контакты с журналистами фронтовых изданий – на личном и профессиональном уровне. Результатом этого стало значительное количество перепечаток из военных газет, в которых

---

⁶⁰¹ Боевое содружество. «Шахтер» // Советская Хакасия. 1943. 5 мая. С. 3.

⁶⁰² Куприянов Г. Начало большой дружбы // Советская Хакасия. 1943. 19 сентября. С. 2.

кроме фамилии автора указывалось также и название издания. Интерес представляет практика обмена выпусками между «Советской Хакасией» и сатирическим журналом «Сквозняк» политуправления Карельского фронта.

Наиболее плодотворным, на наш взгляд, было сотрудничество журналистов областного издания с фронтовой газетой «Во славу Родины». Это издание возникло в начале 1942 г., когда 309-я стрелковая (Пирятинская) дивизия, сформированная в Хакасии, отправилась на фронт. Его редактором был назначен журналист «Красноярского рабочего» майор П. Шарневский, фотокорреспондентом – сотрудник этого же издания И. Б. Венюков. Первые материалы о героизме солдат и портреты особо отличившихся при форсировании Дона жителей области, подготовленные этими авторами, были размещены в «Советской Хакасии» 7 ноября 1942 г. П. Шарневский, которого газеты Хакасии называли «наш военный корреспондент», в 1943–1945 гг. опубликовал более десятка своих материалов о воинах Пирятинской дивизии. А благодаря И. Венюкову – активному и действительно талантливому фотокорреспонденту – сохранились многие имена и портреты воевавших на фронте.

Анализ взаимодействия рабселькоров со СМИ Хакасии и Горного Алтая показал, что в разные периоды войны их активность и численность была неодинаковой. В первые военные месяцы редакции получали большую корреспонденцию. Например, с 22 июня по 15 июля в «Советскую Хакасию» пришло 467 писем от читателей и внештатных корреспондентов⁶⁰³. В своих отчетах редакторы отмечали, что в газеты стали писать те, кто ранее никогда с редакциями не сотрудничал. Даже на областное радио, которое постоянно испытывало недостаток внештатных авторов, пришло несколько сотен посланий – «красноармейцам от сестер, братьев, родителей, жен и др.»⁶⁰⁴. Однако в дальнейшем, когда ожидания скорой победы над врагом не оправдались, поток писем в СМИ резко сократился.

---

⁶⁰³ НА РХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 821. Л. 33-36.

⁶⁰⁴ Там же. Д. 820. Л. 18.

К концу 1941 г. стало особенно заметным уменьшение корреспонденций с мест. Такое явление в значительной степени было обусловлено массовой мобилизацией, поскольку большую часть рабселькоров традиционно составляли мужчины призывного возраста. Это привело к заметному оскудению содержания и оформления местной прессы. Изменения стилистики и содержания газет, вызванные сокращением объема и периодичности газет, увеличение числа военных материалов потребовало проведения разъяснительной работы среди внештатных авторов. Поэтому в Хакасии в декабре по инициативе областных изданий и по распоряжению обкома ВКП(б) прошли районные совещания редакций «Советской Хакасии» и «Хызыл аал» с рабселькорами⁶⁰⁵. В итоге сотрудничеством удалось заинтересовать преимущественно женщин, тогда как в предвоенный период авторами заметок и штатными журналистами в подавляющем большинстве случаев являлись мужчины.

Сравнительный анализ «Советской Хакасии» и «Красной Ойротии» показал, что оба издания испытывали недостаток в постоянных корреспондентах, которые могли сообщать о событиях, происходивших в районах. Выходом из положения являлась подготовка штатными журналистами подборок новостей, собранных по телефону или полученных из других источников. Такие подборки публиковались без подписи, тогда как заметки внештатных авторов всегда подписывались фамилией корреспондента. С середины 1943 г. подготовленные редакцией сообщения стали превалировать в содержании горноалтайской русскоязычной газеты, что привело к ее тематическому и жанровому оскудению, фактологической бедности. Основной причиной отсутствия интереса авторов к сотрудничеству с ней являлось, в том числе равнодушное отношение редакции «Красной Ойротии» к письмам и заметкам с мест, поскольку редакция не проводила учет внештатных корреспондентов, не поддерживала связь с ними, не давала указаний о том, на какие темы и как писать. Фактически с газетой сотрудничало только не-

---

⁶⁰⁵ Там же. Д. 797. Л. 340.

сколько жителей города, самостоятельно приносивших заметки в редакцию⁶⁰⁶.

«Советская Хакасия» восполняла возникший недостаток авторских материалов за счет активной публикации писем, стихов, тематических подборок, используя богатую жанровую палитру (рецензии, рассказы, очерки, басни, сказки и проч.). Важной также являлась забота редакции о своих постоянных авторах, демонстрация признания благодарности им за сотрудничество. Наиболее ярко это проявилось в 1944 г., когда в преддверии празднования Дня советской печати почетные грамоты Хакасского обкома ВКП(б) и премии получили 35 сотрудников газет, в том числе 22 активных рабселькора «Советской Хакасии» и 7 внештатных авторов «Хызыл аал»⁶⁰⁷.

Военные потери – и журналистов, и тех, кто мог бы стать профессиональными творческими работниками – сказывались на работе СМИ Хакасии и Горного Алтая в течение послевоенного периода. В связи с тем, что после войны ощущался значительный дефицит мужских кадров, фронтовиков-журналистов нередко назначали руководителями советских и партийных организаций, совхозов, предприятий, школ. Поэтому в послевоенный период штаты редакций продолжали пополняться женщинами. Так, например, онгудайскую районную газету (Горный Алтай) в 1945–1953 гг. возглавляли четыре женщины⁶⁰⁸. Ротация кадров привела к практически полному обновлению штатов СМИ. Например, в Хакасском ОблРК к концу войны из 19 «старых» сотрудников, числившихся на июнь 1941 г., осталось только трое, в том числе председатель ОблРК М. Дербенев⁶⁰⁹. Кадровым резервом для редакций служили инвалиды войны и демобилизованные военнослужащие. Из 12 сотрудников «Кызыл Ойрот» в 1946 г. таких было большинство⁶¹⁰.

Вместе с тем, заметным стало снижение образовательного уровня работников СМИ: высшее образование в редакции в лучшем случае имел только

⁶⁰⁶ КДА РА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 486. Л. 18а.

⁶⁰⁷ НА РХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1030. Л. 104.

⁶⁰⁸ КДА РА. Ф. 373. Оп. 1. Д. 1-4.

⁶⁰⁹ НА РХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1156. Л. 27.

⁶¹⁰ КДА РА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 486. Л. 6.

редактор, большинство журналистов в документах указывали 6-7 классов. Во второй половине 1945 г. из всех сотрудников «Красной Ойротии» только один учился заочно в вузе, остальные же не стремились продолжать учебу или заниматься самообразованием. В редакции «Кызыл Ойрот» двое имели среднее образование, остальные нигде не учились, «ничего кроме газеты не читали»⁶¹¹. Это сказывалось на качестве газетных материалов и радиопередач. Бюро Горно-Алтайского обкома партии, рассмотрев в начале 1946 г. вопрос о состоянии радиовещания в области, отметило, что язык радиопрограмм «засорен неграмотными, канцелярскими оборотами», поэтому местное радио «не воспитывает у слушателей культуру речи». Для устранения такого явления председателя областного радиокomiteта обязали организовать общеобразовательную учебу кадров⁶¹².

С окончанием войны условия работы в редакциях стали легче, со второй половины 1945 г. снова были введены отпуска. К концу 1940-х гг. журналистов стали стимулировать для хорошей работы повышенными гонорарами и материально-денежным премированием. Так, к 8 марта 1948 г. диктора Хакасского радиокomiteта Т. А. Белову и редактора О. Н. Лапинскую «за добросовестный труд» наградили премией в сто рублей и шестью метрами мауфактуры⁶¹³. С восстановлением прежнего штата снизилась перегрузка работников редакций дополнительными обязанностями. Однако труднорешаемыми оставались вопросы материально-бытового снабжения журналистов и обеспечения их жильем. Так, например, из 12 сотрудников «Кызыл Ойрот» 8 ютились «в проходных уголках частных домовладений». Почти все работники были «раздеты и разуты», поэтому не представлялось возможным командировать кого-либо из них «в район или колхоз с оперативным заданием»⁶¹⁴. В условиях сохранявшегося в столицах автономных областей жилищного кризиса, сложным оставался вопрос о размещении редакций. Сотрудники «Кызыл Ойрот» ютились в двух комнатах в здании типографии. Из-за отсут-

⁶¹¹ Там же. Л. 18, 33.

⁶¹² Там же. Д. 425. Л. 171-171а.

⁶¹³ Книга приказов ХакоблПК, пр. № 8 от 8.08.1948.

⁶¹⁴ КДА РА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 486. Л. 6-7.

ствия электричества и керосиновых ламп в своих помещениях журналисты по вечерам работали в цехе типографии, мешая наборщикам⁶¹⁵. Только в 1947 г. после прямого вмешательства обкома партии редакциям обеих областных газет было выделено более пригодное для работы помещение.

Редакция «Хызыл аал» занимала «три крохотных комнаты» в здании, принадлежавшем «Советской Хакасии». В кабинете за одним столом сидело по два творческих сотрудника. При этом заместитель редактора и заведующий отделом партийной жизни не имели рабочего места и вели, по их выражению, «кочевой образ жизни», каждый день подыскивали место и возможности для работы⁶¹⁶. Данная проблема сохранялась до начала 1950-х гг., когда редакциям областных изданий выделили пять комнат в здании обкома партии.

Документы свидетельствуют, что в конце 1940-х гг. усилилось внимание к образовательному и профессиональному уровню сотрудников СМИ, что было вызвано ужесточением политического контроля за содержанием и деятельностью средств массовой информации. Работа газет и радио регулярно подвергалась анализу и критике, в основном, за недостаточное освещение вопросов партийной жизни и сельского хозяйства. Проверяющие указывали на то, что областные газеты Хакасии и Горного Алтая были безлики, публиковали недостаточно корреспонденций с мест, получали мало писем от читателей, имели незначительный авторский актив. В течение 1948–1952 гг. в обзорах отмечалось, что количество писем увеличивалось с каждым годом, число зарегистрированных рабселькоров росло. Однако анализ газет послевоенного периода показал, что, несмотря на положительную динамику этих формальных показателей, их содержание улучшалось незначительно.

Одной из причин подобного явления можно назвать то, что творческие сотрудники редакций зачастую не были заинтересованы в расширении авторского актива. Согласно положению о гонорарном фонде, 60% средств авторского вознаграждения должно было выплачиваться внештатным корреспон-

---

⁶¹⁵ Там же. Л. 6.

⁶¹⁶ НА РХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1832. Л. 3.

дентам и 40% – журналистам. Но это соотношение постоянно нарушалось. Редакции под разными предлогами старались отказывать внештатникам в публикации, что позволяло увеличивать объем собственных материалов. Очевидцы сообщали о фактах регулярного нарушения финансовой дисциплины в редакции «Кызыл Ойрот», о том, что из-за распределения гонорара среди сотрудников не прекращались постоянные скандалы, ругань и склоки. Руководитель СМИ, пользуясь служебным положением, забирал себе или распределял среди своих приближенных наиболее высокооплачиваемые передовые и другие статьи. Подготовленные таким узким кругом корреспондентов материалы, в том числе на темы, в которых авторы были некомпетентны, часто вознаграждались повышенными гонорарами. Так, например, за статьи, помещенные в одном номере «Кызыл Ойрот» штатный журналист получил 200 рублей, а селькор только 50 рублей⁶¹⁷.

Также по финансовым соображениям редакция «Кызыл Ойрот» предпочитала сотрудничать с профессиональными литераторами. При этом игнорировались произведения самодеятельных поэтов, которым сообщали, что в их стихах «нет смысла художественной ценности». Иногда отказ формулировался и с использованием политической лексики: «Ваше стихотворение... само по себе написано ничего, но в нем имеются большие идейно-политические недостатки, поэтому в газету помещать не можем»⁶¹⁸. Так называемая «идеологическая» критика могла полностью отбить у автора желание писать в газету и заниматься литературным творчеством.

В 1948 г. обвинения в адрес руководства «Красной Ойротии» высказал в своем письме в ЦК ВКП(б) сотрудник этого издания М. Ф. Длуговской, сообщая, что «некоторые руководящие работники получают гонорар сверх меры»⁶¹⁹. Сложившаяся нездоровая обстановка в журналистских коллективах, на наш взгляд, вынудила обком ВКП(б) принять решение о сокращении сумм начисления авторского гонорара «против утвержденной сметы на 40%», мо-

---

⁶¹⁷ КДА РА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 882. Л. 17-18.

⁶¹⁸ Там же. Л. 13.

⁶¹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 128. Л. 77.

тивировав это необходимостью уменьшения расходов на прессу⁶²⁰. В этом же году бюро Горно-Алтайского обкома партии при рассмотрении работы областного радиокomiteта выявило, что «вместо широкой сети внештатных корреспондентов» монопольное положение здесь заняла небольшая группа людей, превратившая радио из средства политической пропаганды и агитации «в объект материальной наживы»⁶²¹. Это привело к смене руководства этой организации. Но в 1950 г., после перевода Б. Н. Попова с должности председателя ОблРК на другую работу, подобные нарушения возобновились. В 1951 г. краевая газета «Алтайская правда», перечисляя факты «вольного» распоряжения финансами радиокomiteта, указывала также, что в нарушении приказа председателя ВРК штатным корреспондентам областного радио регулярно выплачивался гонорар сверх установленного лимита⁶²².

Возможность доступа к такому источнику дополнительного обогащения как гонорар и весьма неопределенные критерии его начисления создавали благодатную почву для нарушений финансовой дисциплины и основных принципов работы СМИ с рабселькорами, отказ от использования их материалов. Подобные явления имели место по всей стране, что подтверждают и публикации «Правды». В августе 1949 г. в передовой статье центрального печатного органа партии критике подверглись редакторы, пытавшиеся создавать свои газеты исключительно с использованием материалов «опытных журналистов, готовых взяться за любую тему». Отказ от авторского актива был расценен как «грубое извращение существа газеты, принципов большевистской печати»⁶²³. Такая политическая оценка дополнялась кратким историческим экскурсом в историю рабселькорского движения и «свидетельствами культурно-политического роста трудящихся», которые должны были доказать беспочвенность рассуждений об этом движении, как о «пройденном этапе»⁶²⁴.

⁶²⁰ КДА РА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 644. Л. 14.

⁶²¹ Там же. Д. 684. Л. 19.

⁶²² Нарушители финансовой дисциплины // Алтайская правда. 1951. 12 июня. С. 3.

⁶²³ Авторский актив – опора газеты // Правда. 1949. 11 августа. С. 1.

⁶²⁴ Борисов Г. Рабочие и сельские корреспонденты // Правда. 1949. 11 августа. С. 3.

В СМИ Хакасии подобные явления также имели место, но не получили столь широкого распространения. На страницах областных газет регулярно публиковались произведения начинающих авторов, письма с мест. Это позволяет утверждать, что степень активности работы с рабселькорами во многом зависела от уровня профессиональной подготовки редактора и его позиции по отношению к сотрудничеству с внештатными авторами. В послевоенное десятилетие областные издания возглавляли профессиональные журналисты: «Хызыл аал» с 1951 г. руководил С. К. Добров, «Советской Хакасией» – А. В. Иванов, с 1952 г. – И. П. Говорченко. По воспоминаниям ветерана-журналиста А. И. Чмыхало, А. И. Иванов сам писал практически все заметки, взяв за основу письма и устные рассказы внештатных корреспондентов. Благодаря этому на страницах областного издания регулярно печатались разнообразные по тематике, однотипные по стилю, но грамотно написанные «авторские» материалы⁶²⁵. Редакция русскоязычной газеты проводила читательские конференции и совещания с рабселькорами, что позволяло поддерживать интерес к газете у аудитории и авторов. Следовательно, в установлении и поддержании контакта редакции с внештатными авторами важную роль играл человеческий фактор, а именно – желание журналистов работать с такими источниками и профессиональный опыт их подготовки к печати.

Однако более сильное влияние на деятельность авторов публикаций СМИ оказывал политический фактор. Послевоенное десятилетие в СССР было периодом ужесточения идеологического давления на общество в целом и на отдельные его группы, прежде всего, на интеллигенцию. В Хакасии и Горном Алтае, где интеллектуальная элита была немногочисленной и представленной, в основном, учительством, деятелями науки и литературы, журналистами, идеологическое воздействие имело свои особенности. В послевоенный период в автономиях шло активное культурно-образовательное строительство: были открыты Абаканский педагогический и Горно-Алтайский учительский институты, научно-исследовательские институты языка, литера-

---

⁶²⁵ Самрина В. Хохот в редакции часто стоял до небес // Хакасия. 2005. 3 ноября. С. 2, 4.

туры и истории, созданы областные отделения Союза писателей РСФСР. Но вовлечению интеллигенции в ряды внештатных авторов СМИ мешали политические кампании, в ходе которых вновь обострилась подозрительность к представителям интеллектуального труда.

Е. С. Генина обозначает хронологические рамки кампании по борьбе с космополитизмом 1949–1953 гг., определяя период ослабления идеологического давления на интеллигенцию – с сентября 1949 г. вплоть до организации «дела врачей» в 1953 г., как второй – «промежуточный» период, для которого было характерно активное обращение «к кадровому вопросу в учреждениях и на предприятиях с различным исходом (контроль, «чистка», репрессии)»⁶²⁶. Исследователь справедливо указывает, что эта кампания базировалась на предшествовавшей кампании по борьбе с «низкопоклонством перед Западом» (1947–1948 гг.)⁶²⁷. А. В. Пыжиков считает такие гонения «хорошо продуманной политикой», поскольку на переломных рубежах истории представители интеллектуальной элиты «служили своего рода «генератором» идей, которые проникали в массы и овладевали ими, превращались в реальную политическую силу»⁶²⁸. Подтвердить справедливость данного суждения можно на примере сотрудничества ученых Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории и СМИ.

Во второй половине 1945 – начале 1946 гг. читателям и радиослушателям автономии был представлен собранный во время экспедиций богатый и обширный археологический и этнографический материал, разнообразные и неизвестные ранее широкой общественности исторические факты и просто любопытные сведения о прошлом Хакасии и ее коренного народа. Авторитетность суждений, обусловленная социальным и профессиональным статусом авторов, отсутствие примитивной «линейности», характерной для идеологических публикаций того времени, свободное оперирование фактами и примерами служили залогом популярности таких статей у аудитории.

⁶²⁶ Генина Е. С. Кампания по борьбе с космополитизмом в Сибири (1949–1953 гг.): автореф. дис... д-ра. ист. наук. Кемерово, 2009. С. 14.

⁶²⁷ Там же, с. 24.

⁶²⁸ Пыжиков А. В. Политические преобразования в СССР (50–60-е годы). М., 1999. С. 53.

Однако уже с середины 1946 г. ученым начали настойчиво рекомендовать обращать больше внимания на изучение современной Хакасии. В упрек исследователям ставилось то, что они исследуют «дела давно минувших дней», не фиксируют сиюминутные события, «не видят» того, что важно с идеологической точки зрения, например, как удалось сельчанам области «вырастить в 1947 году богатый колхозный урожай»⁶²⁹. В соответствии с идеологическими установками, со ссылками на труды И. В. Сталина и В. И. Ленина, постановления ЦК ВКП(б) рецензенты «авторитетно» советовали авторам научных и научно-популярных публикаций подходить к изучению материалов разных периодов с классовых позиций, рекомендовали любой исторический факт рассматривать с классовых позиций, больше показывать «как крепнет ленинско-сталинская дружба народов, как хакасский народ под руководством великого русского народа в братской семье народов Советского Союза идет к новым победам во всех областях социалистического строительства»⁶³⁰. Примечательно, что в качестве рецензентов научных трудов в прессе часто выступали не ученые, а «представители общественности». Явная ненаучность и алогизм суждений авторов прикрывалась «идейностью» и маскировалась ссылками на классиков марксизма-ленинизма.

Заметим, что гораздо более жесткой, но также непрофессиональной критике ученые подверглись со стороны партийных работников. Такие рецензии не публиковались в СМИ, но изучение их текстов, хранящихся в архиве, позволяет судить о силе давления, которое оказывалось на деятелей науки в исследуемый период. Так, в 1949 г. зав. сектором школ Хакасского обкома ВКП(б) Ф. Аскирова в своей докладной записке «Об ошибках и недостатках в работе ХакНИИЯЛИ» провела «анализ» нескольких научных трудов, выпущенных институтом. В документе, напечатанном с огромным количеством орфографических, пунктуационных, стилистических ошибок, содержались безапелляционные суждения автора и вывод о том, что «некоторые научные

---

⁶²⁹ Терентьева Х. Дела давно минувших дней // Советская Хакасия. 1948. 28 августа. С. 4.

⁶³⁰ Гуревич А. Фольклор Хакасии // Советская Хакасия. 1948. 7 февраля. С. 3.

работники, слабо владея марксистско-ленинской теорией и методологией, не критически используют буржуазные источники и в своих работах протаскивают буржуазные теории»⁶³¹. Употребление Ф. Аскировой словосочетаний «протаскивание теории», «низкопоклонствует перед иностранщиной», «грубейшие ошибки», «узко космополитическая позиция» позволяет сделать вывод о том, что широкое заимствование ею подобной лексики происходило из статей, опубликованных, прежде всего, в центральной прессе. Обвинительный тон, отсутствие выделения положительных сторон научных исследований, преувеличение «вины» авторов, нацеленность на поиск не просто недостатков, а «грубых ошибок» и «политических извращений» свидетельствует о том, что целью этой и подобных «рецензий» являлось выявление местных «врагов-космополитов» по образцам, диктуемых центральными СМИ.

Начало борьбе с космополитизмом в стране положила публикация 28 января 1949 г. в газете «Правда» редакционной статьи «Об одной антипатриотической группе театральных критиков». В автономии кампания началась позже, но также с газетного материала «До конца разоблачить критиков-космополитов», напечатанного 11 марта 1949 г. в «Советской Хакасии». Для усиления такой работы областные издания обязали «опубликовать статьи и корреспонденции, разоблачающие космополитизм, формализм, безыдейность в литературе, искусстве и систематически печатать пропагандистские статьи о советском патриотизме»⁶³². Отметим, что местные журналисты открыто не участвовали в этой кампании: за исследуемый период в газете «Советская Хакасия» нами не было обнаружено ни одного разоблачительно-критического материала, подписанного штатным сотрудником редакции. Но корреспонденты областных газет участвовали в собраниях творческой интеллигенции, излагали свою позицию о критериях отбора стихов для публикации, о состоянии театральной и литературной критики. Они, безусловно, уча-

---

⁶³¹ НА РХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1401. Л. 1а-5а.

⁶³² Там же. Д. 1456. Л. 179.

ствовали в создании газетных статей: организовывали выступления, редактировали тексты, но в качестве авторов не указывались.

Еще одной особенностью проведения данной кампании в Хакасии и Горном Алтае было отсутствие обвинений в космополитизме самих журналистов и мероприятий по «чистке» редакций от тех, кто отступил от принципов социалистического реализма и партийности, допустил проявления «формализма и низкопоклонства перед Западом». На наш взгляд, это было вызвано тем, что общий уровень профессиональной подготовки большинства творческих сотрудников СМИ автономий не позволял им формулировать и высказывать собственную позицию по вопросам культуры, что и не создавало условий для подобных обвинений.

Результатом кампании по борьбе с космополитизмом стало вытеснение из научной среды ряда талантливых ученых, многие из которых были вынуждены покинуть Хакасию, свертывание исследований по интересным и перспективным научным темам. Борьба с «безродным космополитизмом» а, по сути, с объективной критикой и идеологически не зашоренными взглядами на искусство, культуру, науку, привели к главенству единомыслия и заметной стандартизации СМИ в освещении различных вопросов. В газетных публикациях стало заметным сужение научно-популярной тематики, игнорирование результатов научных исследований и объективных данных. Борьба с космополитизмом, по нашему мнению, привела не только к фактическому сужению авторского состава СМИ, но и к формированию настороженного отношения к авторам из числа интеллигенции, особенно национальной, которое сохранялось вплоть до конца 1980-х гг.

Таким образом, в годы войны основными причинами изменений профессионального и социального состава авторов публикаций СМИ Хакасии и Горного Алтая, послужили массовая мобилизация на фронт, сокращение штатов и усложнение условий работы в редакциях. Трудности с закреплением кадров были вызваны перегрузкой сотрудников профессиональными и дополнительными обязанностями, ограничением возможностей обучения но-

вых работников, ухудшением условий труда журналистов (отмена отпусков, почти круглосуточный режим работы, отсутствие электричества, отопления).

Анализ документов показал, что превалирование женщин среди журналистов и рабселькоров стало заметным в военные годы и сохранялось в послевоенное десятилетие. Однако основа этой тенденции была сформирована в 1930-е гг. в результате активного вовлечения женщин в образовательный процесс, а также репрессий, которым подверглись преимущественно журналисты-мужчины. Расширение круга внештатных авторов произошло за счет включения в него командиров воинских подразделений, редакторов и корреспондентов фронтовых газет, военнослужащих и членов их семей, а также трудовых коллективов, которые вели переписку с фронтовиками через газету, выступали с обращениями и инициативами новых починов.

Заметные отличия в качестве содержания печатных изданий автономий в военный период можно объяснить тем, что творческие сотрудники редакций газет Хакасии использовали разные формы работы с аудиторией, активнее вовлекали в массово-информационную деятельность внештатных авторов, в том числе представителей эвакуированной в автономию интеллигенции, земляков-военнослужащих, редакторов фронтовых изданий. Это позволяло расширять круг тем, разнообразить жанровую палитру публикаций и отчасти компенсировать сокращение количества заметок внештатных корреспондентов из районов области. Во многом успешность такой политики и, как следствие, удержание интереса аудитории к изданию зависела от профессионализма, творческого потенциала, образования, инициативы и организаторских способностей редакторов СМИ, частоты их сменяемости и степени загруженности дополнительными поручениями.

В послевоенное десятилетие из-за острого дефицита профессиональных кадров штаты СМИ автономий пополнялись людьми, не имевшими журналистского опыта, достаточного уровня образования и культуры, что серьезно сказывалось на качестве газетных материалов и радиопередач. Желание улучшить свое материальное положение за счет дополнительного гонорара,

как свидетельствуют факты, побуждало ряд журналистов отказываться от сотрудничества с внештатными авторами, не пропускать их публикации в печать и заполнять страницы изданий своими, не всегда качественными, материалами. Наиболее заметным такое явление было в газетах и на радио Горного Алтая.

Кампании по борьбе с «низкопоклонством перед Западом» и «безродным космополитизмом» привели к выведению из авторского состава людей, обладавших критическим восприятием действительности, богатым жизненным опытом, высоким уровнем образования и интеллекта, способных воздействовать на сознание аудитории, содействовать расширению ее кругозора, повышению образовательного и культурного уровня, вовлечению в процесс взаимодействия со СМИ.

Под влиянием политического фактора, в том числе ужесточения идеологического контроля, произошло усиление процессов формирования журналистов так называемого конформистского типа личности, который С. А. Красильников обозначил как личность, ориентирующуюся на исполнительский характер деятельности, а в политической сфере – на сильную личность⁶³³. Это проявилось в том, что многие сотрудники работали в редакции по сложившемуся шаблону, не стремясь повышать свой образовательный и профессиональный уровень, разрабатывать новые формы и методы активизации контактов с внештатными авторами и аудиторией, улучшать качество своих публикаций.

Совокупность вышеназванных факторов привела в 1941–1953 гг. к нарушению процесса взаимодействия и взаимовлияния между СМИ, аудиторией, авторами публикаций и медиаинформацией, и, как следствие, к стагнации массово-информационных пространств Хакасии и Горного Алтая.

---

⁶³³ Красильников С. А. Социальная типология интеллигенции в первое послеоктябрьское двадцатилетие // Актуальные проблемы истории советской Сибири. Новосибирск, 1990. С. 179.

3.4. Приемы и формы организации медиаинформации в публикациях средств массовой информации в период войны и «позднего сталинизма»

В военный и послевоенный период сознание аудитории формировалось в сложных условиях противостояния двух культур – культуры мира и культуры войны. Первая базируется на признании принципов уважения прав и достоинств людей и каждого человека, ненасилия, диалога культур и мирного сосуществования, разрешения конфликтов путем убеждения и взаимопонимания. Основу культуры войны составляет нетерпимость – расовая, национальная, религиозная, социальная, она базируется на враждебности к другому народу, культивировании «образа» врага⁶³⁴. Стороны военного конфликта, ставят перед собой, прежде всего, политические цели: завоевание чужой территории, материальных ресурсов и природных богатств, господство над другими народами или наоборот – отстаивание своей независимости и сохранение имеющихся земельных и природных ресурсов.

Поэтому особенностью государственной информационной политики военного периода является то, что в пропаганде широко использовались мотивы защиты национальных интересов и безопасности, «славной истории» страны или превосходства культивируемого образа жизни. Для повышения эффективности пропагандистского воздействия на аудиторию руководство любого государства старается сформировать такое информационное пространство, в котором распространяются только те сведения, которые оправдывают действия «своих» участников войны, способствуют мобилизации духа собственных вооруженных сил и населения, «формируя у них четкий образ врага и обрисовывая сверхзадачу, которая, как правило, превосходит по масштабам задачу принципиального обеспечения военной победы»⁶³⁵.

---

⁶³⁴ Зинченко В. Г., Зусман З. И., Кирнозе З. И., Рябов Г. П. Словарь по межкультурной коммуникации: Понятия и персоналии. М., 2010. С. 67-68.

⁶³⁵ Амиров В. М. «Военный» миф в журналистском дискурсе // Журналистика в 2008 году: общественная повестка дня и коммуникативные практики СМИ: сб. материалов Всероссийской науч.-практ. конф. М., 2009. С. 44.

В годы Великой Отечественной войны созданию такого пространства, на наш взгляд, в значительной мере способствовало то, что сведения подавались аудитории не в виде информационного потока, где главным критерием определения важности сообщения являлась бы его оперативность, достоверность и социальная значимость, а в контексте четко структурированной информационной системы, в которой главным критерием оценки служила идеологическая «правильность» и соответствие содержания информации политическим установкам руководства страны. В итоге потребитель получал дозированную, узконаправленную информацию регламентированной тематики, под воздействием которой формировалась его картина мира, отношение к отдельным событиям и явлениям, к войне, людям, труду.

В довоенный период главную роль в информировании аудитории играли газеты, преимуществом которых являлась фиксация информации на материальном носителе (бумаге), что позволяло читать периодические издания индивидуально и коллективно, распространять (передавать из рук в руки, пересылать), хранить и тиражировать (переписывать, размножать на печатной машинке) отдельные газетные материалы. Радиовещание также служило средством информирования населения, но, благодаря своей специфике, вносило значительную лепту в формирование эмоционального фона повседневной жизни людей. Основные преимущества радио – относительная доступность слушания и оперативность сообщений, эмоциональность подачи сведений – позволяли ему в ряде случаев лидировать в тандеме пресса-радио. Однако основная нагрузка в проведении идеологической и воспитательной работе традиционно ложилась на периодическую печать.

С началом войны газетам и радио предписывалось не только доносить до аудитории официальную трактовку фактов и событий, но и нейтрализовать слухи. Их в большом количестве порождали «слабая, недостаточная информированность населения о реальной обстановке на фронте, информационная монополия государства, с одной стороны, и желание по-своему интер-

претировать, объяснить неудачи армии – с другой»⁶³⁶. Слухи во время войны являлись «продуктом» страха и одновременно – средством, порождавшим новые страхи, что могло привести к панике и отсутствию желания сопротивляться. Поэтому средства массовой информации активно использовались для дезавуирования разного рода домыслов и вымыслов. Однако полностью нейтрализовать слухи было, на наш взгляд, невозможно, поскольку сохранялась главная причина их возникновения – острый недостаток информации.

В первые месяцы войны для областных и районных изданий рассматриваемых территории было характерно резкое изменение стиля и содержания материалов, обилие так называемых «митинговых» публикаций и патриотических писем. Общий тон задавали передовые статьи, перепечатываемые из «Правды», речи политиков, а также сводки Совинформбюро, не отражавшие реального положения на фронтах. Анализ содержания «Советской Хакасии» и «Красной Ойротии» показал, что начавшаяся война трактовалась как кратковременная военная операция, поэтому освещение военных событий и мероприятий, проходивших в автономных областях, имело форму политической кампании. От аналогичных кампаний (по выборам депутатов Советов всех уровней, обсуждению проекта Конституции СССР, пропаганде «Краткого курса ВКП(б)» и т. д.) военную отличали внезапность начала и сроки, которые отводились на организацию всенародной поддержки действий партии и правительства, демонстрации ненависти к вероломному агрессору.

Оперативно собранный журналистами и рабселькорами материал (репортажи с митингов, резолюции, отклики), текст речи В. М. Молотова и сообщения ТАСС были размещены в экстренных выпусках областных изданий, вышедших 23 июня 1941 г. Острый недостаток информации о ситуации в стране, которая должна была поступать по официальным каналам, восполнялся по-разному. Например, сотрудники «Советской Хакасии» создавали подборки заметок для рубрики «По всей родной стране», записывая на слух

---

⁶³⁶ Сомов В. А. Потому что была война...: Внеэкономические факторы трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). Н. Новгород, 2008. С. 122.

сообщения радио. Недостатка в местных материалах редакции не испытывали, поскольку в первые недели получали большое количество писем.

Содержание всей прессы автономий с началом войны менялось постепенно: военной теме отводились первая и вторая полосы, где печатались выступления лидеров страны, правительственные указы, международная и иная информация ТАСС, отклики на начало войны, сообщения о проходивших митингах. На двух других полосах газеты продолжали публиковать мирные по тематике местные материалы, которые нередко контрастировали с содержанием сводок Совинформбюро. Такая ситуация сохранялась до августа, когда в результате сокращения периодичности газеты вынуждены были отдавать предпочтение более важным сообщениям военной тематики.

В национальных изданиях перестройка на военный лад шла еще медленней. В газете «Кызыл Ойрот» публиковались преимущественно переводы материалов, в том числе из «Красной Ойротии». Поэтому изменение ее содержания происходило с небольшой задержкой, вызванной необходимостью переводить большой объем информации на алтайский язык. «Хызыл аал» предпочитала заполнять место, отводимое для местных публикаций, оригинальными материалами, полученными от собственных внештатных и штатных авторов. Существовавшая в довоенный период система организации «откликов» не предполагала особой оперативности, много времени тратилось на перевод, стилистическую и идеологическую обработку текстов. К этому нужно добавить трудности с доставкой посланий из отдаленных уголков Хакасии и психологические причины, поскольку начавшиеся военные действия многими воспринимались как «наглая выходка» фашистской Германии, которой в скором времени будет дан отпор. События следующих месяцев показали, что война совершенно не походила на ее довоенные сценарии, которые пропагандировали СМИ, кинематограф, литература. Поэтому пресса и радио должны были перестраиваться на военный лад буквально на ходу, используя уже имеющиеся приемы проведения политико-пропагандистских кампаний и вырабатывая новые методы реализации информационной политики.

Эффективность воздействия СМИ на читателей и слушателей в военный период усиливала потребность аудитории в информации. Как вспоминает один из старейших журналистов Хакасии Е. А. Абдина, выезжая в село для сбора материала, часто приходилось выступать и в роли политинформатора. По случаю приезда представителя прессы собирались все жители населенного пункта, которым корреспондент пересказывал содержание газеты, давал разъяснения по ситуации в стране и отвечал на вопросы⁶³⁷. Аудитория испытывала потребность не только в событийной, но и установочной информации, которая помогала бы ориентироваться в происходящем, понимать суть событий, видеть перспективу. Вместе с тем, анализ содержания газет свидетельствует об отсутствии в местной прессе аналитических статей, из которых читатель мог бы получить ответы на волнующие его вопросы. Подобные материалы заменяли сводки Совинформбюро, директивные и агитационно-пропагандистские статьи, в которых содержалась либо сухая, не комментируемая информация, либо указания, призывы и лозунги.

Особенностью изданий военного времени, на наш взгляд, было то, что их содержание, предельно сконцентрированное на газетной полосе, представляло собой квинтэссенцию наиболее важных с идеологической точки зрения сообщений. В то же время, оно включало большой объем фактического материала, иллюстрировавшего отдельные стороны повседневной жизни страны и региона. Благодаря такой концентрации заметным становилось системное использование СМИ приемов отражения действительности, благодаря чему достигалась максимальная эффективность информационно-идеологического воздействия на аудиторию.

В начальный период войны трансляция правдивой информации о поражениях и потерях могла привести к возникновению паники и страха, ощущения неизбежной катастрофы. Поэтому в первые военные месяцы в прессе Хакасии и Горного Алтая преобладал показ массового патриотизма жителей ав-

---

⁶³⁷ Из личной беседы автора с Абдиной Е. А., сотрудником газеты «Хызыл аал» с 1943 г., записанной 21 января 2002 г. в г. Абакане.

тономий и всей страны, что создавало *эффект избыточности*. Газетные полосы были заполнены многочисленными заметками о митингах, письмами-напутствиями уходившим на фронт родным и письмами-обещаниями под типовыми заголовками «Хочу добровольцем», «Требуем нас призвать на фронт» или «Готовы пожертвовать жизнью ради Родины». Аналогичные материалы в большом количестве транслировались и в радиоэфире. Они не отличались оригинальностью, имели клишированное построение, в содержании с избытком использовались стандартные речевые обороты («неслыханная провокационная наглость фашистской клики»), эпитеты («оголтелые фашистские захватчики», «цветущая родина»), устойчивые словосочетания («горячие патриоты», «кровавый и злейший враг Гитлер») и т. д.

Эффект избыточности возникал под воздействием многочисленных повторов в СМИ как отдельных словосочетаний, так и фрагментов текстов, цитат из выступлений лидеров страны. Использование *приема повтора* было особенно эффективным в радиопередачах, где синтаксические и информационно-идеологические конструкции, эмоционально усиленные благодаря техническим возможностям радио, производили ожидаемое воздействие на аудиторию. В итоге создавалась неповторимая и столь необходимая в условиях войны атмосфера единого патриотического порыва, единодушного стремления всех граждан СССР отдать свою жизнь за родину, неустанно трудиться ради победы, не требуя ничего взамен. Анализ публикаций показал, что отношение к войне стало меняться к октябрю 1941 г. К концу этого же года лозунговость заголовков и стиля материалов уступила место более взвешенному и серьезному подходу к освещению вопросов, связанных с войной. Среди них наиболее важными были работа в тылу, трудовые починуы, связь фронта и тыла, фронтовая жизнь, отношение к врагу, материальная помощь военнослужащим (сбор теплых вещей, средств на вооружение и т. д.).

В течение всего 1942 г. и первой половины 1943 г. местным газетам были свойственны: сухой стиль текстов публикаций, отсутствие подробностей при описании конкретных фактов или явлений, общий недостаток информа-

ции по отдельным темам. В заметках чаще всего констатировались факты перевыполнения планов по сбору урожая, выпуску продукции, степени участия населения в займах, указывалось количество посылок, отправленных на фронт, суммы собранных средств в фонд обороны страны или на строительство танковых колонн, зенитных батарей, эскадрилий и проч. Такой *прием экономии* лексических средств был характерен и для писем, опубликованных в прессе в данный период. Жизнь в тылу описывалась крайне скупой: «дома тепло, хлеб у нас есть». В призывах к воюющим родным больше не было пафоса: «стреляй также метко врага. Я благословляю тебя на это»⁶³⁸. Авторы писем из Действующей армии часто ограничивались перечислением своих достижений (присвоили очередное звание, уничтожил столько-то врагов) и обещаниями сражаться за Родину. Даже при упоминании увиденных результатов зверств фашистов на оккупированной территории многие использовали общие фразы: «Милая, нет сил описывать все эти ужасы»⁶³⁹.

Избыточность стала заметной со второй половины 1943 г., после коренного перелома в ходе войны, когда информация о военных действиях начала превалировать в прессе и на радио. Сообщения о боевых успехах играли «роль мощного стимула увеличения трудоотдачи для скорейшего окончания войны»⁶⁴⁰, поэтому в СМИ все чаще появлялись не только рапорты о военных победах, но и описание хода сражений, очерковые материалы о героях-земляках. Но при освещении сельскохозяйственной и промышленной тематики до конца войны по-прежнему использовался скудный набор жанров, превалировали призывы, обязательства или цифры перевыполнения плана. О тружениках-передовиках и передовых коллективах сообщалось кратко, иногда на уровне перечислений фамилий или названий колхозов.

В идеологической работе и СМИ в советский период широко использовался *прием демонстрации неразрывного единства*: для формирования представлений о государственном строе («союз нерушимый республик свобод-

⁶³⁸ Абдина Е. А. Указ. соч. С. 113.

⁶³⁹ Гриненко И. Фашистским извергам не будет пощады // Советская Хакасия. 1942. 1 апреля. С. 2.

⁶⁴⁰ Сомов В. А. Указ. соч. С. 184.

ных)), политическом устройстве («народ и партия – едины»), советском обществе («многонациональный советский народ»). Во время войны такой прием применялся также для укрепления единства фронта и тыла. С этой целью широко использовались призывы и лозунги, акцентирующие внимание аудитории на необходимости такой связи. Они часто выполняли функции заголовков и содержали слова «фронт», «победа» и их производные, а также военную лексику. В таких заголовках нередко использовался *прием аналогии*: «Советский рубль – снаряд по врагу!», «Трактор на поле – танк в бою», «Каждый засеянный гектар – это мощный удар по врагу»⁶⁴¹. Это позволяло труженикам тыла чувствовать себя соучастниками войны.

С этой же целью СМИ использовали прием, обозначенный нами как *прием пролонгации*. Солдаты Красной армии освобождали оккупированные врагом территории и их жителей. Далее заботу о спасении этих людей от голодной смерти, холода, болезней брали на себя труженики тыла. Во время войны в Хакасию и Горный Алтай было эвакуировано несколько тысяч беженцев, в том числе детей, чьи родители погибли, воевали или остались в оккупации. Областные издания Хакасии пропагандировали почин колхозников с. Белый Яр, которые забирали к себе таких ребятшек из детских домов: «Наши мужья бьются с фашистами на фронте. Они обрадуются, когда узнают, что мы пригрели детишек, отцы и матери которых погибли»⁶⁴².

Но наиболее масштабной была помощь, которую колхозники Хакасии оказали зимой 1942 г. освобожденной от фашистов Калининской области. С почином выступила 17-летняя Н. Медведева, которая заявила, что из полученной за трудодни пшеницы для прокорма семьи оставит 500 пудов, а остальные 1032 пуда подарит калининцам. Ее инициативу поддержали односельчане. Освещая это событие, «Советская Хакасия» инициировала обращение к М. И. Калинин с просьбой высказать свое отношение к почину. Председатель Президиума Верховного Совета СССР прислал телеграмму, в кото-

⁶⁴¹ Кандараков Ч. М. Социалистическая Ойротия за 20 лет // Красная Ойротия. 1942. 14 июня. С. 2.

⁶⁴² Черкашина Л. Воспитаем как родных детей // Советская Хакасия. 1942. 9 июля. С. 1.

рой инициативу колхозников назвал «хорошим советским делом»⁶⁴³. В короткие сроки к движению присоединились практически все колхозы области. На наш взгляд, такой массовый порыв был откликом на публикации в местной и центральной прессе с описанием зверств фашистов на захваченной территории. Под воздействием подобных материалов у жителей тыла появлялось желание помочь тем, кто пострадал в войну больше всех, а СМИ поддерживали этот патриотический порыв, активно пропагандировали его и делали массовым. В результате они не только отражали, но и становились участниками важных событий.

Отметим, что фронт и тыл, как две наиболее важные составляющие действительности, в прессе военных лет представлялись не бинарными оппозициями, а как единое целое. Для этого газетами нередко использовался прием «зеркальной» верстки. Так, например, 14 июня 1942 г. «Красная Ойротия» вышла с разворотом, на левой стороне которого была опубликована подборка материалов о героях-земляках, а на правой размещены заметки о лучших тружениках области. Обе полосы визуально объединял не только стиль оформления, но и портреты героев, выполненные местным художником С. Астра. 9 июня 1944 г. такой же прием был использован «Советской Хакаси-ей»: под общим заголовком «Не отставать в трудовой доблести от боевых подвигов воинов Красной армии!» газета разместила в одной колонке заметки из фронтовой газеты «Во славу Родины», а в другой – информации собственных корреспондентов о ходе сельхозработ в Хакасии. В «Хызыл аал» такой прием был использован в номерах за 7 ноября 1942 г. и 1944 г. Симметричное расположение материалов, на наш взгляд, усиливало воздействие информации на читателя, убеждало в прочной связи фронта и тыла, в действительности помощи комбатантам.

Пресса выступала посредником в установлении и поддержании коммуникативных связей между воюющими и теми, кто остался в тылу. Наиболее активно такой прием использовала «Советская Хакасия», которая 31 июня

---

⁶⁴³ Громова-Тарасенко К. В глубоком тылу // Советская Хакасия. 1971. 22 июня. С. 2.

1941 г. обратилась к своим читателям с призывом: «шлите в адрес редакции письма на фронт. Через «Советскую Хакасию» установим связи с бойцами Действующей армии»⁶⁴⁴. В дальнейшем для публикации подобных материалов были созданы специальные рубрики «Письма на фронт» и «Письма с фронта». В других рассматриваемых изданиях переписка использовалась реже, соответствующие рубрики были созданы позже и выходили нерегулярно.

В письмах военнослужащих, опубликованных в «Красной Ойротии» и «Кызыл Ойрот» нередкими были упоминания о том, что призванные из Горного Алтая читают на фронте местные издания. Несмотря на дефицит, связанный с сокращением тиража, редакции оформляли подписку для воинских подразделений, где служили алтайцы⁶⁴⁵. Поэтому письма-отклики на газетные сообщения служили эффективным средством воздействия на местную аудиторию и использовались для повышения трудовой активности: «Здесь на фронте мы внимательно следим по газетам за тем, что делается в родной Ойротии... На днях мы получили газеты, в которых пишется, что ряд аймаков нашей области все еще отстает с обмолотом хлебов. Это очень обидно»⁶⁴⁶.

В годы войны СМИ активно пропагандировали «образ» советского народа – могучей многонациональной силы, способной дать отпор иноземному захватчику. Впечатление о силе создавалось, в том числе за счет использования *приемов обобщения и персонификации*. При описании массовых акций и мероприятий (передача средств в фонд обороны, распространение облигаций Государственного займа, участие в субботниках, трудовых починах, сборе теплых вещей для фронта) обобщение чаще всего проводилось по социальному или профессиональному признаку (колхозники, рабочие, интеллигенция, школьники, комсомольцы). Авторы заметок, говоря о советском народе, также нередко использовали перечисление составляющих его различных национальностей: «Лютый, кровавый враг... хочет истребить людей русских, украинских, белорусских, всех людей страны Сове-

⁶⁴⁴ Все мы куем победу // Советская Хакасия. 1941. 31 июня. С. 3.

⁶⁴⁵ КДА РА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 145. Л. 34-35.

⁶⁴⁶ Титков Н. Равняйтесь по фронтовикам // Красная Ойротия. 1942. 6 декабря. С. 2.

тов»⁶⁴⁷. Персонализация чаще всего применялась для создания устойчивых представлений о внутреннем (социальном, национальном) единстве фронта и тыла. В письмах и авторских материалах часто сообщалась мирная (довоенная) профессия героя, его прежнее место работы или жительства, что позволяло читателям воспринимать воина, прежде всего, как коллегу, земляка, временно ставшего солдатом. Для формирования представлений о национальном единении всего народа перед лицом общей угрозы в подобных материалах нередко указывалась национальность воинов (русский, белорус, хакас, алтаец). В СМИ также широко пропагандировалась идея «боевого братства», в котором представители разных регионов, рас, национальностей выступали единым фронтом против агрессора: «Мы, ойраты, вместе с русскими братьями громим врага»⁶⁴⁸. На наш взгляд, такую персонализацию можно объяснить тем, что в военных условиях требовались особые приемы сплочения людей, не связанных друг с другом дружескими, трудовыми или родственными отношениями, а также создания мотивации для совершения действий, часто противоречащих человеческой психологии (убийство человека).

Война, по нашему мнению, изменила акценты в понимании патриотизма и интернационализма, поскольку «произошло смещение с великодержавных коминтерновских установок к крепнущему чувству «малой родины», которой грозит смертельная опасность. Отечество все больше олицетворялось с общей родиной советских народов»⁶⁴⁹. Этот мотив – сообща отстаивать единую для всех родину – широко тиражировался в СМИ, часто иллюстрировался примерами из жизни, цитатами из произведений писателей и поэтов, подтверждался следующими аргументами: «Чувство дружбы, сцементировавшее народы социалистической родины, безграничная любовь к своей отчизне в сочетании с могучей ненавистью к фашистским мерзавцам являются необхо-

⁶⁴⁷ Бирюков. Я видел это. Я мшу! // Советская Хакасия. 1942. 26 августа. С. 1.

⁶⁴⁸ Письма бодрости и патриотизма // Красная Ойротия. 1941. 5 ноября. С. 1.

⁶⁴⁹ Малышева Е. М. Феномен массового общественного сознания советского народа – фактор победы СССР в противоборстве с нацистской Германией // Народ и армия в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов: материалы Всероссийской науч. конф. 27 мая 2009 г. М., 2009. С. 81.

димыми предпосылками для побед в тылу и окончательного разгрома гитлеровцев»⁶⁵⁰.

С 1944 г. на страницах областных газет все чаще стали появляться материалы мирного, в том числе бытового характера (работа школ, проблемы соцкультбыта, благоустройство города, театральная жизнь), в которых отсутствовало упоминание о войне. В результате фронт и тыл постепенно начинали выступать в газетных материалах как самостоятельные составляющие действительности, связь между которыми становилась слабее. Этому способствовало не только снижение у граждан чувства опасности, но и перенос военных действий за пределы СССР. Авторы писем с фронта со второй половины 1944 г. часто упоминали о своем «заграничном» пребывании: «В далеких землях, горя ненавистью, мы разбили гитлеровскую армию на мелкие кусочки. Наши храбрые красноармейцы уничтожают врагов на их земле»⁶⁵¹.

Важной задачей СМИ являлось воспитание у граждан чувства гордости за свою страну и желания ее защищать. Для этого использовались героические примеры из истории, которые подавались в контексте «вековых традиций русского народа, идей защиты Отечества, готовности к ратной службе» и представлялись как образец для подражания. При этом благополучное разрешение военного конфликта в прошлом в пользу нашей страны трактовалось как закономерность. Использование *приема аналогии* в текстах и рисунках-плакатах⁶⁵² способствовало воспитанию патриотизма, созданию образцов для подражания, примера, на который должны были все равняться.

Прием контраста был эффективен в материалах, разъяснявших справедливый и всенародный характер Отечественной войны. Так, в частности, коварно напавший захватчик (армия в целом и отдельные солдаты противника) изображался на фоне монолитно-единого советского народа, защищавшего свою родину. Подобный сюжет был характерен для директивных статей,

⁶⁵⁰ Рожанский А. Дружба и ненависть // Советская Хакасия. 1941. 18 июля. С. 1.

⁶⁵¹ Баинов Г. А. Фронттань письмо // Хызыл аал. 1944. 23 сентября. С. 2.

⁶⁵² См., напр.: Бьемся мы здорово, колеем отчаянно – внуки Суворова, дети Чапаева [Электронный ресурс] // Плакаты СССР (1917-1941). URL: <http://gallerix.ru/storeroom/1973977528/N/1389958004/> (дата обращения: 12.07.2012).

но чаще всего использовался в плакатах и карикатурах. Для дегероизации солдат и офицеров вермахта, принижения образа ненавистного врага и снижения страха перед ним враги показывались в унижительном, смешном свете⁶⁵³. В изображениях, где присутствовали представители обеих противоборствующих сторон, фигура немецкого солдата почти всегда занимала меньше места и подчиненное положение по отношению к фигуре советского воина⁶⁵⁴.

Прием алогизма часто использовался при описании боевых эпизодов, в которых вражеские солдаты неизменно оказывались побежденными, а «свои» – победителями. Логике ведения войны противоречат, например, популярные в прессе того времени истории, когда несколько советских воинов, уничтожив десятки врагов и значительное количество вооружения, обращают противника в бегство, выходят из окружения, прихватив с собой пленных. Отчасти алогизм возникал за счет явного преувеличения (гиперболизации) или отсутствия описания подробностей, деталей и условий боя. Применение подобного приема позволяло воспитывать не только ненависть к врагу, но и уверенность в его ничтожестве, создавать миф о непобедимом советском солдате, что в условиях войны поднимало дух граждан, внушало оптимизм.

До войны местная пресса активно применяла *прием визуализации информации*. Для иллюстрации сообщаемых сведений или представления героев использовались индивидуальные и групповые портреты, портретные галереи (своеобразная фотодоска почета), сюжетные фотографии, фотозарисовки и фоторепортажи. В агитационно-пропагандистской работе чаще всего применялись плакаты, рисунки и карикатуры. Плакаты публиковались на страницах областных газет с первых же недель войны и должны были формировать презрение к врагу, для чего нередко применялся *прием соединения в образе фашиста человеческих и звериных черт*. Это гармонировало с эпитетами в адрес захватчиков, использовавшихся советской пропагандой («звери-

⁶⁵³ На Москву! Хох! [Электронный ресурс] // Плакаты СССР (1917-1941). URL: <http://gallerix.ru/storeroom/1973977528/N/875543858/> (дата обращения: 12.07.2012).

⁶⁵⁴ См., напр.: Смерть немецко-фашистским захватчикам [Электронный ресурс] // Красное знамя: WEB-проект о СССР и советской эпохе. URL: <http://www.krasnoyeznamya.ru/pic.php?vrub=rm&pid=22&zag=1&picid=501> (дата доступа: 14.07.2012).

ный оскал фашизма», «кровавый стервятник»). Но к концу 1941 г. такие плакаты исчезли, поскольку сокращение газетной площади и уменьшение периодичности заставляло публиковать более информативные письма, заметки о трудовых починах, сводки Совинформбюро и официальные документы.

На протяжении войны популярной была политическая карикатура, которая, в отличие от плакатов, представляла врага в комичном, неприглядном виде, вызывавшем больше насмешку, чем отвращение. Авторы карикатур имели больше возможностей для создания образов, быстрее реагировали на события, точнее подмечали реальные черты героев и антигероев. Газеты Горного Алтая во время войны практически не использовали иллюстрации такого жанра. Особенностью прессы Хакасии являлось то, что опубликованные в ней карикатуры на фашистских солдат и лидеров Германии создавались местными художниками. В конце 1942 г. редакция «Советской Хакасии» даже объявила конкурс под лозунгом «Бей врага карикатурой, плакатом, рисунком!». Издание также сотрудничало с профессиональными художниками, в частности, с В. Шоевым⁶⁵⁵. Наиболее интересной является его работа «Пиковое положение», в которой автор обыграл образ Гитлера, выпавший ему туз пик, символизировавший смерть, штыки и виселицу, обозначающие неминуемую гибель ненавистного злодея.

В жанре карикатуры работал также местный художник Р. Руйга, однако наиболее яркий след на страницах областной прессы оставил Б. Н. Соколов – московский художник, оказавшийся в Хакасии в эвакуации. Многие рисунки Б. Н. Соколовым создавались «на злобу дня», являлись откликами на сообщения Совинформбюро. Его плакаты публиковались в областных изданиях, размещались в газетных витринах, выпускались в виде агитационных листовок. Но все же наиболее запоминающимися и интересными были карикатуры, созданные им под впечатлением военных сводок или на материалах писем. Результатом творческого сотрудничества Б. Н. Соколова с местными поэтами И. Ерошиным и А. Фейгельманом стала рубрика «Окна сатиры» в «Со-

---

⁶⁵⁵ Художник-фронтовик // Советская Хакасия. 1944. 9 апреля. С. 4.

ветской Хакасии». По своему содержанию и оформлению «Окна» представляли собой иллюстрированные агитационно-пропагандистские материалы сатирического характера, подобные тем, что размещались в специальных газетных витринах, и являлись специфической формой отражения действительности. Всего в течение 1941–1943 гг. вышли 22 «Окна», содержавшие изобразительные (карикатуры) и текстовые материалы (фельетоны, басни, пародии, сатирические словари, анекдоты, частушки). В них чаще всего использовался такой сатирический жанр, как пародии, за основу которых брались цитаты из военных сводок или писем в редакцию.

Отметим, что практически каждое «Окно сатиры» представляло не случайный набор различных по жанрам сатирических произведений, а цельный по композиции и тематике выпуск, что заставляло очень скрупулезно относиться к его созданию, поэтому регулярность выхода рубрики была непостоянной. Об особом значении «Окон» для газеты и читателей свидетельствуют следующие факты. В самый трудный период войны (конец 1941 – 1942 гг.) в условиях режима жесткой экономии «Советская Хакасия» была вынуждена уменьшить кегль шрифта и практически полностью отказаться от иллюстраций. Но «Окна сатиры» набирались прежним «довоенным» кеглем и содержали объемные рисунки, резко контрастируя за счет этого с содержанием и оформлением полосы и номера в целом. Выпуски с этой рубрикой особо ценились и даже использовались для обмена материалами с фронтовыми газетами. Так, в 1942 г. «Советская Хакасия» перепечатала выпуск сатирического журнала «Сквозняк», выпускавшийся на Карельском фронте. При этом редакция отправила на фронт свои «Окна сатиры», «чтобы познакомить бойцов, как смеется советский тыл»⁶⁵⁶. Во второй половине 1943 г. выпуск рубрики прекратился, поскольку эвакуированные в Хакасию художники и поэты стали возвращаться на родину. Следуя традициям прессы военных лет, на радио Хакасии также существовали сатирические программы – «Дед Влас» и «Не в бровь, а в глаз», пользовавшиеся популярностью у слушателей.

---

⁶⁵⁶ Сквозняк // Советская Хакасия. 1942. 13 декабря. С. 4.

Прием сатирического отображения действительности использовался и для показа фронтовой жизни. Так, в частности, популярными в прессе были солдатские поговорки, например: «Убил в Карелии гада – не будет его у ворот Сталинграда»⁶⁵⁷, а также маленькие рассказы «о народной смекалке на войне», главным героем которых представлял солдат или партизан, придумавший новый способ «хитрого» уничтожения врага⁶⁵⁸. В таких материалах отсутствовали местные герои или факты, поэтому мы сделали вывод, что они являются перепечатками из центральных и фронтовых газет.

«Советская Хакасия» публиковала подборки частушек, в которых присутствовало обязательное едкое высмеивание Гитлера, Геббельса, собирательного образа немецкого солдата – Фрица, а также ярко выраженный патриотизм и оптимизм. Благодаря преподавателю Абаканского учительского института Л. С. Шептаеву, областные издания знакомили своих читателей с национальными песнями-частушками – тахпахами. Фрагменты собранных им во время фольклорных экспедиций хакасских песен в оригинальном виде публиковались в «Хызыл аал», а после перевода и литературной обработки – в «Советской Хакасии» в тематических подборках «Песни хакасского улуса». Многие из тахпахов носили сатирический характер и позволяли читателям пополнять свой песенный репертуар, получать психологическую разрядку. Одной из отличительных черт таких национальных песенных произведений можно назвать особую жесткость и даже жестокость по отношению к врагу.

Заметим, что потребность в сатирических произведениях (текстовых и изобразительных) была особенно высокой в 1941–1943 гг., когда требовалось вызвать у людей смех, позволявший защищаться от невзгод, вызванных войной, внушать оптимизм и веру в победу добра над злом. Бытовая сатира в газетах Хакасии и Горного Алтая стала вновь популярной и востребованной с 1943 г., после перелома в ходе войны, когда изменились не только настроения в обществе, но и содержание пропаганды. Прежде всего, произошло зна-

⁶⁵⁷ Сатира острая как штык // Советская Хакасия. 1943. 5 мая. С. 4.

⁶⁵⁸ См., напр.: Курица с гранатой // Советская Хакасия. 1943. 29 июля. С. 2.

чительное снижение степени агрессивности и нагнетания страха перед фашистской угрозой, что ранее позволяло требовать жертвенности от гражданского населения. Фельетоны приобрели «бытовой» характер, а предметом осмеяния в них стали не военные враги, а отдельные факты действительности, персонажи мирной жизни (чиновники, разгильдяи, хулиганы), чьи поступки на работе и в быту, личные недостатки подвергались критике.

Однако основной задачей газетных и радиоматериалов было внушение аудитории мысли о том, что «работать по-военному» – значит, работать ради фронта, ради победы, ради сохранения жизни всех советских людей и своей собственной. Эта задача решалась с использованием различных приемов. Главным из них было регулярное информирование читателей о трудовых подвигах, починах, самоотверженном поведении и патриотических поступках жителей страны и автономий. В каждом номере газеты помещали по десятку и более кратких сообщений с мест о том, как граждане сдают теплые вещи для фронта, отправляют посылки бойцам, устраивают субботники или трудятся сверхурочно с перечислением заработанного в фонд обороны страны, перевыполняют планы, осваивают новые профессии, заменяя ушедших на фронт. Даже незначительные, на первый взгляд, факты становились поводом для написания материала, например, о том, что «колхозники отправили бойцам 25 овечьих шкур, 10 собачьих шкур, 5 пар валенок, 50 килограммов овечьей шерсти, 10 пар теплых носков, 15 пар рукавиц и собрали другие теплые вещи»⁶⁵⁹. Действенности таких заметок способствовала, на наш взгляд, широкая география материалов и то, что их героями становились представители всех возрастных, профессиональных и социальных групп населения. В кампании активно включались и дети, сообщая в прессу о том, сколько ими собрано металлолома или средств на строительство вооружения, отправлено на фронт посылок с теплыми вещами и угощением, выращено овощей для раненых бойцов и т. д.⁶⁶⁰.

---

⁶⁵⁹ Асочакова Е. Боецтерни чылыг тонандырабыс // Хызыл аал. 1942. 20 сентября. С. 2.

⁶⁶⁰ См., напр.: КГБУ «ГАКК». Ф. 26. Оп. 3. Д. 432. Л. 87.

Несмотря на свое стилевое однообразие, газетные сообщения формировали такой сценарий поведения, в котором самопожертвование являлось нормой, а не исключением из правил. Своей совокупностью заметки создавали также особый эмоциональный настрой, заражаясь которым люди отдавали свои сбережения, недельные и даже месячные заработки на нужды фронта. Особенно заметно это было при проведении кампаний по сбору средств на строительство вооружения – танковых колонн, эскадрилий, зенитных батарей и др. Газеты почти в каждом номере публиковали сообщения о собраниях и митингах, на которых люди, поддаваясь общему эмоциональному порыву, отдавали деньги и заработанный на трудодни хлеб для нужд фронта. Можно утверждать, что значительную роль в формировании такого стиля поведения играла медиареальность, созданная СМИ, в которой жертвенность представлялась как норма жизни в условиях всенародной войны за Отечество.

Благодаря своей многочисленности газетные материалы о трудовых подвигах достаточно широко используются в качестве исторического источника при изучении трудовой деятельности жителей тыла в военный период⁶⁶¹. В то же время письма на фронт и с фронта, как важная составляющая содержания газет Хакасии и Горного Алтая и особая форма материализации медиainформации, до настоящего времени не подвергались системному анализу. Из четырех рассмотренных областных газет больше всего подобных материалов помещала «Советская Хакасия». В «Хызыл аал» таких публикаций было меньше, что, на наш взгляд, объясняется национальной и языковой спецификой аудитории газеты и его авторского состава. Авторами фронтовых посланий в «Хызыл аал» (судя по фамилиям) были преимущественно хакасы. Поэтому, за исключением нескольких переведенных с русского языка, все остальные письма представляли собой оригинальные, т. е. написанные по-хакасски тексты, адресованные в «свое» издание. Анализ подобных посланий

⁶⁶¹ Сомов В. А. Указ. соч.; Важова Н. М., Клинико В. В. Газета «Советская Хакасия» – важный источник изучения трудовой инициативы трудящихся Хакасии в годы Великой Отечественной войны // Хакасия в Годы Великой Отечественной войны: боевой и трудовой подвиг. Абакан, 1995. С. 62–64; Яковлева М. А. Пропаганда как одно из слагаемых Победы (по материалам газеты «Красная Ойротия») // Горный Алтай в годы Великой Отечественной войны: сб. материалов республиканской науч.-историч. конф. Горно-Алтайск, 2010. С. 92–95 и др.

показал, что, несмотря на языковые различия, они не имели ярко выраженной национальной специфики и по содержанию мало отличались от аналогичных, опубликованных в «Советской Хакасии».

«Красная Ойротия», сообщавшая, что писем из Действующей армии в редакцию поступало много, публиковала их редко, предпочитая делать их обзоры. Подборки таких посланий под рубрикой «Фронтвики пишут» на страницах газеты стали появляться с конца 1942 г. Но мы отмечаем, что до окончания войны их публикация не носила системного и регулярного характера, приурочивалась, в основном, к праздничным датам (23 февраля, день образования автономной области и т. д.). На наш взгляд, такое неактивное использование фронтовой корреспонденции было вызвано не недостатком писем, а позицией самой редакции, не сумевшей наладить информационное взаимодействие представителей фронта и тыла через газету. «Кызыл Ойрот», дублируя содержание «Красной Ойротии», также перепечатывала и письма. Некоторые послания, судя по стилю и фамилиям авторов, представляли собой оригинальные материалы, адресованные в национальное издание. После перевода они также печатались в русскоязычной областной газете.

Фронтвые письма, опубликованные в прессе автономий, условно можно разделить на индивидуальные и коллективные. Последние адресовались многочисленным респондентам: односельчанам, трудовым коллективам или всем жителям области. Основной задачей таких писем, текст которых часто принимался на общем собрании бойцов подразделения, было призвать тружеников тыла к трудовой активности в выращивании урожая, производстве сельскохозяйственной и другой продукции. Поэтому приводимые примеры героизма земляков использовались для стимуляции такой деятельности или агитации, например, за внесение средств на строительство вооружения и оказание различных видов помощи фронту. Эти послания своей совокупностью способствовали росту патриотических настроений в обществе, помогали выполнять задачи, поставленные перед местными газетами: воспитывать трудящихся «в духе презрения и жгучей ненависти к озверевшим фашистским

бандам, в духе беспредельной преданности и любви к советской родине и большевистской партии»⁶⁶².

Индивидуальные, т. е. созданные одним автором, письма были более оригинальными по стилю, содержали личные мысли, описание переживаний, испытываемых адресантом в сложной боевой обстановке, чувств по отношению к родным и близким, родине, воинскому долгу. Однако и эту категорию публикаций также необходимо разделить на две группы. Первую составляют послания, адресованные родным, которые те, вместе со своим ответом на фронт, приносили в редакцию. Такая форма переписки через редакцию была распространенной в 1941–1942 гг. По характеру общения адресантов и адресатов, сообщаемых фактов и их изложения эти письма можно назвать личными. Вторую группу составляют письма фронтовиков, адресованные непосредственно в газеты и претендующие на опубликование, что, по мнению А. Ю. Иванова, позволяет их отнести «к особой группе писем – так называемым публицистическим письмам»⁶⁶³. Подавляющее большинство подобных писем было опубликовано в прессе во второй половине 1942 г. – начале 1944 г.

В посланиях, включенных нами в первую группу, о ратных делах сообщалось скудно: «не даем пощады немецким захватчикам, не жалеем себя» или «о себе писать особенно нечего – здоровье отличное, настроение бодрое, получила правительственную награду – медаль «За боевые заслуги»»⁶⁶⁴. В ответах на фронт также часто содержались общие фразы: «ждем домой с победой», «обещаем учиться на «отлично», «трудиться не жалея сил». Подобную краткость, на наш взгляд, можно объяснить нежеланием авторов вдаваться в тяжелые и нелицеприятные подробности фронтовой и трудовой жизни, опасением санкций со стороны цензурных органов, тщательной редакторской правкой предлагаемых к публикации текстов.

Публицистические письма, то есть адресованные непосредственно в редакцию, чаще всего содержали описание боевого пути автора. В послании

⁶⁶² КГБУ «ГАКК». Ф. 26. Оп. 3. Д. 432. Л. 86.

⁶⁶³ Иванов А. Ю. Фронтовые письма участников Великой Отечественной войны как исторический источник: (по материалам Республики Татарстан): автореф. дис... канд. ист. наук. Казань, 2009. С. 16.

⁶⁶⁴ Корнатов Е. Фронтовики пишут // Советская Хакасия. 1944. 12 ноября. С. 3.

нередко присутствовало сравнение того, кем он был в довоенный период, когда, например, «мало интересовался охотой, стрелял не особо хорошо», и кем стал на фронте: «мною уже убито 20 немецких солдат и 2 офицера»⁶⁶⁵. Чтобы выделить своё послание в потоке корреспонденции, получаемой редакциями с фронта, авторы нередко объединялись, отправляя в газету письмо-обращение. В нем, наряду с описанием своих героических деяний («на нашем боевом счету уже около 100 уничтоженных немецких солдат и офицеров») и обязательствами («обязуемся убрать с лица советской земли еще не одну сотню фрицев»), авторы озвучивали призывы к землякам: «от того, как вы будете работать в тылу, будут зависеть успехи фронта»⁶⁶⁶.

Напечатанные в прессе послания с фронта подвергались предварительной корректуре, но даже после этого сохраняли немало интересных фактов, описаний и авторских мыслей. Их анализ позволяет выделить основные причины создания подобных писем. Одной из них можно считать желание похвастаться своими или коллективными боевыми успехами. Для таких посланий было характерно подробное описание хода сражения и ущерба, нанесенного противнику (живая сила, пленные, техника), перечисление трофеев, захваченных у врага. При этом особый акцент делался на то, что героическая операция обошлась «без потерь личного состава», либо с несколькими ранеными, которых удалось благополучно доставить в расположение части. Например, бывший студент Ойрот-Турского педучилища Г. Помякшев так описывал бой, за который получил награду: «Их было много, нас – горстка. Мы поклялись умереть, но не отступить»⁶⁶⁷. Второй причиной написания в редакцию, по нашему мнению, было желание авторов поделиться переживаниями, высказать свои мысли о войне, объяснить причины жестокого отношения к врагу, мотивы мести неприятелю. Такие послания нередко являлись «криком души» или способом высказать свое отношение, например, к пись-

---

⁶⁶⁵ Куранаков Н. Бью врага без промаха // Красная Ойротия. 1942. 6 декабря. С. 2.

⁶⁶⁶ Паршуткин Г., Чуруков Т., Казанцев П., Шершнева М. Умножим наш счет // «Красная Ойротия». 1942. 6 декабря. С. 2.

⁶⁶⁷ Помякшев Г. Контратака немцев захлебнулась // Красная Ойротия. 1943. 5 декабря. С. 2.

мам из дома: «тут пьют каждую букву, пьют, как человек, которого измучила жажда, и он припал ртом к источнику»⁶⁶⁸.

Третьей причиной, на наш взгляд, было стремление с помощью газеты сохранить память о себе, своих делах и чувствах у большого числа людей. В условиях войны и постоянной опасности гибели газетная публикация служила своеобразным «свидетельством жизни», документом, который родные могли сохранить в семейном архиве и передать следующим поколениям, и особенно ценным, если человек лишился семьи и близких. Последнее, как мы считаем, способствовало появлению новой формы общения представителей фронта и тыла через газету, когда потерявшие родных военнослужащие с помощью прессы искали и находили поддержку в своем горе у совершенно незнакомых людей, получали приглашение после войны приехать жить и работать в конкретный колхоз или на предприятие.

Количество и содержание писем, опубликованных в газете в разные периоды войны, было различным. Но основной темой местной прессы оставалось освещение трудовых достижений жителей тыла и критика тех, кто не выдерживал высокий темп работы, заданный в военных условиях. Лишения объяснялись войной и необходимостью жертвовать всем ради Победы, а наградой за мучения представлялась безопасность и скорое возвращение к прежней мирной жизни. Газетные материалы диктовали только один вариант поведения: не задумываясь, отдать все, что имеешь ради возвращения счастья мирного труда. Отметим, что СМИ, сообщая о массовых пожертвованиях и трудовом героизме, не описывали условия, в которых приходилось выживать тем, кто отдавал последнее или в силу обстоятельств был крайне ограничен в средствах. Пережившие войну в тылу вспоминали о трудностях с одеждой и обувью, которые шили из подручных материалов. Главной проблемой был недостаток продуктов, «поэтому приходилось есть все, что можно было достать: жмых, жом от переработанной на сахар свеклы, лебеду и

---

⁶⁶⁸ Носков. Любовь и война // Советская Хакасия. 1942. 7 ноября. С. 1.

другие травы»⁶⁶⁹. Описание бедствования в тылу нередко содержалось и в письмах на фронт, поэтому военнослужащие тоже переживали за своих родных и близких, «которые терпели здесь вот эту самую крестьянскую нищету. А нищета была страшная. И эти переживания превалировали над «поздравляем, что жив-здоров». Но... все желали победы, желали, чтобы каждый выдержал то, что ему суждено было, выпало на долю»⁶⁷⁰.

Особые условия военного времени требовали от периодической печати усиления психологического влияния на читателя, поэтому при анализе материалов прессы нужно учитывать тот факт, что «в годы войны на первый план выдвигается ее агитационная роль»⁶⁷¹. Но, на наш взгляд, следует также брать во внимание и степень влияния политического фактора на процесс формирования содержания. Все СМИ в советский период находились под жестким партийно-идеологическим контролем и обладали ограниченной самостоятельностью. При всех «минусах» такое положение имело и ряд «плюсов», так как гарантировало получение четких установок в сложных политических, в том числе военных условиях. Традиционно данные установки содержались в передовицах «Правды». Их разъяснение применительно к местным условиям давалось также в постановлениях и рекомендациях обкомов партии. Так, например, бюро Хакасского обкома ВКП(б) давало указания, прежде всего, областным газетам сосредоточить внимание на развертывании в области социалистического соревнования, пропаганде различных движений в промышленности, помощи фронту, создании фонда обороны страны, агитации за сбор теплых вещей для солдат и проведении всеобща⁶⁷². Аналогичные рекомендации адресовал местной прессе и Ойротский обком партии.

На содержание СМИ существенное влияние оказывала цензура. Требование строжайшего соблюдения государственной тайны в условиях войны привело к значительному оскудению медиаинформации, прежде всего, к су-

⁶⁶⁹ Васильева А. Война раньше времени сделала нас взрослыми // Хакасия. 2010. 8 апреля. С. 4.

⁶⁷⁰ Из личной беседы автора с В. М. Королевым, ветераном Великой Отечественной войны, записанной 15 апреля 2005 г. в г. Абакане.

⁶⁷¹ Дергачева Л. Д. Источниковедческие проблемы советской журналистики военного времени (1941–1945 гг.) // Вестник Московского университета. 1999. Сер. 8. История. №2. С. 4.

⁶⁷² НА РХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 862. Л. 209.

жению круга тем, разрешенных к обсуждению в прессе. Например, согласно Циркуляру № 347/СС от 23 июня 1941 г. в газетах запрещалось сообщать о противнике любую информацию, которая могла бы «вызвать панические и упаднические настроения», любые отрицательные сведения о материальном положении населения, о ходе сельхозработ. Даже такая популярная в мирное время тема, как выполнение производственных планов в промышленности оказалась под цензурным запретом⁶⁷³.

В период войны, в связи с ужесточением идеологического контроля, состав областных ЛИТО был расширен за счет внештатных (неосвобожденных) цензоров, в роли которых выступали преимущественно секретари партийных организаций. Штатные сотрудники облЛИТО осуществляли предварительный и последующий контроль областных газет и продукции национальных издательств, внештатным цензорам на местах поручалась проверка содержания районной прессы. Анализ отчетов Алтайского и Красноярского крайлитов выявил, что больше всего цензурных вычерков производилось из газет и радиоматериалов Хакасии. Мы можем объяснить это двумя причинами: наличием на территории этой области значительно большего, чем в Ойротии, количества промышленных объектов, в том числе стратегического назначения, и стремлением местных журналистов шире освещать жизнь автономии.

Чаще всего из текстов вычеркивались сведения, способные раскрыть места дислокаций воинских частей на территории Красноярского края и автономной области, расположение военных заводов, а также данные о технических характеристиках и скоростях движения поездов по железной дороге⁶⁷⁴. Несмотря на то, что в годы войны в областном центре работали шесть эвакогоспиталей, их месторасположение, деятельность, самоотверженный труд медперсонала по возвращению здоровья раненым также являлись запретными темами. Поэтому в 1942 г. цензору Бейского района Никулину был объявлен выговор за то, что он разрешил печатать текст, содержащий упо-

---

⁶⁷³ Цит. по: Бормотова А. Р. Цензура печатных органов Курской области в начале Великой Отечественной войны // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. СПб., 2009. №107. С. 28.

⁶⁷⁴ КГБУ «ГАКК». Ф. 26. Оп. 3. Д. 432. Л. 100.

минание о госпитале в г. Абакане⁶⁷⁵. Нередкими были факты, когда цензоры снимали с печати (с эфира) материалы или вычеркивали из текста фрагменты необоснованно, из-за желания перестраховаться. Например, сотрудник Ойротского облЛИТО Кондратьева в декабре 1942 г. запретила публикацию двух очерков, в которых рассказывалось о боевых эпизодах. Проверка, проведенная отделом последующей цензуры СССР, показала, что «никаких данных, раскрывающих тактику наших войск в этих статьях нет»⁶⁷⁶.

Наиболее жесткому контролю подвергались русскоязычные СМИ. С 1942 г. содержание национальных газет Хакасии и Горного Алтая практически не проверялось, так как после сокращения штатов в обллитах не осталось работников, знавших языки коренных этносов автономий⁶⁷⁷. Поэтому, например, в «Хызыл аал» нередко сообщались сведения о конкретных ранениях и увечьях бойцов, вернувшихся домой. Так, герой войны снайпер Н. С. Кадышев, уничтоживший 58 фашистов и награжденный медалью «За отвагу», рассказывая о своей боевой жизни, сообщал, что повредил на фронте обе ноги⁶⁷⁸. Информирование об этом не допускалось в русскоязычных изданиях, поэтому часто оказывалось непонятным содержание ряда заметок, например, о том, что «фронтовики приступили к работе на колхозных полях».

Во время войны три уже имевшихся на радио этапа контроля (заведующий отделом, председатель радиокomiteта, ЛИТО) были дополнены еще одним: журналистов обязали все тексты визировать у секретаря обкома партии⁶⁷⁹. Но даже при такой системе многоступенчатой проверки все равно допускались ошибки в эфире. Например, 29 апреля 1945 г. диктор Хакасского радиокomiteта при чтении выпуска «Последних известий» дважды оговорила, произнеся «союзные нам англо-германские войска» и «Да здравствует германская армия Югославии!». Проведенная проверка установила, что печатавшая материал машинистка допустила опечатки, которые при вычитке ра-

⁶⁷⁵ Там же. Л. 101.

⁶⁷⁶ ГА РФ. Ф. 9425. Оп. 1. Д. 68. Л. 73.

⁶⁷⁷ Там же. Д. 153. Л. 6; Д. 341. Л. 27.

⁶⁷⁸ Ыырчы унадылар, чиньгис писте полар // Хызыл аал. 1943. 1 января. С. 2.

⁶⁷⁹ Книга приказов ХакОблРК, пр. № 12 от 16.02.1942.

ботники ОблРК и цензоры не смогли заметить и не исправили. Диктор не взяла на себя смелость внести исправления в «залитованный» текст. Виновным в инциденте вынесли строгие выговоры, заместитель заведомо пропаганды и агитации областного комитета партии получил внушение, заведующая ЛИТО уволена⁶⁸⁰.

СМИ часто подвергались критике со стороны партийных органов за «беззубость» выступлений и недостаточное «вскрытие» недостатков. Реализация принципа критики и самокритики в сложных военных условиях приобретала особое значение, поскольку пресса должна была выявлять и способствовать устранению недостатков, мешавших перестройке народного хозяйства и психологии людей на военный лад. Однако определение объекта критики и подходов к созданию критических материалов не позволяли, на наш взгляд, в полной мере использовать возможности СМИ. Газетам предписывалось, что «при вскрытии недостатков не нужно сводить дело к беспринципному перечислению фактов, а вскрывать наиболее типичные из них, на ярких, убедительных примерах дать понять нерадивым руководителям, что их поведение – досадное исключение, недостойное советского гражданина»⁶⁸¹. Таким образом, недостатки чаще всего рассматривались как «досадное исключение», а не системное явление действительности, что позволяло СМИ ограничиваться описанием следствия, не занимаясь анализом причин. В результате критические материалы в местной прессе в большинстве своем были схематичны, призывали наказать виновных или обратить на них внимание соответствующих органов, в том числе партийных.

Также одной из причин подобного схематизма были цензурные ограничения, например, на публикацию любых сведений «о материальном положении населения и обеспечении семей призванных в армию и погибших». По политическим соображениям было запрещено сообщать о низком проценте выполнения плана, поэтому газеты ограничивались констатацией того, что

---

⁶⁸⁰ НА РК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1104. Л. 153-154.

⁶⁸¹ Районные газеты в борьбе за укрепление тыла // Советская Хакасия. 1941. 15 июля. С. 2.

такие-то плохо работают, недостаточно включились в соцсоревнование и проч. Во время войны серьезной проблемой было соблюдение сотрудниками предприятий режима работы. Но когда «Советская Хакасия» сообщила, что из мобилизованных на строительство Уйбатского оросительного канала почти три четверти не явились на работу, ей сделали замечание, поскольку показ такого массового нарушения трудовой дисциплины во время войны был недопустим. Аналогичное предупреждение прозвучало и в адрес черногорской газеты «Шахтер», обнародовавшей количество подобных нарушителей среди работников сельского хозяйства и промышленности области, а также число привлеченных к судебной ответственности⁶⁸².

Необходимо отметить и положительные стороны цензурного контроля медиаинформации. Системное и последовательное отслеживание содержания СМИ позволяло выявлять не только сведения, запрещенные к печати, и политические ошибки, но также недостатки технического и творческого характера. Цензоры нередко выступали в роли рецензентов, а подготовленные ими обзоры становились поводом для более подробного рассмотрения деятельности редакций. Так, например, в апреле 1944 г. Красноярский крайлит выявил, что в газете «Ударник» (Хакасия) в небольшом по объему тексте призывов ЦК ВКП(б) к 1 мая было допущено 40 пропусков слов, искажений и опечаток, «не считая орфографических ошибок». В результате крайком партии объявил районному цензору Боргояковой выговор, а редактору газеты – предупреждение⁶⁸³.

После войны цензурный контроль был несколько ослаблен, хотя «Перечень сведений, запрещенных к печати», сократился незначительно. Газеты и радио автономий стали больше внимания уделять вопросам культуры, возродив практику публикации литературных страниц и рецензий на театральные постановки. В этот период в обществе усилились ожидания перемен, прежде всего, в социальной сфере, в материальных и бытовых условиях

---

⁶⁸² ГА РФ. Ф. 9425. Оп. 1. Д. 68. Л. 76-77; Д. 242. Л. 28.

⁶⁸³ Там же. Д. 242. Л. 29.

жизни, что находило отражение в материалах СМИ. Отчасти такие ожидания поощрялись официальной пропагандой, в контексте проводившейся в СМИ кампании по «восхвалению успехов советской экономики и колхозного строя». Однако никакие сравнения уровня и условий жизни граждан СССР и западных стран не допускались.

Начавшаяся в 1946 г. кампания по борьбе с проявлениями антипатриотизма и резкое усиление идеологического контроля над СМИ привели к значительным изменениям в содержании прессы и радиовещания автономий. В первую очередь в газетах стало заметно увеличение объема перепечаток из центральных и краевых изданий, и, следовательно, сокращение количества оригинальных публикаций, что сузило возможности областных и районных газет автономий полноценно отражать местную жизнь. Изучение областной печати показало, что ее содержание в послевоенный период менялось незначительно: не происходило принципиальных улучшений в оформлении и жанровой палитре, подача медиаинформации, особенно в районных изданиях, часто была сухой и неинтересной, а формы ее организации не отличались разнообразием. Причину этого мы видим в том, что пресса, как средство, способное оказывать наиболее сильное, массированное и регулярное воздействие на общество, была поставлена жесткие рамки, в которых не могла творчески развиваться, раскрывать свой потенциал, в том числе при создании медиаинформации, полноценно коммуницировать со своей аудиторией.

Вакуум, возникший в результате устранения со страниц газет материалов военной тематики, был быстро заполнен статьями идеологического содержания, большая часть из которых перепечатывалась из центральной прессы. Обкомы ВКП(б) настоятельно требовали от своих печатных органов расширения отделов партийной жизни, регулярного освещения данной темы. Это заставляло редакции практически любое сообщение подавать аудитории с позиций деятельности партийных организаций, что обедняло тематическое содержание изданий. В условиях изменения информационной политики государства перед прессой была поставлена задача «особенно глубоко вникать

в пропагандистскую работу партийных организаций, в работу местных издательств, театров, радиовещания, культурно-просветительских учреждений и т. д.»⁶⁸⁴. В результате СМИ рассматривались не как средство информирования аудитории о событиях и явлениях действительности, а как еще одно средство идеологического контроля над всеми сторонами жизни общества и, прежде всего, духовной жизнью. Согласимся с мнением В. Турчина, что в конце правления И. В. Сталина информационная закрытость советского общества достигла своего апогея, а информационно-идеологическая обработка населения приобрела тотальный характер⁶⁸⁵.

Отказ от популярной в войну практики переписки через газету в значительной степени был обусловлен объективными причинами: возвращением домой демобилизованных воинов и эвакуированного населения. Однако у представителей аудитории сохранялся интерес к коммуникации через СМИ. Например, «Советская Хакасия» сообщала, что в редакцию часто приходят письма от земляков, проходящих военную службу в армии. Но газета лишь однажды представила на своих страницах обзор подобной корреспонденции⁶⁸⁶. Не получила продолжения и переписка через газету, начатая школьниками Хакасии и Москвы, которая быстро превратилась в обмен рапортами о проделанной работе и успехах в изучении биографии И. В. Сталина⁶⁸⁷. Результатом такой политики стала локализация региональных массово-информационных пространств, находясь в которых аудитория могла судить о жизни за пределами своих областей только по строго дозированным и идеологически скорректированным сообщениям в рубрике «По родной стране».

В послевоенный период от СМИ по-прежнему требовали смелости и действенности «большевистской критики», но в документах для служебного пользования нередко содержалась иная трактовка критических выступлений. Например, в Хакасии в 1951 г. на заседании бюро областного комитета партии редактору ОблРК было сделано строгое внушение за то, что в вы-

⁶⁸⁴ Важнейшие задачи местной печати // Правда. 1948. 18 апреля. С. 1.

⁶⁸⁵ Турчин В. Инерция страха. Социализм и тоталитаризм. ТИФ. 2-е изд. Нью-Йорк, 1978. С. 21-22.

⁶⁸⁶ Пишут наши земляки // Советская Хакасия. 1951. 28 августа. С. 4.

⁶⁸⁷ Апарников Л. Москва – Хакасия // Советская Хакасия. 1948. 25 июля. С. 2.

пусках «Последних известий» он помещал отчеты с совещаний, «не устраняя из них критические выступления»⁶⁸⁸. Популярным был тезис о том, что «говоря о недостатках, мы их пропагандируем». Всесоюзный радиокомитет, констатируя, что «отрицательное в жизни – явление временное, преходящее», критиковал местные радиокомитеты за систематические рассказы о недостатках, которые «создают превратное впечатление у радиослушателей о местной жизни, рисуют ее как бы одной черной краской, односторонне»⁶⁸⁹.

Прессе и радиовещанию Хакасии и Горного Алтая настоятельно рекомендовалось показывать «реальное положение дел», прежде всего, в сельском хозяйстве, искать «ростки нового», позитивные примеры. При этом цензурой запрещалось указывать данные по мелиорации, золотодобыче и железнодорожному транспорту, цифры урожайности и плана хлебозаготовок, рассказывать о новостройках и т. д. В результате многие события (например, строительство крупных промышленных предприятий в Хакасии) не находили отражения в СМИ, круг тем и география сообщений были узкими. Из-за отсутствия в редакциях транспорта большая часть информации собиралась по телефону или из рапортов, справок и сводок, что приводило к «оказениванию» газетного языка, его засорению канцелярскими оборотами, шаблонными выражениями, типовыми заголовками, что снижало интерес аудитории.

Особенностью содержания областного радио в послевоенный период являлось сокращение объема местной информации, произошедшее в результате уменьшения времени среднесуточного вещания (с 1,5 часов до 1 часа в день). Это заставило руководство радиокомитетов Хакасии и Горного Алтая сократить количество и хронометраж программ на национальном языке. В результате в 1951 г. количество и объем хакасских передач, в сравнении с концом 1940-х гг., сократились в несколько раз: с 35-40% от общего времени вещания до 10%. Горно-Алтайский обком ВКП(б) констатировал, что местное радиовещание не может «удовлетворять законные требования радиослушате-

---

⁶⁸⁸ НА РХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1611. Л. 141.

⁶⁸⁹ ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 4. Д. 33. Л. 7.

лей-алтайцев», транслируя по радио национальную музыку, песни, литературные и литературно-музыкальные передачи на алтайском языке⁶⁹⁰. Однако анализ программ радиопередач радиокомитетов за 1947–1949 гг. показал, что возможности для пропаганды местного творчества имелись, но время вещания использовалось нерационально. Например, транслировались отрывки из опер, песни советских композиторов и лишь иногда концерты местной самодеятельности. Литературно-художественные и детские передачи чаще всего представляли собой чтение произведений советских писателей и поэтов.

С восстановлением прежнего объема вещания в 1951 г. удалось увеличить и объем программ национальной редакции: был возобновлен выпуск передач детской и музыкально-литературной редакций, а также «Последних известий» по воскресным дням на двух языках⁶⁹¹. На такое незначительное увеличение объема хакасского вещания последовала неоднозначная реакция, вызванная всеобщей подозрительностью ко всему национальному. Так, В. С. Анюшин – председатель Хакасского комитета радиоиформации, выступая на пленуме обкома КПСС, привел примеры «неправильных замечаний», сделанных работниками отдела пропаганды обкома, которые, якобы, интересовались: не слишком ли много местное радио передает «национального материала», и нет ли «здесь национализма, если мы за два месяца дадим четыре передачи?»⁶⁹².

Изменения происходили и в содержании национальных изданий. Много нареканий вызывало качество перепечатываемых материалов, при создании которых использовался подстрочный, а не смысловой перевод, не соблюдались требования грамматики. Большое количество непереуведенных слов приводило к заметной русификации и оригинальных текстов. Основные претензии высказывались к языку, который был «не всегда понятен коренному населению»⁶⁹³. В Хакасии, в связи с созданием Хакасского НИИЯЛИ, активизировалась работа по выработке терминологии литературного языка, учитывавшей особен-

⁶⁹⁰ КДА РА. Ф. 1. Оп. 2а. Д. 592. Л. 24-27.

⁶⁹¹ НА РХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1835. Л. 36-44.

⁶⁹² Там же. Д. 1781. Л. 107.

⁶⁹³ НА РХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1036. Л. 17-19.

ности основных диалектов титульного этноса. «Хызыл аал», поддерживая эти начинания, сократила использование русских слов, усложнила грамматику своих текстов. С 1945 г. в колонтитуле газеты вместо русских названий месяцев («январь», «март») стали указываться хакасские («күрген», «хаань»). В послевоенный период в адрес издания постоянно высказывались критические замечания в недостаточном раскрытии определенных тем, потере связи с массами и проч. Но анализ газеты позволил сделать вывод, что в ней было представлено достаточное для того времени тематическое, жанровое, стилевое, географическое разнообразие материалов, устойчивая рубрикация, что позволяло давать аудитории общее представление о событиях местной жизни.

В отличие от хакасского издания, в «Кызыл Ойрот» сохранялась практика дублирования содержания «Красной Ойротии», получившая распространение во время войны в связи с техническими и кадровыми трудностями. В результате деятельность журналистов сводилась к переводам и литературной обработке текстов, а сама газета теряла свою самостоятельность и признаки национального издания. В 1946 г. Ойротский обком партии даже был вынужден запретить «Кызыл Ойрот» перепечатку материалов из русскоязычной газеты⁶⁹⁴. К началу 1950-х гг. ситуация изменилась в лучшую сторону: увеличился объем оригинальных материалов, заметной стала инициатива редакции в организации связи с читателями, ее интерес в увеличении количества публикуемых литературных произведений. Деятельность Горно-Алтайского НИИЯЛИ способствовала тому, что на страницах газеты в 1950–1951 гг. развернулась дискуссия о перспективах развития алтайского языка и литературы, что, на наш взгляд, повысило ее авторитет среди интеллигенции.

В послевоенный период исследуемые СМИ, в зависимости от своей технической или языковой специфики, аудиторной направленности, требований учредителей также использовали различные приемы и формы организации медиainформации. Однако в условиях усиления «культы личности» наиболее активно применялся прием *гиперболизации* для воспевания заслуг и личных

⁶⁹⁴ КДА РА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 425. Л. 98а-99.

качеств И. В. Сталина, его персоны как таковой. Изображения вождя (фотографии, рисунки) всегда занимали наиболее выгодное положение на полосе, визуально доминировали над всеми остальными иллюстрациями в издании, его фигура на плакатах возвышалась над представителями народа, нередко выделялась цветом или качеством исполнения⁶⁹⁵. Гиперболизированными были также эпитеты, которыми награждался руководитель страны, вне зависимости от жанра, в котором был создан материал: рапорт, благодарность, стихотворение, передовая статья и т. д. Пропаганде «культы личности» способствовало использование *приема повтора*, как фамилии вождя, так и созданных от нее прилагательных. Присутствие «сталинской» лексики в названии колхозов, в цитатах и лозунгах позволяло не только постоянно напоминать аудитории о вожде, но и закреплять в сознании граждан устойчивые синтаксические конструкции, представлявшие своеобразную идеологическую «призму», сквозь которую воспринимались люди и события.

В рамках проведения политики по подавлению выросшего за годы войны самоуважения народа СМИ использовали *приемы обобщения и типизации*. Применение первого помогало формировать «образ» граждан страны, как единой массы, обладавшей общими представлениями о мире, моральными ценностями, стереотипами поведения и мышления. Анализ материалов прессы рассматриваемых автономий показал, что характерным признаком этой массы было так называемое «единомыслие», которое формировалось за счет публикации однообразных по форме и стилю рапортов, откликов, писем в поддержку и т. д. Граждане персонифицировались на уровне отдельных социальных или профессиональных групп (колхозники, молодежь, шахтеры) или типичных ее представителей (чабан, учитель, школьник). Главным критерием личностной персонификации служила, на наш взгляд, значимость совершенного человеком поступка (подвиг, трудовой рекорд, перевыполнение плана). Поэтому в местных СМИ оказался невостребованным такой жанр,

---

⁶⁹⁵ См., напр.: Любимый Сталин – счастье народное [Электронный ресурс] // Красное знамя: WEB-проект о СССР и советской эпохе. URL: <http://www.krasnoyeznamya.ru/pic.php?vrub=rm&pid=10&zag=1&picid=862> (дата доступа 12 июля 2012).

как очерк, при создании которого автор должен в первую очередь обращать внимание на личные качества героя, его духовный мир, раскрывать мотивацию его поведения и т. д. Герои труда презентовались аудитории в виде портретных фотографий с подписями или типовых материалов под заголовком «Как я добился высоких результатов».

Свою востребованность сохранил и *прием контраста*, который часто использовался при ведении агитационных кампаний в преддверии выборов в органы власти, а также при создании материалов для юбилейных выпусков газет. Сопоставление того, как выбирали (жили) люди до революции и сейчас, должно было убеждать читателей в неуклонном и прогрессивном развитии ранее угнетенных и бесправных национальностей при советской власти.

Можно констатировать, что в военное время, подчиняясь жестким цензурным ограничениям на освещение целого ряда тем и фактов, средства массовой информации не отражали жизнь автономий в полной мере, сосредоточившись на освещении событий на фронте и в тылу. Для повышения эффективности информационного и идеологического воздействия на читателей и радиослушателей СМИ использовали комплекс приемов и форм организации медиаинформации. Так, описывая жизнь в тылу, они применяли комбинацию приемов избыточности и экономии лексических средств, контраста, аналогии. Используя приемы пролонгации, повтора, обобщения и персонификации, СМИ формировали представления о неразрывном моральном и духовном единстве страны, инициировали различные виды помощи тружеников тыла фронту, воспитывали трудовой энтузиазм, создавали атмосферу всеобщей жертвенности. Важное значение придавалось визуализации транслируемой информации с помощью плакатов, фотографий, карикатур, приема «зеркальной» верстки отдельных номеров периодических изданий. Борясь со слухами и страхами, СМИ активно использовали прием сатирического изображения врагов.

Газеты и радио Хакасии и Горного Алтая уделяли внимание установлению и поддержанию коммуникативных связей между фронтом и тылом, вы-

ступая своеобразным посредником в обмене коллективными и индивидуальными, публичными и личными посланиями. С помощью таких писем, как особой формы материализации медиаинформации, проводилось патриотическое воспитание населения, вызывалась ненависть к захватчикам и уважение к советским солдатам. Популярность эпистолярного жанра и адресация таких произведений в редакции можно объяснить желанием адресантов поблагодарить земляков за оказанную поддержку, активизировать помощь фронту, сообщить о своих боевых успехах, поделиться мыслями и чувствами, стремлением сохранить о себе память.

Анализ содержания газет показал, что в послевоенный период, в условиях усиления пропаганды «культы личности» и идеологического давления на все сферы жизнедеятельности общества, СМИ активно использовали приемы гиперболизации, повтора, обобщения и персонификации, контраста. С их помощью решались задачи подавления чувства самоуважения граждан, формирования у них физической и психологической зависимости от сильной личности (И. В. Сталина), устранения из духовной сферы самостоятельно мыслящих людей, внедрения в сознание идеологических стереотипов, помогавших добиваться укрепления власти, достижения политических целей.

Таким образом, в период Великой Отечественной войны произошла значительная трансформация системы СМИ, состава аудитории и авторов публикаций, содержания медиаинформации. Уменьшение объема, тиража, периодичности и штатов газет, закрытие студий низового радиовещания и радиоузлов были обусловлены экономическими причинами, в том числе перераспределением материальных и трудовых ресурсов на нужды фронта. В результате кампании экономии в Хакасии осталось только одно издание на хакасском языке, в Ойротии были закрыты 2/3 аймачных газет, понижен статус областного радиокomiteта, уменьшено время его вещания. Изменения привели к ухудшению снабжения населения медиаинформацией, создали условия для информационного «голода».

Восстановление системы СМИ в послевоенный период происходило благодаря возврату прежнего объема, тиражей и периодичности прессы, возобновлению издания ранее закрытых и выпуску новых газет. Реформирование системы массового радиовещания было связано с попытками оптимизации деятельности низовых радиостудий и проведением кампании по сплошной радиофикации сельской местности. В послевоенное десятилетие на формирование различий в системах СМИ автономных областей воздействовал, прежде всего, экономический фактор, поскольку промышленное строительство в Хакасии происходило более активно, чем в Горном Алтае.

Специфика военного времени, обусловленная масштабностью столкновений враждующих сторон, массовой гибелью комбатантов и мирных граждан, уничтожением ранее благоприятных условий жизни, превалированием негативных эмоций, определила характер взаимоотношений СМИ и аудитории. Эти особенности их взаимодействия, как показало исследование, наиболее ярко проявились при формировании «образов» врага и героя, в соотношении с которыми у населения рассматриваемых автономий происходило формирование представлений о войне, сохранявших свою актуальность и в послевоенный период.

Война привела к существенным изменениям в составе авторов публикаций. Мобилизация мужчин обусловила увеличение в редакционных коллективах женщин. Призыв в армию журналистов, усложнение условий работы стали основными причинами текучки кадров и заметного снижения образовательного, культурного и профессионального уровня новых сотрудников. Данная тенденция сохранялась и в послевоенный период, поскольку принятые на работу фронтовики не всегда соответствовали требованиям, предъявляемым к творческим работникам СМИ. В период войны авторский состав СМИ расширился за счет включения в него военнослужащих и корреспондентов военных газет. Пресса и радио Хакасии более активно привлекали к сотрудничеству представителей эвакуированного населения, чему в немалой степени способствовало то, что в автономную область в 1941–1943 гг. прие-

хало значительное число представителей интеллигентских профессий. В послевоенный период все изученные СМИ испытывали трудности с формированием авторского актива, что было вызвано снижением к ним интереса аудитории и внештатных корреспондентов. Последовательная нивелировка и принижение авторитета фронтовиков, как неформальных лидеров общественного мнения, и возвеличивание И. В. Сталина, как главного творца Победы и гаранта мира, дополнялась политическими кампаниями по борьбе с «низкопоклонством перед Западом» и космополитизмом. В состав «врагов» были включены преимущественно представители интеллигенции, что снизило степень их публикаторской активности, привело к заметному оскудению содержания газет и радио.

В контексте государственной информационной политики, которая проводилась в стране в соответствии с установками партии, эффективность влияния газет и радиовещания на сознание аудитории во многом зависела от системного и комплексного применения методов формирования содержания. Военные события и личные переживания повлияли на сознание и поведение граждан, что изменило восприятие ими медиаинформации и обусловило необходимость использования новых приемов и форм организации контента СМИ. Наиболее ярко это проявилось в организации переписки фронта и тыла через прессу. Для того чтобы дать людям определенную эмоциональную разрядку, притупить или устранить чувство страха перед реальной или мнимой опасностью пресса активно использовала сатиру и юмор.

Исследование показало, что изменения в системе СМИ, в составе авторов публикаций, настроениях аудитории, содержании медиаинформации, имевшие место во время войны и в послевоенный период, отразились на взаимодействии и взаимовлиянии всех элементов МИП, что привело к его сужению. Однако эти изменения не вызвали трансформацию структуры данного пространства и принципов его функционирования.

Глава 4. МАССОВО-ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПРОСТРАНСТВА ХАКАСИИ И ГОРНОГО АЛТАЯ В ПЕРИОД ПРОМЫШЛЕННОГО ОСВОЕНИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ (1954–1991 ГГ.)

4.1. Влияние политического и экономического факторов на развитие системы средств массовой информации

Период с 1954 по 1991 гг., ввиду сложности происходивших в эти годы событий и явлений, проводимых реформ, обладает своей внутренней периодизацией. Основными критериями выделения этапов служат характеристики социально-экономической и духовной жизни общества («оттепель», «застой», «перестройка») или особенности управления государством и проводимых реформ того или иного руководителя страны («хрущевский», «брежневский», «горбачевский»). Несмотря на то, что каждый из вышеназванных этапов обладает специфическими чертами, в рамках настоящего исследования мы рассматриваем указанные годы как единый период, для которого было характерно поступательное развитие массово-информационных пространств рассматриваемых автономий и их центрального элемента – системы средств массовой информации.

Основу для расширения и усложнения систем СМИ Хакасии и Горного Алтая, изменения характера их взаимодействия с аудиторией, авторами публикаций и медиаинформацией создали реформы. Первые и наиболее радикальные реформаторские мероприятия были проведены Н. С. Хрущевым. В качестве основных их направлений можно выделить: десталинизацию общества, реформирование управленческо-административной сферы промышленного производства, улучшение материально-бытовых условий жизни населения. Символом хрущевских реформ стала программа преобразований сельского хозяйства, необходимость которых приобрела особую остроту в послевоенный период.

Н. С. Хрущеву нередко приписывают авторство идеи о развертывании построения коммунистического общества в СССР. Однако ряд исследователей справедливо указывают, что «данный курс практически во всей своей полноте и завершенности был сформулирован и провозглашен еще при жизни Сталина»⁶⁹⁶. Подтверждением этому является проект Программы ВКП(б) 1947 г. По мнению Е. Ю. Зубковой, выдвижение в послевоенный период на первый план идеи построения коммунизма было вызвано необходимостью создания «эффекта большой цели», ради достижения которой было возможно сплотить и мобилизовать общество для решения насущных народно-хозяйственных задач. Конкретизация данной идеи происходила с помощью своеобразных символов будущего – «великих строек коммунизма», каждая из которых должна была «восприниматься как очередная веха, как еще один практический шаг на пути к коммунизму»⁶⁹⁷. Эта идея получила продолжение в идеологическом обосновании реформ, проводимых Н. С. Хрущевым, и стала «стержневой» в обновленной информационной политике советского государства. Доктрина построения коммунизма была закреплена в новой Программе КПСС, утвержденной XXII съездом. Программа-утопия, по мнению современников хрущевской эпохи, учитывала «в самом буквальном смысле мысли и чаяния всех членов советского общества», давала цель, смысл существования, некий идеал, исчезнувший после развенчания культа Сталина⁶⁹⁸.

Действия, предпринятые Л. И. Брежневым после прихода к власти, можно трактовать как контрреформы, поскольку он восстановил вертикаль партийной власти, воссоздал министерства и комитеты по отраслям народного хозяйства, ликвидированные Н. С. Хрущевым, провел ряд других мероприятий, направленных на преодоление последствий волюнтаристского управления экономикой. Однако отметим, что основным стержнем начала брежневской эпохи стала экономическая реформа, разработанная под руководством

---

⁶⁹⁶ Пыжиков А. В. Политические преобразования в СССР (50 – 60-е годы). М., 1999. С. 58.

⁶⁹⁷ Зубкова Е. Ю. Указ соч. С. 210-211.

⁶⁹⁸ Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. Изд. 2-е, испр. М., 1998 С. 13.

Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина. В ее рамках проводилась реконструкция и техническое переоснащение предприятий, развитие наукоемких и перспективных направлений в экономике (электронная, атомная, приборостроительная промышленность, станкостроение, энергетические отрасли)⁶⁹⁹. Ее преимуществами перед другими реформами, на наш взгляд, являлись децентрализация народнохозяйственного планирования, внедрение экономических методов работы (хозрасчет, бригадный подряд), увеличение самостоятельности предприятий и создание системы материального стимулирования труда. В итоге реализации реформы восьмая пятилетка стала наиболее успешной для СССР и получила в народе название «золотой».

Однако постепенный отказ от последовательного реформирования экономической сферы привел к стагнации производства, падению производительности труда, уменьшению национального дохода. Усиление гонки вооружений обуславливало дальнейшую милитаризацию экономики. Активная бюрократизация партийного аппарата и сращение его с госаппаратом препятствовали развитию общественно-политической жизни в стране, но способствовали распространению коррупции, росту экономической преступности.

Нарастающий экономический и политический кризис усугубился сменой руководства страны (Ю. В. Андропов, К. У. Черненко). Это определило необходимость новых масштабных реформ, которые затронули бы все сферы жизнедеятельности общества. М. С. Горбачев на пленуме ЦК КПСС, состоявшемся в апреле 1985 г., обозначил главные направления реформаторских мероприятий: перестройка экономики, ускорение научно-технического и социально-экономического развития. Однако «ограниченность адаптивного потенциала КПСС», ставшая, по мнению М. В. Котлярова, отчетливо заметной к XXVII съезду, потребовала включения в список первоочередных задач «перестройки форм и методов работы партии». Продолжением данного процесса стало решение XIX Всесоюзной партийной конференции о наделении Советов всей полнотой законодательных, управленческих и контрольных функ-

---

⁶⁹⁹ Гришин В. В. Катастрофа. От Хрущева до Горбачева. М., 2010. С. 26.

ций при одновременном сокращении «административно-командных» полномочий партийного аппарата⁷⁰⁰. Следовательно, реформирование политической сферы было вызвано необходимостью решения экономических задач. Однако проведенные мероприятия не привели к улучшению экономического положения в стране, что вызвало падение доверия к партии и ее новому руководству, повышение авторитета Советов, создаваемых на альтернативной основе, и надежды на новые политические силы, основу которых составили представители интеллигенции.

Можно резюмировать, что реформы, проводившиеся Н. С. Хрущевым, Л. И. Брежневым и М. С. Горбачевым, вне зависимости от декларируемых целей, основных направлений, масштабов и результатов мероприятий, были вызваны экономическими причинами. Еще одной чертой, объединяющей их, является, на наш взгляд, стремление реформаторов к решению экономических проблем за счет комбинации интенсивных и экстенсивных методов развития промышленности, поскольку наряду с модернизацией уже существующих производственных комплексов шло активное строительство новых, преимущественно в регионах, богатых природными ресурсами, среди которых Сибирь занимала лидирующее положение. При этом ставка делалась на развитие наукоемких отраслей: атомной и гидроэнергетики, космических средств связи, машиностроения, химической промышленности и проч. Предпринимались также попытки внедрения научных методов в управление производством. Это позволяет расценивать данные реформы в совокупности как начало научно-технической революции, то есть первый этап перехода от индустриального к научно-информационному принципу производства. Данный этап связан с «рядом научно-технических прорывов в автоматизации, энергетике, области синтетических материалов, но особенно с созданием электронных систем управления, связи и информации»⁷⁰¹. Такие признаки были ха-

---

⁷⁰⁰ Котляров М.В. КПСС в период перестройки: пределы политической адаптации // Власть и общество в Сибири в XX веке. Выпуск 4. Сб. науч. статей / науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2013. С. 228-230.

⁷⁰¹ Гринин Л. Е. Государство и исторический процесс. Политический срез исторического процесса. М., 2007. С. 40.

рактельны для 1954–1991 гг., что дает основание рассматривать их как отдельный период истории страны.

Безусловно, политический фактор влиял на содержание государственной информационной политики, определял условия, в которых происходило организационное и творческое развитие СМИ, на степень свободы журналистов и возможности средств массовой информации в выборе тематики и ее освещении, на содержание медиаинформации. Но экономический фактор оказывал воздействие на темпы и масштабы формирования системы СМИ, на ее структуру, что сказывалось на ее взаимодействии с аудиторией, авторами публикаций и медиаинформацией. Следовательно, экономические условия, в которых массово-информационная деятельность осуществлялась данными субъектами, являлись определяющими.

Одной из первых крупномасштабных кампаний, усиливших разрыв в экономическом развитии автономий, стало освоение целинных и залежных земель. В Хакасии «целинная эпопея» имела значительные масштабы. В начале весны 1954 г. автономная область стала принимать первые эшелоны с целинниками. В течение первого года для освоения новых земель прибыло порядка трех тысяч человек. Полторы тысячи жителей Хакасии также были направлены на поднятие целины. Для организации новоселов в 1954 г. были созданы Тюпский, Абаканский и Богградский зерносовхозы, на следующий год – Ширинский, Сарагашский и «Борец»⁷⁰². За три года было «поднято» свыше 450 тыс. га новых земель, что позволило в 1957 г. сдать хлеба в 5 раз больше, чем в 1953 г.⁷⁰³.

Значительный приток трудовых мигрантов, создание новых сельхозобъединений определили постановку вопроса о формах и методах проведения агитационно-пропагандистской работы, об удовлетворения информационных потребностей новоселов. Включение целинников, как потенциальной аудитории, в массово-информационное пространство Хакасии за счет снаб-

⁷⁰² Очерки истории Хакасской областной организации КПСС / сост. П. Н. Мешалкин, С. П. Ултургашев. Красноярск, 1987. С. 210-121.

⁷⁰³ Колпаков В. И. Хакасия за 40 лет Советской власти // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Вып. VI. Абакан, 1958. С. 11.

жения их имевшимися областными и районными газетами было не слишком эффективно ввиду ограниченного тиража местных изданий, неразвитости транспортных коммуникаций, связи между областным, районными центрами и новыми совхозами. Поэтому для решения проблемы информационного обеспечения новоселов на период сельхозработ на целину отправлялись выездные редакции «Советской Хакасии». Основной задачей журналистов являлся ежедневный выпуск газеты формата А4 и тиражом 500 экз., в которой должны были оперативно освещаться ход сева/уборки, показатели, достижения, недостатки. Такая форма массово-политической работы использовалась для повышения трудовой активности целинников и мобилизации их на ускоренное и успешное выполнение поставленных планов⁷⁰⁴. Целью таких выездных редакций также являлся сбор материала, который впоследствии получал воплощение в заметках, репортажах и очерках. Деятельность журналистов на целине нередко пробуждала активность внештатных авторов из числа целинников, стимулировала выпуск стенгазет, на базе которых в дальнейшем создавались совхозные многотиражные издания⁷⁰⁵. Первая такая газета была организована в 1956 г. в Тюпском зерносовхозе через год после того, как там побывала выездная редакция «Советской Хакасии»⁷⁰⁶. Можно утверждать, что освоение целинных земель и создание сети крупных совхозов привело к возрождению в Хакасии сельской многотиражной печати, что способствовало расширению местной системы СМИ.

Продолжением целинной эпопеи стало добровольное переселение более пятисот семей из сел Нечерноземной зоны страны, преимущественно из Чувашской и Мордовской АССР, в колхозы Хакасии. Для ведения среди переселенцев разъяснительно-информационной работы использовались специальные выпуски областного и районных изданий. Так, например, в октябре 1956 г. «Советская Хакасия» выпустила специальный номер тиражом 1200 экз., в котором знакомила этих новоселов с особенностями культуры населе-

---

⁷⁰⁴ НА РХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2130. Л. 148; Д. 2037. Л. 293-294.

⁷⁰⁵ Там же. Л. 308а.

⁷⁰⁶ Там же. Л. 304.

ния и сельского хозяйства Хакасии, сообщала о мероприятиях по хозяйственному и трудовому устройству переселенцев, публиковала обращение-приглашение колхозников автономии⁷⁰⁷. Следует отметить, что расширение национального состава Хакасии за счет включения в него достаточно многочисленных и компактно проживавших национальных групп не привело к созданию прессы на языках этих народов. Информационное обеспечение представителей данных этносов на родном языке осуществлялось за счет литературы и периодической печати, поступающих с их исторической родины.

В Горном Алтае освоение целины не имело таких масштабов, как в Хакасии. Причиной этого являлись особенности ландшафта автономии, преобладание горно-таежной местности и недостаток открытых степных пространств. Поэтому план по освоению залежных земель, определенный для области, не был выполнен. Решение возникшей проблемы областное руководство видело в осушении болот и дальнейшем использовании таких территорий под распашку. Но подобная практика не получила своего распространения. Один из ветеранов целинного движения А. М. Чичинов считал, что «невыполнение планов освоения болот обернулось благом для нашей земли. Болотистые места в Усть-Канском, Усть-Коксинском и других районах не раз спасали в последующие годы скот от зимней бескормицы»⁷⁰⁸.

С учетом сложившейся ситуации, с 1956 г. область была освобождена от плановых поставок зерна, а основные усилия направлены на материально-техническое и кадровое развитие имевшихся совхозов и колхозов. Приток людей по «целинным» путевкам из-за пределов Горного Алтая был не столь многочисленным, как в Хакасии: к сентябрю 1954 г. в область прибыл 521 человек, остался 461. «Люди ехали в основном в МТС и крупные хозяйства»⁷⁰⁹, поэтому новые совхозы не создавались. Следовательно, отсутствовала насущная необходимость развития многотиражной прессы, поскольку с задачами агитации, пропаганды и информирования населения справлялись рай-

---

⁷⁰⁷ Там же. Л. 183.

⁷⁰⁸ Чичинов А. М. Целина: 60-летие [Электронный ресурс] // Звезда Алтая. 2014. 1 марта. URL: <http://www.zvezda-altay.rf/celina-60-letie/> (дата обращения 1.03.2014).

⁷⁰⁹ Там же.

онные и областные издания. В 1964 г., после постановления Алтайского крайкома партии «О многотиражных газетах совхозов» в Чойском молмясо-совхозе разрешили издавать собственную газету «Животновод»⁷¹⁰. Однако данная практика создания совхозных многотиражек не получила широкого распространения.

Целинная кампания послужила поводом для активных мероприятий по расширению системы массового радиовещания не только в Хакасии, но и в Горном Алтае. Это должно было увеличить охват аудитории радиослушанием, способствовать политическому и культурному воспитанию масс, а также распространению агрономических знаний – крайне востребованных в условиях реформирования сельского хозяйства. Для решения этой проблемы ЦК КПСС и Советом Министров СССР в 1954 г. было принято совместное постановление по радиофикации сельской местности⁷¹¹, выполнение которого подкреплялось административными и финансовыми ресурсами.

В Хакасии освоение обширных новых земель потребовало расширения масштабов радиоработ, но привело к снижению их темпов. Руководители районов и колхозов нередко срывали сроки работ по заготовке и установке столбов для линий передач, не выделяли работников для проведения подготовительных работ. Это, по мнению начальника радиосети областного управления связи А. А. Тубашева, являлось «саботажем»⁷¹². На наш взгляд, у колхозов просто отсутствовали средства на мероприятия, которые им навязывались «сверху», а районные власти действительно были не заинтересованы в радиофикации по нескольким причинам. Во-первых, из-за проведения работ по ремонту и модернизации областной радиостанции качество звучания передач в сельской местности было очень низким. В свете этого сооружение радиоузлов и установка новых радиоточек расценивалось как формальное и малоэффективное мероприятие. Во-вторых, проведение в области кампании

---

⁷¹⁰ КДА РА. Ф. 1. Оп. 4. Д. 205. Л. 72.

⁷¹¹ О мероприятиях по дальнейшему развитию и завершению радиофикации сельской местности: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 4 мая 1954 г. // Изложение: Глейзер М. С. Радио и телевидение в СССР... С. 120.

⁷¹² НА РХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2129. Л. 84.

по созданию новых совхозов и колхозов и укрупнению уже имевшихся заставляло руководителей в первую очередь прилагать силы и средства к решению насущных финансово-хозяйственных проблем. В сравнении с ними радиофикационные работы не обладали большой значимостью.

В итоговых отчетах сообщалось, что в Хакасии в 1955 г. план по установке радиоточек в сельской местности был перевыполнен на 106%. Однако нужно учитывать, что в этом году в результате слияния количество колхозов уменьшилось с 143 до 85⁷¹³. Необходимость проведения трудоемкого и затратного строительства большого количества трансузлов отпала, появилась возможность перераспределить средства, создать дополнительные радиоточки и добиться перевыполнения плана, улучшив формальные показатели по радиофикации сел. К 1959 г. в Хакасии удалось радиофицировать чуть больше половины населенных пунктов. В Горном Алтае организация проводного вещания в труднодоступных горных районах затруднялась из-за отсутствия дорог и местной энергобазы. Стопроцентная (сплошная) радиофикация сельской местности в автономиях не была проведена и к 1960-е гг. Возможность значительно улучшить такие показатели в Хакасии появилась лишь в следующие два десятилетия, когда здесь были сооружены крупные предприятия и электростанции. Результатом расширения системы массового радиовещания к концу рассматриваемого периода стало вовлечение в состав реальной аудитории СМИ значительной части сельского населения областей, усиление информационного и идеологического воздействия на нее.

Промышленное освоение автономных областей было неравнозначным. Обе территории обладали значительными запасами полезных ископаемых, лесными и водными богатствами. Но Хакасия рассматривалась как более перспективный регион, поскольку имела развитую инфраструктуру и, прежде всего, железные и автомобильные дороги, позволявшие осуществлять транспортировку промышленных грузов. Также преимущества обусловили автономии более благоприятные условия для развития собственной строй-

---

⁷¹³ Очерки истории Хакасской областной организации КПСС... С. 215.

индустрии, что при сооружении крупных промышленных предприятий было крайне важным аргументом. Поэтому размер капиталовложений в развитие экономики этой области в разы превышал объем средств, субсидированных соседней автономии. Так, например, в седьмой пятилетке (1961–1966 гг.) Хакасии было выделено 414,9 млн. руб., а Горному Алтаю – 67,4 млн. руб. В восьмой пятилетке объем капиталовложений составил 651,1 и 96,6 млн. руб. соответственно. Всего в период с 1961 по 1985 гг. первой автономии было выделено в 7 раз больше средств, чем второй⁷¹⁴.

Еще до начала активного промышленного освоения в конце 1950-х гг. в Хакасии уже существовал достаточно развитый промышленный комплекс, включавший угольные шахты и разрезы, рудники и горнопромышленные комбинаты, лесоперевалочные комбинаты и леспромхозы, мельничный и мясокомбинат, имелась местная кооперативная промышленность. Помимо железных дорог, построенных еще до войны, были проложены ветки Аскиз-Абаза, Абакан-Сталинск, начиналось строительство «трассы мужества» Абакан-Тайшет. Создание крупных предприятий способствовало развитию многотиражной печати. К 1960 г. в области было создано четыре таких издания: «Строитель» (Управление «Абаканстройпуть»), «Дзержинец» (Сорский молибденовый комбинат), «Коммунар» (рудник «Коммунар»), «Туимский горняк» (Туимское горнопромышленное управление)⁷¹⁵. В дальнейшем их количество увеличилось и к концу рассматриваемого периода достигло, по нашим подсчетам, одиннадцати.

Анализ научной и публицистической литературы, архивных документов не позволил выявить факты существования многотиражных изданий на предприятиях Горного Алтая. Косвенным свидетельством, подтверждающим выпуск в области отдельных газет такого типа, служит следующий факт: в

---

⁷¹⁴ Карачаков Д. М., Карачакова Н. Д. Социально-экономическое развитие Тувы, Горного Алтая и Хакасии во второй половине XX века. Горно-Алтайск, 2008. С. 17–18.

⁷¹⁵ НА РХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2409. Л. 21.

1959 г. в ходе коренного реформирования системы прессы автономии, закрытию среди прочих подлежала также многотиражная газета «Победа»⁷¹⁶.

Изучение архивных документов показало, что основой для многотиражек в большинстве случаев становились стенгазеты, в том числе и выпускавшиеся типографским способом, которые после ввода в строй предприятия приобретали статус многотиражных газет. Такой же принцип был использован при создании вузовской прессы. Так, в Абаканском государственном педагогическом институте с 1948 г. силами преподавателей выпускалась стенная газета «Голос учителя». Периодичность ее была невысокой: за 10 лет вышло около 100 номеров⁷¹⁷. В 1965 г. в вузе стала издаваться многотиражка «Народный учитель»⁷¹⁸, использовавшая опыт и традиции стенной газеты. В 1966 г. свое издание «Советский учитель» появилось и в Горно-Алтайском государственном педагогическом институте. Выпуск вузовских газет можно объяснить не только стремлением областного руководства повысить авторитет институтов и помочь в пропаганде преимуществ высшего образования, но и признанием наличия творческого потенциала у студентов и преподавателей, их заинтересованности в организации внутривузовской коммуникации.

Распространение многотиражных изданий объясняется упрощением порядка их организации. В 1956 г. постановлением ЦК КПСС обкомам и крайкомам партии было дано право самостоятельно разрешать выпуск таких газет на предприятиях, стройках, в вузах с количеством работающих или учащихся не менее двух тысяч человек⁷¹⁹. Основной целью подобных изданий, на наш взгляд, служило распространение профессионально-ориентированной (по тематике и целевой аудитории) информации. Нередко создание такой газеты было вызвано тем, что предприятие, на котором она издавалась, являлось «закрытым», и освещение его деятельности и достижений, жизни рабочих в открытой печати не представлялось возможным. Такая аргументация, в част-

⁷¹⁶ Горно-Алтайская областная организация КПСС... С. 89.

⁷¹⁷ Андронов А. Десять лет стенной газете «Голос учителя» // Советская Хакасия. 1958. 5 мая. С. 3.

⁷¹⁸ Газета «Народный учитель» после преобразования в 1994 г. Абаканского государственного педагогического института в Хакасский государственный университет и. Н. Ф. Катанова была переименована в «Университетскую газету». Выпускается в настоящее время под названием «Университетская газета».

⁷¹⁹ Цит. по: Пыжиков А. В. Хрущевская «оттепель». М., 2002. С. 106.

ности, содержалась в просьбе о создании газеты «Дзержинец» на Сорском молибденовом комбинате⁷²⁰. Многотиражки, как и вся остальная пресса, подвергались цензурированию. Но, в связи со своей тематической спецификой и недостаточной подготовкой редакторов, именно эти издания чаще, чем областные и районные, в своих материалах допускали разглашение данных по секретным предприятиям. Такие факты, в частности, констатировались в отношении газеты «Строитель» в отчете Красноярского крайлита за 1958 г.⁷²¹.

Развитие промышленности, строительство новых крупных предприятий усиливало трудовую миграцию и приводило к увеличению населения. Это стимулировало не только расширение сети многотиражных изданий, но и увеличение тиража местной прессы и объема транслируемой ею информации. Поэтому со второй половины 1950-х гг. руководство Хакасии неоднократно обращалось в Красноярский крайком и ЦК КПСС с просьбами о расширении информационно-пропагандистских возможностей областных и районных изданий. Главным аргументом в таких обращениях служил имевшийся рост промышленности и перспективность ее дальнейшего развития. Так, например, в августе 1955 г., в связи с тем, что Аскизский район стал одним из крупных сельскохозяйственных районов Красноярского края «с развитой промышленностью союзного и краевого значения», был увеличен формат, периодичность и тираж его районной газеты «Красная звезда»⁷²². В следующем году в ЦК партии поступила просьба об увеличении формата (с А3 до А2) и тиража (до 20 тыс. экз.) областной газеты «Советская Хакасия». Обращение было дополнено подробной справкой о росте экономики автономии. Перечисление промышленных объектов и крупномасштабных строек, достижений целинных совхозов послужило мощным аргументом в пользу принятия положительного решения. Для перехода на увеличенный формат и тираж редакции было выделено дополнительно 26 тонн бумаги⁷²³.

---

⁷²⁰ НА РХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2129. Л. 142-143.

⁷²¹ ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 48. Д. 997. Л. 57.

⁷²² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 606. Л. 94, 96.

⁷²³ Там же. Оп. 34. Д. 4. Л. 127, 130, 131.

Сравнение подобных обращений, поступивших в ЦК КПСС по РСФСР от Хакасии и Горного Алтая, позволило выявить особенности аргументации просьб о модернизации областных газет и формулировок отказов на такие просьбы. Так, например, в 1958 г. Горно-Алтайский обком партии, объясняя необходимость увеличения формата и тиража «Звезды Алтая» в два раза, ссылаясь на то, что газета в настоящем виде «не может всесторонне освещать жизнь трудящихся», вынуждена ограничивать объем публикуемой информации о событиях в стране и за рубежом. При этом в тексте отсутствовали указания на более веские причины, например, на увеличение числа предприятий и населения. Вместо этого, в качестве мер по минимизации дополнительных расходов, которые возникнут в случае принятия положительного решения, предполагалось закрыть городскую газету, выходившую в Горно-Алтайске, ее ресурсы и сотрудников передать редакции «Звезды Алтая», проведя одновременно сокращение штата на шесть человек.

Несмотря на кажущуюся рациональность такого предложения, руководство Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по РСФСР отказало в просьбе. Основной причиной в отказе было названо то, что значительное увеличение русскоязычной газеты при сохранении объема и тиража национального издания «вызовет нареkania коренного населения области». Изменять объем и тираж обеих газет «при малочисленности населения области (около 100 тыс. человек) нет никакой необходимости». Кроме того, как посчитали в Отделе, русскоязычное население автономии имело возможность получать информацию в достаточном объеме, выписывая краевую «Алтайскую правду»⁷²⁴. На наш взгляд, ссылка на возможные «нарекания» со стороны коренного населения была формальностью, поскольку аналогичная просьба Хакасии, подкрепленная свидетельством о бурном экономическом развитии области, была удовлетворена. При этом в документах не упоминалось о «недовольстве» со стороны хакасов, хотя при реформировании «Советской Хакасии» формат и тираж национального издания оставались прежними. Поэтому

---

⁷²⁴ Там же. Д. 33. Л. 6, 15.

главной причиной отказа Горному Алтаю, по нашему мнению, послужила экономическая нецелесообразность вложения средств в прессу малонаселенной территории, успехи и перспективы развития экономики которой были невелики. Увеличение тиража и формата потребовало бы не только дополнительной дотации на содержание газеты, но и переоборудования областной типографии на сумму в 259 тыс. руб.⁷²⁵, что тоже явилось весомым аргументом для отказа.

Можно констатировать, что на протяжении рассматриваемого периода принцип экономической целесообразности был главенствующим в решении проблем местной прессы. Данное утверждение проиллюстрируем на примере кампаний по объединению редакций русскоязычных и национальных областных газет, которые имели место в рассматриваемых автономиях.

Первая попытка такого «слияния» была предпринята в 1940 г. в Хакасии. На тот момент газета «Хызыл аал» выходила форматом А3 три раза в неделю тиражом 3300 экз. Обком партии, рассматривая вопрос об удовлетворении «возросших политических и культурных запросов» коренного населения, посчитал нецелесообразным увеличение ее периодичности и формата и перевод на ежедневный выпуск, поскольку, по мнению партийных функционеров, увеличенный редакционный аппарат и собкоры в районах будут дублировать материалы «Советской Хакасии». При этом не учитывалось, что заметки, имеющие единый информационный повод, но написанные разными авторами, всегда отличаются друг от друга по стилю, упоминаемым деталям, степени подробности описания фактов. Кроме того, тексты, созданные в оригинале на национальном языке, являются более адаптированными к восприятию читателей коренной национальности, чем переводные публикации.

Суть предложения по «оптимизации» работы редакций заключалась в объединении двух газет с 1 января 1941 г. При этом планировалось сократить штат «Хызыл аал», а редакцию «Советской Хакасии» расширить на 9 человек

---

⁷²⁵ Там же. Л. 7.

за счет сотрудников, отвечавших за выпуск национальной газеты⁷²⁶. Вероятнее всего, реализация такого плана привела бы к полной потере самостоятельности и оригинальности хакасского издания, которое очень быстро превратилось бы в «дубль» русскоязычной газеты, печатавший лишь переводные материалы. Подтверждением справедливости такого вывода может служить пример газеты «Кызыл Ойрот», которая в период войны и послевоенные годы являлась «клоном» «Красной Ойротии» и с большим трудом смогла восстановить свое «лицо» и практику создания оригинальных публикаций.

Проект слияния областных газет Хакасии был реанимирован в середине 1950-х гг. Постоянные отказы на просьбы об увеличении тиража и формата «Советской Хакасии» вынудили обком партии прибегнуть к такому способу сокращения расходов на содержание областных изданий. Инициаторы проекта мотивировали решение тем, что национальная газета по содержанию почти полностью дублировала русскоязычную. При этом не учитывалось, что «Хызыл аал» была обязана публиковать большой объем официальных материалов и перепечаток из краевой и центральных газет, за счет чего и создавалось ощущение дублированности. Однако основной причиной попытки объединения редакций, по нашему мнению, служило желание партийного руководства расширить возможности «Советской Хакасии», поскольку в условиях активной трудовой миграции в области происходил значительный рост русскоязычного населения, а удельный вес представителей коренного этноса становился ниже. В доказательство можно привести тот факт, что после удовлетворения в 1956 г. просьбы об увеличении формата и тиража русскоязычной газеты вопрос о слиянии редакций больше не поднимался.

В Горном Алтае проблема расширения информационного потенциала «Звезды Алтая» также стояла очень остро. Нерешаемость вопроса о ее дополнительном финансировании вынудила обком КПСС кардинально изменить структуру периодической печати в автономии. 1 сентября 1959 г. бюро областного комитета партии приняло решение о закрытии многотиражной,

---

⁷²⁶ НА РХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 736. Л. 117-118.

городской и девяти районных газет и перераспределении их ресурсов в пользу оставшихся двух областных изданий. Данная кампания проводилась под предлогом «ликвидации убыточности газет», которые «слабо связаны с жизнью, ведутся на низком уровне, плохо укомплектованы кадрами, не имеют массового распространения». Поэтому, как считали местные партийные функционеры, необходимость в их издании отсутствовала. Однако в обзорах работы районных газет за 1957–1959 гг. такие претензии в столь категоричной форме не высказывались. Критика в адрес их редакций была традиционной и мало чем отличалась от замечаний, высказывавшихся в течение всех предшествующих лет. Следовательно, ссылки на низкое качество содержания и кадрового обеспечения районной прессы не являлись определяющими при принятии данного решения. В качестве дополнительного аргумента в пользу необходимости сокращения низовой печати приводилась сумма в «один миллион с лишним рублей», которая ежегодно выделялась на покрытие ее убытков⁷²⁷. Однако практически все местные газеты в советский период были дотационными. Так, например, «Советской Хакасии» и «Хызыл аал» в год требовалась дотация из партийного бюджета почти в 1,4 млн. руб. каждой⁷²⁸. Поэтому использование вышеприведенного «финансового» аргумента и ссылка на необходимость экономить государственные средства являлись, на наш взгляд, уловкой, позволявшей скрыть истинные причины такого кардинального реформирования системы печатных СМИ.

Русскоязычное областное издание, безусловно, считалось «визитной карточкой» национального региона, тогда как районным газетам отводилась второстепенная роль. Поэтому ими можно было пожертвовать ради улучшения представления о регионе. Подобная практика решения проблемы за счет сокращения, слияния, ликвидации всего, что признавалось неперспективным, была характерна для исследуемого периода, когда по такому принципу происходило массовое уничтожение значительного количества сельских насе-

---

⁷²⁷ КДА РА. Ф. 1. Оп. 2а. Д. 692. Л. 154-155.

⁷²⁸ НА РХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1916. Л. 288.

ленных пунктов, поддержка которых считалась экономически неэффективной. Характерной чертой такой политики можно назвать стремление решать сиюминутные задачи, без тщательной подготовки и обсуждения, не просчитывая последствия принимаемых решений. Отметим, что закрытие районных изданий не позволило полностью решить вопросы с обеспечением областных газет: их штат и тираж был увеличен, но возросли суммы дотаций и объем потребляемых бумажных ресурсов. Можно утверждать, что проведенная кампания не дала заметного экономического эффекта. В то же время итогом радикального сокращения системы прессы стало разрушение материально-технической базы районных изданий, утрата типографского и редакционного оборудования, традиций потребления сельчанами медиаинформации из «своих» газет, а также возможностей для развития кадрового потенциала местных СМИ. В книгах приказов районных изданий последними значились распоряжения об увольнении штатов редакции и типографии «с правом предоставления им работы в других организациях и предприятиях райцентра»⁷²⁹.

Изучение справочной и научной литературы, в первую очередь диссертационных исследований, посвященных истории прессы отдельных регионов в советский период, не позволило выявить аналогичных примеров столь кардинального реформирования системы местных печатных СМИ. Косвенным доказательством уникальности такой кампании может служить и то, что в работах О. Д. Якимова, посвященных истории прессы различных национальных регионов Сибири, подобные факты не приводятся.

Восстановление районной прессы в Горном Алтае началось в 1978 г. после издания Секретариатом ЦК КПСС и Алтайским крайкомом партии специальных постановлений по местной печати. На основании этих документов бюро обкома КПСС приняло решение о возрождении двух из девяти ранее существовавших районных газет. Решение организационных и технических вопросов растянулось почти на полгода, поскольку требовалось заново соз-

---

⁷²⁹ КДА РА. Ф. 373. Оп. 1. Д. 3. Л. 31.

дать редакции и типографии в селах Шебалино и Кош-Агач⁷³⁰. Поэтому газеты стали выходить с января 1979 г. Окончательно решить вопрос с техническим обеспечением «районок» удалось только в 1980-е гг., когда, например, для редакции и типографии газеты «Чуйские зори» (Кош-Агач) в райцентре было построено специальное здание⁷³¹. Полное восстановление системы районной прессы произошло в 1990-2000-е гг. Так, например, местная газета в Усть-Коксинском районе появилось только в 2000 г., а в Онгудайском – в 2004 г.

Вторым направлением политики «оптимизации» местной печати в 1963 г. стало решение Горно-Алтайского обкома партии об объединении редакций областных газет, что должно было дать существенный экономический эффект за счет сокращения технического персонала и затрат на его содержание. В 1966 г. данное решение было признано «не совсем оправданным делом», поскольку его итогом стало уменьшение числа в первую очередь творческих работников: с 39 до 25 человек. Сокращению подверглись литературные работники, собкоры и спецкоры, «что привело к ослаблению организаторской работы редакции с рабселькоровским и читательским активом газет на местах». Это стало причиной значительного уменьшения числа внештатных авторов, ухудшения качества газет, потери аудитории, снижения интереса к газетам как к источникам общественно-значимой информации. Кроме того, в докладной записке указывалось, что отношение читателей, «особенно из коренного алтайского населения» к объединенной газете было отрицательное⁷³². Разъединить редакции удалось лишь в январе 1967 г. после принятия соответствующего постановления Секретариата ЦК КПСС⁷³³.

В Хакасии в начале 1960-х гг. система прессы также подверглась реформированию в рамках проводившейся общесоюзной кампании по перестройке управления сельским хозяйством. В связи с созданием производственных территориальных колхозно-совхозных управлений прежние район-

⁷³⁰ КДА РА.Ф. 1. Оп. 43. Д. 10. Л. 14.

⁷³¹ Из истории нашей газеты // Чуйские зори. 2002. 11 января. С. 3.

⁷³² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 58. Д. 24. Л. 58-59.

⁷³³ КДА РА. Ф. 1. Оп. 4. Д. 350. Л. 71-72.

ные газеты ликвидировались, а вместо них создавались новые издания со статусом межрайонных. В итоге, в Хакасии в 1962 г. были закрыты все 8 районных газет, информационные функции которых были переданы областным изданиям. Отметим, что перед закрытием местная пресса выходила три раза в неделю, а ее разовый тираж составлял 13860 экз.⁷³⁴. Восполнить возникший информационный «вакуум» предполагалось за счет увеличения периодичности «Советской Хакасии» (с 5 до 6 раз в неделю) и организации в райцентрах местного радиовещания силами «одного платного работника» из числа сокращенных сотрудников редакций⁷³⁵.

Неэффективность практики создания межрайонных изданий проявилась достаточно быстро. Увеличившаяся территория охвата, слабость полиграфической базы, кадровые перестановки, в ходе которых многие журналисты уехали или сменили род деятельности, слом устоявшихся связей редакции с ее аудиторией и авторским активом привели к падению оперативности и качества информации, отсутствию интереса читателей к новым печатным СМИ. В. В. Кузнецов, анализируя последствия этой кампании в Алтайском крае, отмечал также, что на местах была подорвана материальная база – потеряны здания и оборудование. На дальнейшее существование местных газет в Западной Сибири также влияли продолжившиеся укрупнения и разукрупнения районов, преобразования колхозов и совхозов и другие реформы на селе⁷³⁶.

В отличие от соседних регионов, в Хакасии не создавались межрайонные издания, поэтому возрождение местной прессы прошло менее болезненно и в относительно короткие сроки. Окончательный возврат к прежнему принципу построения системы районной печати произошел после октябрьского и ноябрьского (1964 г.) пленумов ЦК КПСС, по решению которых был восстановлен территориально-промышленный принцип построения партийных, управленческих и хозяйственных органов в стране.

---

⁷³⁴ Подсчитано нами по: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 110. Л. 12

⁷³⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 110. Л. 7.

⁷³⁶ Кузнецов В. В. Развитие периодической печати Западной Сибири в середине XX в. // Известия Алтайского государственного университета, 2009. № 4-1. С. 132.

Однако период хрущевских реформ отличался не только кардинальной перестройкой сельского хозяйства, системы управления народным хозяйством, но и значительными изменениями в системе СМИ страны, вызванными развитием регионального телевидения. Первые телевизионные эксперименты проводились еще в 1931 г., а электрическое телевидение (прообраз современного) началось с 1938 г. на базе Ленинградского и Московского телецентров⁷³⁷. После перерыва, вызванного Великой Отечественной войной и трудностями восстановительного периода, в стране началось активное строительство региональных телецентров. В развитии телевидения важную роль играл политический фактор, поскольку этот вид СМИ партией рассматривался как средство, способное оказывать неоценимую помощь в идейном, коммунистическом воспитании трудящихся и, прежде всего, молодежи. Конечно, в условиях активного реформирования практически всех сфер жизнедеятельности общества власть испытывала потребность в усилении агитационно-пропагандистского воздействия на граждан и в развитии новых средств реализации государственной информационной политики. Телевидение, обладавшее особой притягательностью благодаря визуализации сообщаемой информации, вызывало большой интерес как техническое новшество, символизировавшее перемены, происходившие в обществе.

Первыми в Сибири в мае-июне 1955 г. начали вещание телестудии в Томске и Омске. В следующем году, на основании распоряжения Министерства культуры СССР такая же студия была создана в Барнауле «для подготовки и проведения телепередач»⁷³⁸. В 1957 г. заработали Красноярская и Бийская телестудии. Это, на наш взгляд, стимулировало интерес к организации телевидения в Хакасской автономной области. Первые телевизионные эксперименты проводились в областном радиокомитете силами энтузиастов. На этой базе было решено создать местную телестудию. В ноябре 1957 г. участники Хакасской областной партийной конференции постановили по-

---

⁷³⁷ Глейзер М. Радио и телевидение в СССР. 1917-1963 (даты и факты). М., 1965. С. 85.

⁷³⁸ КГКУ «ГА АК». Ф. 710. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

строить любительский телецентр «силами общественности». Однако осуществление такого проекта требовало значительных материальных ресурсов. В 1958 г. в автономной области планировалось торжественно отметить 250-летие присоединения Хакасии к России. В связи с этим в адрес ЦК КПСС было направлено обращение о выделении средств на строительство различных объектов соцкультбыта, в том числе и телецентра в г. Абакане. Но, поскольку планы на сооружение таких объектов на ближайшее время были уже утверждены, реализация проекта могла затянуться на несколько лет⁷³⁹. Поэтому было решено построить телестудию своими силами. Руководство Абакана выделило для размещения оборудования заброшенное кирпичное здание площадью 250 кв. м. и деревянное одноэтажное здание для телепередатчиков. В мае 1958 г. началось выполнение основного комплекса работ по обустройству помещений, установке оборудования, изготовленного на Томском заводе передающих устройств, и телевизионной мачты⁷⁴⁰.

Отметим, что финансирование данного проекта осуществлялось за счет средств, выделенных из бюджетов области, городов и районов, расположенных в зоне приема будущего телецентра. Перечисление денег в добровольно-принудительном порядке осуществляли также колхозы и предприятия. Ввиду того, что в области наиболее развитым в промышленном отношении являлся шахтерский город Черногорск, его взнос составил 600 тыс. руб., в то время как другие предприятия выделяли от 5 до 50 тыс. руб.⁷⁴¹. В результате такой мощной финансовой поддержки удалось обеспечить необходимое техническое оснащение телецентра и в короткие сроки организовать выпуск первых самостоятельных передач с 8 февраля 1959 г. Первоначально пред-

---

⁷³⁹ НА РХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2386. Л. 1.

⁷⁴⁰ Обращение Секретаря Хакасского обкома КПСС В. Колпакова на имя зам.председателя Госкомитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР Н. П. Чаплыгину от 18 июня 1959 г. (рукопись); Выписка из протокола № 10 заседания бюро Абаканского горкома КПСС от 14 февраля 1958 г. «О строительстве любительского телецентра в г. Абакане» (рукопись); Обращение Секретаря Хакасского обкома КПСС В. Колпакова и Председателя Хакасского Исполкома облсовета А. Крапивина в краевой комитет КПСС и исполком краевого Совета депутатов трудящихся от 27 февраля 1959 г. (рукопись) // Из личного архива Г. Д. Нагрузова.

⁷⁴¹ Справка о перечислении средств на строительство Абаканского телецентра, 1958 (рукопись); Справка о перечислении денег на строительство телецентра на 28 августа 1958 г. (рукопись) // Из личного архива Г. Д. Нагрузова.

полагалось, что сигнал будет распространяться на 40-60 км, но в редакцию с первых дней вещания стали поступать сообщения о том, что телепрограммы смотрели в населенных пунктах, находившихся более чем в 100 км от Абакана⁷⁴². По предварительным данным передачи Абаканской студии телевидения принимали около 4 тыс. телевизоров⁷⁴³. В обком партии и на телецентр поступали многочисленные запросы из сел и деревень не только Хакасии, но и юга Красноярского края с просьбами об установке ретрансляторов для обеспечения жителей «телесмотрением»⁷⁴⁴.

Отметим, что создание телестудий методом народной стройки в 1950–1960-е гг. было распространенной практикой. Например, телецентры Алтайского края (в Барнауле, Бийске и Рубцовске) также были сооружены «инициативным путем». Благодаря такому способу строительства, к 1963 г. в стране действовали уже 130 телецентров. Бурный рост регионального телевидения в отчетных документах того периода объяснялся, в частности, наличием генерального плана развития данного вида СМИ и тем, что промышленности удалось быстро наладить выпуск типовых комплексов оборудования для телецентров. Но отмечалась также большая помощь и инициатива местных партийных и советских органов при строительстве телестанций⁷⁴⁵.

На наш взгляд, организация местного телевидения была обусловлена, в первую очередь не политическими, а культурными причинами, поскольку новое СМИ позволяло удовлетворять культурные запросы населения. Наличие собственного телевидения, на наш взгляд, являлось и важной составляющей позитивного имиджа территории: реализация столь затратного проекта свидетельствовала о наличии в крае или области развитой экономики, перспективности региона и включенности в общесоюзное информационное и культурное пространства. Это, в свою очередь, могло способствовать притоку в регион новых рабочих и интеллектуальных кадров, необходимых в

⁷⁴² Семенова В., Зыкова А. Абаканский телецентр // Советская Хакасия. 1959. 17 февраля. С. 4.

⁷⁴³ НА РХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2476. Л. 49.

⁷⁴⁴ Обращение Секретаря Хакасского обкома КПСС В. Колпакова и Председателя Хакасского Исполкома облсовета А. Крапивина ... (рукопись) // Из личного архива Г. Д. Нагрузова.

⁷⁴⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 18. Л. 61–63.

условиях активного промышленного и сельскохозяйственного строительства.

Актуальной задачей являлась телефикация Сибири, которая также проводилась за счет местных средств. В 1958 г. Алтайский крайком партии представил в Отдел агитации и пропаганды ЦК КПСС план, который предусматривал строительство в Барнауле типового телецентра, радиорелейных линий и ретрансляторов. Средства планировалось выделить из краевого бюджета, а также использовать доленое участие предприятий и организаций края. Ввод в строй этих сооружений должен был обеспечить телесмотрением все города и сельские населенные пункты края, в которых проживало 2,5 млн. человек. При этом в документе указывалось, что сигналом не будет охвачена лишь «малонаселенная территория» Горного Алтая⁷⁴⁶.

В этой связи научный интерес представляет исследование вопроса о том, почему в этой автономной области не было создано собственное телевидение. Изучение широкого комплекса источников и сопоставление документов, в которых нашла отражение история телевидения различных областей Сибири, позволили сделать вывод о том, что данный проект областными властями не рассматривался по финансовым причинам. Для организации строительства телецентра требовалось привлечение значительных средств. При этом основными «спонсорами» обычно выступали крупные предприятия, которых на тот момент в автономии не было. В этих условиях телевидение в области могло быть создано только за счет целевого финансирования из Москвы. Но, ввиду высокой затратности организации и содержания телецентра, штата творческих и технических сотрудников при малонаселенности территории области и отсутствии крупных предприятий, которые могли бы взять на себя часть расходов, такую просьбу вряд ли удовлетворили бы. Поэтому приобщение населения Горного Алтая к новому СМИ шло за счет ретрансляции передач краевого, а потом и Центрального телевидения.

---

⁷⁴⁶ Там же. Оп. 34. Д. 36. Л. 30-32.

Благодаря установке ретранслятора, присланного из Министерства связи РСФСР, первые передачи обладатели телеприемников увидели 7 ноября 1959 г., а регулярная трансляция телепрограмм началась в 1960 г. К середине 1970-х гг. в Горном Алтае имелось только два ретранслятора. В 1984 г. телевизионная сеть включала 11 мощных и 36 маломощных ретрансляторов, 103 передающие станции системы «Экран» и два ретранслятора с эфирным приемом. В середине 1980-х гг. первую программу Центрального телевидения смотрели 82% населения области, а вторую – только 20%⁷⁴⁷. К 1990 г. было завершено создание приемо-передающей спутниковой системы «Экран»⁷⁴⁸. Увеличение технических возможностей телевизионной сети позволило не только организовать с использованием ресурсов телевидения информационное обеспечение большей части жителей области, но и создать базу для организации местного вещания, которое началось 30 декабря 1991 г.

В Хакасии телефикация осуществлялась более быстрыми темпами благодаря заинтересованности руководителей ряда градообразующих предприятий городов и поселков. С 1965 г. строительство ретрансляторов приобрело массовый характер⁷⁴⁹. В этом же году был запущен в космос первый спутник связи, который позволил ретранслировать программы Центрального телевидения на Сибирь. Для приема этих передач в Абакане в 1967 г. началось строительство спутниковой системы «Орбита». При этом вновь привлекались средства из «нецентрализованных источников», то есть от предприятий и организаций Хакасии и южных районов Красноярского края, заинтересованных в организации устойчивого и качественного приема телепрограмм⁷⁵⁰. Отметим, что список «спонсоров» «Орбиты» дает представление о том, насколько выросло количество предприятий на территории автономии за восемь лет, увеличился территориальный охват аудитории местным телевидением.

⁷⁴⁷ КДА РА. Ф. 1. Оп. 61. Д. 10. Л. 106.

⁷⁴⁸ История компании [Электронный ресурс]: сайт Филиала РТРС «РТЦ Республика Алтай». URL: <http://gorny.rtrn.ru/company/history/> (дата обращения: 7.03.2014).

⁷⁴⁹ Гребенщиков Н. Всех «обнимающие» сети // Хакасия. 2004. 3 февраля. С. 4.

⁷⁵⁰ НА РХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3205. Л. 257-258.

нием⁷⁵¹. Станция «Орбита» была пущена в строй в 1969 г., что позволило жителям Хакасии принимать передачи Центрального телевидения сначала в черно-белом, а через три года и в цветном изображении. Это свидетельствовало о включенности Хакасии в общегосударственное информационное пространство. Запуск новых геостационарных спутников («Экран», «Горизонт») и создание приемных спутниковых станций позволили к концу 1980-х гг. обеспечить двухпрограммным вещанием жителей даже отдаленных населенных пунктов области⁷⁵².

Существенный разрыв в сроках возникновения местного телевидения и масштабах телефикации территорий Хакасии и Горного Алтая обусловили различия в статусе местного радиовещания и его положения в системе региональных СМИ. До конца 1950-х гг. радио двух автономий существовало в схожих условиях. Его развитие сдерживало, в том числе происходившее реформирование Всесоюзного радиокomiteта и его региональных подразделений. В июле 1949 г. ВРК был преобразован в Комитет радиоинформации при Совете Министров СССР, что не привело к значительным переменам в процессе местного вещания и его содержания. Но в марте 1953 г. в ходе массовой реорганизации центральных министерств и ведомств радио было передано в ведение Министерства культуры СССР. Такая реформа должна была содействовать усилению контактов «органов радиовещания с работниками различных областей культуры», содействовать «обогащению программ советского радио, в особенности художественных». Реформа оказалась настолько неудачной, что это признавали исследователи истории радиовещания даже в советский период⁷⁵³. Министерство культуры, на наш взгляд, стало дополнительным звеном в системе контроля за деятельностью радиовещательных организаций. В итоге произошло увеличение количества контролирующих органов, повышение степени бюрократизации творческого процесса. К тому же подчинение Министерству культуры и его

---

⁷⁵¹ Там же. Д. 3206. Л. 361.

⁷⁵² Гребенщиков Н. Указ. соч. С. 4.

⁷⁵³ Гуревич П. С., Ружников В. Н. Советское радиовещание. Страницы истории. М., 1976. С. 217.

подразделениям на местах принизило значимость и авторитет радиовещания, завоеванный, в том числе в военные годы, его эффективность как средства идеологического воздействия. Поэтому в мае 1957 г. было принято решение вернуть Государственный комитет по радиовещанию и телевидению в подчинение Совету Министров СССР.

В 1957 г. прошла серьезная трансформация статусов местных радиокomiteтов. По постановлению Совета Министров РСФСР⁷⁵⁴ Хакасии и Горному Алтаю был присвоен литер «г», а статус их радиокomiteтов понижен до уровня областных редакций радиовещания. В результате такой реформы были существенно сужены полномочия местных радиоорганизаций, по сути их лишили перспектив творческого и технического развития. Но в 1961 г. Совет Министров РСФСР разрешил создавать комитеты по радиовещанию и телевидению в тех областях, где имелось собственное телевидение или шла подготовка к его открытию⁷⁵⁵. Принятие этого документа и утверждение в марте 1961 г. статуса Абаканского телецентра как самостоятельной организации позволило Исполкому облсовета принять решение о создании Хакасского областного комитета по радиовещанию и телевидению. В Горном Алтае, несмотря на то, что вещательная организация не готовила местные телепередачи, ее статус был также повышен, можно сказать, «на вырост». Но при этом заметных изменений в ее структуре, принципах и основных направлениях работы, штатах технических и творческих работников или специализации журналистов не произошло. В то время как в Хакасии организация местного телевидения разрушила монополию аудио-СМИ в эфире и вскоре привела к его подчиненному положению в тандеме телевидение-радио.

Что касается прессы рассматриваемых автономий, то с середины 1960-х гг., как показал анализ источников, она больше не переживала серьезных пертурбаций, что способствовало поступательному творческому развитию

---

⁷⁵⁴ Об организации комитетов и редакций по радиовещанию и телевидению в автономных республиках краях и областях РСФСР: Постановление Совета Министров РСФСР №1299 от 11 дек. 1957 г. // Копия: Центральный государственный архив Республики Тыва. Ф. 264. Оп. 1. Д. 576. Л. 25.

⁷⁵⁵ О структуре комитетов по радиовещанию и телевидению в автономных республиках, краях и областях РСФСР: Постановление Совета Министров РСФСР № 959 от 28 июля 1961 г. // Копия: ЦГА РТ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 810. Л. 4.

местной журналистики. В Горном Алтае система периодической печати была представлена двумя областными и одним вузовским изданием. Восстановление в конце 1970-х гг. двух районных газет привело к некоторому ее расширению. В 1984 г. обсуждался вопрос об открытии еще двух местных изданий – в Усть-Канском и Усть-Коксинском районах⁷⁵⁶. Но, несмотря на имевшуюся у аудитории потребность в таких газетах, создавать их не стали, по нашему мнению, из-за затратности организации редакций и типографий на местах.

Население автономии на протяжении рассматриваемого периода увеличивалось медленно, однако тираж прессы постоянно рос: например, у «Звезды Алтая» в 1984–1990 гг. он поднялся с 22 до 28 тыс. экземпляров. Это было вызвано тем, что областные газеты продолжали играть ведущую роль в снабжении аудитории печатной медиаинформацией. Отсутствие конкуренции с районной и многотиражной прессой позволяло этим изданиям аккумулировать творческие силы автономии и поддерживать стабильное существование. Особое значение в системе прессы имела национальная газета «Алтайдын Чолмоны», поскольку после закрытия районной прессы, в том числе двуязычной, она оказалась единственным изданием, которое предоставляло алтайцам общественно-значимую информацию на родном языке. Отметим, что с 1957 г. в области под эгидой Горно-Алтайской писательской организацией был организован выпуск двуязычного литературно-художественного сборника «В горах Алтая», который позже изменил название на «Эл Алтай» и выходил только на алтайском языке. Но альманах публиковал литературные произведения, поэтому в системе прессы занимал особое место, выполняя больше просветительскую и культууроформирующую, а не агитационно-пропагандистскую и информационную функции.

Изменения, происходившие в советской информационной политике в конце 1980-х гг. – 1991 г. и, в частности, новые возможности для издания негосударственной прессы, гарантированные принятым 12 июня 1990 г. Законом СССР «О печати и других средствах массовой информации», не способ-

---

⁷⁵⁶ КДА РА. Ф. 1. Оп. 58. Д. 15. Л. 93.

ствоvalи возникновению в области частных изданий. Однако в феврале 1990 г. с разрешения обкома КПСС была предпринята попытка выпуска рекламно-информационного вестника «Панорама». По типу данную газету нельзя назвать частной, поскольку она являлась, скорее, рекламным приложением к «Звезде Алтая», созданным по инициативе самой редакции и Алтайского краевого отделения журналистов⁷⁵⁷. К 1990 г. рекламная информация в областной газете занимала почти всю четвертую полосу, что существенно сужало ее возможности полноценно освещать богатую на события жизнь страны и области. Поэтому выпуск рекламного издания, на наш взгляд, должен был стать компромиссом между стремлением редакции зарабатывать деньги на рекламе и удовлетворять информационные потребности аудитории.

В Хакасии система прессы с середины 1960-х гг. расширялась более интенсивно. Прежде всего, это было связано с увеличением числа многотиражных изданий. Они создавались на новых предприятиях, сооружение которых активизировалось в связи с началом строительства Саянского территориально-производственного комплекса. Отправной точкой реализации этого масштабного проекта стало принятие в 1971 г. Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему комплексному развитию в 1971–1980 гг. производительных сил Красноярского края». В основу формирования Саянского ТПК был положен энергетический принцип, что должно было способствовать быстрому развитию, в первую очередь электроэнергетики, машиностроения, энергоемких производств черной и цветной металлургии⁷⁵⁸. Поэтому важнейшим проектом, реализованным в рамках ТПК, стало строительство Саяно-Шушенской ГЭС. Ввод ее в строй способствовал появлению крупных энергоемких предприятий с высокой численностью работников, прежде всего Саянского алюминиевого завода, где в январе 1988 г. была создана собственная многотиражка «Саянский металлург». СаАЗ стал градообразующим предприятием для нового города на территории области –

---

⁷⁵⁷ КДА РА. Ф. 1. Оп. 72. Д. 9. Л. 43.

⁷⁵⁸ Шадрин А. В. Формирование Саянского территориально-производственного комплекса: историко-экономическое исследование (1971-1985 гг.): автореф. дис... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2008. С. 19-20.

Саяногорска, в котором начался выпуск второй городской газеты Хакасии. Первоначально «Огни Саян» имели статус многотиражного издания, поскольку с 1969 г. являлись печатным органом Управления строительства Саяно-Шушенской ГЭС⁷⁵⁹. После ввода электростанции в строй, газета не была ликвидирована, а преобразована в городскую: она расширила свою тематику и аудиторию, увеличила тираж и периодичность.

Возможностью открытия частных изданий, предоставленной по Закону СССР «О печати и других средствах массовой информации», воспользовались преимущественно журналисты. Сотрудник многотиражной газеты Усть-Абаканского гидролизного завода и внештатный корреспондент «Советской Хакасии» В. В. Березицкий в конце 1990 г. выпустил первую частную газету «Абаканский бульвар», целевой аудиторией которой были выбраны «люди дела», то есть первые кооператоры и коммерсанты – члены Абаканского союза предпринимателей. Широкая тематическая и жанровая палитра обеспечили газете на начальном этапе большую популярность и финансовое благополучие⁷⁶⁰. В начале 1991 г. система прессы Хакасии пополнилась газетой общественно-политического клуба избирателей и депутатов «Гражданин» и независимым литературно-публицистическим альманахом «Новь», издателем которого выступила «Ассоциация учреждений культуры профсоюзов Хакаской автономной области», а редактором – писатель М. Нашиванов⁷⁶¹. Возникновение таких разных по своим типологическим характеристикам изданий, на наш взгляд, очень точно обозначило основные направления развития общества в 1990–1991 гг. – предпринимательство, политика и духовность.

Радио и телевидение в Хакасии с 1960-х гг. развивались в условиях творческой конкуренции и сотрудничества. После постройки в г. Абакане Дома радио в 1974 г. редакции и технические службы областного Комитета по телевидению и радиовещанию были объединены под одной крышей, что расширило возможности творческого роста журналистов и обновления тех-

⁷⁵⁹ НА РХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3292. Л. 129.

⁷⁶⁰ Из личной беседы автора с Л. А. Полежаевой, сотрудником газеты «Советская Хакасия» с 1974 по 1992 гг., ветераном журналистики Хакасии, записанной 17 января 2013 г. в г. Абакане.

⁷⁶¹ Там же.

нической базы. Поступление новой техники для записи, вещания, монтажа теле- и радиопередач позволяло улучшать качество их содержания и звучания. Показателем высокого творческого и технического потенциала комитета может служить тот факт, что в конце 1980-х гг. здесь был создан ряд регулярных теле- и радиопрограмм, которые журналисты вели в прямом эфире.

Радио Горного Алтая развивалось медленнее. Во-первых, регулярная техническая модернизация телевещания служила своего рода «локомотивом» для переоснащения и техники радио. Во-вторых, совместная профессиональная деятельность журналистов двух видов СМИ способствовала творческой кооперации. В третьих, популярность у аудитории телевидения отчасти повышала и авторитет радиовещания. В отсутствие этих условий, по нашему мнению, горно-алтайское радио «варилось в собственном соку».

Различия в системах СМИ двух автономий мы видим также в статусе низового радиовещания. В Горном Алтае после закрытия всех районных газет в 1960 г. значимость местного радио повысилась, поскольку оно служило единственным источником информации о жизни района. В райцентрах, крупных селах, рабочих поселках и областном центре были созданы ежедневные радиогазеты, главной задачей которых являлась передача по проводам двадцатиминутного выпуска местных новостей⁷⁶². В 1965 г. все мелкие радиоузлы были ликвидированы, и передачи стали проводиться централизованно из районного центра⁷⁶³. Такая форма вещания просуществовала практически до конца рассматриваемого периода. Оборудование местных студий было примитивное. Например, в 1970-е гг. в Онгудае дикторы читали радиогазету из кабинета бухгалтерии узла связи во время обеденного перерыва, пока сотрудники отсутствовали. И только после постройки нового узла связи для них была оборудована специальная студия⁷⁶⁴.

В Хакасии низовое вещание являлось, скорее, дополнением к районным и городским изданиям. Его создание аргументировалось необходимостью

---

⁷⁶² КДА РА. Ф. 312. Оп. 2. Д. 76. Л. 6.

⁷⁶³ Сабашкина Р. Радио в Горном Алтае // Сельская новь. 2002. 14 августа. С. 4.

⁷⁶⁴ Вахрушева А. Ф. Говорит Онгудай // Ажуда. 2004. 30 апреля. С. 3.

«улучшения культурного обслуживания населения». Но главной причиной, на наш взгляд, являлась потребность в оперативном распространении местной информации. Районная или городская газета, выходящая 2-3 раза в неделю, с такой задачей не справлялась. К тому же значительную часть ее площади занимали перепечатки и официальные документы. Радиогазета продолжительностью 20-30 минут включала только местные новости. Для ее прослушивания не требовались дополнительные усилия, которые обычно тратились на чтение прессы, средства на ее подписку или покупку. Это обуславливало популярность радиогазет и их востребованность у аудитории в качестве источников общественно-значимой информации.

Можно резюмировать, что в 1954–1991 гг. в условиях масштабных реформ, затронувших в первую очередь экономическую сферу, влияние политического фактора на процесс формирования систем СМИ Хакасии и Горного Алтая снизилось, а значение экономического фактора возросло. В решении вопросов, связанных с существованием местной прессы использовался принцип экономической целесообразности, учитывалась перспективность промышленного освоения региона и необходимость усиления агитационно-пропагандистской работы среди населения. Активное освоение целины и промышленное строительство в Хакасии привели к возрождению многотиражных изданий, стимулировали увеличение тиража и формата местных газет. Реформирование местной прессы, прежде всего, кампания по созданию межрайонных газет, практически не затронула областную систему печатных СМИ, которая с середины 1960-х гг. развивалась поступательно, расширялась за счет городского и многотиражных, а в 1990–1991 гг. – и первых частных изданий.

В Горном Алтае, где рост промышленности и населения не были значительными, произошло сокращение системы периодической печати: в целях уменьшения убыточности прессы были закрыты городская, многотиражная и все районные издания, предпринята попытка объединения редакций област-

ных газет. Некоторое расширение системы СМИ произошло в конце 1970-х гг. после восстановления местных изданий в двух из девяти райцентрах.

Исследование показало, что под влиянием экономического фактора также возникли различия в сроках создания местного телевидения. Строительство телецентров и телефикация в Сибири происходили преимущественно за счет местных средств. Поэтому при создании местного телевидения в Хакасии определяющее значение имело наличие в автономии крупных предприятий, выступивших основными «спонсорами» его строительства и оборудования. В Горном Алтае мощная промышленная база отсутствовала, поэтому собственное телевидение было организовано только в декабре 1991 г. В отсутствие конкуренции и поддержки со стороны телевидения, творческий и технический рост местного радиовещания шел медленней, что также влияло на функционирование системы СМИ автономии.

Усиление влияния политического фактора на развитие систем СМИ автономий было обусловлено изменениями в информационной политике, созданием законодательной базы деятельности СМИ. Это стимулировало появление в 1990–1991 гг. частной прессы, которая в Хакасии развивалась активнее.

Однако заметные различия систем СМИ данных территорий, наиболее ярко проявившиеся в 1954–1991 гг., были в первую очередь обусловлены различиями в уровне их экономического развития. Это, в свою очередь, определило отличия в процессе формирования массово-информационных пространств автономий.

4.2. Изменение авторского состава средств массовой информации в условиях реформирования советского общества

Реформы, начатые Н. С. Хрущевым, привели к изменениям содержания государственной информационной политики в сфере СМИ и отношения к тем, кто выступал проводником этой политики в массы, то есть журналистам и рабселькорам. Выдвижение на первый план концепции построения общенародного государства предполагало расширение участия трудящихся в управлении государственными делами. В этой связи изменялись функции рабочих и сельских корреспондентов и повышалась роль журналиста, который выступал как «полномочный представитель партии в массах, облеченный ее доверием»⁷⁶⁵. Творческие сотрудники СМИ из ретрансляторов, механически передававших идеологические установки, распоряжения и прямые приказы власти безликим массам, превращались в посредников между властью и народом. В этих условиях важное значение приобретали профессионально-творческие способности журналистов, которые позволяли бы им устанавливать и поддерживать такой контакт с аудиторией, внушать людям не чувство страха и слепую веру, а доверие к действиям властей, основанное на личной убежденности каждого из членов общества.

Десталинизация советских СМИ привела к тому, что журналист перестал рассматриваться в качестве редакционного «винтика», который можно легко заменить другим работником. Большое значение стало придаваться его личным качествам, неформальному отношению к делу, творческой инициативе. Также повысились требования к их образовательному и интеллектуальному уровню, что было вызвано изменением отношения к аудитории СМИ, усложнением форм, приемов и методов информационно-пропагандистского воздействия на нее. Острая потребность в новых редакционных кадрах проявилась к началу 1950-х гг., когда повсеместно произошло расширение штатов

---

⁷⁶⁵ Средства массовой информации и пропаганды. Советская литература 1986 г.: реферативный сборник. Ч. 1. М., 1987. С. 225.

прессы, обусловленное восстановлением прежнего формата, объема и периодичности газет и дальнейшим увеличением этих показателей. Однако комплектацию редакций творческими сотрудниками затруднял дефицит кадровых ресурсов, вызванный последствиями войны и необходимостью замены многих руководителей, назначенных на свои должности в военный период без учета требуемой квалификации, способностей и опыта.

Анализ документов показал, что среди критических замечаний, которые высказывались в адрес СМИ Хакасии и Горного Алтая областными партийными комитетами, распространенным было обвинение редакций в «засоренности» случайными людьми. Именно они, по мнению органов КПСС, своим безответственным и непрофессиональным отношением к работе, неэтичным поведением в быту снижали авторитет не только газет и радиокомитетов, где трудились, но и профессии журналиста. Под такими работниками чаще всего подразумевались те, кто был принят на работу «с улицы», без опыта газетной работы или сотрудничества со СМИ в статусе внештатного автора, без согласования их кандидатур на партийном уровне и рекомендаций с прежнего рабочего места. Однако обкомам КПСС приходилось мириться с такой ситуацией, поскольку в изменившихся после войны условиях многие традиционные способы решения кадровых вопросов оказались неактуальными.

В распоряжение партийных комитетов периодически выделялись выпускники вузов для работы в редакциях. Так, в 1953 г. в Алтайский крайком были направлены шесть молодых журналистов из Москвы, Ленинграда и Свердловска, в Красноярский крайком – восемь бывших студентов, в том числе из Литературного института им. М. Горького⁷⁶⁶. Но существовавшая на тот момент вузовская система профессиональной подготовки не могла удовлетворить большой спрос на журналистов с высшим образованием. Переброска творческих работников, например, из районных газет в областные не представлялась возможной, поскольку низовая печать испытывала еще более сильный кадровый «голод».

---

⁷⁶⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 606. Л. 72.

Усложнившиеся условия работы в редакциях не позволяли заполнять вакансии за счет подбора политически «проверенных» товарищей, поскольку политическая грамотность не компенсировала отсутствие творческих способностей. Рабочие и сельские корреспонденты, официально именовавшиеся кадровым резервом редакций, не обладали требуемым опытом и представлениями о должностных обязанностях журналистов. И выдвиженцев и рабселькоров было необходимо обучать профессиональным навыкам и готовить к работе в редакции. Раньше эта задача решалась за счет отправки новичков на двух-трех месячные курсы газетных работников. Но такая форма повышения квалификации, распространенная в довоенный период, во многих регионах была свернута, либо не давала требуемого эффекта из-за отсутствия практического обучения. Подготовка новых сотрудников на рабочем месте могла быть эффективной только при условии, что в редакции имелись опытные сотрудники, способные передать свои знания и навыки новичкам. Однако в районных изданиях, штат которых чаще всего состоял из редактора и ответственного секретаря, назначенных без учета имевшегося у них газетного стажа, такая форма обучения была бесперспективной.

В 1955 г. партийные комитеты практически всех краев и областей Сибири и Дальнего Востока обратились в Отдел агитации и пропаганды ЦК КПСС с просьбой оказать помощь в укомплектовании штатов местных газет журналистскими кадрами. Всего требовалось 180 творческих работников, в том числе в Алтайский край – 22 человека. Поскольку имевшиеся на тот момент вузы, где готовили журналистов, не могли удовлетворить эти потребности, было решено распределить в редакции выпускников областных партийных школ из европейской части страны⁷⁶⁷. Но в 1957 г. участники кустовых совещаний газетных работников, прошедших по всей стране в преддверии 40-летия Октябрьской революции, в числе наиболее важных проблем в своей деятельности по-прежнему отмечали «острый недостаток кадров, особенно

---

⁷⁶⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 726. Л. 38.

районного звена»⁷⁶⁸. На наш взгляд, подобные массовые обращения способствовали повышению статуса отделений журналистики, что дало им больше самостоятельности в организации набора, разработке учебных курсов, подготовке собственных кадров преподавателей, проведении научных изысканий по теории, практике и истории СМИ. В 1952 г. на базе отделения был создан факультет журналистики в Московском университете, в 1959 г. – в Свердловском, в 1961 г. – в Ленинградском, в 1967 г. – в Иркутском вузах.

Однако такие факультеты по-прежнему не могли полностью удовлетворить спрос, поскольку имели ограниченный набор и предъявляли особые требования к абитуриентам: каждый из них должен был иметь до поступления стаж работы в редакции, рекомендации от руководителя СМИ и солидную творческую папку с публикациями⁷⁶⁹. От партийных комитетов требовали контролировать отбор абитуриентов, утверждать их кандидатуры на бюро обкомов и представлять краткие характеристики по месту будущей учебы⁷⁷⁰. Так, например, в 1958 г. Красноярский крайком отказал ответсекретарю усть-абаканской газеты «Победа» (Хакасия) В. А. Андрющенко в просьбе о содействии его поступлению на факультет журналистики ВПШ г. Ленинграда. В резолюции на заявлении указывалась причина: «мало работает в газете»⁷⁷¹. Такой отбор, с одной стороны, позволял проводить своеобразный отсев кандидатов без склонности к журналистской работе. Но с другой стороны являлся сдерживающим фактором для тех, кто обладал творческими способностями и желанием, но не имел редакционного стажа или по каким-то причинам не устраивал партийные организации.

Активное промышленное освоение Сибири привело к организации значительного числа многотиражных изданий, увеличению штатов местных газет и радиовещания, развитию регионального телевидения, что усилило спрос на квалифицированные кадры. В 1969 г. Красноярский крайком партии

⁷⁶⁸ Там же. Оп. 34. Д. 17. Л. 138.

⁷⁶⁹ Из личной беседы автора с Л. А. Полежаевой, выпускницей отделения журналистики Иркутского государственного университета, сотрудником газеты «Советская Хакасия» с 1974 по 1992 гг., ветераном журналистики Хакасии, записанной 17 января 2013 г. в г. Абакане.

⁷⁷⁰ НА РХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3240. Л. 2.

⁷⁷¹ КГБУ «ГАКК». Ф. 26. Оп. 31. Д. 379. Л. 102.

сообщал в Отдел агитации и пропаганды ЦК КПСС, что в крае «испытывается большая нужда в журналистах для работы в печати и на радио». В обращении также указывалось, что в Хакасии вакантными являлись должности заместителей редакторов в 5 из 8 районных газет, а также место радиожурналиста в областном комитете по радиовещанию и телевидению⁷⁷².

В аналогичном письме Алтайского крайкома острота кадрового вопроса была описана более эмоционально, с указанием причин сложившейся ситуации, проиллюстрирована целым рядом фактов. В крае шло промышленное строительство, модернизировалось сельское хозяйство, получившее мощный стимул к развитию в период освоения целины. Все это вызывало необходимость создания новых газет, поэтому в 1964–1969 гг. краевая система СМИ пополнилась 33 районными и городскими изданиями. Однако за тот же период на Алтай было направлено лишь четыре выпускника факультетов журналистики. Отсутствие притока свежих сил, прежде всего, молодежи, приводило к «старению» руководителей СМИ (редакторов и их заместителей, ответсекретарей), в числе которых по-прежнему высоким оставался процент людей, не имевших высшего образования.

Главными причинами сложившейся ситуации крайком партии считал: 1) суровые климатические условия и удаленность Алтайского края от центра, что заставляло присланных на укрепление редакций работников стремиться к возвращению в европейскую часть страны; 2) низкая оплата труда местных журналистов, не учитывавшая специфику жизни и работы в Сибири, из-за чего люди, имевшие склонность к профессии, неохотно шли на работу в СМИ; 3) сложные условия труда в редакциях ввиду их слабой обеспеченности автотранспортом и техническими средствами; 4) высокая загруженность редакторов районных и городских газет, которым приходилось также выполнять обязанности директоров типографий⁷⁷³. Учитывая, что на момент подготовки обращения журналистский корпус имевшихся в крае СМИ составлял

---

⁷⁷² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 36. Л. 49.

⁷⁷³ Там же. Л. 20-22.

680 человек, можно утверждать, что описанные проблемы влияли на жизнь и профессиональную деятельность многих людей, в том числе и работавших в редакциях газет и на радио Горного Алтая.

В то же время, центральные партийные органы мер для разрешения хотя бы части вопросов (повышение окладов и увеличение гонорарного фонда, разъединение редакций и типографий) не предпринимали, ссылаясь на существующие нормативы оплаты труда или экономическую нецелесообразность⁷⁷⁴. В итоге работа в СМИ по-прежнему оставалась сложной, нервной и низкооплачиваемой. В этой ситуации основная ответственность за обеспечение творческими кадрами штатов СМИ ложилась на плечи редакторов. От степени их профессионализма, заинтересованности, организаторских способностей, умения создавать необходимые условия для жизни и творчества сотрудников, изобретательности в привлечении новых кадров во многом зависели не только качество содержания СМИ, но и их авторитет, популярность у аудитории, действенность выступлений, но и эффективность взаимодействия между другими элементами массово-информационного пространства. В рассматриваемый период наиболее заметную роль в формировании журналистского корпуса автономий сыграли люди, руководившие областными изданиями на протяжении многих лет: редакторы «Советской Хакасии» И. П. Говорченко (1952–1982 гг.) и «Ленин Чолы» С. К. Добров (1939–1943, 1951–1954, 1960–1974 гг.), руководители «Звезды Алтая» А. Ф. Чепрасов (1955–1975 гг.) и «Алтайдын Чолмоны» С. С. Техтенев (1974–1991 гг.).

Практику формирования кадрового состава редакций можно проследить на примере деятельности И. П. Говорченко. Богатый журналистский опыт, в том числе и руководства другими газетами, а также высшее профессиональное образование позволили ему выработать собственные подходы к решению кадрового вопроса. Анализ содержания его записных книжек и мемуаров⁷⁷⁵, воспоминаний о нем бывших сотрудников областного русскоязычного изда-

---

⁷⁷⁴ Там же. Л. 24.

⁷⁷⁵ НА РХ. Ф. 918.

ния позволил описать эти подходы следующим образом. Главным критерием отбора журналистов И. П. Говорченко считал степень «творческой» претендента. Поэтому редактор активно привлекал к сотрудничеству начинающих и уже известных в Хакасии писателей. Заочно дискутируя на страницах своих записных книжек с руководителями СМИ, отвергавшими роль литературных деятелей в работе газет, И. П. Говорченко утверждал, что «без писателей не обойтись», и нужно стремиться «приблизить их к газете, почаще публиковать их статьи, очерки, рассказы»⁷⁷⁶. Следуя своему кредо, он приглашал в штат, в том числе и ранее репрессированных литераторов – Н. Устиновича, Ш. Булатова, А. Шеметова, а также дочь «врага народа» М. Борису, ставшую впоследствии известной ленинградской поэтессой. С газетой сотрудничали и другие журналисты-писатели – А. И. Чмыхало, Г. Ф. Сысолятин, М. К. Кузькин (Воронецкий) и проч.

Во второй половине 1950-х гг. при редакции был создан поэтический кружок, в газете регулярно публиковались отрывки из новых произведений местных литераторов. В результате удалось пробудить интерес к областному изданию не только интеллигенции, но и той части аудитории, которую привлекала возможность познакомиться с литературными новинками до их официального выхода в виде книг и сборников. Показателем результативности такой политики может служить рост тиражей областного издания, а также тот факт, что за время редакторства И. П. Говорченко 16 корреспондентов газеты стали членами Союза писателей СССР⁷⁷⁷.

При решении кадрового вопроса руководитель СМИ считал первостепенной задачей обеспечение своих сотрудников жильем. Активное жилищное строительство, которое вели в Абакане крупные промышленные предприятия, позволяло редактору, используя личные связи, изыскивать для журналистов, приглашаемых из-за пределов Хакасии, квартиры или места в об-

---

⁷⁷⁶ НА РХ. Ф. 918. Оп. 1. Д. 2. Л. 77.

⁷⁷⁷ НА РХ. Историческая справка к ф. 918. Л. 7.

щежитиях⁷⁷⁸. Благодаря этому в газету в 1950–1960-е гг. приехали молодые выпускники журфаков из Москвы, Ленинграда и Иркутска, профессиональные журналисты из Красноярска, Новосибирска, Иркутска, Кемерово.

Как вспоминают ветераны-журналисты, «Иван Прохорович любил людей, умел блистательно собирать вокруг себя мастеров журналистики. Это умение исходило от доверия к человеку»⁷⁷⁹. Но при отборе на работу в редакцию И. П. Говорченко в первую очередь учитывал наличие у претендента определенной творческой репутации и при принятии решения полагался не на письменные характеристики, а на рекомендации своих коллег – руководителей СМИ, в которых будущий журналист работал или проходил практику, преподавателей факультетов журналистики, где он обучался и проч. Если таких отзывов было недостаточно, претенденту предлагалось поработать в газете на условиях трудового договора без зачисления в штат⁷⁸⁰.

Важным условием закрепления приобретенных кадров редактор считал создание в редакции особого микроклимата, в котором каждый журналист мог чувствовать себя востребованным и талантливым. И. П. Говорченко избегал авторитарного давления на сотрудников, приказного порядка распределения тем и заданий. «В редакции царил дружественная атмосфера, было весело, много шутили, все вместе обсуждали темы, новости, выпускали стенгазеты, писали друг на друга эпиграммы, сотрудникам разрешалось критиковать редактора»⁷⁸¹. В создании такой творческой атмосферы руководитель областного издания руководствовался собственным убеждением в том, что «смех – это острое ума и второе прозрение, друг логики и брат силы, свобода мысли и революционер души, синхрофазотрон социального прогресса»⁷⁸². Данную позицию поддерживали и сотрудники «Советской Хакасии», поэтому на страницах газеты регулярно появлялись сатирические рубрики, карика-

⁷⁷⁸ Из личной беседы автора с Л. А. Полежаевой, сотрудником газеты «Советская Хакасия» с 1974 по 1992 гг., ветераном журналистики Хакасии, записанной 17 января 2013 г. в г. Абакане.

⁷⁷⁹ Чертыкова М. «Да что там Чойбалсан... Он еще батьку Махно видел» // Абакан. 2003. 30 апреля. С. 3.

⁷⁸⁰ Из личной беседы автора с Л. А. Полежаевой, сотрудником газеты «Советская Хакасия» с 1974 по 1992 гг., ветераном журналистики Хакасии, записанной 17 января 2013 г. в г. Абакане.

⁷⁸¹ НА РХ, историческая справка к ф. 918. Л. 6.

⁷⁸² Чертыкова М. Указ. соч.

туры и фельетоны, пользовавшиеся популярностью у читателей и привлекавшие к сотрудничеству с газетой новых внештатных авторов.

Описанные выше подходы к решению кадрового вопроса в той или иной мере использовали все редакторы СМИ. При подборе сотрудников и создании внутриредакционного микроклимата важную роль играла личность самого руководителя. Показательным примером этого может служить С. К. Добров. По свидетельству современников, он обладал «не то чтобы манерами интеллигента, но какого-то хакасского аристократа, имел одухотворенное лицо, модно и со вкусом одевался, без акцента говорил по-русски и мог поддерживать разговор на всевозможные интеллектуальные темы»⁷⁸³. Благодаря ему национальная газета «Ленин чолы» сформировала и сохранила свое уникальное «лицо», стала явлением национальной культуры, пропагандируя не только художественные произведения, но и литературный язык. Она также приобрела у аудитории репутацию «писательского» издания, поскольку в нем в разные периоды работали практически все местные литераторы.

С. К. Добров являлся примером универсального журналиста: свободно говорил и писал на двух языках, публиковался в областной и краевой прессе, вел телеклуб «Тарина» и писал сценарии для национальной редакции местного телевидения, занимался исследовательской и общественной деятельностью⁷⁸⁴. В ряде своих публичных выступлений он анализировал причины, косвенно влиявшие на трудности формирования журналистского коллектива национального издания: недостаточное знание хакасами русского языка из-за плохого качества преподавания данного предмета в национальных школах; камерность в работе лингвистов ХакНИИЯЛИ, которые вели разработку орфографии и терминологии хакасского литературного языка без консультаций с общественностью; наличие у коренного этноса автономии нескольких наречий, что затрудняло профессиональную подготовку журналистов – представителей различных этнических групп⁷⁸⁵.

---

⁷⁸³ Сысолятин Г. Ф. Сочинения в 2-х томах. Том. II. Абакан, 2001. С. 121.

⁷⁸⁴ НА РХ. Ф. 658. Д. 5, 12, 13.

⁷⁸⁵ Там же. Д. 33. Л. 1-9.

На проведение кадровой политики значительное влияние оказывала специфика условий, в которых существовали местные средства массовой информации. Так, например, в Горном Алтае возможности привлечения журналистов из-за пределов области были ограничены, в том числе из-за трудностей с решением жилищного вопроса. Ликвидация в 1960 г. районной и городской прессы привела к тому, что сокращенные сотрудники, за неимением возможности трудоустроиться по специальности в районе или области, были вынуждены менять квалификацию или уезжать за пределы автономии. Например, бывший ответсекретарь издания «Знамя Ленина» (Усть-Коксинский аймак) Н. А. Брыляков продолжил свою журналистскую карьеру в Москве, сотрудничая с центральными газетами и журналом «Пионер»⁷⁸⁶.

Низовая печать всегда была своеобразной кузницей кадров журналистов и рабселькоров для областных изданий. Те, кто начинал сотрудничать с местной прессой или работать в ней, при наличии постоянного творческого роста и настойчивости имели возможность перейти на следующую ступень карьерной лестницы. Закрытие газет в районах привело к ликвидации этого начального звена профессиональной подготовки, что заставило редакции областных изданий Горного Алтая изыскивать другие источники пополнения кадров. Данное событие также усложнило процесс становления начинающих писателей и поэтов, вынуждая их адресовать свои не всегда совершенные произведения в областные издания, где, в сравнении с районными, требования к подобным творениям были значительно выше, как и конкуренция с другими авторами, в том числе литераторами-журналистами.

В газетах и на радио Горного Алтая работали многие творческие личности автономии. Особенностью местных СМИ можно назвать то, что некоторые редакции возглавляли профессиональные писатели и поэты, совмещавшие литературную деятельность с журналистской. Так, «Алтайдын Чолмоны» несколько лет руководил известный писатель И. Шодоев, приложивший немало усилий для разъединения редакций областных газет, сохранения са-

---

⁷⁸⁶ Бухтуева Л. В. «Знамя Ленина» // Уймонские вести. 2000. 1 сентября. С. 4.

мостоятельности и самобытности национального издания. В 1991 г. редакцию возглавил писатель, будущий общественный и государственный деятель И. И. Белеков, работавший в национальной газете с конца 1970-х гг. Ему удалось в сложный для советских СМИ период сохранить читательский интерес к «Алтайдын Чолмоны» за счет публикации исторических, этнографических, духовно-философских материалов, а также выпуска приложения на русском языке «Братство Алтая»⁷⁸⁷. В 1982–1985 гг. председателем Горно-Алтайского комитета по телевидению и радиовещанию был Б. Я. Бедюров – известный поэт, переводчик, общественный деятель, журналист⁷⁸⁸.

Отметим, что склонность творческих сотрудников СМИ автономий к литературной деятельности была характерной для рассматриваемого периода особенностью газет и других территорий. Отчасти это было связано с тем, что редакции сами привлекали местных писателей и поэтов в качестве внештатных и штатных сотрудников. Это позволяло повышать качество публикаций, расширять возможности использования сложных – аналитических и публицистических жанров, с которыми легче было справляться человеку, имевшему практический опыт литературной деятельности, более высокий уровень грамотности и художественный слог. Кроме того, сотрудничество с профессиональными литераторами повышало авторитет издания в глазах аудитории, позволяло задействовать возможности литературных произведений для пропаганды газеты. Также заинтересованность в сотрудничестве со СМИ имела и со стороны самих писателей, поскольку работа в газете или на радио позволяла не только продвигать свои произведения и собирать во время командировок материал для будущих романов и поэм, но и зарабатывать средства к существованию. Третьей причиной можно назвать стремление писателей находиться в своей «среде», то есть в атмосфере, располагавшей к творчеству, обмену идеями, мыслями, проектами, без которой не могут жить творческие личности.

---

⁷⁸⁷ Календарь юбилейных и памятных дат Республики Алтай. 2013 год. Горно-Алтайск, 2012. С. 38.

⁷⁸⁸ Календарь юбилейных и памятных дат по Республике Алтай, 2007 год. Горно-Алтайск, 2006. С. 53.

Особый редакционный микроклимат и пример коллег способствовали тому, что многие журналисты начинали заниматься литературным творчеством. Оно, по нашему мнению, помогало отвлечься от редакционной текучки, проявить себя как творческой личности, но также выразить те мысли и чувства, которые не могли найти отражение в материалах СМИ в силу специфики журналистских жанров или цензурных ограничений. Не вступая в дискуссию о степени творческой свободы журналистов Хакасии и Горного Алтая советского периода, все же заметим, что их обращение преимущественно к лирической поэзии и исторической прозе было не случайным. Первый вид произведений позволял авторам эмоционально выражать свои представления о действительности и использовать для этого широкий набор поэтических приемов. Исторические романы и очерки давали возможность переосмысливать события прошлого с позиций настоящего, пытаться найти первопричины тех современных событий и явлений, которые интересовали, вызывали протест или вопросы у авторов.

Характерной особенностью журналистов рассматриваемого периода можно назвать их универсальность, то есть способность работать в различных СМИ. Многие сотрудники газет делали материалы для радио и телевидения, радиожурналисты нередко готовили статьи для прессы. Причиной этого отчасти служил финансовый стимул, поскольку гонорары являлись хорошей добавкой к невысокой зарплате, получаемой по основному месту работы. В отсутствие коммерческой или политической конкуренции между местными СМИ информационное взаимодействие редакций не рассматривалось как нарушение корпоративной этики, а наоборот – содействовало формированию ощущения так называемой «цеховой принадлежности», то есть включенности в журналистское сообщество.

Одной из главных причин заинтересованности самих редакций в приглашении к сотрудничеству работников других СМИ являлась возможность получения профессионально подготовленных материалов от людей, которые считались внештатными авторами. Таким образом, средства массовой ин-

формации формально соблюдали требования своих учредителей о привлечении рабселькоров, но в то же время, обеспечивали уровень качества содержания, необходимый для поддержания интереса аудитории. Можно также выявить закономерности такого межредакционного взаимодействия. Так, например, журналисты районных, городских, многотиражных изданий и радиокомитетов чаще всего сотрудничали с областной прессой, тогда как творческие работники областных газет регулярно готовили очерки, корреспонденции и статьи для краевой печати, местного радиовещания и телевидения. Отметим, что в 1950–1970-е гг. технология подготовки радио- и телепередач позволяла использовать текстовые материалы, написанные в соответствии с канонами газетных жанров. На радио такие статьи, очерки или репортажи зачитывались диктором. От их мастерства и умения «освоить» текст во многом зависело качество радиопередачи и проявление интереса к ней аудитории. Дикторское чтение в эфире было основной формой представления медиainформации, что обуславливалось несколькими причинами.

Первой причиной можно считать то, что существовавшая на тот период техника записи не позволяла создавать радиорепортажи и сюжеты, в которых журналист мог бы присутствовать как полноценный участник события или взаимодействия с респондентами. Первые «портативные» магнитофоны представляли собой громоздкий и тяжелый стационарный аппарат с электродвижкой, для обеспечения работы которого требовалось несколько человек, выступавших, в том числе и в роли грузчиков. Ветеран радио Хакасии Л. Инкижеков так описывал процесс внестудийной записи: «На месте назначения шофер выгружал движок, на несколько метров отгонял машину и заводил его. Звукооператор настраивал аппаратуру, и мы начинали свою работу»⁷⁸⁹.

Второй причиной являлось отсутствие у многих радиожурналистов четкой дикции и навыков выступления в эфире. Поэтому читать тексты передач поручалось дикторам, обладавшим красивым голосом, правильным произношением и специальной подготовкой. Они считались техническими работ-

---

⁷⁸⁹ Инкижеков Л. Мой путь в журналистику // Хакасия. 2009. 11 февраля. С. 4.

никами радио, основной задачей которых была точная передача содержания материалов – без каких бы то ни было отступлений и комментариев.

Однако главной причиной отсутствия авторов в эфире, на наш взгляд, являлась политически обусловленная необходимость воспрепятствовать формированию популярности и авторитета журналистов, как лидеров общественного мнения. Одним из аргументов в пользу такого утверждения может служить тот факт, что в период перестройки, когда появилась возможность создания авторских передач, в том числе и в прямом эфире, именно радио- и тележурналисты стали авторитетными выразителями общественных настроений, избирались депутатами, входили в состав политических организаций.

На телевидении также широко использовалось дикторское чтение, иллюстрирование сообщаемой информации фотографиями или небольшими фрагментами кинохроники. Сценарий программы, для реализации которой требовалась студия и киносъемка, утверждался за месяц до эфира⁷⁹⁰. Для более оперативных передач в районы, на предприятия или стройки командировался редактор (руководитель редакции) и фотограф (или оператор) телевидения. Журналист собирал материал, общался с людьми, знакомился с производством, брал интервью у передовиков, руководил съемками, но главное – старался установить прочный психологический контакт с людьми, которых в дальнейшем мог использовать в качестве источников информации⁷⁹¹.

Анализ тематических планов телерадиокомитета Хакасии и воспоминаний ветеранов показал, что на начальном этапе существования местного телевидения все передачи велись в прямом эфире. Это создавало много технических трудностей, но при этом давало больше творческой свободы в выборе жанров, форм и способов подачи информации, меньше ограничений на присутствие творческих сотрудников в эфире. Так, например, популярные у телезрителей детские передачи «вживую» вели первые тележурналисты В. Полякова и Т. Замашникова, недельное обозрение местных событий – сотрудни-

---

⁷⁹⁰ Там же.

⁷⁹¹ См., напр.: Егоров К. И. Люди моего времени: рассказы, очерки. Абакан, 2004. С. 124–129.

ки «Советской Хакасии» Ш. Булатов и Р. Коняшкин, обзор международных событий – инструктор обкома партии М. Костин⁷⁹². В прямом эфире выходили и передачи молодежной редакции. Так, например, в 1969 г. студентка-заочница факультета журналистики Казахского университета Т. С. Ежова использовала новую для местного телевидения форму передач, которую сейчас называют ток-шоу. Для обсуждения проблем трудных подростков она собрала в телестудии представителей молодежи и специалистов. В развернувшейся дискуссии приняли участие и телезрители, которые могли по телефону задавать вопросы и высказывать свое мнение по злободневному вопросу⁷⁹³.

Отметим также интересную закономерность: технические сотрудники телестудии были преимущественно людьми молодыми, получившими специальное образование в вузах, тогда как основу творческого «костяка» составляли представители старшего поколения, пришедшие на телевидение из редакций периодических изданий⁷⁹⁴. Следствием этого, в частности, было сохранение в творческих коллективах некоторых газетных традиций. Например, на телестудии регулярно выходила своя стенгазета, а на радио стенная печать издавалась на двух языках⁷⁹⁵. Сохранившиеся связи бывших коллег из различных СМИ позволяли поддерживать контакты между журналистами области и, таким образом, расширять их взаимодействие, усиливать их влияние на аудиторию, в условиях творческой конкуренции работать над повышением качества медиаинформации.

Сотрудничество творческих работников газет и радио с телевидением отчасти было обусловлено их стремлением попробовать себя в новом амплуа, приобрести дополнительный профессиональный опыт. Важной причиной также служила нехватка квалифицированных кадров в редакциях нового СМИ. Профессиональная переподготовка работающих сотрудников телевидения началась с 1971 г., когда был создан Всесоюзный институт повышения

---

⁷⁹² Потапова Т. Круто ты попал на TV! // Хакасия. 2004. 29 января. С. 4.

⁷⁹³ НА РХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3412. Л. 19.

⁷⁹⁴ Из личной беседы с Ежовой Т. С., 1948 г. р., журналистом Хакасского областного комитета по телевидению и радиовещанию с 1966 по 1997 гг., записанной 18.03.2014 г. в г. Абакане.

⁷⁹⁵ НА РХ. Ф. 735. Оп. 1. Д. 1. Л. 16, 35.

квалификации работников телевидения и радиовещания. Но вплоть до конца рассматриваемого периода потребность в радио- и тележурналистах оставалась высокой. Так, в 1980 г. Председатель Гостелерадио СССР С. Г. Лапин в своей записке «О мерах по дальнейшему совершенствованию подготовки и переподготовки кадров телевидения и радиовещания», адресованной в Отдел агитации и пропаганды ЦК КПСС, предлагал создать в системе его организации Всесоюзный институт в составе двух факультетов. По мнению автора документа, новый вуз смог бы в 1981–1990 гг. обеспечить потребность в специалистах для аудиовизуальных СМИ, составлявшую, по предварительным подсчетам, более четырех тысяч человек⁷⁹⁶.

Формирование новых специализаций творческих работников СМИ, изменение состава журналистского корпуса, рост образовательного и культурного уровня его представителей влияли на взаимоотношения СМИ и цензурных органов. Анализ отчетов Красноярского и Алтайского, Хакасского и Горно-Алтайского ЛИТО показал, что в рассматриваемый период происходило последовательное повышение уровня образования сотрудников данных организаций. Их штаты пополнялись специалистами различного профиля, в том числе и журналистами. Цензоров заставляли не только учиться, но и расширять свой кругозор: посещать театры, читать художественную литературу. Поэтому в ряде случаев опытные сотрудники ЛИТО выступали в качестве литературных критиков, выполняли функции корректоров, исправляя фактические ошибки, например, неправильно указанные фамилии и инициалы, даты, названия населенных пунктов или колхозов и т. д. В каждом ЛИТО существовала собственная справочная база, включавшая библиотеку, картотеки и подшивки газет. Поэтому нередкими были случаи, когда сами журналисты обращались в эту организацию для получения справки или уточнения по вопросам, не связанным с системой запретов. Цензоры проводили учебу с сотрудниками СМИ, знакомя их с изменениями в перечне сведений, запрещенных к печати, что позволяло уменьшать количество вычерков. Это, на

---

⁷⁹⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 77. Д. 145. Л. 39–40.

наш взгляд, способствовало воспитанию у каждого журналиста самоцензуры, сдерживавшей его развитие как творческой личности.

Создание местного телевидения существенно усложнило задачи цензоров, поскольку помимо текстов им пришлось контролировать также фото- и киноматериалы, транслируемые в эфире. Так, например, в 1961 г. проверка выявила, что операторы Красноярской студии телевидения снимали в Хакасии секретные промышленные объекты⁷⁹⁷. Но наиболее частым нарушением являлось то, что ведущие телепередач и выступавшие в прямом эфире говорили не тот текст, который был завизирован цензором. Отмечая подобные факты в своем годовом отчете за 1967 г., Алтайское краевое управление по охране государственных тайн в печати предлагало разрешить студиям телевидения, прежде всего сельскохозяйственным и общественно-политическим редакциям, предоставлять на предварительный контроль только тезисы некоторых выступлений, сделав основной упор на последующий контроль⁷⁹⁸.

Анализ отчетов местных органов ЛИТО не позволил выявить факты намеренного нарушения творческими сотрудниками СМИ цензурных запретов. После принятия в 1969 г. Секретариатом ЦК КПСС секретного постановления «О повышении ответственности руководителей органов печати, радио, телевидения, кинематографии, учреждений культуры и искусства за идейно-политический уровень публикуемых материалов и репертуара» ответственность за соблюдение цензурных ограничений, а также «идейную направленность выпускаемых произведений» была возложена на руководителей СМИ⁷⁹⁹. Поэтому взаимодействие СМИ и ЛИТО в 1970–1980-е гг. носило, скорее, технический характер, поскольку основная идеологическая правка материалов осуществлялась на уровне внутриредакционного контроля.

Для СССР, как информационно закрытого общества, цензура, на наш взгляд, играла роль идеологического фильтра, сдерживавшего поток информации, поступающей по официальным каналам, и не допускавшего ознаком-

---

⁷⁹⁷ ГА РФ. Ф. 9425. Оп. 1. Д. 1100. Л. 77.

⁷⁹⁸ Там же. Д. 1272. Л. 7, 18.

⁷⁹⁹ Горяева Т. М. Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг. 2-е изд., испр. М., 2009. С. 347.

ления аудитории со сведениями, способными вызвать сомнения в истинности транслируемых партией идей и ценностей. Согласимся с Т. М. Горяевой, что подлинной и основной функцией Главлита являлась не защита государственной и военной тайн, а реализация идеологических решений ЦК КПСС⁸⁰⁰. Но такая «информационная замкнутость» являлась одновременно стабилизирующим и дестабилизирующим факторами. Развивая данную мысль Ж. А. Рожнёвой⁸⁰¹, отметим, что ограничение свободного обращения социальной информации облегчало тотальный политический контроль над обществом. Но когда в период гласности появилась возможность сравнения советской системы массово-информационного обмена с аналогичными и более открытыми системами других государств, это привело к краху советской информационной политики и разрушению системы цензуры.

В 1990 г. после принятия Закона СССР «О печати и других средствах массовой информации», Главлит был упразднен, но на его базе создано Главное управление по охране государственных тайн в печати и других средствах массовой информации при Совете министров СССР, которое попыталось восстановить функции и полномочия своего предшественника. Однако система обязательного цензурирования СМИ уже подверглась основательному разрушению, в том числе и в провинции. Наиболее заметным это явление стало на телевидении, где передачи все чаще выходили «вживую». В Хакасии эксперименты по вещанию в прямом эфире начались в 1983 г. Первоначально информационную программу «Пульс» читали дикторы, но через полгода выпуски стали вести журналисты. Полученный опыт оказался востребованным в 1989 г., когда на местном телевидении появились 45-минутные информационно-аналитические передачи «Добрый вечер» и «Пять вечеров». В них значительная часть эфирного времени отводилась «обратной связи» – звонкам телезрителей, что позволяло расширить возможности этого СМИ осуществлять взаимодействие с аудиторией. Журналист Л. Лебедева вспоми-

---

⁸⁰⁰ Там же, с. 349.

⁸⁰¹ Рожнёва Ж. А. Указ. соч. С. 50.

нала, что «тем было в избытке», но «цензуры практически не было»⁸⁰². Мы считаем, что речь в первую очередь шла о внутриредакционной цензуре, поскольку официально тексты радио- и телепередач, газетные выпуски перестали представлять на подпись в ЛИТО только в 1990 г.

Ослабление идеолого-политического контроля привело к появлению авторских программ, в которых журналист обладал большей свободой в выборе тем, фактов и собеседников, в представлении аудитории своего собственного мнения, комментариях происходивших событий, имел возможность раскрыть свой публицистический талант и способности воздействовать на слушателей/зрителей и их представления о действительности. Именно такие передачи, на наш взгляд, содействовали росту авторитета творческих сотрудников аудиовизуальных СМИ, способных выражать и формировать общественное мнение, представлять и защищать интересы граждан. Реализация данных функций без партийного диктата способствовала изменению отношения аудитории и к журналистам, и к СМИ, усилению и углублению взаимодействия между этими элементами массово-информационного пространства.

Анализ широкой источниковой базы показал, что во время перестройки трансформации подверглись также и взаимоотношения СМИ и власти, представленной партийными органами. На протяжении рассматриваемого периода отношение главных учредителей к своим печатным органам в Хакасии и Горном Алтае во многом определяло характер, интенсивность и векторы взаимодействия журналистов с аудиторией и внештатными авторами, их отношение к процессу создания публикаций. Партийное руководство газетами, радиовещанием и телевидением в контексте реализации государственной информационной политики проводилось в первую очередь на уровне издания регламентирующих документов, в которых обозначались основные направления работы СМИ, актуальные темы и ракурсы их рассмотрения. Контроль за содержанием СМИ осуществлялся в ходе выборочного мониторинга, а

---

⁸⁰² Телевидение Хакасии. 45 лет в эфире // Территория выбора: спецвыпуск. 2004. С. 12.

также анализа планов и отчетов, которые редакции были обязаны регулярно предоставлять на утверждение обкомов (райкомов, горкомов) партии.

Анализ постановлений, справок и обзоров деятельности СМИ позволил сделать вывод о существовании особой технологии партийного руководства СМИ в контексте реализации государственной информационной политики. Определяющее значение в ней имели постановления ЦК КПСС, решения пленумов и съездов партии, в которых содержались политические установки по деятельности средств массовой информации и журналистов. Такие документы, взятые за основу, дублировались на уровне обкомов партии, но содержали критику в адрес местных СМИ. Приводимые примеры или цитаты из материалов, часто вырванные из контекста, должны были подтверждать наличие серьезных недостатков в работе редакций. Через несколько месяцев руководство СМИ, подвергнувшись критике, представляло отчет о выполнении рекомендаций обкома партии и исправлении выявленных негативных явлений. После этого постановление снималось с контроля обкома, и работа редакции не рассматривалась до следующего циркуляра ЦК КПСС.

Однако сравнительный анализ таких документов, принятых областными комитетами партии Хакасии и Горного Алтая, сопоставление их текстов за разные годы позволили резюмировать, что критика далеко не всегда отражала действительное положение дел в редакциях. Повторяемость замечаний, стандартность набора обвинений и недостатков, формулировок рекомендаций свидетельствуют о том, что суть претензий к печатным органам менялась незначительно. Многие выявленные недостатки носили системный характер и не могли быть исправлены в силу, например, технологических особенностей работы СМИ. Нередко требования носили взаимоисключающий характер, когда, например, от редакций требовали активно привлекать к участию в создании материалов рабочих и колхозников, но в то же время, повышать качество содержания, разнообразить жанровую палитру и проч.

Неправомерным, на наш взгляд, было традиционное для партийных документов требование глубоко вникать и анализировать экономическое поло-

жение, выявлять причины отставания промышленных и сельхозпредприятий. Таким образом, на журналистов пытались переложить функции экономистов и специалистов в других областях народного хозяйства, в чьи обязанности входил подобный анализ. При этом партийные комитеты оставляли за собой право критиковать результаты журналистского исследования, если приводимые факты и выводы авторов не устроят местное руководство.

Также распространенными были рекомендации активнее работать с жалобами трудящихся, оперативно реагировать на них, добиваться действенности своих выступлений, критиковать недостатки. Журналистов нередко обвиняли в том, что в их критических материалах «нет свежего взгляда, взволнованности, решительного отказа от шаблона и стандарта». При этом советовали больше внимания обращать на письма граждан по проблемам автотранспорта, благоустройства, бытового обслуживания⁸⁰³. Однако в ситуациях, когда корреспонденты пытались поднимать действительно серьезные темы, затрагивавшие интересы руководителей среднего и высшего (областного) звена, для предотвращения такой критики использовалось административное давление. Так, например, журналист Абаканского телевидения В. Урезков в 1960-е гг. пять раз пытался организовать выпуск критического журнала «Нам сверху видно все». Но каждый раз почти все подготовленные «обличающие» сюжеты снимали с эфира после звонков, поступавших руководителю телерадиокомитета из обкома⁸⁰⁴. В 1981 г. после закрытого письма ЦК КПСС «Об усилении борьбы с хищениями социалистической собственности, взяточничеством и спекуляцией» журналисты активизировали подготовку материалов и передач «про воровство, завышение процента плана, хищение оружия». Но руководство областного и районных отделов МВД оказывало давление на авторов, «убеждая» их, что такие материалы «не нужно давать»⁸⁰⁵. Не менее серьезное воздействие оказывалось и со стороны пар-

---

⁸⁰³ См., напр.: КДА РА. Ф. 1. Оп. 67. Д. 7. Л. 105-107.

⁸⁰⁴ Потапова Т. Круто ты попал на ТВ! // Хакасия. 2004. 29 января. С. 5.

⁸⁰⁵ НА РХ. Ф. 735. Оп. 1. Д. 7. Л. 35.

тийных органов, часто обвинявших СМИ в «публикации критических статей, которые носят тенденциозный, необоснованный характер»⁸⁰⁶.

Отношение учредителей СМИ к журналистам строилось исходя из того, что творческий сотрудник редакции никогда не должен действовать «от себя»: «он всегда выразитель партийного отношения к делу, и все личное, все богатство и всю силу своей души он ставит на службу делу партии»⁸⁰⁷. Следовательно, журналисты рассматривались, прежде всего, как участники политической пропаганды, в которой им отводилась роль ретрансляторов партийных установок и ценностей. От них в первую очередь требовали творчески подходить к укреплению положения политической власти, отражая те факты действительности, которые подтверждали правоту идеологических установок. Поэтому критике могли подвергаться лишь отдельные недостойные члены общества (хулиганы, пьяницы) и некоторые недостатки, описание которых не должно было влиять на сформированный позитивный образ повседневной социалистической действительности.

Партийно-административная цензура также определяла список местных тем, освещение которых не приветствовалось. Среди них была тема экологии – актуальная и для Хакасии, испытывавшей последствия промышленной гигантомании, и для Горного Алтая, где планировалось строительство Катунской ГЭС. Вместе с тем, СМИ настоятельно рекомендовалось пропагандировать передовой опыт за счет привлечения в авторский актив передовиков производства, знатных чабанов, доярок, строителей, комбайнеров и представителей других рабочих профессий, добившихся трудовых успехов. На наш взгляд, организация таких выступлений должна была также способствовать пропаганде формальных лидеров общественного мнения, с помощью которых проводилось идейно-политическое и трудовое воспитание аудитории.

Одним из главных в перечнях рекомендаций органов КПСС, адресованных сотрудникам СМИ, являлось требование усилить внимание к работе пар-

---

⁸⁰⁶ КДА РА. Ф. 1. Оп. 64. Д. 12. Л. 93.

⁸⁰⁷ Средства массовой информации и пропаганды... С. 225.

тийных организаций, активно пропагандировать их опыт, предоставлять возможности для выступлений партийным руководителям всех рангов. Буквальное выполнение таких «пожеланий» приводило к созданию публикаций, в которых деятельности партийных органов искусственно придавался статус общественной важности. Так, например, в 1984 г. на Абаканской телестудии был создан цикл передач «Пять дней в райкоме (горкоме)», целью которой был показ стиля и методов работы органов партии по выполнению решений XXVI съезда КПСС. Менее чем за год в эфир вышло 55 передач с участием коммунистов и партийных функционеров⁸⁰⁸. Реализация подобных проектов, на наш взгляд, приводила к засилью материалов партийной тематики на страницах газет, в теле- и радиоэфире, снижало интерес аудитории к СМИ и доверие к журналистам, как выразителям общественного мнения, к их способности воспринимать и адекватно отображать реалии жизни.

Схематизм, однообразие и дублирование информации приводило, по выражению В. Н. Казьмина, к «идеологическому перекорму» населения и провоцировало повышение интереса к альтернативным источникам⁸⁰⁹. Влияние неофициальной информации, в том числе из зарубежных источников, пытались нивелировать за счет усиления пропаганды в СМИ советского образа жизни и преимуществ социализма, воспитания коммунистической убежденности, а также патриотизма, под которым понималась преданность политическим идеям КПСС. Однако, как показывает сравнение документов, принятых партийными организациями после июньского (1983 г.) пленума КПСС, и содержания газет, усиление такой пропаганды и воспитания в СМИ носило формальный характер и выражалось в публикации традиционных статей, изобиловавших общими фразами, лозунгами, цитатами из партийных документов и речей руководителей страны.

С началом перестройки, развертыванием политики гласности и открытости в рассматриваемых автономиях пытались усилить контроль за деятельно-

---

⁸⁰⁸ НА РХ. Ф. 735. Оп. 1. Д. 9. Л. 11.

⁸⁰⁹ Казьмин В. Н. Идеино-политическая ситуация в России в 1971-1991 гг. (Центр и регионы Западной Сибири): автореф. дис... д-ра ист. наук. Кемерово, 2010. С. 32.

стью журналистов, организуя их проверку на благонадежность. Так, например, в Горном Алтае в январе 1987 г. традиционную профессиональную аттестацию, которую журналисты проходили один раз в пять лет в своих редакциях, вынесли на уровень обкома КПСС, мотивировав это необходимостью «оценки степени идейно-политической и профессиональной подготовленности, моральных качеств работников газет и радио», более полного раскрытия творческого потенциала их сотрудников. За общими фразами «Положения о порядке проведения аттестации»⁸¹⁰ четко просматривалось желание учредителя не только оценить деловые, профессиональные и моральные качества каждого журналиста, но и определить степень его политической лояльности, способность подчиняться указаниям и установкам, а также найти повод для увольнения неугодных работников.

Ослабление партийного и цензурного контроля в СМИ Хакасии и Горного Алтая стало заметным с середины 1989 г. в связи с активизацией общественно-политических движений в стране и автономиях. Это расширило возможности журналистов, в том числе в оценках деятельности партийных органов и их представителей. Несмотря на то, что критика в адрес КПСС не содержала прямых обвинений, по косвенным деталям читатель мог составить представление о положении в партии, о готовности ее членов вести дискуссию по самым злободневным вопросам. Так, корреспондент Т. Шаповалова, рассказывая о дискуссии по межнациональным отношениям в стране и Хакасии, состоявшейся в областном университете марксизма-ленинизма, приводила высказывания тех, кто обучался на отделении по повышению пропагандистского мастерства: «национальный вопрос простых людей не занимает», «вопрос национальных отношений вынесли ученые, а пастуху это не надо». Такое примитивное и обывательское понимание проблемы было характерно, как отмечала автор, для многих выступавших из зала⁸¹¹. Подобные примеры свидетельствовали о непонимании значительной частью партийных функ-

---

⁸¹⁰ КДА РА. Ф. 1. Оп. 67. Д. 7. Л. 64–67.

⁸¹¹ Шаповалова Т. Обретение позиции // Советская Хакасия. 1989. 26 ноября. С. 3.

ционеро́в политической ситуации, их неготовности к выработке самостоятельных суждений по важнейшим вопросам и полноценному диалогу с общественностью. В дальнейшем это послужило причиной выведения многих деятелей КПСС из состава формальных лидеров общественного мнения. Прекращение искусственно стимулировавшейся учредителем пропаганды таких ЛОМов практически исключило их и из числа авторов публикаций СМИ.

Изучение трансформации авторского состава средств массовой информации требует отдельного рассмотрения вопроса о видоизменении рабселькоровского движения и его роли в реализации государственной информационной политики. Всплеск интереса к сотрудничеству со СМИ в Хакасии и Горном Алтае наблюдался в конце 1950-х гг. Ослабление жестких цензурных и идеологических ограничений позволило газетам и радиовещанию больше внимания уделять личности человека, а не только цифровым показателям достижений. Стимулом для активизации также стали постановления ЦК КПСС «Об улучшении руководства массовым движением рабочих и сельских корреспондентов советской печати» (1958 г.) и «О дальнейшем развитии общественных начал в советской печати и на радио» (1960 г.), в которых впервые было отмечено участие в движении интеллигенции.

Увеличение числа внештатных авторов стимулировало возрождение традиций проведения в стране и в рассматриваемых автономиях съездов, слетов, совещаний, организации рабселькоровских рейдов и школ при редакциях. В практику также внедрялись и новые формы сотрудничества со СМИ – создание нештатных отделов и авторских советов, в которых рабселькоры участвовали на общественных началах, введение в состав редколлегии передовиков производства и представителей интеллигенции, партийных, комсомольских и советских органов. Общественные начала в печати рассматривались как одно из проявлений народовластия и включались в число организаций общественной инициативы. Некоторые авторы советского периода, изучавшие рабселькоровское движение, даже пытались обнаружить в нем «эле-

менты коммунистического управления»⁸¹². Однако в дальнейшем такая практика не получила своего продолжения, поскольку в условиях свертывания курса на построение общенародного государства, возможности добровольных корреспондентов были сужены, и участие в работе редакций для многих из них превратилось в дополнительное общественное поручение.

С конца 1950-х гг. стали заметны существенные изменения социального состава внештатных корреспондентов, уменьшение среди них удельного веса представителей физического труда, что нашло отражение в обзорах работы местных СМИ. Так, например, в 1957–1958 гг. в почте Хакасского областного отдела радиоинформации письма рабочих и колхозников составляли не более 10%⁸¹³, а среди 160 активных рабселькоров «Хызыл аал» только 22 человека являлись рядовыми тружениками⁸¹⁴. Еще одним свидетельством изменений во взаимодействии журналистов и аудитории стал дифференцированный подход к письмам читателей. Раньше каждый автор послания, адресованного в редакцию, расценивался как внештатный корреспондент. Факты, описанные им, издание должно было использовать в обязательном порядке или указать вескую причину отказа в публикации. С 1960-х гг., после принятия ряда постановлений ЦК КПСС, в отчетах редакций под рабселькорами стали подразумеваться только те, кто регулярно писал в газету, сообщая какие-либо новости или рассказывая об интересных людях.

С середины 1960-х гг. в докладах и отчетах о деятельности СМИ Хакасии и Горного Алтая все чаще стало использоваться словосочетание «авторский актив». Термин «рабселькоры» постепенно уходил из обихода, поскольку не отражал сущность и социальный состав тех, кто сотрудничал с СМИ. Основу таких корреспондентов областных газет и радиовещания составляли преимущественно работники умственного труда – специалисты сельского хозяйства и промышленности, ученые, литераторы, педагоги, журналисты районных, городских и многотиражных изданий. Они не только

⁸¹² Роскошный А. П. Общественные начала в печати в условиях развитого социализма: автореф. дис. ...д-ра ист. наук. М., 1984. С. 20.

⁸¹³ НА РХ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2312. Л. 340-343.

⁸¹⁴ Там же. Д. 2381. Л. 223-226.

писали по собственному желанию в редакцию, но и часто выполняли ее задания: проверяли сообщенные в письмах факты на местах, снабжали газеты информацией о событиях. Кроме морального, корреспондирование имело и мощный финансовый стимул в виде гонорара за публикации.

Трансформация состава рабселькоровского движения, на наш взгляд, была вызвана усложнением системы СМИ, прежде всего, включением в него телевидения, которое, как и радиовещание, обладало спецификой работы с внештатными корреспондентами. В отличие от газет, в редакциях аудиовизуальных СМИ к числу таких авторов причисляли всех «выступивших у микрофона», но отдавали предпочтение коллегам-журналистам, которые обладали навыками и опытом, необходимыми для создания материалов. Например, в 1961–1962 гг. в телевизионном и радиоэфире Хакасии творческие сотрудники других СМИ выступили 252 раза, тогда как рабочие и колхозники – 151, партийные работники 120 и специалисты 49 раз⁸¹⁵.

Анализ архивных документов показал, что на протяжении всего рассматриваемого периода корреспондирование в редакции аудиовизуальных СМИ не имело массового характера: писем в редакции радио и телевидения приходило на порядок меньше, чем в редакции газет, и многие из таких посланий не содержали информацию, предназначенную для публикации. Например, за первое полугодие 1975 г. в Хакасский комитет по телевидению и радиовещанию поступило около тысячи посланий, но 800 из них содержали лишь просьбы о включении в концерты по заявкам тех или иных музыкальных номеров⁸¹⁶. Однако вплоть до конца 1980-х гг. 60% содержания газет и общего количества материалов для эфира должны были составлять публикации внештатных авторов и 40% – журналистские произведения. СМИ по-прежнему были обязаны вести строгий учет поступавших в редакцию писем, поэтому в случае необходимости к «рабселькорам» традиционно причисляли всех адресантов, независимо от формы, содержания и цели их посланий в редакцию.

---

⁸¹⁵ КГБУ «ГАКК». Ф. 26. Оп. 35. Д. 129. Л. 19.

⁸¹⁶ НА РХ. Ф. 735. Оп. 1. Д. 1. Л. 43.

Непрофессиональные авторы в большинстве случаев не умели работать со звукозаписывающей техникой, не учитывали специфику материалов, транслируемых в эфире, в частности, особые требования, предъявляемые к стилю, лексике и построению текстов. Поэтому правка таких посланий была значительной и часто проводилась без согласования с авторами, многие письма журналисты вовсе не использовали при создании сюжетов. Поэтому, как мы считаем, внештатный актив отсеивался. Постоянными авторами на радио преимущественно являлись журналисты областных и районных газет, партийные и комсомольские работники.

Можно констатировать, что в рассматриваемый период наиболее заметным изменением в авторском составе СМИ стало увеличение удельного веса журналистов и уменьшение количества работников физического труда среди внештатных авторов. Вытеснение рядовых тружеников из числа рабселькоров было связано с повышением требований к содержанию СМИ и расширением корпуса профессиональных журналистов. Ослабление принуждения редакций привлекать к сотрудничеству в первую очередь рабочих и крестьян привело к тому, что основную часть внештатных корреспондентов с 1970-х гг. стали составлять люди, обладавшие более высоким уровнем образования, знаний, интеллекта, способные грамотно и логично излагать факты и свои мысли, видеть перспективу, суть проблемы. Особенно наглядно преимущества авторов-интеллигентов стали заметны в конце 1980-х гг., когда в СМИ Хакасии и Горного Алтая развернулись дискуссии по наиболее значимым и насущным вопросам общественной жизни. В этот же период произошло постепенное исключение партийных работников из числа лидеров общественного мнения и авторского состава СМИ.

Рост числа журналистов был обусловлен созданием новых периодических изданий, расширением штатов прессы и аудиовизуальных СМИ. Анализ источников показал, что на процесс формирования журналистского корпуса Хакасии повлияло появление местного телевидения, что открыло дополнительные возможности для сотрудничества и способствовало универсализации

деятельности работников различных СМИ. В Горном Алтае ликвидация низовых изданий и отсутствие собственного телевидения создали трудности в профессиональной подготовке и творческом развитии местных журналистов. Схожими явлениями для СМИ обеих автономий были постоянная нехватка квалифицированных кадров и активное участие в массово-информационной деятельности местных литераторов, выступавших в роли внештатных авторов и штатных сотрудников редакций.

Установление в середине 1950-х гг. руководством страны курса на построение общенародного государства обусловило повышение требований к образовательному и интеллектуальному уровню журналистов, их профессиональным и творческим способностям взаимодействовать с аудиторией, поддерживать «образ» социалистической действительности, сформированный на основе политических установок КПСС. Несмотря на свертывание политики демократизации общества и наступление «эпохи застоя», авторитет журналистов в обществе неуклонно повышался, так же, как и их роль ретрансляторов партийных установок и ценностей в контексте реализации государственной информационной политики.

Иерархия функций творческих сотрудников подверглась наиболее серьезной трансформации в период перестройки, когда изменились взаимоотношения СМИ с партийными и цензурными органами. В связи с этим основным в деятельности журналистов стало формирование и выражение общественного мнения, исходя не из партийных установок, а представлений о многополярности суждений и настроений, присутствующих в социуме. Это обусловило значительное повышение в 1989–1991 гг. влияния журналистов на аудиторию, интенсивности их взаимодействия с внештатными авторами, изменение отношения к профессиональным обязанностям и подходов к созданию медиаинформации. Результатом таких изменений стало разрушение идеологизированной тоталитарной медиареальности, формировавшейся на протяжении всего советского периода.

4.3. Воздействие аудиторного фактора на содержание средств массовой информации

Реформы 1954–1991 гг. затронули практически все сферы жизнедеятельности общества, но наиболее сильное влияние оказали на изменение духовной сферы, что отразилось на характере взаимодействия и взаимовлияния всех элементов массово-информационного пространства и, в свою очередь, изменило подходы к формированию содержания СМИ. Реформы активизировали промышленное строительство и освоение новых территорий, что в ряде случаев не только приводило к изменениям природной и культурной среды обитания людей, но и стимулировало повышение образовательного и культурного уровня граждан. Следствием реформ, на наш взгляд, стало также усиление миграционных процессов. В отличие от периодов принудительной коллективизации, массовых репрессий или войны, в рассматриваемый период люди чаще всего меняли место жительства не в результате насильственных действий (бегство из зоны военных сражений, эвакуация, политические гонения), а добровольно. Это сказывалось на их отношении к новой родине и местному населению, определяло особенности включения их в региональные массово-информационные пространства.

В Хакасии наиболее заметным стало численное увеличение и омоложение потенциальной аудитории СМИ. В период освоения целинных и залежных земель в область прибыло несколько тысяч молодых людей. Бытовая неустроенность, сложные, а для многих новоселов и непривычные условия работы привели к оттоку приехавших в первые годы жизни на целине. Создание совхозов, постепенное благоустройство нового места жительства и решение организационных вопросов способствовало закреплению целинников. Проведение «Советской Хакасией» и районными газетами выездных редакций пробуждало у новых жителей автономии интерес к местной прессе, а создание совхозных многотиражных изданий позволило им стать составной частью реальной аудитории СМИ.

В 1955–1956 гг. на стройки Хакасии по общественному призыву приехали более двух тысяч юношей и девушек. На строительстве Южно-Сибирской железной дороги (Южсиб) работало около трех тысяч молодых людей из различных областей страны⁸¹⁷. Более массовый приток молодежи начался с 1958 г., после того, как на XIII съезде ВЛКСМ сооружение железнодорожной трассы Абакан-Тайшет получило статус Всесоюзной ударной комсомольской стройки. В течение восьми лет участие в ней приняли 35 тыс. молодых людей, приехавших из различных союзных республик, краев и областей страны⁸¹⁸. Сооружение железной дороги сопровождалось также строительством нескольких десятков станций и разъездов, жилых и производственных комплексов. Поэтому после ввода в строй трассы Абакан-Тайшет многие из ее молодых строителей остались на постоянное место жительства в Хакасии.

Несмотря на то, что Абакан служил своего рода перевалочной базой для строительных организаций, последние участвовали в благоустройстве областного центра, возведении жилых домов и объектов соцкультбыта. Это формировало положительный имидж столицы автономии, повышало привлекательность города и области для потенциальных переселенцев. Необходимость энергообеспечения железной дороги обусловило сооружение линии электропередач Абакан-Назарово и включения областного центра в единую энергетическую систему Сибири⁸¹⁹. Это способствовало активному промышленному и жилищному строительству в Абакане, увеличению его населения, которое к началу 1970-х гг. достигло 100 тыс. человек⁸²⁰.

Следующий массовый приезд в Хакасию трудовых переселенцев связан с сооружением Саяно-Шушенской ГЭС, также имевшей статус Всесоюзной ударной комсомольской стройки. Реализация этого проекта Саянского территориально-промышленного комплекса привела к притоку в область не только рабочих, но и интеллектуальных кадров (инженерно-технического, управленческого персонала). Отметим, что промышленное освоение Сибири про-

⁸¹⁷ Из истории Хакасии. Советский период 1917-1991 гг. /авт.-сост. В. Н. Тугужекова. Абакан, 1993. С. 56-57.

⁸¹⁸ Горосов В. М. Абакан. М., 1994. С. 150-151.

⁸¹⁹ Там же. С. 159.

⁸²⁰ Там же.

водилось преимущественно экстенсивными методами, поэтому требовало значительного количества работников, обладавших достаточным уровнем общего и профессионального образования. Это, в свою очередь, способствовало развитию системы профессионального обучения и росту образовательного уровня населения. Увеличение числа жителей сопровождалось развитием социальной сферы, для обеспечения которой требовались педагоги, работники культуры, представители творческих профессий. Расширение системы подготовки таких кадров на базе Абаканского государственного педагогического института и вузов за пределами автономии, увеличение удельного веса педагогической и творческой интеллигенции содействовали повышению интеллектуального и культурного уровня населения.

Реакцией на изменение социального и профессионального состава населения стало переименование ряда газет области. Так, например, в 1967 г. руководство г. Черногорска, мотивируя необходимость смены названия городского издания, указывало, что «Шахтер» появился тогда, «когда в городе была только угольная промышленность, сейчас шахтеры составляют менее 20% трудящихся». Газету предлагалось назвать «Черногорский рабочий», что более точно отражало «характер трудовой деятельности жителей» города⁸²¹.

Изменение политической ситуации в стране и повышение общего уровня образования жителей области вызвали изменение форм работы СМИ с аудиторией. Это проявилось в усилении просветительской деятельности газет и радиовещания, пропаганды не только трудовых, но и творческих достижений. Новостройки стали стабильным источником событийной информации, значительно расширили круг героев журналистских материалов. Издания стали уделять особое внимание иллюстрированию сообщаемых сведений. Изменился подход к созданию портретных и репортажных фотографий, которые по качеству исполнения приближались к фотоискусству. Многие материалы оформлялись рисунками М. Живило – талантливого художника, создавшего своеобразную художественную летопись новостроек Хакасии и бо-

---

⁸²¹ НА РХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2589. Л. 41.

гую портретную галерею их героев. Приток молодых и социально активных переселенцев расширил возможности формирования авторского состава СМИ, что привело к оживлению обратной связи между аудиторией и редакциями, к увеличению количества материалов внештатных авторов.

В Горном Алтае, в отличие от Хакасии, масштабы организованной и самодетальной миграции были на порядок ниже. В 1967 г. здесь на территории в 92,6 тыс. км. проживало 169 тыс. человек. Население Хакасии, площадь которой была на треть меньше (61,9 тыс. км), к этому же году составляло 462 тыс. человек. В сравнении с 1926 г. число жителей Горного Алтая выросло на 113%, а в соседней автономии – на 273%⁸²² (подсчитано нами – Ю. К.). Развитие Саянского ТПК усилило различия не только в численности, но и составе населения двух автономий. Горный Алтай на протяжении всего рассматриваемого периода испытывал постоянный недостаток трудовых ресурсов. Нехватка квалифицированных кадров затрудняла оснащение промышленных предприятий высокопроизводительной техникой, приводила к простоям оборудования и его порче⁸²³. Проблема в ряде случаев решалась за счет трудового энтузиазма рабочих, их вовлечения в социалистическое соревнование и различные трудовые почины. Это определяло особенности взаимоотношений местных СМИ со своей аудиторией, в которых превалировали агитационно-пропагандистские и методы морального принуждения.

Отсутствие переселенческой активности, во-первых, было обусловлено отсутствием масштабныхстроек, участие в которых давало перспективу дальнейшего трудоустройства и карьерного роста на новом предприятии. Второй причиной можно назвать недостаточное развитие социальной сферы и, в частности, неактивное строительство жилья и объектов соцкультбыта. Слабая местная строительная база не обеспечивала потребности народного хозяйства региона в стройматериалах, их приходилось завозить автомобильным транспортом из Бийска, расположенного на расстоянии 100 км. от г.

---

⁸²² Страна Советов за 50 лет: сб. статистич. материалов. М., 1967. С. 17.

⁸²³ Арыкова Н. Г. Развитие промышленности Горно-Алтайской автономной области и обеспечение ее рабочей силой в годы четвертой и пятой пятилеток // Мир Евразии. 2010. № 1 (18). С. 9-10.

Горно-Алтайска. Высокие затраты на доставку приводили к увеличению себестоимости строительства⁸²⁴. Одной из главных причин экономического отставания Горного Алтая можно назвать низкий уровень электрификации, что тормозило развитие не только промышленности и сельского хозяйства, но и социально-культурной сферы.

Столица области – г. Горно-Алтайск – развивалась как административно-культурный, но не промышленный центр, что определило особенности самого города и его населения. В 1970 г. в нем проживало 34,4 тыс. человек⁸²⁵ – практически в три раза меньше, чем в тот же период в Абакане. К середине 1980-х гг. число горожан составило почти 43 тыс. человек, в то время как в соседней автономии оно приближалось к 150 тыс. Наиболее трудоспособное население в возрасте от 25 до 45 лет составляло лишь четверть горожан. Остро ощущался недостаток жилья, прежде всего, благоустроенного. В единственном городе автономии проживало около 20% населения области, тогда как в Хакасии уже с конца 1950-х гг. преобладали городские жители⁸²⁶.

Эти изменения определили особенности содержания местной периодической печати, сказались на выборе журналистами приемов и форм организации медиаинформации и ее презентации аудитории. Так, в «Советской Хакасии» с конца 1950-х гг. ведущей стала промышленная тематика, увеличилось количество материалов, освещавших городские события и проблемы. В «Звезде Алтая» на протяжении практически всего рассматриваемого периода наиболее заметной была тема сельского хозяйства. В результате закрытия в Горном Алтае районных изданий, вся нагрузка по информационному обеспечению населения автономии была перенесена на областные газеты, что заставляло редакции сконцентрировать внимание на жизни сельчан. При этом городские проблемы оказались как бы «в тени», их освещение ограничива-

---

⁸²⁴ Каташев М. С. Состояние промышленности Горного Алтая на рубеже 80–90-х гг. XX в. // Научное обозрение Саяно-Алтая, 2012. № 1(3). Серия: История. Вып. 1. С. 102.

⁸²⁵ Здесь и далее: Город любимый. Горно-Алтайск в документах и фотографиях. Горно-Алтайск, 1998. С. 222–223.

⁸²⁶ См. напр.: НА РХ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 581. Л. 40.

лось темой бытового обслуживания населения, что, на наш взгляд, снижало интерес горожан к местной прессе.

При слиянии редакций областных русскоязычной и национальной газет в 1963 г. не были учтены исторически сложившиеся особенности их целевой аудитории. В своем письме в обком партии зам. редактора объединенной редакции И. Шодоев указывал на то, что читатели «Звезды Алтая» проживали, в основном, в городе, райцентрах, крупных населенных пунктах, работали на промышленных предприятиях и в учреждениях. Аудиторию национального издания составляли преимущественно жители малых сел, представители сельских профессий. Однако, в результате объединения редакций и сокращения значительного числа сотрудников, большую часть материалов поручили готовить журналистам «Звезды Алтая». Обязанности бывших корреспондентов «Алтайдын Чолмоны» были сведены к переводу таких заметок на алтайский язык. Поэтому в обеих газетах стали публиковаться одинаковые по стилю статьи, освещавшие темы, традиционные для русскоязычного издания. Это вызвало справедливые нарекания читателей-алтайцев, недовольных не только дублированием информации, но и отсутствием актуальных для них тем⁸²⁷.

Разъединение редакций вернуло прежнюю самостоятельность областным газетам, в том числе и в определении тематики. Одним из результатов стало то, что «Алтайдын Чолмоны» смогла больше внимания уделять детской и молодежной аудитории. Проблема снабжения данной категории читателей медиаинформацией являлась актуальной, поскольку закрытие в предвоенные годы газет «Белен бол» и «Ойротский комсомолец», а также уменьшение времени местного радиовещания привело к выключению из массово-информационного пространства данной группы национальной аудитории, особенно тех ее представителей, которые слабо владели русским языком.

Однако, даже будучи самостоятельными, две областные газеты Горного Алтая не могли, на наш взгляд, полноценно удовлетворять информационные

---

⁸²⁷ КДА РА. Ф. 1. Оп. 4. Д. 389. Л. 37-38.

потребности населения области. Ликвидация районной прессы привела к разрушению системы информирования сельчан о жизни именно их района. Областное издание, имевшее более широкий географический и тематический охват, обращалось к событиям, происходившим в том или ином аймаке, периодически, оценивая их с точки зрения идеологической значимости, не прослеживая из номера в номер развитие и последствия тех или иных явлений. Отметим, что устойчивость состава населения Горного Алтая, отсутствие серьезных и резких перемен в условиях жизни определяло сохранение традиций в оформлении и содержании местных изданий. В Хакасии, где экономические реформы имели масштабный характер, процессы и результаты изменения численности, поведения, социального, национального и профессионального состава аудитории более заметно влияли на контент СМИ.

В начале 1950-х гг. уровень жизни населения Хакасии, как и в большинстве регионов Сибири, был низким. Изменения в духовной сфере, которые стали происходить с началом «оттепели», практически не отразились в содержании местных СМИ, так же, как и проблема, волновавшая многих жителей области и особенно ее столицы. Проект Саяно-Шушенской ГЭС, разработанный в 1940–1950-х гг., предусматривал высоту ее плотины в 255 метров над уровнем моря. Под затопление должны были уйти не только 170 тыс. га территории области, но и 124 населенных пункта, в том числе и г. Абакан. В качестве варианта предлагалось перенести городские строения и переселить его жителей на другое место или рассредоточить их между несколькими населенными пунктами. Описывая данную ситуацию, В. М. Торосов утверждал, что идея ликвидации города вызвала острое неприятие у горожан, которое высказывалось на многолюдных собраниях и совещаниях, в индивидуальных и коллективных письмах и обращениях. Кооперация целенаправленных действий граждан, руководителей области и города, промышленных предприятий и учреждений привела к принятию решения о понижении проектной высоты плотины до 243 м. и строительстве защитных сооружений (дамб) во-

круг города⁸²⁸. Отметим, что данные дискуссии происходили преимущественно в сфере межличностной и межгрупповой коммуникации и не нашли отражение на страницах местной периодической печати.

Благополучный исход борьбы за сохранение города, участниками которой считали себя и горожане, вызвал, как мы считаем, повышение социальной активности абаканцев, надежды на значительное улучшение условий жизни, энтузиазм при проведении работ по благоустройству. Отчасти эти ожидания оправдывались в результате массового строительства жилых домов, начатого, в том числе по постановлению ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О развитии жилищного строительства в СССР»⁸²⁹. Символом происходивших обновлений стало и сооружение Абаканского телецентра. Поэтому участие горожан в этой стройке было добровольным, активным и заинтересованным. Однако в СМИ такой искренний энтузиазм часто трактовался как ответная реакция на решения партии и правительства, свидетельство всенародной поддержки проводимых в стране мероприятий, в том числе и по развенчанию «культы личности» И. В. Сталина.

Т. Волкова, анализируя процесс десталинизации прессы в период «оттепели», выделила основные признаки данного явления: изменение структуры, жанровой палитры и дизайна газет, антропоцентризм тематики, внимание к личности и внутреннему миру человека. Одним из главных достижений этого периода, по мнению исследователя, было то, что печать перестала выполнять роль «политического прессы» и «мощнейшего средства расправы», а также такую негласную функцию, как «политическое доносительство»⁸³⁰. Некоторые из этих признаков были характерны и для прессы Хакасии.

Реализация новым руководством страны политики, нацеленной на социальную переориентацию народного хозяйства, поведение ряда реформ в сельском хозяйстве привела к росту денежных доходов населения, прежде

---

⁸²⁸ Горосов В. М. Абакан.... С. 140-144.

⁸²⁹ О развитии жилищного строительства в СССР: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 31 июля 1957 г. // Собрание постановлений Правительства СССР, 1957. № 9. С. 332-338.

⁸³⁰ Волкова Т. Десталинизация прессы в исторических условиях «оттепели» [Электронный ресурс] // Медиа-скоп. 2007. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/172> (дата обращения: 25.06.2013).

всего, сельчан. Следствием этого стало повышение спроса на продукты, бытовые товары и услуги, что увеличило внимание и количество претензий граждан к работе торгующих организаций, предприятий сферы обслуживания. Данная тема стала одной из самых популярных в СМИ и определила востребованность фельетона, как наиболее действенного жанра для ее освещения. В фельетонах отсутствовала категоричность обвинений, менторский тон указаний по исправлению недостатков. Это свидетельствовало об изменении отношения к критике, как способу обвинения и разоблачения.

В газетах популярным стал репортаж, позволявший передать динамизм и масштабность освоения целинных земель, строительства предприятий и других изменений, происходивших в автономии. Данный жанр увеличил свое присутствие и в радиоэфире: шире стали использоваться документальные записи и «живые» интервью вместо традиционного чтения текстов. Это объясняется тем, что у радиокомитета в конце 1950-х гг. появилась новая техника для записи и монтажа с использованием магнитной пленки и автотранспорт, что позволило регулярно выезжать в командировки со звукозаписывающей аппаратурой, весившей более 100 килограммов⁸³¹.

Наиболее ярким свидетельством происходивших в стране, в духовной сфере и государственной информационной политике изменений стала трансформация «образа» героя газетного материала. М. Френч, анализируя изменения в сознании и поведении советских журналистов в 1955-1966 гг., точно подметила, что целью для творческих работников СМИ в этот период провозглашалось «стремление понять и передать внутренний мир читателей». Однако невозможность создать некую универсальную «модель» читателя, заставляла их обращать больше внимания на личность конкретного человека, его самоактуализацию. Именно это, считает исследователь, было одним из проявлений десталинизации советской журналистики⁸³².

---

⁸³¹ Радио Хакасии 80 лет. Абакан, 2010. С. 8.

⁸³² French M. C. Reporting socialism: Soviet journalism and the Journalists' Union, 1955–1966. Pennsylvania, 2014. P. 286–287.

Соглашаясь в целом с данным мнением, проиллюстрируем его результатами нашего исследования. Полноценный портретный очерк, соответствующий критериям данного жанра, получил распространение на страницах областных газет с середины 1950-х гг. В качестве главных персонажей публикаций стали выступать не только передовики производства и ударники, но и рядовые труженики, представители различных профессий, в том числе сельская интеллигенция – учителя, врачи, самодеятельные писатели и поэты. Предметом профессионального интереса журналистов являлась личность человека, его духовный мир, увлечения, взгляды на мир, отношение к другим людям, жизненная позиция и т. д.

Отметим, что во второй половине 1980-х гг. под влиянием демократизации общества также произошло изменение «образа» героя газетных материалов. Главными персонажами очерков стали люди с необычными увлечениями (хобби), лидеры неформальных общественных объединений, ученые, выступавшие в роли политиков. В связи с введением альтернативных выборов в Советы всех уровней, материалы очеркового плана стали использоваться в предвыборной агитации, поскольку позволяли полноценно представить избирателям кандидата в депутаты, описать его кредо, личные качества, политические и жизненные устремления.

Продолжением изменений отношения к человеку как личности, начавшихся в период «оттепели», можно считать активизацию публикаций мемуаров очевидцев важных исторических событий. Особую ценность таким материалам придавали сообщаемые авторами детали, личные характеристики известных исторических деятелей. Отход от единой концепции истории страны, утвержденной «Кратким курсом ВКП(б)», позволил раскрыть новые, неизвестные ранее страницы прошлого и сформировать более полные представления о региональной истории. В 1957 г. в преддверии 40-летия Октябрьской революции «Советская Хакасия» впервые опубликовала несколько воспоминаний очевидцев революционных событий и участников Гражданской

войны. Более широко мемуары на страницах газеты были представлены в 1958 г. накануне празднования 250-летия присоединения Хакасии к России.

Пик мемуарных публикаций пришелся на вторую половину 1959 г. – первую половину 1960 г., когда областные газеты напечатали значительное количество писем фронтовиков, циклы рассказов об участниках Великой Отечественной войны. Несмотря на некоторую шаблонность публикаций, отсутствие конкретизации деталей боевого пути, личных сведений, идущих вразрез с официальной версией войны, такое проявление внимания и уважения к ветеранам стало одним из свидетельств признания их высокого социального статуса и включения в число официальных лидеров общественного мнения. Ценность воспоминаний, на наш взгляд, заключалась и в том, что они помогали установить логическую связь между прошлым и настоящим, между поколениями. Однако в дальнейшем практика массовой публикации мемуаров была свернута и использовалась только в преддверии юбилеев. Это, на наш взгляд, было вызвано усилением цензурного режима и созданием «лакированной» версии истории страны, прежде всего, военной.

Наиболее важным результатом десталинизации СМИ в период «оттепели» стало изменение отношения к аудитории СМИ. Представления о ее социальном составе, уровне интеллектуального развития, информационных и культурных запросах и интересах, особенностях взаимоотношения с медиаинформацией были сформированы в 1920–1930-е гг. В тот период основной целью газет и радиовещания являлось вовлечение в массово-информационную деятельность (в качестве аудитории и внештатных авторов) в первую очередь рабочих и крестьян. При определении основной тематики содержания прессы и радио, стиля изложения и форм подачи информации СМИ ориентировались, прежде всего, на малограмотного, малокультурного человека с узким кругозором и минимальной базой знаний об окружающем мире. Поэтому эффективным считалось воздействие на такую аудиторию с помощью массивного потока агитационно-пропагандистских материалов. При их создании использовались приемы, характерные для тоталитарных режимов.

литарной медиареальности: лозунговый стиль, краткость, четкие директивные установки, категоричные формулировки суждений, не предполагавшие никакой альтернативности, а также фактографическая ограниченность.

Однако уже в послевоенный период проявились изменения, произошедшие в социальном составе аудитории, прежде всего, увеличение удельного веса интеллигенции. Особенно заметным, на наш взгляд, стало повышение образовательного и культурного уровня читателей и радиослушателей, формирование у них новых информационных потребностей. Эти явления с большой долей осторожности фиксировали и изучали центральные СМИ. Так, во Всесоюзном радиокомитете был создан Научно-методический кабинет, в задачи которого входил и анализ отрицательных и положительных откликов слушателей на радиопередачи. Кроме писем в редакцию, для получения более полной и объективной информации кабинет использовал анкетирование радиослушателей⁸³³. Такая практика была продолжена и созданным в структуре Гостелерадио Научно-методическим отделом (НМО).

С 1963 г., с целью выявления эффективности воздействия радиовещания и телевидения на аудиторию, отдел стал проводить системное анкетирование жителей Москвы и регионов. Распространение анкет на местах проводилось через партийные организации, комитеты по телевидению и радиовещанию, а также с помощью внештатных авторов. Научно-методический отдел поддерживал тесную связь с научными и учебными центрами, которые по его заказу проводили собственные исследования. Итогом такого взаимодействия стал созыв в июне-июле 1966 г. первого в истории страны Всесоюзного совещания по вопросам изучения аудитории и эффективности вещания с участием творческих работников Всесоюзного радиокомитета и Центрального телевидения, местных телерадиокомитетов, а также специалистов – социологов и психологов. Некоторые научные доклады, прочитанные на совещании, легли в основу методической литературы⁸³⁴. Добавим, что, в новых политических

---

⁸³³ См., напр.: ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 3. Д. 67. Л. 1-46.

⁸³⁴ Там же. Д. 322. Л. 1-21.

условиях под эффективностью аудиовизуальных средств массовой информации подразумевались уже не конкретные действия, совершаемые гражданами под влиянием воздействия СМИ (подписка на государственный заем, перевыполнение плана, устранение недостатков и проч.), а заинтересованность аудитории в радиослушании и телесмотрении.

Итогом социологических исследований стало изменение сетки вещания и структуры редакций Всесоюзного, а потом и региональных телерадиокомитетов. В основу новой системы организации вещания были положены результаты комплексного опроса радиослушателей и телезрителей, проведенного коллективом НМО под руководством А. Шумакова. Последний на основании многолетнего изучения мнений аудитории сделал вывод о необходимости замены одноуровневого вещания, сформированного в 1920–1930-е гг. и рассчитанного на малограмотного слушателя, многоуровневым. А. Шумаков утверждал, что в современном обществе можно выделить три уровня умственного развития граждан (в зависимости от образования, профессиональной подготовки и интересов). Поэтому он считал, что в эфире должны быть информационные и художественные передачи, рассчитанные на всех; специализированные и отраслевые программы для узкой, но «хорошо подготовленной аудитории»; а также «научно-теоретические передачи по различным проблемам науки и техники, ориентированные на руководителей предприятий, научных работников, специалистов высшей квалификации» и т. д.⁸³⁵. Революционность этой идеи, на наш взгляд, состояла в том, что тематика и уровень подготовки радио- и телепередач должны были определяться не по принципу идеологической целесообразности, а в соответствии с интересами, запросами и базой знаний слушателей и зрителей.

В период «оттепели» началось изучение и аудитории прессы. Так, при редакции всесоюзной газеты «Комсомольская правда» в 1960–1967 гг. существовал Институт общественного мнения (ИОМ). Его создание, как объяснял организатор института Б. А. Грушин, было обусловлено не только «подвиж-

---

⁸³⁵ Там же. Д. 564. Л. 4, 6, 7, 23-24, 39.

ками в социальной науке», начавшимися после XX съезда КПСС, но и пересмотром взглядов на аудиторию и функции СМИ. «Былые безапелляционный арбитрализм и скучная дидактика с их полным пренебрежением к фигуре реципиента мало-помалу начали сменяться стремлением развить две основные органические функции журналистики – собственно информирования аудитории и выражения общественного мнения»⁸³⁶. Пресса, оказавшись в новых для себя условиях, искала более эффективные и прочные формы связи со своими читателями. Востребованным оказались и знания о механизмах восприятия аудиторией информации, о функционировании обратной связи и проч.

Однако изучение содержания СМИ Хакасии и Горного Алтая показало, что описанные выше изменения представлений о читателях и радиослушателях затронули в большей степени центральные СМИ. В местных радиопередачах по-прежнему присутствовала одноуровневая подача информации, почти не изменялись структура и содержание тематических планов. Одним из немногих новшеств стало создание радиогазет и радиожурналов, преимуществами которых перед традиционными передачами являлись рубрикация, более четкая аудиторная и тематическая направленность («Здоровье», «Палитра», «Пионерия шагает»), уникальное музыкальное сопровождение (заставки, отбивки), что делало такие программы узнаваемыми в эфире и содействовало формированию их постоянной аудитории.

В газетах вплоть до конца 1980-х гг. без особых изменений использовалась традиционная рубрикация, формы, жанры и подходы к организации медиаинформации. В значительной степени это было обусловлено тем, что творческий поиск журналистов ограничивался рамками разрешенной тематики, необходимостью трактовать сообщаемые сведения с позиций партийных установок и с помощью идеологических клише. Тем не менее, с конца 1950-х гг. на страницах газет чаще стали появляться сатирические рубрики, разделы, посвященные вопросам здоровья, торговли и быта, социалистической закон-

---

⁸³⁶ Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева. М., 2001. С. 44, 47.

ности. С 1970-х гг. в «Советской Хакасии» появилась «Страница выходного дня», ориентированная, прежде всего, на горожан.

В 1960–1980-е гг. наибольший интерес аудитория проявляла к телевидению. Поэтому в первые годы организации телевидения вновь стала распространенной коллективная форма потребления медиаинформации, когда для просмотра телепередач собирались соседи со всего дома и даже квартала. Абаканская студия телевидения в силу ограниченных технических возможностей выдавала в эфир короткие выпуски новостей, передачи литературно-художественной, детской и музыкальной редакций. Остальное время из трех часов ежедневного вещания заполнялось демонстрацией художественных фильмов⁸³⁷. Следовательно, на начальном этапе в деятельности регионального телевидения главенствовал культуроформирующий аспект. После перехода на вещание через спутниковую систему «Орбита» и включения местных передач в состав первой программы Центрального телевидения, в редакции СМИ и Хакасский обком КПСС стали приходиться письма телезрителей, возмущенных, в том числе прекращением показа отечественных кинолент, сокращением количества спортивных и передач культурной тематики⁸³⁸.

В 1960-е гг. изменениям также подверглась система работы редакций с письмами читателей. СМИ чаще всего выступали в роли посредника между человеком и властью, помощника в решении бытовых и профессиональных проблем. Согласно Указа Верховного Совета СССР от 12 апреля 1968 г. «О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб трудящихся» и соответствующего постановления ЦК КПСС, руководство партийных и государственных органов, предприятий и учреждений было обязано реагировать на жалобы граждан, поступившие через редакции газет⁸³⁹. Поэтому, по воспоминаниям журналиста-ветерана А. И. Чмыхало, в «Советскую Хакасию» чаще всего приходили жалобы и просьбы помочь в восстановлении справедливости, предоставлении медицинской помощи или выделении необходимых

---

⁸³⁷ Потапова Т. Круто ты попал на TV! // Хакасия. 2004. 29 января. С. 4.

⁸³⁸ НА РХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3497. Л. 39-44.

⁸³⁹ См.: НА РХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3497. Л. 54.

на селе специалистов. Главной задачей заведующего отделом писем являлась не литературная обработка таких обращений и подготовка их к печати, как было в 1930–1940-е гг., а переадресация жалобы в соответствующие инстанции и контроль за принятыми по ней мерами⁸⁴⁰.

Такая практика должна была повысить статус и авторитет газеты. Но, как показывает анализ отчетной документации «Советской Хакасии», «Звезды Алтая» и «Алтайдын Чолмоны», отложившейся в фондах этих редакций, работа с письмами все больше «обюрокрачивалась», сводилась к ведению статистики поступавшей корреспонденции и составлению справок по неопубликованным письмам. Такие документы можно назвать ответной реакцией на постоянные обвинения со стороны обкомов в «недостаточном внимании к письмам трудящихся». Справки, обобщавшие содержание неопубликованных писем, предоставляемые в областные комитеты партии, служили своеобразным срезом настроений в обществе и давали общее представление о том, что действительно волновало граждан, но по разным, в том числе и идеологическим причинам, не попадало на страницы газет.

Анализ корреспонденции позволял судить о географии распространения издания, выделять наиболее востребованные у читателей темы, получать информационные поводы для создания журналистских материалов. Однако выполнение редакцией несвойственной ей обязанности «бюро жалоб», на наш взгляд, снижало авторитет СМИ как средства информации и превращало его в некий «жупел», которым запугивали оппонентов, чиновников и даже соседей по коммуналке. Эта специфическая особенность взаимоотношений граждан и СМИ, присущая именно советскому периоду медиаистории, наиболее ярко, по нашему мнению, проявилась в годы правления Л. И. Брежнева.

Средства массовой информации взаимодействовали с читателями, слушателями и зрителями как опосредованно, то есть через публикации и работу с читательской корреспонденцией, так и непосредственно, например, во время интервью и в процессе подготовки материалов. Наиболее эффективной

---

⁸⁴⁰ Самрина В. Хохот в редакции часто стоял до небес // Хакасия. 2005. 3 ноября. С. 4.

формой работы с аудиторией были конференции, на которых перед читателями (радиослушателями) представители редакций выступали, отчитывались о проделанной работе, отвечали на вопросы, выслушивали замечания и предложения. Анализ архивных документов, в частности, рекомендаций партийных органов по работе с читателями и отчетов редакций, показал, что практика проведения таких конференций использовалась и в довоенный период. Но тогда их основной задачей являлось донесение опубликованной в газете политической информации до потенциальной аудитории посредством устной коммуникации, пропаганда и разъяснение политики и основных постановлений партии и правительства. В рассматриваемый период читательские конференции проводились для установления контакта между редакцией и аудиторией, сбора мнений представителей общественности о работе СМИ и наиболее важным событиям в жизни страны и области, информации для журналистских материалов, вербовки новых читателей и внештатных авторов.

Отметим, что особое значение такие встречи имели для национальных изданий. Широкое распространение русского языка среди представителей коренного населения приводило к тому, что многие из них, особенно интеллигенция, предпочитали выписывать русскоязычные газеты. Поэтому «Ленин чолы» и «Алтайдын Чолмоны» приходилось вести борьбу буквально за каждого читателя. Встречи с жителями, особенно в отдаленных национальных селах, позволяли удержать имевшуюся аудиторию и привлечь новую. В отличие от делегаций русскоязычных газет, которые выступали преимущественно перед большими коллективами, представители национальных изданий работали с аудиторией в 10-30 человек, что позволяло установить с людьми личный контакт и добиться их доверия. Так, в 1970–1979 гг. (согласно приложенным протоколам) сотрудники «Алтайдын Чолмоны» провели 26 таких встреч (подсчитано нами – Ю. К.). Корреспонденты и собкоры газеты сами собирали жителей для беседы или использовали для общения с людьми сельские сходы, отчетно-выборные конференции, собрания трудовых коллекти-

вов⁸⁴¹. Анализ протоколов позволил сделать вывод, что в ходе общения журналисты получали массу интересной информации, которая позволяла им не только создавать актуальные материалы, но и получать представления о настроениях, информационных нуждах и потребностях аудитории.

«Алтайдын Чолмоны» использовала и такую форму обратной связи с читателями, как анкетирование. В 1968 г. она распространила анкету с просьбой изложить свои пожелания и указать на имеющиеся в газете недостатки. Такую же практику в 1967 г. применяла и «Звезда Алтая»⁸⁴². На наш взгляд, публикацию анкеты в газете можно назвать пассивной формой общения с аудиторией, не позволявшей получить полное представление о составе, интересах и запросах читателей. Поэтому результаты анкетирования использовались редакциями, в основном, для подтверждения тезиса о том, что «газета удовлетворяет запросы трудящихся». Одной из причин утилитарного подхода к анкетированию, на наш взгляд, являлся недостаток научного обеспечения таких опросов. Социологические исследования аудитории СМИ, начатые в период «оттепели», к 1980-м гг. перешли в область социологии пропаганды. Поэтому опросы и анкетирование использовались преимущественно для выявления не информационных запросов и интересов респондентов, а их осведомленности о решениях партии и правительства, политики КПСС, событий в мире. Полученные знания, например, о мотивах обращения граждан к тем или иным СМИ, степени удовлетворенности их работой и содержанием, использовались для определения степени эффективности пропагандистского воздействия на аудиторию⁸⁴³.

Изменения в государственной информационной политике и, как следствие, в содержании СМИ происходили под влиянием изменений во внешней и внутренней политике страны. Отказ от шпиономании и «врагоискательства», установление разносторонних контактов с зарубежными странами привели к разрушению атмосферы подозрительности, ликвидации практики доноси-

⁸⁴¹ КДА РА. Ф. 631. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–107.

⁸⁴² КДА РА. Ф. 1. Оп. 4. Д. 440. Л. 20, 22.

⁸⁴³ См.: Средства массовой информации и пропаганды. Советская литература 1986 г.: реферативный сборник. Ч. 1. М., 1987. С. 16.

тельства и «разоблачений». Это, в свою очередь, сказалось на взаимоотношениях СМИ и аудитории. Критика недостатков на страницах газет и в радиоэфире приобрела конструктивный характер, в действиях правонарушителей больше не искали политическую подоплеку, а лодырей, тунеядцев и пьяниц рассматривали как недостойных членов общества, подлежащих перевоспитанию силами трудовых коллективов и общественности. В результате «образ» врага, сформированный в период «культы личности», перестал быть определяющим при создании публикаций СМИ.

Трансформации также подвергся «образ» заграницы. Активное сотрудничество со странами демократии и пропаганда их успехов разрушили представления о двуполярном мире и миф о необходимости поддерживать постоянную мобилизационную готовность для отпора врагам. Создание в 1961 г. Агентства печати «Новости» (АПН) привело к расширению тематики и количества публикаций о жизни и в капиталистических странах, к появлению сообщений о событиях культурного, научного характера, о курьезах и любопытных явлениях за границей. Расширение контактов с представителями других стран позволило дополнять сообщения АПН личной информацией. Так, участники делегации Хакасии на VI Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве в 1957 г. смогли вживую увидеть иностранцев и на страницах областной газеты поделиться своими впечатлениями от общения с представителями зарубежных стран⁸⁴⁴. Горный Алтай всегда поддерживал тесные связи с соседней Монголией, обмен официальными делегациями с которой начался еще в 1920-е гг. В рассматриваемый период эти контакты усилились, что позволило наладить и информационное взаимодействие между алтайскими и монгольскими журналистами. Так, например, «Звезда Алтая» стала практиковать обмен публикациями с изданием Баян-Улегейского аймака «Жана Амир»⁸⁴⁵, благодаря чему читатели областной прессы получили

---

⁸⁴⁴ Словина С. Абакан – Москва, Шестой Всемирный // Советская Хакасия. 1957. 13 сентября. С. 3.

⁸⁴⁵ Советский образ жизни: Роль печати, телевидения и радио в пропаганде советского образа жизни: зональный творческий семинар журналистов Западной Сибири и Урала. 26-28 ноября 1974 г.: материалы семинара. Барнаул, 1975. С. 65.

возможность знакомиться с жизнью соседнего государства и расширять свои представления о мире, находящемся за пределами своей области и страны.

Отметим, что на протяжении всего рассматриваемого периода в местных СМИ отсутствовала такая форма взаимодействия редакции и аудитории, как диалог. В посланиях читателей, публиковавшихся на тематических полосах «Из писем наших читателей», «Письмо в газету», «Читатель критикует, советует, предлагает» и др., затрагивались чаще всего бытовые проблемы, описывались частные недостатки, присутствовала критика отдельных лиц. Отклики на решения партии и правительства, обсуждение решений съездов или проектов важнейших документов (например, проекта Конституции в 1977 г.) носили, в основном, шаблонный характер и должны были свидетельствовать о единодушной поддержке гражданами руководства страны и проводимой им политики. Попытки организовать дискуссии жестко пресекались, поскольку высказанные мнения могли расходиться с установками, изложенными в партийных и директивных документах. Так, например, в 1984 г. бюро Горно-Алтайского обкома партии объявило редактору «Звезды Алтая» Б. К. Урезкову выговор за публикацию, как было отмечено, «непродуманных, необоснованных, тенденциозных материалов, способствующих формированию неправильного общественного мнения». Вина редактора состояла в том, что он допускал размещение на страницах газеты материалов, носивших «дискуссионный, сомнительный характер», в тех же номерах, где публиковались официальные сообщения и партийно-государственные документы⁸⁴⁶.

Односторонность информирования аудитории и тщательный редакционный отбор писем читателей способствовали формированию такой медиареальности, находясь в которой, человек должен был быть уверен в политической и экономической стабильности страны, незыблемости устоев государства и всенародной поддержке всех решений и мероприятий власти. Неприятие медиареальности приводило, в частности, к развитию навыков чтения газет «между строк». Ш. Фицпатрик, характеризуя данное явление применительно

---

⁸⁴⁶ КДА РА. Ф. 1. Оп. 58. Д. 19. Л. 7.

к 1930-м гг., считала причиной его возникновения стремление советских читателей «найти скрытый подтекст даже там, где не было никакого намерения дать понять что-то между строк». Чтобы выяснить «что происходит на международной арене, в Советском Союзе и даже в Политбюро», они выискивали «малейшие намеки, чтобы понять, что конкретно означают приходящие сверху «сигналы», часто весьма неясные». Предполагая постоянный обман со стороны существовавшего режима, «они вместе с тем полагали, что у них есть возможность разглядеть под покровом обмана некую толику правды»⁸⁴⁷. Распространению такого явления в годы «застоя», на наш взгляд, способствовало повышение образовательного и интеллектуального уровня развития граждан. Это позволяло им не просто читать и понимать публикации СМИ, но и трактовать их содержание в соответствии с имеющимся запасом знаний, опытом, информацией, полученной по личным каналам и в ходе неформального общения. Главным стимулом развития таких навыков являлось повышение информационных потребностей аудитории, которые советские средства массовой информации не удовлетворяли в полной мере.

Замалчивание СМИ многих событий, явлений и проблем, в том числе и общественно-важных, аудиторией воспринималось в контексте уже сложившейся традиции. Согласимся с мнением Ж. А. Рожнёвой, что для тоталитарного общества, каким являлся СССР на протяжении всей своей истории, «было характерно сочетание возводимых властью информационных барьеров с нежеланием самих людей знать «страшную правду»»⁸⁴⁸. Однако не стоит, на наш взгляд, преувеличивать влияние неофициальных источников на общественное мнение, поскольку в ряде ситуаций люди предпочитали верить официальным СМИ, сообщения которых позволяли поддерживать ощущение стабильности, безопасности, относительного социального комфорта.

Рассмотрим данное утверждение на примере проблемы межэтнических отношений, особенно актуальной для Хакасии, в которой происходили более

---

⁸⁴⁷ Фицпатрик Ш. Указ. соч. С. 225.

⁸⁴⁸ Рожнёва Ж. А. Указ соч. С. 50.

значительные, чем в Горном Алтае, изменения национального состава жителей, культурных и природных условий жизни автохтонного народа, трансформация взаимоотношений между представителями русскоязычного и коренного населения. Анализируя их философские основания, Г. Г. Котожеков считал взаимное усвоение культурного достояния друг друга необходимой предпосылкой для развития каждого из народов⁸⁴⁹. Однако в рассматриваемый период такое культурное взаимодействие имело зачастую односторонний характер и происходило в условиях патерналистского отношения к коренным этносам Сибири.

Основа стереотипных представлений о прошлом хакасского этноса была сформирована в 1920–1930-е гг. Во второй половине 1940-х гг. сотрудники ХакНИИЯЛИ активно выступали в СМИ, пропагандируя сведения о достижениях культуры коренного народа автономии (археологических памятниках, древней письменности, фольклоре). Это привело к некоторому разрушению устойчивых представлений о прошлом коренного этноса Хакасии, как о временах «нищеты, бескультурья, вымирания и несправедливости». Начавшаяся в стране борьба с «безродным космополитизмом» привела к усилению идеологического давления на интеллигенцию и снижению публикаторской активности ученых. Поэтому во многих материалах СМИ вновь стал главенствующим тезис о «темноте, вымирании хакасов в царской России».

Отметим, что взаимоотношения русского и хакасского народов в советский период показывались исключительно в идеализированном виде. В тех случаях, когда было невозможно игнорировать исторические факты, аудитории сообщалось, что межнациональная вражда существовала на уровне феодалов, а трудовой хакасский народ выступал против такой политики своих правителей и всегда стремился к единению с великим русским народом. Под воздействием пропаганды СМИ таких установок в сознании аудитории закреплялись представления о патерналистских отношениях между этносами, в

---

⁸⁴⁹ Котожеков Г. Г. Взаимодействие и взаимопроникновение контактирующих этнических культур Хакасии // материалы республиканской науч. конф. «Россия и Хакасия: 290 лет совместного развития». Абакан, 1998. С. 17.

которых русский народ представлял не просто «старшим братом», но и спасителем, освободителем, а все остальные, прежде всего, малочисленные народы – пассивными и благодарными потребителями принесенных им благ.

До войны и в первые послевоенные годы о хакасах писали как о едином этносе, обладавшем до революции своей историей, культурой, языком. В литературе и газетных публикациях упоминалось о том, что предки коренного этноса автономии оставили в наследство своим потомкам ценнейшие культурно-исторические памятники (курганы, писаницы с наскальными рисунками и образцами орхоно-енисейской письменности). Но в дальнейшем главенствующей стала концепция профессора Л. П. Потапова, который, в частности, отвергал наличие у кыргызов – предков хакасов – государственности, представлял длившуюся почти столетие борьбу за независимость Кыргызской земли как стремление местных феодалов сохранить свои эксплуатируемые массы. Также он считал хакасов конгломератом различных по происхождению племен, переселившихся в Хакасию после угона кыргызов в Джунгарию в 1703 г.⁸⁵⁰. В документах частного характера (например, в письмах) историк высказывался более категорично: «Никакой Хакасии до Великой Октябрьской революции не существовало. Хакасы получили свою государственность впервые в истории и получили ее от Советской власти, от Советского государства»⁸⁵¹. Активная пропаганда, в том числе и в СМИ основных идей данной концепции изменила представления не только о прошлом национальной территории, но и о статусе ее автохтонного народа: из коренного он превратился в «пришлого». Отвергалась историческая и культурная связь между хакасами и их далекими предками, которые проживали на этой земле на протяжении тысячелетий и создавали произведения искусства, памятники, культурные и ирригационные сооружения. В результате это культурно-историческое богатство региона оказалось не имеющим этнической окраски, «обобществленным», а значит – «ничейным».

---

⁸⁵⁰ Потапов Л. П. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957. С. 277.

⁸⁵¹ Цит. по: Чебоचाкова В. Август 1707 – год окончательного присоединения... // Хакасия. 2007. 13 марта. С. 3.

Авторы «Очерков истории Хакасии» «ошибочность» утверждений Л. П. Потапова объясняют, в частности, «результатом политических и идеологических установок эпохи», отсутствием «достаточных материалов и широкого круга источников, а также глубокого анализа этнокультурных явлений», что «не позволило автору увидеть ряд глубинных процессов в развитии хакасов»⁸⁵². На наш взгляд, такая теория получила распространение и одобрение властей в связи с тем, что в условиях активного промышленного освоения Хакасии этническое «обезличивание» памятников древней культуры позволяло распоряжаться ими, игнорируя вопросы их сохранения в угоду экономическим и политическим интересам. Подобная практика привела к массивному уничтожению целого ряда природных и историко-культурных объектов в период распашки степей и строек, к безжалостному затоплению их в результате сооружения водохранилищ Красноярской и Саяно-Шушенской ГЭС.

Последствия строительства гидроэлектростанций оказали наиболее заметное влияние на мировосприятие жителей Хакасии, в том числе коренной национальности. Под воду ушла значительная часть территории области, из населенных пунктов, попадавших в зону затопления, были переселены тысячи людей. Все это привело к разрушению привычного образа жизни, к безвозвратному уничтожению природной и культурной среды обитания. Многочисленные примеры варварского уничтожения курганов, писаниц и других памятников воспитывали нигилистическое отношение к истории и национальной культуре, как приезжих, так и старожилов Хакасии, что сказывалось на характере межэтнических отношений, приводило к деформации равноправного взаимодействия представителей различных национальностей. Последствия этого стали особенно заметны в период освоения целины и промышленного строительства, когда усилилась миграция из-за пределов области и внутри Хакасии.

В исторической литературе советского периода освоение целины рассматривалось как кампания, имевшая исключительно положительное значение для тех районов, где распахивались залежные земли, поскольку ее проведение уве-

---

⁸⁵² Очерки истории Хакасии... С. 10.

личивало производство зерна с минимальными затратами⁸⁵³. При этом учитывались в первую очередь материальные затраты, но в расчет не бралось негативное влияние распашки степей на природу региона. Так, например, в Красноярском крае (включая Хакасию) к 1969 г. «водной и ветровой эрозии были подвержены 902 тыс. га пашни и 148 тыс. га лугов и пастбищ, что составляло 87,5% площади земель, вовлеченных в сельскохозяйственный оборот в ходе целинной кампании». Опираясь на эти факты, Н. В. Гонина констатировала, что «форсированное освоение целинных и залежных земель в Ангаро-Енисейском регионе не только нанесло значительный ущерб природе, но и было экономически неэффективным»⁸⁵⁴.

В угоду политическим и экономическим интересам государства без внимания оставалась и сохранность культурно-исторического наследия автономии. Новоселы-целинники осваивали, прежде всего, степные районы, в том числе территории с высокой концентрацией курганов и других древних памятников. «Психология людей, приступивших к освоению новых земель, – как считает В. Я. Бутанаев, оказалась совершенно чужда древнему историко-культурному наследию Минусинской котловины». Причины этого историк видит в том, что в идеологических установках, диктуемых советским гражданам, преобладали классовые, а не общечеловеческие ценности. «На практике это обернулось негативным восприятием местной культурно-исторической среды, элементы которой были непонятными, непривычными и, следовательно, ненужными»⁸⁵⁵.

Продолжая данную мысль, заметим, что подобное негативное восприятие было обусловлено двумя основными факторами. Во-первых, переселенцы были воспитаны в атмосфере постоянной борьбы за что-то или против кого-то, сохранявшейся в стране на протяжении десятилетий. Освоение новых территорий также воспринималось ими как борьба – «с трудностями, с неустройством, с мещанскими предрассудками», с суровой природой: «на одной стороне могу-

---

⁸⁵³ Очерки истории Хакасской областной организации КПСС... С. 210.

⁸⁵⁴ Гонина Н. В. Исторический опыт природопользования в Ангаро-Енисейском регионе. 1945-1970 гг.: автореф. дис... канд. ист. наук. Красноярск, 2002. С. 24.

⁸⁵⁵ Очерки истории Хакасии... С. 532.

чая непокорная стихия, на другой – молодость, задор, идеалы»⁸⁵⁶. В воспоминаниях первоцелинников также присутствуют упоминания о том, что, покоря целину, они стремились «разбудить ее, заставить служить людям». Преобразование степи, «где веками стоял ковыль», рассматривалось ими как помощь родине, как действие, направленное на улучшение условий жизни советских граждан⁸⁵⁷. На отношении новоселов к осваиваемой территории сказывался также их возраст. Большинство из них были молодыми людьми, которые к выполнению поставленной партией цели – «освоить сибирскую целину» относились не только с энтузиазмом, но и юношеским максимализмом. Это, при отсутствии знаний о культурных богатствах земли Хакасии и воспитанного уважения к историческим ценностям других народов, привело к вышеописанному результату. В газетных материалах середины 1950-х гг. отсутствовала системная пропаганда природно-исторических богатств, которая могла бы восполнить знаниевую лакуну и повлиять на отношение новоселов к ценностям новой родины. В то же время в публикациях об освоении целины, в «картинках с натуры» о работе трактористов нередкими были упоминания о трудностях, возникавших при распашке, когда лемеха трактора постоянно ломались о камни, в изобилии попадавшиеся на пути техники. Под этими «камнями» легко угадываются древние курганы, которые беспощадно и с энтузиазмом разрушались новоселами.

С началом крупномасштабных строек, вызвавших приток переселенцев, произошло обострение ряда проблем социального характера, в том числе решение вопросов сохранения природных и национально-культурных памятников, функционирования хакасского языка в общественной сфере и т. д. Аргументированным является мнение о том, что «в ходе крупного промышленного строительства резко увеличилось поле межнационального общения,... хозяйственное освоение новых территорий было важным фактором развития интернационализма сибирских народов, открывало

---

⁸⁵⁶ Вайль П., Генис А. Указ. соч. С. 83.

⁸⁵⁷ См., напр.: Иуодинис Г. Юность моя целинная // Знамя коммунизма. 1974. 25 марта. С. 3-4.

им возможности для приобщения к новым видам деятельности»⁸⁵⁸. Но нужно учитывать, что миграция изменила национальный состав населения автономии, привела к уменьшению удельного веса хакасов до 11%, а также стала одной из причин трансформации межнациональных отношений в автономии. Наиболее остро такие противоречия проявились во второй половине 1980-х гг., когда декларируемые идеи интернационализма вошли в противоречие с действительностью – межнациональными конфликтами и войнами.

Мы считаем, что поиск причин, оценку хода и последствий подобных явлений необходимо вести в контексте национальной политики советского государства, основой которой был интернационализм, активно пропагандировавшийся средствами массовой информации. В советский период подлинный интернационализм, как проявление искреннего взаимопонимания, взаимного доверия, уважения национальных особенностей и самобытности других народов, основанный на знаниях об истории, культуре, языке этносов, был заменен классовой солидарностью, основой которой являлась общность политических интересов. В этих условиях пропаганда в СМИ сведений о национально-культурных особенностях народов, являющаяся основной составляющей интернационального воспитания, рассматривалась, на наш взгляд, как формальность. С ее помощью демонстрировалось проявление неустанной заботы партии и правительства «о ранее бесписьменных народах, пребывавших до революции в нищете и несправедливости», о формировании их национальной по форме и социалистической по содержанию культуры.

В период «оттепели», для которой были характерны некоторая либерализация общественных отношений и расширение тематики СМИ, межнациональные отношения, наоборот, перестали пользоваться вниманием журналистов, общественных деятелей и авторов, писавших в газету. Исключением являлись праздничные материалы, посвященные, например, очередным годовщинам Октябрьской революции или образования СССР. Подобное явление мы можем

---

⁸⁵⁸ Карачаков Д. М., Карачакова Н. Д. Социально-экономическое развитие Тувы, Горного Алтая и Хакасии во второй половине XX века. Горно-Алтайск, 2008. С. 58.

объяснить тем, что в период правления Н. С. Хрущева был провозглашен курс на развернутое построение коммунизма, в контексте которого формировались новые представления о советском народе, о соотношении национального и интернационального, о взаимоотношениях представителей различных этносов. Так, в частности, в принятой на XXII съезде (1961 г.) Программе КПСС декларировалось, что в условиях развернутого коммунистического строительства, характерной чертой развития национальных отношений будет дальнейшее сближение наций и достижение ими полного единства⁸⁵⁹.

Период «застоя» был отмечен новым усилением политического давления на общество, что привело к прекращению дискуссий по актуальным проблемам, к торможению духовного развития общества и формированию «обтекаемого» подхода к освещению межнациональных отношений. Так, редактор «Звезды Алтая» А. Ф. Чепрасов, отмечая актуальность данной темы для Горного Алтая, как многонациональной области, считал наиболее приемлемым способом ее освещения организацию разговора с читателем «о нем самом, о его жизни, о его повседневных делах, о том, что его радует и тревожит»⁸⁶⁰.

Можно отметить, что в 1964–1989 гг. терминосочетание «межнациональные отношения» в СМИ практически не встречалось, межэтническое взаимодействие рассматривалось, в основном, на примере трудящихся различных стран. Межэтнические конфликты, распространенные, в том числе на бытовом уровне, в прессе не освещались, подобные факты замалчивались, а, следовательно, отсутствовал анализ причин и последствий таких проблем. Авторы научных трудов утверждали, что при социализме насильственное и стихийное сближение наций сменяется добровольным и сознательно планируемым процессом, «вражда народов – их дружбой, национальное неравенство – равенством наций, диспропорциональность в развитии наций – выравниванием уровня их развития, ущемление национальных интересов –

---

⁸⁵⁹ Программа КПСС. М., 1975. С. 113.

⁸⁶⁰ Советский образ жизни: Роль печати, телевидения и радио в пропаганде советского образа жизни: зональный творческий семинар журналистов Западной Сибири и Урала. 26-28 ноября 1974 г.: материалы семинара. Барнаул, 1975. С. 65.

взаимопомощью народов»⁸⁶¹. При этом в газетных публикациях, посвященных юбилеям образования автономных областей, повторялись традиционные идеологические клише, например, о том, что алтайский народ подлинную свободу и свою государственность получил после Великой Октябрьской революции «из рук русского рабочего класса»⁸⁶². Обязательными были также утверждения, что алтайский народ «живет сейчас счастливо широко, с размахом, доволен своей судьбой и стремится к еще лучшей»⁸⁶³.

Отметим, что в едином для всех СМИ сценарии освещения межнациональных отношений сохранялись патерналистские тенденции, когда народы СССР, несмотря на декларирование их равенства, по-прежнему разделялись на категории. Коренные этносы Хакасии и Горного Алтая в прессе часто именовались «малыми народностями», что принижало их статус и роль в развитии собственной культуры и экономики, позволяло усомниться в их способности самостоятельно, без помощи «братского русского народа» решать вопросы своего существования. Главенство патерналистских идей мы видим и в том, что в статьях о «помощи всех народов нашей страны» в проведении индустриализации и культурной революции, всегда особо выделялась роль «великого русского народа»⁸⁶⁴. При этом гармоничность межэтнических отношений объяснялась тем, что трудящихся объединяет «общность идеологии, общность целей», стремление успешно выполнить планы пятилетки или достойно встретить очередной съезд КПСС⁸⁶⁵.

Кризисные явления, охватившие всю страну к концу 1980-х гг., в значительной мере коснулись сферы межнациональных отношений и практики их освещения в СМИ. Этнические конфликты, вспыхнувшие в республиках СССР и на территории РСФСР, политика демократизации общества и гласности сделали возможной и необходимой дискуссию по национальному вопросу, основная часть которой проходила в средствах массовой информации.

⁸⁶¹ Джунусов М. С. Структура национальных отношений // Торжество ленинской национальной политики. Материалы науч. конф., посвященной 50-летию образования СССР. Абакан, 1973. С. 89–90.

⁸⁶² Пятьдесят славных лет // Звезда Алтая. 1972. 17 июня. С. 1.

⁸⁶³ Торжество дружбы народов // Звезда Алтая. 1972. 16 июня. С. 1.

⁸⁶⁴ Дружбой народов сильны // Советская Хакасия. 1980. Октябрь (спецвыпуск). С. 1.

⁸⁶⁵ Там же.

Наиболее активной она стала во второй половине 1989 г. в преддверии Пленума ЦК КПСС по межнациональным отношениям, но быстро вышла за традиционные рамки «откликов общественности» и охватила широкий спектр ранее «закрытых» тем. Этому в немалой степени способствовали и сами СМИ, организуя на своих страницах политические дискуссии, публикуя подборки писем читателей без идеологической цензуры, размещая в радио- и телеэфире первые опросы граждан. Поэтому изучение публикаций позволяет составить мнение об отношении аудитории к ситуации в стране.

В Хакасии основные дискуссии по национальному вопросу развернулись на страницах областного русскоязычного издания. Публикации на эту тему по содержанию, фактическому материалу, умению авторов аргументировать свои утверждения и вести дискуссию условно можно разделить на бытовые, научные, публицистические и официальные. Материалы, объединенные в каждую из групп, в целом отражали позицию различных частей общества, представители которых судили о межнациональных отношениях исходя из личных представлений, знаний, а также с позиции занимаемых должностей.

Бытовым материалам были свойственны слабое знание авторами сути вопроса, ссылки на «рассказы бабушек» или мнения знакомых, подмена объективных фактов личными ощущениями и воспоминаниями. В качестве одного из главных свидетельств отсутствия национальных проблем в области в таких статьях приводилось утверждение, что в их трудовом коллективе «ни разу не было, и сейчас нет конфликтов на национальной почве»⁸⁶⁶. Отметим, что такая позиция была присуща значительной части аудитории, поскольку она совпадала с официальной оценкой состояния сферы межнациональных отношений, насаждавшейся с помощью СМИ в течение десятилетий.

Научные публикации, написанные, в основном, учеными – представителями национальной интеллигенции, содержали глубокий анализ ситуации в историческом ракурсе, а также конкретные предложения, реализация которых могла бы предотвратить межэтнические конфликты. Авторы, в частно-

---

⁸⁶⁶ Шевцов А. Национальное и интернациональное // Советская Хакасия. 1989. 5 сентября. С. 2.

сти, предлагали сформировать систему интернационального воспитания, создать научные центры по отслеживанию межнациональной ситуации в области, ввести в школах курс истории и культуры Хакасии и др.⁸⁶⁷.

Публицистическим материалам, подготовленным журналистами, были присущи логичность изложения, образность, частые ссылки на примеры из личного опыта и на чужие высказывания. Журналистские публикации обладали большей доступностью для понимания аудитории, в них были представлены различные точки зрения и отсутствовали крайности в оценках. Общим их недостатком являлась слабая аргументация собственных суждений.

В группу официальных публикаций вошли интервью партийных руководителей Хакасии и тексты их выступлений на пленумах и конференциях. Для таких материалов была характерна опора авторов на авторитет партии, частое цитирование речей М. С. Горбачева и партийных документов, категоричность и назидательный тон. Традиционными для «официальных» материалов являлись также призывы к «конструктивной критике» и осуждение «говорили» с участием местной интеллигенции, которая, по мнению выступавших, могла привести к разжиганию межнациональной вражды. Такая позиция была следствием того, что «в политической культуре коммунистов отсутствовала традиция политического диалога и компромисса»⁸⁶⁸.

В 1989–1991 гг. обсуждение в прессе автономии вопросов образования, экономического развития области, решения социальных проблем, деятельности КПСС все больше стало приобретать национальную окраску. В качестве наиболее приемлемого и кардинального решения накопившихся проблем пропагандировался выход Хакасии из состава Красноярского края и преобразование ее в республику. Мнения по этому поводу высказывались подчас диаметрально-противоположные, что придавало дискуссии остроту. Но, как показывает наш собственный опыт работы в редакции «Советской Хакасии», мнения, благодаря редакционной правке, на страницах газеты представляли в

---

⁸⁶⁷ Анжиганова Л. Понять и полюбить, принять и помочь // Советская Хакасия. 1989. 6 октября. С. 3.

⁸⁶⁸ Котляров М.В. КПСС в период перестройки: пределы политической адаптации // Власть и общество в Сибири в XX веке. Вып. 4: сб. науч. статей / науч. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск, 2013. С. 226.

«сглаженном» виде. Их презентация позволяла аудитории получать представление о позициях выступавших, но не обостряла и без того накаленные межнациональные отношения. Многие из активистов дискуссионного движения в 1990 г. были избраны депутатами областного Совета народных депутатов, и полемика по национальному вопросу продолжилась, но уже на более высоком уровне. Итогом ее стало проведение в августе 1990 г. I Съезда хакасского народа, делегаты которого подавляющим большинством голосов приняли резолюцию об изменении конституционно-правового статуса Хакасии. Это решение своим постановлением поддержала 3-я сессия областного Совета народных депутатов. 3 июля 1991 г. новый статус Хакасии, как республики был закреплён соответствующим Законом РСФСР.

В Горном Алтае, где проблема межнациональных отношений не стояла столь остро, как в Хакасии, дискуссия по данной теме проходила, в основном, в двух направлениях – культурно-языковом и экологическом. Поводом для начала обсуждения на страницах газет насущных проблем области стало планируемое строительство Катунской ГЭС. Против сооружения этого объекта выступали ученые, журналисты, педагоги, широкая общественность. Проблеме посвящались публикации в центральной и краевой прессе, конференции, круглые столы, совещания, многочисленные письма, направляемые жителями автономии во все инстанции. Но «Звезда Алтая», представляя позицию партийного руководства области, давала возможность выступать на своих страницах только сторонникам реализации данного проекта, которые утверждали, что «объявить весь Горный Алтай национальным парком, конечно, нельзя», поскольку его недра содержат много полезных для народного хозяйства ископаемых. Авторы успокаивали население, что «Катунская и Чемальская ГЭС не противоречат, а, скорее, приближают реализацию этой идеи»⁸⁶⁹. Однако пример соседней Хакасии, в которой строительство ГЭС привело к серьезным экологическим и социально-культурным последствиям, подпитывал протестное движение в автономии. Газета публично отказыва-

---

⁸⁶⁹ Диалог о Катунских ГЭС // Звезда Алтая. 1987. 12 мая. С. 3.

лась печатать многочисленные письма и статьи своих читателей на эту тему, утверждая, что «подобные сложные вопросы не решаются простым голосованием неподготовленной аудитории»⁸⁷⁰, и продолжала размещать материалы, отражавшие официальную точку зрения на строительство ГЭС⁸⁷¹.

Своеобразной компенсацией за игнорирование мнений аудитории по столь важному вопросу, стало развертывание на страницах газеты дискуссии о роли национального языка, возрождение рубрики «Говорить и читать по-алтайски» как своеобразного продолжения образовательной традиции областного издания, существовавшей в 1920-е гг. В прессе выступали активисты созданной в 1989 г. общественной организации «Эне Тил» («Родной язык»), агитируя за восстановление престижа алтайского языка, улучшение качества его преподавания. Участники движения также призывали увеличить количество часов национального вещания, создать курсы родного языка⁸⁷². Больше внимания в областной печати стало уделяться вопросам истории, в том числе судьбам представителей национальной интеллигенции, репрессированных в 1930-е гг. Своей совокупностью такие материалы разрушали формировавшуюся десятилетиями советскую медиареальность, в которой реальная жизнь представлялась однобоко, тенденциозно и необъективно.

Дискуссия о будущем автономии, в том числе о повышении ее статуса, началась в июне 1988 г. В обсуждении этого вопроса редакции газет оказались более свободными от партийного диктата и цензурного контроля. Поэтому они не только публиковали статьи и подборки писем своих читателей, но и организовывали «круглые столы», материалы которых, включая резкую критику местного руководства, размещали на своих страницах⁸⁷³. Итогом публичного обсуждения данного вопроса, в том числе и в средствах массовой

⁸⁷⁰ Бочкарев В. Не лучше ли строить малые ГЭС? // Звезда Алтай. 1989. 10 марта. С. 2.

⁸⁷¹ Катунская ГЭС: роль и место строительства в социально-экономическом развитии Горного Алтай // Звезда Алтай. 1988. 16 сентября. С. 3.

⁸⁷² Ябыштаев Т. С. От национального движения алтайцев к образованию республики Алтай // История и современность республики Алтай: материалы республиканской науч.-историч. конф. Горно-Алтайск, 2012. С. 13.

⁸⁷³ Тюхтенев С. С. Где наши губернские права? // Звезда Алтай. 1988. 12 июня. С. 2; Табышкин Б. Спросите у народа // Звезда Алтай. 1989. 10 ноября. С. 2; Собственное мнение // Звезда Алтай. 1989. 18 ноября. С. 1–2; Чепрасов А. Согласие при разногласиях // Звезда Алтай. 1990. 13 марта. С. 2.

информации, стало принятие ряда официальных обращений и постановлений, на основе которых 3 июля 1991 г. был принят Закон РСФСР, закрепивший преобразование Горно-Алтайской автономной области в республику.

Можно констатировать, что изменение численности и других характеристик аудитории в рассматриваемый период происходило под сильным влиянием экономических реформ, в ходе которых увеличились темпы промышленного освоения Сибири, масштабы внутренней и внешней, организованной и самодеятельной миграции. Это привело к изменениям в социальном, возрастном и профессиональном составе аудитории, к повышению ее образовательного, культурного и интеллектуального уровня. Политические реформы, приведшие к некоторой либерализации общественной жизни, отказу от активного «врагоискательства», к большей открытости во взаимоотношениях с зарубежными странами, способствовали трансформации содержания государственной информационной политики и, в том числе расширению информационных каналов. СМИ, находясь в условиях идеологических ограничений выбора тематики и возможностей творческого поиска журналистов, не могли удовлетворять повысившиеся информационные запросы и интересы граждан. Это стимулировало развитие у представителей аудитории навыков чтения прессы «между строк» и активность их обращения к неофициальным каналам информации, расширившимся в связи с притоком переселенцев, созданием крупных предприятий и новых городов.

Исследование показало, что в Хакасии данные процессы проходили активнее, чему способствовали высокие темпы промышленного строительства, значительный прирост населения за счет приехавшей молодежи, создание местного телевидения, последствия сооружения ГЭС, вызвавшие изменение среды обитания и переселение части местных жителей из зоны затопления, ухудшение социальной и экологической обстановки, уничтожение культурно-исторических памятников. В Горном Алтае возможности взаимодействия СМИ со своей аудиторией были ограничены из-за закрытия районных газет и других реформ системы СМИ, не учитывавших национальную, языковую,

профессиональную и возрастную специфику читателей и радиослушателей автономии. Возложение на областные газеты обязанностей по информационному обеспечению всех жителей области привело к тому, что в газетах превалировала сельская тематика, в то время как жизни горожан, их информационным нуждам и представлениям о происходивших событиях не уделялось должного внимания.

Результатом некоторой либерализации общественно-политической жизни в период «оттепели» стала трансформация представлений об аудитории СМИ, сформировавшихся в 1920–1930-е гг., что привело к организации социологических исследований, выработке новых форм и методов работы с читателями, радиослушателями и телезрителями. В местных СМИ данные изменения проявились в расширении социально-ориентированной тематики, повышении популярности репортажей, очерков и мемуаров, трансформации «образов» героя, врага и заграничного мира, появлении новых форм радио- и телепередач, усилении культуроформирующей функции СМИ, изменении системы работы с письмами, целей и содержания читательских конференций.

Анализ публикаций позволил сделать вывод о том, что в данный период происходила трансформация и национальной политики, создание новой концепции советского общества и изменение взглядов на историю коренных народов рассматриваемых территорий. Поскольку освещение актуальных проблем, в частности, межнациональных отношений, средствами массовой информации проводилось в соответствии с идеологическими установками и положениями, зафиксированными в партийных документах, то изменения национальной политики нашли отражение и в публикациях СМИ.

Процессы демократизации общества и политики гласности стали заметными в местных СМИ лишь к концу 1980-х гг. В Горном Алтае дискуссионные процессы начались в 1987 г. в связи со строительством Катунской ГЭС и продолжились в ходе обсуждения вопросов возрождения алтайского языка и повышения статуса автономии. В Хакасии преодолеть искусственное сдерживание дискуссии на страницах местных газет удалось только во второй

половине 1989 г. В опубликованных без идеологической цензуры материалах нашел отражение широкий спектр мнений жителей Хакасии и Горного Алтая по наиболее важным проблемам жизни страны, их подлинные представления о прошлом, настоящем и желаемом будущем своей малой и большой Родины.

Таким образом, с 1954 г. до 1991 г. в рассматриваемых автономиях происходила активная дифференциация средств массовой информации, в том числе по профессиональной целевой аудитории. Отсутствие военных катаклизмов, некоторая либерализация общественной жизни, реформирование промышленности и сельского хозяйства создали условия для количественного и качественного роста аудитории и авторского состава СМИ, повышения их образовательного и интеллектуального уровня, потребностей в получении общественно-значимой информации и, как следствие – усиления их взаимодействия и взаимовлияния.

В Хакасии эти процессы происходили наиболее интенсивно. Расширение системы СМИ в первую очередь было связано с освоением целины и промышленным строительством, активизировавшимся в связи с реализацией проекта Саянского территориально-промышленного комплекса. Создание новых совхозов, предприятий и населенных пунктов стимулировало появление в автономии ряда многотиражных и городских изданий. Также в систему СМИ было включено и местное телевидение, созданное методом народной стройки на средства, выделенные промышленными предприятиями Хакасии и юга Красноярского края. Поскольку оно имело возможность развиваться в системе общесоюзного телевидения, то к концу рассматриваемого периода накопило богатый опыт и традиции, сформировало свои технические и творческие кадры, собственную аудиторию. Это в значительной мере способствовало усилению взаимодействия между СМИ, аудиторией, авторами публикаций, медиаинформацией и, как следствие, расширению массово-информационного пространства автономной области.

Усложнение типологической структуры СМИ Хакасии содействовало увеличению охвата аудитории, вовлечению в массово-информационную деятельность новых авторов публикаций, прежде всего, работников умственного труда, представителей творческой интеллигенции. Это также привело к росту журналистского корпуса автономии, развитию профессионально-творческой конкуренции среди его представителей, усилению их влияния на общество и повышению роли в массово-коммуникационных процессах, что обеспечило поступательное развитие массово-информационного пространства области.

Исследование показало, что главенство так называемого принципа экономической целесообразности при рассмотрении проблем, связанных с развитием СМИ, поставило решение вопросов о создании новых средств массовой информации, увеличении формата, тиража и штатов уже существующих изданий в прямую зависимость от уровня промышленного развития территории, темпов расширения производственного комплекса и увеличение трудовой миграции в регион. Эксперименты по оптимизации расходов на содержание прессы в Горном Алтае, не обладавшем развитой промышленностью и перспективой роста населения, привели к ликвидации районных изданий, объединению редакций «Звезды Алтая» и «Алтайдын Чолмоны», следствием чего стало существенное сокращение не только системы СМИ, но и массово-информационного пространства. Это привело к уменьшению аудитории, прежде всего коренной национальности, трудностям в формировании журналистского корпуса и авторского актива. Сужение тематических и географических рамок медиаинформации снизило интерес читателей к областным изданиям и, как следствие, активность их взаимодействия со СМИ. Также причиной стагнации массово-информационного пространства Горного Алтая стало отсутствие местного телевидения, создание которого оказалось невозможным из-за невысокого уровня развития местной промышленности.

Главным явлением рассматриваемого периода стала десталинизация общества, что привело к изменению взаимодействия государства и социума, отношения к личности человека, содержания информационной политики.

Это, в свою очередь, создало основу для трансформации представлений об аудитории, форм и методов пропагандистского воздействия на нее, способов установления и поддержания взаимодействия с ней, критериев оценки эффективности деятельности СМИ, функций журналистов. Однако повышение внимания к человеку не привело к коренным изменениям в формировании содержания средств массовой информации, поскольку определяющее влияние на данный процесс по-прежнему оказывали партийный диктат и цензура. Содержание, основные направления и методы реализации государственной информационной политики вплоть до конца 1980-х гг. оставались неизменными. Это определяло характер взаимодействия и взаимовлияния СМИ, аудитории, авторов публикаций и медиаинформации в Хакасии и Горном Алтае, и в итоге – условия и результаты формирования массово-информационных пространств данных территорий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Средства массовой информации, будучи заметным явлением общественной жизни и важным результатом человеческой деятельности, выступают также главным инструментом реализации государственной информационной политики, оказывая на общество и его представителей идеологическое воздействие. Его степень и масштабы выявляются при комплексном изучении деятельности СМИ в аспекте взаимодействия и взаимовлияния с аудиторией, авторами публикаций и медиаинформацией. Для достижения такой комплексности в данном исследовании была использована разработанная автором модель массово-информационного пространства (МИП). Ее основу составили понятия различных видов пространств и массово-информационной деятельности. Их интерпретация позволила смоделировать данное пространство как теоретическую модель фрагмента действительности, возникновение и существование которого обусловлено взаимодействием и взаимовлиянием средств массовой информации, аудитории, авторов публикаций и медиаинформации. Организация деятельности людей по установлению и поддержанию такого взаимодействия, определение его цели, желаемых результатов, идейной (идеологической) составляющей являются основой государственной информационной политики в сфере СМИ. Реализация данной политики происходит посредством государственной поддержки подконтрольных власти средств массовой информации, мероприятий, направленных на формирование аудитории и авторского состава СМИ, контроля за содержанием медиаинформации, обеспечения условий и стимулов полноценного взаимодействия всех элементов МИП.

Основной целью советской информационной политики в сфере СМИ являлось обеспечение реализации технологии создания тоталитарной медиареальности и условий ее восприятия гражданами страны. Для этого использовался принцип политической целесообразности отбора информации, в массово-коммуникационные процессы вовлекались широкие слои населения, у них

формировались потребности в получении и распространении общественно-значимой информации, традиции восприятия и усвоения идей и стереотипных представлений о действительности («образов»). Результатом этого являлось целенаправленное информационное воздействие на граждан, позволявшее обеспечивать легитимность власти, поддержку ее политики и отдельных мероприятий.

Выделение медиаистории, как направления исторических исследований, изучающего деятельность людей, происходящую в массово-информационном пространстве, позволяет рассматривать данные процессы предметно и системно, с учетом особенностей влияния на него различных факторов, в том числе национального, в отдельные периоды истории. В данном диссертационном исследовании в качестве предмета медиаистории мы рассмотрели взаимодействие СМИ, аудитории, авторов публикаций и медиаинформации, и результат этого взаимодействия – формирование массово-информационных пространств в конкретных территориальных (Хакасия и Горный Алтай) и широких временных рамках (70 лет). Такая территориальная и временная локализация исследования позволила выявить особенности формирования и функционирования МИП двух национальных регионов, обладавших в советский период одинаковым административным статусом, определить влияние на возникновение данных особенностей политического, экономического, культурного, национального, географического, человеческого и других факторов.

Проведенный анализ литературы по проблеме показал, что комплексное изучение взаимодействия и взаимовлияния СМИ, аудитории, авторов публикаций и медиаинформации в контексте государственной информационной политики ранее не являлось предметом исторических исследований. Авторы диссертаций, монографий, статей и других научных работ, подготовленных в советский и постсоветский периоды, акцентировали свое внимание преимущественно на изучении процесса становления и развития средств массовой информации. При этом взаимодействие СМИ с аудиторией, авторами публи-

каций и медиаинформацией часто рассматривались как второстепенные аспекты проблемы. В результате из четырех элементов массово-информационного пространства наиболее изученным оказалось прошлое средств массовой информации, представленных преимущественно периодической печатью.

Анализ степени изученности проблемы в соотнесенности с основными событиями и явлениями в общественно-политической жизни страны позволил разработать внутреннюю периодизацию советского и постсоветского этапов формирования историографии изучаемой темы и выявить следующие **закономерности**.

1. Рассмотрение истории СМИ в контексте истории ВКП(б)–КПСС, характерное для советского периода историографии, существенно ограничивало выбор аспектов изучения деятельности средств массовой информации, заставляло ученых акцентировать внимание на практической значимости результатов исследования, приводило к необъективности выводов, к нарушению принципа научности в отборе и использовании источников и фактов. Такой подход также способствовал формированию определенных схем изучения прошлого центральной и региональной прессы, радиовещания, телевидения в соответствии с партийными установками, заранее определенными оценками и результатами.

2. Устранение в постсоветский период идеологических ограничений в разработке методологии и расширение источниковой базы исследований стимулировали научный поиск ученых по различным направлениям реализации государственной информационной политики в сфере СМИ (создание механизмов политического контроля, взаимоотношения СМИ с властью и аудиторией и т. д.). Активная регионализация медиаистории расширила географию исследований, но в то же время, привела к формированию новых схем в формулировке и раскрытии тем.

3. Современные концепции исследования истории СМИ создаются авторами (А. А. Грабельниковым, Д. Л. Стровским, Ф. Т. Кузбековым) в меж-

предметной области – на стыке истории и филологии, политологии, культурологии, что обусловлено, на наш взгляд, многоаспектностью деятельности СМИ, их включенностью в различные сферы жизнедеятельности общества.

4. История периодической печати на протяжении советского и постсоветского этапа изучалась активнее, по сравнению с прошлым радио и телевидения, что можно объяснить не только поздними сроками появления аудиовизуальных СМИ, но и недостаточной разработанностью методологической и источниковой базы исследования радио- и телевидения.

5. Степень изученности прошлого СМИ напрямую зависит от того, насколько разработанной является история культурного развития страны или региона. Данная закономерность особенно заметна при рассмотрении прошлого региональных средств массовой информации, в том числе СМИ Хакасии и Горного Алтая.

Исследование степени изученности проблемы позволило выявить следующие **противоречия**.

1. Наиболее значимым можно назвать противоречие между существующими стереотипными оценками деятельности СМИ и необходимостью объективного и всестороннего изучения их функционирования, в том числе комплексного анализа их взаимоотношений с другими субъектами массово-информационного процесса.

2. Имеются противоречия между сохранившимися с советского времени схемами в рассмотрении прошлого СМИ и потребностью в формировании современных концепций его исследования, с учетом реализации в стране и регионах информационной и национальной политики.

3. Выделим также противоречие между традиционным подходом к использованию публикаций СМИ в качестве исторического источника и необходимостью разработки методологической основы анализа значительного массива медиаматериалов для полноценного и всестороннего изучения деятельности средств массовой информации.

Нами был сделан вывод о том, что данные противоречия устранимы при использовании в изучении истории средств массовой информации в качестве основополагающей теоретической модели массово-информационного пространства.

Анализ источниковой базы, основу которой составила делопроизводственная документация, систематизация части этих источников по степени их верификации и хронологии создания позволили констатировать, что возникновение МИП является исторически-обусловленным процессом. На темпы, сроки, масштабы его формирования влияют различные факторы, в первую очередь политический, экономический, национальный, культурный.

Возникновение массово-информационного пространства требует определенных предпосылок: наличия письменности и традиций ее использования в массовой коммуникации, создания системы образования, культурного воспитания и политического просвещения граждан, формирования у населения устойчивой потребности в распространении и получении общественно-значимой информации. Как показало исследование, в Хакасии и Горном Алтае возникновение таких предпосылок было затруднено из-за специфики политической ситуации в рассматриваемых территориях и образа жизни большинства коренного населения, сложностей с созданием и внедрением этнической письменности в массовую коммуникацию. Был также сделан вывод о том, что заметное влияние на формирование таких предпосылок оказывали: уровень развития местной промышленности, наличие крупных населенных пунктов, состояние транспортных и других коммуникаций, потенциал издательской базы.

Анализ постановлений ЦК ВКП(б) и архивной документации позволил констатировать, что в Хакасии и Горном Алтае в создании предпосылок возникновения массово-информационных пространств в 1920-е гг. ведущую роль играл национально-политический фактор. Реализация национальной политики, в которой приоритетными являлись автономизация, культурное просвещение, развитие языков и элит нерусских народов, обусловила мощную

государственную поддержку различных форм образовательной и культурно-просветительской работы в данных территориях. Заинтересованность власти в пропаганде своих политических целей и задач, в формировании новой личности человека определила главное направление информационной политики – вовлечение в массовую коммуникацию широких слоев населения. В результате к 1930-м гг. в автономиях были созданы политические, экономические и культурные условия, в которых происходило становление их массово-информационных пространств.

Создание системы СМИ, служащее своеобразным запускающим механизмом возникновения массово-информационного пространства, в рассматриваемых национальных территориях в 1920–1930-е гг. имело свои особенности. Проведенное исследование показало, что в Горном Алтае пресса возникла на несколько лет раньше, чем в Хакасии, но развивалась в сложных условиях НЭПа. Областные русскоязычное и национальное издания, созданные практически одновременно, испытывали постоянные трудности с финансированием их выпуска, снабжением бумагой, организацией подписки, материально-техническим и кадровым обеспечением работы редакций и типографии. Это затрудняло установление взаимодействия СМИ с другими элементами массово-информационного пространства и, как следствие, реализацию государственной информационной политики в автономии.

Особенностью создания прессы Хакасии явилось то, что здесь первым начало выходить издание на языке автохтонного народа, а информационные потребности русскоязычного населения удовлетворяла газета соседнего с национальным районом г. Минусинска. Развитие русскоязычной периодической печати сдерживало отсутствие в национальном районе собственной типографии. Был сделан вывод о том, что эти обстоятельства определили на начальном этапе основные различия в качестве содержания и уровне подготовки изданий, сроках и масштабах организации аудитории. Однако централизованное создание районной и многотиражной печати, проведение политики унификации местных изданий, усиление политической цензуры и партий-

ного контроля над деятельностью прессы привели к тому, что к середине 1930-х гг. отличия между газетами Хакасии и Горного Алтая, возникшие из-за разницы в сроках их создания и условиях существования, были нивелированы.

Расширение системы СМИ рассматриваемых автономий в предвоенное десятилетие происходило за счет развития местного радиовещания, стенной, многотиражной, районно-городской, областной молодежной и крестьянской печати. Анализ комплекса источников позволил сделать вывод о том, что основное влияние на данный процесс в 1930-е гг. оказывал политический фактор, который доминировал над экономическим фактором. Финансирование убыточных газет, создание или прекращение выпуска различных изданий определялось политической целесообразностью расширения возможностей проведения пропаганды с использованием ресурсов СМИ или необходимостью сужения информационных потоков. Политизация содержания газет, низкое качество их материалов, директивный тон общения с читателями снижали интерес аудитории к прессе. Был сделан вывод о том, что данная проблема решалась за счет организации профессиональной подготовки работников редакций, развития массового рабселькоровского движения и принуждения граждан к подписке на периодическую печать. Такие методы реализации советской информационной политики в сфере СМИ, по нашему мнению, позволяли эффективно воздействовать на сознание аудитории, манипулировать ее поведением и в итоге – реализовывать масштабные экономические и политические проекты.

Изучение процесса организации аудитории и авторского состава позволило констатировать, что на начальном этапе существования СМИ в Хакасии и Горном Алтае он происходил по схожему сценарию. Внедрение прессы в общественную жизнь сдерживалось не только из-за массовой неграмотности населения, но и из-за особенностей информационного обмена, исторически сформировавшихся у представителей коренного этноса, составлявших в рассматриваемых территориях значительную часть населения, а также высокой

степени влияния неформальных лидеров общественного мнения. Поэтому, как показал анализ источниковой базы, основные усилия партийных и советских органов были направлены на изменение традиционного мировосприятия, разрушение авторитета неформальных лидеров общественного мнения и создание лидеров формальных, которые выступали проводниками политических идей в массы. Идеологическая и политическая составляющие в деятельности школ, ликбезов, изб-читален, клубов и кружков определяли характер информационных потребностей людей, формирование новых традиций потребления медиаинформации, совмещавших публичную устную и письменную коммуникацию (коллективные читки газет, коллективное радиослушание, собрания, митинги и проч.), вовлечение в массово-информационную деятельность широкого круга внештатных корреспондентов из числа сельских жителей.

На формирование МИП Хакасии и Горного Алтая влияли местные условия: особенности предоставления им статуса автономных областей, численность и образ жизни коренного населения, состояние путей сообщения и каналов коммуникации, уровень развития промышленности, образования и системы культпросвета, издательской базы. Эти условия определили различия в сроках и масштабах становления массово-информационных пространств рассматриваемых территорий. Но эти различия были нивелированы во второй половине 1930-х гг. в результате проведения в Хакасии и Горном Алтае кампании по типологической и содержательной унификации местных СМИ, создания радиовещания и системы цензуры, а также массовых политических репрессий, исключивших из числа авторов публикаций представителей, прежде всего, этнической интеллигенции. Произошедшее в этот период изменение национальной политики и сужение информационных потоков, вызванное ужесточением политического контроля, привели к сокращению числа двуязычных изданий и возможностей использования языков коренных этносов в массово-информационных пространствах автономий.

Исследование показало, что в годы Великой Отечественной войны произошло поэтапное и значительное сокращение системы СМИ рассматриваемых автономий, обусловленное влиянием экономического фактора, прежде всего, необходимостью перераспределения материальных и трудовых ресурсов в пользу фронта. Это привело к существенному сужению каналов снабжения аудитории медиаинформацией, к сокращению возможностей использования национальных языков в процессе массовой коммуникации. Мы констатировали, что в результате уменьшения тиража, объема, периодичности газет, времени вещания местного радио, сокращения количества изданий, усиления цензуры и расширения перечня сведений, запрещенных к печати, СМИ Хакасии и Горного Алтая не могли полностью удовлетворять повысившиеся в условиях войны потребности аудитории в получении общественно-значимой информации.

Произошедшие во время Великой Отечественной войны изменения гендерного и социального состава аудитории, ее психологического состояния привели к усилению эмоциональной составляющей публикаций, системному использованию приемов и форм организации медиаинформации, в частности, к активизации переписки через газеты. Уменьшение численности журналистского корпуса, вызванного массовой мобилизацией и сокращением штатов редакций, было отчасти компенсировано включением в состав авторов публикаций представителей эвакуированного населения и военнослужащих. Благодаря этому сокращение системы СМИ, при повышении интенсивности взаимодействия их редакций с аудиторией и авторским активом, как мы считаем, не привело к сужению или трансформации массово-информационных пространств рассматриваемых территорий. Это обеспечило эффективность проведения государственной информационной политики в автономиях в военный период.

Восстановление системы местных СМИ в послевоенное десятилетие происходило в условиях усиления «культы личности», ужесточения диктата партийных органов, их вмешательства во все сферы деятельности средств

массовой информации. Влияние данных факторов, на наш взгляд, в значительной степени определяло содержание публикаций и расширение партийной тематики. Было также выявлено, что, несмотря на политически обусловленную необходимость активизации идеологического воздействия на общество, восстановление и увеличение в послевоенный период объема, тиража, периодичности газет и времени местного вещания находилось в прямой зависимости от материально-технических возможностей и уровня экономического развития страны и рассматриваемых автономных областей, то есть происходило под влиянием экономического фактора.

Анализ документов позволил сделать вывод о том, что в послевоенный период, в условиях политического давления на духовную сферу произошло сокращение аудитории, снижение ее интереса к СМИ, как источнику общественно-значимой информации, ослабление связей редакций со своими читателями и радиослушателями. Политические гонения на интеллигенцию практически исключили ее представителей из авторского актива СМИ рассматриваемых автономий, увеличили присутствие на страницах газет и в радиоэфире формальных лидеров общественного мнения, в первую очередь партийных функционеров.

В 1954–1991 гг. определяющее влияние на процесс развития системы средств массовой информации Хакасии и Горного Алтая и ее взаимодействия с аудиторией, авторами публикаций и медиаинформацией стал оказывать экономический фактор. Проведенный анализ делопроизводственной документации, отложившейся в фондах аппарата ЦК КПСС, краевых и областных комитетов партии, позволил сделать вывод о том, что в решении вопросов, связанных с развитием СМИ применялся принцип экономической целесообразности. В соответствии с ним определялась необходимость расширения информационных возможностей или закрытия существующих СМИ, создания новых видов изданий, организации местного телевидения. Главными критериями оценки служили уровень развития производственного комплекса и экономическая перспективность региона.

Исследование показало, что в 1960–1980-е гг. в условиях интенсивного промышленного освоения Сибири определились основные различия в уровне экономического развития рассматриваемых территорий. Это отразилось на структуре и состоянии систем СМИ, их взаимодействии с аудиторией, авторами публикаций и медиаинформацией. Наличие в Хакасии развитой инфраструктуры и промышленности, собственной строительной индустрии определило ее выбор в качестве центральной площадки для реализации проекта Саянского территориально-производственного комплекса. Это привело к созданию здесь в 1970–1980-е гг. новых промышленных предприятий и городов, масштабной трудовой миграции. Был сделан вывод о том, что необходимость расширения охвата и усиления идеологического воздействия на жителей автономии, удовлетворения их информационных потребностей обусловила значительное увеличение тиража, формата и периодичности областных и районно-городских газет, создание многотиражной печати на предприятиях и в новых совхозах. Показателем и следствием активного промышленного освоения автономии служит организация областного телевидения, осуществленная за счет привлечения местных ресурсов, прежде всего, средств, выделенных крупными предприятиями и организациями. Свидетельством высокого, в сравнении с Горным Алтаем, уровня экономического развития Хакасии является создание здесь с 1990 г. частных изданий, существовавших на доходы от рекламы.

1950–1980-е гг. можно обозначить как период самых значительных изменений в составе аудитории и авторов публикаций Хакасии, вызванных увеличением населения области в результате освоения целины и активного промышленного строительства. Это, как мы считаем, привело к созданию новых СМИ, в том числе телевидения, обусловило расширение численности аудитории, журналистского корпуса и внештатных авторов, прежде всего, за счет социально активной молодежи.

Анализ источников позволил сделать вывод о том, что в Горном Алтае, где промышленность из-за специфики местных условий развивалась медлен-

ней, в этот же период было проведено существенное сокращение системы СМИ за счет закрытия низовой печати. Такое решение было аргументировано необходимостью снижения убыточности местной прессы. Мы констатировали, что это событие отразилось на качестве снабжения информацией населения, привело к сужению возможностей использования алтайского языка в массово-информационной деятельности. По экономическим же причинам в области не было создано телевидение. Совокупность данных факторов, а также отсутствие массового притока в автономию трудовых мигрантов и сохранение привычных условий обитания местного населения обусловили некоторую консервацию потребностей жителей Горного Алтая в получении и распространении общественно-важных сведений. Следствием этого стало снижение активности взаимодействия всех элементов МИП и стагнация данного пространства в области.

Отметим также, что реформы Н. С. Хрущева, обеспечившие переход от военизированно-бюрократической к административно-бюрократической форме советского общества и отказ от мобилизационных и репрессивных методов решения социальных проблем, определили изменение отношения к личности человека. Это привело к трансформации представлений об аудитории, к внедрению в практику социологических методов ее изучения, расширению спектра форм и методов взаимодействия с нею СМИ, изменению социального состава внештатных авторов, в частности, превалированию в нем представителей интеллигенции. Подобные явления, особенно заметные в период «оттепели» и перестройки, вызвали изменение приоритета функций журналистов, необходимость повышения образовательного, культурного и профессионального уровня сотрудников редакций.

Сравнительный анализ постановлений ЦК ВКП(б)–КПСС, документации партийных и цензурных органов, содержания прессы позволил сделать вывод о том, что на протяжении всего рассматриваемого периода соблюдение идеологических установок в содержании СМИ обеспечивалось многоуровневой цензурой, осуществлявшейся как в самих редакциях, так и ЛИТО. Единая

идеологическая линия поддерживалась за счет обязательной перепечатки местной прессой большого количества материалов ТАСС и центральных изданий. Дублирование на страницах областных, районных, городских газет Хакасии и Горного Алтая международной информации, передовых статей «Правды», текстов речей партийных лидеров и руководителей государства, материалов съездов и судебных процессов способствовало формированию специфического облика местной прессы, ее визуального и содержательного единообразия, а также набора приемов, с помощью которых изображалась зарубежная жизнь, ситуация в стране, в области, районе или городе.

Историко-концептный анализ публикаций газет Хакасии и Горного Алтая, в том числе такого источникового комплекса, как опубликованные в газетах письма, позволил определить, что СМИ активно формировали «образы» или стереотипизированные представления об отдельных явлениях действительности. Среди них наиболее значимыми являлись «образы» заграничного мира, героя и врага. Наиболее пристальное внимание их созданию уделялось в 1930–1950-е гг. Десталинизация общества и расширение информационных каналов привели к деформации прежнего «образа» заграничного мира, героя и врага, сформировавшиеся в 1930-е гг. и, особенно, в период Великой Отечественной войны, в общих чертах сохранялись и пропагандировались в СМИ до конца 1980-х гг.

Был сделан вывод о том, что в исследуемый период формирование «образов» происходило в контексте официальной пропаганды, в русле государственной информационной политики в сфере СМИ, под влиянием внешних факторов (репрессии, война и проч.). Совокупность стереотипизированных представлений о действительности, которые основывались на идеологических установках (идеях), выдвигаемых политическим руководством страны, и пропагандировались средствами массовой информации, составляла основу искусственно конструируемого культурного мира, обозначенного нами как тоталитарная медиареальность. Эффективность реализации технологии ее создания в разные исторические периоды зависела от степени государствен-

ного и идеологического контроля над каналами распространения информации, образовательного и интеллектуального уровня развития аудитории, возможностей населения получать сведения об окружающем мире в результате личных наблюдений и межличностного общения.

Вместе с тем, мы отмечаем, что особенности содержания средств массовой информации Хакасии и Горного Алтая также определялись различиями в уровне развития промышленности, сельского хозяйства и культуры этих регионов, национального состава населения, соотношения городских и сельских жителей в целевой аудитории. Можно констатировать, что на восприятие аудиторией содержащихся в публикациях прессы «образов», политических установок и стереотипов влиял внешний вид и уровень грамотности изданий, качество их оформления, верстки и иллюстративного материала, выбора жанров, географической широты использованных фактов. Интерес к содержанию теле- и радиопередач определялся тематикой и качеством не только самих программ, но и их звучания (изображения). Поэтому важную роль в создании и распространении стереотипных представлений о советской действительности играл технический и человеческий фактор.

Результатом проведенного исследования стал вывод о том, что на процесс формирования массово-информационных пространств рассматриваемых автономий, взаимодействие и взаимовлияние составляющих их элементов основное влияние оказывали важнейшие события, происходившие в общественно-политической жизни страны. Локальные события и явления, местные факторы (географический, национальный, культурный, языковой и др.) обусловили особенности данного процесса, специфику взаимоотношений элементов МИП на региональном уровне, но не имели определяющего значения. Однако под их влиянием сформировались основные различия исследуемых массово-информационных пространств. Среди них мы выделим: 1) темпы расширения и насыщенность системы СМИ изданиями различных типов, включенность в эту систему местного телевидения; 2) численность, национальный, профессиональный, социальный состав аудитории, ее потребности

в получении общественно-значимой информации; 3) численность, уровень профессионализма и универсальности журналистов, удельный вес интеллигенции в составе авторского актива; 4) широта географии, тематики, жанровой палитры медиаинформации, аудиторная привлекательность содержания СМИ. Преимущества Хакасии по всем перечисленным показателям были обусловлены более высоким уровнем ее промышленного развития, который стимулировал значительный рост населения автономии, увеличение количества средств массовой информации, активизацию массово-информационных процессов в автономной области.

Общее в развитии массово-информационных пространств Хакасии и Горного Алтая определялось их функционированием в условиях реализации государственной информационной политики в сфере СМИ, централизованной вертикали политического и организационного управления, единых методов партийного руководства средствами массовой информации и технологии осуществления партийного и цензурного контроля за их деятельностью. Сходство также прослеживается в подчиненном положении национальных СМИ по отношению к русскоязычным, в особенностях их взаимоотношений с партийным руководством и аудиторией. Отметим, что условия для трансформации систем СМИ, изменение характера и повышения интенсивности взаимодействия всех элементов МИП в рассматриваемых областях сложились примерно в одно и то же время – в начале 1990-х гг. Это было вызвано не только новыми тенденциями в законодательстве и политической жизни страны, но и активизацией демократических и национальных сил в самих автономиях, изменением информационных потребностей аудитории, ее отношения к функциям и роли СМИ в общественных, в том числе массово-информационных процессах.

Итогом исследования стал вывод о том, что политический фактор определял условия развития СМИ, степень свободы авторов публикаций, содержание медиаинформации. Экономический фактор влиял на темпы, масштабы формирования и структуру системы СМИ, численность и состав аудитории,

что сказывалось на их взаимодействии с авторами публикаций и медиаинформацией. Особенности формирования массово-информационных пространств Хакасии и Горного Алтая были обусловлены влиянием национального фактора. Наиболее заметным его воздействие было в 1920-е – первую половину 1930-х гг. и в 1989–1991 гг., когда общественно-политические процессы в автономиях имели ярко выраженную национальную окраску, а взаимодействие всех элементов массово-информационных пространств способствовало этнической самоидентификации граждан.

Становление и развитие МИП Хакасии и Горного Алтая происходило в контексте реализации государственной информационной политики в сфере СМИ. Происходившие в этой политике изменения определяли трансформацию региональных систем средств массовой информации, структуры и содержания медиаинформации. Но при этом связи и законы, на основе которых происходило взаимодействие элементов этих пространств, сохранялись. В контексте реализации такой политики формирование массово-информационных пространств Хакасии и Горного Алтая являлось результатом целенаправленной деятельности ВКП(б)–КПСС. Стимулирование взаимодействия и взаимовлияния элементов МИП автономий позволяло внедрять идеи и «образы» тоталитарной медиареальности в массовое сознание, манипулировать поведением их населения и в итоге – эффективно проводить его индоктринацию.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

І. Законодательные и нормативные акты

1. Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации» от 27 декабря 1991 г. // Российская газета, 1992. – 8 февраля.
2. Закон СССР «О печати и других средствах массовой информации» от 12 июня 1990 г. // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР, 1990. – № 26. – Ст. 690–700.
3. Об организации комитетов и редакций по радиовещанию и телевидению в автономных республиках краях и областях РСФСР: Постановление Совета Министров РСФСР №1299 от 11 дек. 1957 г. // Копия: Центральный государственный архив Республики Тыва. Ф. 264. Оп. 1. Д. 576. Л. 25.
4. О вновь организуемых редакциях радиовещания: Отношение Всесоюзного радиокомитета от 23 июля 1943 г. // Копия: НА РХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 942. Л. 146.
5. О мерах по улучшению радиофикации СССР: Постановление Совета Министров СССР от 21 ноября 1949 г. // Изложение: Глейзер, М. С. Радио и телевидение в СССР. 1917–1963. (Даты и факты). – М., 1965. – С. 110.
6. О мероприятиях по дальнейшему развитию и завершению радиофикации сельской местности: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 4 мая 1954 г. // Изложение: Глейзер М. С. Радио и телевидение в СССР. 1917–1963. (Даты и факты). – М., 1965. – С. 120.
7. О порядке распространения газет и журналов: Постановление ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР от 30 сентября 1946 г. // О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении: сб. док-в и мат-в. – М.: Изд-во «Мысль», 1972. – С. 263–264.
8. О преподавании гражданской истории в школах СССР: Постановление СНК СССР и ВКП(б) от 16 мая 1934 г. // Правда, 1934. – С. 1.

9. О развитии жилищного строительства в СССР: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 31 июля 1957 г. // Собрание постановлений Правительства СССР, 1957. – № 9. – С. 332–338.

10. О создании и задачах Советского Информационного бюро: Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 24 июня 1941 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., исправл. и доп. – М., 1985. – Т. 7. – С. 113.

11. О структуре начальной и средней школы СССР: Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 15 мая 1934 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – Т. 5. – М.: Политиздат, 1971. – С. 174–175.

12. О типовых штатах районных и фабрично-заводских редакций радиовещания: Решение СНК СССР от 15 июля 1943 г. // Копия: НА РХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 942. Л. 146.

13. О структуре комитетов по радиовещанию и телевидению в автономных республиках, краях и областях РСФСР: Постановление Совета Министров РСФСР № 959 от 28 июля 1961 г. // Копия: Центральный государственный архив Республики Тыва. Ф. 264. Оп. 1. Д. 810. Л. 4.

II. Документы Коммунистической партии СССР

1. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 19-20 сентября 1989 г. – М.: Политиздат, 1989. – 255 с.

2. Об издательской работе: Постановление ЦК ВКП(б) от 15 августа 1931 г. // КПСС о СМИП. – М.: Политиздат, 1979. – С. 383–391.

3. О крестьянской периодической печати: Постановление Оргбюро ЦК РКП(б) от 16 февраля 1925 г. // КПСС о СМИП. – М.: Политиздат, 1979. – С. 111–115.

4. О периодической печати: Циркуляр ЦК РКП(б) от 20 февраля 1922 г. // КПСС о СМИП. – М.: Политиздат, 1979. – С. 67–69.

5. О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)»: Постановление ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1938 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – Изд. 7. – Ч. III. – М., 1954. – С. 316–332.

6. О районном местном радиовещании: Постановление ЦК ВКП(б) от 3 июня 1943 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: [9-е изд., исп. и доп.]. – М., 1985. – Т. 7. – С. 418–419.

7. О районных газетах: Постановление ЦК ВКП(б) от 13 июля 1940 г. // КПСС о СМИиП. – М.: Политиздат, 1979. – С. 173–175.

8. О реорганизации сети газет в связи с ликвидацией округов: Постановление ЦК ВКП(б) от 11 августа 1930 г. // КПСС о средствах массовой информации и пропаганды. – М.: Политиздат, 1979. – С. 146–147.

9. О сельской районной и низовой печати: Постановление ЦК ВКП(б) от 18 января 1931 г. // // КПСС о средствах массовой информации и пропаганды. – М.: Политиздат, 1979. – С. 150–152.

10. Программа КПСС. – М.: Изд-во Политич. лит-ры, 1975. – 144 с.

III. Делопроизводственная документация

Неопубликованные источники

Материалы федеральных архивов

Государственный архив Российской Федерации

Фонд Государственного комитета СССР по телевидению и радиовещанию – ф. 6903: оп. 3 – д. 67, 322, 564; оп. 4 – д. 20, 334; оп. 48 – д. 997.

Фонд Главного управления по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР – ф. 9425: оп. 1 – д. 68, 153, 242, 341, 1100, 1272.

Российский государственный архив новейшей истории

Фонд Аппарата ЦК КПСС – ф. 5: оп. 16 – д. 606, 726; оп. 34 – д. 4, 17, 33, 34, 36, 110; оп. 55 – д. 18; оп. 58 – д. 24; оп. 61 – д. 36; оп. 77 – д. 145.

Российский государственный архив социально-политической истории
 Фонд ЦК КПСС – ф. 17: оп. 60 – д. 49, 805, 870, 875; оп. 125 – д. 525, 604; оп. 132 – д. 17, 128.

Материалы региональных архивов

Государственное бюджетное учреждение Новосибирской области
«Государственный архив Новосибирской области»

Фонд Сибирского бюро ЦК РКП(б) – ф. 1, оп. 1, д. 1194.

Фонд Сибирского краевого комитета ВКП(б) – ф. 2: оп. 1 – 319, 327, 1033, 1667, 2326, 3333, 3369, 4004, 4334, 4343.

Фонд Западно-Сибирского крайкома партии – ф. 3: оп. 3 – д. 268, 273, 274; оп. 4 – д. 366, 368, 369.

Фонд Исполкома Западно-Сибирского краевого совета депутатов трудящихся – ф. 47: оп. 1 – д. 740, 1466.

Государственный архив Томской области

Фонд Томского губернского управления г. Томск – ф. 3, оп. 2, д. 6928; оп. 73, д. 15.

Фонд Алтайской духовной миссии, г. Бийск – ф. 184, оп. 1, д. 32.

Комитет по делам архивов Республики Алтай

Фонд Горно-Алтайского областного комитета КПСС – ф. 1:
 оп. 1 – д. 5, 30, 33, 117, 288, 373, 460, 489, 517, 607, 661, 711, 764, 864, 914, 940, 991, 1040;
 оп. 2 – д. 108, 145, 149, 215, 275, 372, 373, 425, 486, 644, 684, 882, 952;
 оп. 2а – д. 6, 64, 592, 692.
 оп. 4 – д. 205, 350, 389, 416, 440;
 оп. 43 – д. 10; оп. 58 – д. 15, 19; оп. 61 – д. 10; оп. 64 – д. 12; оп. 67 – д. 7;
 оп. 72 – д. 9.

Фонд редакции республиканской газеты «Звезда Алтая» – ф. 69, оп. 1, д. 1, 2.

Фонд Управления культуры Горно-Алтайского облисполкома – ф. 190, оп. 5, д. 1.

Фонд Горно-Алтайского областного национального драматического театра – ф. 223, оп. 1 «Л», д. 19.

Фонд Горно-Алтайского областного комитета по телевидению и радиовещанию – ф. 312, оп. 2, д. 76.

Фонд Горно-Алтайского производственно-технического управления связи – ф. 337, оп. 1, д. 48.

Фонд редакции районной газеты «За коммунизм» – ф. 373, оп. 1, д. 1, 2, 3, 4.

Фонд объединенных редакций областных газет «Звезда Алтая» и «Алтайдын Чолмоны» – ф. 631, оп. 1, д. 10, 46.

Фонд Горно-Алтайского уездного комитета РКП(б) – ф. 1166, оп. 1, д. 121.

Краевое государственное бюджетное управление «Государственный архив Красноярского края»

Фонд Красноярского краевого комитета КПСС – ф. 26: оп. 1 – 306, 309, 526; оп. 3 – д. 432; оп. 31 – д. 379; оп. 35 – д. 129.

Фонд Красноярского краевого Комитета по телевидению и радиовещанию – ф. 1498: оп. 4, д. 1.

Краевое государственное управление «Государственный архив Алтайского края»

Фонд Алтайского краевого комитета КПСС – ф. 1, оп. 18, д. 302.

Фонд Барнаульской студии телевидения Комитета по радиовещанию и телевидению при Алтайском крайисполкоме – ф. 710, оп. 1, д. 1.

Муниципальное казенное учреждение г. Минусинска «Архив г. Минусинска»

Фонд Минусинского уездного исполкома – ф. 25, оп. 1, д. 163.

Национальный архив Республики Хакасия

Фонд Хакасского окружного комитета ВКП(б) – ф. 1, оп. 1, д. 119, 326.

Фонд Хакасского областного комитета КПСС – ф. 2: оп. 1 – 43, 44, 84, 196, 227, 299, 330, 367, 403, 411, 490, 523, 605, 607, 736, 774, 797, 820, 821, 862, 884, 940, 942, 944, 974, 980, 1030, 1036, 1104, 1156, 1401, 1456, 1514, 1611, 1718, 1719, 1781, 1832, 1835, 1914, 1916, 2037, 2129, 2130, 2312, 2381, 2386, 2405, 2409, 2476, 2589, 3205, 3206, 3240, 3292, 3412, 3497; оп. 12, д. 40.

Фонд Черногорского городского комитета КПСС – ф. 4, оп. 3, д. 9.

Фонд Хакасского обкома ВЛКСМ – ф. 12: оп. 7, д. 3; оп. 9, д. 8.

Фонд Хакасского уездного комитета РКП(б) – ф. 14, оп. 1, д. 48.

Фонд Областного управления связи – ф. 579, оп. 1, д. 36.

Фонд Хакасского областного Комитета по телевидению и радиовещанию – ф. 735, оп. 1, д. 1, 7, 9.

Фонд 809 – фотокопия первого экземпляра газеты «Хызыл аал».

Материалы ведомственных архивов

Архив Государственной телерадиокомпании «Хакасия»

Книги приказов Хакасского областного радиокомитета за 1935–1961 гг.

Материалы личных архивов

Личный архив Г. Д. Нагрузова

1. Выписка из протокола № 10 заседания бюро Абаканского горкома КПСС от 14 февраля 1958 г. «О строительстве любительского телецентра в г. Абакане» (рукопись).

2. Обращение Секретаря Хакасского обкома КПСС В. Колпакова и Председателя Хакасского Исполкома облсовета А. Крапивина в краевой ко-

митет КПСС и исполком краевого Совета депутатов трудящихся от 27 февраля 1959 г. (рукопись).

3. Обращение Секретаря Хакасского обкома КПСС В. Колпакова на имя заместителя председателя Госкомитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР Н. П. Чаплыгину от 18 июня 1959 г. (рукопись).

4. Справка о перечислении денег на строительство телецентра на 28 августа 1958 г. (рукопись).

5. Справка о перечислении средств на строительство Абаканского телецентра, 1958 (рукопись).

Опубликованные делопроизводственные источники

Сборники документов

1. Горно-Алтайская областная организация КПСС. 1920–1982 годы: хроника. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книж. изд-ва, 1983. – 152 с.

2. История советской политической цензуры: документы и комментарии / отв. сост. Т. М. Горяева. – М.: РОССПЭН, 1997. – 672 с.

3. История советской радиожурналистики. Документы. Тексты. Воспоминания. 1917–1945 / сост. Т. М. Горяева. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991. – 434 с.

4. Цензура в Советском Союзе 1917–1991: документы / Рурский университет (Бохум, ФРГ), Институт русской и советской культуры им. Ю. М. Лотмана, Федеральное агентство / сост. А. В. Блюм. – М.: РОССПЭН, 2004. – 575 с.

IV. Статистические материалы

Статистические сборники

1. Десять лет Советской Ойротии. Политико-экономический сборник / под ред. Г. Чучкалова. – Улала: Ойротская типография «Кызыл Ойрот», 1932. – 106 с.

2. Предварительные итоги переписи населения 1926 г. по Ойратской автономной области. – Улала, 1927. – 71 с.
3. Страна Советов за 50 лет: сб. статистич. мат-в. – М.: Статистика, 1967. – 351 с.
4. Экономическо-статистический справочник Ойротской автономной области. – Ойрот-Тура, 1934. – 68 с.

Неопубликованные статистические источники

Национальный архив Республики Хакасия

Фонд Хакасской областной контрольной комиссии ВКП(б) – ф. 16, оп. 1, д. 37.

Фонд Плановой комиссии Хакасского областного исполнительного комитета – ф. 46, оп. 1, д. 5, 581.

V. Источники личного происхождения

Опубликованные источники личного происхождения

1. Абдина, Е. А. Газета «Хызыл аал» в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / Е. А. Абдина // Хакасия в годы Великой Отечественной войны: боевой и трудовой подвиг. – Абакан, 1995. – С. 111–120.
2. Из воспоминаний Павла Лукича Казанцева, участника Великой Отечественной войны, известного педагога, основателя нескольких учебных заведений Горного Алтая // Была война...: сб. архивных документов 1941–1945 гг. – Горно-Алтайск, 2010. – С. 366–369.
3. Митюшёв В. Записки обыкновенного человека [Электронный ресурс] / В. Митюшёв. – URL: <http://www.mybio.ru/zapiski/text/chapter28/page1.html> (Дата обращения: 15.02.2012).
4. Пересыпкин, И. Т. Воспоминания наркома / И. Т. Пересыпкин // Радио в дни войны. – М.: Искусство, 1982. – С. 135–143.

Неопубликованные источники личного происхождения

1. Беседа автора с Абдиной Е. А., сотрудником газеты «Хызыл аал» с 1943 г., записанная 21 января 2002 г. в г. Абакане.
2. Беседа автора с Грищевой В. Г., ветераном Великой Отечественной войны, записанная 17 апреля 2005 г. в г. Абакане.
3. Беседа автора с Ежовой Т. С., 1948 г. р., журналистом Хакасского областного комитета по телевидению и радиовещанию с 1966 по 1997 гг., записанная 18 марта 2014 г. в г. Абакане.
4. Беседа автора с Килижековой-Коковой А. К., 1920 г. р., сотрудником Хакасского областного радиокомитета с 1938 по 1951 гг., записанная 15 января 2006 г. в г. Абакане.
5. Беседа автора с Королевым В. М., ветераном Великой Отечественной войны, записанная 15 апреля 2005 г. в г. Абакане.
6. Беседа автора с Полежаевой Л. А., сотрудником газеты «Советская Хакасия» с 1974 по 1992 гг., ветераном журналистики Хакасии, записанная 17 января 2013 г. в г. Абакане.
7. Воспоминания Г. П. Тарасенко о матери – К. М. Громовой (Тарасенко), записанные по просьбе автора // "Felix P. Tarassenko" ftara@mfu.tsu.ru (Дата сообщения 24.12.2011).
8. Гуревич П. С. Личное письмо к Костяковой Ю. Б. // gurevich@rambler.ru (дата сообщения 15.12.2013).

Российский государственный архив литературы и искусства

Личный фонд М. М. Пришвина – ф. 1125, оп. 2, д. 868.

Национальный архив Республики Хакасия

Личный фонд И. П. Говорченко – ф. 918, оп. 1, д. 2.

Личный фонд С. К. Доброва – ф. Р-658, оп. 1, д. 5, 12, 13, 33, 46.

*Рукописный фонд Хакасского научно-исследовательского института
языка, литературы и истории*

Ф. 310. – Асочаков, В. А. К истории развития печати в Хакасии. – Абакан, 1953 (машинопись).

Личный архив А. Н. Гладышевского

Захаров, М. 30 лет городу Абакану (машинопись).

VI. Периодическая печать

Центральные газеты

«Крестьянская газета» – 1931–1933 гг.

«Правда» – 1931–1937, 1948–1949.

Газета Сибири

«Советская Сибирь» – 1921–1940 гг.

Газеты и журналы Красноярского края

«Власть труда» – 1922–1924, 1926–1930 гг.

«Минусинский листок» – 1915 г.

«Минусинский край» – 1914–1915, 1919 гг.

«Минусинский вестник» – 1916 г.

«Сибирская деревня» – 1913–1917 гг.

«Телеграф и Почта» – 1905 г.

Газета Алтайского края

«Алтайская правда» – 1951 г.

Газеты Горного Алтая

«Алтайдын Чолмоны» («Кызыл Ойрот») – 1925–1940, 1942–1947 гг.

«За колхозы» (Усть-Кан) – 1955 г.

«Звезда Алтая» («Ойротский край», «Красная Ойротия») – 1922–1927, 1931–1937, 1941–1946, 1982, 1984–1991 гг.

«Ойротский охотник» (Онгудай) – 1943 г.

Газеты Хакасии

«Большевистский путь» (Боград) – 1939–1940 гг.

«Знамя коммунизма» (Шира) – 1974 г.

- «Знамя Советов» (Шира) – 1941 г.
 «Комсомол Хакасии» – 1933 г.
 «Советская Хакасия» – 1930–1991 гг.
 «Сталинское знамя» (Бея) – 1939, 1941 гг.
 «Таштыпский колхозник» (Таштып) – 1938 г.
 «Хызыл аал» – 1927, 1931–1945 гг.
 «Шахтер» (г. Черногорск) – 1933 гг.

Статьи в периодической печати

1. А. С. Как существует наша газета / С. А. // Ойротский край. – 1926. – 1 мая. – С. 2.
2. Авторский актив – опора газеты // Правда. – 1949. – 11 августа. – С. 1.
3. Андронов, А. Десять лет стенной газете «Голос учителя» / А. Андронов // Советская Хакасия. – 1958. – 5 мая. – С. 3.
4. Анжиганов. Полностью выполнить тираж «Комсомол Хакасии» на нац. языке / Анжиганов // Комсомол Хакасии. – 1933. – 14 февраля. – С. 4.
5. Анжиганова, Л. Понять и полюбить, принять и помочь / Л. Анжиганова // Советская Хакасия. – 1989. – 6 октября. – С. 3.
6. Апарников, Л. Москва – Хакасия / Л. Апарников // Советская Хакасия. – 1948. – 25 июля. – С. 2.
7. Аршанова, Ф. Ыырчыны чичен ат / Ф. Аршанова // Хызыл аал. – 1941. – 18 июля. – С. 3.
8. Арыштаев. Всем отделениям окрисполкома, окружным организациям и учреждениям, всем райисполкомам и сельсоветам Хакасского округа / Арыштаев // Хызыл аал. – 1927. – С. 1
9. Асочакова, Е. Боецтерни чылыг тонандырарбыс / Е. Асочакова // Хызыл аал. – 1942. – 20 сентября. – С. 2.
10. Асочакова, Е. В. Наказ советской патриотки / Е. В. Асочакова // Советская Хакасия. – 1941. – 18 июля. – С. 3.

- 11.Б. По глухим Хакасским улусам // Власть труда. – 1924. – 10 октября. – С. 2.
- 12.Бабич, В. Таня Кучендаева / В. Бабич // Советская Хакасия. – 1944. – 30 января. – С. 4.
- 13.Баинов, Г. А. Фронтгань письмо / Г. А. Баинов // Хызыл аал. – 1944. – 23 сентября. – С. 2.
- 14.Бирюков. Я видел это. Я мщу! / Бирюков // Советская Хакасия. – 1942. – 26 августа. – С. 1.
- 15.Бобнева, Н. Кавалер четырех орденов / Н. Бобнева // Красная Ойротия. – 1943. – 5 декабря. – С. 2.
- 16.Боевое содружество. «Шахтер» // Советская Хакасия. – 1943. – 5 мая. – С. 3.
- 17.Боевые задачи большевистской печати // Советская Хакасия. – 1941. – 30 октября. – С. 1.
- 18.Борис. Наша победа предрешена заранее / Борис // Советская Хакасия. – 1941. – 31 июля. – С. 2.
- 19.Борисов, Г. Рабочие и сельские корреспонденты / Г. Борисов // Правда. – 1949. – 11 августа. – С. 3.
- 20.Бочкарев, В. Не лучше ли строить малые ГЭС? / В. Бочкарев // Звезда Алтая. – 1989. – 10 марта. – С. 2.
- 21.Бухтуева, Л. В. «Знамя Ленина» / Л. В. Бухтуева // Уймонские вести. – 2000. – 1 сентября. – С. 4.
- 22.В. С. К рабкорам города / В. С. // Власть труда. – 1927. – 8 декабря. – С. 4.
- 23.Важнейшие задачи местной печати // Правда. – 1948. – 18 апреля. – С. 1.
- 24.Васильева, А. Война раньше времени сделала нас взрослыми / А. Васильева // Хакасия. – 2010. – 8 апреля. – С. 4.
- 25.Вахрушева, А. Ф. Говорит Онгудай / А. Ф. Вахрушева // Ажуда. – 2004. – 30 апреля. – С. 3.

26. Все мы куем победу // Советская Хакасия. – 1941. – 31 июня. – С. 3.
27. Встреча с гвардейцем // Красная Ойротия. – 1944. – 29 июля. – С. 4.
28. Гриненко, И. Фашистским извергам не будет пощады / И. Гриненко // Советская Хакасия. – 1942. – 1 апреля. – С. 2.
29. Гребенщиков, Н. Всех «обнимающие» сети / Н. Гребенщиков // Хакасия. – 2004. – 3 февраля. – С. 4.
30. Гребнева, А. Первая девушка-селькор / А. Гребнева // Советская Хакасия. – 1948. – 5 мая. – С. 2.
31. Громова-Тарасенко, К. В глубоком тылу... / К. Громова-Тарасенко // Советская Хакасия. – 1971. – 22 июня. – С. 2.
32. Гуревич, А. Фольклор Хакасии / А. Гуревич // Советская Хакасия. – 1948. – 7 февраля. – С. 3.
33. Д. Итоги 4-й инородческой беспартийной конференции / Д. // Власть труда, 1923. – 17 июня. – С. 2.
34. Дербенев, М. Пора улучшить работу абаканского радиоузла / М. Дербенев // Советская Хакасия. – 1944. – 5 июля. – С. 2.
35. Диалог о Катунских ГЭС // Звезда Алтая. – 1987. – 12 мая. – С. 3.
36. Дианов, А. Смотр стенных газет в Абакане / А. Дианов // Советская Хакасия. – 1941. – 27 ноября. – С. 2.
37. Дружбой народов сильны // Советская Хакасия. – 1980. – октябрь (спецвыпуск). – С. 1.
38. Дэсс. Радиообслуживание на высокую ступень / Дэсс // Советская Хакасия. – 1933. – 20 февраля. – С. 2.
39. Есавочкин, Я. П. Клятву сдержу / Я. П. Есавочкин // Советская Хакасия. – 1943. – 13 июля. – С. 3.
40. Еще раз о врагах в газетах // Правда. – 1936. – 2 сентября. – С. 1.
41. За победу! // Советская Хакасия. – 1942. – 27 ноября. – С. 2.
42. Из истории нашей газеты // Чуйские зори. – 2002. – 11 января. – С. 3.
43. Инкижеков, Л. Мой путь в журналистику / Л. Инкижеков // Хакасия. – 2009. – 11 февраля. – С. 4.

- 44.Иуодинис, Г. Юность моя целинная / Г. Иуодинис // Знамя коммунизма. – 1974. – 25 марта. – С. 3-4.
- 45.К. Бейцы получили радиоаппарат / К // Власть труда. – 1927. – 23 марта. – С. 3.
- 46.К положению рабочих в Сибири // Минусинский край. – 1914. – 20 июля. – С. 3.
- 47.Как борется «Ойротский край» // Ойротский край. – 1927. – 19 февраля. – С. 4.
- 48.Кампания, не доведенная до конца // Правда. – 1931. – 26 ноября. – С. 2.
- 49.Кандараков, Ч. М. Социалистическая Ойротия за 20 лет / Ч. М. Кандараков // Красная Ойротия. – 1942. – 14 июня. – С. 2.
- 50.Катунская ГЭС: роль и место строительства в социально-экономическом развитии Горного Алтая // Звезда Алтая. – 1988. – 16 сентября. – С. 3.
- 51.Климов, Н. Жизнь наших вождей – наша жизнь / Н. Климов // Советская Хакасия. – 1936. – 27 августа. – С. 1.
- 52.Коваленко, А. И. Убедительно прошу / А. И. Коваленко // Советская Хакасия. – 1941. – 24 июня. – С. 3.
- 53.Коймбальский, М. Великая надежда / М. Коймбальский // Власть труда. – 1923. – 4 апреля. – С. 2.
- 54.Кокорин, М. Ни одного комсомольца области без газеты «О. К.» / М. Кокорин // Ойротский комсомолец. – 1932. – 18 сентября. – С. 2.
- 55.Колпаков, И. Ф. Героизм комсомольца Борженакова / И. Ф. Колпаков // Советская Хакасия. – 1944. – 23 февраля. – С. 2.
- 56.Колхозники знакомятся с методами работы иностранных разведок // Советская Хакасия. – 1937. – 11 августа. – С. 3.
- 57.Коронатова, Е. Фронтвики пишут / Е. Коронатова // Советская Хакасия. – 1944. – 12 ноября. – С. 3.

- 58.Костин, М. Из истории печати Хакасии / М. Костин // Советская Хакасия. – 1958. – 5 мая. – С. 3.
- 59.Костяков, И. Фронтной блок-нотань / И. Костяков // Хызыл аал. – 1943. – 15 августа. – С. 2.
- 60.Крин. Об инородческих конференциях (Беседа с делегатом) / Крин // Власть труда. – 1923. – 15 июня. – С. 2.
- 61.Куприянов, Г. Начало большой дружбы / Г. Куприянов // Советская Хакасия. – 1943. – 19 сентября. – С. 2.
- 62.Курица с гранатой // Советская Хакасия. – 1943. – 29 июля. – С. 2.
- 63.Куранаков, Н. Бью врага без промаха / Н. Куранаков // Красная Ойротия. – 1942. – 6 декабря. – С. 2.
- 64.Мартынов, Н. За научную разработку истории Хакасии и ее народа / Н. Мартынов // Советская Хакасия. – 1951. – 31 января. – С. 3.
- 65.Маслов, М. В эфире – Абакан / М. Маслов // Советская Хакасия. – 1980. – 7 мая. – С. 2.
- 66.Махно, Ю. Рядом с Катановым / Ю. Махно // Хакасия. – 2012. – 12 мая. – С. 4.
- 67.Милютин, Б. Атака / Б. Милютин // Красная Ойротия. – 1943. – 7 ноября. – С. 4.
- 68.Михайлов, А. Потомок батрака / А. Михайлов // Советская Хакасия. – 1935. – 5 мая. – С. 1.
- 69.Мы победим // Советская Хакасия. – 1941. – 28 октября. – С. 2.
- 70.На каждый аймак не меньше сотни // Ойротский край. – 1927. – 26 февраля. – С. 3.
- 71.Нарушители финансовой дисциплины // Алтайская правда. – 1951. – 12 июня. – С. 3.
- 72.Наш ответ «Правде». Ошибки будут исправлены // Красная Ойротия. – 1931. – 9 декабря. – С. 2.
- 73.Наш словарь // Советская Хакасия. – 1941. – 23 ноября. – С. 4.
- 74.Наши задачи // Советская Хакасия. – 1935. – 5 мая. – С. 1.

75. Наши корреспонденты. С. Аскызское // Минусинский край. – 1914. – 20 июля. – С. 4.
76. Некрасов И. Письмо с фронта колхозникам и колхозницам / И. Некрасов // Красная Ойротия. – 1941. – 15 октября. – С. 3.
77. Неотложная задача газет // Советская Хакасия. – 1944. – 15 ноября. – С. 3.
78. Носков. Любовь и война / Носков // Советская Хакасия. – 1942. – 7 ноября. – С. 1.
79. Об обзоре газеты «Сов. Сибирь» на газету «Шахтер» // Шахтер. – 1933. – 23 октября. – С. 1.
80. Отдадим жизнь за Сталина // Советская Хакасия. – 1941. – 24 июня. – С. 3.
81. Отстоим независимость своей родины // Советская Хакасия. – 1941. – 24 июня. – С. 3.
82. Паршуткин, Г. Умножим наш счет / Г. Паршуткин, Т. Чуруков, П. Кузнецов, М. Шершнева // «Красная Ойротия». – 1942. – 6 декабря. – С. 2.
83. Петровский, Н. Даешь радио (с. Шебалино) / Н. Петровский // Ойротский край. – 1927. – 9 марта. – С. 2.
84. Письма бодрости и патриотизма // Красная Ойротия. 1941. – 5 ноября. – С. 1.
85. Пишут наши земляки // Советская Хакасия. – 1951. – 28 августа. – С. 4.
86. Полежаева, У. В. Мой сын – летчик / У. Полежаева // Советская Хакасия. – 1941. – 17 августа. – С. 3.
87. Политически воспитать кадры, ликвидировать беспечность // Правда. – 1937. – 29 марта. – С. 1.
88. Помякшев, Г. Контратака немцев захлебнулась / Г. Помякшев // Красная Ойротия. – 1943. – 5 декабря. – С. 2.
89. Потапова, Т. Круто ты попал на ТВ! / Т. Потапова // Хакасия. – 2004. – 29 января. – С. 4-5.

- 90.Проезжий. На фронте печати. «Кызыл Ойрот» в Улагане / Проезжий // Ойротский край. – 1925. – 6 мая. – С. 3.
- 91.Пятьдесят славных лет // Звезда Алтая. – 1972. – 17 июня. – С. 1.
- 92.Районные газеты в борьбе за укрепление тыла // Советская Хакасия. – 1941. – 15 июля. – С. 2.
- 93.Рожанский, А. Дружба и ненависть / А. Рожанский // Советская Хакасия. – 1941. – 18 июля. – С. 1.
- 94.Роль стенных газет в военное время // Советская Хакасия. – 1941. – 18 июля. – С. 1.
- 95.С-в. Радио в нашей деревне / С-в // Власть труда. – 1927. – 3 марта. – С. 3.
- 96.Саитов, Х. Лейтенант Рождественский / Х. Саитов // Кызыл Ойрот. – 1943. – 11 июля. – С. 4.
- 97.Сабашкина, Р. Радио в Горном Алтае / Р. Сабашкина // Сельская новь. – 2002. – 14 августа. – С. 4
- 98.Самрина, В. Хохот в редакции часто стоял до небес / В. Самрина // Хакасия. – 2005. – 3 ноября. – С. 2, 4.
- 99.Сатира острая как штык // Советская Хакасия. – 1943. – 5 мая. – С. 4.
- 100.Семенова, В. Абаканский телецентр / В. Семенова, А. Зыкова // Советская Хакасия. – 1959. – 17 февраля. – С. 4.
- 101.Сергеев, А. Творческий отчет художников Ойротии / А. Сергеев // Красная Ойротия. – 1945. – 2 февраля. – С. 2.
- 102.Симонов, К. Единоборство / К. Симонов // Красная Ойротия. – 1942. – 13 августа. – С. 2.
- 103.Сквозняк // Советская Хакасия. – 1942. – 13 декабря. – С. 4.
- 104.Словина, С. Абакан – Москва, Шестой Всемирный / С. Словина // Советская Хакасия. – 1957. – 13 сентября. – С. 3.
- 105.Собственное мнение // Звезда Алтая. – 1989. – 18 ноября. – С. 1-2.
- 106.Степанова. Почему молчит радио в Бюграде? / Степанова, Самарина, Тимофеева // Советская Хакасия. – 1944. – 12 мая. – С. 2.

107. Табышкин, Б. Спросите у народа / Б. Табышкин // Звезда Алтая. – 1989. – 10 ноября. – С. 2.
108. Телевидение Хакасии. 45 лет в эфире // Территория выбора: спецвыпуск. – 2004. – 18 с.
109. Терентьева, Х. Дела давно минувших дней / Х. Терентьева // Советская Хакасия. – 1948. – 28 августа. – С. 4.
110. Титков, Н. Равняйтесь по фронтовикам / Н. Титков // Красная Ойротия. – 1942. – 6 декабря. – С. 2.
111. Толток-Алтаяк. «Кызыл Ойротко» кожей / Толток-Алтаяк // Кызыл Ойрот. – 1926. – 25 сентября. – С. 2.
112. Торжество дружбы народов // Звезда Алтая. – 1972. – 16 июня. – С. 1.
113. Тыньянов, М. Крестьяне и рабочие Хакасии! / М. Тыньянов // Власть труда. – 1927. – 19 мая. – С. 1.
114. Тюхтенов, С. С. Где наши губернские права? / С. С. Тюхтенов // Звезда Алтая. – 1988. – 12 июня. – С. 2.
115. «Удар» перешел на многотиражку // Советская Хакасия. – 1931. – 26 апреля. – С. 3.
116. Федоровский, Г. Электричество Саралы / Г. Федоровский // Хакасия. – 2006. – 14 июля. – С. 13.
117. Федосеев, Б. «За ударную работу». Колхозная стенгазета в военное время / Б. Федосеев, П. Ачитаев // Советская Хакасия. – 1942. – 5 февраля. – С. 2.
118. Хакасские новости // Власть труда. – 1927. – 4 сентября. – С. 6.
119. Ханза-Пиг // Советская Хакасия. – 1944. – 18 июня. – С. 3.
120. Художник-фронтовик // Советская Хакасия. – 1944. – 9 апреля. – С. 4.
121. Чаптыков, М. Всегда о времени ведя рассказ / М. Чаптыков // Хакасия. – 2005. – 1 ноября. – С. 3.
122. Чебодаева, М. Война и мир художника Варлаама Шоева / М. Чебодаева // Хакасия. – 2010. – 10 октября. – С. 10.

123. Чебочакова, В. Август 1707 – год окончательного присоединения... / В. Чебочакова // Хакасия. – 2007. – 13 марта. – С. 3.
124. Чепрасов, А. Согласие при разногласиях / А. Чепрасов // Звезда Алтая. – 1990. – 13 марта. – С. 2.
125. Черкашина, Л. Воспитаем как родных детей / Л. Черкашина // Советская Хакасия. – 1942. – 9 июля. – С. 1.
126. Чертыкова, М. «Да что там Чойбалсан... Он еще батьку Махно видел» / М. Чертыкова // Абакан. – 2003. – 30 апреля. – С. 3.
127. Чичинов, А. М. Целина: 60-летие [Электронный ресурс] / А. М. Чичинов // Звезда Алтая. – 2014. – 1 марта. – URL: <http://www.zvezda-altaia.ru/celina-60-letie/> (дата обращения: 1.03.2014).
128. Что писать в «Страничку» // Ойротский край. – 1926. – 9 января. – С. 2.
129. Шаповалова, Т. Обретение позиции / Т. Шаповалова // Советская Хакасия. – 1989. – 26 ноября. – С. 3.
130. Шевелев, Я. Крепить дружбу народов / Я. Шевелев // Советская Хакасия. – 1944. – 21 января. – С. 3.
131. Шевелева, Е. Цена газеты лет военных / Е. Шевелева // Хакасия. – 2008. – 23 февраля. – С. 6.
132. Шевцов, А. Национальное и интернациональное / А. Шевцов // Советская Хакасия. – 1989 – 5 сентября. – С. 2.
133. Шеин, М. На позициях / М. Шеин // Советская Хакасия. – 1941. – 26 октября. – С. 2.
134. Шипов, Я. Организуйте кружки газетный чтецов / Я. Шипов // Ойротский край. – 1925. – 6 мая. – С. 3.
135. Шишкина, А. Раздавить кровожадных наймитов / А. Шишкина, Кузанов, Кочетков // Таштыпский колхозник. – 1938. – 17 марта. – С. 1.
136. Ыырчы унадылар, чиньис пісте полар // Хызыл аал. – 1943. – 1 января. – С. 2.

137. Ыырчыны аях чох унадынъар // Хызыл аал. – 1941. – 15 августа. – С. 2.

VII. Словари и справочники

1. Бахтин, В. С. Писатели Ленинграда: биобиблиографический справочник (1934–1981) / В. С. Бахтин, А. Н. Лурье. – Л.: Лениздат, 1982. – 375 с.
2. Богданов, Н. Г. Справочник журналиста / Н. Г. Богданов, Б. А. Вяземский. – Л.: Лениздат, 1971. – 687 с.
3. Большая историческая энциклопедия / Новиков С. В. и др. – М.: Филологическое общество «Слово»: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 943 с.
4. Горно-Алтайская автономная область (краткий краеведческий справочник). – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское обл. книж. изд-во, 1963. – 121 с.
5. Город любимый. Горно-Алтайск в документах и фотографиях. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайская республиканская типография, 1998. – 272 с.
6. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – Т. 1-4. – М.: Рус. яз., 1981. – Т. 1. – 555 с.
7. Зинченко, В. Г. Словарь по межкультурной коммуникации: Понятия и персоналии / В. Г. Зинченко, З. И. Зусман, З. И. Кирнозе, Г. П. Рябов – М.: Флинта: Наука, 2010. – 136 с.
8. Календарь памятных дат Республики Алтай, 2010 год. – Горно-Алтайск, 2009. – 175 с.
9. Календарь юбилейных и памятных дат по Республике Алтай, 2007 год. – Горно-Алтайск, 2006. – 160 с.
10. Календарь юбилейных и памятных дат Республики Алтай. 2013 год. – Горно-Алтайск, 2012. – 184 с.
11. Краткий словарь по социологии / под общ. ред. Д. М. Гришиани, Н. И. Лапина; сост. Э. М. Коржева, Н. Ф. Наумова. – М.: Политиздат, 1989. – 479 с.

12. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Институт философии РАН, Нац. общ.-научн. фонд; науч.-ред. совет: В. С. Степин и [др.]. – Т. III. – М.: Мысль, 2001. – 692 с.; Т. IV, Т-Я. – М.: «Мысль», 2010. – 736 с.

13. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов: Ок. 53000 слов / под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. – 24 изд., испр. – М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2007. – 1200 с.

14. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / РАН; Институт русского языка; Российский фонд культуры. – М.: АЗЪ, 1993. – 960 с.

15. Сибирская советская энциклопедия. – Т. 2. З-К. – Новосибирск: Западно-Сибирское отделение ОГИЗ, 1931. – 1152 с.

16. Сороченко, В. Энциклопедия методов пропаганды [Электронный ресурс] / В. Сороченко. – URL: <http://psyfactor.org/propaganda.htm> (дата обращения: 20.12.2002).

VIII. Интернет-источники

1. История компании [Электронный ресурс]: сайт Филиала РТРС «РТРС Республики Алтай». URL: <http://gorny.rtrn.ru/company/history/> (дата обращения: 7.03.2016).

2. Красное знамя [Электронный ресурс]: WEB-проект о СССР и советской эпохе. URL: <http://www.krasnoyeznamya.ru/> (дата обращения: 14.07.2016).

3. Плакаты СССР (1917–1941) [Электронный ресурс]. URL: <http://gallerix.ru/storeroom/1973977528/> (дата обращения: 12.07.2016)

4. Художники Сибири в дни Великой Отечественной войны [Электронный ресурс]: Масловка – городок художников. Сайт художников Верхней Масловки и НП «Национальное художественное наследие «ИЗФОНД». URL: <http://www.maslovka.org/modules.php?name=Content&pa=showpage&pid=1170&page=31> (дата обращения: 12.01.2016).

ЛИТЕРАТУРА**Монографии и другие книжные издания**

1. Абросимов, М. Деревенские стенные газеты / М. Абросимов. – Л.: Молодая гвардия, 1925. – 77 с.
2. Алтай в период восстановления народного хозяйства (1921–1925 гг.): ист. очерк. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1961. – 331 с.
3. Алферов, В. Н. Возникновение и развитие рабселькоровского движения в СССР / В. Н. Алферов. – М.: Мысль, 1970. – 304 с.
4. Антюхин, Г. В. Очерки истории партийно-советской печати Воронежской области, 1917–1945 / Г. В. Антюхин. – Воронеж, 1976. – 238 с.
5. Асочаков, В. А. Культурное строительство в Хакасии (1917–1937 гг.) / В. А. Асочаков. – Абакан: Хак. отд. Красноярск. книж. изд-ва, 1983. – 180 с.
6. Афанасьев, Ф. Пятнадцать лет Хакасской автономной области / Ф. Афанасьев. – Абакан, 1945. – 47 с.
7. Баскаков, Н. А. Алтайский язык. Введение в изучение алтайского языка и его диалектов / Н. А. Баскаков. – М.: «Наука», 1958. – 116 с.
8. Батасов, А. Социалистическая Ойротия / А. Батасов, Г. Раппопорт. – Барнаул, 1939. – 38 с.
9. Блюм, А. В. За кулисами «Министерства правды»: тайная история советской цензуры. 1917–1929 / А. В. Блюм. – СПб.: Академ. проект, 1994. – 320 с.
10. Блюм, А. В. Советская цензура в эпоху тотального террора, 1929–1953 / А. В. Блюм. – СПб.: Академический проект, 2000. – 312 с.
11. Боженко, Л. И. Культурно-просветительная работа в Сибири в восстановительный период (1921–1925 г.г.) / Л. И. Боженко. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1967. – 203 с.
12. Большевистская печать: Сб. материалов. – Ч. 2 (ноябрь 1917 года – 1945 год) / сост. Б. Яковлев. – М.: ОГИЗ, 1945. – 399 с.
13. Брайант, Д. Основы воздействия СМИ / Д. Брайант, С. Томпсон / Пер. с англ. – М.: Издательский дом «Вильямс», 2004. – 432 с.

- 14.Бурак, Ю. Я. Селькоры и революционная законность / Ю. Я. Бурак. – Л.: Рабочее издательство «Прибой», 1926. – 23 с.
- 15.Гринин, Л. Е. Государство и исторический процесс. Политический срез исторического процесса / Л. Е. Гринин. – М.: КомКнига, 2007. – 240 с.
- 16.Вайль, П. 60-е. Мир советского человека / П. Вайль, А. Генис. – Изд. 2-е, испр. – М.: Новое литературное обозрение, 1998. – 368 с.
- 17.Вартанова, Е. Л. Медиаэкономика зарубежных стран / Е. Л. Вартанова: учебное пособие. – М.: Аспект-Пресс, 2003. – 335 с.
- 18.Вардин, И. В. Советская печать / И. В. Вардин: сб. статей. – М.: Работник просвещения, 1924. – 152 с.
- 19.Волковский, Н. Л. История информационных войн / Н. Л. Волковский. – В 2 ч. Ч. 2. – СПб.: ООО «Издательство «Полигон», 2003. – 736 с.
- 20.Глейзер, М. Радио и телевидение в СССР. 1917–1963 (даты и факты) / М. Глейзер. – М., 1965. – 230 с.
- 21.Говорит Ойрот-Тура! Говорит Горно-Алтайск! – Горно-Алтайск, 2004. – 23 с.
- 22.Гордиенко, П. Ойротия / П. Гордиенко. – Новосибирск, 1931. –145 с.
- 23.Горный Алтай и его население. – Т. 1. Кочевники Бийского уезда. – Вып. I-й / сост. С. П. Шевцов. – Барнаул: Типо-Литография Главн. Упр-я Алт. округа, 1900. – 558 с.
- 24.Горяева, Т. М. Политическая цензура в СССР. 1917 – 1991 гг. / Т. М. Горяева. – 2-е изд., испр. – М.: РОССПЭН, 2009. – 407 с.
- 25.Грабельников, А. А. Массовая информация в России: от первой газеты до информационного общества / А. А. Грабельников: монография. – М.: Изд-во РУДН, 2001. – 330 с.
- 26.Грамматика алтайского языка (составлена членами алтайской миссии). – Казань, 1869. – 298 с.
- 27.Грачев, М. Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития / М. Н. Грачев. – М.: Прометей, 2004. – 328 с.

28. Гришин, В. В. Катастрофа. От Хрущева до Горбачева В. В. Гришин. – М.: Алгоритм: Эксмо, 2010. – 272 с.
29. Грушин, Б. А. Четыре жизни России в зеркале общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева / Б. А. Грушин. – М.: «Прогресс-Традиция», 2001. – 624 с.
30. Гуревич, П. С. Роль радиовещания в культурной революции в СССР (1917–1963). Даты и факты / П. С. Гуревич. – М., 1965. – 152 с.
31. Гуревич, П. С. Советское радиовещание. Страницы истории / П. С. Гуревич, В. Е. Ружников. – М.: Искусство, 1976. – 382 с.
32. Дондоков, Б. Ц. Возникновение и развитие партийно-советской печати в Бурятии (1918–1937 гг.) / Б. Ц. Дондоков. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1960. – 135 с.
33. Дубровин, В. В. К истории советского радиовещания / В. В. Дубровин. – Л.: Изд-во ЛГУ. – 1972. – 256 с.
34. Егоров, К. И. Люди моего времени: рассказы очерки / К. И. Егоров. – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2004. – 208 с.
35. Жирков, Г. В. Советская крестьянская печать – один из типов социалистической прессы / Г. В. Жирков. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. – 179 с.
36. Жирков, Г. В. История цензуры в России XIX - XX вв. / Г. В. Жирков. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 367 с.
37. Зубкова, Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953 / Е. Ю. Зубкова. – М.: «РОССПЭН», 1999. – 229 с.
38. Из истории журналистики Дона / Н. М. Гордеева, А. И. Станько, Н. Д. Чичикина, Е. А. Корнилов; отв. ред. В. С. Панченко. – Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1977. – 249 с.
39. Из истории Хакасии. Советский период 1917–1991 гг. / авт.-сост. В. Н. Тугужекова. – Абакан, 1993. – 80 с.

40. Измозик, В. С. Глаза и уши режима: Государственный политический контроль за населением Советской России в 1918–1928 гг. / В. С. Измозик. – СПб., 1995. – 164 с.
41. Ингулов, С. Культурная революция и печать / С. Ингулов. – М.: «Московский рабочий», 1928. – 80 с.
42. Ингулов, С. Партия и печать / С. Ингулов. – М.: «Работник просвещения», 1928. – 351 с.
43. Исключить всякие упоминания... Очерки истории советской цензуры / сост. Т. М. Горяева. – Минск – М., 1995. – 334 с. (Культура и цензура).
44. Исаев, М. И. Языковое строительство в СССР (вопросы создания письменностей народов СССР) / М. И. Исаев. – М.: Изд-во «Наука», 1979. – 349 с.
45. История Хакасии с древнейших времен до 1917 г. / отв. ред. Л. Р. Кызласов. – М.: «Наука», 1993. – 525 с.
46. История Сибири с древнейших времен до наших дней. – Т. 4. Сибирь в период строительства социализма. – Л.: Изд-во «Наука», 1968. – 504 с; Т. 5. Сибирь в период завершения строительства социализма и перехода к коммунизму. – Л.: Изд-во «Наука», 1969. – 452 с.
47. Источниковедение истории СССР / под ред. И. Д. Ковальченко: учебник. – М.: «Высшая школа», 1973. – 560 с.
48. Источниковедение. История. Теория. Метод. Источники российской истории / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М.: РГГУ, 2004. – 702 с.
49. Казаков, Г. А. Наша страна – родина радио / Г. А. Казаков. – М.: Связьиздат, 1952. – 112 с.
50. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепт, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
51. Карачаков, Д. М. Социально-экономическое развитие Тувы, Горного Алтая и Хакасии во второй половине XX века / Д. М. Карачаков, Н. Д. Карачакова. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2008. – 159 с.

52. Ковальченко, И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко / Отделение историко-филологических наук. 2-е изд., доп. – М.: Наука, 2003. – 486 с.
53. Кириллова, Н. Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну / Н. Б. Кириллова. – 2-е изд.; перераб. и доп. – М.: Академический Проект, 2006. – 448 с.
54. Клейнборт, Л. Очерки рабочей журналистики (1873—1923 гг.) / Л. Клейнборт. – М.–Петроград, 1924. – 168 с.
55. Кожевников, Г. А. Партия организатор рабселькоровского движения в СССР (1917-1937) / Г. А. Кожевников. – Саратов, 1965. – 120 с.
56. Кокорин, М. А. СССР у микрофона (проблемы радиофикации СССР) / М. А. Кокорин. – М.: Госиздат, 1934. – 83 с.
57. Комсомольцы и молодежь Хакасии в боях за родину. – Абакан: Обл. нац изд-во «Советская Хакасия», 1943. – 27 с.
58. Коновченко, С. В., Информационная политика в России / С. В. Коновченко, А. Г. Киселев. – М.: РАГС, 2004. – 528 с.
59. Концепция государственной информационной политики: Проект / Коллектив авторов. – М.: ИСА РАН, 1998. – URL: http://www.gpntb.ru/win/ntb/ntb2000/6/f06_01.html (дата доступа 12.09.2015).
60. Копытов, Н. Ф. Издательское дело в Горном Алтае / Н. Ф. Копытов. – Горно-Алтайск: ГУ книж. изд-во «Юч-Сюмер – Белуха» Республики Алтай, 2003. – 120 с.
61. Корнилов, Е. А. Советская печать Дона и Северного Кавказа: 1917–1925 гг.: историческая типология / Е. А. Корнилов / отв. ред. В. Н. Боянович. – Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1984. – 176 с.
62. Крестьянский корреспондент. Его роль и работа / Д. Бедный, И. Гаврилов и др. – М.-Л.: Государственное издательство, 1925. – 191 с.
63. Кузнецов, И. В. Советская журналистика первых послевоенных пятилеток (1946–1958 гг.) / И. В. Кузнецов. – М.: Наука 1984. – 305 с.

64. Кузнецов, И. В. Газетный мир Советского Союза. 1917–1970 гг. / И. В. Кузнецов, Е. М. Фингерит. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 310 с.
65. Куят, Ф. 10 лет советской Ойротии / Ф. Куят. – Новосибирск, 1932. – 56 с.
66. Летописцы Победы. Печать времен Великой Отечественной войны: сб. – М.: Политиздат, 1984. – 245 с.
67. Летунов, Ю. А. Великий говорящий / Ю. А. Летунов. – М.: Изд-во поллитлитературы, 1966. – 96 с.
68. Летунов, Ю. А. О развитии документальной радиожурналистики / Ю. А. Летунов. – М., 1966. – 140 с.
69. Летунов, Ю. А. Время. Люди. Микрофон / Ю. А. Летунов. – М.: Искусство, 1974. – 279 с.
70. Маклюэн, Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Г. М. Маклюэн / пер. с англ. В. Николаева; закл. ст. М. Вавилова. – М.: Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. – 464 с.
71. Мамышева, Е. П. Хакасия: от степных дум – к автономии (1822–1930 гг.) / Е. П. Мамышева / под ред. В. Н. Тугужековой. – Абакан: Издательство ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2008. – 124 с.
72. Мансуров, Г. За культурное строительство национальностей / Г. Мансуров. – М.: Наркомпрос, Госиздат, 1927. – 42 с.
73. Мартин, Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939 / Т. Мартин; [пер. с англ. О. Р. Щелоковой]. – М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. – 855 с.
74. Мелюхин, И. С. Информационное общество: истоки, проблемы, тенденции развития / И. С. Мелюхин. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1999. – 208 с.
75. Мемет, Л. П. Ойротия. Очерк национально-освободительного движения и гражданской войны на Горном Алтае / Л. П. Мемет. – Горно-Алтайск: Изд-во «Ак чечек», 1994. – 184 с.

76.Миллер, А. Империя Романовых и национализм / А. Миллер. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 248 с.

77.Мишурис, А. Л. Партийно-советская печать в период борьбы за строительство социализма / А. Л. Мишурис: сб. статей.– М.: Изд-во Моск. ун-та, 1964. – 147 с.

78.Мишурис, А. Л. История партийно-советской печати / А. Л. Мишурис: учеб. метод. пособ. – М. Изд-во Моск. ун-та, 1968. – 99 с.

79.Мишурис, А. Л. Советская печать в первые годы развернутого строительства коммунизма / А. Л. Мишурис. – Изд-во Моск. ун-та, 1968. – 64 с.

80.Мишурис, А. Л. История партийно-советской печати / А. Л. Мишурис, И. В. Кузнецов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1964. – 99 с.

81.Молчанов, Л. А. Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны (окт. 1917–1920 гг.) / Л. А. Молчанов. – М.: Издатпрофпресс, 2002. – 272 с.

82.Многонациональная советская журналистика / ред. колл. Б. Д. Дацюк и др. – М.: Изд-во МГУ, 1972. – 371 с.

83.Многонациональная советская журналистика / ред. Я. Н. Засурский и др. – М.: Мысль, 1975. – 372 с.

84.Овсепян, Р. П. Многонациональная печать большевиков: (1900–1917 гг.) / Р. П. Овсепян. – М.: Изд-во МГУ, 1972.– 232 с.

85.Овсепян, Р. П. Советская многонациональная печать / Р. П. Овсепян. М.: Изд-во МГУ, 1968 – 56 с.

86.Овсепян, Р. П. История новейшей отечественной журналистики (февраль 1917 – начало 90-х годов) / Р. П. Овсепян. – М.: Изд-во МГУ, 1999. – 304 с.

87.Овсепян, Р. П. Место большевистской печати в идейном разгроме буржуазного национализма / Р. П. Овсепян, М. А. Мехтиев. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – 88 с

88.Омельченко, К. Большевистская печать (Ко Дню печати) / К. Омельченко. – М.: Госполитиздат. 1939. – 104 с.

89. Очерки истории идеологической деятельности КПСС, 1938–1961 гг. / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; редколл.: Н. И. Макаров и др. – М.: Политиздат, 1986. – 448 с.

90. Очерки истории русской советской журналистики. – Т. 1. 1917–1932. / отв. ред. А. Г. Дементьев. – М.: Наука, 1966. – 508 с.; Т. 2. 1933–1945. – М.: Наука, 1968. – 500 с.

91. Очерки истории Хакасии (с древнейших времен до современности) / гл. ред. В. Я. Бутанаев; науч. ред. В. И. Молодин. Абакан, 2008. – 672 с.

92. Очерки истории Хакасии советского периода. – Абакан: Хак. книж. изд-во, 1963. – 419 с.

93. Очерки истории Хакасской областной организации КПСС / сост. П. Н. Мешалкин, С. П. Ултургашев. – Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1987. – 359 с.

94. Очерки истории Хакасской организации ВЛКСМ. 1918–1991: научный сборник. – Абакан, 1998. – 182 с.

95. Очерки социально-демографического и культурного развития Хакасско-Минусинского края (XVIII–XX вв.) / Н. Я. Артамонова, В. Н. Асочакова, Н. А. Баранцева [и др.]; отв. ред. Н. Я. Артамонова. – Абакан: Издательство ФГБОУ ВПО «ХГУ им. Н. Ф. Катанова», 2012. – 228 с.

96. Очерки истории советского радиовещания и телевидения. Ч. 1. 1917–1941 / А. И. Воробьев, Г. А. Казаков, А. И. Мельников. – М., 1972. – 247 с.

97. Очерки по истории Горно-Алтайской автономной области / под ред. Л. П. Потапова. – Горно-Алтайск, 1973. – 542 с.

98. Печать и строительство коммунизма: сб. статей / под ред. А. Л. Мишурица. – М.: Изд-во Моск. ун-та 1969. – 275 с.

99. Попов, В. Д. Государственная информационная политика: состояние и проблемы формирования // Массовые информационные процессы в современной России: Очерки / В. Д. Попов / отв. ред. А. В. Шевченко. М.: Изд-во РАГС, 2002. – 295 с.

100. Посадсков, А. Л. Печать и книжное дело в Сибири в условиях «военного коммунизма». Конец 1919–1921 г. / А. Л. Посадсков, Л. А. Гильди. – Новосибирск: Наука, 1987. – 195 с.
101. Потапов, Л. П. Очерки по истории алтайцев / Л. П. Потапов / отв. ред. С. В. Киселев. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 444 с.
102. Потапов, Л. П. Происхождение и формирование хакасской народности / Л. П. Потапов. – Абакан: Хакасское книжное издательство, 1957. – 307 с.
103. Пыжиков, А. В. Политические преобразования в СССР (50 – 60-е годы) / А. В. Пыжиков. – М., 1999. – 305 с.
104. Пыжиков, А. В. Хрущевская «оттепель» / А. В. Пыжиков. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 512 с.
105. Пятьдесят лет радио / под ред. Б.Н. Можжевелова. – М.-Л., 1945. – 92 с.
106. Радио в дни войны / ред.-сост. М. С. Глейзер, Н. М. Потапов / Предисл. П. И. Батова. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Искусство, 1982. – 303 с.
107. Радио Хакасии 80 лет. – Абакан, 2010. – 68 с.
108. Роскошный, А. П. Общественные начала в печати / А. П. Роскошный. – Киев: «Выща школа», 1983. – 159 с.
109. Ружников, В. Н. Так начиналось: Историко-теоретический очерк советского радиовещания. 1917–1928 / В. Н. Ружников. – М.: Искусство, 1987. – 208 с.
110. Сборник лекций к 25-летию Ойротской автономной области. – Ойрот-Тура: Ойротское обл. нац. издательство, 1947. – 82 с.
111. Сенявская, Е. С. Человек на войне: историко-психологические очерки / Е. С. Сенявская. – М., 1997. – 231 с.
112. Сиберт, Ф. Четыре теории прессы / Ф. Сиберт, У. Шрам, Т. Петерсон. – М.: Национальный институт прессы, ВАГРИУС, 1998. – 223 с.
113. Сибирь в составе Российской империи. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 368 с.

114. Советская историография / под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. – М.: РГГУ, 1996. – 592 с.
115. Советский образ жизни: Роль печати, телевидения и радио в пропаганде советского образа жизни: зональный творческий семинар журналистов Западной Сибири и Урала. 26-28 ноября 1974 г.: материалы семинара. – Барнаул: Изд-во «Алтайская правда», 1975. – 73 с.
116. Соколов, А. В. Общая теория социальной коммуникации / А. В. Соколов. – СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2002. – 461 с.
117. Сомов, В. А. Потому что была война...: Внеэкономические факторы трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) / В. А. Сомов. – Н. Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии гос. службы, 2008. – 234 с.
118. Соскин, В. Л. Советская культурная политика Сибири (1917–1920-е годы). Очерк социальной истории / В. Л. Соскин. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2007. – 70 с.
119. Соскин, В. Л. Советская массовая культура: у истоков (1917–1927 гг.) / В. Л. Соскин. – Новосибирск, 2001. – 150 с.
120. Социально-экономическое развитие Тувы, Горного Алтая и Хакасии во второй половине XX века. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2008. – 159 с.
121. Средства массовой информации и пропаганды. Советская литература 1986 г.: реферативный сборник. – Ч. 1. – Москва, 1987. – 236 с.
122. Средства массовой информации и пропаганды. – М.: Политиздат, 1984. – 352 с.
123. Стрельцов, А. А. Государственная информационная политика: основы теории / А. А. Стрельцов. – М.: МЦНМО, 2009. – 107 с. – URL: <http://www.iisi.msu.ru/publications/article26/> (дата обращения 12.09.2015).
124. Стровский, Д. Л. Отечественные политические традиции в журналистике советского периода / Д. Л. Стровский. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2001. – 246 с.

125. Сысолятин, Г. Ф. Сочинения / Г. Ф. Сысолятин. – В 2-х томах. Том. II. – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2001. – 352 с.
126. Телевидение Сибири / А. Е. Ярославцева, В. С. Байдина, Э. В. Блинова, О. А. Ерёменко, Ю. М. Ершов, О. Е. Макеева, Е.В. Халина; под ред. А. Е. Ярославцевой. – Изд. 2-е, доп. и испр. – Томск: Изд-во НТЛ, 2011. – 208 с.
127. Торосов, В. М. Абакан / В. М. Торосов. – М.: Цицеро, 1994. – 208 с.
128. Тощакова, Т. М. Орфография ойротского литературного языка / Т. М. Тощакова / под ред. Н. А. Баскакова. – Ойрот-Тура: Ойрот. обл. нац. изд-во, 1947. – 72 с.
129. Трайнин, И. П. СССР и национальная проблема (по национальным республикам и областям Советского Союза). – М.: Изд-во «Красная новь». Главполитпросвет, 1924. – 242 с.
130. Турицын, И. В. Власть и пресса в советской России: проблема взаимоотношений и взаимовлияния в 20-е годы / И. В. Турицын. – М.: Диалог-МГУ, 1998. – 250 с.
131. Турицын, И. В. Кадровая политика РКП(б) и периодическая печать (1921–1925 гг.) / И. В. Турицын. – Армавир, 1998. – 140 с.
132. Турчин, В. Инерция страха. Социализм и тоталитаризм / В. Турчин. – ТИФ. 2-е изд. – Нью-Йорк: Изд-во «Хроника», 1978. – 296 с.
133. Урицкий, С. Б. Наши итоги тринадцать лет красной печати / С. Б. Урицкий. – М.-Л.: Государственное издательство, 1925. – 83 с.
134. Федоров, А. В. Медиаобразование в педагогических вузах / А. В. Федоров. – Таганрог: Изд-во Кучма, 2003. – 124 с.
135. Фицпатрик, Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / Ш. Фицпатрик / пер. с англ. Л. Ю. Пантина. – 2-е изд. – М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. – 336 с. (История сталинизма).
136. Шафир, Я. Газета и деревня / Я. Шафир. – М.: Главполитпросвет, 1923. – 147 с.

137. Шафир, Я. Очерки психологии читателя / Я. Шафир. – М.-Л.: ГИЗ, 1927. – 88 с.
138. Шафир, Я. «Рабочая газета» и ее читатель. Итоги одной анкеты / Я. Шафир. – М. Издательство «Рабочей газеты», 1926.– 243 с.
139. Шевцов, В. В. «Томские губернские ведомости» (1857–1917 гг.) в социокультурном и информационном пространстве Сибири / В. В. Шевцов. – Томск: Томский государственный университет, 2012. – 414 с.
140. Шерель, А. А. Аудиокультура XX века. История, эстетические закономерности, особенности влияния на аудиторию / А. А. Шерель: Очерки. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 576 с.
141. Шигер, А. Советское радио на службе культурной революции социалистической стройки / А. Шигер: очерки. – М: Связьтехиздат, 1932. – 61 с.
142. Шлык, В. Ф. Судьба и загадка Русского театра в Хакасии: Записки / В. Ф. Шлык, Л. К. Шлык. – Абакан: Стрежень, 2002. – 592 с.
143. Щербинин, М. Ф. Культура Сибири в годы Великой Отечественной войны / М. Ф. Щербинин. – Иркутск: Изд-во ИГПУ, 1996. – 171 с.
144. Юровский, А. Я. Телевидение поиски и решения. Очерки истории и теории советской журналистики / А. Я. Юровский. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1983. – 215 с.
145. Якимов, О. Д. Печать национальных регионов Сибири и Дальнего Востока: От возникновения до наших дней / О. Д. Якимов. – Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 2000. – 192 с.
146. Ярославский, Е. Тридцать лет большевистской «Правды» / Е. Ярославский. – М.: Главполитиздат, 1942. – 64 с.
147. Brooks, J. Pravda and the Language of Power in Soviet Russia / J. Brooks / J. Popkin (ed.). Media and Revolution. – Lexington: The University Press of Kentucky, 1992. – 246 p.
148. Davies, S. Popular Opinion in Stalin's Russia. Terror, Propaganda, and Dissent, 1934–1941 / S. Davies. – Cambridge, 1997. – 260 p.

149. Fitzpatrick, S. The Cultural Front: Power and Culture in Revolutionary Russia / S. Fitzpatrick. – Ithaca: Cornell Univ. Press, 1992. – 264 p.

150. Fitzpatrick, S. Everyday Stalinism. Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s / S. Fitzpatrick. – Oxford: Oxford Univ. Press, 1999. – 288 p.

151. Klapper, Joseph T. The effects of mass communication / Joseph T. Klapper. – Glencoe, Ill.: Free Press, 1960. – 302 p.

152. Lenoë, M. Agitation, Propaganda, and the «Stalinization» of the Soviet Press, 1922–1930 / M. Lenoë. – Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1998. – 109 p.

153. Rieber, R. The Psychology of War and Peace: The Image of the Enemy / R. Rieber. – N. Y., 1991. – 284 p.

154. Soviet Press, 1922–1930. – Pittsburgh: Centre for Russ. East Europ. Studies, Univ. Of Pittsburgh, 1998. – 109 p.

Диссертации и авторефераты диссертаций

1. Азаренко, В. М. Большеви́стская печать как инструмент внутрпартийной борьбы (1920–1928 гг.): дис... канд. ист. наук: 07.00.02 / В. М. Азаренко. – М., 2008. – 210 с.

2. Алферов, В. Н. Возникновение и развитие рабселькоровского движения в СССР: автореф. дис... канд. ист. наук / В. Н. Алферов. – М., 1968. – 16 с.

3. Андреев, И. С. Общественно-политическое телевидение как средство идейно-воспитательной работы КПСС в годы восьмой пятилетки (на материалах Центрального телевидения СССР): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.01 / И. С. Андреев. – М., 1972. – 21 с.

4. Арнаутов, Н. Б. Образ «врага народа» в системе советской социальной мобилизации: идеолого-пропагандистский аспект (декабрь 1934 г. – ноябрь 1938 г.): автореф... канд. ист наук: 07.00.02 / Н. Б. Арнаутов. – Томск, 2010. – 21 с.

5. Белков, А. К. Красная печать в период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства СССР (1921–1925 гг.): дис... канд. ист. наук / А. К. Белков. – М., 1951. – 156 с.

6. Василевская, Э. В. Развитие телевидения в Западной Сибири и его идеологическое воздействие на массовую аудиторию: автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.02 / Э. В. Василевская. – Новосибирск, 1973. – 24 с.

7. Володина, Н. А. Становление и развитие советской системы политического контроля в 1917–1953 гг. (на примере Среднего Поволжья): автореф. дис... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Н. А. Володина. – М., 2010. – 52 с.

8. Воробьев, А. И. Роль советского радиовещания в мобилизации трудящихся на выполнение первой пятилетки (1928–1932 гг.): автореф. дис... канд. ист. наук: 570 / А. И. Воробьев. – М., 1968. – 24 с.

9. Гайнуллин, Х. А. Влияние периодической печати ТАССР на формирование и развитие историко-культурного менталитета населения в 20–80-е гг. XX в.: дис. ... канд. ист. наук: 24.00.01 / Х. А. Гайнуллин. – Казань, 2009. – 202 с.

10. Гафнер, В. А. Партийно-советская печать как инструмент политической борьбы в советском обществе 1920-х гг.: автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.02 / В. А. Гафнер. – М., 2000. – 19 с.

11. Генина, Е. С. Кампания по борьбе с космополитизмом в Сибири (1949–1953 гг.): автореф. дис... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Е. С. Генина. – Кемерово, 2009. – 52 с.

12. Глущенко, А. А. Деятельность государственных органов и общественных объединений по формированию информационного пространства России (1900–1917 гг.): автореф. дис... д-ра ист. наук: 07.00.02 / А. А. Глущенко. – СПб., 2002. – 40 с.

13. Гонина, Н. В. Исторический опыт природопользования в Ангаро-Енисейском регионе. 1945–1970 гг.: автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.02 / Н. В. Гонина. – Красноярск, 2002. – 29 с.

14. Грабельников, А. А. Массовая информация в России: от первой газеты до информационного общества: дис... д-ра ист. наук: 07.00.02, 10.01.10 / А. А. Грабельников. – М., 2001. – 349 с.

15. Григорьев, А. И. Советское радиовещание и идейно-политическое воспитание трудящихся (1961–1965 гг.): автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.01 / А. И. Григорьев. – М., 1968. – 19 с.

16. Гуревич, П. С. Роль радиовещания в культурной революции в СССР (1917–1941 гг.): автореф. дис... канд. ист. наук / П. С. Гуревич. – М., 1965. – 21 с.

17. Дашинский, С. Н. Печать Советского Заполярья – боевой помощник партии в годы Великой Отечественной войны (1941–1944 гг.): автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.01 / С. Н. Дашинский. – Л., 1979. – 20 с.

18. Дианов, С. А. Развитие местных органов ГЛАВЛИТа на Урале в 1922–1938 гг.: структура, функции, кадры: автореф. дис... д-ра ист. наук: 07.00.02 / С. А. Дианов. – Ижевск, 2011. – 43 с.

19. Егунева, М. В. Онтологические аспекты тоталитарной личности (опыт философского анализа): автореф. дис... канд. философ. наук: 09.00.01 / М. В. Егунева. – Оренбург, 2010. – 22 с.

20. Еремин, А. И. Роль газеты «Правда» в борьбе Коммунистической партии за мобилизацию рабочего класса на отпор врагу в первый период Великой Отечественной войны (июнь 1941 г. – ноябрь 1942 г.): автореф. дис... канд. ист. наук / А. И. Еремин. – М., 1956. – 16 с.

21. Ефремова, С. С. Новейшая история региональной прессы Черноземья (1985–1998 гг.): автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.02 / С. С. Ефремова. – Воронеж, 1999. – 23 с.

22. Жирков, Г. В. Становление и развитие советской крестьянской печати как одного из типов социалистической прессы. 1917–1927 гг.: Историко-типологический аспект: дис... д-ра филолог. наук: 10.01.10 / Г. В. Жирков. – Л., 1987. – 416 с.

23.Зинков, Е. Г. Культурное пространство российской духовности: дис. ... д-ра философ. наук: 24.00.01, 09.00.11 / Е. Г. Зинков. – Ростов-на-Дону, 2006. – 291 с.

24.Иванов, А. Ю. Фронтовые письма участников Великой Отечественной войны как исторический источник: (по материалам Республики Татарстан): автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.09 / А. Ю. Иванов. – Казань, 2009. – 24 с.

25.Измозик, В. С. Политический контроль в Советской России. 1918–1928 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.01 / В. С. Измозик. – СПб., 1995. – 39 с.

26.Исхаков, Р. Л. Эволюция тюркской печати в XX в.: от этничности к постэтнической идентификации (филологический анализ): автореф. дис. ... канд. филолог. наук: 10.01.10 / Р. Л. Исхаков. – Екатеринбург, 2009. – 24 с.

27.Казьмин, В. Н. Идеино-политическая ситуация в России в 1971–1991 гг. (Центр и регионы Западной Сибири): автореф. дис... д-ра ист. наук: 07.00.02 / В. Н. Казьмин. – Кемерово, 2010. – 49 с.

28.Клебанов, А. Т. Роль газеты «Правда» в борьбе Коммунистической партии за организацию героического труда рабочего класса в Великой Отечественной войне (период 1944–1945 гг.): автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.01 / А. Т. Клебанов. – Л., 1962. – 16 с.

29.Копцев, А. Н. Печать – боевой помощник партии в мобилизации трудящихся на борьбу с фашизмом (1941–1945 гг.) (на материалах Карелии, Архангельской и Вологодской областей): дис... канд. ист. наук: 07.00.01 / А. Н. Копцев. – Л., 1984. – 230 с.

30.Корконосенко, С. Г. Рабселькоровское движение как проявление демократизма социалистического общества (по материалам газет Ленинградской области 1971–1975 гг.): автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.10 / С. Г. Корконосенко. – М., 1979. – 16 с.

31. Корнева, Л. Е. Общественно-политическая и культурная жизнь Западной Сибири в 1953–1964 гг. и ее отражение в периодической печати: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Л. Е. Корнева. – Томск, 2006. – 188 с.

32. Кузбеков, Ф. Т. Становление средств массовой информации Башкортостана и развитие этнической культуры башкир XIX в. – 1930-е гг.: автореф. дис. ... д-ра филолог. наук: 10.01.10 / Ф. Т. Кузбеков. – СПб., 2001. – 71 с.

33. Кузнецов, В. В. Роль печати в организации освоения целинных и залежных земель на Алтае (1954–1960 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Кузнецов Владимир Владимирович. – Кемерово, 2000. – 253 с.

34. Лагутин, С. М. Радио и телевидение – важнейшие средства идеологической работы КПСС в период семилетки: (на материалах автономных республик Северного Кавказа): автореф. ... канд. ист. наук / С. М. Лагутин. – Махачкала, 1966. – 23 с.

35. Летов, А. В. История социального развития Горного Алтая (1945–1953 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А. В. Летов. – Абакан, 2004. – 165 с.

36. Летунов, Ю. А. Документальные жанры советского радиовещания (исторический опыт и современность): автореф. ... канд. ист. наук / Ю. А. Летунов. – М., 1967. – 16 с.

37. Лихтин, А. Н. История газет российской провинции в процессе взаимоотношений с органами государственной власти (на материалах Оренбургского края XIX – XXI вв.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А. Н. Лихтин. – Оренбург, 2005. – 295 с.

38. Мауль, В. Я. Социокультурное пространство русского бунта (по материалам Пугачевского восстания): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / В. Я. Мауль. – Томск, 2005. – 41 с.

39. Мельников, А. И. Создание и развитие массового радиовещания – важного средства идеологической работы КПСС (1924–1928 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. И. Мельников. – М., 1966. – 16 с.

40. Меримкина, М. М. «Правда» в борьбе за мобилизацию рабочих промышленности на самоотверженный труд в первый период Великой Отечест-

венной войны: автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.01 / М. М. Меримкина. – Киев, 1962. – 24 с.

41. Миронова, Н. А. Образ «старой» художественной интеллигенции в советской печати «славного» десятилетия (1917–1927 гг.): дис... канд. ист. наук: 07.00.02 / Н. А. Миронова. – Ярославль, 2006. – 271 с.

42. Митволь, О. Л. Власть и пресса в СССР и Российской Федерации (1985–1999 гг.): дис... канд. ист. наук: 07.00.02 / О. Л. Митволь. – М., 2002. – 191 с.

43. Митволь, О. Л. Формирование и реализация информационной политики в СССР и Российской Федерации: 1917–1999 гг.: дис... д-ра ист. наук: 07.00.02 / О. Л. Митволь. – Москва, 2004. – 304 с.

44. Молчанов, Н. А. Газеты России в годы революции и гражданской войны (окт. 1917–1920 гг.): опыт комплексного исследования: автореф. дис... д-ра ист. наук: 07.00.09 / Л. А. Молчанов. – М., 1998. – 45 с.

45. Неретин, О. П. Культурно-информационное пространство многонациональной России и его развитие: проблемы, перспективы: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / О. П. Неретин. – Москва, 2006. – 27 с.

46. Овсебян, Р. П. Формирование и развитие многонациональной большевистской печати (1900–1917 гг.): автореф. дис... д-ра ист. наук: 07.00.10 / Р. П. Овсебян. – М., 1974. – 38 с.

47. Очерет, Е. Ю. Художественная периодика первого советского десятилетия: история, организация и роль в общественной и культурной жизни страны: автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.02 / Е. Ю. Очерет. – М., 1995. – 26 с.

48. Павлихин, И. А. Печать и развитие социальной активности производственного коллектива: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.01 / И. А. Павлихин. – М., 1985. – 22 с.

49. Папина, О. В. Роль женщин в социальном и культурном развитии Хакасии 1923–1941 гг.: автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.02 / О. В. Папина. – Улан-Удэ, 2008. – 19 с.

50.Пахомов, Н. И. Роль печати в борьбе коммунистической партии Советского Союза за подъем идеологической работы в послевоенный период: автореф. дис... канд. ист. наук / Н. И. Пахомов. – М., 1954. – 19 с.

51.Перепелкина, А. Н. Печать как средство воспитания политической и трудовой активности трудящихся Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.01 / А. Н. Перепелкина. – М., 1984. – 24 с.

52.Потапов, П. Ф. Печать республик Поволжья и этнокультурные процессы в переходном обществе (80-90-е гг. XX в.): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.10 / П. Ф. Потапов. – Казань, 2004. – 304 с.

53.Расторгуев, А. П. Власть и СМИ в Свердловской области в период 1985–1991 гг. (проблемы взаимоотношений): автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.02 / А. П. Расторгуев. – Екатеринбург, 2010. – 27 с.

54.Роскошный, А. П. Общественные начала в печати в условиях развитого социализма: автореф. д-ра ист. наук: 07.00.02 / А. П. Роскошный. – М., 1984. – 33 с.

55.Руга, В. Э. Формирование системы партийно-государственного управления средствами массовой информации Советской России в 1920–1930-е гг.: дис... д-ра ист. наук: 07.00.02 / В. Э. Руга. – М., 2003. – 461 с.

56.Ружников, В. Н. Становление советской радиожурналистики. Начальный период. 1917–1924 гг.: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.01.10 / В. Н. Ружников. – М., 1981. – 24 с.

57.Семакин, С. И. Военная печать – боевое оружие Коммунистической партии в укреплении дружбы народов СССР на фронтах Великой Отечественной войны. 1941– 1945.: автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.01 / С. И. Семакин. – М., 1988. – 24 с.

58.Скребнев, В. А. Становление местной партийно-советской печати и рабселькоровского движения в Тамбовской губернии: 1917–1928 гг.: дис... канд. ист. наук: 07.00.02 / В. А. Скребнев. – Тамбов, 2006. – 255 с.

59.Смирнова, С. Ю. Становление и развитие профессиональной подготовки журналистских кадров в Республике Марий Эл (история и современность): автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.02 / С. Ю. Смирнова. – Казань, 2008. – 29 с.

60.Соскин, В. Л. Культурное строительство в Сибири (1917–1923 гг.): автореф. дис... д-ра ист. наук: 571 / В. Л. Соскин. – Новосибирск, 1968. – 41 с.

61.Стровский, Д. Л. Отечественные политические традиции в журналистике советского периода (1917–1985 гг.): автореф. дис... д-ра полит. наук: 10.01.10 / Д. Л. Стровский. – Екатеринбург, 2002. – 43 с.

62.Съёмщиков, Е. А. Национальная периодическая печать Западной Сибири 20-х годов: автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.02 / Е. А. Съёмщиков. – Кемерово, 2005. – 28 с.

63.Тимонин, В. И. Партийная печать в борьбе против троцкистско-зиновьевского блока (1926–1927 гг.): автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.01 / В. И. Тимонин– М., 1971. – 17 с.

64.Толмачев, Г. И. Ленинские принципы критики и самокритики в печати и их роль в формировании нового человека (1966–1971 гг.): автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.01 / Г. И. Толмачев– М., 1972. – 20 с.

65.Трошков, В. Я. Возникновение массового рабселькоровского движения и его роль в борьбе за социалистические преобразования в СССР (1921–1932 гг.): автореф. дис... канд. наук: 07.00.02 / В. Я. Трошков Владимир. – М., 1965. – 24 с.

66.Турицын, И. В. Советская власть и российская пресса: проблема взаимоотношений и взаимовлияний (1921–1929 гг.): автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.02 / И. В. Турицын. – М., 1998. – 32 с.

67.Туркина, В. Г. Мифологема героя и массовое сознание: автореф. дис... канд. философ. наук: 09.00.11 / В. Г. Туркина. – Саратов, 2001. – 21 с.

68.Усупов, С. Печать и воспитание масс на революционных и трудовых традициях Коммунистической партии и советского народа: автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.01 / С. Усупов – М., 1970. – 20 с.

69. Фатеев, А. В. Образ врага в советской пропаганде 1945–1954 гг.: автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.02 / А. В. Фатеев. – М., 1998. – 14 с.

70. Фатеева, И. А. Журналистское образование в России: теория, история, современная практика: автореф. дис... д-ра филолог. наук: 10.01.10 / И. А. Фатеева. – Екатеринбург, 2008. – 43 с.

71. Шадрин, А. В. Формирование Саянского территориально-производственного комплекса: историко-экономическое исследование (1971–1985 гг.): автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.02 / А. В. Шадрин. – Улан-Удэ, 2008. – 31 с.

72. Шапошников, Г. Н. Развитие электросвязи и формирование формационной среды на Урале во второй половине XIX в. – конце 20-х гг. XX в.: автореф. дис... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Г. Н. Шапошников. – Екатеринбург, 2007. – 34 с.

73. Юдин, И. В. Государственная информационная политика в Российской Федерации: механизмы реализации в современных условиях: автореф. дис... канд. полит. наук: 23.00.02 / И. В. Юдин. – М., 2009. – 25 с.

74. Юдина, Е. Н. Развитие медиапространства современной России (на примере телевидения): автореф. дис... д-ра соц. наук: 22.00.04 / Е. Н. Юдина. – М., 2008. – 50 с.

75. Юровский, А. Я. Советская телевизионная журналистика. Проблемы становления и развития: автореф. дис... д-ра филол. наук: 10.01.10 / А. Я. Юровский. – М., 1973. – 60 с.

76. Якимов, О. Д. Пути повышения эффективности интернационального воспитания трудящихся средствами печати в период развитого социализма: автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.01 / О. Д. Якимов. – М., 1980. – 24 с.

77. Якимов, О. Д. Формирование системы многонациональной печати автономных государственных образований и ее развитие в условиях обновления Советской Федерации (на материалах печати Сибири и Дальнего Востока. 1917–1990 гг.): автореф. дис... д-ра ист. наук: 07.00.01 / О. Д. Якимов. – М., 1990. – 53 с.

78. Янборисов, М. Х. Партийно-государственная политика в области культуры (1917–1937 гг.): автореф. дис... д-ра ист. наук: 07.00.01 / М. Х. Янборисов. – М., 1993. – 34 с.

79. French, M. C. Reporting socialism: Soviet journalism and the Journalists' Union, 1955–1966: theses and PhD diss. / M. C. French. – University of Pennsylvania. – Pennsylvania, 2014. – 469 p.

Научные статьи

1. Абдин, Н. С. Политические репрессии в Хакасии // Политические репрессии в Хакасии и других регионах Сибири (1920–1950-е гг.) / Н. С. Абдин / материалы межрегиональной науч.-практ. конф. – Абакан, 2001. – С. 13–20.

2. Амиров, В. М. «Военный» миф в журналистском дискурсе / В. М. Амиров // Журналистика в 2008 году: общественная повестка дня и коммуникативные практики СМИ: сб. материалов Всеросс. науч.-практ. конф. – М.: Факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 2009. – С. 44–45.

3. Артеменко, А. Л. Начало создания хакасской письменности / А. Л. Артеменко // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Вып. XII. – Абакан: Красноярск. кн. изд-во, Хакас. отд-е, 1966. – С. 141–145.

4. Арыкова, Н. Г. Развитие промышленности Горно-Алтайской автономной области и обеспечение ее рабочей силой в годы четвертой и пятой пятилеток / Н. Г. Арыкова // Мир Евразии, 2010. – № 1 (18). – С. 8–14.

5. Асочаков, В. А. Культурно-просветительская работа в Хакасии (1924–1929) / В. А. Асочаков // Ученые записки. Вып. XII. – Абакан: Красноярск. книж. изд-во, Хакасское отделение, 1966. – С. 119–133.

6. Асочаков, В. А. Национально-государственное строительство и развитие культуры Хакасии / В. А. Асочаков // Торжество ленинской национальной политики. Материалы науч. конф., посвященной 50-летию образования СССР. – Абакан, 1973. – С. 204–212.

7. Асочаков, В. А. Начальный этап культурного строительства в Хакасии (конец 1917–1920 гг.) / В. А. Асочаков // Ученые записки. – Вып. XIII.

Сер. историческая, № 1. – Абакан: Хакас. отд-е Краснояр. кн. изд-ва, 1969. – С. 86–102.

8. Анкудинова, Т. В. Условия жизни и быта городского и сельского населения Ойротской автономной области в годы Великой Отечественной войны / Т. В. Анкудинова, А. В. Попов // Исторический вестник: сб. науч. трудов. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2011. – С. 3–7.

9. Астахов, М. В. Стадия и форма развития советского общества в конце 1930-х – начале 1950-х гг.: системно-аналитический подход / М. В. Астахов // Великая война и Самарский край: к 65-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Воспоминания. Исследования. Документы / под общ. ред. И. А. Носкова. – Самара: Книга, 2010. – С. 140–157.

10. Бардина, А. О. Танкист Иван Ташкенов // Горный Алтай в годы Великой Отечественной войны: сб. материалов республиканской науч.-историч. конф. – Горно-Алтайск, 2010. – С. 135–136.

11. Баскаков, Н. А. К истории изучения алтайского языка / Н. А. Баскаков // Ученые записки ГА НИИЯЛИ. – Вып. 2. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское книж. изд-во, 1958. – С. 24–38.

12. Бешукова, Ф. Б. Медиадискурс современного культурного пространства Ф. Б. Бешукова // Вестник Адыгейского гос. ун-та, 2008. – С. 104–109.

13. Блюм, А. В. Закат Главлита. Как разрушалась система советской цензуры: документальная хроника 1985–1991 гг. / А. В. Блюм // Книга: Исследования и материалы. – Сб. 71. – М., 1995. – С. 168–187.

14. Блюм А. В. Как было разрушено «Министерство правды»: советская цензура эпохи гласности и перестройки (1985–1991) / А. В. Блюм // Звезда, 1996. – № 6. – С. 212–221.

15. Бобровник, В. Л. О формировании структуры промышленности в Хакасии / В. Л. Бобровник // Торжество ленинской национальной политики. – Абакан, 1973. – С. 90–107.

16. Боженко, Л. И. Периодическая партийно-советская печать в Сибири в 1921–1925 гг. / Л. И. Боженко, В. С. Познанский // Сибирь в период строи-

тельства социализма и перехода к коммунизму. – Вып. 2. – Новосибирск, 1965. – С. 74–96.

17.Боргояков, М. И. Язык печати и радио / М. И. Боргояков // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. – Вып. XI. – Абакан: Хакас. отд-е Красноярск. книж. изд-ва, 1965. – С.154–159.

18.Бормотова, А. Р. Цензура печатных органов Курской области в начале Великой Отечественной войны / А. Р. Бормотова // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – СПб., 2009. – №107. – С. 27–30.

19.Бузин, В. Н. Роль социологии управления в системе массовых коммуникаций / В. Н. Бузин // Вестник РГУ им. И. Канта, 2010. – Вып. 6. – С. 128–135.

20.Важова, Н. М., Газета «Советская Хакасия»– важный источник изучения трудовой инициативы трудящихся Хакасии в годы Великой Отечественной войны / Н. М. Важова, В. В. Клитников // Хакасия в Годы Великой Отечественной войны: боевой и трудовой подвиг: – Абакан, 1995. – С. 62–64.

21.Великая Отечественная война // Большая историческая энциклопедия / Новиков С. В. и др. – М.: Филол. о-во «Слово»: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – С. 141–156.

22.Виноградова, Н. Л. Социальное пространство как пространство диалогического взаимодействия / Н. Л. Виноградова // Вестник ПомГУ. Серия Гуманитарные и социальные науки, 2006. – № 2. – С. 30–37.

23.Волкова, Т. Десталинизация прессы в исторических условиях «оттепели» [Электронный ресурс] / Т. Волкова // Медиаскоп, 2007. – № 2. – URL: <http://www.mediascope.ru/node/172> (дата обращения: 25.06.2013).

24.Газеты // Сибирская советская энциклопедия. – Т. 1. А-Ж. – Новосибирск: Западно-Сибирское отделение ОГИЗ, 1929. – С. 591–620.

25.Гладышевский, А. Н. Из истории создания хакасской письменности / А. Н. Гладышевский // Республика Хакасия как субъект Российской Федерации: опыт, проблемы, перспективы: материалы III республиканской науч.-

практ конф., посвященной 10-летию Республики Хакасия (Абакан, 29-30 июня 2001 г.). – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2001. – С. 166–168.

26. Гловиньский, М. Не пускать прошлого на самотек: «Краткий курс ВКП(б)» как мифическое сказание / М. Гловиньский / вступ. заметка и примеч. В. Щукина; пер. с польск. К. Душенко // Новое литературное обозрение, 1996. – № 22. – С. 142–160.

27. Головченко, Е. И. Пропагандистское воздействие на советское население в начале Великой Отечественной войны / Е. И. Головченко // Преподавание истории в школе, 2009. – № 7. – С. 36–39.

28. Голотик, С. И. Советская Россия (СССР) в 1920-е гг.: НЭП, власть большевиков и общество / С. И. Голотик, Е. Н. Евсеева, С. В. Карпенко // История России, XX век / отв. ред. С. В. Карпенко; РГГУ. Историко-архивный институт. 3-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во Ипполитова, 2004. – С. 167–213.

29. Горяева, Т. М. Радиовещание и цензура / Т. М. Горяева // На подступах к спецхрану: труды межрегиональной науч.-практ. конф. «Свобода научной информации и охраны государственной тайны: прошлое, настоящее, будущее», 24-26 сент. 1991 г. – СПб, 1995. – С. 18–96.

30. Гуревич, П. С. Характеристика архивных источников истории советского радиовещания (1917–1941) / П. С. Гуревич // Вестник Московского университета. Филология, журналистика, 1965. – № 3. – С. 46–54.

31. Данькина, Н. А. Средства массовой информации в годы политических репрессий (по материалам газеты «Советская Хакасия» 1937 г.) / Н. А. Данькина // Политические репрессии в Хакасии и других регионах Сибири (1920–1950-е гг.): материалы межрегиональной науч.-практ. конф. – Абакан, 2001. – С. 80–85.

32. Джунусов, М. С. Структура национальных отношений / М. С. Джунусов // Торжество ленинской национальной политики: материалы науч. конф., посвященной 50-летию образования СССР. – Абакан, 1973. – С. 81–90.

33. Дзялошинский, И. Информационное пространство России: политическая метафора или научное понятие / И. Дзялошинский // Право знать: история, теория, практика, 2001. – № 7–8, 9–10.

34. Дзялошинский, И. М. Медиапространство России: экологический аспект / И. М. Дзялошинский // Вопросы теории и практики журналистики, 2013. – № 1. – С. 64–79.

35. Денисов, Д. А. Идентификация образа врага в политической коммуникации / Д. А. Денисов // Вестник РГГУ. Серия «Политология. Социально-коммуникативные науки», 2009. – № 1. – С. 113–126.

36. Дергачева, Л. Д. Источниковедческие проблемы советской журналистики военного времени (1941–1945 гг.) / Л. Д. Дергачева // Вестник Московского университета, 1999. – Сер. 8. История. – №2. – С. 3–19.

37. Екеев, Н. В. Горный Алтай во второй половине XVIII – начале XX столетий: этнические и этнокультурные процессы / Н. В. Екеев // Алтай-Россия: через века в будущее: материалы Всероссийской науч-практ. конф., посвященной 290-летию вхождения алтайского народа в состав Российского гос-ва (16–19 мая 2006 г.). – Т. II. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ. – С. 99–103.

38. Жирков, Г. В. Становление типа уездной советской крестьянской газеты Г. В. Жирков // Проблемы журналистики. – Вып. 7. – Л., 1976. – С. 37–51.

39. Завершинский, К. Ф. Когнитивные основания политической культуры: опыт методологической рефлексии / К. Ф. Завершинский // Полис (Политические исследования), 2002. – № 3. – С. 19–30.

40. Зайцев, Н. П. Из опыта социологических исследований печати в первые годы Советской власти (1918–1923) / Н. П. Зайцев // Журналист, пресса, читатель. – Л.: ЛГУ, 1969. – С. 40–51.

41. Западов, А. В. Тип издания как научная проблема и практическое понятие / А. В. Западов, Е. П. Соколова // Вестник Моск. ун-та. – Сер. 11: Журналистика, 1976. – № 2. – С. 49–59.

42. Захарова, Т. В. Изменение традиционного образа жизни женщин-алтаек в условиях социальных преобразований 1920-х гг. / Т. В. Захарова // Исторический вестник: сб. науч. трудов. – № 5. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2011. – С. 28–35.

43. Захарова, Т. В. Уровень и условия жизни населения Горного Алтая в 1930-е годы / Т. В. Захарова // Исторический вестник: сб. науч. трудов. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2007. – С. 17–26.

44. Захарова, Т. В. К вопросу о развитии периодической печати в Горном Алтае в первые десятилетия Советской власти / Т. В. Захарова // Мир Евразии, 2010. – № 2(9). – С. 53–55.

45. Зубанова, Л. П. Современное медиапространство: подходы к исследованию и принципы интерпретации / Л. П. Зубанова // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств, 2008. – № 2 (14). – С. 6–17.

46. Иванов, П. Н. Развитие культуры нерусских народов Сибири (1020–1925 гг.) / П. Н. Иванов // Культурное строительство в Сибири в 1917–1960 гг. – Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1962. – С. 83–103.

47. Иванов, П. Н. Создание периодической печати в национальных районах Сибири / П. Н. Иванов // Из истории партийных организаций Сибири. – Вып. 46. – Новосибирск, 1970. – С. 56–63.

48. Иванова, Н. Ю. Гражданская война на территории Горного Алтая в 1921–1922 гг.: основные тенденции и события / Н. Ю. Иванова // Алтай-Россия: через века в будущее: материалы Всероссийской науч-практ. конф., посвященной 290-летию вхождения алтайского народа в состав Российского государства (16–19 мая 2006 г.). – Т. II. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ. – С. 155–157.

49. Иващенко, Г. В. Массовая информация [Электронный ресурс] / Г. В. Иващенко, Т. В. Науменко // CREDO NEW, 2000. – № 3. – URL: <http://credonew.ru/content/view/181/52/> (Дата обращения 13.11.2013).

50.Инкижекова, А. И. К истории развития хакасской письменности / А. И. Инкижекова // Записки. Вып. 2. – Абакан: Хак. обл. гос. изд-во, 1951. – С. 119–134.

51.Измозик, В. С. Политический контроль в Советской России 1918–1928 годы / В. С. Измозик // Вопросы истории, 1997. – № 7. – С. 32–53.

52.Измозик, В. С. Руководство РКП(б) и организация советской цензуры / В. С. Измозик, Б. В. Павлов // Цензура в России: история и современность: сб. науч. трудов. – Выпуск 1. – СПб.: Изд-во РНБ, 2001. – С. 102–111.

53.Кара-Мурза, С. Государственная информационная политика [Электронный ресурс] / С. Кара-Мурза. – URL: <http://centero.ru/chair/gosudarstvennaya-informatsionnaya-politika> (дата обращения 12.09.2015).

54.Карасик, В. И. Концепт как индикатор эпохи («очковтирательство») / В. И. Карасик // Политическая лингвистика, 2009. – № 30. – С. 9–13.

55.Каташев, М. С. Состояние промышленности Горного Алтая на рубеже 80–90-х гг. XX в. / М. С. Каташев // Научное обозрение Саяно-Алтая, 2012. – № 1(3). Серия: История. – Вып. 1. – С. 102–106.

56.Каткова, М. В. Понятие «информационное пространство» в современной социальной философии / М. В. Каткова // Известия Саратовского университета. 2008. – Т. 8. Сер. Философия. Психология. Педагогика. Вып. 2. – С. 22–26.

57.Кидяева, Г. В. Развитие корреспондентской сети в сельской местности Алтая во второй половине 1920-х гг. / Г. В. Кидяева // Актуальные вопросы истории Сибири. V научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина: Сб. науч. трудов / под ред. В. А. Скубневского и Ю. М. Гончарова. – Барнаул: «Аз Бука», 2005. – С. 170–171.

58.Киштеев, И. Культурный и хозяйственный рост Хакасии и развитие национальной печати / И. Киштеев // Районная и политотдельская печать, 1935. – № 31.

59.Козина, Е. С. Журналист и время: портрет в интерьере эпохи. Краткий обзор российской политической журналистики постсоветского периода

(1987–2010 гг.) [Электронный ресурс] / Е. С. Козина // Медиаскоп, 2011. – № 1. – URL: mediascope.ru/taxonomy/term/305 (дата обращения: 20.07.2012).

60. Кольцов, И. А. Сельскохозяйственное развитие Ойротской автономной области в годы Великой Отечественной войны / И. А. Кольцов // Горный Алтай в годы Великой Отечественной войны: сб. мат-в респ. науч.-историч. конф. – Горно-Алтайск, 2010. – С. 13–50.

61. Корконосенко, С. Г. Рабселькоровские выступления как основное содержание газетной полосы (по районной печати Ленинградской области) / С. Г. Корконосенко // Вестник Ленингр. ун-та. Серия История языка, литературы, 1977. – Вып. 3. – № 14. – С. 72–78.

62. Корконосенко, С. Г. Личность рабселькора в зеркале газетных публикаций / С. Г. Корконосенко // Журналист. Пресса. Аудитория, 1982. – Вып. 2. – С. 40–54.

63. Костякова, Ю. Б. Вклад советской интеллигенции в формирование лидеров общественного мнения в 1930-е гг. (на примере Хакасии) / Ю. Б. Костякова // Интеллигенция и мир, 2011. – № 3. – С. 117–134.

64. Костякова, Ю. Б. Г.И. Итыгин – педагог, политик, журналист (К 135-летию со дня рождения) / Ю. Б. Костякова // Реализация этнопедагогических идей в образовательном пространстве России: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. (14-16 мая 2008 г.). – В 2 ч. Ч. 1. / под науч. ред. К. И. Султанбаевой, М. Я. Добря. – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2008. – С. 150–152.

65. Костякова, Ю. Б. Исторические условия формирования медиакультурного пространства Хакасии / Ю. Б. Костякова // Развитие языков и культур коренных народов Сибири в условиях изменяющейся России: материалы III Международной науч.-практ. конф., 23-25 сент. 2010 г., г. Абакан / отв. ред. Т. Г. Боргоякова. – Абакан: Изд-во ГОУ ВПО «ХГУ им. Н.Ф. Катанова», 2010. – С. 64–69.

66. Костякова, Ю. Б. Медиаистория: от понимания к определению сути понятия / Ю. Б. Костякова // Общество. Среда. Развитие, 2012. – № 3 (24) – С. 118–122.

67. Костякова, Ю. Б. Первопечатник г. Минусинска В.В. Федоров / Ю. Б. Костякова // Мартъяновские краеведческие чтения. Вып V. 300 лет в составе России: сб. материалов Международной науч.-практ. конф., посвященной 300-летию вхождения территории Юга Сибири в состав России. Минусинск, 12-14 дек. 2007 г. / И. Н. Ценюга (отв. ред.); ред. кол.; Красн. пед. ун-т им. В.П. Астафьева; Минусинский региональный музей им. Н. М. Мартъянова. – Красноярск, 2008. – С. 236-239.

68. Котляров, М. В. КПСС в период перестройки: пределы политической адаптации / М. В. Котляров // Власть и общество в Сибири в XX веке. – Выпуск 4. сб. науч. статей / науч. ред. В. И. Шишкин. – Новосибирск: Параллель, 2013. – С. 221–243.

69. Колпаков, В. И. Хакасия за 40 лет Советской власти / В. И. Колпаков // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. – Вып. VI. – Абакан: Хак. книж. изд-во, 1958. – С. 3-15.

70. Котожеков, Г. Г. Взаимодействие и взаимопроникновение контактирующих этнических культур Хакасии / Г. Г. Котожеков // материалы республиканской науч. конф. «Россия и Хакасия: 290 лет совместного развития». – Абакан: изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 1998. – С. 14–20.

71. Красильников, С. А. Социальная типология интеллигенции в первое послеоктябрьское двадцатилетие / С. А. Красильников // Актуальные проблемы истории советской Сибири. – Новосибирск: «Наука, Сиб. отделение, 1990. – С. 169–179.

72. Кропачев, С. А. Советская пропаганда 1937–1938 годов о масштабах массовых политических репрессий / С. А. Кропачев // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Серия 1, 2011. – № 2. – С. 76–91.

73. Кузнецов, В. В. Развитие периодической печати Западной Сибири в середине XX в. / В. В. Кузнецов // Известия Алтайского гос. ун-та, 2009. – № 4-1. – С. 130–132.

74. Кулибаба, С. И. Медиапространство и трансляция духовных ценностей / В. В. Кулибаба // Медиакультура новой России: материалы Международной науч. конф. Том II / под ред. Н. Б. Кирилловой [и др.]. – Екатеринбург-М., 2007. – С. 125–134.

75. Ледяев, В. Г. Понятие интеллигенции: проблемы концептуализации / В. Г. Ледяев // Интеллигенция и мир, 2001. – №1. – С. 12–13;

76. Ледяев В. Г. Политическая власть: концептуальный анализ / В. Г. Ледяев // Управленческое консультирование, 2009. – № 4. – С. 27–45.

77. Лукинский, Ф. А. Культурно-просветительная работа в Сибири и на Дальнем Востоке накануне и в годы Великой Отечественной войны (1937–1945 гг.) / Ф. А. Лукинский // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Изд-во «Наука», 1968 – С. 354–374.

78. Малышева, Е. М. Феномен массового общественного сознания советского народа – фактор победы СССР в противоборстве с нацистской Германией / Е. М. Малышева // Народ и армия в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов: материалы Всероссийской науч. конф. 27 мая 2009 г. – М., 2009. – С. 76–84.

79. Минаева, О. Д. Публикации архивных документов советского времени. Что читать историку журналистики? / О. Д. Минаева // Вестник Моск. ун-та. – Серия 10. Журналистика, 2005. – С. 29–42.

80. Мамаева, С. Я. Художественное радиовещание в Горном Алтае в 50-60-е гг. 20 века / С. Я. Мамаева // Горный Алтай. Исторический сборник, 2007. – Вып. 11. – С. 86–89.

81. Мамаева, С. Я. К вопросу о тематике программ горно-алтайского радио в 50-60-е гг. XX в. / С. Я. Мамаева // Этносоциальные проблемы регионов Сибири: сб. статей. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2008. – С. 73–79.

82.Мамаева, С. Я. Становление и развитие регулярного радиовещания в Горном Алтае (20–60 гг. XX в) / С. Я. Мамаева // Мир Евразии, 2009. – № 3 (6). – С. 49–52.

83.Машегова, Н. В. Некоторые итоги исследований эвакуации гражданского населения, детских, лечебных, высших учебных и научных учреждений в Ойротскую автономную область в 1941–1942 годах / Н. В. Машегова // Горный Алтай в годы Великой Отечественной войны: сб. мат-в респ. науч.-историч. конф. – Горно-Алтайск, 2010. – С. 75–82.

84.Медведев, И. Ф. Из истории города Горно-Алтайска / И. Ф. Медведев // Социокультурное взаимодействие алтайского и русского народов в истории Государства Российского: труды Всеросс науч.-практ конф. (Бийск, 27-30 сент. 2006) / отв. ред. О. М. Потапчук. – Бийск: БПГУ, 2006. – С 180–184.

85.Мохов, А. Н. Дореволюционные школы в Хакасии / А. Н. Мохов // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. – Вып. XIII. Сер. историческая. – № 1.– Абакан: Хакас. отд-ние Краснояр. кн. изд-ва, 1969. – С. 68–85.

86.Мукаева, Л. Н. Горнопромышленное освоение Горного Алтая в конце XIX – начале XX в. / Л. Н. Мукаева // Вестник Томск. ун-та, 2009. – № 324. – С. 194–195.

87.Овсепян, Р. П. Отечественная журналистика была и остается многонациональной / Р. П. Овсепян // Вестник Московского университета. – Сер. 10. Журналистика, 2006. – № 4. – С. 50–64.

88.Олейников, С. В. Культурно-информационное пространство: категории и дефиниции / С. В. Олейников // Вестник СПбГУ, 2009. – Сер. 9. Вып. 3. – С. 425–431.

89.Панченко, Л. И. Периодическая печать и ее роль в развертывании социалистического соревнования в Сибири в послевоенной пятилетке / Л. И. Панченко // Из истории социалистического строительства в Сибири / ред. Л. И. Боженко. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1984. – С. 138–145.

90.Патачаков, К. М. К истории создания хакасской письменности / К. М. Патачаков // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Вып. XII. – Абакан: Краснояр. кн. изд-во, Хак. отд-е, 1966. – С. 146–150.

91.Пономарев, Б. Н. Задачи исторической науки и подготовка научно-педагогических кадров в области истории / Б. Н. Пономарев // Вестник Академии наук СССР, 1963. – № 2. – С. 3–37.

92.Пустогачева, Т. С. Хозяйственное развитие Горного Алтая во второй половине XIX – начале XX в. / Т. С. Пустогачева // Вестник. Томск. гос. ун-та, 2008. – №308. – С. 100–106.

93.Пустогачева, Т. С. История развития печати Горного Алтая в 1920–1950-е гг. / Т. С. Пустогачева, О. Ю. Черемнова // Исторический вестник, 2009. – Вып. 3. – С. 112–116.

94.Рожнёва, Ж. А. К вопросу об особенностях информационных процессов в советском обществе / Ж. А. Рожнёва // Открытое и дистанционное образование, 2003. – № 1(9). – С. 47–51.

95.Ружников, В. Н. Очерк по истории радиовещания и телевидения / В. Н. Ружников, В. Н. Козловский, А. Я. Юровский // Телевидение и радиовещание СССР. – М.: ГКТР, 1979. – С. 9–44.

96.Савчук, В. В. Российский домен медиафилософии / В. В. Савчук // Политическая концептология, 2011. – № 4. – С. 66–71.

97.Семенов, Е. Ф. Политическая пропаганда в прессе: некоторые аспекты теории и истории (1946–1964) / Е. Ф. Семенов // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: история, филология, 2009. – Т. 8. – № 1. – С. 86–91.

98.Симонова, Н. Б. Информационное пространство Сибири второй половины XIX века: особенности формирования / Н. Б. Симонова // Вестник НГУ, 2012. – Серия История, филология. – Т. 11, вып. 11: Журналистика. – С. 11–19.

99.Слезин, А. А. Рабселькоры и советское государство 1920-х годов: особенности взаимозащиты / А. А. Слезин // Право и политика, 2008. – №10. – С. 2529–2537.

100. Соловьев, В. Д. Метаморфозы современного взгляда на российскую медиаисторию: репутационные приобретения и потери / В. Д. Соловьев // Меншиковские чтения. 2011. – № 2. – С. 136–141.

101. Станько, А. И. У истоков изучения русской провинциальной журналистики / А. И. Станько // Местная и национальная печать: вопросы истории, методологии / отв. ред. Г. Э. Кучерова. – Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1983. – С. 38–56.

102. Стровский, Д. Л. Алгоритмы исследования истории журналистики / Д. Л. Стровский // 300 лет российской журналистики: материалы науч.-практ. конф. / под ред. Г. В. Жиркова. – СПб: Изд-во «Роза мира», 2003. – С. 50–54.

103. Съемщиков, Е. А. «Кызыл Солун табыш» – начало алтайской национальной периодической печати / Е. А. Съемщиков // Горный Алтай: история, современность, перспективы: материалы региональной научн. конф., Горно-Алтайск, 15-17 окт. 2003 г. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2003. – С. 143–147.

104. Тимофеева, Ф. М. Из истории социалистической культурной революции в Горном Алтае / Ф. М. Тимофеева // Культурное строительство в Сибири в 1917–1960 гг. – Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1962. – С. 170–184.

105. Тобольцева, Н. М. Журналистика первого десятилетия советской власти как инструмент тоталитарной индокринации / Н. М. Тобольцева // Неизвестные страницы отечественной журналистики. – М.: Изд-во «ВК», 2006. – С. 124–139.

106. Тугужекова, В. Н. Из истории развития промышленности Хакасии в 1945–1955 г. / В. Н. Тугужекова // Россия и Хакасия: 290 лет совместного развития: сб. мат-в респ. науч. конф. – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 1998. – С. 153–158.

107. Тузиков, А. Р. Масс-медиа: идеология видимая и невидимая / А. Р. Тузиков // Полис, 2002. – № 5. – С. 123–134.

108. Ултургашев, С. П. Из истории формирования советской интеллигенции в Хакасии / С. П. Ултургашев // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Вып. IX. – Абакан: Хакасское книжное изд-во, 1963. – С. 127–132.

109. Хабаров, П. 10 лет Советской Ойротии / П. Хабаров // Десять лет Советской Ойротии: политико-экономический сборник / под ред. Г. Чучкалова. – Улала, 1932. – С. 7–13.

110. Хронологический указатель важнейших событий в Советской Хакасии за 1917–1957 гг. / сост. К. Г. Копкоев // Записки ХакНИИЯЛИ. – Вып. VI. – Абакан: Хакасское книж. изд-во, 1958. – С. 179–190.

111. Чайковский, Д. В. Методологические аспекты формирования информационного пространства (на примере студенческой аудитории) / Д. В. Чайковский // Вестник Томского гос. ун-та, 2010. – № 336. – С. 50–54.

112. Чевалков, Н. Национальная печать к десятилетию Ойротии / Н. Чевалков, Л. Эдоков // Десять лет советской Ойротии. Политико-экономический сборник / под ред. Г. Чучкалова. – Улала: Ойротская типография «Кызыл Ойрот», 1932. – С. 97–99.

113. Чельшева, И. В. Медиареальность как новый тип социокультурного пространства / И. В. Чельшева // Инновации в образовании, 2011. – № 11. – С. 93–106.

114. Черемнова, О. Ю. Развитие периодической печати в Горном Алтае в 1922–1941 гг. / О. Ю. Черемнова // Вестник ТГУ, 2011. – № 1 (33). – С. 57–59.

115. Черемнова, О. Ю. Образование и деятельность областной газеты «Алтайдын Чолмоны» в 1922–1965 гг. / О. Ю. Черемнова // Мир Евразии, 2009. – № 2. – С. 64–66.

116. Черемнова, О. Ю. Состояние печати в Горном Алтае в 40-70-е гг. XX в. / О. Ю. Черемнова // Исторический вестник, 2010. – Вып. 4. – С. 112–115.

117. Черемнова, О. Ю. Анализ содержания периодической печати Горного Алтая в 20-30-е гг. XX века (на примере газеты «Ойротский край») / О. Ю. Черемнова // Исторический вестник, 2011. – Вып. 5. – С. 92–95.

118. Чижма, В. С. СМИ как подсистема культуры / В. С. Чижма // Омский научный вестник, 2010. – № 3 (88). – С. 254–257.
119. Шафир, Я. М. Изучение типического читателя / Я. М. Шафир // Книгоноша, 1924. – № 46. – С. 2–3.
120. Шафир, Я. Познай своего читателя / Я. М. Шафир // Красная печать, 1929. – № 36. – С. 23–26.
121. Шевцов, К. П. Медиаархив как форма присутствия прошлого / К. П. Шевцов // Международный журнал исследований культуры. – 2011. – № 3. – С. 29–33.
122. Шишкин, В. И. Вооруженное сопротивление сибирского крестьянства коммунистическому режиму в начале 1920-х годов / В. И. Шишкин // История сталинизма: крестьянство и власть. Материалы Международной науч. конф.: Екатеринбург, 29 сентября – 2 октября 2010 г. – М.: РОССПЭН, 2011. – С. 129–142.
123. Юдин, И. В. Информационное пространство и трансляция культурных ценностей в современной России / И. В. Юдин // Власть, 2009. – № 6. – С. 48–50.
124. Юровский, А. Я. Первые шаги. К истории возникновения телевидения в Советском Союзе / А. Я. Юровский // Проблемы телевидения и радио, 1971. – Вып. 2. – С. 95–108.
125. Ябыштаев, Т. С. От национального движения алтайцев к образованию республики Алтай / Т. С. Ябыштаев // История и современность республики Алтай: материалы республиканской науч.-историч. конф. – Горно-Алтайск, 2012. – С. 11–15.
126. Яковлева, М. А. Пропаганда как одно из слагаемых Победы (по материалам газеты «Красная Ойротия») / М. А. Яковлева // Горный Алтай в годы Великой Отечественной войны: сб. материалов республиканской науч.-историч. конф. – Горно-Алтайск, 2010. – С. 92–95.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1**Тиражи русскоязычных и национальных газет Горного Алтая и Хакасии
в 1931–1941 гг.**

Газета \ Год	«Красная Ойротия»	«Советская Хакасия»	«Кызыл Ойрот»	«Хызыл аал»
1931	2950	5350	1140-2100	4000-4320
1932	3330	5070	1630–1910	1600-2000
1933	3870	6370	1270-1750	1900
1934	4100-4550	7000	2060-2270	1500
1935	5720	5800-6200	-	-
1936	7058	5300-5720	-	-
1937	6880-8650	4370-5390	-	-
1 пол. 1941	9500	10000	-	2500

Примечания:

1. Таблица составлена на основании сведений о тираже, указанных в выходных данных изданий.
2. Тираж издания в течение года не оставался постоянным. Тираж выпуска мог зависеть от количества подписчиков, важности размещенной в данном номере информации. Увеличенным тиражом могли выходить вдвоенные номера, а также юбилейные выпуски. Колебания тиража показаны от наименьшего до наибольшего за год.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Тиражи газет Хакасии и Горного Алтая в годы Великой Отечественной войны

№ п\п	Название издания	1940 г.	апрель 1942 г.	май 1943 г.	май 1945 г.
Хакасия					
1.	«Советская Хакасия»	10000	8500	7650	7600
2.	«Хызыл аал»	4000	2000	2000	1800
3.	«Шахтер» (г. Черногорск)	3000	1800	1200	1575
4.	«Саралинский горняк» (Саралинский район)	3000	1800	1125	-
5.	«Знамя Советов» (Ширинский район)	2500	2250	1350	-
6.	«Большевицкий путь» (Боградский район)	1500	1200	1000	900
7.	«Таштыпский колхозник» (Таштыпский район)	1500	1200	1000	900
8.	«Ударник» (Аскийский район)	1500	1200	1200	-
9.	«Сталинское знамя» (Бейский район)	1500	1200	1000	900
Ойротия					
10.	«Красная Ойротия»	9500	8000	4000	3500
11	«Кызыл Ойрот»	4500	4000	2000	2000
12	«Зарево коммунизма» (Чойский аймак)	1500	1300	закрыта	закрыта
13	«За социализм» (Турочакский аймак)	-	1800	закрыта	закрыта
14	«Ойротский охотник» (Улаганский аймак)	2000	1300	700	650
15	«Дьяны Дьол» (Кош-Агачский аймак)	1500	1300	1300	1300
16	«Знамя Ленина» (Усть-Коксинский аймак)	2000	1800	1700	1750
17	«Колхозтор Учун» (Усть-Канский аймак)	-	1800	закрыта	закрыта
18	«За коммунизм» (Онгудайский аймак)	-	1500	закрыта	-
19	«Сталинец» (Шебалинский аймак)	-	1500	закрыта	закрыта
20	«Стахановец полей» (Эликмонарский аймак)	-	1500	закрыта	закрыта